

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А.А. ТИБИЛОВА»
Республика Южная Осетия-Государство Алания, Цхинвал

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ

ТИБИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы

I Международной научно-практической конференции,
приуроченной ко дню рождения
одного из основателей университета, просветителя,
ученого, видного общественного деятеля
Александра Арсеновича Тибилова

Владикавказ
2024

ББК 81

Т 39 **Тибилловские чтения:** Материалы I Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Владикавказ: ИПЦ Сев. Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2024. – 658 с. 6,06 Мб.: 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-8336-1106-7

Главный редактор

к. т. н., проф., ректор ЮОГУ им. А.А. Тибилова, РЮО-ГА
Тедеев В. Б.

Ответственные редакторы:

к. ф. н., доцент кафедры английского языка ЮОГУ им. А.А. Тибилова, РЮО-ГА **Бекоева И. Д.;**
д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания СОИГСИ ВНЦ РАН
Бесолова Е. Б.

Сборник научных трудов составлен по материалам I Международной научно-практической конференции «ТИБИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ», приуроченной ко дню рождения одного из основателей Юго-Осетинского государственного университета, просветителя, ученого, общественного деятеля Александра Арсеновича Тибилова. Конференция проходила в г. Цхинвал 29 марта 2024 года на базе Юго-Осетинского государственного университета (ЮОГУ).

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы сохранения и развития миноритарных языков в условиях всеобщей глобализации, проблемы методики преподавания иностранных языков и модернизации методики преподавания родного языка, вопросы лингвистических и лингвокультурологических исследований.

Материалы могут представлять интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для тех, кто интересуется лингвистикой, лингводидактикой, вопросами диалога культур, адекватности перевода, межкультурной коммуникации и билингвизма.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитирования, точность ссылок, достоверность фактов несут авторы материалов.

Минимальные системные требования:

- операционная система Windows 2000/XP/Vista/7/8/10
- ОЗУ 256 Мб
- разрешение экрана 1024x768 с глубиной цвета 24 бит
- CD-ROM
- Adobe Acrobat Reader
- 6,06 Мб. свободного места на жестком диске

ББК 81

© Издательско-полиграфический центр
Северо-Осетинского государственного
университета имени К. Л. Хетагурова, 2024

ISBN 978-5-8336-1106-7

**СВЕДЕНИЯ О ПРОГРАММНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ,
КОТОРОЕ ИСПОЛЬЗОВАНО ДЛЯ СОЗДАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ:**

При создании сборника были использованы Web-технологии:
HTML, JavaScript, PHP, XML

**СВЕДЕНИЯ О ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ:**

Техническая обработка **М. А. Гокнаева**
Оригинал-макет подготовила **Е. В. Осипова**

Дата подписания к использованию 02.09.2024.
Тираж 300 экз. Заказ № 12.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

362025, Республика Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Тедеев В. Б., к. тех. наук, профессор, ректор ЮОГУ им. А. А. Тибилова, РЮО-ГА.

Ответственные редакторы:

Бекоева И. Д., к. филол. н., доцент кафедры английского языка ЮОГУ им. А. А. Тибилова, РЮО-ГА.

Бесолова Е. Б., д. филол. н., профессор, главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания СОИГСИ ВНЦ РАН, РФ.

Члены редакционной коллегии:

Абаева Е. С., д. филол. н., профессор, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, РФ.

Агрба Л. А., к. филол. н., доцент кафедры английского и немецкого языков Абхазского Государственного Университета, Республика Абхазия.

Алиева Х. М., к. филол. н., директор Центра исследования литератур народов Дагестана ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», РФ.

Баликова М. И., к. пед. н., заведующая кафедрой иностранных языков СКГМИ (ГТУ), РФ.

Бхатнагар Мину, к. филол. н., доцент университета им. Джавахарлала Неру, член президиума МАПРЯЛ, Генеральный секретарь ИНДАПРЯЛ (Индийская ассоциация преподавателей русского языка и литературы), Нью-Дели, Индия.

Джиоева В. П., к. филол. н., доцент, доцент кафедры английского языка ЮОГУ им. А.А. Тибилова.

Дзуганова Л. М., к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков КБГУ им. Х.М. Бербекова, РФ.

Левицкий А. Э., д. филол. н., профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, РФ.

Лось А. Л., к. филол. н., доцент, заместитель директора Института лингвистического и педагогического образования по научной и научно-методической работе, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Институт лингвистического и педагогического образования, Москва, РФ.

Луговская Е. Г., к. филол. н., доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье.

Калиущенко В. Д., д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой германской филологии ДонГУ.

Карсанова Е. В., к. филол. н., доцент кафедры английского языка СОГУ им. К. Л. Хетагурова, РФ.

Петрищева Е. И., к. филол. н., старший преподаватель кафедры германской филологии ДонГУ, ДНР, РФ.

Саттарова Р. В., к. филол. н., доцент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», РФ.

Технический редактор – Бестаева Е. Г., старший лаборант кафедры английского языка ЮОГУ им. А. А. Тибилова, РЮО-ГА.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ А. Э. ГАГЛОЕВА	16
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС РЕКТОРА ЮГО-ОСЕТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. А. ТИБИЛОВА В. Б. ТЕДЕЕВА	18
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС РЕКТОРА СКГМИ (ГТУ) Д. А. КАМБОЛОВА	21
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС РЕКТОРА СОГУ ИМ. К. Л. ХЕТАГУРОВА А. У. ОГОЕВА	23

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ЦХОВРЕБОВА М. В. <i>Языковая ситуация и правовой статус осетинского языка в Республике Южная Осетия.</i> / TSKHOVREBOVA M. V. <i>The linguistic situation in the Republic of South Ossetia and the legal status of the Ossetian language</i>	24
БАЛИКOEVA M. I., БЕКОEVA I. D. <i>Cultural and Linguistic Characteristics of Gratitude in the Ossetic Language.</i> / БАЛИКOEVA M. I., БЕКОEVA I. D. <i>Лингвокультурологические особенности выражения благодарности в осетинском языке</i>	34
БЕСОЛТЫ ЕЛЕНАЕ. <i>“Æцæггæлон æвзагыл адæймаг зонды мæсыг нæ самайдзæн...”</i> / БЕСОЛОВА Е. Б. <i>«На чужом языке башню мудрости не построишь...»</i>	38
АБАЕВА Е. С. <i>Формирование профессионального переводческого билингвизма.</i> / АБАЕВА Е. С. <i>Bilingualism as a professional skill of a translator: teaching experience</i>	50

СЕКЦИЯ 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ЭПОХУ ВСЕОБЩЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Секция 1 а) Новые подходы к преподаванию миноритарных языков как фактор их развития и популяризации

RAJDEEP CHAUDHARY. <i>A comparative study of Indian and Soviet children's literature and its Role in enriching Children's literature of India.</i> / РАДЖДИП ЧАУДХАРИ. <i>Сравнительное исследование индийской и советской детской литературы и роль переводов в развитии детской литературы Индии</i>	58
--	----

БЕСТАЕВА З. З., МОУРАОВА З. Х. <i>Реализация регионального компонента Федеральной образовательной программы дошкольного образования в РСО-Алания.</i> / BESTAEVA Z. Z., MOURAOVA Z. KH. <i>Implementation of the regional component of the Federal educational program for preschool education in North Ossetia-Alania</i>	64
БТЕМИРОВ Т. М. <i>Об одном случае фонетической интерференции при изучении осетинского языка.</i> / BTEMIROV T. M. <i>On one case of phonetic interference when studying the Ossetian language</i>	73
ДЗАМПАЕВА Л. Г. <i>Коммуникативные компетенции при обучении осетинскому языку в условиях поликультурного образования.</i> / DZAMPAEVA L. G. <i>Communicative competencies in teaching the Ossetian language in the context of multicultural education</i>	89
КУЧИЕВА Л. А. <i>К вопросу специфики формирования лингвистического мышления в условиях полилингвальной модели поликультурного образования.</i> / KUCHIEVA L. A. <i>To the question of the specifics of the formation of linguistic thinking in conditions of polylingualmulticultural education model</i>	96
МАЙРАМУКАЕВА Ф. А. <i>Технология развития критического мышления на уроках осетинского языка и в подготовке учителя.</i> / MAIRAMUKAEVA F. A. <i>Technology for developing critical thinking in the Ossetian language classes and in teacher training</i>	108
Секция 1 б) Проблемы терминоведения (расширение терминосистемы, составления отраслевых терминологических словарей)	
АБРЕГОВА А. В. <i>Метафора в терминологии англоязычной дентальной имплантологии.</i> / ABREGOVA A. V. <i>Metaphor in the terminology of English-speaking dental implantology</i>	113
АСАНОВА М. С., МУКОВА М. Н., ХУТОВА Е. Р. <i>К вопросу семантизации термина в отраслевых словарях.</i> / MUKOVA M. N., KHUTOVA E. R., ASANOVA M. S. <i>On the issue of term semantization in industry dictionaries</i>	127
ДЖИОЕВА В. П., БУКУЛОВА В. М. <i>The language of financial and economic spheres (translation aspect).</i> / ДЖИОЕВА В.П., БУКУЛОВА В.М. <i>Язык финансово-экономической сферы (аспекты перевода)</i>	134
МОРГОЕВА Л. Б. <i>Современные тенденции формирования терминосистем на осетинском языке.</i> / MORGOEVA L.B. <i>Modern trends in the formation of terminological systems in Ossetian language</i>	142

Секция 1 в) Проблемы перевода фильмов, художественной, научной и публицистической литературы на национальные языки	
AGRBA L. A., DZUGANOVA L. M., BEKOEVA I. D. <i>Pejorative toponyms in political media discourse and their translation.</i> / АГРБА Л.А., ДЗУГАНОВА Л.М., БЕКОЕВА И.Д. <i>Пейоративные топонимы в политическом медиадискурсе и их перевод</i>	150
АЛИЕВА Х. М. <i>О переводе элегий Расула Гамзатова на русский язык.</i> / ALIEVA KH. M. <i>On the translation of Rasul Gamzatov's elegies into Russian</i>	161
БОЗИЕВ А. Т. <i>Компьютерный перевод субстантивных атрибутивных цепочек в юридическом тексте.</i> / BOZIEV A. T. <i>Computer translation of substantive attributive chains in a legal text</i>	168
БОЦИЕВА Ф.А. <i>Проблема передачи особенностей национальной специфики оригинала (на примере перевода на осетинский язык стихотворения А. С. Пушкина «Я Вас любил»).</i> / BOTSIEVA F. A. <i>The problem of conveying the peculiarities of the national specificity of the original (using the example of the translation into Ossetian of A. S. Pushkin's poem "I loved you")</i>	177
ВАЛИЕВА М. Д. С. А. <i>Есенин в осетинских переводах.</i> / VALIEVA M. D. S. A. <i>Esenin in Ossetian translations</i>	187
ГУТИЕВА Э. Т. <i>Поэтическое завещание Коста: «Ныстуан» на английском языке.</i> / GUTIEVA E. T. <i>Kosta's poetic testament: «Nystuan» in English</i>	193
КУДЗОЕВА А. Ф. <i>Синтаксические нормы осетинского языка в переводе Священного Писания.</i> / KUDZOEVA A.F. <i>Syntactic norms of the Ossetian language in the translation of the Holy Scriptures</i>	203
РИШИКА КАТЯЯН. <i>Когнитивные и лингвокультурные аспекты перевода русской детской литературы на Хинди.</i> / HRISHIKA KATYAYAN. <i>Cognitive and lingo-cultural aspects of translation of Russian children's literature into Hindi</i>	212
СЛАНОВА М. А. <i>Несогласованные определения в русском языке и их соответствия в осетинском.</i> / SLANOVA M. A. <i>Inconsistent attributes in the Russian language and their correspondence in Ossetian</i>	216

Секция 1 г) Общие проблемы сохранения
и развития миноритарных языков и культур
в эпоху всеобщей глобализации
(студенты, бакалавры, магистранты, аспиранты)

- БАГАЕВА А. А. *Анализ оппозиционных концептов Хуыцау / Хæйрæг в осетинской лингвокультуре (на материале паремий)*. / BAGAEVA A.A. *The analysis of the oppositional concepts in the Ossetian cultural linguistics (on the basis of proverbs and sayings)* 224
- ДЗАРАСОВ В. С. *Лингвостилистические особенности перевода немецкого поэтического текста на осетинский язык (на материале стихотворения М. Калеко)*. / DZARASOV V.S. *Linguistic and stylistic features of the translation of the German poetic text into the Ossetian language (based on M. Kaleko's poem)* 233
- КОКОЕВА А. Ф. *Метафора как средство суггестивного воздействия в президентском политическом дискурсе (на материале последних выступлений В. В. Путина)*. / КОКОЕВА А. Ф. *Metaphor as a means of suggestive influence in presidential political discourse (based on the latest speeches by V.V. Putin)* 240
- КОКОЕВА А. Ф. *Функциональный потенциал когнитивной метафоры*. / КОКОЕВА А. Ф. *Functional potential of cognitive metaphor* 247
- ТАДТАЕВА И. А. *Some peculiarities of the antroponymisation mechanism in the English and Ossetian languages*. / ТАДТАЕВА И. А. *Некоторые особенности антропонимизации в английском и осетинском языках* 255
- ТАДТАЕВА И. А. *Internally motivated nicknames in English. Mechanisms of formation*. / ТАДТАЕВА И. А. *Внутренне мотивированные прозвища в английском языке. Механизмы образования* 264
- ДЖАТИЕВА Ж. М. *Лингвокультурологическая точность в поэтическом переводе сборника «Ирон фæндыр» К.Л. Хетагурова на английский язык*. / DZHATIEVA ZH. M. *Linguistic and Cultural Accuracy in the Poetic Translation of the Collection "Iron Fændyr" by Kosta Khetagurov into English* 271
- КОСТАШ Л. Л., НАКОНЕЧНАЯ Ю. А. *Лексические трансформации в аудиовизуальном переводе*. / KOSTASH L. L., NAKONECHNAYA YU. A. *Lexical transformations in audiovisual translation* 287

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА
И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Секция 2 а) Проблемы и перспективы транслингвальных и
транскультурных контактов

- БАГОМЕДОВ М. Р. *Ономастический фольклор в этнокультуре народов полиэтнического региона.* / BAGOMEDOV M. R. *Onomastic folklore in the ethnoculture of the peoples of a multiethnic region* 296
- ГАССИТЫ Н.К. ТЫБЫЛТЫ И.Д. *Æмбарынæдтæ нæлгоймаг 'мужчина' æмæ сългоймаг 'женщина' уырыссаг æмæ ирон лингвокультурологийы (уырыссаг æмæ ирон æмбисæндты бындурыл).* / ГАССИЕВА Н.К., ТИБИЛОВА И.Д. *Особенности концептов «мужчина» и «женщина» в русской и осетинской лингвокультурах (на примере пословиц)* 303
- КАРИМОВА Р. Х., ГАББАСОВА Г. З. *Семантика цветокомпонента «черный» в немецкой и татарской фразеологии.* / KARIMOVA R. KH., GABBASOVA G. Z. *Semantics of the color component "black" in German and Tatar phraseology* 313
- КАРСАНОВА Е. В. *Единство лингвистического и культурологического подходов при обучении английскому языку как иностранному.* / KARSANOVA E. V. *The unanimity of linguistic and cultural approaches while teaching English as a foreign language* 320
- КОЗЛОВА Ю. Г., СИРАЗЕТДИНОВА Р. Н. *Типологические исследования произносительной стороны речи в рамках русско-английского билингвизма.* / KOZLOVA JU. G., SIRAZETDINOVA R. N. *Typological studies of the pronounceable side of speech within the framework of Russian-English bilingualism* 327
- КОКОЕВА Л. Н. *Популяризация русского языка, литературы и культуры в ситуации мультилингвизма (билингвизма) на материале анализа функционирования Русского центра Фонда «Русский мир» на базе ЮОГУ.* / KOKOEVA L. N. *Russian Russian language, literature and culture popularization in the situation of multilingualism (bilingualism) based on the analysis of the functioning of the Russian Center of the Russkiy Mir Foundation on the basis of the A. Tibilov South Ossetian State University* 333
- ЛОСЬ А. Л. *Изменение семантического кода как транслингвальное явление на примере русской и английской перцептивной лексики.* / LOS' A. L. *The code variation as translilingual phenomenon by the example of Russian and English perceptive words* 338

LUGOVSKAYA E. G. <i>Translingualism as an essential characteristic of Human loquens unique linguistic ability.</i> / ЛУГОВСКАЯ Е. Г. <i>Транслингвальность как сущностное свойство языковой способности Человека говорящего</i>	345
ТИБИЛОВА И. Д. <i>Сложные окказиональные образования как способ формирования индивидуально-авторского стиля (на материале произведений Т. Хаджеты).</i> / TIBILOVA I. D. <i>Complex occasional formations as a way of forming an individual author's style (based on the works of T. Khadzhetā)</i>	352
Секция 2 б) Типологические исследования национально-русского билингвизма	
БОРУКАЕВА З. Г. <i>Языковое развитие в билингвизме русского и Северо-Кавказских языков.</i> / BORUKAEVA Z. G. <i>Linguistic development in the bilingualism of the Russian and North Caucasian languages</i>	363
ГАГЛОЕВА Э. Х. <i>Переключение кодов в интернет-дискурсе (на материале югоосетинских телеграм-каналов).</i> / GAGLOEVA E. KH. <i>Code-Switching in the Internet-Discourse (based on material from South Ossetian telegram channels)</i>	374
МУГУМОВА А. Л. <i>Из истории развития языковой ситуации в Республике Дагестан (первая четверть XXI века): суждения и оценки.</i> / MUGUMOVA A. L. <i>From the history of the development of the linguistic situation in the republic of dagestan (the first quarter of the XXI century): judgments and assessments</i>	381
Секция 2 в) Психолингвистические, лингвокультурные, социолингвистические аспекты национально-русского билингвизма	
ДЖИОТИ КУМАРИ. <i>Анализ перевода лексико-семантической группы глаголов «понимание» с русского языка на хинди (на основе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»).</i> / JYOTI KUMARI. <i>Analysis of translation of lexical-semantic Group of verbs "understanding" from Russian into Hindi (based on the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky)</i>	386
ДЖИОЕВА В. П. <i>Сложные наименования одежды в осетинском языке.</i> / DZHIOEVA VARVILINA P. <i>Complex names of articles of clothing in the Ossetian language</i>	398
DZHIOEVA V. P. <i>Names of items of clothing as a marker of the ethno-language picture of the world.</i> / ДЖИОЕВА В.П. <i>Наименования одежды как маркер этнолингвистической картины мира</i>	406

БЕКОВА И.Д., ДЗУГАНОВА Л.М. <i>Nominative field of the concept фæндаг/ fændag 'road'/ 'way'. / БЕКОВА И.Д., ДЗУГАНОВА Л.М. Номинативное поле концепта фæндаг/ fændag 'road'/ 'way' .....</i>	412
ДЗУГАНОВА Л. М., ЖУРТОВА А. З. <i>Репрезентация концепта родина в русской и адыгской лингвокультурах. / DZUGANOVA L. M, ZHURTOVA A. Z. Representation of the concept of "motherland" in the Russian and Adyghe linguocultures .....</i>	418
КОЧИЕВА Д. А. <i>Концепт страх в осетинских и английских ФЕ. / KOCHIEVA D. A. The concept of "fear" in Ossetian and English idioms ...</i>	432
ФАРДЗИНОВА М. Д. <i>Лингвокультурный аспект в изучении поэтических стихотворений русских и осетинских авторов (на основе стихотворения Таймураза Хаджеты «Бог» и Сергея Есенина «Мне осталась одна забава...»). / FARDZINOVA M. D. The linguistic and cultural aspect in the study of poetic texts in high school (using the example of the poem by Timuraz Khadzhetta "God" and Sergei Yesenin "I have only one fun left...") .....</i>	441
ЦЕЕВА З. А. <i>Особенности репрезентации антропологических признаков зоонимов в кабардино-черкесских фразеологизмах и паремиях. / CEEVA Z. Specificity of the representation of anthropological features of zoonyms in Kabardino-Circassian phraseological units and paremiias .....</i>	457
ШОРОВА М. Б., АБАЗОВА К. В. <i>Особенности становления когнитивной сферы билингов. / SHOROVA M. B., ABAZOVA K. V. Features of the development of the cognitive sphere of bilinguals .....</i>	464
 СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ	
АБЗГИЛЬДИНА А. А., МАТВЕЕВА Н. В. <i>Лексико-стилистические особенности англоязычного рекламного текста детских товаров. / ABZGILDINA A. A., MATVEEVA N. V. Lexical stylistic specifics of English advertising text of children's products .....</i>	470
БАЙБАКОВА Э. Ф., ЗАЙЦЕВА Ю. С. <i>Структурно-семантический анализ лексико-тематической группы «предметы интерьера» в английском языке. / BAIBAKOVA E. F., ZAITSEVA Y. S. Structural and semantic analysis of the lexical and thematic group "interior items" in the English language .....</i>	477

БОЛОТОВА Е. В., ДАВЛЕТБАЕВА Л. А. Структурная характеристика неологизмов английского языка в политической сфере. / BOLOTOVA E. V., DAVLETBAEVA L. A. Structural characteristics of English neologisms in the political sphere	484
БОЛОТОВА Е. В., ЛЯТЫЧЕВСКАЯ В. Ю. Синонимия и антонимия как средства выражения юмора в работах Терри Пратчетта. / BOLOTOVA E. V., LJATYCHEVSKAJA V. Y. Synonymy and antonymy as means of expressing humor in the Terry Pratchett's works	493
ГАЙСИНА Г. М., ЗАЙЦЕВА Ю. С. Антропонимическая система романа Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». / GAISINA G. M., ZAITSEVA Y. S. Anthroponymic system of J.K. Rowling's novel "Harry Potter and the Philosopher's stone"	502
ЖИГАЛОВА Я. И., МАТВЕЕВА Н. В. Феномен билингвизма В. В. Набокова на примере писем к Вере. / ZHIGALOVA Y. I., MATVEEVA N. V. The phenomenon of V.V. Nabokov's bilingualism on the example of letters to Vera	509
ИМАНГУЛОВА Э. В., ХАБИБУЛЛИНА О. А. Лексические средства, направленные на создание образа товара в англоязычном рекламном тексте. / IMANGULOVA E. V., KHABIBULLINA O. A. Lexical means aimed at creating a product image in english advertising text	518
KUSAEVA E. E. On the Precedence in Detective Discourse. / КУСАЕВА Е. Э. К вопросу о прецедентности в детективном дискурсе	526
ЛИПАЕВА Л. С. Роль компетенции как фактор реализации информативной цели говорящего (на примере художественной литературы). / LIPAeva L. S. The role of competence in the process of implementation of the informative purpose of the speaker (in the example of fiction)	535
МАСЯГУТОВА А. И., ШАЙХУТДИНОВА Т. Н. Неологизмы в медицине: семантические особенности новых терминов во время коронавируса. / MASYAGUTOVA A. I. SHAYKHUTDINOVA T. N. Neologisms in medicine: semantic features of new terms during coronavirus	544
МЕЛЕХИНА А. А., ХАБИБУЛЛИНА О. А. Лексические особенности гендерно-ориентированных английских рекламных текстов. / MELEKHINA A. A., KHABIBULLINA O. A. Lexical features of gender-oriented English advertising texts	551

ПЕТРИЩЕВА Е. И. Структурно-семантические особенности лексических единиц, номинирующих внешнюю красоту в разговорном сегменте немецкого и русского языков. / PETRISHCHEVA E. I. <i>Structural and semantic features of lexical elements nominating external beauty in spoken German and Russian languages</i>	561
САКОВА А. А. САТТАРОВА Р. В. Эвфемизация в современном британском медийном дискурсе (на материале газеты "The Guardian"). / SAKOVA A.A., SATTAROVA R. V. <i>Euphemisation in modern British media discourse (based on articles in "The Guardian")</i>	570
САТТАРОВА Р. В. Моделирование современного политического дискурса Великобритании (на материале речей С. Браверман и П. Мордаунт на конференции Консервативной партии 2023 г.). / SATTAROVA R. V. <i>The UK modern political discourse modelling (based on S. Braverman's and P. Mordaunt's speeches on the Conservative Party Conference in 2023)</i>	577
СЕМЕНДЯЕВА Ю. Ю., НИКИТИНА О. В. Фразовые глаголы в английском художественном тексте и их интерпретация в русском языке. / SEMENDYAEVA YU. YU., NIKITINA O. V. <i>Phrasal verbs in english literary text and their interpretation in the Russian language</i>	589
СЕМЕНДЯЕВА Ю. Ю. Эмотивный компонент сравнения в современной английской прозе. / SEMENDYAEVA YU. YU. <i>Emotional component of simile in modern English prose</i>	595
СЛЕПНЕВА С. А., МАТВЕЕВА Н. В. Синтаксические особенности англоязычного рекламного текста детских товаров. / SLEPNEVA S. A., MATVEEVA N. V. <i>Syntactic features of the English-language advertising text of children's goods</i>	601
ХАМЗИН Т. Р., ЗАЙЦЕВА Ю. С. Структурно-семантические особенности языка коммуникации на английском языке в компьютерных играх. / KHAMZIN T., R. ZAITSEVA Y. S. <i>Structural and semantic features of the language of communication in English in computer games</i>	610
ТЕРАШВИЛИ Т. А. Языковые средства манипулирования в зарубежных медиатекстах. / TERASHVILI T. A. <i>Linguistic means of manipulating in foreign mass media</i>	617
ХАБИБУЛЛИНА О. А., БАДРЕТДИНОВА В. Р. Номинативный потенциал понятия «мужчина» в английском языке (диахронический аспект). / KHABIBULLINA O. A., BADRETДИNOVA V. R. <i>Nominative potential of the concept "man" in English (diachronic aspect)</i>	622

ЦХОВРЕБОВА Л. З. <i>Лекция с заранее запланированными ошибками как одна из активных форм контекстного обучения.</i> / TSKHOVREBOVA L. Z. <i>Lecture with pre-planned errors as one of the active forms of contextual learning</i>	632
ЧЕХОЕВА Т. С. <i>Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов французской компьютерной терминологии.</i> / CHEKHOEVA T. S. <i>Structural and semantic features of multicomponent terms in French computer terminology</i>	641
ЧИРКУНОВА С. А., ШАЙХУТДИНОВА Т. Н. <i>Словообразования медицинских неологизмов периода пандемии Covid-19 в он-лайн публикациях на английском языке.</i> / CHIRKUNOVA S. A., SHAYKHUTDINOVA T. N. <i>Word formation of medical neologisms during the Covid-19 pandemic in online publications</i>	651

**ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
А.Э. ГАГЛОЕВА
УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ I МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТИБИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать организаторов, участников и гостей I Международной научно-практической конференции «Тибилловские чтения», приуроченной ко дню рождения одного из основателей университета, просветителя, ученого, видного общественного деятеля Александра Арсеновича Тибилова.

Научная и общественная значимость сегодняшней Конференции определяется самой повесткой конференции и обращением к памяти выдающегося ученого и просветителя.

Александр Арсенович Тибиллов – один из ярчайших представителей национальной интеллигенции, талантливый ученый, крупный общественный деятель, создатель, борец за свободу осетинского народа. По инициативе А. Тибилова в 1918 г. состоялось открытие первой гимназии в Южной Осетии, а позднее – педагогического техникума. Он был одним из основателей журналов «Фидиуæг», «Æххуыс ахуыргæнагæн», газеты «Хурзæрин». Александр Тибиллов стал создателем открывшегося 1 января 1932 г. югоосетинского высшего учебного заведения. Тибиллов Александр Арсенович уникальная личность, и о нем обязаны знать и помнить поколения. Заслуги Александра Арсеновича в развитии осетинского языка и в целом осетиноведения неопределимы. Большой вклад внес Александр Арсенович в создание Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Сегодня Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова по праву называют кузницей национальных кадров.

Убежден, что посвященная памяти Александра Тибилова I Международная научно-практическая конференция станет важным научным событием, придаст новый импульс исследовательской работе, а доклады и выступления участников внесут вклад в развитие осетиноведения и кавказоведения в целом.

Желаю конференции успешной работы и плодотворных результатов, а ее организаторам, участникам и гостям – крепкого здоровья, новых достижений в исследовательской работе и всего самого доброго.

Президент
Республики Южная Осетия
А. Э. Гаглоев

*Цхинвал,
29 марта 2024 года*

**ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС
РЕКТОРА ЮГО-ОСЕТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.А. ТИБИЛОВА
В.Б. ТЕДЕЕВА
УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ I МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТИБИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Уважаемые участники конференции, уважаемые гости!

Юго-Осетинский государственный университет является одним из старейших на Кавказе, и именно Александр Арсенович Тибиллов был основателем высшей школы в Южной Осетии, и то, что мы открываем сегодняшнее мероприятие, новый ежегодный проект «Тибилловские чтения» – это похвально. Хотелось бы выразить благодарность организаторам конференции, прежде всего, декану факультета русской филологии, международной журналистики и иностранных языков Ирине Давидовне Бекоевой за инициативу проведения сегодняшнего научно-практического мероприятия, собравшего 106 представителей пяти стран, семи регионов Российской Федерации, восемнадцати университетов и трех колледжей.

Я бы хотел особое внимание обратить на широкую географию сегодняшней конференции. Здесь и наши партнеры из Российской Федерации – это Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Дагестан, Башкирия, Республики Донбасса, наши братья из Абхазии, Приднестровской Молдавской Республики, есть представители университетов Москвы и Санкт-Петербурга. Хотелось бы немного задержаться на наших партнерах. С начала событий 2014-го года мы особое внимание уделяли сотрудничеству с республиками Донбасса, и у нас выработались прекрасные дружеские и рабочие отношения с Донецким национальным университетом, сегодня это уже Донецкий государственный университет. У нас сложились прочные коллегиальные

отношения с ректором ДонГУ Светланой Владимировной Беспаловой. Отдельную благодарность я хотел бы выразить доктору филологических наук, профессору Владимиру Дмитриевичу Калиущенко, научному руководителю наших двух сотрудников, которые достойно защитили диссертации в стенах Донецкого национального университета в 2022 г.

Не могу не высказать слова благодарности и в адрес участников из Приднестровской Молдавской республики. У нас изначально сложились прекрасные отношения с президентом Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко Степаном Иордановичем Берилом, и сегодня мы поддерживаем самые тесные отношения с этим университетом. Хотелось бы также отметить Кабардино-Балкарский университет. Многие сотрудники ЮОГУ являются выпускниками этого высшего образовательного заведения, в том числе и сама Ирина Давидовна Бекоева.

Хочется подчеркнуть, что Юго-Осетинский государственный университет придает огромное значение международной деятельности, и не только в контексте заключения договоров о сотрудничестве с российскими ВУЗами, но и с ВУЗами республик бывшего Советского Союза, с ВУЗами дальнего зарубежья.

В декабре 2023 г. мы подписали соглашение с университетом Алеппо Сирийской Арабской республики. Я убежден, что этот список будет расширяться, и мы будем сотрудничать не только с теми ВУЗами, страны которых признали независимость Южной Осетии, а я хотел бы напомнить, что независимость Южной Осетии признали шесть стран-членов Организации Объединенных Наций, и в их числе Сирийская Арабская республика.

Сегодня среди участников конференции есть представители трех университетов Республики Индия – университета имени Джавахарлала Неру (Нью-Дели), Национального открытого университета им. Индиры Ганди (Нью-Дели) и государственного университета в Тируванантапураме, столице штата Керала Индии. Я бы хотел, чтобы мы не ждали признания независимости Южной Осетии со стороны Республики Индия, хотя я уверен, что в скором будущем это и произойдет. Я бы хо-

тел, чтобы мы, не дожидаясь признания, уже подписали соглашение с университетом имени Джавахарлала Неру. Я бы попросил участников из Индии передать мои слова ректору данного высшего учебного заведения, с тем, чтобы подобная возможность была рассмотрена. Мы народ гостеприимный, можно будет встретиться на территории Республики Южная Осетия или выбрать какую-то другую площадку, но подписать соглашение с одним из ведущих университетов мира мы обязаны. В заключение еще раз хотел бы выразить слова благодарности тем участникам, в первую очередь, которые приехали к нам в Республику Южная Осетия и посетили наш университет.

Всем спасибо! Желаю участникам форума плодотворной работы и удачных выступлений.

Ректор Юго-Осетинского государственного
университета им. А.А. Тибилова
В.Б. Тедеев

*Цхинвал,
29 марта 2024 года*

**ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС
РЕКТОРА СКГМИ (ГТУ)
Д. А. КАМБОЛОВА
УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ I МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТИБИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Дорогие друзья!

Я рад приветствовать вас на I Международной научно-практической конференции «Тибилловские чтения», проходящей в стенах Юго-Осетинского государственного университета.

Данная конференция объединила лингвистов, педагогов и студентов разных степеней образования в желании поделиться своими научными изысканиями и результатами исследований в сфере лингвистических и лингвокультурологических исследований. Проведение данной конференции является свидетельством профессиональной заинтересованности, глубокого погружения в исследовательский процесс и широкого кругозора наших коллег из разных стран.

Проблема сохранности и функциональности миноритарных языков является актуальной в современном мире. Процессы глобализации, ассимиляции, урбанизации в значительной мере отрицательно воздействуют на степень сохранности этнической культуры национальных меньшинств во многих странах мира. В настоящее время глобализация является одним из главных процессов развития общества и охватывает все сферы жизнедеятельности человека: экономику, политику, социальные сферы, культуру и языки. Многие ученые, признавая объективность процесса глобализации и оценивая его положительные стороны, выражают свои опасения относительно результатов данного процесса в области культуры. Эти опасения в значительной степени связаны с проблемой духовной жизни общества, прежде всего с сохранением родных языков, национально-культурной самобытности современных народов.

О реальности утраты культурной и языковой идентичности в результате процесса глобализации говорят представители науки и культуры не только малочисленных, но и многочисленных народов. Например, британские лингвисты считают, что к концу нынешнего века исчезнет половина языков мира. Утрата языков означает, что вместе с ними исчезают и культуры, особые способы видения мира, кроме того, это и утрата национальной идентичности. Языки уносят с собой в небытие не только отдельные слова и своеобразные особенности культур, но и значительную долю познаний, накопленных человечеством. В Российской Федерации в настоящее время миноритарные языки представляют 63 языка, находящиеся под угрозой исчезновения, в том числе и осетинский язык.

Каждый народ обязан сберечь родной язык – свое национальное достояние, так как только в этом случае, он сможет внести в сокровищницу народов что-то свое, неповторимое, без чего невозможно мировое единство.

Следует отметить, что сохранение идентичности народа и родного языка должно осуществляться на государственном уровне. Поэтому так важно проведение подобного рода мероприятий, где в очередной раз подчеркивается проблема исчезновения родного языка и это хороший способ привлечь внимание общественности обеих Республик.

Я искренне надеюсь, что сегодняшнее мероприятие позволит всем нам более чётко и глубоко осознать основные направления и задачи современных лингвистических и лингвокультурологических исследований. Уверен, что нам удастся не только ознакомиться с лучшими мировыми научными достижениями в данной области, но и создать условия для формирования новых совместных проектов. Искренне благодарю администрацию и сотрудников Юго-Осетинского государственного университета за блестящую организацию и проведение подобного рода научных конференций. Желаю всем плодотворной работы, новых научных открытий, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

И.о. ректора СКГМИ (ГТУ)
Д.А. Камболов

**ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС
РЕКТОРА СОГУ ИМЕНИ К. Л.ХЕТАГУРОВА А. У. ОГОЕВА
УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ I МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТИБИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Цаггат Ирыстоны паддзахадон университеты номæй заæрдиаг арфæ канын I-ам æхсæнадæмон зонадон-практикон конференци «Тыбылы-фырты номарæн бакастыты» архайджытæн.

1989 азæй фæстæмæ Хуссар Ирыстоны паддзахадон университет хæссы рухстауæг, ахуыргонд æмæ, ацы кадджын ахуыргæнæндон кæй хъæппæрисæй байгом, уыцы архайджытæй иуы – Тыбылты Арсены фырт Алыксандры ном.

Æвæццагæн, агробиологи ахуыр кæныны факультетæй йа куст цы уæлдар ахуыргæнæндон райдыдта, уый хуымæтæджы нæ хæссы ирон филологийы ахургонд æмæ фыссæг – Тыбылты Алыксандры ном. Уый уымæн æмæ нæ мадæлон æвзаг æмæ алы ирон адæймагæн дæр йа зæрдæмæ хæстæг ирон аив литературæ ахуыр каныны хъуыддаг сæйраг у на адæмы цардæн.

Уыцы сæйраг куыст кæнынц Хуссар Ирыстоны паддзахадон университет æмæ Цаггат Ирыстоны паддзахадон университеты.

Ирыстоны дыууæ уæлдар ахуыргæнæндон ахæм æнувыд архайд – нæ ахуырдау фæсивады ахуыр æмæ хомылады, ирон æвзаг, литературæ æмæ сæ амонны методикæйы иргасæн кусты – ахсджиаг у нæ зонад æмæ не ‘хсæнадæн, нæ культурон бынтæ бахъахъхъæнынæн, абон æмæ сæм фидæны ног æвæрæнта хæссынæн. Кæрæдзийыл нæ æнгомдæр бæттынц нæ иумæйаг проблемæтæ.

Мæ зæрдæ зæгъы конференцийн æнтыстджын куст, цæмæй иу азæй иннæмæ рæза йæ зонадон цымыдис, актуалон проблемæтыл ныхасы зæрдæзæгъгæ фæстиуджыта та суой сæйраг фæрстытæ зонадон æгъдауæй лыг кæнынмæ разæнгардгæнæн мадзал.

Цаггат Ирыстоны паддзахадон университеты ректор
Огъуаты Алан

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 81'27

Цховребова М. В.
**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ОСЕТИНСКОГО
ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ**

Tskhovrebova M. V.
**THE LINGUISTIC SITUATION IN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA
AND THE LEGAL STATUS OF THE OSSETIAN LANGUAGE**

***Аннотация.** В статье представлен краткий обзор языковой ситуации в Южной Осетии в советский и постсоветский периоды. Показан правовой статус осетинского языка, закрепленный рядом законов Парламента РЮО.*

***Ключевые слова:** языковая ситуация, полилингвизм, билингвизм, национальная политика.*

***Abstract.** The article provides a brief overview of the linguistic situation in South Ossetia in the Soviet and post-Soviet periods. The legal status of the Ossetian language, enshrined in a number of laws of the Parliament of the Republic of South Ossetia, is demonstrated.*

***Key words:** language situation, polylingualism, bilingualism, national policy.*

Языковую ситуацию в Южной Осетии следует рассматривать в условиях двух периодов – советского и постсоветского. В таком историческом измерении она обнаруживает очевидное типологическое

сходство с языковой ситуацией в Абхазии, где, как и в Южной Осетии, процессы суверенизации и государственного обустройства в постсоветский период сопровождались изменением модели языковой ситуации и переходом от практически массового полилингвизма к массовому билингвизму. (национальный язык – русский – грузинский, а Абхазии и Южной и в настоящее время – национальный язык и русский язык). В советский период исключение составлял Дзауский район, где население, оставаясь моноэтническим, говорило преимущественно на осетинском и русском языках.

Термин «языковая ситуация», выдвинутый еще в 1930-е годы, оформился как ключевое понятие социолингвистики в трудах известных российских лингвистов и основателей социолингвистических школ А. Д. Швейцера, В. А. Аврорина, В. А. Виноградова, Л. Б. Никольского, Г. В. Степанова и др. Так В. А. Виноградов определяет языковую ситуацию как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [3, с. 616-617]. А. Д. Швейцер – как «модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [10, с. 206]. В. А. Аврорин определял языковую ситуацию как «конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития» [1, с. 126].

Омские исследователи Чурилова И. Н. и Федорова М. А. в своей весьма полезной статье «История и содержание понятия “языковая ситуация”» представили обстоятельный обзор всех известных определенных «языковой ситуации» [8].

При некотором расхождении подходов специалисты сходятся в различении основных формально-сущностных признаков языковой ситуации, понимая ее как модель, систему или совокупность языковых отношений на конкретной территории в конкретное историческое время.

Понятно, что характер языковых отношений обусловлен рядом факторов, внешних по отношению к языку, как то – социально-политическая и демографическая ситуация, государственная политика в сфере языка и т.д., то есть «социальных условий функционирования языка» – по В. А. Аврорину один из компонентов, определяющих языковую ситуацию.

Вероятно, в список факторов, формирующих и определяющих языковую ситуацию, следует включить этнонациональное самосознание как «отражение бытия, специфических условий существования и взаимодействия этнических общностей» [9].

Этносамосознание, будучи формой общественного самосознания, выступает в качестве важнейшего компонента базиса языковой ситуации и ее внутреннего регулятора. Языковая ситуация воспринимает и реагирует на импульсы этносамосознания, которые ожидаемо интенсифицируются перед угрозой агрессии и ассимиляции – подобное воздействие этносамосознания на языковую ситуацию отчетливо прослеживается в Южной Осетии и Абхазии в период конфликта с Грузией.

Как указывалось выше, языковая ситуация в Южной Осетии складывалась в условиях двух различных исторических периодов – времени включенности в состав ГССР и последующего постсоветского периода.

Юго-Осетинская автономная область была образована 20 апреля 1922 г. в границах, обозначенных годом раньше Постановлением Президиума ЦК Компартии Грузии. 12 декабря 1921 г. решением Президиума от Осетии были отсечены территории компактного проживания осетин – Часавальское общество отошло к Рачинскому уезду и Кобский район (родина классика осетинской литературы Сека Гадиева) – к Душетскому уезду. Такое решение было обусловлено стратегическим значением территорий – Часавальский район располагался на западе вдоль Военно-Осетинской дороги, Кобский район – на востоке, вдоль Военно-Грузинской дороги, связывавших восточные и западные районы компактного проживания осетин с Россией. Осетины аннексированных территорий были подвергнуты массовой насильственной грузинизации с запретом использования родного языка и принудительным изменением фамильных имен. В аналогичном положении оказались и осетины, рожденные и проживающие в Грузии.

14 июля 1923 года, спустя год после учреждения Юго-Осетинской автономной области ее Центральный исполнительный комитет придал

осетинскому языку статус государственного. 18 декабря 1929 года Правительство Юго-Осетинской автономной области приняло постановление о переводе делопроизводства на осетинский язык. Документы этого периода, в том числе школьные аттестаты сегодня являются историческими письменными памятниками противостояния южных осетин унитаристской националистической политике Грузии.

Решения государственных органов автономии не были поддержаны Грузией. Больше того, в период 1944–1949 гг. власти Грузии перевели школьное образование на русский и грузинский языки, осетинская письменность была переведена на грузинский алфавит, а в 1951 году на грузинский было переведено и делопроизводство. Методично с 1930-х годов все топонимы на территории Южной Осетии переводились на грузинский язык.

Грузинизации не избежали и осетинские фамильные имена, восходящие к глубокой древности и упоминаемые в Нартском эпосе, сформированном в начале I тысячелетия до н. э.

Напомним, что осетинский и грузинский языки по своей природе являются гетерогенными и гетероморфными, т.е. неродственными и типологически несходными: осетинский – принадлежит к североиранской группе индоевропейских языков, грузинский – к группе неиндоевропейских картлийских языков. Соответственно, осетинские фамильные имена подвергались фонетической деформации в соответствии с грузинской орфоэпией и вносились в государственные реестры с характерным для грузинских фамильных имен окончанием «-швили».

Процессы грузинизации стали катализатором роста этносознания и вызвали протестное движение против националистической политики Грузии, жестко подавляемое тотальными репрессиями, арестами и расстрелами. В 1937 г. был репрессирован выдающийся общественный деятель и просветитель, писатель, филолог и журналист – один из основателей литературного журнала «Фидиуаг» Александр Арсеньевич Тибиллов, чье имя сегодня носит Юго-Осетинский государственный университет.

Ситуация несколько улучшилась в 1956 году после принятия специального постановления ЦК КПСС «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии».

Языковая ситуация периода принудительного вхождения Южной Осетии в состав Грузии характеризуется региональным полилингвиз-

мом – полиэтничная Южная Осетия (осетины, русские, грузины, армяне и евреи) в столице автономии и в трех ее регионах, кроме Дзауского, массово и свободно владела русским, грузинским и осетинским. По качественным признакам в терминах социолингвистики такой тип полилингвизма определяется как массовый и смешанный.

Однако, языковая ситуация, в целом оставалась неравновесной, вследствие функционального доминирования грузинского и русского над осетинским языком. Осетинский язык на всей территории автономии подвергался активному минорированию и редуцировался к сфере бытовой коммуникации.

При этом широко отмечается известный факт мирного и дружелюбного сосуществования и языковой толерантности народов Южной Осетии.

После распада Советского Союза и в ходе национально-освободительного движения, в который были вовлечены все слои населения, языковая ситуация в Южной Осетии претерпела существенные изменения.

20 сентября 1990 года Совет народных депутатов ЮО – «в связи с связью с возможным выходом Грузии из состава СССР и с продолжающимися попытками насильственно вооружёнными грузинскими националистами захватить власть» – провозгласил Юго-Осетинскую Советскую демократическую республику в составе СССР. Действие законов ГССР на территории Южной Осетии было приостановлено. В ответ 11 декабря 1990 года Верховный Совет Грузии упразднил Юго-Осетинскую Автономную область.

21 декабря 1991 года Верховный Совет Южной Осетии принял Декларацию о независимости Республики Южная Осетия. 19 января 1992 года состоялся референдум о независимости Южной Осетии.

2 ноября 1993 г. была принята первая Конституция Республики Южная Осетия. Действующая Конституция РЮО была принята на референдуме 8 апреля 2001 г.

В новых условиях региональный полилингвизм, доминировавший на значительной части территории Южной Осетии на протяжении 70 лет, смещался в сторону массового билингвизма.

С начала грузино-осетинского конфликта грузинский язык ассоциировался с образом врага, тем более что этническая память еще хранила трагические образы геноцида 1920 года. Между тем, к чести народа Южной Осетии следует отметить, что вопреки трагическим конфлик-

там, 2 и 3 пункты 4 статьи новой Конституции 2001 г. подтверждали приверженность осетин гуманистическим ценностям:

«2. Осетинский и русский языки, а в местах компактного проживания граждан Республики Южная Осетия грузинской национальности – грузинский, признаются официальными языками органов государственной власти, государственного управления и местного самоуправления в Республике Южная Осетия.

3. Народам, проживающим в Республике Южная Осетия, предоставлено право на свободное изучение, развитие и использование родного языка» [7].

Десятилетия, последовавшие за распадом СССР, стали временем кровопролитной борьбы народов Южной Осетии на свою независимость, которые завершилась трагическими событиями августа 2008 г. и долгожданным признанием Российской Федерацией независимости Республики Южной Осетии.

Признание России и ее всесторонняя – военная, гуманитарная, финансовая, экономическая и юридическая поддержка придали новый импульс усилению этнического самосознания и способствовали дальнейшему развитию процессов государственного обустройства, начатых в 1990-е годы.

Другим катализатором послужила онлайн-публикация ЮНЕСКО Атласа языков, находящихся под угрозой исчезновения в феврале 2009 года, в котором все языки мира по степени угрозы существованию классифицировались по 6 категориям от благополучных (safe – русский, английский, китайский) до исчезнувших (extinct). В категорию уязвимый (vulnerable – на языке говорит большинство детей, но его распространение ограничено) ЮНЕСКО включило осетинский язык, наряду с адыгским, кабардино-черкесским, карачаево-балкарским, ингушским, чеченским, абхазским и др. [2].

Сама жизнь и время поставили Республику перед необходимостью эффективных мер для защиты и сохранения осетинского языка как важнейшего идентификатора народа, который веками боролся за свою независимость.

Комитет по национальной политике инициировал ряд законов, гарантирующих безопасность и правовой статус памятников духовной культуры осетинского народа.

22 декабря 2010 Парламент РЮО принял Закон Республики Южная Осетия «О наименованиях географических объектов Республики Южная Осетия». Закон устанавливает «правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также нормализации, употребления, регистрации, учета и сохранения наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народа Республики Южная Осетия» [4].

31 октября 2012 Парламент РЮО принял Закон Республики Южная Осетия «Об осетинских фамильных именах», объявив их объектом культурного наследия, памятником истории и культуры осетинского народа [5].

6 июня 2012 года Парламент РЮО принял Конституционный закон Республики Южная Осетия «О государственных языках Республики Южная Осетия». Закон о языках призван решить проблему неравновесной функциональной нагруженности родного языка и, соответственно, сфер его применения.

Закон декларирует статус осетинского и русского языков как государственных языков РЮО, и в 25 статьях учреждает Законодательство Республики Южная Осетия о государственных языках Республики Южная Осетия. Закон устанавливает правовое положение государственных языков Республики Южная Осетия, гарантии поддержки государственных языков Республики Южная Осетия, гарантии прав граждан Республики Южная Осетия, не владеющих государственными языками Республики Южная Осетия; устанавливает законодательство в сфере языка воспитания и обучения, работы высших органов государственной власти Республики Южная Осетия, официального делопроизводства, средств массовой информации и т.д.

Сегодня в Республике имеет место гармоническое национально-русское двуязычие. Для народа Южной Осетии русский язык является вторым родным языком и основным языком образования, языком межнационального общения. Для Южной Осетии Россия – второй дом, под сенью которого, в единстве с северной частью своего народа, она видит свое безопасное будущее. Именно эта мысль выражена в завершение преамбулы к Закону о Языке:

«Осознавая ответственность перед грядущими поколениями за сохранение и развитие осетинского языка, осознавая необходимость в со-

хранении и развитии русского языка на территории Республики Южная Осетия, Парламент Республики Южная Осетия принимает настоящий Конституционный Закон» [6].

В завершение отмечу – разрушительный потенциал билингвизма для национального языка, количество носителей которого несопоставимо с носителями, так называемых, благополучных языков, очевиден и закономерен, подобно законам эволюции.

Но необходимо также понимать, что билингвизм сегодня – судьба малых народов. Счастливая судьба, открывающая доступ в широкий мир. Этот доступ двусторонний – он дает малым народам возможность трансляции своего бесценного исторического опыта, духовного и культурного достояния. Обрести баланс в ситуации неизбежности двуязычия и хранить его – задача государственной национальной политики и всего народа.

Закон Южной Осетии о государственных языках еще не работает в полную силу – еще сохраняются проблемы, ждущие своего решения. Ждет их решения и осетинский язык, спасавший и сохранявший свой народ в тяжелую годину от полной ассимиляции и безвестности. Не теряя надежды, с зеленеющей ветвью той самой мифологической яблони, растущей в саду Нартов, он смотрит в будущее и ждет прихода новых поколений.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука, 1975. 276 с.
2. Атлас языков мира, находящихся в опасности – https://en.wikipedia.org/wiki/Atlas_of_the_World%27s_Languages_in_Danger.
3. Виноградов В. А. Языковая ситуация: лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
4. Закон Республики Южная Осетия «О наименованиях географических объектов Республики Южная Осетия» <https://cominf.org/node/1166485853>.
5. Закон Республики Южная Осетия «Об осетинских фамильных именах» <https://parliamentroso.org/node/50>.
6. Конституционный закон Республики Южная Осетия «О государственных языках Республики Южная Осетия» – <https://cominf.org/node/1166493728>.

7. Конституция Республики Южная Осетия – <https://parliamentrso.org/node/3567>.

8. Файзуллин Ф. С. Этническое самосознание и факторы его формирования. // Вестник Академии наук РБ V /2 2013, том 18, № 3 <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-samosoznanie-i-factory-ego-formirovaniya?ysclid=lu7xg7lzyn462101855>.

9. Чурилова И. Н. и Федорова М. А. История и содержание понятия “языковая ситуация”. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 192-194.

10. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.

References

1. Avrorin V. A. Problemy izuchenija funkcional'noj storony jazyka: k voprosu o predmete sociolingvistiki [Problems of studying the functional side of language: on the issue of the subject of sociolinguistics]. L.: Nauka, 1975. 276 p.

2. Atlas jazykov mira, nahodjashhihsja v opasnosti [Atlas of the World's Languages in Danger]. – https://en.wikipedia.org/wiki/Atlas_of_the_World%27s_Languages_in_Danger.

3. Churilova I. N. i Fedorova M. A. Istorija i sodержanie ponjatija “jazykovaja situacija” [History and content of the concept of “language situation”]. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 7(73): v 3-h ch. Ch. 2. P. 192-194.

4. Fajzullin F.S. Jetnicheskoe samosoznanie i factory ego formirovaniya [Ethnic identity and factors of its formation]. // Vestnik Akademii nauk RB V /2 2013, том 18, № 3 <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-samosoznanie-i-factory-ego-formirovaniya?ysclid=lu7xg7lzyn462101855>.

5. Konstitucionnyj zakon Respubliki Juzhnaja Osetija «O gosudarstvennyh jazykah Respubliki Juzhnaja Osetija» [Constitutional Law of the Republic of South Ossetia “On the state languages of the Republic of South Ossetia”]. – <https://cominf.org/node/1166493728>.

6. Konstitucija Respubliki Juzhnaja Osetija [Constitution of the Republic of South Ossetia] – <https://parliamentrso.org/node/3567>.

7. Shvejcer A. D. Social'naja differenciacija jazyka v SShA. [Social differentiation of language in the USA]. М.: Nauka, 1983. 216 p.

8. Vinogradov V. A. Jazykovaja situacija: lingvisticheski jenciklopedicheski slovar' [Language Situation: Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 688 p.

9. Zakon Respubliki Juzhnaja Osetija «Ob osetinskih famil'nyh imenah» [Law of the Republic of South Ossetia "On Ossetian family names"]. <https://parliamentrso.org/node/50>.

10. Zakon Respubliki Juzhnaja Osetija «O naimenovanijah geograficheskih ob'ektov Respubliki Juzhnaja Osetija» [Law of the Republic of South Ossetia "On the names of geographical objects of the Republic of South Ossetia"]. <https://cominf.org/node/1166485853>.

Сведения об авторе

Цховребова Мира Валентиновна, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка ЮОГУ, депутат Парламента РЮО V созыва, вице-спикер Парламента, Председатель Комитета по национальной политике, науке, образованию, культуре и религии; Республика Южная Осетия, Цхинвал.

About the author

Tskhovrebova Mira Valentinovna, Ph.D., Professor, Head of the English Department of South Ossetia State University, member of the Parliament of the RSO (5th Convocation), Vice-Speaker of the Parliament, Chairman of the Committee on National Policy, Science, Education, Culture and Religion.

УДК 8:81-22

Balikoeva M. I., Bekoeva I. D.
CULTURAL AND LINGUISTIC CHARACTERISTICS
OF GRATITUDE IN THE OSSETIC LANGUAGE

Баликоева М.И., Бекоева И.Д.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

***Abstract.** The aim of this article is to study the formulas of gratitude in the Ossetic language as one of the main politeness strategies in North and South Ossetia. Gratitude formulas contain important information about the life and structure of a society as they reflect the national values and cultural specifics of the communicative behaviour of the people. The study uses methods of semantic and structural analysis, a continuous sampling method, and a survey in both republics in order to identify and describe gratitude formulas depending on the communicative situation.*

***Key words:** speech etiquette, the Ossetic language, gratitude formulas, communicative behaviour, cultural and linguistic characteristics.*

***Аннотация.** Целью данной статьи является изучение формул благодарности в осетинском языке как одной из основных стратегий вежливости в Северной и Южной Осетии. Формулы благодарности содержат важную информацию о жизни и устройстве общества, поскольку отражают национальные ценности и культурные особенности коммуникативного поведения людей. В исследовании использованы методы семантического и структурного анализа, метод сплошной выборки и опрос в обеих республиках с целью выявления и описания формул благодарности в зависимости от коммуникативной ситуации.*

***Ключевые слова:** речевой этикет, осетинский язык, формулы благодарности, коммуникативное поведение, культурно-языковые особенности.*

The anthropocentric approach in modern linguistics has caused increased scientific interest in the national-cultural aspect of language research. In the context of continuous cultural interaction and intercultural communication, it is equally important to obtain knowledge about the culture and stereotypes of communicative behaviour contained in national traditions and to master the language. Being the most important element of national culture, speech etiquette has absorbed stable formulas of communication, accumulated rich folk experience, preserved the uniqueness of customs, way of life, living conditions characteristic of the people, thus rising its value.

This article examines formulas of gratitude as a reflection of the national mentality and national-cultural specifics of the communicative behaviour of Ossetic speakers. The research is based on Ossetic formulas of gratitude, collected from lexicographic sources and surveys of native Ossetic speakers. The survey was conducted in the republics of North Ossetia-Alania and South Ossetia in September-October 2021. The respondents were students of the North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy and South Ossetian State University. The age of the respondents ranges from 17 to 25 years. The number of respondents was 94 people, of which 46 were in North Ossetia, 48 people were in South Ossetia. Among the respondents in North Ossetia, 11 people are native speakers of the Digor dialect of the Ossetic language.

It should be noted that in the Digor dialect of the Ossetic language there is no word for expressing gratitude, but there is the most common phrase *Khutsau di isarazi uæd* ‘May God be pleased with you’. This is the most neutral phrase of gratitude in the Digor dialect. It is used by 100% of respondents as a “thank you” for a service, an assistance, a gift or wish, in formal and informal communication situations. This formula reflects the ritual nature of the Ossetian communicative discourse and linguistic view of the world, which lies in the fixed behavioral scenario in the situation of exchanging gratitude, demonstrating the system of moral and cultural values of the Ossetian people accumulated over many centuries. The most common and neutral formula of gratitude in the Iron (literature) dialect of the Ossetic language is *buznyg* ‘thank you’, which is used by the vast majority of respondents (76% in the north and 100% in the south of Ossetia). However, we repeat that among respondents in North Ossetia 24% were speakers of the Digor dialect, in which the word *buznyg* is missing, thus it can be argued that among those speaking the literary dialect in northern Ossetia,

100% of respondents also use this exact formula of gratitude). *Buznyg* – literally “grateful” – according to the historical and etymological dictionary of V.I. Abaev goes back to the Iranian *bauzna– (in its meaning: “to provide a service to someone, to give pleasure, to delight, to please”; hence – to thank [1, p. 122]. The derivative from *buznyg* in the Digor dialect is “boz” – gratitude, grateful and it is implemented in the formula *boz di daen* ‘I am grateful to you’. This formula is used to thank relatives and close people not for specific actions, but for one’s satisfaction with this person in general, however, it is not a common phrase among the age group of the surveyed categories (1 case of use, i.e. 9%). Another neutral formula of gratitude used in various communicative situations is *arfae kaenin* “I bless you”, this is the highest form of putting wishes of goodness into words (73% of responses). *Arfae* has an ambivalent meaning of spell and gratitude, however, according to E.B. Besolova, the former (spell) has gone through certain stages of transformation and the positive meaning of gratitude is now predominant. [3, p. 95]. (hereinafter translated from the Ossetic language by M.I. Balikoeva).

There are peculiar formulas for expressing gratitude for help *Dae laeggad birae* ‘May your help, ability to provide assistance, dignity increase’ and *De ‘gadau birae* ‘May your honor, honorable attitude increase’. These formulas are based not just on words, but on concepts. “Laeggad” – service, derivative from *laeg* – person, man [2, p. 22]. This is a tradition that goes back to the Ossetian feast etiquette, since a feast among Ossetians is not just eating, it is a ritual during which the younger ones honor the elders. In this case, the social status of both parties is completely ignored.

Laeggad is thus a manifestation of courageous qualities, a willingness to help. *Dae laeggad birae* is a wish for the helper to have courage, dignity, strength and readiness to always provide help. Another formula with a concept in core is *De ‘g’dau birae*, where “aeg’dau” is a custom, norm of behavior, adat [4, p. 335]. This concept represents highly moral standards of behavior that are sacredly revered in Ossetian society. Like help, *aegdau* is a virtue, and the person who provides help performs a good deed, therefore, as a sign of gratitude, they wish him to increase this virtue so that he can always demonstrate it. Also worthy of special attention are the characteristic formulas for expressing gratitude for the water brought – *donau sygdag uaed daye tsard* ‘may your life be as pure as water’, *dona araekhaen daye tsard* ‘may your life be as abundant as water’, that is, a wish to the one who gave you water to be a pure, priceless person like water and to have a long,

abundant life. At the same time, the expression of gratitude for the water brought is one-sided, since only the youngest can bring water to the elder, but not vice versa. Most of the other formulas of gratitude are also both well wishes and instructions, which are also used by young people.

References

1. Abaev, V.I. (1958). Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogoazyka. [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetic Language] Izd-vo AN SSSR. Moskva-Leningrad, 1958. T. 1. 657p.(in Russ.).
2. Abaev, V.I. (1973). Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogoazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. Izd-vo «Nauka». Leningrad, T. 2. 1973. 449p. (in Russ.).
3. Besolova, E.B.(2015). Yazyk fol'klora: specifika myshleniya i konceptualizacii simbolov [Language of Folklore: specific thinking and conceptualization of symbols]. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2015. 176p. (in Russ.).
4. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (2016). Osetinsko-russkij slovar' [Ossetic-Russian Dictionary] Vladikavkaz, SOIGSI VNC RAN, 2016. T. 1. 679 p. (in Russ.).

About the authors

Balikoeva Marta Ibragimovna, PhD, Head of the Foreign Languages Department North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy. E-mail: balikoi@yandex.ru.

Bekoeva Irina Davidovna, Ph.D, Dean of the Faculty of Russian Philology, International Journalism and Foreign Languages South Ossetia State University named after. A.A. Tibilov. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Сведения об авторах

Баликоева Марта Ибрагимовна, к.п.н., доц., зав. кафедрой иностранных языков СКГМИ(ГТУ). E-mail: balikoi@yandex.ru.

Бекоева Ирина Давидовна, к.ф.н., доц., Декан факультета русской филологии, международной журналистики и иностранных языков. ЮОГУ им. А.А. Тибилова. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Бесолты Еленә
“ÆЦÆГÆЛОН ÆВЗАГЫЛ АДÆЙМАГ ЗОНДЫ МÆСЫГ
НÆ САМАЙДЗÆН...”

Бесолова Елена
«НА ЧУЖОМ ЯЗЫКЕ БАШНЮ МУДРОСТИ
НЕ ПОСТРОИШЬ...»

Нæ уацы нысан у, зынгæ ирон лингвист Тыбылты Алыксандр йæ «Ирон æвзаг иртасæн уацхъуыдты» ныхасы культурæйы сæйраг фарстатæ куыд æмбæрста æмæ æргом кодта, уымæ æркæсын. Махмæ гæсгæ, ахæм раиртæсты актуалондзинад алкæмæн дæр æмбæрстгонд у.

Тыбылты Алыксандры ном хъуыстгонд у Хуссары дæр æмæ Цæгат Иры дæр. Ахуыргонды наукон бынтæ æнцайынц конкретон-историон æмæ теоретикон иртæстытыл, ирон æвзаг арф зонынл æмæ, æнæмæнгæй, æрдзæй рахæсгæ лингвистон интуицийыл. Алыксандр лингвистты сæйрагдæр хæстæй иуыл нымадта, адæм сеппæт дæр кæй æмбарой, ахæм чингуытæ саразын, æвзагзонынады фарстатæ теоретикон æгъдауæй лыг кæнын æмæ ахæм хуызы ныхасы культурæ бæрзонддæр кæнын. Ацы хæстæ сæххæст кæныныл бирæ бакуыста ахуыргонд йæхæдæг.

Тыбылты Арсениы фырт Алыксандр райгуырд 1887 азы 4 (17) февралы Хуссар Ирыстоны ныры Цхинвалы районы Зæлдайы хъæуы. Иттæг хорз бæрæггæнæнтимæ каст фæци Тифлисы 5-æм нæлгоймæгты гимназ æмæ 1910 азы бацыд Новороссийскы университеты историон-филологон факультетмæ. 1915–1918 азты Алыксандр куыста уырыссаг æвзаджы ахуыргæнæгæй Тифлисы 5-æм нæлгоймæгты гимназы. 1918 азы æрцыд Хуссар Ирыстонмæ æмæ активонæй архайдта революцион змæлды. Хуссар Иры большевикты къорды Тыбылты Алыксандр уыд тынг æууæнкджын адæймаг.

Гуырдызыйы æмæ Хуссар Ирыстоны Советон хицаудзинад куы æрфидар, уæд Тыбылты-фырт хъазуатонæй бавнæлдта зонадон-литературон æмæ æхсæнадон-педагогон куыстмæ. Уыди “Ирон историон-филологон æхсæнады” æмæ йæ Правленийы иузæрдиондæр архайджытæй иу. Алыксандр зæрдиагæй куыста ирон мыхуыры райрæзтыл, мыхуыры

культура бэрзонддэр кэныныл. 1935 азы 5 майы газет «Ленинон»-ы Тыбылы фырт фыста: *«Фыццаджыдэр нэ бэззы нэ газетты авзаг. Фыссың уеззау, зынаембарен авзагыл. Ирон ныхасен ис йахи закьонтэ, эмэ уыдон не 'ххэст кэның нэ газеттэ. Газетты авзаг хуамэ уа сыгьдэг, амбарстгонд эмэ рэсугьд. Газеты хуамэ ма аирвэза иу ахэм дзырд дэр, кусэг адэмэн амбарстгонд чи нэ уа, зыгьуыммэ бамбарен кэмэн уа»* [3]. Ахуыргонд хорз амбарста, ирон ныхасы культурайыл стыр куыст бакэнын кэй хьэуы, уый.

Зынгэ бынат ахсы Алыксандры куыст Хуссар Ирыстоны адэмон ахуырады хьуыддаджы дэр. Куыста Цхинвалы гимназы, Хуссар Ирыстоны педагогон техникумы, уыды Хуссар Ирыстоны педагогон институты бындуравэарджыгтэй иу, Хуссар Ирыстоны зонадон-иртасэг институты аразджыгтэй эмэ зонадон разамонджыгтэй иу.

Уыцы иу рэстэг Алыксандр зәрдиагтэй куыста ирон адэмон сфэлдыстады хэзнатэ амбырд кэныныл, мыхуыр кэныныл эмэ иртасыныл. Йэхэдэг куыд загьта, уымэ гэсгэ «Хуссар Ирыстоны фольклоры тематикон хьэздыгдзинад, фэлгонцты, пластика эмэ авзаджы алэмэтон рэсугьддзинад ирон советон литературайэн дарддэр дэр уыдысты поэтикон әрмәг эмэ авзаджы хьэздыгдзинәдты әнәбайсысгә суадон» [3].

Стыр хәрзты бацыд Тыбылты Алыксандр ирон советон литературазонынадән дәр. Уын райрәзтән стыр ахыз фесты ахуыргонды уацгә Хетәгкаты Кьоста, Гәдиаты Цомахь, Брыгьиаты Елбыздыхьо, Кьубалты Алыксандр, Гәдиаты Секьа, Коцойты Арсен эмә әндәр фысджыты сфэлдыстады тыххәй.

Алыксандры цард трагикон әгьдауәй аскьуыд 1937 азы, ахуыргонд йә тәккә тыхы куы бацыд, уәд.

Тыбылты Алыксандр никуы уыд кабинетон ахуыргонд, зындгонд уыды куыд курдиатджын лингвист, фольклорист, литератураиртасәг, журналист, педагог эмә әхсәнадон архайәг. Йә хьысмәт уыды әнахуыр бэрзонд, цаутәй хьэздыг, фәлә трагикон.

А. С. Пушкин куыд загьта, афтәмәй авзаджы әнкьарынад цавәрдәр дзырдтыл былысчылтә кэныны нәй, фәлә бәрц зоныны. Номдзыд поэты ныхәстә әнәмәнгәй ахәссын хьэуы сфэлдыстады әппәт хуызтәм дәр, уымә дзургә ныхасмә, дзурынадмә дәр. Ныхасы культурайы фарстатәм кәддәриддәр уәлдай ләмбынәгдәр

хъусдард фæцауы, уымаӕн æмæ йæ теорийы бындуры ис æндæр структурæтимæ – хъуыдыкæнынадимæ, адæймаджы æмбарынадимæ, объективен æцæгдзинадимæ æ. а. д. йæ æмахастытæ.

Ныхасы культурæ... Уацы мидаг ацы термин æмбарæм фыццаджыдæр куыд дзургæ ныхасæй (стæй фысгæ ныхасæй дæр) уæгъдибарæй пайда кæнын фадат. Культурон схонæн ис ахæм ныхасæн, кæцыйы бæрæг ваййы национ хицæндзинад, йæ хъуыды ваййы раст, лексикон æгъдауæй хъæздыг æмæ алыварсыг, æнаæипп грамматикæйы ‘рдыгæй, логикæйы æгъдауттæм гæсгæ арæст.

Дзургæ ныхас хъуамæ арæст уа нырыккон орфографийы домæнтæм гæсгæ, фысгæ ныхас та – орфографи æмæ пунктуацийы домæнтæм гæсгæ.

Къостайы рæстæгæй абоны онг ирон æвзаг рацыд дæргъвæтин историон фæндагыл, æмæ йыл уый æнаæмæнгæй фæзынд. Кæд æвзаджы ивддзинадтæ æнгом баст сты æхсæнады цардимæ, уæд æхсæнад дæр куыдфæндыйы цæстæй нæ кæсы æвзагмæ. Тыбылты Алыксандры загъдау «*Царды сæрыл тохы адæймаг цы æхсæны хотыхтæ ссардта, уыдонæй сæйраг бынат ахсы æвзаг. Мах хъуыды кæнæм æвзаджы фæрцы*. Культурæйы хæзнатæ дары æмæ æвæры æвзаг» [3, ф. 62].

Алыксандр æвзаг нымадта культурæйы ахъаззаг хотыхыл (кæс:

1. Литературон æвзаг у адæмы культурæйы уавæры бæрæггæнæг.

Ирон адæмы культурон прогрессæн æнаæмæнгæй хъæуы иумайаг литературон æвзаг саразын. Уыцы литературон æвзаджы бындуры растдæр у ирон диалект сæвæрын» [3, ф. 28].

Ирон æвзагзонынады алыхуызон фарстатыл Тыбылты Алыксандр ныффыста 50 куыстæй фылдæр. Йе ‘ргом тынгдæр аздæхта ирон грамматикæ, дзырдарæстæд, орфографи, орфоэпи æмæ диалектологимæ. «Орджоникидзе æмæ Сталиниры æвзагиртасджыты куыст дæргъвæтин рæстæг æнцæд, цард сын сæ размæ кæй æрæвæрдта, скъола æмæ культурон арæстæд кæй домдтой, ахæм актуалон фарстатыл: скъолайы ахуыргæнæн чингуытæ, грамматикæтæ æмæ дзырдæттæ аразын, терминологи æмæ орфографийыл бакусын. Уый уыди ахсджиаг æмæ вазыгджын куыст, æмæ йын æмбæлгæ аргъ кæнын хъæуы. Загъын хъæуы уый, æмæ уыцы куысты руаджы Цæгат Ирыстоны республикæйы æмæ Хуссар

Ирыстоны автономон областы хæрз цыбыр рæстæгмæ мадæлон æвзагыл æнахуыргонддзинад сæфт æрцыд», – ахæм аргъ скодта Тыбылты Алыксандр æмæ йе ‘мбæлтты куыстæн Абайты Васо.

Куыд ахуыргондмæ, афтæ Алыксандрмæ уыд иу хицæндзинад – зонадон фактæ æмбырдгæнгæйæ æмæ иртастæйæ кодта тынг бæстон куыст. Хъыгагæн, йæ архив сæфт æрцыд, æмæ нæ хатдзæгтæ кæнæм сæйрагдæр, мыхуыргонд ын цы куыстытæ æрцыд, уыдоны бындурыл.

Æвзаджы проблематикæйы куыд культурæйы хотыхы ис къорд фарстайы: æвзаджы архайд æхсæнады, æвзаджы райрæзтæн фæтк дæттыны фарста æмæ лингвистикон прогнозкæнынад, ныхасы культурæ æмæ нормæ бæрæгкæнынад.

Æвзаг æрмæст бастдзинады мадзал нæу, – уый органикон хуызы баст у хъуыдыкæнынадимæ куыд йæ формæ, уымæ мидисджын формæ, кæцыйы æвæрд цæуынц объективон æцæгдзинад зоныны фæстиуджытæ. Æвзаг у адæмы материалон æмæ монон культурæйæ пайда кæныны ахъазæгдæр мадзал: *«Царды сæрыл тохы адæймаг цы æхсæны хотыхтæ ссардта, уыдонæй сæйрагдæр бынат ахсы æвзаг. Мах хъуыды кæнæм æвзаджы фарцы.*

Культурæйы хæзнатæ дары æмæ æвæры æвзаг. Цас æвзаг рæвдздæр уа, цас хуыздæр таса адæймаджы домæнтæм гæсгæ, цас æнцондæр иу кæна адæмы, уыйас аивдæр æххæст кæны йæ социалон хæстæ» [3, ф. 65]. Социалон царды мидæг индивид пайда кæны, æхсæнад цы зонанты формæтæ сарæзта, уыдонæй, æмæ фыццаджыдæр – æвзагæй. Сывæллоны хъуыдыкæнынады райрæзт æнгом баст у мадæлон æвзагимæ, уый бындурыл арæзт у æмæ уый руаджы æргом кæны: «Цæгат æмæ Хуссар Ирыстоны скъолаты, ирон æвзаг ахуыргæнгæйæ, орфоэпийы хъуыддаг хъуамæ рæбинаг бынат æрцахста. Нæ ног фæсивæд хъуамæ раст æмæ сыгъдæг ирон æвзагæй базонной дзурын». Æмæ дарддæр: «...нæ зонды фæрæзтæ, нæ зонды ахастытæ баст сты, сывæллоны цы ‘взагыл байдыдтам дзурын, нæ мадæлтæ нын авдæны зарджытæ кæуыл кодтой, уыцы æвзагимæ. Æцæгæлон æвзагыл адæймаг зонды мæсыг нæ самайдзæн» [3, ф. 13].

Алыксандр æвзаг ахуыр кæныны хъуыддаджы æнæмæнг хъæугæйыл нымæдта хъуыдыы мидис æмæ ныхасы формæйы æхсæн æмбардзинад æмæ домдта, цæмæй рæзгæ фæлтæры ахуыр кæной мадæлон æвзагыл хъуыды кæныны культурæйыл: «Нæ бон у саразын ног скъола. Ахæм скъола, нæ фæсивæд æнцонæй кæм бамбарой дунейы æгъдæуттæ, кæм сфæлтæрой нæ фæсивæд кусын æмæ сæрибар цард аразын. Æмæ уыцы скъола /.../ æрмæст уæд сырæздæнис, æрмæст уæд ракæндзыстæм нæ

кусаг адамы талынгай рухсма, скьолайы на сываеллаетты ахуыр куы каenam сa маделон авзагыл» [3, ф. 14].

Тынг актуалон нам касы ахуыргонды ацы хуыды: «Сываеллонма дзурын хъауы, кай зоны, бинонты ‘хсаен кай хъусы, уыцы ‘взагыл.

Уад скьолайы куыст, скьолайы хуыддаг ардзай куыд баззадис, уыцы уагыл авард уыздзенис» [3, ф. 15].

Тыбылты Алыксандр наукон агъдауай бындур аравардта ирон авзаджы аппат кьабазты иумайаг литературон авзаган. Советон хицаудзинады фыццаг азты ахуыргонд цахгар аравардта ацы доман: хъауы иумайаг литературон авзаг: «На культурон куыст, на культурон иудзинад тынгдар иумайаг литературон авзагай сандидздысты. Най не скьолаты ирон авзагма ахизан, цалымма литературон авзаджы хабар карай-каронма фауам. Цалымма барег-барег литературон авзагыл ныллаууам, уалымма раст дзурын ама раст фыссын на базондыстам. Ирон чинуган разма ацауан най аена иумайаг литературон авзаг... Иумайаг литературон авзагма узал цастай чи касы, уыдон не ‘мбарынц ирон адамы культурон хаста. Уыдон не ‘ндавы ирон адамы культурон рэзынад» [3, ф. 39].

Тыбылты А. раст бафиппайдта уый, ама маделон авзаг индивид йа зардама исы активонай, уымма адаман са бон у авзаджы рэзтыл аудын, цамай хуыды авдисыны мадзалтта оптималондар каной, уый тыххай. Авзаджы система амбарстгонд сваййы армаест ахуыргондзинады рэзтима: «Ирон авзагай дар дасныйа куы архайай, уад йа бон фылдар уыздан, фылдар загъынхьом уыздан... Хъауы аенаменгай ног дзырдтай, ног терминтай схьацын ирон авзаг... Аппарын хъауы авзаджы магуырдинад. Хъуама кьаннаг авзагты дар уыйбарц дзырдта, уыйбарц терминта уа, ама алцыппат загъынхьом куыд уой» [3, ф. 73].

Авзаджы культурайы рэзтима ирддар каены норма, адам ламбынагдар са хус дарынц авзаджы алыхуызон ивддинадтам. Тыбылты А. куыд нымадта, уыма гасга Кьостайа абоны онг авзаджы хъуама арцауой арф ивддинадта, фэзыной ног формата, кацыгта баст сты литературон авзаджы райрэзты прогрессивон тенденцитам ама адамон ныхасы гуыранима: «*Ацэг*» адамон поэт» кай уыд Кьоста, уый зыны йа ныхас ама йа зарджыты кондыл дар. Кьоста дзуры сыгдаг ирон кусаг ладжы авзагай.

Ирон магуыр æмæ къуымых æвзагæн цыдæр хинтæ зоны Къоста. Цыфæнды арф æмæ бæрзонд хъуыдытæ сæвзæры Къостайы сæры, уæддæр сæ загъы хуымæтæджы ирон æвзагæй. Иунæг тыхаразгæ ныхас нæ разындзæн Къостайы зарджыты» [3, ф. 129].

Уымæ гæсгæ ахуыргонд иумæйаг литературон æвзаджы бындурыл нымадта, Къоста цы ирон диалектыл фыста, уый. Цытджын поэты сфæлдыстады Алыксандр уыдта иумæйаг литературон æвзаджы мидæг ныхасы типты æмæ стильты диссаджы хъæздыгдзинад.

Тыбылты А. «уæлдай арфдæр æнкъардта æвзаг» (Л. П. Щерба), æвæцæгæн, уымæ гæсгæ ахуыргонд æмбæрста билингвизмæн канд йæ æвæрццаг нæ, фæлæ ма йæ æппæрццаг фæстиуджытæ дæр: «Фыццаг рæстæджы дæр стыр аргъ кодтам уырыссаг æвзагæн. Дзæбæх ныхас загъын нæ-иу куы фæндыдис, уæд-иу загътам: «Дæ лæппу уырыссагау базонæд». Кадджын нæм уыдис гуырднег æвзаг дæр. Æрмæст нæ цæсты нæ уыдис æрдуйыбæрц дæр нæ фыдæлты æвзаг, ирон æвзаг. Уыйадыл нæ уд лæвæрдтам уырыссаг æвзагмæ æмæ нæ ирон ныхасыл нæ фæцайдагъ стæм нæ скъолайы, нæ бинонты ‘хсæн. Сæдæ азæй фылдæр рацыдис, ирон æвзагыл чиныг куы сæвзæрдис, фæлæ уа-диссаг ницы ма сцырын ис ирон чиныг. Цæмæн нæ хъуыдис чиныг ирон æвзагыл? Цас ирон æвзаг тагъддæр ферох кодтаиккам, æмæ тагъддæр сдзырдтаиккам уырыссаг æвзагыл, уыйас рæвдздæр уыдис паддзахы дуджы хицауады политикаæ дæр кæройнаг къаннаг мыггæгты ‘хсæн» [3, ф. 13]. Фæлæ цард куы аивта, уæд «цæмæй нæ къахыл слæууæм, уымæн та йæ сæйраг амæлттæй сæ иу у не ‘взаг.

Æрмæст æвзаджы руаджы райхъал уызæн нæ зонд, æрмæст уый фæрцы æнæ фæрисгæйæ бауыздыстæм хайджын сæрибары æрхæсгæ хæзнатæй.

Размæ нæ ацæудзыстæм, нæ зонд не стыхджын уызæн, йæ фысынтæ йын нæхи æвзагыл куынæ самайм, йæ уидæгтæ йын нæхи æвзагыл куынæ сфидар кæнæм» [3, ф. 13]. Ардыгæй скæнæн ис иууыл растдæр хатдзæг – дыууæ æвзаджы дæр ахуыр кæнын хъæуы иумæ, параллелон æгъдауæй.

Хъыгагæн, ныртæккæ ацы ‘хъуыды рохуаты баззад æмæ, махмæ гæсгæ, æнæхъуаджы сты, сывæллæттæн ирон æвзаг куыд амонын хъæуы, уый фæдыл дискусситæ. Мадæлон æвзаджы фидæны хъысмæт хорз уыдта Тыбылты Алыксандр: *«Йæ мады æвзагыл-иу хорз нæма*

фæццайдагъ ис ирон сывæллон æмæ-иу æй скъолайы уырыссаг æвзагыл сæхæдæг бафтыдтой... Æндæр æвзагæй куы дзурынц скъолайы сывæллонмæ, уæд ын цас зын вæййы, цас хъæуы йæ удаей, уый æрмæст йæ хъусты къæрмæджытæ кæмæн ис, ахæм адæймаг не 'мбары, цалынмæ сывæллон æндæр æвзагыл фæццайдагъ вæййы сæдæрсгæ, уалынмæ йæ ахуыр размæ нæ цæуы, уалынмæ йæ зонд рæзынæй банцайы... Фæнды йæ сæрыл цæуын ахуыр кæн сывæллоны, фæнды йын цы вzag не 'мбары, уыцы æвзагыл араз йæ зонады фæдæгтæ» [3, ф. 14-15]. Кæм ма ис ам, Алыксандр кæмæ тырныдта, уыцы хъуыдыйы хуымæтæгдзинад, ирддзинад, аивдзинад, кæд æмæ хуымæтæджы орфографи, графика, орфоэпийы фæтк хæлд цæуы, уæд?!

Тыбылы-фырт куыд фыссы, афтæмæй советон рæстæджы æвзаджы нормализацийы, орфоэпийы æмæ дзырдтæй пайда кæнын фæрстытæн ис стыр æхсæнадон нысаниуæг, уыдон раст лыг кæныны хъуыддаг баст у ныхасы культурæ фæбæрзонддæр кæныныл тохимæ, æвзаджы хъæздыгдзинæдтæй раст пайда кæнынимæ, йæ сыгъдæгдзинадимæ.

Ахуыргондмæ гæсгæ, сæйрагдæр хæстæй иу у растдзурыны æгъдæуттæ иу фæткыл саразын. Йæ уацы «Ирон орфоэпийы фарстатæ» Алыксандр фыссы: «Иууыл хæццæйæ лæууы орфоэпийы хъуыддаг. Ирон дзыхы ныхасæй лакъондæр ницы уызæнис... Дзургæ-дзурын ирон æвзагæй комкоммæ арвистон скодтам, æмæ дзы зæрдæ цъæх кæны, стæм фехъусдзынæ раст æмæ ирон сыгъдæг æвзаг. Хъуамæ расидæм тох раст æмæ сыгъдæг ирон æвзаджы сæрыл, Раст æмæ сыгъдæг куы дзурам, уæд кæрæдзи æнцондæр æмбардыстæм. Раст æмæ сыгъдæг дзыхы ныхасмæ хъусын æхсызгондæр вæййы» [4, ф. 63].

Алыксандр куыд бафиппайдта, афтæмæй, цæмæй растдзурыны нормæтæ сбæлвырд уой, уый тыххæй хъæуы арф историон раиртæстытæ. Зæгъæм, Хуссар Ирыстоны «æлдæртты бархъомыс тыхджындæр кæм уыдис, уым тынгдæр слакъон ис ирон æвзаг гуырди-зиаг дзырдтæй, афтæмæй райдыдтой дзурын хæццæ ирон-гуырди-зиаг жаргонæй» [3, ф. 64]. Цæгат Ирыстоны диалектæм та хæццæ кæнынц уырыссаг дзырдтæ, уырыссаг конструкитæ. Советон рæстæджы ацы процесс фæмынæгдæр, фæлæ уæддæр хуссайрагтæ æппын нæма суæгъд сты гуырди-зиаг «хо» æмæ «кьи»-йæ.

Автор домы ирон æвзаг «уыцы цæмæл элементтæй» ссыгъдæг кæнын æмæ хъынцъым кæны, скъола дæр, театр дæр, газетæ æмæ

журналтæ дæр растдзурыныл кæй нæ кусынц, уый тыххæй. «Цы хъæуы нымайын раст ирон ныхасыл, уый нын афонмæ дæр хъуамæ бæрæггонд уыдаид. Ирон орфоэпийæн акæсын хъæуы йæ алы фисынтæм æмæ йын бæрæг æгъдауттæ раттын хъæуы... Кæй загъын æй хъæуы, нæ орфоэпийы бындурæн сисын хъæудзæн цыцыгæнаг ныхасы здæхт. Хъуамæ иуварс кæнæм цæгаттаг æмæ хуссайраг æвзаджы гакъæттæ. Нæ орфоэпийы нæ хъæуыныц «æж жагътонтæ» æмæ «шæмæннаетæ» [3, ф. 64].

Алыксандры уацтæй иу къорд нысангонд у хуссарирыстойнаг ныхасыздæхтытæн: «Хуссар Ирыстоны диалектæ», «Ч» æмæ «ДЖ» дзауаг æвзаджы», «Об особенностях юго-осетинских говоров», «Современное состояние юго-осетинских говоров». Ацы куыстыты автор ирон ныхасы культурæйы сæрыл тохгæнгæйæ домы, цæмæй мадæлон æвзагмæ ма цæуой хаст æндæр æвзæгты конструкитæ æмæ дзырдарæзтытæ, æвзагæн искæйон терминтæ. Фæлæ «литературон æвзаджы уавæр фæхуыздæр кæныны тыххæй æнæмæнг пайда кæнын хъæуы хуссар-ирыстойнаг ныхасыздæхтыты лексикон æвæрæнтæй, уалдайдæр дзауаг ныхасы дзырдæттон мадзæлттæй. Ирон дзургæ æмæ фысгæ ныхасы культурæйыл тохгæнгæйæ сеппæт диалектты лексикон хъæвдыгдзинæдтæй пайда кæныны руаджы цумæйаг литературон æвзаг уайд фаг тасаг, хызт уайд варварон элементты æнæхъуаджы æрбайстытæй» [3, ф. 72].

Ныхасы культурæ фæбæрзонддæр кæныны хъуыддаджы терминологийы хъæд фæхуыздæркæныны фарста стыр бынат кæй ахсы, уый дæр рохуаты нæ баззад Тыбылы фыртæй. Рæстæджы домæнтæм гæсгæ термин хъуамæ уа бæлвырд, бæрæг, æмбæрстгонд: «Октябры революцийы агъоммæ ма мыггагон æгъдауæй цы къаннæг адæмтæ цардысты, уыдонмæ фæзындис стыр сæудæджерæд, уыдон коллективон фæндагыл æрæвæрдтой сæ хъæуон хæдзарад, уыдон сæ рагон дзывыр тракторæй раивтой. Националон бæстæты сывзæрди бынæттон пролетариат...

Националон бæстæты советон аппарат ис бынæттон адæмы къухы, уыцы аппарат кусы бынæттон æвзæгтыл. Раздæр чиныг кæй æвзагыл нæ уыди, уыцы мыггæгтæ дæр сифтонг сты сæхи чиныгæй, сæхи скъолайæ. Рæзы националон литературæ.

Адæмæн сæ цард, сæ хæдзарад æмæ се ‘взаг æмхæст сты. Æвзаг сæвзæрдис æмæ рæзтис материалон бындурыл. Адæмты ‘хсæн цы классон тох цæуы, уый зыны æвзаджы дæр, уымæ гæсгæ рæзынц æвзæгтæ.

Адамы цард куыд ивта, афтæ ивтой æвзаджы æууæлтæ дæр. Революцийы агъоммæ цы националон æвзагтæ уыди, уыдон не ‘ййафынц ног социалистон дуджы домæнты, нæ сыл æххæссынц. Патриархалон цардæй цы мыггагтæ цардысты, уыдонæн сæ царды айвазæнтæ куыд цыбыр уыдысты, сæ царды домæнтæ куыд къуындæг уыдысты, се ‘взаг дæр афтæ цыбыр, афтæ къуымых уыдис. Канд националон æвзагтæ нæ, фæлæ хæздыг, тыхджын уырыссаг æвзаг дæр ивы йæ цæсгом, социализм чи аразы, уыцы рæстæгмæ гæсгæ.

Æнæнымæц ног дзырдтæ фæзындис уырыссаг æвзаджы революцийы фæстæ. Гъемæ, уырыссаг æвзаг кæм исы ног дзырдтæ, уым къаннæг националон æвзагты тынгдæр хъæуы сæ сæр ахæм дзырдтæн» [3, ф. 73].

Дарддæр ныхас цæуы, ирон æвзаг дæр, иннæ æвзагты хуызæн, интернационалон дзырдтæй хæздыгдæр кæнын кæй хъæуы, ууыл. Уыцы дзырдты нымæц бонæй-бонмæ фылдæр кæны: социализм, коммунизм, физикæ, радио, пролетариат, диктатурæ, материализм, революци, конституци... [3, 75]. Ахуыргондмæ гæсгæ, ирон æвзаг хъуамæ уæрæх æмæ æнæ тæлмацæй пайда кæна ахæм дзырдтæй. Интернационалон терминтæ иннæ ‘взагты цы хуызы æмбæлынц, уыцы хуызы хъуамæ ист цæуой ирон æвзагмæ дæр. Кæс.: *«Куыд зыны, афтæмæй уырыссаг æвзагæй фылдæр хъæудзæн терминтæ исын...»*

Интернационалон терминтæй æмæ уырыссаг дзырдтæй фæхæздыгдæр уызæн ирон литературон æвзаг, фæлæ уымæй бынтон нæ ахицæн уызæн терминологийы хъуыддаг.

Ног терминты уæз, бонифæстагмæ, æнцайы уæддæр ирон æвзагæн йæхиуыл. Ног дзырдтæн сæ фылдæр рæзы æмæ рæздзæни уæддæр ирон æвзагæн йæхи уидагыл» [3, ф. 7].

Тыбылты А. домдта ирон æвзаг алыварсыг иртасын, æвзагæй хъавгæ æмæ арæхстджынай пайда кæнын. Нæй рохуаты ныууадзæн ирон æвзаджы диалектæ, архаизмтæ, уымæн æмæ уыдон дæр сты терминологи фæпарахатдæр кæныны мадзал. Терминологийыл хъуамæ ку-сой специалисттæ.

Ам ис æвзаджы бирæ ахсджиаг фарстатæ: термины æвзагон структурæ, ног терминтæ аразгæйæ грамматикон элементтæ æмæ дзырдарæзты типтæ, терминологион дзырдабæстыты типтæ. терминты хуызтæ, диалектон дзырдтæ терминты мидаг æмæ терминты хуы-

зы, термин аразæг дзырдты ахастытæ литературон æвзаджы орфоэпи, дзырдарæзтады, цавды нормæтимæ [1].

Æвзаджы культурæйы бæрзаенд æвдисæг мадзæлттæй иу у дзырдтæй раст пайда кæнын; растдзурынад, цавд æмæ грамматикон формæтæй раст пайда кæнынимæ бæлвырд кæны æвзаджы рæсугъддинад, рæстдзинад æ. а. д. Ацы фарстатæ лыг кæнæн ис æрмæст литературон æвзаджы стилистæн раст аргъ скæнгæйæ, ирон лексикайы стилистикон хуызтæ раиртасгæйæ. Дзырдтæй раст пайда кæнын хуыддаджы ахсджиаг у æвзаджы синонимикон мадзæлтты функцитæ раиртасын æмæ литературон æвзаджы лексикон араентæ сбæлвырд кæнын. Ацы фарста æнгом баст у æндæримæ: æвзаджы сыгъдæгдинадимæ, æрбайсгæ дзырдтæй пайда кæнын æгъдæуттимæ. Уый тыххæй Тыбылты Алыксандр фыссы: *«Æндæрбæстаг терминæн йæ ныхмæ дзæбæх, æнцонамбарæн ирон дзырд æрæвæраен куы уа, уæд архайын хъæуы ирон дзырдæй. Уырыссаг æвзаг æндæрбæстаг дзырдтæй æнæхъуаджы чи арвистон кодта, уыдон ныхмæ Ленин фыста: «Уырыссаг æвзаг мах сафæм, æндæрбæстаг дзырдтæй кæм нæ хъæуы, мах уым дæр архайæм. Раст сæ нæ архайæм».*

Ирон æвзаг дæр хъуамæ бахизæм æнæхъуаджы æндæрбæстаг дзырдтæй. Æрмæст æнæмæнгæй сæ сæр кæм хъæуа, уым сæ райсыныл гуырысхо нæ хъæуы, ирон æвзаджы «сыгъдæгдинадæй» куы фæкайæм ацы ран, уæддæр æндæр гæнæн нæй» [3, ф. 76].

Алыксандр æркаст грамматикон нормализацийы ахсджиагдæр фарстатæм дæр. Бынтон бæлвырд не сты, ирон орфографи цы сæйраг принципты бындурыл хъуамæ рæза, уыдон. Ныффидаг кæнын хъæуы ног графика, сбæлвырд кæнын иуæй-иу дзырдты фыссынады хицæндзинæдтæ æ. а. д. Цыбыр дзырдæй, орфографийы фарстатæ нырма сты бæстон бакусинаг: *«Нæ орфографийы хуыддаг раст нæ цауы. Нæ нын æнтысыс иу æгъдауыл нылæууын: кæй нæ куыд фæнды, афтæ фыссы».*

Æгæрыстæмæй нæ газеттæй дæр алчи йæхи фæнд тæры...

Афтæмæй нæ чиныгæн æмæ нæ адамæн иттæг зиан кæнæм. Бирæйы фæнды исты ныффыссын, фæлæ «раст» фыссын кæй нæ зоны, уый фыдæй йæ къухмæ фыссæн дæр нал исы. Иу чиныг, иу газетыл чи фæцайдагъ, уый иннæ чиныг, иннæ газет бакæсынмæ йæ ныфс нал хæссы. Уæлдай тыхсы нæ орфографийы хулонæй кусæг лæг» [3, ф. 28].

Иннæ уацы – «Раст фыссыны хуыддаг» – Тыбылты А. фыссы литературон æвзаджы бындур æмæ растфыссынады бастдзинадыл, морфо-

логион æмæ фонетикон фæткы бынатыл ирон растфыссынады, уымæ æрцауы ахæм хатдзæгмæ, зæгъгæ, фыссынады райрæзт æрмæст алфавиты фарста алыг кæнынимæ баст нæу. Стыр бынат ахсы орфографион нормæты системæ дæр.

Иу фарстыл ма нæ æрлæууын фæнды. Алыксандр къорд хатты бафиппайдта, зæгъгæ, мадæлон æвзагыл ахуыр кæныны методикайæн ис зонадон æмæ лингвистон аспекттæ дæр.

Ахуыргæнинагты ныхасы культурæ бæрзонддæр кæныны ахсджи-аг у ахуыргæнæджы куыст, фæлæ ахуыргæнæг йæхæдæг дæр хъуамæ æнæмæнгæй арф æмæ бæстон зона æвзаджы сæйраг законтæ.

Цалдæр ныхасы сена зæгъгæ нæй Тыбылты А. уац «Ирон дзырдуат»-ы тыххæй. Уый фыст у, В. Миллеры дзырдуаты I-аг чыныг мыхуыры кæй рацыд, уый фæдыл. Алыксандр стыр аргъ скодта ацы дзырдуатæн, схуыдта йæ, ирон æвзаг æххæстæй кæм разынд, фыццаг ахæм лексикографион куыст: «Кæй зæгъын æй хъæуы, ацы дзырдуат стыр æххуыс фæуыздæн æвзагзоныны ахуырдинадæн æмткæй сисгæйæ... Фæлæ нæ ирон адæмæн æмæ нæ культурон куыстæн цы стыр ахъаз фæуыздæн ацы дзырдуат, уымæн кæрон нæй. Аргъгæнæг ын аргъ не скæндзæн ацы сахат. Уыцы дзырдуаты руаджы нал ис амæлæн æмæ фесафæн ирон æвзаджы хæзнатæн» [3, ф. 36-37].

Зын у, Тыбылты Алыксандр ирон æвзагæн (æмæ ирон адæмæн) цас хæрзты бацыд, уыдоныл сеппæтыл аххæссын æмæ сеппæтыл æрдзурын.

«Тыбылты Алыксандр йæхæдæг тæразæй барагау кодта йæ дзырд, æмæ зæлдаг уадзæгау цауы йæ ныхас. Уæлдай, æнæхъуаджы дзырд ын не ссардзынæ йæ ныхасы. Иу дзырд дзы нæ фенкъуысдзæн йæ бынатæй. Бæстон ын чи ахъуыды кæна йе ‘взагыл, уый бауырндзæн: æвзаг хорз кæй зыдта, уый уыди канд йæ æвæллайгæ нæртон куысты фæрцы нæ, фæлæ йæм æвзагзонынады курдиат æрдзæй кæй уыд, уый фæрцы дæр», – афтæ фыссы Дзаттиаты Гиуæрги [4, ф. 106].

Библиографи

1. Дзаттиаты Г. П. Вопросы терминологии в творчестве Александра Тибилова. Цхинвал.
2. Дзаттиаты Г. П. Александр Тибилов и вопросы осетинской литературной критики. Цхинвал. 1985.

3. Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал, 1988.

4. Мах дуг. 1973. №1. 106 ф.

Сведения об авторе

Бесолова Елена Бутусовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания СОИГСИ ВЦ РАН. Россия, Владикавказ. E-mail: elenabesolova@mail.ru

About the author

Besolova Elena Butusovna, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Department of Ossetian Linguistics SOIGSI VSC RAS; Russia, Vladikavkaz. E-mail: elenabesolova@mail.ru

УДК 372.881.1

Абаева Е. С.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ПЕРЕВОДЧЕСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Abaeva E. S.
BILINGUALISM AS A PROFESSIONAL SKILL
OF A TRANSLATOR: TEACHING EXPERIENCE

***Аннотация** Статья посвящена проблемам обучения переводческой деятельности в русскоязычной аудитории в рамках работы с парой языков русский-английский и, в частности, формированию профессионального переводческого билингвизма. Автор рассматривает необходимость формирования такого рода билингвизма, приводит ряд заданий, используемых в аудитории при работе со студентами филологического направления.*

***Ключевые слова:** перевод, обучение переводу, переводческий билингвизм.*

***Abstract.** The article is devoted to the problems of teaching translation in a Russian-speaking classroom and deals with the professional bilingualism as a special skill of a translator. The author underlines the necessity of its development and presents a number of tasks which enable students of philological department to master their professional bilingualism.*

***Key words:** translation, teaching translation, bilingualism of a translator.*

Вопросы, связанные с таким понятием, как билингвизм поднимаются в рамках процесса обучения иностранному языку неоднократно и с разных исследовательских ракурсов. Не в последнюю очередь билингвизм интересен как часть профессиональной компетенции переводчика, поскольку, как отмечают многие авторы, обычный билингвизм и профессиональный переводческий билингвизм обладают целым рядом существенных отличий [4, 5, 8, 9, 10, 11], что требует особого внимания при подготовке специалистов в сфере перевода.

Так, например, Алексеева И. С. считает, что, хотя знание языка не означает полного билингвизма, переводчик должен обладать знанием иностранного языка на близком к билингвизму уровне (с учетом культуры) [3].

В одном из современных словарей [2] билингвизм (двуязычие) определяется как «способность индивида или группы пользоваться попеременно двумя языками» и как «реализация способности пользоваться попеременно двумя языками; практика попеременного общения на двух языках». Не вдаваясь в особенности общих классификаций по типу создаваемого или имеющегося билингвизма (субординативный / координативный, активный / пассивный, контактный / внеконтактный и т. д.), отметим разнообразие классифицирующих позиций и применительно к переводческому билингвизму: продуктивный, смешанный, опосредствованный [6]; смешанный скоординированный [11], «параллельный, координативный, активный и контактный сбалансированный» [10, с. 44] и т.д.

Выделяются отдельные характеристики переводческого билингвизма, которые, как нам кажется, должны найти отражение при проектировании заданий, направленных на формирование и развитие данной переводческой компетенции. Среди таких характеристик отдельно подчеркнем специфические и часто сложные условия осуществления переключения [8].

Поскольку довольно часто в процессе обучения переводчиков происходит так называемое накопление переводческих соответствий через постоянные двуязычные речевые действия в рамках контекста и ситуации, то и формирование переводческого билингвизма часто осуществляется в рамках лингвистического подхода. Авторы предлагают использовать следующие задания:

- во избежание интерференции отдельно работать с ложными друзьями переводчика, фразеологическими единицами, пословицами/поговорками и т. д.;
- составлять словарики (группировать словосочетания по ЛСП);
- использовать упражнения, направленные на накопление лексических соответствий и преодоление отдельных переводческих проблем (например, связанных со структурными расхождениями языков по А. Фалалееву) [5];

- развивать осознанную рефлексию (анализ и работа над текстами на двух языках) [4];
- производить письменную фиксацию смысловой программы перевода (при обучении устному переводу) [10] и т. д.

Ни в коей мере не умаляя достоинств предложенных типов работы, мы хотим сделать небольшой акцент на активно применяемом в современной практике преподавания принципе, согласно которому мы все чаще говорим о формировании вторичной картины мира и вторичной языковой личности в рамках преподавания языка [7]. Нам кажется, что чрезмерное увлечение упражнениями в русле «стимул-реакция» чревато натаскиванием студентов не на подбор нужного контекстуально варианта, а на порой автоматическую выдачу одного закрепленного варианта. Поскольку в нашей практической деятельности мы имеем дело с филологами, то анализ текста и филологическая работа с текстом – одно из важных направлений обучения.

Рассмотрим несколько аспектов, которые, как нам кажется, необходимо учитывать в русскоязычной аудитории при обучении переводу студентов филологических и лингвистических специальностей. Оговорим, что приведенные упражнения мы используем для формирования переводческого билингвизма при обучении студентов-филологов (английский язык и русский как иностранный), для которых перевод выступает не в последнюю очередь еще и средством формирования дополнительных компетенций, как например, коммуникативная, социокультурная и т. д.

На наш взгляд, существует три аспекта, которым необходимо уделять большую роль в преподавании перевода для формирования переводческого билингвизма.

В первую очередь, речь идет о *свободном переключении* с одного языка на другой. Свободным, на наш взгляд, можно назвать переключение, при котором студент переходит с одного языка на другой, не испытывая при этом затруднений, и не маркируя этот переход дополнительно даже для себя (**Так, а сейчас я буду переводить с английского на русский*). По понятной причине, когда происходит освоение, например, этапности переводческого процесса, переключение происходит в наименее естественной обстановке. Но со временем, как мы видим из опыта, создание ситуации обучения, при которой переход к непосредствен-

но переводческой деятельности (и, соответственно, само переключение между языками и культурами) происходит естественно, с уменьшением промежутка на подготовку дает хорошие результаты. Можно использовать, например, частое включение в аудиторный процесс перевода с листа с английского на русский в рамках знакомой тематической области. Также «обыденность» ситуации перевода можно создавать при использовании и чередовании в рамках одного занятия разных типов и видов перевода: в качестве парной работы с аудио– или видеофайлами подойдет в таком случае, например, шушутаж. Обратим внимание, что при такой работе мы должны делать бОльший акцент на естественности переключения, а не на качестве перевода. Помимо этого, можно использовать выборочный перевод или работу со вторичными переводческими текстами, где перевод играет роль, скорее, инструмента.

Второй необходимый, на наш взгляд, нюанс – это возможность и способность осуществлять переводческую деятельность в рамках подхода через ситуацию, то есть с *применением ситуативной модели перевода*. В контексте современного процесса преподавания языка можно вести речь о формировании непосредственного билингвизма, когда вторичный язык и вторичные речевые умения связаны с мышлением непосредственно. Нам кажется, что об этом говорит Т. К. Цветкова, указывая, что возможна коммуникация на иностранном языке без явного посредничества родного языка, хотя он сохраняет свою доминирующую роль в осмыслении информации [11].

Чтобы использовать новую тенденцию формирования картины мира в сознании обучающегося, при переводе требуется опора на понятия, а не на слова. В таком случае возможна работа через визуальные опоры, когда студенты производят перевод, предварительно зафиксировав определенные картинки. Например, при работе с тематической областью «растения» студентам предлагалось изобразить определенные растения, затем описать их особенности на русском языке, и только потом производить перевод. Еще одним вариантом является обращение к текстам, при переводе которых необходимо обращение к ситуативной модели перевода.

Третьим важным моментом при формировании переводческого билингвизма является *создание вариативности*. Естественный билингв, скорее всего, будет производить выбор лингвистической единицы в за-

висимости от коммуникативной ситуации. В ситуации перевода в идеале должно быть то же самое. При переводе, неважно какой тип или вид мы рассматриваем, важно учитывать целый ряд факторов, влияющих на коммуникативную ситуацию и соответственно на выбор переводчиком того или иного варианта. К сожалению, студенты, да и начинающие переводчики, не всегда могут дать несколько вариантов перевода сразу, тем более в условиях, приближенных к жизненным, например, при недостатке временного ресурса, при стрессовой ситуации и т.д. Довольно часто они дают лишь один вариант, который потенциально может не подойти к заданным условиям. Например, может стилистически не соответствовать родо-жанровой характеристике текста, содержать фонетические повторы, или создавать тавтологию в рамках абзаца.

Мы уже говорили про создание вариативности при специфических условиях перевода [1, с. 352]. Похожие типы заданий можно использовать для формирования коммуникативной компетенции по использованию вариативности в целом. Так, например, можно использовать формат таблицы (См. Таблица 1), в которых заранее заданы параметры перевода.

Таблица 1

Пример задания на вариативность

единица оригинала	эквивалент	экспликация	функциональный аналог	калькирование
XXX				

Практика показывает, что подобные типы заданий способствуют развитию профессионального переводческого билингвизма с позиции обозначенных ранее аспектов. Оговорим, что любое из предложенных упражнений может быть использовано и с иными целями. В данном случае реализуется, в том числе, деятельностный подход, повышается мотивация студентов, происходит интенсификация процесса обучения, что немаловажно при уменьшающемся количестве часов.

Библиографический список

1. Абаева Е. С. Вариативность в переводе отрывков с юмористическим эффектом // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов, Москва, 24–25 марта 2017 года. Том 2. Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. С. 351-356.

2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009.

3. Алексева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. М.: Академия, 2004. 352 с.

4. Барина И. А., Нестерова Н. М. О специфике языковой рефлексии и билингвизма переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6. Ч. 1. С. 20-22.

5. Беляева Т. Н. Формирование переводческого билингвизма в курсе иностранного языка: двуязычные переводческие упражнения // МАГИЯ ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов. В 2 томах. Том 2. 2017. С. 365-371.

6. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с.

7. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 20013. 336 с.

8. Емельянова Я. Б. Специфика «переводческого» билингвизма // Новый взгляд. Международный научный вестник. Вып. 1. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2013. С. 38-44.

9. Лешканова Е. О. Проблема типологии профессионального билингвизма переводчиков / Е. О. Лешканова, Е. Р. Поршнева // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 130–141.

10. Серова Т. С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. 2010. №4 (12) С. 44–56.

11. Цветкова Т. К. Теория билингвизма – основа современной лингводидактики: Монография. М.: Спутник +, 2020. 177 с.

References

1. Abaeva, E. (2017) *Variativnost' v perevode otrzykov s humoristicheskim jeffektom* [Variability in Translation of Text Excerpts with a Humorous Effect]. *MAGIA INNO: new dimensions in linguistics and linguodidactics*. V. 2. pp. 351-356.
2. Azimov, E. G., Sh`ukin A. N. (2009). *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij* [New Dictionary of methodological terms and notions]. Moscow: IKAR.
3. Alekseeva, I. S. (2004) *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to Translation Studies]. Moscow: Akademiya.
4. Barinova, I. A., Nesterova N. M. (2015) *O specifikke jazykovoj refleksii i bilingvizma perevodchika* [On the specifics of linguistic reflection and bilingualism of a translator] *Philology. Theory & Practice*. Tambov: Gramota. № 6 (1). pp. 20-22.
5. Belyaeva, T. (2017) *Formirovanie perevodcheskogo bilingvizma v kurse inostrannogo jazyka: dvujazychnye perevodcheskie uprazhnenija* [Towards Translation Bilingualism in a Foreign Language Course: Translation Exercises]. *MAGIA INNO: new dimensions in linguistics and linguodidactics*. V. 2. pp. 365-371.
6. Vereshchagin, E.M. (2014) *Psikhologicheskaja i metodicheskaja kharakteristika dvuiazychiia (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow, Berlin: Direkt-Media, 162 p.
7. Galskova, N. D., Gez, N. I. (2013) *Teorija obuchenija inostrannym jazykam* [Theory of teaching foreign languages]. Moscow: Akademiya.
8. Emel'janova Ja. B. (2013) *Specifika «perevodcheskogo» bilingvizma*. [Bilingualism of a translator: Special traits and features] *A New Look. International Scientific Bulletin*. №.1. Novosibirsk: Sybprint. pp. 38-44.
9. Leshkanova, E.O., Porshneva, E.R. (2022) *Problema tipologii professional'nogo bilingvizma perevodchikov* [The problem of typology of translators' and interpreters' professional bilingualism]. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. no. 3, pp. 130-141 (In Russ.).
10. Serova, T.S. (2010) *Sbalansirovannyi bilingvizm i mekhanizm iazykovogo perekliucheniiia v ustnoi perevodcheskoi deiatel'nosti v usloviiah dialoga iazykov i kul'tur* [Balanced bilingualism and the mechanism of language conversion in oral translation activity in the

conditions of languages and cultures dialogue]. *Iazyk i kul'tura*. 4 (12), pp. 44–56.

11. Tsvetkova, T.K. (2020) *Teoriia bilingvizma – osnova sovremennoi lingvodidaktiki* [Bilingualism theory as the basis of modern linguodidactics]. Moscow: Sputnik. 177 p.

Сведения об авторе

Абаева Евгения Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации, доцент, Московский городской педагогический университет; РФ, Москва. E-mail: AbaevaES@mgpu.ru.

About the author

Abaeva Evgeniya Sergeevna, Doctor of Philological Sciences, professor of Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, associate professor; Moscow City University, Russia, Moscow. E-mail: AbaevaES@mgpu.ru.

СЕКЦИЯ 1
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ЭПОХУ
ВСЕОБЩЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СЕКЦИЯ 1 а)
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ
МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ КАК ФАКТОР ИХ РАЗВИТИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

УДК 82.091

Rajdeep Chaudhary
A COMPARATIVE STUDY OF INDIAN AND SOVIET CHILDREN'S
LITERATURE AND ITS ROLE IN ENRICHING CHILDREN'S
LITERATURE OF INDIA

Радждип Чаудхари
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РОЛЬ ПЕРЕВОДОВ В РАЗВИТИИ
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНДИИ

***Abstract.** This study is an attempt to envisage the themes of both the literature and to analyze the techniques adopted time to time in the literary works of this genre.*

Proposed research compares the children`s literature of Soviet Russia (Russian language only) and India (folktales of Indian regional languages). It will keenly look into the role of translated works into Hindi in enriching the Indian children`s literature and vice-versa.

By tracing out the novel trends and techniques in the area of study, it will make a positive attempt to bridge the gap between two cultures.

It will explore into the new possibilities arose in Russian language children's literature due to cultural integration.

Key words: *children's literature, soviet folktales, Indian folktales, oral tradition, children's book.*

Аннотация. Данное исследование представляет собой попытку охватить тематику как литературы, так и проанализировать приемы, применяемые время от времени в литературных произведениях этого жанра.

Предлагаемое исследование сравнивает детскую литературу Советской России (только на русском языке) и Индии (сказки на индийских региональных языках). Изучается роль переводов на хинди в обогащении индийской детской литературы и наоборот.

Отслеживая новые тенденции и методы в области исследования, автор делает позитивную попытку преодолеть разрыв между двумя культурами.

Он исследует новые возможности, возникшие в русской детской литературе благодаря культурной интеграции.

Ключевые слова: *детская литература, советские сказки, индийские сказки, устная традиция, детская книга.*

Methodology

The primary research method for this study is literature review. Classification of children's fiction in a structured manner will be the first step forward and It follows methods of comparative analysis. The research paper addresses the fundamental questions of literary theory, methodology, poetics and intertextuality of the children's literature. By its comparative approach, it covers the entirety of the, thematic relations between works in Soviet and Indian children's literature. Proposed research emphasis upon thematic analysis of the children's literature.

A section of the proposed research will focus upon commonality and disparity between Soviet and Indian children's literature. The folktale and oral narration of stories well established in Indian folklore system in forms of Panchtantra , Jatak katha , vrihat katha etc. The evolution of same occurred during 18-19th century. Writings for children has always occupied special

place in itself, however with the exception of few acclaimed writers such as R. K. Narayan, Mulk Raj Anand, Bankim Chandra Pal, Rabindranath Tagore and Ruskin Bond, Children's literature in India still lag behind its western counterpart, moreover a dearth of fiction associated with children in various regional languages of India make it more explicit. As per Aries *until the seventeenth century children were not treated differently from adult, it was assumed that they do not have any special needs and as a result there were neither any education system nor were there any books for children.*

As far as Soviet children's literature is concerned, which date backs to centuries, where folktales (skazka) are predominantly include animal tales, magic tales and social tales revolves around social and cultural construct. Notwithstanding 18th century had seen a leap towards author's fairy tales (abtarskiye skazkii). *The years 1769 to 1799 witnessed a surge in children's publishing, much of it due to the educational and literary efforts of the Freemasons (Freemasonry, a Christian movement that emphasizes educational and philanthropic activity which originated in Western Europe, was introduced to Russia in the 1730s but did not take hold of the Russian elite until the second half of the eighteenth century. Because Masons strove to raise the people's educational level, they were drawn to education, literature, and publishing, notably children's literature). One Soviet scholar estimates that 310 or slightly under 80 percent of all eighteenth-century children's books were published during this period (page no.26 Jacqueline M. Olich, Dissertation, 1999).*

This article will provide an overview of study conducted in the field of children's literature and an education model based on the same. In addition, it proposed a conceptual framework for reproducing soviet children's literature in various regional languages of India and vice-versa.

Renowned literary figures such as Aleksandr Sergeivich Pushkin, Lev Nikolaivich Tolstoy, Nikolai Vasilivich Gogol published their literary writings for children in Pismovnik (Guide to letter writing) of educator

N.G. Kurganov. Pushkin 's *Ruslan and Lyudmila, A tale of a fish and a fisherman* are some of the popular works, which are translated in various languages of the world. Constant endeavour of Lev Nikolaivich Tolstoy and his contribution to children's education are noteworthy. He started school for peasant's children, penned down textbooks and stories books for children *Azbuka* (alphabets), *Lion and dogs, About animals and birds, Kostachka*, a collection of short stories for children.

With respect to children discourse a wide range of literary compositions produced during 19th -20th centuries by Arkazi Gaidar, Korneyi Chukovskii, which not only created cultural bridge, but helps incorporating cognitive ability in children. Another celebrated Russian educator Konstantin Dmitrivich Ushinski came to children's literature via pedagogy, his notable books *Detskii mir i Kristamatiia* (Children's world and reader) and *Rodnoe slovo* (Native word) abstracted mainly from Russian folklore. The 19th century was not in the slightest the golden age for soviet children, the emergence of political and cultural alliance between soviet Russia and India witnessed the emergence of a series of translated literature to Hindi, Malayalam and Bengali, thereby making it accessible to young Indian readers.

Philip Aries argues that notion of children's literature is recent phenomenon, that has emerged in the west with the introduction of education system and public schooling in society. Contrary to soviet children's fiction India's children's book has limited audience and hence it has confined to only particular section of the society. Indian writings for children's had seen recent shift from realism to fantasy as discusses *Raj Gaurav Verma in his research paper Children's Fiction in India: A Contemporary Perspective*.

Contemporary Indian writers include Kalpana Swaminathan, Kavitha Mandana, Shreekumar Varma, Sampurna Chattarji, Anushka Ravishankar, Anita Nair, Manjula Padma, Vandana Singh, Poile Sengupta, Kamla Das, Sudha Murthy, Sankara Pillai, Arup Kumar Dutta, Paro Anand, Swapna Dutta, Sandhya Rao,

Reviewing evolution of children's fiction in India Varsha Singh writes *unlike the Western historical literature, South Asia still does not have a social or cultural history of national life and identity of self with children as its primary focus. Recent scholars on other parts of Asia, however, have begun to address the issues of childhood from different aspects, starting from "domestic subversions" in colonial east Indies to "passages to modernity" through the day-care movement in Japan.*

Although there were discourses keep going in this particular area, nevertheless numerous factors, that curb maturation of Indian children's literature include proper recognition of children's literature as a genre and its implementation in the educational institutions. Concurrent children's literature in India comprises substantially of English language literature,

therefore a paradigm shift is required for inclusiveness of regional language literature and subsequently their translation to Russian language and vice-versa to reach wider reader/audience. More specifically, the following research questions are need to be addressed:

What are the major constraints found in the growth of children's literature in India?

How to classify these constraints for their easier identification and modelling?

What are the existing tendencies in the field of children's literature in India and Russia.

Conclusion

A complex and integrated research upon children's literature of two culturally developed nation is of immense significance. Translated works of Indian regional languages could be made accessible to wider audience and an education model for children can be adopted. A broad spectrum of the research look into development of cognitive and pragmatic capability of children. The practical significance of the work lies in the possibility of using its results in the process of teaching university courses like "Stylistics of Russian language", "Linguistics analysis of texts", "Russian as a foreign language", "Indian folktales for Russian students". Translated materials from Indian regional languages can be introduced to Indology for Russian students as well as for Indian Folklore studies.

References

1. Aries, Philippe. 1962, *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life*. (Trans. Robert Baldick), New York: Alfred A. Knopf.
2. Hunt, Peter, ed. 1999, *Understanding Children's Fiction*, London.
3. Azbuka , Graph L. N. Tolstoy , Book1 ,Petersburg, 1872.
4. Hunt, Peter, ed. 1999, *Understanding Children's Fiction*, London, Routledge.
5. Jacqueline M. Olich, *Competing Ideologies and Children's Books: The Making of a Soviet Children's Literature, 1918-1935*, A dissertation submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of History, 1999.
6. K.D. Ushinskii, *Native word for young children*, Novosibirsk, Detskaya Literatura, 1997.

7. *Michelle Superle*, Contemporary English-Language Indian Children's Literature Representations of Nation, Culture, and the New Indian Girl
8. Nation_Identity_and_Children_s_Literatur.pdf.
9. Raj Gaurav Verma, Children's Fiction in India: A Contemporary Perspective 2016, MUSE INDIA: The Literary eJournal.
10. <https://books.openedition.org/pufir/4974?lang=en#:~:text=%2C%20Papyrus%2C%201991>.
11. <https://www.vidyasagar.org/1820-1891/>
12. <https://www.educatorsandwritersforchildren.org/>
13. <https://www.chukfamily.ru/kornei/tales>.
14. <https://deti-online.com/skazki/rassказы-gaydara>.
15. <https://lukoshko.net/storyList/skazki-pushkina.htm>.
16. <https://mirtitles.org/2016/07/26/some-hindi-books>.
17. <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200304606>.
18. https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2589904_126176.

About the author

Rajdeep Chaudhary, Student (Master's), Indira Gandhi National Open University, New Delhi; Thiruvananthapuram, Kerala India. E-mail: Rajdeepcmp28@gmail.com.

Сведения об авторе

Радждип Чаудхари, магистрант, Национальный Открытый университет им. И.Ганди, Нью-Дели. E-mail: Rajdeepcmp28@gmail.com

УДК 373.2

Бестаева З. З., Моураова З. Х.
РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ДОШКОЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РСО-АЛАНИЯ

Bestaeva Z.Z., Mouraova Z. Kh.
IMPLEMENTATION OF THE REGIONAL COMPONENT
OF THE FEDERAL EDUCATIONAL PROGRAM FOR PRESCHOOL
EDUCATION IN NORTH OSSETIA-ALANIA

***Аннотация.** Статья анонсирует авторскую примерную парциальную региональную программу дошкольного воспитания «Осетия – мой край родной!», составленную на основе федерального образовательного стандарта и федеральной образовательной программы дошкольного образования. Описываются цели и задачи программы, ее структура и содержание. Обосновывается актуальность программы для сохранения и развития осетинского языка. Кроме того. Делается вывод о том, что работа в соответствии с предлагаемой программой будет способствовать всестороннему развитию личности ребенка.*

***Ключевые слова:** дошкольное образование, федеральный государственный образовательный стандарт, федеральная образовательная программа, региональный компонент, осетинский язык, полилингвальная образовательная модель.*

***Abstract.** The article announces the author's approximate partial regional preschool education program "Ossetia is my native land!", compiled on the basis of the federal educational standard and the federal educational program for preschool education. The goals and objectives of the program, its structure and content are described. The relevance of the program for the preservation and development of the Ossetian language is substantiated. Besides. It is concluded that work in accordance with the proposed program will contribute to the comprehensive development of the child's personality.*

Key words: *preschool education, federal state educational standard, federal educational program, regional component, Ossetian language, multilingual educational model.*

Приказом Министерства просвещения Российской Федерации 25 ноября 2022 года за №1028 была утверждена Федеральная образовательная программа дошкольного образования [1] (далее – ФОП ДО), позволяющая создать единое образовательное пространство. А также определить стандартизированные объем и содержание дошкольного образования. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (далее – ФГОС ДО) [2] и ФОП ДО являются основой для самостоятельной разработки образовательных программ, которые составляют не менее 60% от общего объема обязательной части программы. Часть, формируемая участниками образовательных отношений, составляет не более 40% и может быть ориентирована на специфику, в том числе региональных условия, в которых осуществляется образовательная деятельность [1, ч. 1, п. 4].

С целью оказания методической помощи педагогам дошкольных учреждений республики авторами данной статьи составлена Примерная парциальная региональная программа дошкольного воспитания «Осетия – мой край родной!» (далее – Программа). Программа – учебно-методическое пособие – переведено нами также на осетинский язык, что дает возможность использовать данную работу в детских садах, реализующих как русско-осетинский, так и осетинско-русский варианты полилингвальной модели поликультурного образования.

Методическая система организации образовательной деятельности осетинско-русского варианта строится с учетом обучения детей на осетинском языке с 2 до 4 лет и введение развития русской речи с 4 лет по принципу учета разного уровня адаптационных возможностей детей. Педагог ведет постоянное речевое сопровождение на родном языке всех действий ребенка.

Актуальность региональной программы заключается в том, что в настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению родного языка и истории и культуры родного края. Значение изучения языка состоит не только в овладении основами речи, но и в воздействии на

общее развитие личности ребенка. Занятия по предлагаемой программе способствуют совершенствованию познавательных и речевых способностей, расширению кругозора. Психологически важно, чтобы первоначальные знания о мире были даны ребенку на своем родном языке.

Программа носит комплексный характер и разработана в строгом соответствии с принципами, целями, задачами ФГОС ДО и ФОП ДОС. Содержание программы нацелено на формирование у детей дошкольного возраста норм и правил жизнедеятельности на основе исторически сложившейся традиционной национальной культуры, содержит региональный компонент, отражает этнокультурную ситуацию, специфику национальных, культурных, климатических, материально-технических, социальных условий, в которых решаются педагогические задачи.

Программа состоит из 3-х разделов, каждый из которых имеет свои цели и задачи:

Целевой раздел: пояснительная записка; цели и задачи Программы; принципы и подходы к формированию Программы; планируемые результаты освоения Региональной программы в раннем и дошкольном возрастах; подходы к педагогической диагностике достижения планируемых результатов.

Содержательный раздел: образовательная деятельность в соответствии с 5 образовательными областями по программе этнокультурного воспитания детей от 2х лет до прекращения образовательных отношений в ДОО; задачи реализации программы; формы, методы, способы и средства реализации программы с учетом возрастных и индивидуальных особенностей воспитанников, специфики их потребностей, мотивов и интересов; особенности взаимодействия педагогического коллектива с семьями воспитанников по реализации Программы.

Организационный раздел. Целью Парциальной программы является создание благоприятных условий для развития социально ответственной личности, осознающей себя носителем уникальной культуры своего народа, развитие духовно-нравственной культуры ребенка, формирование ценностных ориентаций средствами традиционной народной культуры родного края.

Цель Программы достигается через решение следующих задач:

– приобщение детей к базовым ценностям осетинского народа – жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, нравствен-

ные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство многонационального народа республики;

– обеспечение единых для Российской Федерации содержания дошкольного образования и планируемых результатов освоения региональной программы

– обеспечение развития физических, нравственных качеств и основ патриотизма, художественно-творческих способностей ребенка, его инициативности, самостоятельности и ответственности;

– обеспечение психолого-педагогической поддержки семьи и повышение компетентности родителей (законных представителей) в вопросах воспитания, обучения и развития, охраны и укрепления здоровья детей, обеспечения их безопасности.

В соответствии с требованиями ФГОС специфика дошкольного детства и системные особенности дошкольного образования делают неправомерными требования от ребенка дошкольного возраста конкретных образовательных достижений. Планируемые результаты освоения региональной программы представляют собой возрастные характеристики возможных достижений ребенка дошкольного возраста на разных возрастных этапах к завершению и имеют условный характер.

Диагностика достижений ребенка направлена на изучение умений ребенка, его интересов, предпочтений, склонностей, личностных особенностей, способов взаимодействия со взрослыми и сверстниками. Результаты педагогической диагностики (*мониторинга*) рекомендованы использоваться исключительно для решения следующих образовательных задач: индивидуализации образования и оптимизации работы с группой детей.

Педагогическая диагностика завершается анализом полученных данных, на основе которых педагог выстраивает взаимодействия с детьми, организует развивающую предметно-пространственную среду, мотивирующую активную творческую деятельность воспитанников, составляя индивидуальные образовательные маршруты освоения программы, проектирует образовательный процесс.

Комплексно-тематическое планирование образовательного процесса Программы разработано в соответствии с возрастными особенностями детей с учетом рекомендации Федеральной образовательной программы дошкольного образования.

Программа реализуется через взаимодействие пяти образовательных областей. Это физическое развитие: национальные осетинские игры, познавательные беседы о значении трав растений Осетии для здоровья, осетинская кухня и полезные продукты; социально-коммуникативное развитие: знакомство с укладом жизни осетин, знакомство с осетинскими традициями и обычаями, познавательные беседы о труде осетин, орудиях труда; речевое развитие: знакомство с творчеством осетинских писателей и поэтов; знакомство с устным народным творчеством; познавательное развитие: знакомство с историей родного края, его символикой, легендарными личностями, знакомство с историей Владикавказа, его достопримечательностями, знакомство с природой и животным миром Осетии; художественно-эстетическое развитие: знакомство с творчеством осетинских художников и композиторов, знакомство с памятниками архитектуры, знакомство с народными мастерами, знакомство с музыкальным фольклором и старинными музыкальными инструментами, знакомство с традиционными праздниками.

Организованная образовательная деятельность реализуется через различные виды детской деятельности (игровой, познавательной, исследовательской, коммуникативной), выбор которых осуществляется педагогом (Приложение №1 Программы). Рассказ воспитателя обязательно должен сопровождаться наглядным материалом; это могут быть фотографии, репродукции, слайды, простейшие схемы. Рассказ должен быть не чистым монологом, а диалогом. В процессе объяснения необходимо обращаться к детям с теми или иными вопросами, активизировать их внимание, вызывая интерес, любопытство, стремление узнать что-то самостоятельно, попробовать о чем-то догадаться самому. Нет необходимости называть даты, потому что они ни о чем не говорят и в то же время затрудняют восприятие материала. Язык рассказа должен быть очень простым; если встречаются незнакомые слова, то их необходимо пояснить.

Воспитание любви к Родине, к своему Отечеству – задача чрезвычайно сложная, особенно когда речь идет о детях дошкольного возраста.

В процессе ознакомления с родным краем решаются следующие задачи: обогащение детей знаниями о родном крае (Приложение №4 Программы); воспитание чувства Родины, любви и уважения к людям родного края; учить детей свободно ориентироваться в ближайшем окружении; воспитание интереса и уважения к людям других национальностей.

Чтобы детям было интересно, необходимо преподнести материал доходчиво, понятно, эмоционально, начиная с того, что детей окружает, что они могут непосредственно наблюдать, постепенно расширяя круг их знаний, прежде всего с учетом их возраста.

В старших группах предлагается знакомить детей с историей родного города (села): почему возник город (село) на этом месте, объяснить названия города (села) и улиц, рассказать об основателе города (села), знакомство с гербом города, флагом, гимном на родном языке. Работу по ознакомлению дошкольников с достопримечательностями родного города или села желательно проводить так, чтобы в ней были логика и система. Старшие дети знакомятся с традиционными праздниками осетинского народа, произведениями художественной литературы, фольклором, легендами, сказками, детской художественной культурой, флагом, гимном, другими государственными символами (Приложение №5 Программы).

Обучение детей осетинскому языку должен происходить как в условиях непосредственно образовательной деятельности, так и в ходе режимных моментов. Например, в младшей группе не стоит проводить занятия и давать детям какие-либо знания об истории города. Лучше ограничиться наблюдениями за событиями, происходящими на ближайших улицах, беседами с детьми о том, где им приходилось бывать, что они видели, что запомнили. Развивать у детей умение понимать речь педагога на родном языке, отвечать на вопросы, побуждать договаривать и произносить четверостишья, стихи, песенки, отвечать на вопросы по содержанию прочитанных сказок, рассматривать книги и иллюстрации.

В средней группе целесообразно организовать знакомство с главной достопримечательностью города (села), чтобы вызвать у детей чувство восхищения красотой родного города (села), родного края, подчеркнуть, что все вокруг создано людьми, которые жили очень-очень

давно, но народ помнит их имена и бережет то, что сделано руками мастеров. Кроме того, необходимо детей знакомить с традициями, праздниками, эмоционально откликаться на участие в них; воспитывать эмоционально – положительное отношение ко всем живым существам, желание их беречь и заботиться; продолжать развивать представления детей о труде взрослого; реализовать условия совместной партнерской деятельности взрослого и ребенка в течение дня.

Очень важно развивать способы взаимодействия с членами семьи и людьми ближайшего окружения в познавательной деятельности. Основная цель сотрудничества с родителями – обеспечение единства подходов к воспитанию и обучению детей в условиях детского сада и семьи, повышение воспитательного потенциала, возрождение традиций семейного воспитания и вовлечение семьи в образовательный процесс.

Важным аспектом Программы является организация взаимодействия с семьей, которое строится на понимании того, что родители – это полноправные участники образовательного процесса. Семья занимает ведущее место в нравственном и патриотическом воспитании, ведь в ней начинается процесс формирования личности, воспитания любви к своим родным и близким, дому, детскому саду, любви к родному селу, городу, родной природе.

Поэтому задачами сотрудничества считаем формирование у родителей активной позиции и сознательного участия в жизни своих детей через организацию общих дел, проектов, участие в образовательных и развлекательных делах группы и детского сада.

При проектировании развивающей предметно-пространственной среды с учетом этнокультурного компонента рекомендуем учитывать этнопсихологические, культурно-исторические и природно-климатические условия, в которых находится дошкольное образовательное учреждение.

Окружающие предметы, воспитывающие в ребенке чувство красоты, любознательности, комплекс ощущений и эмоциональных переживаний должны быть национальными. Это поможет детям с раннего возраста понять, что они часть осетинского народа (с этой целью в Программе дается примерный перечень центров активности с учетом этнокультурного воспитания).

В свете современных технологий рекомендуется использовать в работе такие формы, как проектная деятельность – совместная работа детей, родителей и педагогов; лепбук – создание интерактивной книги по теме родного края (работа ведется с детьми, возможно привлечение родителей, создается долгий устойчивый интерес и глубокое погружение в тему), квест-игра – игровые лабиринты, загадки, ребусы по различным темам плана; виртуальные экскурсии по музеям. Описывается работа с использованием мобильного приложения «Ирон чиныг», содержащего аудио сказки, колыбельные, произведения осетинских авторов, которые читают артисты театра.

Программа содержит также примерный перечень литературных, музыкальных, художественных произведений, способствующих реализации полилингвальной модели поликультурного образования.

В качестве Приложений даны: 1) комплексно-тематическое планирование организации образовательной деятельности (с 2-х до 7-ми лет); 2) сюжетно-ролевые игры в центре активности старшей, подготовительной группы; 3) проект «Сакля»; 4) краеведение; 5) произведения осетинского народного творчества: рассказы, сказки, стихи, загадки, поговорки, народные игры, считалки и др.

Библиографический список

1. Приказ Министерства просвещения РФ от 25 ноября 2022 г. № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования»

2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 года № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» (с изменениями на 8 ноября 2022 года)

References

1. Order (2022), *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 25 noyabrya 2022 g. № 1028 “Ob utverzhdenii federal’noy obrazovatel’noy programmy doshkol’nogo obrazovaniya”* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of November 25, 2022 No. 1028 “On approval of the federal educational program for preschool education”].

2. Order (2013), *Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 17 oktyabrya 2013 goda № 1155 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya» (s izmeneniyami na 8 noyabrya 2022 goda)* [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 17, 2013 No. 1155 “On approval of the federal state educational standard for preschool education” (as amended on November 8, 2022)].

Сведения об авторах

Бестаева Заира Заурбековна, научный сотрудник отдела поликультурного и полилингвального образования Центра развития осетинского языка Института истории и археологии РСО-А. E-mail: zaira.bestawa-33@mail.ru.

Моураова Залина Хазбечировна, научный сотрудник отдела поликультурного и полилингвального образования Центра развития осетинского языка Института истории и археологии РСО-А.

About the authors

Zaira Bestaeva, Researcher at the Department of Multicultural and Multilingual Education of the Center for the Development of the Ossetian Language of the Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania. E-mail: zaira.bestawa-33@mail.ru

Zalina Mouraova, Researcher at the Department of Multicultural and Multilingual Education of the Center for the Development of the Ossetian Language of the Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania

УДК 811.221.18+372.881.1

Бтемиров Т. М.
ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Btemirov T. M.
ON ONE CASE OF PHONETIC INTERFERENCE WHEN STUDYING
THE OSSETIAN LANGUAGE

***Аннотация.** В статье рассматривается фонетическая интерференция носителей русского языка, возникающая при изучении осетинского языка. Среди множества объектов интерференции для рассмотрения берется ударение в словосочетании, состоящем из прилагательного и существительного. На опытном материале была продемонстрирована зависимость интерференции от русского синтагматического (фразового) ударения.*

***Ключевые слова:** интерференция, осетинский язык, русский язык, фонетика, ударение, ритмика, интонация.*

***Abstract.** The article examines the phonetic interference of native speakers of the Russian language that occurs when learning the Ossetian language. Among the many objects of interference, the stress in a phrase consisting of an adjective and a noun is taken for consideration. The dependence of interference on the Russian syntagmatic (phrasal) stress was demonstrated using experimental material.*

***Key words:** interference, Ossetian language, Russian language, phonetics, stress, rhythm, intonation.*

Одним из неперенных условий овладения любым языком, является освоение фонетики этого языка. А именно, таких ее разделов как ритмика, просодия и интонация. Как бы полно мы не владели лексикой, как бы виртуозно мы не управляли грамматикой нашей речи, устная речь приобретает смысл только будучи одухотворенной нашей интонацией, ритмически структурированной различными видами ударений: словесным, синтагматическим, фразовым.

Рост числа русскоязычных осетин, которые в силу разных причин не усвоили осетинский язык естественным образом, становится актуализируемым факторы, способствующие или препятствующие овладению осетинской речью природными носителями русского языка.

Для того, чтобы иметь ясную картину фонетической интерференции, в нашем случае – автоматического переноса русского произношения на осетинский, нам следует соблюдать некую последовательность в изложении материала. Во-первых, нужно выяснить исходные предпосылки: как интересующий нас аспект реализуется в русском языке? Во-вторых, как этот аспект реализуется в языке осетинском? В третьих же, проведя подробный анализ, сопоставив произношение фактическое с эталонным, то есть то, как говорят ученики, с одной стороны, и как говорят носители, с другой, мы выявим точные закономерности интерференции, а также постараемся дать рекомендации по ее преодолению.

Ввиду того, что тема фонетической интерференции применительно к этой паре языков обширна, (и, пожалуй, достойна монографии) мы позволим сосредоточиться на одном из аспектов, а именно интерференции в отношении сочетания *определения и определяемого*.

Предваряя нашу тему, заметим, что еще в 1913 году известный театральный деятель прошлого, мастер русского слова, князь С. М. Волконский, отметил важные для нас особенности русской речи. Книга с подзаголовком «Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене» содержит информацию об ударении и тоне, не теряющей своей актуальности и по сей день. Вот, что пишет автор: «Ударение и «слияние» – важнейшие два элемента, не только слова, но и вообще в речи. Как в слове один слог ударением выделяется из числа других, так в предложении ударением выделяется слово; в ударяемом слоге жизнь слова, в ударяемом слове – жизнь предложения. Как в слове неударяемые слоги «собираются» под ударяемый слог, так в предложении ударяемое слово «притягивает» к себе другие слова. [3, с. 73].

О каком же «слиянии» здесь идет речь? Волконский, как мы считаем, здесь имеет в виду не сколько фонетическое слово, известное нам как самостоятельное слово, с примыкающими к нему безударными клитиками, но ритмоинтонационную единицу, определяемую в лингвистическом учении Л. В. Щербы как «синтагма». [7] В нашей

работе будем опираться на истолкование, во многом идущее от Щербы, согласно которому синтагма есть простейшая интонационная единица речи, «выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли». Щерба отмечает также, что русские синтагмы являются в определенном смысле и дыхательными группами, которые характеризуются «усилением последнего словесного ударения» [10, с. 86-87]. Рассмотрим это особое синтагматическое ударение на литературном примере: *Бушующий **поток** | на скалистом дне **ущелья** | казался **из аула** | серебряной **нитью**.*|| (К. Хетагуров) [8, с. 7]. Из четырех выделенных нами синтагм три содержат определяемые слова, выраженные существительными: *поток, дне, нитью*. Все определения имеют подчинительную связь посредством согласования, при котором они предшествуют определению (как в осетинском языке). Одно слово имеет дополнительно тип связи, при котором определение следует за определяемым: *дне ущелья* (этот случай мы рассматривать не будем, так как такой порядок слов в осетинском языке невозможен). В большинстве случаев во всех стилях речи смысловой акцент приходится на имена существительные. Что же касается прилагательного в роли атрибута, то оно акцентируется, пожалуй, лишь при наличии антитезы. [9, с. 131]. Если схематически представить знаменательность частей речи в виде определенной шкалы градации, то имя прилагательное, обычно зависящее синтаксически от существительного, в сравнении с ним является относительно менее знаменательным. [9, с. 134].

Для носителя литературной нормы русского языка, является естественным (при отсутствии противопоставления или логического акцентирования) в обычной, неаффективной речи выделять ударением конец синтагмы или фразы, а в нашем случае – определяемое слово, стоящее в конце синтагмы, и обозначать тем самым границу смысловой «порции». Таким способом, мысль его облекается в упорядоченную речевую структуру. Отступление от этого закона при освоении осетинской речи требует перестройки мышления, инструментом которого как известно, является язык.

Перейдем к рассмотрению осетинского (иронского) ударения. Подробные правила осетинского (иронского) ударения описаны в статье «Ритмика осетинской речи» В. И. Абаева [1, с. 96-134], «Очерке фонетики осетинского литературного языка» М. И. Исаева, [6, с. 64-77]

и другой литературе. Интересующий нас аспект можно представить в следующем виде. Во-первых, мы должны сказать, что определение, чем бы оно ни было выражено: именем прилагательным, существительным, местоимением, числительным, наречием или именной формой глагола, всегда и во всех случаях объединяется с определяемым в один «акцентуальный комплекс». Акцентуальным комплексом или акцентуальной единицей принято называть группу слов, находящихся в синтаксической связи, которое сможет носить одно единственное основное¹ ударение. Данная определение комплекса позволяет нам говорить о его тождестве с фонетическим словом. При этом, ближайшей условно допустимой аналогией рассматриваемого комплекса «определение с определяемым» в русском языке будет являться фонетическая синтагма, в которой также есть одно основное синтагматическое ударение. Однако, в отличие от синтагмы, могущей состоять из нескольких фонетических слов, акцентуальный комплекс представляет собой неразрывное с точки зрения ритма единство. А кроме того, что наиболее важно, распределение ударения в акцентуальном комплексе подчиняется базовому правилу, суть которого в нашем случае сводиться к следующему: ударение падает только на первый или второй слог комплекса². Если первый слог образован гласной *æ* или *ы* (относятся к слабым), то ударение падает на следующий за ним второй слог. Если же первая слогаобразующая гласная сильная (все кроме *æ* и *ы*), то ударение падает на нее. Приведем простой пример: *Бæрзѳнѳ хæхтæ нѳл дасынц сæ хѳл æмæ æрѳдѳгой сæ ѳрс зачьетæ сæ ѳѳрæх рѳтæм*. Перевод: ‘Высокие горы больше не бреют свой волос и отпустили свои белые бороды на свои широкие груди’. (Бегизов, 382). Здесь у нас три случая, в которых представлен комплекс определение с определяемым, в роли которого выступает прилагательное. Рассмотрим их: *бæрзѳнѳ хæхтæ* ‘высокие горы’, *сæ ѳрс зачьетæ* ‘их белые бороды’, *сæ ѳѳрæх рѳтæм* ‘/на/ их широкие груди’. Во-первых, мы замечаем, что прилагательное

---

¹ В. И. Абаев, введший в употребление этот термин, отмечает возможность наличия в акцентуальном комплексе наряду с основным и ряда вторичных, очень слабых ударений.

² Исключения из этого правила, также описанные в литературе мы рассматривать не будем.

в осетинском языке не согласуется с существительным в числе и падеже¹, в отличие от русского языка. Как предполагает В. И. Абаев, отсюда проистекает их «акцентуальное единство». [1, с. 113]. Иными словами, нужно их «крепко связать» одним ударением, так как связи согласованием у нас нет. Во-вторых, мы видим, что ударение в комплексах из примера приходится на прилагательное². Это обстоятельство в наибольшей степени противоречит русской ритмике, а следовательно является причиной интерференции. Невозможно сказать по-осетински: *Бæрзõнд хæхтæ | æрӯагътой сæ урс зæчъетæ | сæ уæрæх риътæм*. Такое акцентирование разбирает на части смысловое и интонационное единство и режет слух слушателя, доставляя ему дискомфорт. Если мы попробуем исказить ударение в русском языке, то получим такой же эффект. Возможны ли случаи, когда ударение ставится в комплексе на существительном, а не на прилагательном, подобно синтагматическому ударению в русском? Возможны. Если прилагательное состоит из одного предударного слога: *Сырх ху́ймацæй сын кæлмæрзæнтæ скǽның кодта*. ‘/из/ красной материи их косынки побудила сделать’ [2, с. 316]. Но и в этом примере, ожидаемо проявится фонетическая интерференция, не учитывающая смещение ударения в слове *ху́ймацæй* ‘/из/ материи’ – ведь в изолированном варианте ударение падает на второй слог: *ху́ймацæй*. Соответственно, мы получим: *сырх ху́ймацæй*. Такие ошибки характерны даже для людей, освоивших осетинский язык в детстве, но формирование речевых навыков которых проходило в условиях недостатка языковой среды.

Для того чтобы выяснить в каких случаях фонетическая интерференция проявляется сильнее, а в каких слабее мы провели эксперимент, состоящий из ряда этапов. Суть его в том, что испытуемым с различной, но несовершенной степенью владения осетинским языком, мы дали прочитать ряд специально подобранных осетинских словосочетаний и предложений, без выделения на письме акцентуальных комплек-

---

¹ То есть, определение с определяемым (прилагательное с существительным) при всяких грамматических изменениях рассматривается как единое целое, в котором достаточно оформить последнюю часть, т. е. определяемое (существительное).

² В двух случаях ему предшествует проклитика *сæ*, которая является слабым слогом и уступает ударение следующему за ним в комплексе слогу.

сов и ударений. Зная наперед, то что испытуемые будут автоматически переносить ритмический рисунок русской синтагмы (ударение на существительное) мы постарались поставить их «русскую синтагму», начиненную осетинской лексикой, в разные интонационно-синтаксические условия. Автор оценивал аудиозаписи на слух. Испытуемые – 7 взрослых. Из них 6 выросли во Владикавказе. Одного из них можно, с оговоркой, отнести к уверенным носителям языка. Двое испытуемых – русские по национальности, начавшие изучать язык в зрелом возрасте. Один из них вырос за пределами Осетии. Другой – уверенно владеет лексикой и грамматикой.

1. В первой части эксперимента участникам было предложено прочитать словосочетания, состоящие из односложного прилагательного и односложного существительного, в которых по одной сильной гласной (см. Приложение, блок №1) Тип: *хóрз бон*. Ожидаемо мы должны получить произношение с ударяемым прилагательным и усиленным ударением на существительном: [хóрз бóн], сравните перевод: '[хорóбий дéнь]'. Чтение вслух показало, что половина озвучивших текст ясно перенесли на него интонацию русской синтагмы. Однако, половина участников (имеющих большой опыт) справились с заданием лучше, и на слух показалось, что ударение расставлено верно. Причина такого ложного слухового восприятия отчасти, мы считаем, находится в особой роли заударного слога, на котором происходит подъем частоты основного тона [4, с. 32; 5, с. 63]. В русском языке, подъем тона происходит, например, при перечислении ряда одинаковых словосочетаний, записанных в столбец, как это было предложено испытуемым. По нашим догадкам, ведущим маркером словесного ударения в осетинском (иронском) является относительная длительность фонемы, – таким образом, отклонение заударной гласной от ЧОТ или усиление ее динамических характеристик при неизменности долготы воспринимается более приемлемым.

2. Для контраста с предыдущим блоком мы ввели в тестовое задание эти же слова, но разделенные посредством длинного тире: *хорз – бон* (блок №2). Ожидаемо, испытуемые прочли его без каких-либо нареканий по интонации. Разве что, разделение слов было теперь специально акцентировано.

3. В следующем блоке №3 мы усложнили задание, добавив к односложным ударяемым прилагательным двусложное существительное, на

котором ударения уже быть не должно. Например: *саў гæды*. Ожидаем произношение с ударением на первое слово (верно) и сильным ударением на втором (неверно): *|саў гæды|* т. е. *‘|чёрная ко́шка|’*. В результате мы имеем следующую, несколько неожиданную, картину. Словосочетание *саў гæды* пятеро из семи испытуемых произнесли практически верно. Мы считаем, что это вызвано самим характером гласных. *Саў* получит выраженное ударение в любом случае. Гласная *æ* безударна, так как все испытуемые, знакомы со звуковой моделью изолированного слова с ударением на *ы* (*гæды*). Тогда можно ожидать, что мы услышим сильное ударение на *ы*. Но этого не происходит. Дело в том, что поставить сильное ударение на этот, неопознаваемый в русской речи звук, может быть весьма затруднительно. Это сравнимо с тем, чтобы поставить ударение в слове *ноябрь* между согласными *б* и *р*. В результате, мы имеем самое сильное ударение на прилагательном *саў*, что случайным образом соответствует осетинскому произношению. Словосочетание *хорз лæнту* ‘хороший мальчик’ более половины читающих озвучили верно. Полагаем, что дело в знакомстве с распространенной ритмической моделью. Остальные словосочетания подтверждают наш прогноз по интерференции.

4. Следующий блок №4 состоит из двусложных прилагательных и одно– или двусложных существительных. Большинство участников (5 из 7) сделали русское синтагматическое ударение, как и прогнозировалось, на обоих словах с усилением последнего. Что интересно, один испытуемый в 2 из 5 примеров, сумел, как нам показалось, неосознанно приблизится к нормативной артикуляции посредством подъема тона (незавершенная интонация при перечислении).

5. Блок №5, предоставленный для озвучивания, состоит из односложного «слабого» прилагательного и односложного «сильного» существительного. Мы ожидали, что в *с/сч* типа *цыргъ кáрд*, которое, нам казалось более приближенным к его значению *‘|острый но́ж|’* будет наименьшая доля несоответствий. Четверо (с меньшим опытом) в отличие от трех (с большим опытом) не воспроизвели ритмику осетинского акцентуального комплекса, отчетливо разделяя слова. Возможно, что это связано со скоплением согласных на стыке слов (*ргъ к, рх к, вд ц, рд с*), так как несколько лучше воспринимается на слух сочетание *цъæх арв* ‘синее небо’.

6. В блок №6 мы поместили с/сч из «слабого» односложного прилагательного / причастия и двусложного существительного, которое начинается на безударный слог. В изолированном виде словесное ударение в них приходится на второй слог. Но включаясь в акцентуальный комплекс ударение сместится назад: *фæрǽт* ‘топор’, но *цыргъ фǽрæт* ‘острый топор’. Наши предположения подтвердились. В большинстве случаев мы услышали отдельное ударение на прилагательное. Но преобладающей ошибкой было зафиксированное словесное ударение на существительных, то есть на третьем слоге акцентуального комплекса по типу *|цыргъ фæрǽт|*, что контрастирует с нормой.

Если случаи интерференции в изолированных с/сч из прилагательного и существительного мы рассмотрели в различных вариантах, где синтагма является одновременно и фразой (т. е. несет еще и фразовое ударение на конечном существительном), то как обстоит с ударением, если существительное не будет находиться в конце фразы?

7. В блоке №7 (см. Приложение) – простые предложения из определения (прилагательное), определяемого подлежащего (существительное) и сказуемого (глагол). На удивление (однако ожидаемо) произношение участников эксперимента значительно приблизилась к осетинскому. Это произошло в результате того, что фразовое ударение¹ сместилась на конечный глагол, уводя в «тень» ударение существительного. Способствовало хорошему результату и то, что в предложениях были использованы «сильные» пары из блока №1, которые мы разбирали выше.

8. В следующем блоке №8 мы проведем эксперимент с акцентуальным комплексом в составе четырехчленного предложения, состоящего из определения, подлежащего, обстоятельства и сказуемого². На этот раз именная пара представлена односложным «сильным» прилагательным и двусложным существительным. То есть, в норме – ударения на существительном быть не должно. Интерференции с одной стороны будет способствовать то, что существительное по-прежнему находится в

---

¹ В двух случаях ему предшествует проклитика *сæ*, которая является слабым слогом и уступает ударение следующему за ним в комплексе слогу.

² Под фразовым ударением мы понимаем ударение, сходное по своим характеристикам с синтагменным и не имеем ввиду лишь тональный акцент.

конец синтагмы, а противодействует этому смещенное уже на два слова от него фразовое ударение. В итоге, озвучка показала очень неплохой результат – большинство опытных участников в большинстве случаев смогли акцентировать осетинскую фразу достаточно естественно для слуха автора. Исключение составили: испытуемый с профессионально поставленной «убедительной» речью, что оказало ему «медвежью услугу»¹ и русский испытуемый, выросший за пределами Осетии, хотя и имеющий отношение к музыке.

В двух последних блоках мы решили провести эксперимент, при котором прилагательное находится в ситуации смыслового противопоставления и акцентирования. Таким образом, мы закономерно снимаем «русское» синтагматическое ударение с существительного и переносим его на прилагательное [9, с. 130-131], что в специально подобранных примерах даст нам ритмический рисунок, приближенный к осетинскому.

9. Блок №9 содержит восклицательные предложения следующего типа: *Ангуз бæлас нæу, фæлæг бæл бæлас!* Сравните перевод: ‘Ореховое дерево | не́ есть, | но вишнёвое́ дерево!||’. Озвучка текста показала следующие результаты: 3 участника из 7, с небольшими погрешностями (но все-же успешно) расставили акценты так, как мы ожидали. То есть, оба прилагательных в предложениях были распознаны и озвучены как противопоставляемые друг-другу. Двое из участников не смогли акцентировать первое прилагательное², но выделили его ударением во второй части сложного предложения, что можно считать частичным успехом. Двое испытуемых, описанных выше в пункте 8, не смогли оформить интонацию противопоставления. Можно сказать, что смысл предложения так и не был ими реализован.

10. Завершающий блок №10 состоит из повелительных фраз, в которых мы постарались сфокусировать смысловой акцент на определениях, выраженных местоимениями *иннæ* ‘иной’, *æндæр* ‘другой’ и прилагательными. По нашему предположению логическое ударение на

---

¹ В одном случае обстоятельство опущено и его заменяет составной глагол *салам дæттын* ‘здороваться’, который, при желании, можно трактовать как сочетание объекта ‘салам’ приветствие и сказуемого *дæттын* ‘давать’.

² Свойство такой речи – выделять главные слова, в том числе понижением интонации.

уточняющих определениях должно нивелировать конечное ударение в синтагме (фразе). Однако, для контраста мы добавили и такие предложения, где ударение падает на существительное. Например: *Æрi мын iннæ кард, цыргъ кiрд!* Сравните перевод: ‘Дай мне | другой нож | острый нож!’¹ Полученные результаты прочтения значительно разнятся. Большая часть испытуемых поставила логическое ударение на местоимения *iннæ* и *æндæр*, оттенив ударение существительного таким образом, что акцентуация стала сходной с осетинской. Заметим, что один из испытуемых, условный носитель языка, в 2 примерах из 5 не смог сместить акцент на *iннæ* и *æндæр*. А один пример озвучен им спорно. Чуть более условной половины чтецов смогли поставить верное осетинское ударение в комплексе прилагательное и существительное. Сложно сказать, с чем это связано, поскольку ударение на слух стоит верно и в случае, когда оно приходится на прилагательное, и в случае, когда оно падает на существительное. Двое из перечисленных чтецов смогли поставить верные ударения для обоих словосочетаний в предложениях¹. Еще двое упомянутых ранее участников, не сумевших акцентировать противопоставление, не справились также и с логическим ударением, которое приблизило бы их к осетинскому произношению. Применительно к тому, как ими были озвучены два последних блока можно сказать, что интерференция – перенос правил одного языка на другой, – у них отсутствует, ровно как и представление о ритмических особенностях осетинской речи.

В результате проведенного исследования обрисовался типичный характер фонетической интерференции русскоязычных учеников при произношении акцентуального комплекса *определение с определяемым* – здесь действует русское синтагматическое ударение, нарушающее фонетическое и семантическое единство комплекса.

В тех случаях, когда определяемое существительное выводится из-под синтагматического (фразового) ударения, воспринимаемая степень фонетической интерференции значительно снижается:

а) когда определяемое не является конечным членом синтагмы (фразы);

---

¹ К слову, для носителя озвучка *æнгъз бæлiс нæу* меняет смысл на ‘орех деревом не является’.

б) когда определение, на которое должно падать ударение, находится в противопоставлении;

в) когда на ударяемое определение приходится логическое ударение.

В последних двух случаях обязательно понимание читаемого текста, как условие его выразительного чтения. Повторяемой ошибкой даже уверенно коммуницирующих испытуемых является фиксация словесного ударения существительного, при необходимости смещения его на второй слог акцентуального комплекса (первый слог существительного). Остается открытым вопрос влияния качества односложного определения на фонетическую интерференцию, в особенности в сочетании существительных с ударением на первый слог.

В целом, мы ожидаем, что данные выводы будут сильны при повторении эксперимента с большим количеством русскоязычных участников, не владеющих произносительной нормой осетинского (иронского) языка.

Аналогичного исследования, на наш взгляд, заслуживает интерференция в дигорском варианте литературного осетинского языка. По нашему предположению, ввиду отличия дигорского ударения от иронского, фонетическая интерференция русского ударения будет проявляться в нем в гораздо меньшей степени. Подтверждение этой гипотезы может стать одним из стимулов для освоения дигорской нормы осетинского языка русскоязычными учениками.

Является очевидным фактом, что владение ударением и интонированием речи – необходимая составляющая речевой коммуникации. Следовательно, теоретические и практически занятия по осетинскому ударению и интонации нельзя недооценивать. Умение объяснить осетинское ударение и научить ему своих учеников – неотъемлемые компетенции высококлассного преподавателя. Работа его облегчается, если он знает правила русского ударения, которым руководствуются ученики при воспроизведении осетинской устной речи. Изучение фонетической интерференции на специальных семинарах для преподавателей будет способствовать делу сохранения осетинского языка.

Приложение

Блок №1

Хорз бон (хороший день)
Саст кард (сломанный нож)
Бур саг (желтый олень)
Сау дзул (черный хлеб)
Урс мит (белый снег)

Блок №2

Хорз – бон (хороший – день)
Саст – кард (сломанный – нож)
Бур – саг (желтый – олень)
Сау – дзул (черный – хлеб)
Урс – мит (белый – снег)

Блок №3

Сау гæды (черная кошка)
Хорз læппу (хороший мальчик)
Урс кæсаг (белая рыба)
Хорз барæг (хороший всадник)
Бур уасæг (рыжий петух)

Блок №4

Æнгуз бæлас (ореховое дерево)
Цыбыр бон (короткий день)
Талынг уат (темная комната)
Зæронд гал (старый бык)
Тæрсаг бæх (пугливый конь)

Блок №5

Цыргъ кард (острый нож)
Цъæх арв (синее небо)
Сырх карк (красная курица)
Тæвд цай (горячий чай)
Цырдаг саг (резвый олень)

Блок №6

Цыргъ фæрæт (острый топор)

Цырд лæпшу (резвый мальчик)

Сырх кæсаг (красная рыба)

Цъæх бæлас (зеленое дерево)

Фых дзидза (вареное мясо)

Тæвд лывзæ (горячий суп)

Цъæх гæды (серая кошка)

Блок №7

Хорз бон ралæууыд (хороший день наступил).

Саст кард райстон (сломанный нож взял).

Бур саг федтон (желтого оленя видел).

Сау дзул бахордтон (черный хлеб поел).

Урс мит тайы (белый снег тает).

Блок №8

Сау гæды кæрты бады. (Черная кошка во дворе сидит).

Хорз лæпшу салам дæтты. (Хороший мальчик здоровается).

Урс кæсаг доны æрцахстон. (Белую рыбу в воде поймал).

Хорз барæг бæхыл хъазы. (Хороший всадник на коне гарцует).

Бур уасæг райсомæй уасы. (Рыжий петух утром поет).

Блок №9

Æнгуз бæлас нæу, фæлæ бал бæлас! (Это не ореховое дерево, а вишневое дерево!)

Цыбыр бон нæ, фæлæ даргъ бон! (Не короткий день, а длинный день!)

Талынг уат нæу, фæлæ райдзаст уат! (Это не темная комната, но светлая комната!)

Зæронд гал нæ, фæлæ тыхджын гал! (Не старый бык, а сильный бык!)

Тæрсаг бæх нæу, коммæгæс бæх у! (Это не пугливый конь, это послушный конь!)

Блок №10

Æри мын иннæ кард, цыргъ кард! (Дай мне иной нож, острый нож!)
Æркæн мын æндæр цай, тæвд цай! (Налей мне другого чаю, горячего чаю!)

Æри мын иннæ дзидза, фых дзидза! (Дай мне иного мяса, варенного мяса!)

Авæр-ма мын æндæр дзул, сау дзул! (Поддай-как мне другой хлеб, черный хлеб!)

Æрцахс мын æндæр бæх, коммæгæс бæх! (Поймай мне другого коня, послушного коня!)

Библиографический список

1. Абаев В.И. Из осетинского эпоса: 10 нартовских сказаний, текст, перевод, комментарии. Прил.: Ритмика осетинской речи. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1939. 134 с.

2. Беджизати Ч.Д. Избранные произведения (на осетинском языке). Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1958. 555 с.

3. Волконский С.М. Выразительное слово: Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене. СПб.: типография Сириус, 1913. 215 с.

4. Дзахова В.Т. Реализация словесного ударения во фразе (на материале анализа простых повествовательных предложений осетинского языка). Вестник Калмыцкого университета. 2014 №4 (24). С. 31-40.

5. Дзахова В.Т. Типологические характеристики осетинской интонации: монография / под ред. докт. филол. наук, проф. Т.Т. Камболова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2016. 124 с.

6. Исаев М.И. Очерк фонетики осетинского литературного языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959. 90 с.

7. Филатова Е.В. Синтагма в лингвистическом учении Л. В. Щербы. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013 №3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 181-184.

8. Хетагуров К. Проза: Рассказ; Этнографический очерк; Статьи. М.: Сов. Россия, 1987. 272 с.

9. Черемисицина-Ениколопова Н.В. Законы и правила русской интонации [Электронный ресурс]: учеб. Пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. 520 с.

10. Щерба Л.В. Фонетика французского языка: очерк французского произношения в сравнении с русским. Изд. 7-е. М.: Высшая школа, 1963. 309 с.

References

1. Abaev V.I. (1939). *Iz osetinskogo jeposa: 10 nartovskih skazanij, tekst, perevod, kommentarii. Pril.: Ritmika osetinskoj rechi*. [From the Ossetian epic: 10 Nart legends, text, translation, comments. Adj.: The rhythm of Ossetian speech]. Moskow/Leningrad. (In Russ.).

2. Bedzhizati Ch.D. (1958). *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Stalinir. (In. Osset.).

3. Volkonskij S.M. (1913). *Vyrazitel'noe slovo: Opyt issledovanija i rukovodstva v oblasti mehaniki, psihologii, filosofii i jestetiki rechi v zhizni i na scene*. [An expressive word: Experience in research and leadership in the field of mechanics, psychology, philosophy and aesthetics of speech in life and on stage]. Saint-Petersburg. (In Russ.).

4. Dzahova V.T. (2014). *Realizacija slovesnogo udarenija vo fraze (na materiale analiza prostyh povestvovatel'nyh predlozhenij osetinskogo jazyka)*. [The implementation of verbal stress in a phrase (based on the analysis of simple narrative sentences of the Ossetian language)]. Vestnik Kalmyckogo universiteta. 4 (24). Pp 31-40. (In Russ.).

5. Dzahova V.T. (2016). *Tipologicheskie harakteristiki osetinskoj intonacii* [Typological characteristics of Ossetian intonation]. Vladikavkaz. (In Russ.).

6. Isaev M.I. (1959). *Oчерк fonetiki osetinskogo literaturnogo jazyka*. [An essay on the phonetics of the Ossetian literary language]. Ordzhonikidze. (In Russ.).

7. Filatova E.V. (2013). *Sintagma v lingvisticheskom uchenii L. V. Shherby*. [Syntagma in L. V. Shcherba's linguistic teaching. Philological sciences. Questions of theory and practice]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 3 (21) at 2 h. h. I. Pp 181-184. (In Russ.).

8. Hetagurov K. (1987). *Proza: Rasskaz; Jetnograficheskij очерк; Stat'i*. [Short story; Ethnographic essay; Articles]. Moskow. (In Russ.).

9. Cheremisiina-Enikolopova N.V. (2013). *Zakony i pravila russkoj intonacii* [Laws and rules of Russian intonation] Electronic resource. Moskow. (In Russ.).

10. Shherba L.V. (1963). *Fonetika francuzskogo jazyka: ocherk francuzskogo proiznoshenija v sravnenii s russkim. Izd. 7-e*. Phonetics of the French language: an essay on French pronunciation in comparison with Russian. Moscow (In Russ.).

Сведения об авторе

Бтемиров Таймураз Мухарбекович, специалист «Центра развития осетинского языка», ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания»; РФ, г. Владикавказ. E-mail: btemyraty@yandex.ru.

About the author

Btemirov Taimuraz Mukharbekovich, Specialist at the Center for the Development of the Ossetian Language, State Budgetary Institution Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania; Russian Federation, Vladikavkaz. E-mail: btemyraty@yandex.ru.

УДК 811.221.18

**Дзампаева Л. Г.
КОММУНИКАТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ОСЕТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**Dzampaeva L. G.
COMMUNICATIVE COMPETENCIES IN TEACHING
THE OSSETIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT
OF MULTICULTURAL EDUCATION**

***Аннотация.** В статье раскрываются основные коммуникативные компетенции при обучении осетинскому языку в условиях поликультурного образования. Описываются компетенции, предполагающие овладение речевой деятельностью и нормами осетинского литературного языка.*

***Ключевые слова:** коммуникативная компетенция, осетинский язык, обучение осетинскому литературному языку, поликультурный принцип, методы обучения, текст.*

***Abstract.** The article reveals the main communicative competencies in teaching the Ossetian language in the context of multicultural education. The competencies involving the mastery of speech activity and the norms of the Ossetian literary language are described.*

***Keywords:** communicative concept, Ossetian language, teaching the Ossetian literary language, multicultural principle, teaching methods, text.*

Родной язык является важным звеном в сохранении национального самосознания. Основная цель обучения осетинскому языку в школе – развитие коммуникативной и языковой компетенций учащихся. Это будет способствовать не только знаниям языковых форм, но и умение использовать их в речевой деятельности. Для развития коммуникативных навыков нужна мотивация. Учащийся заговорит и поделится своими мыслями, когда почувствует, что необходимо его вмешательство

в разговор с другими, т. е. ему кажется, что он поможет раскрыть суть обсуждаемой темы.

Основными составляющими коммуникативной компетенции, по мнению Т.А. Ладыженской, являются следующие умения: быстро и правильно ориентироваться в условиях общения, правильно спланировать связную речь, определить её, найти адекватные средства для передачи этого содержания, обеспечить обратную связь в процессе общения. И если какое-либо из звеньев акта общения будет нарушено, то участникам общения не удастся добиться желаемых результатов [2, с. 228-231].

Материал в учебниках осетинского языка способствует обогащению кругозора учащихся информацией о культуре, истории, ценностях своего и других народов, формированию и развитию в духе общенациональных, духовных ценностей. Это позволяет учащимся осознавать себя в качестве граждан Осетии, России и мира. Рассказы, стихотворения, пословицы, загадки, встречающиеся в упражнениях, дают возможность учащимся лучше узнать и свою малую Родину, познакомиться со столицей России – Москвой, познать мир. Перед авторами учебников стояла задача как можно шире раскрыть жизненный уклад, традиции и культуру своего осетинского народа и, на основе переводных материалов из русской и зарубежной литературы, познакомить учащихся с достопримечательностями других республик и стран.

В учебниках осетинского языка предусмотрено проведение различных педагогических технологий: технологии проблемного обучения (создание проблемной ситуации при объяснении нового материала, при обсуждении конкретной темы). Вопросы и задания к упражнениям составлены так, что, отвечая на них по порядку, можно прийти к раскрытию изучаемых правил. Это способствует развитию и учебных и коммуникативных навыков, т. е. учащиеся думают, рассуждают и сами приходят к определенным выводам. Предусмотрены и технологии проектной деятельности, группового и коллективного взаимодействия. Каждый урок начинается с текста. По заданию учителя, прочитав текст, учащиеся работают коллективно, в парах или в группах. Чтобы не допускать речевых ошибок, сами задают вопросы, исправляют ответы друг друга, дополняют их. На уроке грамматический материал объясняется на основе текста, отдельных предложений и словосочетаний, слов.

Материалы упражнений учащимся дают возможность познакомиться с космическим пространством, с жизнью и трудовыми достижениями народа, со знаменитыми людьми Осетии, с их успехами. Составлены электронные приложения ко всем учебникам осетинского языка, в них отражены задания по изучаемым грамматическим и речевым темам по классам, составлены различные учебные таблицы, схемы и кроссворды, подобраны картины. Работа с текстом способствует развитию коммуникативных навыков учащихся, пополнению словарного запаса учащихся, улучшению интеллектуальных умений и навыков, совершенствованию речевого развития. Связные тексты несут важную психолого-дидактическую нагрузку. Речь учащихся обогащается новыми словами, речевыми оборотами, выражениями. У них появляются умения коммуникативного общения в разных речевых ситуациях. Развивается речевая деятельность, появляется умение выделять основную мысль, делить текст на содержательные части, озаглавливать их.

По мнению Лапыгина Ю.Н., большое внимание необходимо уделять работе по формированию устной и письменной речи учащихся. Для того, чтобы учащиеся, упражняясь в разговорной речи, смогли пользоваться приобретёнными навыками и умениями, надо, чтобы она соответствовала живой разговорной речи. Это соответствие может быть достигнуто лишь в том случае, если учебная речь будет стимулироваться и управляться разговорными ситуациями, так как в жизни именно разговорные ситуации побуждают к разговору и определяют его содержание и форму [3].

Текст является основным компонентом учебников осетинского языка. В учебниках встречаются тексты описательные, повествовательные, тексты-рассуждения.

Согласно программе по осетинскому языку, языковой материал объясняется на основе речевых тем, содержание которых знакомит учащихся с окружающей их действительностью. Эти темы усложняются из класса в класс. Учащиеся знакомятся с различными сферами жизни. Познакомившись с содержанием текста, проанализировав его, ответив на поставленные к нему вопросы, учащиеся получают грамматическое задание.

Ипполитова Н. А. подчеркивает, что, текст как речеведческое понятие используется при изучении лексики, морфологии, синтаксиса. Это

позволяет создавать условия для интеграции курса родного языка и родной литературы, для воспитательной работы, для повышения творческой активности [1]. Поэтому для подробного анализа текста, учитель должен подобрать соответствующие задания. Речь должна быть ясной, правильной, чёткой, чтобы собеседники легко понимали друг друга.

Овладев коммуникативными навыками, учащиеся своим рассказом должны уметь заинтересовать окружающих. Чтобы развивалась речевая компетенция, важно не только правильно говорить, но и уметь внимательно слушать. Это поможет заметить недочёты в речи собеседника, запомнить их и учесть самому. Рассказывая, надо следить за собеседником, чтобы понять, слушает ли он тебя, интересен ли ему твой рассказ, реагирует ли на твои вопросы. Без этого трудно будет участвовать в беседе.

Осетинский язык очень богат лексическими единицами и фразеологизмами. Чем богаче словарный запас учащихся, тем правильнее они смогут выражать свои мысли; смогут понять многозначность слова; из синонимического ряда выберут нужное слово. Широко используются коммуникативные упражнения, они формируют речевые навыки и умения. Важное место среди них занимают различные ситуации.

1. Прочитайте текст и скажите, где, по-вашему, происходят события и кто эти люди? Почему вам так кажется?

Бадыңц лæгтæ æмæ кæдæмдæр æдзынагæй кæсынц. Сæ иу сдзырдта, – тыхджын уылаен куы рацæуид, уæд нæ хъуыддаг фæрæстмæ уайд. Ноджы ма змæст у, æмæ нæм ницы зыны, – загъта дыккаг. Диссаджы бæллицтæ уæм ис, куыд кæсын, афтæмæй. Ацы хъуыддаджы сæйрагдæр у быхсындынад. Уæд сахæдæг æнгуыртæм ленк кæндзысты, – бафтыдта ныхасмæ æртыккаг. ‘Сидят мужчины и куда-то внимательно смотрят. Один говорит: появилась бы мощная волна, она бы нам помогла. Еще и мутная, ничего не видно, – добавил третий. Интересные мечты у вас, как я посмотрю, в этом деле главное терпение, тогда бы сами подплывали к удочкам, – добавил третий.’

2. Учащиеся делятся на две команды. Им дается задание – написать фразеологизмы со словом «сердце». Побеждает команда, которая придумала больше устойчивых словосочетаний.

В методических указаниях к учебникам осетинского языка указывается какую коммуникативную направленность раскрывает каждое

упражнение, это: работа над развитием логического и творческого мышления; работа с текстом (озаглавить его, поменять заголовок, переставить части); работа по картине; развитие коммуникативных навыков. В учебники включены тексты-монологи на различные темы. Они помогут в дальнейшем правильно составлять рассказы о своей родине, об окружающей действительности, про своих одноклассников и друзей.

Общаясь с товарищами, работая в парах, в группах, учащиеся вступают в диалог друг с другом, каждый предлагает свой вариант. Возникает речевая ситуация. Такие виды работ стимулируют их к участию в беседе, спорить, высказывать своё мнение. Устные задания к материалам упражнений дают возможность развивать коммуникативные навыки: передать содержание текста от 1-го лица; прочитать рассказ по ролям, выделив слова автора; рассказать о своём товарище, раскрыв его положительные качества; определить, где происходят события, описанные в тексте; назвать имена всех действующих лиц; дать характеристику героям рассказа. Материал упражнений в учебниках даёт возможность развивать диалогическую речь. Это осуществляется при составлении планов к пересказам, при написании сочинений и изложений; чтению текста по ролям; рассуждения по раскрытию содержания текста.

В методике изучения родного языка, прослеживаются межпредметные связи. В учебниках осетинского языка встречаются упражнения – математические загадки; различные задания: представить море и нарисовать его, угадать, из какого произведения взят данный отрывок, о каком историческом событии говорится в тексте.

Новизной в наших учебниках является и то, что к упражнениям даются дополнительные вопросы и задания, которые позволяют повторить пройденный материал: при изучении имени прилагательного, нужно вспомнить, что такое имя существительное, что обозначает; найти в тексте синонимы, антонимы, омонимы, многозначные слова; разобрать слова по составу; озаглавить текст; подобрать другой заголовок и т.д.

Например, текст:

Математикаейы урочы ахуыргæнæг скъоладзаутæн радта хынцинаг:

– Дыууæ лæппуы куыстой дыууæ сахаты æмæ бакодтой æппæт куыстытæ дæр. Цал сахаты бахъæудзæн уыцы куыст бакæнынаг, лæппутæ фондзæй куы кусой, уæд?

Ахуырдызутай иу уайтагъд сдзырдта, – Амае кед аеппает куыстытае дæр бакодтой, уæд ма сæ дыккаг хатт кæнын цамаен хъæуы?

‘На уроке математики учительница задала текст-задачу:

– Два мальчика работали два часа и выполнили всю работу. Сколько часов понадобится на выполнение этой работы, если мальчиков будет пятеро?

– Один из учеников сразу спросил?

– А если выполнили всю работу, то зачем второй раз это делать?’

Это упражнение дается при изучении предложения. Но помимо задания – определить виды предложений по цели высказывания, даются задания: подчеркнуть имена существительные, имена прилагательные и глаголы; определить время выделенных глаголов.

И главный вопрос к тексту: *А ты бы как ответил на вопрос автора?*

Авторы учебников старались включить в материалы упражнений слова для активного использования учащимися в повседневной речи. Объяснения значений незнакомых слов, словосочетаний и фразеологизмов даются в конце учебников.

Выводы:

1. Коммуникативные компетенции способствуют созданию благоприятного психологического климата для мотивации речи и позитивного общения детей; развитию навыков межкультурного общения;

2. Для формирования коммуникативных навыков очень важно пользоваться различными методами и формами работы с текстом.

Библиографический список

1. Ипполитова Н. А. Текст в системе обучения родному языку. М.: Флинта: Наука, 1998. 176 с.

2. Ладыженская Т.А. Овладение нормами литературного языка // Методика преподавания русского языка в школе. М.: АCADEMIA, 2001. С.228-231.

3. Лапыгин Ю. Н. Методы активного обучения. М.: Изд-во «Юрайт», 2016. с. 247.

References

1. Ippolitova, N.A. (2015) *Tekst v sisteme obucheniya rodnomu yazyku* [Text in the native language teaching system]. Moscow (In Russ.).
2. Ladyzhenskaya, T.A.(2001) *Ovladeniye normami literaturnogo yazyka* [Mastering the norms of the literary language]. Methods of teaching the native language at school. Moscow (In Russ.).
3. Lapygin, Yu. N. (2016) *Metody aktivnogo obucheniya* [Methods of active learning]. Moscow (In Russ.).

Сведения об авторе

Дзампаева Лариса Гагузовна, научный сотрудник отдела поликультурного и полилингвального образования, Института истории и археологии РСО-Алания, кандидат педагогических наук, доцент; г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация. E-mail: unesco.rso-alania@yandex.ru.

About the author

Dzampaeva Larisa Gaguzovna, Researcher, Department of Multicultural and Multilingual Education, Institute of History and Archaeology of the Russian Autonomous Republic-Alania, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation. E-mail: unesco.rso-alania@yandex.ru.

УДК 37.01

Кучиева Л. А.
К ВОПРОСУ СПЕЦИФИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Kuchieva L. A.
TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS
OF THE FORMATION OF LINGUISTIC THINKING IN CONDITIONS
OF POLYLINGUALMULTICULTURAL EDUCATION MODEL

***Аннотация.** В статье представляется полилингвальная модель поликультурного образования и ее возможности по формированию у обучающихся лингвистического мышления. Акцентируются функции языка как объективной субстанции, языковая и культурная картины мира и их этнические составляющие. Даются определения сущности лингвистического мышления и определяются образовательные задачи его формирования и развития в условиях модели.*

***Ключевые слова:** язык, языковая картина мира, культурная картина мира, полилингвальность, поликультурность, лингвистическое мышление, образовательная модель.*

***Abstract.** The article presents a polylingual model of multicultural education and its possibilities to form linguistic thinking in students. The functions of language as an objective substance, linguistic and cultural picture of the world and their ethnic components are emphasized. The definitions of the essence of linguistic thinking are given and educational tasks of its formation and development in the conditions of the model are defined.*

***Key words:** language, linguistic picture of the world, cultural picture of the world, polylinguality, multiculturalism, linguistic thinking, educational model.*

Вопрос формирования и развития лингвистического мышления обучающихся занимает важное место в числе проблемных вопросов развития

образования. Современная образовательная парадигма нацелена на становление интеллектуально развитой личности, способной к познанию, к самопознанию и к саморазвитию. Роль языка в данных процессах признана и не вызывает сомнений: «невозможно не соотносить протекание процесса изучения родного языка с процессами интеллектуального развития обучаемого, что обусловлено огромным развивающим потенциалом языка как сложной гармонической системы, интеллектуально организованного феномена» [1, с. 3].

С позиций постановки вопроса это утверждение можно развернуть: невозможно не соотносить процессы интеллектуального развития учащихся с процессами изучения языка. Познание мира – это целостная информационно-когнитивная система, в которой задействованы мышление – сознание – язык. Значение лингвистического мышления при этом очевидно: именно от его уровня по большей части зависит уровень интеллектуализации. Назовем лингвистическое мышление языковой системой «логических правил», по которым в сознании человека средствами языка отражается окружающая действительность. Эти логические правила соотносятся с правилами организации языка и таким образом представляют сущность лингвистического мышления. Установка – на осмысление окружающей действительности (ОД) через номинацию ее составляющих, ее явлений и отношений между ними. При этом будем считать очевидным, что осмысление явлений окружающей действительности и осмысление явлений и законов языка – суть об одном и том же, соотносящемся как содержание и форма. Иначе говоря, лингвистическое мышление есть способность индивида средствами языка отражать логику ОД, как и само мышление есть тот же самый процесс отражения объективной действительности, осуществляемый в понятиях, представлениях, суждениях.

Это означает, что, понимая объективность назначения языковых единиц и зная объективные закономерности их функционирования, человек должен быть способен мотивировано грамотно использовать в своей речи те возможности языка, которые могут наиболее точно выразить его целеустановку.

Понятно в связи с этим, что языковое поведение человека зависит от уровня его лингвистического мышления и его языковых возможностей. И это есть педагогическая проблема. Ее решение необходимо строить

на понимании универсального характера мышления, на понимании языка как предельно универсального феномена цивилизации, на определении возможностей активного воздействия на уровень соотношения языковых кодов в сознании человека. Все это – поле задач образовательной системы.

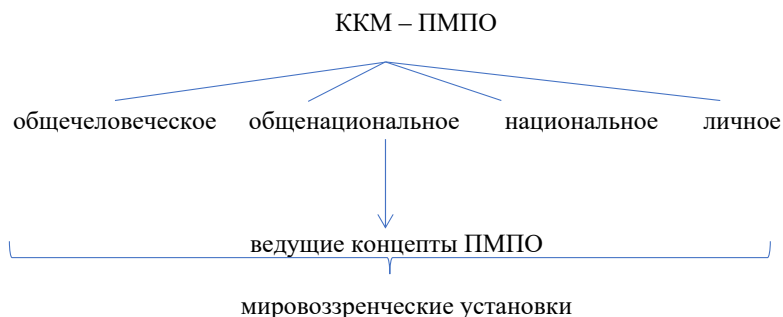
Для их решения в этой системе существуют необходимые возможности. Их разработка и методические описания делались неоднократно, однако эффективность их использования все еще оставляет существенный потенциал и делает постановку вопроса актуальной. Такие возможности относятся к актуализации изучения основ языка как объективно-субъективной субстанции: к его функционированию в качестве средства отражения окружающей действительности, к закономерностям реализации языком этого отражения, к возможностям индивидуального использования языковых средств, что предполагает «владение *и* метаязыковыми структурами, *и* развитие чувствительности к логике языка» [2, с. 242].

Еще бóльшие возможности развития лингвистического мышления предоставляет модель полилингвального образования, принципиально построенная на полиязыковой образовательной платформе и демонстрирующая объективную сущность языка вообще, универсальность его основных единиц, универсальность его основных средств и закономерностей их отношений. Она же дает возможность демонстрации этноязыковой специфики языков и расширения таким образом границ структуры языковой личности. Наличие в образовательной системе функционального полиязычия – важный и эффективный инструмент данного процесса, так же, как и наличие поликультурности, представляющей высокие образцы языкового выражения в их общих и отличных проявлениях [3].

Объединение в образовательной модели принципов полилингвальности и поликультурности (ПМПЮ) значительно расширяет возможности развития лингвистического мышления учащихся, поскольку позволяет демонстрировать язык как «интеллектуально организованный феномен» и формировать такое качество языковой личности, как способность осознавать взаимообусловленность между содержанием и формой контекста, в том числе в аспекте поликультурности.

В этом смысле в постановке темы важно, что картина мира отражает «главные компоненты человеческого сознания – познавательный, нрав-

ственный, эстетический» [4, с. 396], что картина мира – это «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом познании» [5, с. 108], что важную роль в нем играет этнокультурная специфика и что в результате концептуальная картина мира (ККМ), в том числе индивидуальная, становится много-частной: в ней «взаимодействуют общечеловеческое, национальное, социальное и личностное» [4, с. 398]. Именно такая ее суть представлена в концептуальной сути ПМПО. Но составляющие этой уровневости в модели разведены: национальная часть – на общенациональную (государственную, в данном случае – русский язык и русская культура) и на национальную как этническую (в данном случае – языки и культуры народов России), при обособлении социальной части как имеющей отношение ко всем трем:

В рамках поставленной проблемы речь, собственно, об особых условиях формирования лингвистического мышления учащихся в системе ПМПО. Их содержательная специфика представляется:

– очевидной полилингвальностью образовательного процесса, при которой несколько языков используются в качестве языков изучения и языков обучения и которая строится на паритетном функциональном многоязычии, состоящем в использовании родного языка в качестве языка обучения и предмета изучения;

– очевидной поликультурностью образовательного процесса, при которой обучение строится на материале культур народов, представля-

ющих выбранное языковое сочетание и на его интегрированном включении в содержание большинства учебных предметов;

– безусловной гуманизацией образования и развития его нравственной и гражданской идей.

Концептуально это условия техязычия и трехкультурия: русский язык, родной язык, иностранный язык и материал соответствующих культур. Этот выбор обусловлен структурой гражданской и культурной модели современного российского человека, которая представляется этнической, гражданской (государственной) и мировой составляющими и заключена в триадную формулу: регион – Россия – Мир.

Важно, что полилингвальность в ПМПО (как вообще-то и в языковой и в образовательной политике) имеет статус «социальной ценности, так как кроме основного своего значения – владение несколькими языками – она включает в себя и овладение языковой культурой» [6, с. 57], а это напрямую связано с уровнем лингвистического мышления.

При этом функционально первичный компонент ПМПО-полиязычия – родной язык – является средством познания национальных языковых и культурных ценностей; второй компонент – русский язык – является средством освоения языковых и культурных ценностей русского и других народов страны; третий компонент – иностранный язык – является средством познания языковых и культурных ценностей народов мира (по выбору).

Как следствие, полилингвальность и поликультурность в ПМПО находятся в многомерной логической взаимообусловленности, поскольку через язык (языки) познаются культуры в их широком понимании. При этом, спецификой формирования лингвистического мышления учащихся в системе ПМПО является построение данного процесса в логике системно соотносящегося диалогов: между языками обучения (и изучения), между соответствующими культурами, между языками и культурами триады.

В аспекте формирования лингвистического мышления это есть поле образовательной специфики и особых возможностей модели по достижению поставленных целей.

Таким образом, постановка проблемы и возможности ее решения особыми средствами современного образования выводят на такую образовательную парадигму, которая основана на формировании лингвистического мышления учащихся посредством функционального изучения языков и культур в условиях полилингвальной модели поликультурного образования. Сегодня эта модель вызывает особый интерес. Она уже имеет серьезное научно-методическое обоснование, но тем не менее находится на этапе становления и предполагает свое дальнейшее теоретическое развитие, разработку учебного и методического сопровождения и его апробацию.

Автор исходит из убеждения в том, что:

– потенциал образовательной среды в части развития лингвистического мышления учащихся используется недостаточно и оставляет значительные возможности для своей реализации;

– эффективность развития лингвистического мышления учащихся зависит от целенаправленности и эффективности методического воздействия на данный процесс;

– для формирования и развития лингвистического мышления учащихся возможно и целесообразно использование специальных образовательных моделей, ориентация которых связана со специальным языковым и лингвокультурологическим развитием учащихся, в том числе

(и главным образом) – полилингвальной модели поликультурного образования.

Будем строить нашу позицию на том, что основная функция языковой картины мира (ЯКМ) – назывная (номинативная): «Язык есть система понимания, то есть, в конечном счете, миропонимания; язык и есть само миропонимание» [7, с. 822], т. е. мысль материализуется через язык и все в ОД имеет свое языковое название. В таком аспекте назовем лингвистическое мышление способностью человека к логическому отражению в своем сознании окружающей действительности логической системой языковых средств и его способностью оформлять мысль и передавать ее согласно принятым языковым нормам и правилам. Будем считать, что лингвистическое мышление – это логическое мышление, сущность которого обусловлена логичностью системы объективной картины мира (ОКМ) и соответствующей логичностью ее языкового выражения; что это способность личности отражать средствами языка ОКМ в ее конкретных проявлениях и при индивидуальном восприятии; что это способность человека законами функционирования языка отражать закономерности существования и проявления ОКМ.

В этой части для условий ПМПО важен процесс идентификации явлений мира в их соотношении с народной частью, т. е. с народным аспектом ЯКМ. Есть мнение, что это представление в языке данного коллектива (народа) о действительности, ее строении, ее элементах и процессах. Однако основания языковых картин мира не могут различаться, тем более строение, элементы и процессы окружающей действительности; различаются зафиксированные в языковых единицах представления народа о том или ином, но это частности, это часть в целом, а не суть. Но эта часть принципиально значима, и значение ее состоит в том, что отражение ОД и формирование концептуальной картины мира сопряжены с этническими картинками мира, что именно их анализ представляет менталитет народа.

Поэтому для ПМПО принципиально важно, что:

- каждый этнический язык имеет в своем составе особую картину мира и отражает ее определенным способом (4, с 402);
- этническая ЯКМ является вневременной, постоянной, базовой частью картины мира языковой личности;

– что это «когнитивное наследство, представляемый ей (*личности*) этносом стартовый капитал» [8, с. 32-43].

Иначе говоря, ЯКМ обусловлена этническим языком и в нем репрезентирована. В этом смысле значение языкового образования трудно переоценить: «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что мир удваивается» [9, с. 8]: речь об образах, объектах, отношениях и качествах, которые обозначаются и выражаются языковыми средствами. В условиях полиязычия этот аргумент еще более значим и содержателен, поскольку задействованными становятся возможности как минимум трех языков и формируется полилингвальная языковая личность, владеющая расширенной языковой и культурной картинами мира, и как следствие – интенциональными установками, характерными для представителей данных этносов: мы имеем в виду способность представлять себя как «рационального агента» своих (и своего народа) представлений и желаний.

Для условий ПМПО также принципиально важен акцент на кооперативность языковой личности, состоящей в умении выбирать неконфликтные стратегии и тактики в общении, и на ее этнокультурность, понимаемую как закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенно-го языка [10, с. 67].

Очевидно, что основополагающие концепты ПМПО напрямую связаны с концептами формирования лингвистического мышления учащихся и его функциями, а именно – с формированием полилингвальной языковой компетенции учащихся на идеях межязыковой и межкультурной коммуникации и с социальным контекстом целеустановки их развития.

Соответственно, в числе задач обучения языку (языкам) в условиях ПМПО актуализируется:

– формирование представления об объективности языка, о языке как средстве отражения объективной картины мира, его логичности и универсальности;

– формирование представления о языке как средстве отражения этнической картины мира; средстве закрепления и выражения национальной, в том числе языковой, культуры данного народа;

– познание языка своего народа и способов его функционирования как неперемennого условия познания окружающей действительности;

овладение знаниями о материальной и духовной культуре своего народа, о специфике его социально-культурных стереотипов речевого поведения и этикета;

– овладение иностранным (иностранными) языком и способами его функционирования как формами осуществления межкультурной коммуникации;

– осознание метапредметной функцией русского и родного языков и их статуса как национально-культурных феноменов;

– формирование лингвокультуроведческих умений анализировать единицы языка (языков), в том числе – с национально-культурным компонентом значения, уместно и точно использовать их в собственной речи для достижения коммуникативных намерений;

– формирование социально одобряемых мировоззренческих черт личности на основе усвоения языков и культур модельной триады, их социальных норм и общечеловеческих ценностей.

В целом, процесс развития лингвистического мышления строится в модели на когнитивной основе, полисистемно на принципах полилингвальности и поликультурности, для целей овладения языком как объективной субстанцией и его частными представительствами (русский – родной – иностранный языки), с установкой на формирования у обучаемых языковой и культурной картин мира, в том числе – национальных, а также их гражданской идентичности.

Это должно позволить учащимся не только участвовать в межязыковом и межкультурном диалогах, но и лучше понять собственный язык, собственную культуру в их тесных взаимосвязях с другими языками и культурами России и Мира. Это должно формировать у учащихся общую (объективную) картину мира и в ее составе этническую картину мира; дать возможность ценностно воспринимать родной язык и родную культуру в равноправном ряду языков и культур мира, и соответственно самого себя в числе равноправных членов этого мира. Это ведущие социальные эффекты развития лингвистического мышления в условиях ПМПО.

Можно заключить, что образовательное поле формирования лингвистического мышления и его содержательный контекст в модели системно расширены и охватывают все необходимые для языкового развития и социализации учащихся компоненты. Это подтверждает высокий об-

разовательный статус ПМПО, делает ее целесообразной и перспективной и актуализирует ее научно-методическое развитие.

Библиографический список

1. Криворотова Э. В. Формирование лингвистического мышления учащихся как условие их интеллектуального развития: автор. дис. ... докт. пед. наук. Москва, 2007. 51 с.

2. Романовская А. К. Развитие лингвистического мышления учащихся как педагогическая проблема. Минск: БДУ, 2019. Доступ: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/232380>.

3. Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы: монография. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2011. 184 с.

4. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. №2. 2012. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 02. 02. 2024).

5. Брутян Г. А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. №1. 1973. С. 108–111. Доступ: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/13.html.

6. Мургазаева М. М., Эльдарова Н. М. Полилингвизм и его перспективы в условиях современной школы. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки, №4. Т. 13. 2019. С. 56-65. DOI: 10.31161/1895-0659-1019-13-4-56-65.

7. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. Москва: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. 958 с.

8. Морковин В. В., Морковина А. В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем), Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва: Астра семь, 1997. 415 с.

9. Лурия А. Р. Язык и сознание. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 333 с.

10. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Филологические науки. №1. 2001. С. 64–72.

References

1. Krivorotova E. V. Formation of linguistic thinking of students as a condition of their intellectual development: autoref. diss. doctor of pedagogical sciences. Moscow, 2007. – 51 с.
2. Romanovskaya A. K. Development of linguistic thinking of students as a pedagogical problem. Minsk: BDU. 2019. Accessed at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/232380>.
3. Bzarov R. C., Kambolov T. T., Kuchieva L. A. Multicultural educational model as a basis for the formation of Russian civil identity of students of general education school: a monograph. Vladikavkaz: SOGPI Publishing House, 2011. – 184 с.
4. Goncharova N. N. Linguistic picture of the world as an object of linguistic description. Izvestiya TulsU. Humanities. №2. 2012. Access: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (date of address: 02. 02. 2024).
5. Brutyan G. A. Language and the picture of the world // NDVSH. Philosophical Sciences. №1. 1973. С. 108-111. Access: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/13.html.
6. Murgazaeva M. M. . Eldarova N. M. Polylinguism and its prospects in the conditions of modern school. Izvestia Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences, №4. Т. 13. 2019. С. 56–65. DOL: 10.31161/1895-0659-1019-13=-4-56-65.
7. Losev A. F. Genesis. Name. Kosmos. – Moscow: Mysl: Ros. open university, 1993. 958 с.
8. Morkovin V. V., Morkovina A. V. Russian agnonyms: (words that we do not know), Institute of Russian Yaz.im. B. B. Vinogradov RAS. Petersburg: Peter, 2019. – 333 с.
10. Vorkachev S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological Sciences. №1. 2001. С. 64–72.

Сведения об авторе

Кучиева Людмила Асланбековна, ведущий научный сотрудник, канд. пед. наук, доцент, Институт истории и археологии РСО-Алания, Центр поликультурного и полилингвального образования, РФ, г. Владикавказ. E-mail: kuchieva-r@bk.ru.

About the author

Kuchieva Lyudmila Aslanbekovna, leading researcher, Ph.D. ped. Sciences, Associate Professor, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Center for Multicultural and Multilingual Education, Russian Federation, Vladikavkaz. E-mail: kuchieva-r@bk.ru.

УДК 372.881.1

Майрамукаева Ф. А.
ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
НА УРОКАХ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА
И В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ

Mairamukaeva F. A.
TECHNOLOGY FOR DEVELOPING CRITICAL THINKING
IN THE OSSETIAN LANGUAGE CLASSES
AND IN TEACHER TRAINING

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности технологии развития критического мышления, приемы использования технологии на уроках осетинского языка и литературы в школе, особенности организации учебного процесса по методике преподавания осетинского языка по технологии развития критического мышления.*

***Ключевые слова:** технология, развитие, методика, осетинский язык, преподавание, обучение, приемы, методы, подготовка студентов.*

***Abstract.** The article examines the features of the technology of developing critical thinking, techniques for using technology in the lessons of the Ossetian language and literature at school, features of the organization of the educational process according to the methodology of teaching the Ossetian language using the technology of developing critical thinking.*

***Key words:** technology, development, methodology, Ossetian language, teaching, training, techniques, methods, training of students.*

Понятие «критическое мышление» рассматривается психологами как «Когнитивная стратегия, состоящая в значительной степени из непрерывной проверки и испытания возможных решений относительно того, как выполнять определенную работу» [2]. При этом способность критически мыслить означает как умение анализировать информацию, делать самостоятельно выводы, а также применять полученные результаты при решении определенных задач.

Технология развития критического мышления (ТРКМ) – один из способов превратить учение в личностно ориентированное. Особенностью данной педагогической технологии является то, что обучающийся в процессе обучения сам конструирует этот процесс, исходя из реальных и конкретных целей, сам отслеживает направления своего развития, сам определяет конечный результат.

Технология представляет собой целостную систему, формирующую навыки работы с любым материалом. При этом важным в технологии развития критического мышления является следование трем фазам: фаза вызова; фаза осмысления; фаза рефлексии. Первая фаза активизирует деятельность обучающихся, настраивает их на работу, мотивирует. На этом этапе актуализируются знания по рассматриваемой теме. Вторая фаза – фаза осмысления, реализация смысла. На этой стадии идет непосредственная работа с информацией, причем приемы и методы ТРКМ позволяют сохранить активность ученика, сделать процесс работы осмысленным. Третья стадия (фаза) – рефлексия (размышление). На этой стадии информация анализируется, интерпретируется, творчески перерабатывается [1].

Эффективность данной технологии выражается в том, что она способствует повышению результативности восприятия изучаемого материала, интереса к процессу обучения вообще. У обучающихся развивается способность анализировать, сравнивать и сопоставлять. С учетом того, что многие приемы работы выполняются в интерактивном формате, технология развивает способности работать в сотрудничестве.

Главная цель технологии развития критического мышления – развитие интеллектуальных способностей ученика, позволяющих ему учиться самостоятельно.

Традиционная система проведения занятий по методике преподавания осетинского языка не позволяет решить вышеизложенные задачи.

Проводимые на основе традиционной образовательной системы уроки осетинского языка и литературы (с точки зрения организации деятельности учащихся) решают, как правило, образовательные задачи, дают ребенку хорошо аргументированный, логически выстроенный материал, соответствующий программным требованиям по предмету. При этом проблема развивающего обучения часто остается вторичной.

ТРКМ активно используется в методической подготовке студентов факультета осетинской филологии СОГУ имени К.Л. Хетагурова. Учебные занятия по технологии развития критического мышления отличаются высокой активностью самих студентов. Они много рассуждают, свободно делятся своими мнениями с окружающими, обсуждают прочитанное и услышанное.

Формированию практической профессиональной готовности будущих учителей осетинского языка и литературы способствуют используемые на занятиях по методике осетинского языка приемы и методы работы. Так, умение систематизировать и анализировать информацию на всех стадиях ее усвоения вырабатывается при использовании таких приемов работы, как «Кластер», «Таблица Инсерт», «Фишбоун», «Диаграмма Венна», «Синквейн», Стратегия «Фишбоун» и др.

В частности, использование приема «Кластер» способствует систематизации изученного материала, установлению причинно-следственных связей между изучаемыми понятиями. Например: как взаимосвязаны между собой языковые понятия, разделы грамматики и т.д. Заданием может стать и укрупнение одной или нескольких блоков и выделение новых.

Система кластеров охватывает большее количество информации. Этот прием может быть применен на стадии вызова, когда мы систематизируем информацию, полученную до знакомства с основным источником (текстом) в виде вопросов или заголовков смысловых блоков.

Например, при объяснении нового материала учитель путем использования практических видов работ подводит обучающихся к новому понятию. До знакомства с теоретическим материалом учебника школьники делают самостоятельные выводы, систематизировать же их они могут в виде кластера.

Многие приемы работы технологии развития критического мышления опираются на визуальные методы обучения. Правильному восприятию учебной информации способствуют диаграммы связей, схемы, карты памяти (также известная как интеллект-карта, ассоциативная карта, ментальная карта или карта мыслей). Студенты составляют майд-карты или интеллект-карты по теме «Части речи в осетинском языке», составляют карты слов «Фарн», «Мад», «Амонд», «Бинонтæ» и т.д. Причем задание выполняются и в рамках дисциплины «Инклюзив-

ные и адаптивные технологии», с учетом особенностей работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Эффективным методом структуризации и визуализации учебного материала является «Облако слов» (облако мыслей), способствующее также овладению обучающимися важнейшими мыслительными операциями, в том числе и развитию воображения.

В процессе обучения студенты разрабатывают собственные приемы работы по ТРКМ, обогащая тем самым новыми формами работы методику преподавания осетинского языка и литературы. Практические разработки студентов пополняют методическую копилку кафедры осетинского языка факультета осетинской филологии, работы студентов демонстрируются на научно-практических конференциях и методических семинарах с участием учителей осетинского языка и литературы республики.

Таким образом, использование приемов технологии развития критического мышления активизирует учебную деятельность обучающихся на уроках осетинского языка и литературы, способствует эффективности формирования профессиональных умений будущих педагогов.

Библиографический список

1. *Заир-Бек С. И.* Основы педагогического проектирования: Учеб. пособие. СПб., 1995.
2. *Козак М.В.* Критическое мышление. Электронный журнал «Вестник психологии». Доступ: <https://psychologyjournal.ru/stories/kriticheskoe-myshlenie/> (дата обращения 10.02.24).
3. Основы критического мышления: Междисциплинарная программа: Пособие I / Дж. Стил, К. Мередит, Ч. Темпл, С. Уолтер. М., 1997. С. 32-33.
4. *Черных Е.Р.* Роль наглядных средств обучения в формировании учебной деятельности младших школьников. Доступ: <https://www.pedopyt.ru/categories/12/articles/2699> (дата обращения 10.02.24).

Сведения об авторе

Фатима Ахплатовна Майрамукаева, зав. отделом учебно-методической работы Центра развития осетинского языка Института истории и археологии РСО-Алания.

About the author

Mairamukaeva F.A., head of the Methodical Department of the Ossetian language centre, the Institute of History and Archeology of RNO-Alania.
E-mail: majr-fatima@yandex.ru.

СЕКЦИЯ 1 б)
ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ
(РАСШИРЕНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ, СОСТАВЛЕНИЯ
ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

УДК 811.111

Абрегова А. В.
МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕНТАЛЬНОЙ ИМПЛАНТОЛОГИИ

Abregova A. V.
METAPHOR IN THE TERMINOLOGY
OF ENGLISH-SPEAKING DENTAL IMPLANTOLOGY

***Аннотация.** В статье рассматривается употребление метафоры в дискурсе англоязычной дентальной имплантологии. Когнитивный подход позволяет раскрыть мыслительные процессы лежащие в основе метафоризации терминов, определить механизмы терминологизации в вербально опосредованной деятельности человека в специальной сфере стоматологии, а также позволяет рассмотреть и проанализировать терминологию дентальной имплантологии как с научной, так и с профессиональной точек зрения.*

***Ключевые слова:** метафора, дискурс англоязычной дентальной имплантологии, когнитивный подход, профессиональная лексика.*

***Abstract.** The article examines the use of metaphor in the discourse of English-language dental implantology. The cognitive approach allows us to reveal the thought processes underlying the metaphorization of terms, to determine the mechanisms of terminologization in verbally mediated human activity in the special field of dentistry, and allows us to consider and analyze the terminology of dental implantology from both scientific and professional points of view.*

Keywords: *metaphor, discourse of dental implantology, cognitive approach, professional vocabulary.*

Введение. Актуальность настоящего исследования заключается в интересе лингвистов, психологов, математиков и философов к изучению метафоры в когнитивном аспекте. Интерес исследователей вызван способностью метафоры, как инструмента познания, создавать ёмкие образы, основанные на ярких, неожиданных ассоциациях. По словам Е. С. Кубряковой «представлять знания в языковой форме путём видения одного объекта сквозь призму другого» [9, с. 25] Учитывая двойственность представления метафоры в сознании, канадский ученый-когнитивист, философ и психолог Стивен Харнад (1982) предложил наиболее интересную точку зрения на метафору: «...*метафора – это когнитивный механизм, посредством которого непрерывные, аналоговые (и сенсорно-обоснованные) восприятия, которые уже прошли процесс категоризации (символо-образования), подвергаются переоценке в новых концептуальных контекстах.*» [7]

Целью настоящего исследования является определение особенностей функционирования метафоры в дискурсе англоязычной дентальной имплантологии. Методами исследования послужили: эвристический метод сбора языкового материала, метод семантического поля и метод описания по лексико-семантическим группам, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа и метод статистического анализа. Использование данных методов позволило отобрать *языковой материал* из англоязычных профессиональных текстов различных областей современного научного и профессионального знания (материалов Интернет сайтов, статей научных журналов и словарей), определить типологию метафор, представленных в этих текстах, и типы метафорических переносов, частотность их употребления.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование языка научных текстов показало, что метафоры используются в них также часто, как они используются в языке в целом. Но метафоры в научном тексте отличаются от метафор в художественном тексте. Цель использования научной метафоры – не создание неповторимого образа, а более точное и доступное информирование адре-

сата о научных знаниях. В. Г. Гак отмечал, что метафоризации подвергаются слова, обозначающие наиболее понятные явления и предметы из ближайшего окружения человека. К ним относятся названия частей тела человека, родственных связей, животных и растений, предметов одежды и обихода, явлений природы и т. п. [4, с. 113]

Развивая эту точку зрения Х. Ортега-и-Гассет утверждает, что для номинации своего изобретения учёный подбирает уже существующее слово, значение которого по смыслу близко изобретённому понятию. Тем самым термин получает новый смысловой оттенок, опираясь на прежние значения и не отбрасывая их. Это и есть метафора [1, с. 68-81]. Само обращение к метафоре, по мнению С. С. Гусева, объясняется тем, что она способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью образов и символов [5, с. 126]. Согласно Н. Д. Арутюновой интерес лингвистики к метафоре определяется ролью метафоры в порождении смысла, воспринимаемого разумом. «Естественный язык умеет извлекать значение из образа. Итогом процесса метафоризации, в конечном счете изживающим метафору, являются категории языковой семантики. Изучение метафоры позволяет увидеть то сырьё, из которого делается значение слова. Рассматриваемый в перспективе механизм действия метафоры ведет к конвенционализации смысла» [1].

Существует несколько классификаций метафор. Вслед за Н. Д. Арутюновой мы будем рассматривать метафору в её функциональной классификации, то есть с опорой на цель, с которой метафора используется в речи. Н. Д. Арутюнова предложила «классифицировать метафоры по четырём основным типам:

- номинативные, состоящие в замене одного дескриптивного значения другим и служащие источником омонимии;
- образные метафоры, служащие развитию фигуральных значений и синонимических средств языка;
- когнитивные метафоры, возникающие в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создающие полисемию;
- генерализирующие метафоры (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающие в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующие возникновение логической полисемии» [2, с. 58].

По словам Н. З. Котеловой, «термины – это слова, и ничто языковое им не чуждо» [8, с. 23]. Целый ряд учёных (В. П. Даниленко, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, В. М. Лейчик, А. А. Реформатский и др.) признают, что в терминологической лексике происходят те же процессы полисемии, омонимии, антонимии или синонимии, которые мы можем наблюдать в общелитературной лексике. Но процессы, происходящие в терминологической лексике, имеют ряд особенностей. По мнению В. П. Даниленко, «эти процессы не затрагивают характерных лексико-семантических признаков терминологии» [6, с. 65]. Она подчёркивает, что «для терминологической лексики характерны однозначные отношения: один знак – одно содержание (симметрия обозначающего и обозначаемого)» [6, с. 54].

В терминологии дентальной имплантологии были замечены все типы метафоры, обозначенные в вышеупомянутой функциональной классификации. В дентальной имплантологии *номинативная метафора* является самым многочисленным типом метафоры в силу того, что термин, в первую очередь, несёт номинативную функцию. Отмечая антропоцентричность любого познания, Т. Г. Попова в центр познания, в том числе и научного, ставит человека, «который и делает себя мерой всех объектов, явлений и процессов действительности». Таким образом, «объективная реальность не отображается зеркально в языке, а интерпретируется и кодируется в языке через некую призму мирозидения» [10].

Примерами номинативных метафор могут служить ключевые антропоморфные метафоры. Часто предметы или части одежды человека используются для обозначения строения полости рта, частей стоматологических инструментов, протезов, и т.д. Флористическая метафора используется в описании строения и жизненного цикла зубов.

Номинативные метафоры используют также термины строительства, вместилища, географические понятия для наименования терминов дентальной имплантологии. Например, термины, имеющие сходство:

– с частями тела человека: *shoulder* ‘плечо; плечевой сустав’ (*shoulder porcelain* «фарфор с низкой усадкой (применяемый для создания искусственного края коронки)»; *shoulder finish line* «дизайн финишной линии для препарирования зубов, при котором дно десны соприкасается с внешними осевыми поверхностями примерно под прямым

углом»); *body* ‘тело (человека или животного)’ (*body porcelain* ‘фарфор корпуса’, *implant body* ‘корпус имплантата’); *arm* ‘рука (от кисти до плеча)’ (*bracing arm* ‘фиксирующий рычаг’; *clasp arm* ‘обхватывающий рычаг’); *neck* ‘шея’ (*tooth neck* ‘шейка (зуба)» «узкая часть зуба между корнем и коронкой»); *head* ‘голова’ (*bur head* ‘головка бора’; *implant head* ‘головка имплантата’); *shank* ‘голень, нога’ (*bur shank* ‘стволовая часть стоматологического бора’);

– с присущими человеку свойствами: *intention* ‘намерение’ (*healing by first (primary) intention* «заживление первым (первичным) натяжением»); *survive* ‘остаться в живых’ (*dental implants survival rate* ‘выживаемость зубных имплантатов’); *fatigue* ‘усталость’ (*fatigue life* ‘усталостная долговечность’; *fatigue fracture of the metal base* ‘усталостный перелом металлического базиса’; *static fatigue* ‘статическая усталость’);

– с предметами одежды и обуви: *collar* ‘воротник; воротничок’ (*implant collar* ‘манжета имплантата’; *apron* ‘передник, фартук’ (*lingual apron* = *lingual plate* ‘язычная пластина’; *protective apron* ‘рентгенозащитный фартук из просвинцованной резины’); *jacket* ‘куртка’ (*porcelain jacket crown* ‘фарфоровая коронка’); *button* ‘пуговица, кнопка’ (*button implant* ‘кнопочный имплантат’); *cap* ‘шапка; шапочка; кепка’ (*cap* ‘укупорочный колпачок’ «искусственное защитное покрытие для зуба»; *cap splint* ‘колпачковая шина’ «пластиковое или металлическое устройство, используемое при лечении переломов верхней или нижнечелюстной кости и предназначенное для покрытия клинических коронок зубов и обычно прикрепляемое к ним»); слово *pocket* ‘карман, кармашек’ в стоматологии переводится как ‘зубодесневой карман’; слово *flap* 1) ‘пола, подол (одежды), клапан (кармана), уши, отвороты (шапки)’; 2) ‘лоскут на ножке, клапан’ в стоматологии определяется как «ослабленный участок мягких тканей, отделенный от окружающих тканей, за исключением его основания, для хирургического доступа», (*esthetic buccal flap (EBF)* ‘эстетический щечный лоскут’); *sleeve* ‘рукав’ (*drill sleeves* ‘втулки для сверл’, *guided sleeve* ‘направляющая втулка’, *waxing sleeve* ‘восковая втулка’ «предварительно изготовленный литой пластиковый шаблон, используемый для изготовления специального абатмента или каркаса реставрации»);

– с растительностью: *crown* ‘крона, верхушка дерева/’ (*tooth crown* ‘коронка зуба’); *root* ‘корень’ (*tooth root* ‘корень зуба’; *tooth germ* ‘зуб-

ной зачаток 'plant' 'растение' (*to implant* 'вживлять; пересаживать (ткань или орган)'); *bulb* 'луковица' (*bulb = obturator* 'обтуратор' «приспособление для закрытия дефектов твердого или мягкого неба» = *speech aid prosthesis* 'речевой протез'); *initiation* 'возникновение, зарождение' (*initiation (bud stage)* 'возникновение, зарождение зуба'); *bud* 'почка; зачаток'; *stem* 'ствол, стебель' (*stem cell* 'стволовая клетка');

– с географическими понятиями: *ridge* 'гребень горы; горный хребет; горная цепь' (*oblique ridge* 'косой гребень', '*ridge augmentation* 'приращение гребня'; *slope* 'наклон, уклон, скат, склон (*bony slopes* 'наклон кости'); *crest* 'гребень, хребет' (*crestal area* 'площадь гребня'); *eruption* 'извержение (вулкана)' (*eruption* 'прорезывание (зубов)');

– с вместилищами: *socket* 'гнездо, углубление, ячейка, лунка' (*tooth socket* 'зубная альвеола, луночка зуба'); *cavity* 'впадина; котловина, яма' (*oral / mouth cavity* 'полость рта, ротовая полость'; *to fill a cavity in a tooth* 'запломбировать полость в зубе'); *tray* 'лоток; поддон' (*impression tray* 'слепочная (оттискная) ложка'); *chamber* 'камера' (*pulp chamber* 'полость коронки (зуба)');

– с терминами строительства: *site* 'стройплощадка, место (для строительства)', *host site / recipient site* зд. 'место имплантации'; *wall* 'стена', *walls of the socket* 'стенки альвеолы'; *lingual wall* 'лингвальная, язычная стенка'; *floor* 'дно (водоёма, сосуда)', *mouth floor* 'дно ротовой полости'; *roof* 'крыша; потолок; кровля' (*roof of pulp chamber* 'верхняя стенка пульповой камеры'); *cement* 'цемент' (*cementum* 'цементное вещество зубов, корешковая кора'); *canal* 'канал (искусственный)' (*Volkmann's canal* 'фолькманнов канал / прободающий канал' «Проходы, содержащие артерии. Они проходят внутри остеонов перпендикулярно гаверсовым каналам, соединяя последние друг с другом и с надкостницей»; *Haversian canal* 'канал остеона, гаверсов каналец' «Свободно анастомозирующие каналы внутри кортикальной (плотной) кости, содержащие кровеносные и лимфатические сосуды и окруженные концентрическими костными пластинками»); *abutment* 'опора' (*abutment swapping* 'замена абатмента') (в стоматологии *абатмент* – это «цилиндрический элемент, выполненный из металла или полимера, который устанавливается основанием на штифт имплантата, а на его верхнюю часть крепится коронка»); *arch* 'арка; свод' (*palatomaxillary arch* 'свод нёба'; *arch wire, ribbon arch* 'ортодонтическая дуга'); *bar* 'брусочек, ку-

сок' (*bar implant* 'имплантат балочной структуры').

Следует также заметить, что терминологическая омонимия в номинативных метафорах характеризуется наличием двух обязательных признаков: 1) за терминами закреплены разные дефиниции; 2) термины функционируют в разных терминосистемах.

Образные метафоры в дентальной имплантологии служат развитию фигуральных значений и синонимических средств языка. Ярким примером образной метафоры может служить термин *deciduous teeth* 'молочные зубы', от *deciduous* 'сбрасываемый', как значение «лиственный, листопадный, сбрасывающий листья (о деревьях)» или *shedding exfoliation* 'выпадение молочных зубов' от *exfoliation* '1) эксфолиация, потеря листьев, опадение листьев; 2) выпадение молочных зубов'; *shedding* '1) выпадение; осыпание; 2) сбрасывание (напр., покрова)'; а также другие, синонимические обозначения понятия молочные зубы: *baby teeth*, *milk teeth*, *primary teeth*, *temporary teeth*, основанные на других ассоциативных значениях.

Также слово *denture*, которое определяется как «искусственный заменитель отсутствующих естественных зубов и прилегающих тканей» в одном из своих значений – *fixed partial denture* 'несъемный частичный зубной протез' заменяется словом *bridge* 'мост', в стоматологии 'мостовидный протез'; *heel* 'каблук' в стоматологии определяется как «расположенный кзади от сагиттальной плоскости, следующий в зубном ряду»; *shell crown* «1. искусственная коронка, изготовленная из металлической пластины; 2. искусственная коронка, которая надевается в виде оболочки или колпачка на оставшуюся клиническую коронку зуба; пространство между коронкой и оболочкой заполняется цементом» [12].

В буквенных метафорах (сходство определяется на основании графического очертания букв алфавита, например, в английском языке): *V-wedge-shaped groove* 'клиновидная канавка'; *horseshoe plate* «*a U-shaped major connector for a removable prosthesis*» 'подковообразная пластина' «U-образный основной соединитель для съемного протеза»; *W-shaped grasping forceps* 'щипцы захватывающие с W-образными захватами'; *O-ring* «эластичное крепление для протезирования в форме пончика»; *forceps with S-shaped curved handles to extract molars* 'щипцы с S-образноизогнутыми ручками для удаления моляров'.

Образные метафоры являются неформальными синонимами терминов, вызывают у собеседников рефлексию, связанную с предыдущим опытом жизни, и обеспечивают быстрое улавливание смысла и понимание текста.

Когнитивные метафоры в дентальной имплантологии возникают в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создают полисемию. Полисемия, порождённая метафорическим переносом значения слова основана на наличии сходства (структурного, внешнего, функционального). Слово *suture* имеет значения: '1) хирургический шов; наложение шва, сшивание; накладывать шов, сшивать; 2) шовный материал; 3) шов'. Например, виды хирургических швов: *continuous line suture* 'непрерывный линейный шов', *mattress suture* 'матрачный шов'. Выражение *sutures of the skull* 'швы черепа' (*coronal suture* 'венечный шов', *squamosal suture* 'чешуйчатый шов', *lambdoidal suture* 'лямбдоидальный шов') возникло из-за внешнего сходства. Оксфордский словарь даёт следующее определение слову *suture*: 2) *a seam-like immovable junction between two bones, such as those of the skull* (похожее на шов неподвижное соединение между двумя костями, такими как кости черепа) [15]. Словосочетание *guide pin* 'направляющий штифт' имеет значения, основанные на наличии функционального сходства: 1) «Устройство, размещаемое внутри остеотомии зубного имплантата для помощи в определении местоположения и угла наклона участка относительно соседних зубов, имплантатов или других ориентиров»; 2) «Удлиненные окклюзионные или опорные винты, используемые при изготовлении протеза в лаборатории».

В когнитивной лингвистике изучение метафоры переместилось из филологии в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и к моделированию искусственного интеллекта. Многие выражения, использующие метафору, относятся к нестандартной лексике – профессиональному языку или сленгу. Если термины являются официальными представителями научного стиля литературного языка, то профессионализмы представляют неофициальную речь сотрудников определенной научно-производственной отрасли. Профессиональный сленг служит инструментом объединения специалистов, поскольку, понимая профессиональную лексику и сленг, они чувствуют свою при-

надлежность к определенной социальной группе. Критерием разделения терминов и профессионализмов в первую очередь надо выдвигать фактор официальности/неофициальности. Термины используются преимущественно в письменной речи научного стиля, а профессионализмы употребляются в устной разговорной речи. Поэтому можно говорить о такой подсистеме национального языка, как профессиональная речь. Появление профессионализмов связывают с прагматическими особенностями профессиональной коммуникации. Профессиональные слова обозначают, прежде всего, объекты, являющиеся орудиями или продуктами труда, трудовые процессы и явления в определенной производственной сфере. Термины не всегда точно передают информацию о предмете или процессе и могут заменяться более точными и понятными для участников профессиональной коммуникации наименованиями, или термин может содержать, по мнению профессионалов, излишнюю информацию и сокращается или стремится к аббревиации. В единицах профессиональной коммуникации зафиксирована та часть профессиональной информации, которая актуализируется в каждодневных повторяющихся действиях и операциях, а потому через опыт приближена к личному миру человека, составляет круг его ближайших повседневных концептов. Например, стоматологическая проблема с названием *black triangles* 'межзубодесневое пространство' получается в результате коррекции зубов. Образуются треугольные промежутки между зубами на уровне десневых сосочков. Визуально эти промежутки выглядят темными, почти черными, так как за ними находится полость рта, не освещаемая светом, что дало название *black triangle* 'черный треугольник' в неформальном общении ортопедов. Выражение *pink porcelain* 'десневой фарфор' в профессиональной среде обозначается 'розовый фарфор' из-за розовой в цвет десны окраски протеза. В *Таблице 1* показано как одно и то же понятие передаётся неофициальными метафорическими и официальными профессиональными терминами.

Таблица 1
Примеры профессионализмов и официальных терминов
в дентальной имплантологии

Неофициальный термин	Официальный англоязычный термин	Официальный русскоязычный термин
<i>button implant</i> 'кнопочный имплантат'	mucosal inset	вставка в слизистую оболочку
<i>cantilever bridge</i> 'консольный мост'	cantilever fixed dental prosthesis	консольный несъёмный зубной протез
<i>jacket crown</i> 'жакетная коронка зуба'	ceramic crown, resin crown	керамическая коронка, коронка из пластмассы
<i>jump case</i> 'случай перехода'	rebase, reline	перебазировка (зубного протеза)
<i>rest bite</i> 'прикус в состоянии покоя'	physiologic rest position	положение физиологического покоя
<i>saddle</i> 'седло'	denture base	базис зубного протеза
<i>a cold weld</i> 'холодная сварка'	Morse taper connection	соединение конусом Морзе
<i>wash impression</i> 'смывной оттиск'	final impression	окончательный оттиск

С точки зрения семантико-функциональной характеристики профессионализмы выступают антиподами терминов, обозначая одно и то же явление профессиональной реальности. При этом следует учитывать, что терминообразование задается профессиональной деятельностью, социокультурным взаимодействием специалистов и представляет собой семиотический процесс, направленный и на формирование языковой личности, и на развитие языковых знаков. Иными словами, мы должны исследовать терминообразование с учетом включения коммуникативного процесса в другой вид деятельности (социокультурное взаимодействие) и рассматривать его во взаимосвязи с когнитивными процессами. Как заметила С. Л. Васильева, когнитивная функция метафоры связана с реализацией ее познавательного потенциала, с помощью которого в сознании индивидуума осмысливаются события и явления, проводятся параллели и аналогии [3, с. 159].

Выводы

В заключении можно сделать выводы, что: 1) метафора является неотъемлемой частью текстов англоязычной дентальной имплантологии, 2) она выступает в качестве инструмента обогащения языка науки (появление новых терминов и т.д.), 3) в текстах англоязычной дентальной имплантологии представлены почти все типы метафоры, 4) оценочно-экспрессивные метафоры в текстах дентальной имплантологии полностью отсутствуют, 5) метафора в терминологии дентальной имплантологии теряет свою образность и обретает конвенциональный смысл – образные метафоры используются для передачи научной информации в более доступной и легкой для понимания форме, 6) образование метафоры в дентальной имплантологии чаще связано с переносом известной функции или формы в другие концептуальные поля.

Библиографический список

1. Арутюнова – Метафора и дискурс. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения: 20 февраля 2024).

2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры. Сборник научных трудов. М.: Прогресс, 2012. 512 с.

3. Васильева С. Л. Антропонимические метафоры в газетно-публицистическом дискурсе: функциональный аспект // Вестник Томского гос. Пед. Ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 157-160.

4. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
5. Гусев С. С. Наука и метафора. Л.: ЛГУ, 1984. 150 с.
6. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
7. Искусство метафоры. Философы: Харнад URL: <http://metaphor.nsu.ru/review/harnad.htm> (дата обращения: 20 февраля 2024).
8. Котелова Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / под ред. С. Г. Бархударова. М., 1970. 231 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
10. Попова Т.Г., Сачкова Е.В. Метафора в научном стиле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2-2. С. 356-360; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9590> (дата обращения: 07.03.2024).
11. Репин Б.И., Кривцова Т.Н. Русско-английский медицинский словарь для стоматологов. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2005. 195 с.
12. Ривкин В. Л. Новый англо-русский медицинский словарь. 75 тыс. слов и словосочетаний. Medical (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6) © «РУССО», 2004.
13. Glossary-of-Implant-Dentistry-3.pdf. Available at: <https://www.icoi.org/wp-content/uploads/2016/12/Glossary-of-Implant-Dentistry-3.pdf>. (Accessed: 20 February 2024).
14. The Glossary of Prosthodontic Terms. 2017. Available at: <http://removpros.dentistry.dal.ca/ewExternalFiles/Glossary%20of%20Prosthodontic%20Terms%202017.pdf>. (Accessed: 20 February 2024).
15. OxfordDictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x6) Oxford Dictionary of English, 3rd Edition © Oxford University Press 2010.

References

1. Arutjunova – Metafora i diskurs. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения: 20 февраля 2024).
2. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs / Per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. jaz.; Vstup. st. i sost. N. D. Arutjunovoj // Teorija metafory. Sbornik nauchnyh trudov. M.: Progress, 2012. 512 s.

3. Vasil'eva S. L. Antroponimicheskie metafory v gazetno-publicisticheskom diskurse: funkcional'nyj aspekt // Vestnik Tomskogo gos. Ped. Un-ta (TSPU Bulletin). 2013. Vyp. 3 (131). С.157-160.
4. Gak V. G. Sopostavitel'naja leksikologija (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov). M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1977. 264 s.
5. Gusev C. C. Nauka i metafora. L.: LGU, 1984. 150 s.
6. Danilenko V. P. Russkaja terminologija. Opyt lingvisticheskogo opisaniya. M.: Nauka, 1977. 246 s.
7. Iskusstvo metafory. Filosofij: Harnad URL: <http://metaphor.nsu.ru/review/harnad.htm> (data obrashhenija: 20 fevralja 2024).
8. Kotelova N. 3. K voprosu o specifikе termina // Lingvisticheskie problemy nauchno-tehnicheskoy terminologii / pod red. S. G. Barhudarova. M., 1970. 231 s.
9. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshh. red. E. S. Kubrjakovoj. M.: Izd-vo MGU, 1996. – 245 s.
10. Popova T.G., Sachkova E.V. Metafora v nauchnom stile // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. 2016. № 2-2. S. 356-360; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9590> (data obrashhenija: 20 fevralja 2024).
11. Repin B.I., Krivcova T.N. Russko-anglijskij medicinskij slovar' dlja stomatologov. M.: OOO «Medicinskoe informacionnoe agentstvo», 2005. 195s.
12. Rivkin V. L. Novyj anglo-russkij medicinskij slovar'. 75 tys. slov i slovosochetanj. Medical (En-Ru) (k versii ABBYY Lingvo x6) © «RUSSO», 2004.
13. Glossary-of-Implant-Dentistry-3.pdf. Available at: <https://www.icoi.org/wp-content/uploads/2016/12/Glossary-of-Implant-Dentistry-3.pdf>. (Accessed: 20 February 2024).
14. The Glossary of Prosthodontic Terms. 2017. Available at: <http://removpros.dentistry.dal.ca/ewExternalFiles/Glossary%20of%20Prosthodontic%20Terms%202017.pdf>. (Accessed: 20 February 2024).
15. OxfordDictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x6) Oxford Dictionary of English, 3rd Edition © Oxford University Press 2010.

Сведения об авторе

Абрегова Алла Владимировна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: alla.abregova@yandex.ru.

About the author

Abregova Alla Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, PhD in Philology, Associate Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation. E-mail: alla.abregova@yandex.ru.

УДК 811.11 -112

**Асанова М. С., Мукова М. Н., Хутова Е. Р.
К ВОПРОСУ СЕМАНТИЗАЦИИ ТЕРМИНА
В ОТРАСЛЕВЫХ СЛОВАРЯХ**

**Mukova M. N., Khutova E.R., Asanova M. S.
ON THE ISSUE OF TERM SEMANTIZATION
IN INDUSTRY DICTIONARIES**

***Аннотация.** Семантизация термина остается актуальной терминологической проблемой, что вызвано постоянным развитием общества, науки, появлением новых отраслей экономики и т.д. Проблема раскрытия и описания значения термина актуальна для новых областей знания. В первую очередь проблема семантизации термина встает перед лексикографами. Появление и развитие различных областей знания требуют выработки единых научных требований к их составлению, особенно остро стоит проблема составления терминологического переводного словаря толкового типа. Первоочередной задачей становится составление словарных статей, анализ способов и средств семантизации термина в словаре. В основе любого отраслевого словаря лежит логико-понятийная система отраслевой терминологии, семантические признаки каждого специального термина, выстраиваются лексикографические определения термина и оптимальная структура словарной статьи, выдвигание требований к способам и средствам семантизации термина в терминологическом словаре. Семантическая структура специального термина предстает в виде набора существенных и дополнительных признаков и лингвистических характеристик термина. Важность и значение создания терминологических словарей заключается в лингвистическом обеспечении информационно-поисковых систем и создания информационных блоков, необходимых для научно-технического перевода, процесса стандартизации научной специальной, отраслевой терминологии.*

***Ключевые слова:** термин, терминологический словарь, словарная статья, семантизация.*

***Abstract.** Semantization of the term remains an urgent terminological problem, which is caused by the constant development of society, science, the emergence of new sectors of the economy, etc. The problem of revealing and describing the meaning of a term is relevant for new areas of knowledge. First of all, the problem of term semantization faces lexicographers. The emergence and development of various fields of knowledge require the development of unified scientific requirements for their compilation; the problem of compiling an explanatory terminological translation dictionary is especially acute. The primary task is to compile dictionary entries and analyze the methods and means of semantizing a term in the dictionary. The basis of any industry dictionary is the logical-conceptual system of industry terminology, the semantic features of each special term, lexicographic definitions of the term and the optimal structure of the dictionary entry are built, and requirements are put forward for the methods and means of semantization of the term in the terminological dictionary. The semantic structure of a special term appears as a set of essential and additional features and linguistic characteristics of the term. The importance and significance of creating terminological dictionaries lies in the linguistic support of information retrieval systems and the creation of information blocks necessary for scientific and technical translation, the process of standardization of scientific special, industry terminology.*

***Key words:** term, terminological dictionary, dictionary entry, semantization.*

Как известно, «...Семантические различия между употреблениями слова могут быть связаны с социальными, психологическим различиями между использующим это слово людьми. Для каждого человека то или иное слово связано со специфической системой ассоциаций, с индивидуальной системой знаний о мире, с индивидуальным опытом» ... для специалиста в соответствующей области слово будет иметь иное специальное содержание [4, с.157]. Как известно «Состояние терминологии любой науки отражает степень ее развития и структуры» [1, с. 95]. Исходя из этих фундаментальных соображений, терминологические словари следует рассматривать не только как справочные издания, но прежде всего, как форма представления, развитого и сформирован-

ного специального знания. Представление специального знания относится к наиболее важным проблемам теоретической лексикографии, а именно: границы, объем и построение словарной статьи; приемы толкования лексических единиц; характер включенной в словарь энциклопедической информации [2, с. 2]. Поэтому первоочередной задачей является формализация представлений значений терминов в специальных словарях и их определений.

Под семантизацией термина терминологического словаря на иностранном языке понимается лексикографический семантический анализ, подразумевающий всевозможные способы раскрытия термина в словаре [5, с. 3]. С.А. Иванова определяет семантизацию шире как «процесс и/или результат экспликации семантики терминологических единиц с помощью вербальных и невербальных средств [3, с. 3]. Термин «семантизация» равнозначен термину «толкование». Определение и описание также относятся к способам семантизации термина. Семантизация, понимаемая как лексикографический семантический анализ, включает в себя все способы раскрытия термина в словаре, в том числе усовершенствование метаязыка терминологических словарей. Как пишет А.Н. Баранов: «Создание словарей специальных терминов – еще один существенный практический выход работ в области изучения и описания терминологии. В научно-технической терминографии разрабатываются принципы формирования специальных словарей. По назначению и форме представления словарной информации специальные словари могут быть разделены на словари, предназначенные для человека, и машинные словари, ориентированные на использование в компьютерных программах, например, для поддержки информационного поиска. Типы машинных словарей чрезвычайно разнообразны – это информационно-поисковые тезаурусы, частотные словари, рубрикаторы, классификаторы и пр. обычные, не машинные, специальные словари чаще всего бывают переводными словарями или толковыми словарями... Большинство терминологических словарей являются дескриптивными. Их цель заключается в описании состояния терминологии в терминосистеме на данный момент времени. Нормативные терминологические (специальные) словари задают некоторую норму, стандарт использования терминов в данной проблемной области. Словарь-стандарт имеет официальный статус, он предписывает использование соот-

ветствующей терминологии в определенной терминосистеме. В словаре-стандарте не только приводится сам корпус терминов, но и подробно описывается область, на которую распространяется стандарт. Словарная статья словаря-стандарта обязательно включает зоны «Термин» и «Определение» [1, с. 91].

Приведем анализ семантизации термина предложенный В.Д. Табаковой [5].

Информация, содержащаяся в словарной статье отраслевого словаря, условно разбита на научную и лингвистическую. Научная информация – это информация о научном понятии. Лингвистическая информация относится непосредственно к термину как языковому знаку, например, существующие употребления термина, указание на источник заимствования термина, история возникновения термина. В словарях используются существующие способы выражения существенных и дополнительных признаков, выражение одного или нескольких признаков одним словом (часто специальным), раскрытие сразу нескольких признаков одними и теми же словами одновременно, а также косвенное указание признаков. Лингвистическая информация часто не носит обязательного характера. Ее наличие и способы выражения обусловлены задачами и возможностями словаря. В словарной статье данная информация представлена описательно. Тот или иной способ семантизации термина обусловлен с точки зрения выбора средств метаязыка. Исходя из понимания семантизации слова как лексикографического анализа, словарная статья терминологического словаря представляется в виде совокупности различных способов семантизации. Выделяются способы семантизации, такие как: определение, описание, экзemplификация.

Главная роль в семантизации термина отводится определению. Дополнительными способами семантизации признаются описание и экзemplификация. Определение как главный способ семантизации располагается в начале словарной статьи. Это обязательный компонент словарной статьи. Определения терминов зависят от полноты информации и наличия родовидового признака. Содержание всех Определений включает существенные признаки, в то время как наличие дополнительных признаков отличается малой частотностью. Отмечено, что чем больше существенных признаков отражено в Определении, тем более информативным и полным оно является. Определение термина в слова-

ре – это определенным образом построенная фраза, структура и способ построения которой задаются требованиями логики.

Описание как способ семантизации термина используется более подробного и более глубокого отражения признаков термина. Описание раскрывает как существенные, так и дополнительные признаки. Метаязык Описания как способа семантизации отличается большей свободой в выборе лексико-грамматических средств, различными типами фраз. Что касается информации, то она носит энциклопедический характер и может содержать большие выдержки из специальной литературы. Общим местом описания является его место после определения, раскрытие существенных признаков научного понятия, которые по каким-либо причинам не получили отражения в определении. Через описание транслируются дополнительные признаки, а также лингвистическая информация. Несмотря на то, что описание является важной составляющей словарной статьи, до сих пор не выработаны строгие критерии последовательности в раскрытии признаков и лингвистической информации.

Экземплификация – третья дополнительная, но весьма информативная составляющая семантизации термина, так как с помощью примеров могут быть эксплицированы отдельные признаки научного, специального знания.

Выводы. В качестве выводов можно привести следующие аргументы. Толкование терминов специального знания в словарях представляет особую значимость для студентов, будущих специалистов в какой-либо области. Это касается прежде всего специалистов-переводчиков в какой-либо области человеческой деятельности или знания. Помимо знания межкультурных особенностей общения, знание специальной терминологии является залогом адекватной профессиональной коммуникации. Использование терминологических переводных словарей во время учебного процесса, ориентированного на получение знаний в профессиональной деятельности, способствует формированию различного рода компетенций. Поэтому, терминологический словарь является необходимым подспорьем в формировании знаний специальной терминологии и ориентированию в терминосистеме.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 360 с.
2. Зураева А.В. Сравнительно-сопоставительный анализ толковых словарей французского языка: автореф. на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Москва, 1992. 18 с.
3. Иванова С.А. Семантизация термина в научно-учебном тексте (на материале терминологии радиотехники в русском и французском языках): автореф. на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
5. Табанакова В.Д. Семантизация термина в одноязычных терминологических словарях: автореф. на соиск. уч. степени кандидата филол. наук. Ленинград, 1981. 19 с.

References

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku. M.: Jeditorial URSS, 2000. 360 s.
2. Zuraeva A.V. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz tolkovyh slovarej francuzskogo jazyka: avtoref. na soisk. uch. stepeni kandidata filol. nauk. Moskva, 1992. 18 s.
3. Ivanova S.A. Semantizacija termina v nauchno-uchebnom tekste (na materiale terminologii radiotehniki v russkom i francuzskom jazykah): avtoref. na soisk. uch. stepeni kandidata filol. nauk. Ekaterinburg, 2007. 24 s.
4. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaja semantika. M.: Jeditorial URSS, 2000. 352 s.
5. Tabanakova V.D. Semantizacija termina v odnojazychnyh terminologicheskikh slovarjah: avtoref. na soisk. uch. stepeni kandidata filol. nauk. Leningrad, 1981. 19 s.

Сведения об авторах

Асанова Марианна Сахитовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: asanova.marianna@list.ru

Мукова Мадина Нургалиевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: madi.mn@mail.ru

Хутова Елена Руслановна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: hutova22@mail.ru

About the authors

Asanova Marianna Sakhitovna, senior lecturer of the Department of Foreign Languages, PhD in Philology, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation. E-mail: asanova.marianna@list.ru

Mukova Madina Nurgalieвна, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, PhD in Philology, Associate Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation. E-mail: madi.mn@mail.ru

Khutova Elena Ruslanovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, PhD in Philology, Associate Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation. E-mail: hutova22@mail.ru

УДК 81.37

Dzhioeva V. P., Bukulova V. M.
THE LANGUAGE OF FINANCIAL AND ECONOMIC SPHERES
(TRANSLATION ASPECT)

Джиоева В.П., Букулова В.М.
ЯЗЫК ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
(АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА)

***Abstract.** This article is devoted to the study of current English-language economic terminology based on the texts of periodicals. The purpose of the paper is to study the structure, semantics and ways of translation of English economic terms and terminological phrases. More than half of the terms in the analyzed empirical material can be rendered with their dictionary equivalents; various translation transformations (explication, generalization, concretization) are used in the translation of terms.*

***Key-words:** economic terminology, translation aspect, financial and economic sphere, translation transformations, Ossetian language speakers.*

Recently, issues of global politics and economics have become particularly important due to such significant events for the whole world as the COVID 19 pandemic and the special military operation, conducted by the Russian Federation. Due to the rapidly changing and developing economic situation around the world, the terminological system of this field of knowledge continues to form and develop rapidly. There is an increasing number of economic texts in English devoted to the most urgent problems of the world economy. Such texts are of considerable interest to Russian and Ossetian language speakers. Thus, the study of English-language economic terminology and the ways of its translation into Russian and Ossetian languages seems to be a fairly relevant issue of modern linguistics. Economic terminology, which covers the field of economic relations, becomes part of the everyday vocabulary.

The expansion of various terminological systems is one of the key problems of translation. For high-quality translation of terms, it is necessary

not only to have background knowledge, but also the translator should constantly improve his skills and translation competencies. According to the point of view of V.V. Sdobnikov, one of the most important translation tactics in the implementation of the translation strategy is the disclosure of the meaning of terms, their cognitive features to convey the intention of the author of the original text [15]. Term is not always used in one strictly defined meaning for a given information area. English highly specialized terms, including those in the field of economics, are used in a number of sciences and have different meanings. E.V. Alikina speaks about such components of translation competence as: methodological, cognitive and linguistic [2].

The study of terms has been of interest to philologists, literary critics and philosophers, both domestic and foreign, for quite a long time. Terminology is associated with such names as K.Ya. Averbukh, O.S. Akhmanova, M.Ya. Bloch, G.O. Vinokur, O. Wuster, B.N. Golovin, S.V. Grinev, V.P. Danilenko, L. Olshki, V.M. Leychik, D.S. Lotte, A.V. Superanskaya, V.A. Tatarinov, P.A. Florensky, A. Alcina 2011, H. Bejoint 1997, R. Berry 2010, M. Thelen, etc.).

There are different definitions of term. A.A. Reformatsky calls special words used in specific speech situations terms, precisely designating certain concepts and naming things [15, p. 10].

Some scientists dealing with the problems of terminology highlight such features of term as completeness, the ability to convey specific semantic shades and simplicity in differentiating a linguistic unit in the language system [3, p. 45-49], the ability to represent a certain type of discourse and encompasses its specific characteristics (scientific discourse, political discourse, medical discourse, religious discourse, etc.) [9, p. 15].

According to V.P. Danilenko, terminology should be attributed to the language system, considering it a variant of the literary language, differentiating such layers as non-terminological, general scientific and terminological vocabulary in it. V.P. Danilenko names the following types of terms: word-terms, phrase-terms, symbolic words [9, 7, 18].

According to S.V. Brykina's definition, most scientists include not only a single word, but also a phrase in the concept of term [5]. M.M. Glushko calls a word or phrase a term for expressing concepts or designating objects, with clear semantic boundaries and therefore unambiguous within a certain system [7, p. 33].

Combinations of terms have a number of names in terminology: «multicomponent terms» (Drozdova 1989, Krasnova 1987, Loktionova 2001, Mikhailova 1991, 1992, 1994, Prokhorova 1996), «chain terms» (Ukhorskaya, 1982), «multi-basic terms» (Krasnova, 1987), «polynomial terms» (Dorosh 1987), «ambiguous terms» (Tsagolova 1987), «complex structural substantive phrases» (Manerko 1998), «polyverbal terms» (Sinyavskaya 2002), etc.

Within the framework of this article, an attempt is made to analyze structurally and semantically English economic terms based on the texts of periodicals in the period from 2019 to 2023. The material for the study comprises 128 terms that most fully reflect the current realities of the global economy.

Due to the social significance of events, concepts and phenomena denoted by economic terms, they go beyond purely professional communication and penetrate into everyday speech in a more expanded sense.

In the present study, an attempt has been made to perform a qualitative and quantitative analysis of economic terms, including classification based on the distribution of their components by parts of speech. To carry out the study, 19 text fragments, collected by a continuous sampling method from the texts of English-language periodicals, were studied. Out of 128 terminological units: 15 are simple units (11.7%), 62 – two-component terminological phrases (48.5%), 21 – three-component phrases (16.4%), 17 – four-component terminological phrases (13.2%), 1 abbreviation (0.8%) and 6 five-component combinations (4.7%), 6 six-component phrases (4.7%). As can be seen from the results of the distribution of empirical material by the number of components, two-component phrases prevail in the English-language terminological corpus, including in the field of economic activity. This tendency, characteristic of linguistics, is confirmed by the analysis of even such moderate terminological material.

According to L.B. Ezdekova, the share of terminological phrases of the economic terminological system in the English language accounts for 90% of the terms. The researcher also provides data on the division of phrases into nominal (90.2%) and verbal (9.8%) [19]. Two-component terminological phrases are represented in the considered sample by the following models: «Noun+Noun» (29 combinations out of 62): *bumper crops* ‘high yields’; *China’s shutdowns* ‘production stops in China’; *death*

spiral ‘decline of the economy’ (a term borrowed from the aviation sector); *employee protection* ‘protection of employees’ rights’; *funding shortfall* ‘financing deficit’; *government debt* ‘public debt’; *grain deal* ‘grain sale, grain usage, remarking’; *world’s breadbasket* ‘country, producing the major part of the world’ wheat, etc.; «Adjective+Noun» (represented by 25 phrases out of 62): *economic disruptions* ‘economic disorganization’; *economic slowdown* ‘slowdown in economic growth’; *further easing* ‘continuous decline’; *humanitarian imperative* ‘necessity in a humanitarian disaster’; *inflationary pressures* ‘inflation stress’; *the wobbliest markets* ‘the most unstable markets’, etc.; «Verb+Noun» (5 combinations): *facilitate shorts* ‘to reduce the shortage of goods, improve supplies, overcome shortages’; *cripple manufacturing* ‘to undermine production’; *fudge the figures* ‘to falsify figures’; *fuel insecurity* ‘to undermine security’; «Participle I+Noun» (2 combinations): *revenue-generating ideas* ‘measures to stimulate income growth’; *soaring prices* ‘jumping prices, sharp price increases’; «Participle II + Noun» (1 combination): *estimated shortfalls* ‘estimated shortage (deficit)’. As can be seen, among the two-component terms in the sample, the «Noun+Noun» model prevails: 46.8%, in second place – «Adjective+Noun»: 40.3%, Terms formed according to the «Verb+Noun» model accounted for 8.1% of the language material under study. Two combinations were formed according to the «Participle I+Noun» model (3.2%) and one – «Participle II+Noun».

In the process of translating terms into Russian, there is often a discrepancy in the morphemic and structural composition of a term or a combination of terms. For example, the English one-component term *headroom* is translated into Russian using a two-component phrase formed according to the scheme «Adjective+Noun». ‘reserve amount’, the one-component term *acquisition* as the phrase ‘asset adjustment’, the term *offshoring* is translated using an explanatory translation with the permutation ‘transfer of activities to offshore zones’.

When transferring the context to another language, there are also discrepancies in the structural compositions of terms or terminological phrases, for example: The period’s distinctive characteristics are already clear: *the slump has been unusually deep and unusually broad* (the Economist). The one-component term *slump* is conveyed by its regular correspondence, which structurally does not correspond to it and is a phrase constructed according to the scheme «Noun+Adjective+Noun».

It is noteworthy that one of the most productive models of English-language economic terminology phrases «Noun+Noun» often corresponds to the Russian construction «Adjective+Noun»: *trade deficit*; *stock market*.

In some cases, an explanation of the original term or phrase is required during translation, revealing the author's intention in this context, for example: Ensuring that grain, fertilizers, and other food-related items are available at reasonable prices to developing countries is a humanitarian imperative 'It is necessary to provide access to cereals, fertilizers and other goods related to the food segment for developing countries at adequate prices in order to avoid a humanitarian catastrophe'.

However, when translating terminological phrases based on the «Noun+Noun» model, there may be a change in the case form of the defining noun (*inflation rate* 'rate of inflation').

In some cases, the case form of the defining noun may change with the addition of a preposition: *market mayhem* 'chaos in the market', 'losses in the market', *revenue-generating ideas* 'measures to stimulate income growth'.

In the case of translation of terms consisting of two nouns connected by the preposition *of*, the model «Noun+Noun» in the genitive case is used in the translating language sometimes with lexical substitution.

When translating phrases that have the same set of morphological components, different components act as adjuncts both in the source language and in the translation language, for example: in the phrase *market participants* the «adjunct» is *market*, in the phrase *market valuation* the adjunct expressed by the noun *valuation* is translated into Russian by an adjective.

For the most accurate and adequate translation of multicomponent terminological combinations, according to N.V. Krupnov, it is advisable to define a keyword, and then look for its definition [12, p. 121].

In the process of translating multicomponent terminological phrases, it is possible to use reduction, as suggested by R.A. Belousova, the exclusion of some components [4]. For example, in the multicomponent phrase *the magnitude of their trade and financial flows*, it is possible to skip *the trade* component, which allows it to be reduced to the terminological phrase *the magnitude of financial flows*.

In the course of analyzing the correspondence of terms in the field of economics, calque (loan translation) is the main method of translating

terms into Russian. In addition to loan translation, transcription and/or transliteration are used. The translation of a number of terms requires the use of such a lexical and grammatical transformation as explication. Explication or descriptive translation helps to reveal the essence of a term through its description or explanation.

In the analyzed empirical material, 59.4% of terms can be translated by their dictionary (regular) correspondences, 40.6% of the terms require a transformational translation method.

References

1. Alekseeva, L.M. (1998). *Problemy termina i terminoobrazovaniya* [Problems of terms and term production]. Perm': Izd-vo Permskogo gos. un-ta, 120 p. (In Russ.).

2. Alikina, E.V. (2010). *Vvedenie v teoriyu i praktiku ustnogo posledovatel'nogo perevoda* [Introduction to theory and practice of consecutive interpretation]: ucheb. posobie. M.: Vostochnaya kniga, 192 p. (In Russ.).

3. Akhmanova, O.S. (1963). *Ekstralingvisticheskie i vnutrilingvisticheskie faktory v funkcionirovanii i razvitii yazyka* [Extralinguistic and intralinguistic factors of functioning and development of language]. *Voprosy yazykoznaviya*, № 4. Pp. 45–49. (In Russ.).

4. Belousova, A.R. (1989). *Substantivnye terminologicheskie slovosochetaniya v yazyke angliyskoy nauchnoy literatury* [Substantive terminological phrases in the language of English scientific literature]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MPGU, 18 p. (In Russ.).

5. Brykina, S.V. (2012). *Angliyskie ekonomicheskie terminy: struktura, semantika, perevod* [English economic terms: structure, semantics, translation] // *Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo*, №27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskie-ekonomicheskie-terminy-struktura-semantika-perevod> (date of access: 31.07.2022). (In Russ.).

6. Girutskiy, A.A. (2001). *Vvedenie v yazykoznavie* [Introduction to language study]: Ucheb. posobie. Mn.: Tetra Systems, 288 p. (In Russ.).

7. Glushko, M.M. (1974). *Funktional'nyy stil' obshchestvennogo yazyka i metody ego issledovaniya* [Functional style of public speech and ways of its study]. M.: Vysshaya shkola, 252 p. (In Russ.).

8. Grinev-Grinevich, S.V. (2008). *Terminovedenie* [Study of terms] /: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 304 p. (In Russ.).
9. Danilenko, V.P. (1977). *Russkaya terminologiya* [Russian terms]. Opyt lingvisticheskogo opisaniya. M.: Nauka, 246 p. (In Russ.).
10. Drozdova, T.V. (2003). *Problemy ponimaniya nauchnogo teksta (angloyazychnye ekonomicheskie teksty)* [Problems of understanding a scientific text (English-language economic texts)] // monografiya. Astrakhan': Izd-vo AGTU, 224 p. (In Russ.).
11. Zvegintsev V. A. *Mysli o lingvistike* [Some ideas about linguistics]. M.: Izd-vo MGU, 1986. 228 p. (In Russ.).
12. Krupnov, V.N. (2005). *Praktikum po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy* [Practice of translation from English into Russian]: Ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Vysshaya shkola, 297 p. (In Russ.).
13. Madzhaeva, S.I. (2017). *Aktual'nye problemy sovremennogo terminovedeniya* [Current problems of contemporary terminology] // Vestnik KalmGU, №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sovremennogo-terminovedeniya> (date of access: 04.03.2021). (In Russ.).
14. Reformatskiy, A.A. (1961). *Voprosy terminologii (Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya)* [Problems of terminology (Proceedings of union-wide terminology conference)]. M.: Nauka, 232 p. (In Russ.).
15. Sdobnikov, V.V. (2015). *Perevod i kommunikativnaya situatsiya* [Translation and communicative situation]: monografiya. M.: Flinta; Nauka, 464 p. (In Russ.).
16. Suslova, L.V. (2018). *Osobennosti inoyazychnykh ekonomicheskikh terminov v strukturno-semanticheskoy i perevodcheskoy aspektakh* [Peculiarities of foreign economic terms in structural-semantic and translation aspects] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. №5-1 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-inoyazychnykh-ekonomicheskikh-terminov-v-strukturno-semanticheskoy-i-perevodcheskoy-aspektakh> (date of access: 11.08.2022). (In Russ.).
17. Tabanakova, V.D. (1999). *Ideograficheskoe opisanie nauchnoy terminologii* [Ideographic review of scientific terminology]: monografiya. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 200 p. (In Russ.).

18. Shelov, S.D. (2010). *Eshche raz ob opredelenii termina: nemnogo o mnogom. U kognitivnykh istokov sovremennoy terminologii* [Again about definition of term: a little about a lot. Cognitive basis of modern terminology]: sb. nauch. tr. v chest' V. F. Novodranovoy. M.: Avtorskaya akademiya, Pp. 448–449. (In Russ.).

19. Ezdekova, L.B. (2003). *Semantiko-sintaksicheskie svoystva i tipy imennykh terminologicheskikh slovosochetaniy (Na materiale ekon. terminologii)* [Semantic-syntactic features and types of nominative terminological phrases (on material of economic terminology)]: Dis..kand. filol. nauk. Pyatigorsk: Pyatigor. gos. lingv. un-t., 19 p. (In Russ.).

About the authors

Dzhioeva Varvilina P., Candidate of Philology, associate professor of English language department, South Ossetia State University named after A. A. Tibilov, Putin st.8 Tskhinval, Republic of South Ossetia. E-mail: jio.varvilina@mail.ru

Bukulova Victoria M., Master of Economic sciences, Consultant of Department of investment policy of the Ministry of economic development of the Republic of South Ossetia. E-mail: v.bukulova@mail.ru

УДК 81.37

Моргоева Л. Б.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМ НА ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Morgoeva L.B.
MODERN TRENDS IN THE FORMATION
OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS IN OSSETIAN LANGUAGE

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы формирования терминосистем на осетинском языке в условиях развития современных форм коммуникации. Информационно-аналитические тексты в силу своей специфики призваны обрабатывать и транслировать информацию, относящуюся к разным сферам деятельности и отраслям знаний. Обзор лексикографического материала позволил определить степень разработанности отраслевой терминологии и уровень ее востребованности в текстах информативного содержания.*

***Ключевые слова:** осетинский язык, отраслевая лексика, семантика, терминология, словарная дефиниция*

***Abstract.** The article discusses the issues of formation of terminology systems in the Ossetian language in the context of the development of modern forms of communication. Information and analytical texts, due to their specificity, are designed to process and transmit information related to different fields of activity and branches of knowledge. A review of lexicographic material made it possible to determine the degree of development of industry terminology and the level of its demand in texts with informative content.*

***Keywords:** Ossetian language, branch vocabulary, semantics, terminology, dictionary definition*

В условиях информационной активности современного общества возрастает количественная и качественная значимость адекватного отражения понятийно-терминологических единиц в осетинском языке.

Особенно актуальной эта проблема становится при составлении информационно-аналитических текстов, для которых характерно использование официально-делового и публицистического стилей. Работа над развитием этих стилей крайне важна и необходима, поскольку это обеспечивает полноценное динамичное развитие родного языка, а также повышает уровень владения носителей этого языка функциональными возможностями различных стилей.

Основные характеризующие признаки официально-делового и некоторых жанров публицистического стилей требуют точности и лаконичности изложения сообщаемой информации, а также важным в них является недопущение семантической вариативности, приводящей к искажению смысловой части передаваемой информации. И здесь главной составляющей является терминологический комплекс лексических обозначений.

Процесс формирования терминосистемы тесно взаимосвязан с его активным функционированием. Терминосистема в своем стремлении к устойчивости призвана обеспечивать регулярные связи сложных понятийных структур и терминологических сочетаний для удобства передачи сложных информационных блоков и адекватного восприятия их реципиентом. Однако «в процессе функционирования терминосистема теории текста начинает развиваться по законам системы естественного языка: возникает полисемия терминов, расширяется или сужается значение термина в результате его употребления в научном тексте (в специальном тексте), происходят процесс ретерминологизации и детерминологизации, формирование в терминосистеме теории текста активного и пассивного словарного фонда» [3, с. 108].

На стадии формирования терминологических обозначений и внедрения их в активный речевой оборот процессы «ретерминологизации и детерминологизации» также неизбежны, что, в свою очередь, может повлиять на успешное и эффективное использования их в специальных текстах. Особые сложности возникают при подборе адекватного варианта устоявшегося термина для переложения его на национальную языковую почву.

В условиях двуязычия терминологические обозначения и понятийные конструкции не всегда одинаково успешно функционируют в обоих языках. Скажем, устоявшийся в русском языке и понятный термин

может столкнуться с трудностями отражения его в осетинском языке, а сложное понятие национально-культурного характера не всегда находит адекватного однословного эквивалента в русском языке. Учитывая все сложности, связанные со структурно-грамматическими и семантическими особенностями обоих языков (русского и осетинского), необходимо более деликатно подходить к вопросу формирования адекватных эквивалентов единиц терминологического аппарата, который все чаще становится неотъемлемой частью информационно-аналитических текстов, отражающих все сферы человеческой деятельности, в особенности научную, социальную-политическую и производственную.

Придерживаясь определения, где «Терминология (терминосистема) – система знаков какой-либо специальной области знания и/или деятельности человека, относительно изоморфная система ее понятий, обслуживающая ее коммуникативные потребности» [1, с. 149], мы усматриваем необходимость в активном внедрении системы понятий, отвечающих коммуникативным потребностям информационного текста.

Существующие специальные словари, составленные в разное время на осетинском языке, представляют определенный интерес для исследователей, поскольку могут и должны стать основой для обновленных версий современных словарей. Необходимость в актуализации информации, содержащихся в этих словарях связана прежде всего с тем, что на протяжении долгого времени они оставались вне поля зрения авторов, непосредственно связанных с составлением информационно-аналитических текстов. На современном этапе развития осетинского языка, сопровождающегося активным расширением сфер его применения и увеличением количества электронных ресурсов потребность в фиксированной терминологии значительно возрастает.

Трудности, которые возникают при передаче информации официально-делового характера на осетинском языке, объясняются многими факторами. В первую очередь, это подбор вариантов путем прямого буквального перевода как терминологических обозначений, так и устоявшихся оборотов-канцеляризмов (*хайад исын* ‘принимать участие’, *исаен уат* ‘приемная’, *радиотрансляци байсдзысты* ‘остановят радиотрансляцию’, *фалтæрæддзинад дих кæнын* ‘делиться опытом’ и др.), приводящий к нарушению логико-смысловой составляющей информации и ее благозвучия. Главными причинами возникновения таких не-

удачных вариантов являются пренебрежение основными приемами и правилами перевода и очевидное отсутствие опыта работы с лексико-графическими источниками.

Нередко для передачи тех или иных терминологических определений и понятий можно наблюдать слова общего характера (*саermaгонд* ‘особый’, ‘отдельный’, ‘специальный’, ‘чрезвычайный’, ‘частный’, ‘собственный’, ‘личный’; *фаэргез(-таэ)* ‘средство’, ‘способ’, ‘приспособление’, ‘устройство’, ‘возможность’; *гаенæн(-таэ)* ‘возможность’, ‘средство’, ‘орудие’; *мадзал* ‘средство’, ‘способ’, ‘выход’, ‘возможность’, мероприятие’; *архайд* ‘работа’, ‘труд’, ‘действие’, деятельность’ и под.), которые являются носителями нескольких значений и часто перекликающихся между собой. Присутствие нескольких подобных вариантов в одном тексте ослабляет информативную составляющую сообщения и лишает точности и лаконичности. Подобная проблема возникает при использовании слово *уагдон* для обозначения ‘учреждение’, ‘организация’, ‘производство’, ‘учебное заведение’ и под. Это связано с тем, что в существующих двуязычных словарях не предлагаются соответствующие дефиниции. Сравним лексикографический материал: а) термин ‘учреждение’ дается как **1.** *бындурæвæрд, бындур æвæрын, сарæзт, саразын*; ~ научного общества *зонадон æхсаенад саразын* **2.** *уагдон, хъуыддагдон*; государственное – *паддзахадон уагдон*; детские учреждения *сываллаетты уагдæттæ* [2, с. 633]; вверенное ему учреждение *йæ баерын лæвæрд уагдон* [2, с. 58]; б) термин ‘производство’, **1.** *рауагъд*; ~ стали *æндонь рауагъд* **2.** *кондад*; орудия производства *кондады гæрзтæ* **3.** *куыстад, куыстуат*; металлургическое ~ *металлургон куыстад*; работать на производстве *куыстуаты кусын* [2, с. 468]; серийное производство – *серион аразынад* [2, с. 528]; производство зерна *хоры куыст* [2, с. 222]; литейное производство *згъæртайæн куыстад* [2, с. 279] и др. Однако выражение ‘производство мяса и птицы’ чаще всего передается в текстах сочетанием *дзидзайы кондад*, что в определенном смысле считается ошибочным вариантом.

Развития современной науки и техники, несомненно, влечет за собой появление новой обоснованной терминологии, которая отражается потом в непрерывном потоке информационных текстов. Это положительно может сказываться на пополнении лексического состава осетинского языка, а также на развитии функциональных стилей, но лишь

при условии, что введенные в оборот лексические единицы активно используются в речи/тексте. «Что касается непосредственно отраслевой терминологии, то классификация ее по тому ли иному признаку будет носить всякий раз свой, неповторимый характер, особенно если внутри терминологических объединений, образованных на основе универсальных категорий понятий, вычленишь тематические группы» [1, с. 148].

Обзор лексикографических источников позволил обнаружить большое количество, на наш взгляд, удачных терминологических обозначений, оставшихся вне поля зрения, будучи незадействованными в речи. Их мы обозначим курсивом:

1. Термины, связанные с природными явлениями: Большая Медведица – *Фисынмәдзәуджытә, Ләдәртә* (диг.) [6, с. 6]; созвездие – *стъялыбардз* [6, с. 38]; стъялыгуыппар [2, 553]; стъялыты чыр [5, 387]; льдина – стыр ихы къяртт, *ихфарк* [БРОС, с. 283]; *ихфарк*; плавающая льдина – *уалдон их* [6, с. 21]; шаровая молния – *къяоригуыз арварттывд* [6, с. 23]; *тымбылæгхуыз арварттывд* [2, с. 663]; осадки атмосферные – *атмосферон дәлдзырәттә, баддзæггæ* [6, с. 5]; кратковременные осадки цыбыр рәстæгмæ уарынтә [2, 266]; осадки – *дәлдзырәттә, уымәлад* [2, с. 377] и др.

2. Термины пространства: территория – *зæххы фæзахст* [2, с. 590]; площадь – *фæзуат* [6, с. 30]; поверхность – *уæлцар* [6, с. 30]; **но** покатая поверхность – *къяулаив уæлвæз* [2, с. 434] и др. вместе с тем чаще всего привлекается слово *фæз*, в том числе и для обозначения понятий ‘спортивная площадка’, ‘детская площадка’, ‘придомовые территории’ и даже в значении ‘пастбища’ (вместо *сæрвæттә*).

3. Определенные путаница возникают в словарных дефинициях с терминами, связанными с водной инфраструктурой и сооружениями: водоем – *донбадæн* [Сиукаев, с. 7], *донуат* [2, с. 77]; башня водонапорная – *донæфсæрæн мæсыг* [6, с. 5], *донтæрон мæсыг* [2, с. 77]; водоворот – *хуыдым* [6, с. 7], *хъуым, гуылф, гуылфæн, хуыдым* [2, с. 77]; водоизмещение – *донбæрцахст* [6, с. 7], *донахст* [2, с. 77]; водокачка – *донскъæрæн, донцъирæн* [2, с. 8], *донтæрæн* [2, с. 77] и под. При всем многообразии вполне приемлемых лексических вариантов, очевидна их неустойчивость и смешение, а в информационных текстах во все встречаются произвольные переводы (типа *дондæттæн, донкæлæн, донуадзæн* и под.), которые не всегда представляется возможным однозначно истолковывать без опоры на исходный текст.

4. Схожая ситуация складывается с обозначениями понятийно-терминологических и номенклатурных единиц, где лидирующую позицию занимает многозначное слово *курдиат*: заявка – бавдыст, заявка, курдиат; заявка на материалы – æрмаг райсыны тыххай курдиат [2, с. 218]; заявитель – рафидиуæг, курдиат бадæттæг [2, с. 218]; датировать заявление – курдиатыд датаæ æварын [2, с.132]; заявление – фидиуæн (официальное сообщение); 2. (письменная просьба о чём-н.) курдиат; резолюция на заявлении курдиатыл резолюци савæрын [2, с. 218] и др. Тут надо отметить, что «При создании текстов с использованием норм официально-делового стиля отмечен еще ряд сложных случаев семантической многозначности слов, нуждающихся в рассмотрении и закреплении за ними в качестве терминологических обозначений одного, наиболее точного варианта» [4, с. 88]

5. На фоне внедрения в речь уже сформированных и зафиксированных в словарях разных лет терминологических понятий, актуализируются новые понятия и формулировки, которые также требуют своего адекватного отражения на осетинском языке. В первую очередь это относится к военной терминологии: боеприпасы – *хæцæн æрмаг* [6, с. 6]; болванка – *болванкаæ, саууагъд* [6, с. 6]; бомбомет – *бомбаехæн* [6, с. 6]; бомбоубежище – *бомбаелигдон* [6, с. 6]; гусеничный – *хилга* [6, с. 11]; калмдзалх [2, с. 130], **но** гусеницы трактора – *тракторы гусеницæтæ*; взрыв – *фехæлд, рамыгъд* [6, с. 7], *фехæлд, стынд, срагъд* [2, с. 68]; взрывать – *рамурыз, халын* [6, с.8], *тонын, рамурыз, пырх кæнын, къахын, фæлдахын, фæйлауын* [2, с. 68]; взрыв ядерный – *аппон рамыгъд* [6, с. 7]; снаряд – *сармадзаны нæмыг* [6, с. 38]; снаряд броневой – *згъæрсæттæн нæмыг* [6, с. 38; 2, с. 50], **но** спортивные снаряды – спортивон гæрзæгтæ [2, с. 546] и под.

Появление новых терминообозначений и понятийных конструкций быстрее закрепляются в языке, причем без появления альтернативных вариантов, поскольку они интенсивно используются в актуальных информационных текстах: специальная военная операция '*сæрмагонд æфсæддон операци*', беспилотный летательный аппарат '*æнæпилотон тæхæг аппарат*', снаряжение '*ифтонггæрзтæ*', цифровые технологии '*нъмæцон технологитæ*' и др.

Таким образом рассмотренный лексикографический материал в большинстве случаев демонстрирует обилие вариантов для обозначения

ния одних и тех же понятийных единиц. С одной стороны, они обеспечивают синонимическую вариативность и позволяют подобрать нужное слово, исходя из смыслового содержания информации и с учетом лексической сочетаемости и благозвучия. С другой стороны, наблюдается некоторое смешение дефиниций, когда ряд терминов, соотносится с одним понятием, в другом же словаре единицы этого ряда могут быть представлены под разными значениями (сравним 'атмосферные осадки', 'дожди', 'влажность'). Между тем, «Главными конститутивными единицами терминологической системы являются цельюоформленные термины и неоднословные единицы...» [3, с. 108].

Итак, процессы формирования терминосистем различных отраслей происходят при непосредственном участии публицистического стиля, который реализуется в информационных текстах СМИ, печати, интернет-платформах и аналитических телеграм-каналах. Аудиторию, на которую ориентированы эти тексты, можно по праву считать народными экспертами, благодаря которым проходит своего рода фильтрация и оттачивание используемых терминологических обозначений. В основном это лексические единицы, зафиксированные в лексикографических источниках, которые проходят вторичный этап актуализации в качестве терминов. Однако отмечается и частые случаи авторских переводов.

Библиографический список

1. Багана Ж. К вопросу об определении понятий «термин», «терминология» и «терминосистема» в лингвистике / Ж. Багана, Е. Н. Таранова // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1(61). С. 148-150
2. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь: около 60 000 слов и выражений / Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 ф.
3. Дидигова И. Б. Терминологическая система в современной лингвистике / И. Б. Дидигова // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 11(89). С. 107-110.
4. Моргоева, Л. Б. Формирование понятийной системы официально-деловой документации и проблема многозначности в осетинском языке / Л. Б. Моргоева // Lingua-Universum. 2023. № 3. С. 86-89.

5. *Осетинско-русский словарь* [Ирон-уырыссаг дзырдуат]. 5-е издание / под ред. Т.А.Гуриева. Сост.: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Т.А. Гуриев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева // Владикавказ: Алания, 2004. 540 ф.

6. Сиукаев Н.В. *Словарь физических терминов* [на осетинском языке]. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1954. 79 с.

References

1. Bagana, Zh. K voprosu ob opredelenii ponjatij “termin”, “terminologija” i “terminosistema” v lingvistike / Zh. Bagana, E. N. Taranova // Nauchnaja mysl’ Kavkaza. 2010. № 1(61). S. 148-150

2. Gacalova L.B., Parsieva L.K. Bol’shoj russko-osetinskij slovar’: okolo 60 000 slov i vyrazhenij / Uchrezhdenie Rossijskoj akademii nauk Severo-Osetinskij institut gumanitarnyh i social’nyh issledovanij im. V.I. Abaeva VNC RAN i Pravitel’stva RSO-A. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. 687 f.

3. Didigova, I. B. Terminologicheskaja sistema v sovremennoj lingvistike // Jetnosocium i mezhnacional’naja kul’tura. 2015. № 11(89). S. 107-110.

4. Morgoeva, L. B. Formirovanie ponjatijnoj sistemy oficial’no-delovoj dokumentacii i problema mnogoznachnosti v osetinskom jazyke / L. B. Morgoeva // Lingua-Universum. 2023. № 3. S. 86-89.

5. *Осетинско-русский словарь* [Iron-уырыссаг дзырдуат]. 5-е издание / под ред. Т.А.Гуриева. Сост.: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Т.А. Гуриев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева // Владикавказ: Алания, 2004. 540 ф.

6. Siukaev N.V. *Slovar’ fizicheskikh terminov* [na osetinskom jazyke]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1954. 79 s.

Сведения об авторе

Моргоева Лариса Батразовна, кандидат филологических наук, заведующий отделом современного осетинского языка Центра развития осетинского языка Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, РФ, Владикавказ. E-mail: Lalik_m@mail.ru

About the author

Morgoeva Larisa Batrazovna, Candidate of Philology, Head of the Department of Modern Ossetian Language, Center for the Development of the Ossetian Language, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania. E-mail: Lalik_m@mail.ru

СЕКЦИЯ 1 в
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОВ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ,
НАУЧНОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.221.18'271.2 +81'373.44

Agrba L. A., Dzuganova L. M., Bekoeva I. D.
PEJORATIVE TOPONYMS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE
AND THEIR TRANSLATION

Агрба Л.А., Дзуганова Л.М., Бекоева И.Д.
ПЕЙОРАТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ И ИХ ПЕРЕВОД

***Abstract.** The present article views pejorative political toponyms – and their translation correspondences represented in electronic media. Precedent toponymic vocabulary in socio-political discourse has the function of a symbol of statehood, it is reflection of history and ethnic culture. At the same time pejorative toponyms convey the position of politically biased media, which deliberately distort political toponyms when translating, ignore the use of ethno-toponyms, calling into question the legitimacy of self-determined states.*

***Key words:** political toponyms; pejorative; translation correspondences; transcription, transliteration, calque.*

Toponyms are spatial and temporal landmarks of an ethnic group; they act as a verbally fixed system of cultural, historical and social knowledge and ethnocultural experience, being a means of reflecting, identifying and assessing a geographical fragment of the surrounding world. Toponyms are considered as a kind of ethnocultural text that carries relevant information about the historical past of peoples, the boundaries of their settlement, and cultural, commercial and geographical centers. Being cognitive signs, they serve to nominate “geographical” fragments of the world, and the actual

nomination or naming is intended to describe the world, and not only to nominate everything that exists [10, p. 327].

The significance of toponyms is conditioned by the fact that they are carriers of three types of information: 1) geographical (they name certain geographical objects); 2) historical (toponyms report the historical reasons for the appearance of the onymic unit); 3) linguistic (toponym is evidence of linguistic contacts of past eras) [5; 6].

The object of this study is the precedent toponymic vocabulary of the Republic of Abkhazia (hereinafter – RA) and the Republic of South Ossetia (hereinafter – RSO), found and extracted from electronic Mass Media. The source base of the study included materials from the official websites of ministries, various governmental institutions and bodies of the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia; data from social networks, blogs. It is in the electronic media that precedent toponyms are most often verbalized in socio-political discourse, and they are considered symbols of statehood and political power. The subject of the present study is represented by a set of linguistic, historical, social, cultural features of political toponyms and their translation correspondences.

The basic features of precedent onymic units that dominate the conceptual and lexical field of texts in print and electronic media are: 1) high frequency (use in media headlines and sections); 2) word-formation potential, which presupposes the word-formation activity of a given group of words; 3) language reflection; 4) textogenicity (a complex of factors contributing to the generation, translation and exchange of texts) [16, p. 291].

The toponymic study of the territory of two self-determined states – the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia, that is, the degree to which the toponymy of these territories has been studied both synchronically and diachronically, is reflected in a number of studies. D.I. studied Abkhazian onomastics at different times. Gulia, S.N. Janashia, Z.V. Anchabadze, Sh.D. Inalipa, G.Z. Ashkhatsava, K.S. Shakryl, H.S. Bgaghba, Z.I. Adzinba, V.E. Kvarchia, M.M. Trapsh, Ts.N. Bzhania, V.A. Chirikba, P.K. Uslar, N.Ya. Marr, I.D. Javakhishvili, K.V. Lomtadze and all of them recognized the important role of toponyms in the study of the history of a people, their geography and ethnography.

E.B. Besolovs, T.A. Guriev, Yu.A. Dzitsoyty, Z.D. Gagloeva, Z. D. Tskhovrebova, A.D. Tsagaeva and others, made significant contribution to the systematization of onomastic data and the classification of the Ossetian onomasticon.

Political toponyms *Апсны* ‘Apsny’ ‘Abkhazia’, *Республика Абхазия* ‘The Republic of Abkhazia’ / ‘Abkhazia; *Республика Южная Осетия* ‘The Republic of South Ossetia’/ *Хуссар Ирыстон* (осет.) ‘South Ossetia’ / ‘Khussar Iryston’ are not indicated on physical and political maps of the world, but exist only in legal and regulatory documents of countries that have recognized the sovereignty of the republics. Such precedent toponyms and microtoponyms not only accumulate important cultural and historical data, but are also capable of evoking various associations in the minds of native speakers; however, in some media they are used as mechanisms for manipulating public opinion, acquiring pejorative characteristics. Pejorative (derogatory, depreciative, deteriorative, disapproving / pejorative, deteriorative) word has a negative expressive-emotional-evaluative connotation [4, p. 305; 7]. Pejorative components in toponymy are characterized by a number of features: 1) negative figurative meaning and negative emotional evaluation associated with the nature of the nomination and the emotional attitude of a person to the object of comparison; 2) gradual loss of emotionality; 3) actualization of pejorative meaning in borrowed toponyms [15, p. 85].

Let us consider how the political toponyms of the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia, their pejorative variants and translation correspondences are presented in socio-political discourse. In accordance with the generally accepted world political situation, some Western authors often use the element *quasi* in relation to self-determined states, pejoratives – *self-proclaimed state*; *Ghost state*; *Georgia’s breakaway statelets*, *South Ossetia and Abkhazia* [11].

In official documents, the toponym Abkhazia is used in Latin transcription – most often *Abkhazia*, but you can also find *Apsny*, *Apsni*, *Abkhazia*, *Abhazia*, *Abhasia*, *Abhaasi*. The toponyms *Abkhazia/ Apsny* are constitutionally enshrined and have fixed correspondences in the target languages (hereinafter referred to as TL1 – Russian, TL2 – English). According to the RA Law “On the Names of Geographical Objects” adopted in 2017 by the Parliament, the People’s Assembly, the normalization of the names of geographical objects must be carried out in accordance with the rules and traditions of their use in the Abkhaz language (Article 8). Moreover, “arbitrary replacement of some names of geographical objects with others, the use of distorted names is not allowed” (Article 12) [2] (see Table 1).

Table 1

*Toponyms Republic of Abkhazia/
Apsny and their translation correspondences*

SL	TL1	TL2
1	2	3
<p>Аҭсны Аҳәынҭқарра (Аҭсны) – аҭәлар ахатәҳәақәҭдаразы ирымоу азин инақәыршәаны, тоурыхла ишьақәгылаз ихьыгьшым, демократиатә, зинтә хьынҭқарроуп. Ахьызқәа «Аҭсны» «Аҭсны Аҳәынҭқарра» тдакыла ақоуп, иеиқароуп [3]</p>	<p>Республика Абхазия (Апсны) – суверенное, демократическое, правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение. Наименования Республика Абхазия и Апсны равнозначны [8]</p>	<p>The Republic of Abkhazia (Apsny) is a sovereign, democratic, lawful state historically established according to the right of nation to free self-determination. The names the Republic of Abkhazia and Apsny are equivalent [25]</p>

Materials from various English-language sites and Internet resources (including analysis of audio and video material) give an ambiguous picture of the use and verbalization of the toponym Abkhazia. Native English speakers offer various options [əbk`asiə], [əbk`a:siə], [əbk`a:ziə], [əbh`a:siə], [əbh`aziə]. Such orthoepic variability is explained by objective reasons, namely the absence in the English language of sounds that accurately convey the Abkhaz pronunciation of the toponym. That is, since the toponym is not of Anglo-Saxon origin, it cannot be pronounced correctly in accordance with the phonetic rules of the Abkhaz language. Another reason is the lack of a single, consolidated opinion among Abkhaz experts on the correct pronunciation of this toponym, since it is not originally Abkhaz, and was adopted from the Georgian form and adapted according to the Abkhaz pronunciation relatively recently.

The translation correspondences of the toponym Abkhazia identified in Western media confirm the unstandardized variability in their use. For example, writing Abkhasia and Abkhazia within the same article (in one case – through s, and in the other – through z) [26].

Place names are disputed between the two conflicting parties, so use the forms most commonly employed in English – i.e. *Sukhumi* or *Sokhumi* (instead of ‘Sukhum’), *Ochamchira* (instead of ‘Ochamchire’), *Tkvarcheli* (instead of ‘Tkvarchal’) and *Gali* (instead of ‘Gal’) [19]. In the analyzed fragment of the text, the Abkhazian and Georgian variants of spelling place names are contrasted (Sukhum + *-i* – Georgian flection of a noun)

Prof. G. Hewitt views the discrepancies in the onymic vocabulary used in the Georgian media (the division into *Abkhazians* and *Apswaa*). He explains why so many Georgians refer to *Abkhazians* as ‘Apswaa’. This is what Abkhazians call themselves, and, at first glance, it might seem that those Georgians who adopt it are actually showing respect for their neighbors’ self-designation. In fact, its use is an insult, implying that *Abkhazians* equate to Georgians, whereas *Apswaa* are their usurpers and, thus, foreign interlopers on ‘Georgian’ soil. ‘This explains why so many Georgians call Abkhazians *Apsvaa*. This is what the Abkhazians call themselves, and, at first glance, it might seem that those Georgians who adopt this ethnonym are actually to show respect for the self-designation of their neighbors. In fact, the use of this toponym is an insult, implying that the *Abkhaz* are equated with the Georgians, while the *Apsvaa* are their usurpers and thus foreign invaders on “Georgian” land’ [21].

Table 2

*Toponym the Republic of Khussar Iryston
and its translation correspondences*

SL	TL1	TL2
1	2	3
Республикæ Хуссар Ирыстон – Паддзахад Алани – суверенон демократон барадон паддзахад, сыргæзт Хуссар Ирыстоны адæмы хæдурнаффæйæ. Республикæ Хуссар Ирыстон æмæг Паддзахад Алани – дьгууæ номы сты æмбар [13].	Республика Южная Осетия – Государство Алания – суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения народа Южной Осетии. Названия Республика Южная Осетия и Государство Алания равнозначны [12].	The Republic of South Ossetia – the State of Alania – is a sovereign democratic legal state created as a result of self-determination of the people of South Ossetia. The names of the Republic of South Ossetia and the State of Alania are equivalent [12].

In Georgian sources we find *Apkhazeti* with the following explanation: *a special Mingrelian term for that part of Lazica was **apkha**, i.e. periphery. The periphery of what? That of Mingrelian, i.e. western Georgian, culture <...> **Sokhumi** is Turkish version of the Georgian name **Tskhumi** <...> [Tedo Dundua,]. At the same time, the **Apsils** and even sometimes the **Aba-zgians** are recognized as the ancestors of modern **Abkhazians** <...> **Aphsils**, obvious ancestors of the **Abkhazians**, <...> their relatives, **Abasks** [24].*

Toponym *Khussar Iryston* ‘South Ossetia’. *Iryston* / *Iriston* (*Iry* + *-ston*, where the suffix *-ston* means habitation, place of residence, the country of the Irons – the self-name of the Ossetians; *Ir* ‘Ossetia’) is a key toponymic unit [1. p. 545]. Into the Russian language, the toponym *Khussar Iryston* is translated by calque, but with a partial replacement of one of the components (see Table 2).

When translated, the endotonym *Iryston* is changed into the exogenous toponym *Ossetia* which is due to following the historical and translation tradition. The unit *Khussar* ‘South’ in the Ossetian language, being a noun, in preposition to the noun *Iryston* ‘Ossetia’, acquires the characteristics of an adjective, as in English. Extracts from audio and video materials from English-language resources provide a heterogeneous picture of the phonetic variants of the toponym *Ossetia*.

Western television and radio corporations, translators offer the option *Ossetia* [ə`setia], [ə`setiə]. This toponym cannot be pronounced in accordance with the phonetic norms of the English language as [ə`si:ʃə], which is recorded in a number of videos; this contradicts modern translation standards, which require finding the sounds that are closest in articulation in the target language when translating proper names, anything but Anglo-Saxon.

*De facto leader of Georgia's breakaway **Tskhinvali region** (South Ossetia) Leonid Tibilov has proposed to rename the historic Georgian province. In the analyzed fragment of the text, the political toponym **Tskhinvali region**, applied by Georgian politicians to South Ossetia, is accompanied by the pejorative descriptor *Georgia's breakaway*.*

***Samachablo** (Georg. სამეჩბლო) is a Georgian historical district in Shida Kartli, Georgia <...>. The name <...>derives from the Georgian aristocratic family of Machabeli who once held possession of the area [23]. **Samachablo** <...> is applied to the whole of South Ossetia. In a narrow sense, it means the possession of the Machabeli princes <...> try not to use it inside*

Ossetia – it irritates many there [14]. These fragments reveal pejorative correspondences Samachablo, *Shida Kartli* ‘Inner Georgia’, the first of which can be attributed to a small part of South Ossetia, which belonged to the Georgian princes Machabeli, and the second denotes a fairly large territory of Georgia, which includes other regions Georgia.

Conclusions. Each toponym or toponymic formation has ideological content, it is a kind of social sign that reflects changes in the socio-historical and political context, giving rise to pejorative correspondences.

An analysis of Western media materials we revealed 67 pejorative correspondences to the toponyms of the RA and the Republic of South Ossetia with the descriptors *quasi, imitation, pseudo, banana, bankrupt, unworthy, partially recognized, sub-states, newly-minted “states”, self-created “states”*. By graphic means, the disdainful tone is expressed through the quotation marks of political toponyms.

Pejorative toponyms that replace the toponym South Ossetia – *Shilda Kartli, Samachablo, Tskhinal region*, reflect the opinion about the illegitimacy of a self-determined state.

References

1. Abaev V. I. (1958) Istoriko-jetimologičeskij slovar’ osetinskogo jazyka [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language] in 4 vol. Moskva-Leningrad. V. 1. A-K. – 656 p.
2. Апсни егырт атэылакэеи. URL: apsnyteka.org/file...Slovar_geograf...drugih...2022.pdf (accessed 09.12.2022).
3. Аҕсны Ахынҕқарра Азаканқәа. URL: <http://presidentofabkhazia.org/aps/doc/const/> (accessed: 04.12.2022).
4. Ahmanova, O.S. (1966) Slovar’ lingvisticheskikh terminov. [Dictionary of linguistic terms] M.: Sovetskaja jenciklopedija, 608 p.
5. Basik, S. N. (2003) Osobennosti formirovanija političeskoj toponimii [Peculiarities of formation of political toponymy]/ S. N. Basik, D. A. Rogovcov // Vesnik Magiljojskaga dzjarzhaŭnaga ŷniversitjeta imja A.A. Kuljashova, no. № 2-3(15). – pp. 46-49.
6. Gruzdev A.I. Toponimika i obshhestvenno-politicheskie process [Toponymy and socio-political processes] URL: <https://www.toponimika.ru/index.php?id=102> (accessed 01.11.2022).

7. Dolzhenko V.S. Pejorativnaja konnotacija v media-politicheskoj komunikacii [Pejorative connotation in media-political communication]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/09/24391> (accessed 25.11.2022).

8. Konstitucija Respubliki Abhazija [Constitution of the Republic of Abkhazia]. URL: <http://kp-ra.org/documents/konstitutsiya-respubliki-abkhaziya/konstitutsiya-respubliki-abkhaziya.php> (accessed 04.12.2022).

9. Konstitucija [Constitution]. URL: <https://rsogov.org/republic/constitution> (accessed 27.11.2022).

10. Kubrjakova E.S. (2004) Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke // Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. [Language and meaning. On the way to acquiring knowledge about language // Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world] M., 327 p.

11. Litvinenko, V. T. K voprosu o politicheskix diskursax Rossii, SShA, ES v otnoshenii kvazigosudarstv Abhazii, Juzhnoj Osetii, Pridnestrov'ja i ih razlichii, [On the issue of political discourses of Russia, the USA, the EU in relation to the quasi-states of Abkhazia, South Ossetia, Transnistria and their differences] URL: <https://moluch.ru/archive/17/1523/> (accessed 06.12.2022).

12. Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Juzhnaja Osetija [Official website of the President of the Republic of South Ossetia] URL: <https://presidentruo.org/konstituciya-osnovnoj-zakon-respubliki-yuzhnaya-osetiya/> (accessed 27.11.2022).

13. Respublikæ Hussar Irystony Konstituci, URL: <https://rsogenproc.su/> (accessed 28.11.2022).

14. Samachablo. URL: <https://travelgeorgia.ru/344> (accessed 04.12.2022).

15. Feoktistova I. E. (1979) K voprosu o pejorativah. Voprosy onomastiki [On the issue of pejoratives // Questions of onomastics] Sverdlovsk: UrGU, no. 13. pp. 79-86.

16. Shmeleva, T.V. (1993) Kljuchevye slova tekushhego momenta [Keywords of the moment] Colleqium, no. 1. pp. 33-41.

17. Abkhazia: The Constitution of Abkhazia, URL: <https://unpo.org/article/697> (accessed 27.11.2022).

18. Abkhazians and Ossetians in Georgia. Short History (handout for the politicians), available at: <https://www.researchgate.net/publica>

tion/335160459_Abkhazians_and_Ossetians_in_Georgia_Short_History_handout_for_the_politicians (accessed 06.12.2022).

19. Andrea Peinhopf (2022): Crossing the Conflict Divide: De facto Borders, State Belonging, and the Changing Dynamics of Enemy Relations in Abkhazia, available at: https://www.researchgate.net/publication/358784586_Crossing_the_Conflict_Divide_De_facto_Borders_State_Belonging_and_the_Changing_Dynamics_of_Enemy_Relations_in_Abkhazia (accessed 06.12.2022).

20. Breakaway Tskhinvali proposes name change. New name emphasises South Ossetia as part of Russia. URL: <https://agenda.ge/en/news/2015/2958> (accessed 04.12.2022).

21. George Hewitt Why Independence For Abkhazia Is The Best Solution. URL: <https://abkhazworld.com/aw/analysis/5-independence-best-solution> (accessed 06.12.2022).

22. Potier, Tim (2001), “Conflict in Nagorno-Karabakh, Abkhazia, and South Ossetia: A Legal Appraisal”, p. 139. Martinus Nijhoff Publishers.

23. Samachablo. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Samachablo> (accessed 04.12.2022).

24. Tedo Dundua, Emil Avdaliani. Abkhazians and Ossetians in Georgia. Short History (handout for the politicians). URL: <https://www.researchgate.net/publication/338139378> (accessed 06.12.2022).

25. The Ministry of Tourism of the Republic of Abkhazia. URL: <https://mintourism-ra.org/en/the-republic-of-abkhazia/> (accessed 27.11.2022).

26. Transnistria, Abkhazia, “Russian crumbs” on a drip/URL: <https://www.paudal.com/2022/02/25/transnistria-abkhazia-russian-crumbs-on-a-drip/> (accessed 04.12.2022).

Сведения об авторах

Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков филологического факультета АГУ, Республика Абхазия, г. Сухум. E-mail: Lagrba@mail.ru.

Бекоева Ирина Давидовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англ. языка ЮОГУ им. А.А. Тибилова, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Дзуганова Лилия Мухамедовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: dzuganoval@mail.ru.

About the authors

Agrba Lana Alekseevna, PhD in Philology, associate professor of the Department of English and German Languages, Faculty of Philology, ASU, Republic of Abkhazia, Sukhum. E-mail: Lagrba@mail.ru.

Beckoeva Irina Davidovna, PhD in Philology, associate professor, English Chair, South Ossetia State University named after A.A. Tibilov. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Dzuganova Liliya Mukhamedovna, PhD in Philology, associate professor, associate professor of the department of foreign languages, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekova, RF, Nalchik. E-mail: dzuganoval@mail.ru.

УДК 821.351.12

**Алиева Х. М.
О ПЕРЕВОДЕ ЭЛЕГИЙ РАСУЛА ГАМЗАТОВА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

**Alieva Kh. M.
ON THE TRANSLATION
OF RASUL GAMZATOV'S ELEGIES INTO RUSSIAN**

Аннотация: В статье рассматриваются элегии Расула Гамзатова на предмет адекватного воспроизведения на русский язык. Отмечается, что в первой проанализированной элегии не сохраняются композиционная, лексико-смысловая системы, стиль оригинала; происходит нарушение логико-смысловой последовательности в произведении. Сопоставительный анализ второй элегии выявляет, что переводчик удачно воспроизводит композиционные и художественно-эстетические составляющие подлинника, однако наблюдается искажение образа лирического героя.

Сопоставительный анализ приведенных в статье элегий позволяет делать вывод, что переводчик не всегда адекватно воспроизводит содержательно-смысловую, художественно-образный, стилистический уровни оригиналов.

Ключевые слова: элегия, жанр, оригинал, перевод, сопоставительный анализ, адекватный перевод, композиция.

Abstract: The article examines the elegies of Rasul Gamzatov for adequate reproduction into Russian. It is noted that in the first analyzed elegy the compositional, lexical-semantic systems, and style of the original are not preserved; there is a violation of the logical-semantic sequence in the work. A comparative analysis of the second elegy reveals that the translator successfully reproduces the compositional, artistic and aesthetic components of the original, but there is a distortion of the image of the lyrical hero.

A comparative analysis of the elegies presented in the article allows us to conclude that the translator does not always adequately reproduce the content-semantic, artistic-figurative, stylistic levels of the originals.

Key words: *elegy, genre, original, translation, comparative analysis, adequate translation, composition.*

Расул Гамзатов – один из многочисленных художников, который обратился к жанру элегия. Она «раскрыла читателю новые богатства, новые грани лирики поэта. Элегия – традиционный жанр, однако в таком виде, какой он представлен в творчестве Р. Гамзатова, получил новое переосмысление, обновление, в корне отличающее его от своего родного начала и приближающего к мировой художественной традиции. < ... > умиление и восторг, тоска и печаль, радость и грусть, сомнение и тревога – все богатство переживаний проходит через элегии поэта» [10, с.98].

Элегии, как и другие жанры поэта, переведены на русский язык. И, следовательно, возникает вопрос о степени адекватного воспроизведения в переводе содержательно-смыслового, художественно-эстетического и других уровней оригиналов.

Сопоставительный анализ элегий Р. Гамзатова на аварском и русском языках для выявления исчерпывающего воспроизведения содержания оригиналов не проводился до сих пор. К исследованию других жанров, как стихотворения, сонеты, поэмы обращались Алиева Х.М. [1, 2, 3], Кассиев Э.Ю. [6], Султанов К.К. [9], Черкесова П.С. [11] и др.

Художественные переводы на русский язык выбранных для сопоставительного анализа элегий принадлежат Я. Козловскому, подстрочные переводы – Х. Алиевой.

1.

Подстрочник:	Перевод [5, с. 147]:
<i>На расстоянии с тобой отдаление, Это маленькая беда. Я к тебе вернусь обратно, Ты в мыслях моих. Недолгое с тобой разлучение, И это я потерплю. Времена меняются, Будет и наш час.</i>	<i>Разлука не беда, покуда есть У нас с тобой надежда на свиданье. И впрямь мосты над бездной в нашу честь Возводит пусть благое упованье. Всем сердцем рвусь к тебе издалика, Стихиям разыгравшимся перечу. Над пропастью по лезвию клинка Готов пройти, назначь мне только встречу.</i>

<i>Немного холод, ветер налетев Пришедшей прохлады, Печаль скроем, – Будет и наша весна.</i>	<i>Назначь, назначь! Утихомирю грозы. Сопернику стреляться предложу На снегу цвести заставлю розы.</i>
<i>Но если хоть один день Сердцем с тобой отдалюсь, Даже если рядом буду, прижавшись, Считай, что меня больше нет.</i>	<i>Но если разлюблю, оплачь меня В числе погибших, чьи затмилась очи. С любимой ночь бывает ярче дня, А с нелюбимой день чернее ночи.</i>

Содержательно-смысловая композиция данной элегии характеризуется последовательным развитием, нарастанием мысли, кульминационной точкой. Содержательно-смысловая композиция подлинника: 1) не беда расстояние с любимой – можно встретиться, только бы была она в мыслях; 2) не беда недолгая разлука с любимой, можно встретиться через некоторое время; 3) холод, пробежавший между влюбленными, можно стерпеть – будут теплые дни; 4) но если хоть на один день отдалиться сердцем с любимой, даже находясь рядом, то значит, нет меня (любящего).

Композиция перевода: 1) разлука не беда, если есть надежда на встречу; 2) рвусь, готов к тебе прийти; 3) назначь встречу, утихомирю грозы, предложу стреляться сопернику; 4) если разлюблю тебя, оплачь меня; с любимой ночь ярче дня, с нелюбимой чернее ночи.

Кульминационный момент в оригинале наступает в последней строфе, решающей, обобщающей, утверждающей, что невозможно ни на миг оторвать любимую или любимого от сердца, отдаление в мыслях и в сердце является самым страшным, равносильным смерти.

Просто, спокойно, уверенно автор подводит к основной мысли: невозможности оторваться сердцем с любимой. Но обратим внимание, как она исковеркана, утеряна ясность, плавность развития мысли оригинала. Стиль автора не сохранен, внесенный лексический пласт напоминает больше романтический бред: «мосты над бездной в нашу честь Возводит пусть благое упованье», «Над пропастью по лезвию клинка», «утихомирю грозы», «Сопернику стреляться предложу», «на снегу цвести заставлю розы», «оплачь меня в числе погибших, чьи затмилась очи». «Не гамзатовское это! В данном случае, и вообще!» [8, с. 254–255].

Последние две строки и вовсе теряют связь с остальным текстом элегии: «С любимой ночь бывает ярче дня, А с нелюбимой день чернее ночи». Непонятно для чего они внесены переводчиком, т. к. совсем неуместны здесь, нарушают логическую последовательность мысли произведения. В данном переводе не наблюдается «исчерпывающей передачи смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [9, с. 127], композиционной и логической последовательности, четкости мысли.

2.

Подстрочник:	Перевод [5, с. 144]:
<p>– К чему больше жалости? – Молодости, любви не имеющей. Лучше обеих рук лишиться, Чем такое горе познать.</p>	<p>– Кто мерцал весь век печальным светом? Я спросил. И было мне ответом: – Молодость, не знавшая любви.</p>
<p>– К чему еще больше жалости? – Любви, молодости не имеющей. Лучше обоих глаз лишиться, Чем с горем таким столкнуться.</p>	<p>– Что ее печальней в мире этом? – Я спросил. И было мне ответом: – Юности, не знавшая Любовь.</p>
<p>– Кто тот, к кому больше всего зависти? – Влюбленному с малых лет, А еще больше тому, Не давшему этот огонь гаснуть.</p>	<p>– А кому завидовать мы вправе? – Я спросил. – Во славу дивной яви, Смолоду влюбленным, – был ответ.</p>
<p>Я себя не пожалю: Есть молодость у любви, Не умею ее описывать. Причины нет для утраты.</p>	<p>– А чему ж завидовать тем боле? – Я спросил. Людей завидной доли. – До седин влюбленным, – был ответ.</p>
<p>Чтобы завидовать нет никого, – Будет ли к самому себе зависть? Имеющийся сегодня в груди огонь Еще с ранних лет вспыхнул.</p>	<p>Я достиг от зависти свободы, Потому что, вольный сын вершин, Смолоду влюблялся я все годы И таким остался до седин.</p>

Переводчик подошел близко к оригиналу, воспроизвел его композицию. Форма диалога элегии сохранена, но внесены дополнительные слова-пояснения в авторской речи диалога. Однако эти изменения не

уменьшают художественно-эстетического достоинства произведения. Рефрены «я спросил», «Было мне ответом» придают элегии особую ритмичность и звучание. Использованная автором форма диалога, являющаяся фольклорной традицией в дагестанской поэзии, воспроизведена в переводе, хотя другие ее смысловые элементы – по две строки, встречаемые в первых двух строфах, исключены из стихотворения:

Оригинал:	Подстрочник:
<i>Клябго квер къотӀи лъикӀ, Гьѳб къварӀгӀи лъазегӀан.</i>	<i>Лучше обеих рук лишиться, Чем такое горе познать.</i>
<i>Клябго бер бахӀи лъикӀ, Гьѳб балагъ дандчӀвазегӀан [с. 380].</i>	<i>Лучше лишиться обоих глаз, Чем с таким горем столкнуться.</i>

Эти выражения довольно традиционны, народны. Расул Гамзатов – народный поэт. Как отмечает исследователь творчества поэта Чакар Юсупова: «немного найдется поэтов, столь органично и тесно связанных со своей национальной культурой, столь преданных своему народу. В огромном художественном космосе поэта мы вряд ли отыщем произведение, в котором в той или иной степени не чувствовалась бы национальная почва, не проступали явления и приметы народной жизни» [12, с. 260]. Переводчик, однако, не придал им значения в произведении и не воспроизвел в переводе.

Далее, в третьей строфе, переводчик неудачно внес строку «*Во славу дивной яви*», которая не совсем соответствует стилю автора, ослабляют национальный колорит произведения.

Последняя строфа является обобщающей в элегии, в ней прослеживается заключение основной мысли о непрерывности и крепости чувства лирического героя:

Оригинал:	Подстрочник:
<i>ЖахӀта ккезе чи гьечӀо, – Дир дирго жахӀта ккелицӀ?</i>	<i>Чтобы завидовать нет никого, – Будет ли к самому себе зависть?</i>
<i>Жакъа каранӀь бугеб цӀа ЦӀакъ гьитӀинго пархана [4, с. 380].</i>	<i>Имеющийся сегодня в груди огонь Еще в ранней молодости вспыхнул.</i>

Обратимся для сравнения к заключительной строфе перевода: в нем выражение «*влюблялся я все годы*» может обозначать признак несерьезности, безответственности, непостоянства чувства любви лирического героя:

*Я достиг от зависти свободы,
Потому что, вольный сын вершин,
Смолоду влюблялся я все годы
И таким остался до седин.*

Переводчик упустил этот лексико-семантический нюанс, что и привело к искажению образа лирического героя.

Я. Козловский отмечал, что Р. Гамзатову «чужды и легковесная лирика, и напыщенная многословная риторика. <...> Стихи поэта самобытны, глубоко национальны, афористичны [7, с. 151]. Переводчик, однако, понимая настоящую творческую индивидуальность автора, иногда отходит от оригиналов, не сохраняет стиль автора, вносит в текст иной лексико-семантический пласт, который приводит к логическим нарушениям, искажению образа лирического героя.

Сопоставительный анализ приведенных в статье элегий позволяет сделать вывод, что переводчик не всегда удачно воспроизводит важные составляющие оригиналов: содержательно-смысловые, художественно-эстетические, композиционные, стилистические и другие уровни. В результате перевод недостаточно верно воспроизводит «самых искренних и сокровенных чувств, переживаний, настроений» [10, с. 95] поэта.

Библиографический список

1. Алиева Х. М. О переводе сонетов Р. Гамзатова на русский язык // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург. 2009. № 93. С.176–181.
2. Алиева Х. М. Художественное своеобразие поэзии Расула Гамзатова: аспект национально-русского взаимодействия. Дис. ... к. филол. н. Махачкала, 2012. 178 с.
3. Алиева Х. М. Религиозные мотивы в творчестве Расула Гамзатова и их адекватное воспроизведение на русский язык». ISSN 1991-5497. Мир науки, культуры, образования. № 3 (100) 2023. С. 434-437.
4. Гамзатов Р. Избранные. Т. 2. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1983. 448 с. (на авар. яз.)

5. Гамзатов Р. Стихотворения. Поэмы. Собр. Соч. в 5-ти т. Т. 3. Пер. с авар. М.: Худ. литература, 1981. 527 с.

6. Кассиев Э. Ю. О поэтике и стилевом соответствии переводов стихотворения Р. Гамзатова «Внучке, маленькой Шахри» // Поэтика дагестанской советской литературы (сб.). Махачкала, 1986. С. 138–139.

7. Козловский Я. Расул из аула Цада. Слово о Расуле Гамзатове. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 227 с.

8. Султанов К.К. Дружба народов. 1983. №6. С. 254–255.

9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода // Лингвистические проблемы. 4-е изд. М.: Высш. школа, 1983. 303 с.

10. Хайбуллаев С. Наследие и открытия. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1983. 192 с.

11. Черкесова П. С. Проблемы художественного перевода поэзии и прозы Р. Гамзатова. Известия ДГПУ. Филологические науки. №2. 2014.

12. Юсупова Ч.С. Расул Гамзатов в расколоте мире (1985–2000). Махачкала: ДНЦ РАН, 2007. 384 с.

Сведения об авторе

Алиева Хадижат Магоматовна, кандидат филологических наук, Директор Центра исследования литератур народов Дагестана, ДГУ, РФ, Дагестан, г. Махачкала. E-mail: Aliewa.xadi@yandex.ru.

About the author

Alieva Khadizhat Magomatovna, PhD in Philology, Director of the Research Center Literatures of the Peoples of Dagestan DSU, Russian Federation, Dagestan, Makhachkala. E-mail: Aliewa.xadi@yandex.ru.

УДК 81.37

Бозиев А.Т.
КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПЕРЕВОД СУБСТАНТИВНЫХ АТРИБУТИВНЫХ
ЦЕПОЧЕК В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Boziev A. T.
COMPUTER TRANSLATION OF SUBSTANTIVE ATTRIBUTIVE
CHAINS IN A LEGAL TEXT

***Аннотация.** Исследование субстантивных атрибутивных цепочек представляет интерес со многих точек зрения: собственно лингвистической (вопрос о статусе), лексикографической, переводческой и образовательной. В данной работе основное внимание уделено тому, как компьютер как субъект перевода справляется с переводом таких последовательностей. Анализировались примеры, взятые из специальной юридической литературы и англо-русского юридического словаря. В результате проведённого исследования были получены следующие результаты: для осуществления адекватного перевода используются средства, позволяющие передавать смысловое содержание оригинала и учитывающие специфику языка-реципиента; в двухкомпонентных сочетаниях чаще всего реализуется схема $N1+N2 \rightarrow N2+(prep)+N1$.*

***Ключевые слова:** компьютерный перевод, субстантивная атрибутивная цепочка, сложное слово, словосочетание, юридический текст, препозиция, постпозиция.*

***Abstract.** The study of substantive attributive chains is of interest from many points of view: linguistically proper (the question of status), lexicographical, translation and educational. This paper focuses on how the computer, as a subject of translation, copes with the translation of such sequences. Examples taken from specialized legal literature and the English-Russian legal dictionary have been analyzed. As a result of the study, the following results have been obtained: to carry out an adequate translation, means are used that allow the semantic content of the original to be conveyed and take into account the specifics of the recipient language; in two-component combinations, the scheme $N1+N2 \rightarrow N2+(prep) +N1$ is most often implemented.*

Keywords: *computer translation, substantive attributive chain, compound word, phrase, legal text, preposition, postposition.*

На протяжении многих десятилетий в отечественной и зарубежной лингвистике активно и остро обсуждался и продолжает обсуждаться вопрос о лингвистическом статусе субстантивных атрибутивных цепочек в английском языке (В.Н. Жигadlo, И.П. Иванова, Иофик Л.Л., В.В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов, А.И. Смирницкий, И.В. Арнольд, И.Г. Кошевая, М.Я. Блох, Э.Я. Мороховская, Р. Квирк, О. Есперсон, Г. Суит и многие другие).

В.Н. Жигadlo, И.П. Иванова, Иофик Л.Л., говоря о двухкомпонентных атрибутивных цепочках типа **stone wall**, писали, что относительные прилагательные, обозначающие материал или вещество, из которого состоит предмет, в английском языке могут употребляться как определение и по своим характеристикам приближаться к качественным прилагательным [5, с. 37].

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что подобные цепочки, являясь сложными словами, возникают спонтанно, а затем распадаются [9].

Есть и другая точка зрения, согласно которой препозиционное употребление существительного ведёт его переход в разряд прилагательных.

Stone wall – атрибутивное словосочетание с существительным в функции определения. Данное явление находит отражение в некоторых словарях, где существительное отмечено также и пометой прилагательное: *stone, n, a; brick, n, a.* - *The concise Oxford Dictionary* [6, с. 28]. В своем словаре А.С. Хорнби так начинает словарную статью: *stone* – неисчисляемое существительное, часто используется атрибутивно [10, с. 346].

И.В. Арнольд отмечает, что определение статуса таких цепочек, как *stone wall*, наталкивается на трудности – они сложные слова или словосочетания, но если эта проблема и будет решена, необходимо определить статус первого компонента в цепочке – он является существительным, употреблённым в роли определения, или прилагательным [2].

Исследователь И. И. Кузнецова обращает внимание ещё на одну проблему – в словосочетании *stone wall* первый компонент может толковаться как конвертированное прилагательное [7].

Аргументация сторон, придерживающихся противоположных мнений, относительно того, каков статус первого компонента в *stone wall* – является ли он прилагательным (О. Есперсон и его последователи) или остаётся существительным (Г. Суит и его сторонники), – представляет большой лингвистический интерес. В работе принимается точка зрения Г. Суита, согласно которой слово *stone* в *stone wall* – существительное, которое употреблено в функции препозитивного определения. Данный факт предположительно объясняется скудностью форм словоизменения в английском языке.

Параллельно с проблемой определения лингвистического статуса субстантивных атрибутивных цепочек (словосочетаний) исследователи указывают и на трудности, возникающие при их переводе с английского на русский язык. В этом плане выполнено достаточно большое количество работ. Остановимся на некоторых из них.

Ю.З. Васильева и И.В. Шарапова, изучавшие особенности перевода атрибутивных групп в научно-технической литературе, считают, что характер связей и вариант перевода субстантивных атрибутивных цепочек во многом зависит от смысловых связей, которые возникают между членами цепочки [3]. Данные исследователи выделяют следующие типы отношений:

посессивные, часть – целое, субъектные, локативные, объектные, темпоральные, специфицирующие, тематические, предназначения, композитивные, компаративные, количественные, результативные. Каждый тип отношений характеризуется особым идентифицирующим предикатом.

Ю.А. Пилявских и Е.С. Баскакова полагают, что основным приёмом перевода английских субстантивных атрибутивных цепочек (N+N) на русский язык является перевод с использованием атрибутивного словосочетания (Adj.+N) [8].

А.П. Егоров, посвятивший своё исследование особенностям перевода субстантивных атрибутивных групп в текстах сайтов криптовалютных бирж, отмечает, что наиболее типичной моделью перевода конструкций N_1+N_2 – это модель N_2+N_1 [4]. Второй по частотности моделью перевода английских атрибутивных словосочетаний (N_1+N_2 будет→Adj+N2). Третьей по частотности моделью перевода английских атрибутивных словосочетаний N_1+N_2 будет →N2+Prep+N1.

Целью данной работы является выявление закономерностей компьютерного перевода субстантивных атрибутивных цепочек.

Материал и методика исследования Материалом для данного исследования послужили примеры из книги К. Эллиот «Английская правовая система» [11] и из англо-русского юридического словаря [1]. Использовался метод случайной выборки. Общее количество примеров составило 150. Примеры подбирались таким образом, чтобы в них были представлены словосочетания, включающие разное количество компонентов – от двух до пяти. В качестве субъекта перевода выступил Google translate.

Практическая часть Достаточно рекуррентными в примерах оказались случаи, в которых используется лексема *act* в финальной части словосочетания со значением закон. Компьютер как субъект перевода безошибочно осуществляет перевод, максимально приближая его к переводу, выполняемому человеком. Например: 1. *the Crime (1) Sentences (2) Act (3)* – ‘закон (3) о приговорах (2) за преступления’ (1); $N1+N2+N3 \rightarrow N3+prep\ N2+prep\ N1$. Перевод выполнен в обратном порядке – юридический акт – приговор – причина вынесения приговора; 2. *Sex (1) Discrimination (2) Act (3)* – ‘закон (1) о дискриминации (2) по признаку пола’ (3); $N1+N2+N3 \rightarrow N3+prep\ N2+prep\ N1$. Как и в первом примере, препозиционные существительные, в противоположность оригиналу, располагаются в последовательности от общего к частному (в оригинале – от частного к общему). Нередки случаи, когда препозитивные существительные выступают как однородные и соединяются с помощью сочинительного союза *and*, который сохраняется и при переводе. Например: *the Crime (1) and Disorder (2) Act (3)* – ‘закон (1) о преступности (2) и беспорядках’ (1); $N1+conj.+N2+N3 \rightarrow N3+prep\ N1+conj\ N2$. Примечательно смещение союза *and*, но при этом он остаётся в интерпозиции между однородными существительными. Имеются многочисленные примеры вклинивания прилагательных в цепочки из существительных, но такие примеры остались за пределами данного исследования. Например: *Children and Young Persons Act* – ‘закон о детях и молодежи’. В тех случаях, когда лексема *act* является второй в цепочке существительных, срабатывает правило, что перевод начинается именно с этого слова: *Bail (1) Act (2)* – ‘закон (1) о залоге’ (2). $N1+N2 \rightarrow N2+prep+N1$. В нескольких случаях лексема *act* была употреблена пре-

позитивно. При переводе она оказывается в постпозиции. Например: *Act (1) breaches (2)* – ‘нарушения (2) закона’ (1).

Близкой по семантике к лексеме *act* является лексема *order*. Компьютер без труда переводит двухкомпонентные словосочетания, используя в переводе предлоги. Например: *supervision (1) order (2)* – ‘приказ (1) о надзоре’ (2), $N1+N2 \rightarrow N2+prep+N1$; *reparation orders* – ‘приказы о возмещении ущерба’, $N1+N2 \rightarrow N2+prep+N1$. Зафиксированы случаи трёхкомпонентных последовательностей. Например: *action plan orders* – ‘приказы плана действий’, *child safety orders* – ‘приказы по безопасности детей’, *detention center order* – ‘приказ о СИЗО’. Данные примеры имеют схожие схемы – $N1+N2+N3 \rightarrow N3+N2+(prep)+N1$. В трёх случаях на второй позиции оказывается слово с более широким значением. С переводом одного изолированного словосочетания компьютер не справился – *Attendance (1) centre (2) order (3)* – ‘приказ (3) посещающего (1) центра’ (2). $N1+N2+N3 \rightarrow N3+Participle (1)+(2)$. Перевод существительного причастием осложняет понимание всей цепочки. При расширении контекста всё становится на свои места. Например: *An offender under convicted of an imprisonable offence may be ordered to go to an attendance centre for a specified number of hours.* – ‘Правонарушителю, осужденному за преступление, влекущее за собой лишение свободы, может быть приказано отправиться в воспитательный центр на определенное количество часов’. Точный перевод *Attendance (1) centre (2) order (3)* – ‘приказ (3) о воспитательном (1) центре’ (2). Интерес представляют и альтернативные сочетания с лексемой *order*. Например: *supervision or probation orders* ‘приказы о надзоре или испытательном сроке’. $N1+or+N2+N3 \rightarrow N3+prep+N1+or+N2$ (прилагательное +существительное). Альтернативный характер всего сочетания сохраняется.

Зафиксировано 5 случаев примеров с ключевым словом *law*. Данные словосочетания двухкомпонентные. *case law* – ‘прецедентное право’, *church law* – ‘церковное право’, *sound law* – ‘здравый закон’. В первых двух примерах говорится о видах права, в третьем – о характеристике права. Можно предположить, что с любым другим $N1$ комбинация $N1+N2 \rightarrow Adj+N2$.

В исследуемом материале отмечаются цепочки, в которых употреблён притяжательный падеж существительных – от 2 до 5 компонентов в словосочетании. Например: *suspect's parent (1)* – родитель (2) подозре-

ваемого (1) – $N1+N2 \rightarrow N2+N1$; *Lord (1) Chancellor's (2) Department (3)* – ‘Департамент (3) лорда (1)-канцлера’ (2) – $N1+N2' +N3 \rightarrow N3+N1+N2'$. Последовательность титул – позиция – офис переводится как офис – титул – позиция. В первой и переведённой цепочке строго сохраняется следования позиции после титула.

Рассмотрим ещё один пример: *Lord (1) Chancellor's (2) Department (3) Research (4) Secretariat (5)* – ‘Секретариат (5) исследований (4) департамента (3) лорда (1)-канцлера’ (2) – $N1+N2+N3+N4+N5 \rightarrow N5+N4+N3+N1+N2$. Если в препозиции в оригинале есть упоминание о позиции, титуле, ведомстве или подразделении, то в переводе они займут, скорее всего, место в постпозиции; *Home Office figures* – ‘цифры Министерства внутренних дел’.

Если в постпозиции употреблены такие лексемы, как *procedures (process), system (plan, scheme), commission, panel, board* то перевод, как правило, начинается именно с них. Например: *youth (1) justice (2) system (3)* – система (3) правосудия (2) по делам несовершеннолетних (1) – $N1+N2+N3 \rightarrow N3+N2+prep+N1$; *youth (1) offender (2) panel (3)* – ‘комиссия (3) по делам несовершеннолетних (1) правонарушителей’ (2) – $N1+N2+N3 \rightarrow N3+prep++1+N2$. Для осуществления адекватной передачи смысла в переводе используется прием уточнения смысла (по делам). Подобное явление можно наблюдать и в следующем переводе: *the Child Poverty Action Group* – ‘группа действий по борьбе с детской бедностью (по борьбе)’.

Наиболее рекуррентными в исследуемом материале были словосочетания (юридические термины), образованные по схеме $N1+N2$ (они составили около четверти от всех примеров). Только частично подтвердилось предположение (полученное исследователями на другом материале), что $N1+N2 \rightarrow Adj+N$. Например: *prison sentences* – ‘тюремные сроки’; *prison population* – ‘тюремное население’; *youth crime* – ‘молодежная преступность’; *police station* – ‘полицейский участок’; *prison guard* – ‘тюремный охранник’; *street robbery* – ‘уличное ограбление’; *life imprisonment* – ‘пожизненное заключение’. В остальных примерах выявить определённые закономерности не удалось – каждый пример индивидуален. Например: *adult (1) prison (2)* – ‘тюрьма (2) для взрослых’ (1) – $N1+N2 \rightarrow N2+prep+N1$; *crime (1) reduction (2)* – ‘снижение (2) преступности’ (1) – $N1+N2 \rightarrow N2+N1$; *time(1) limits (2)* – ‘сроки (1+2);

appointment (1) criteria (2) – ‘критерии (2) назначения’(1); *crime (1) prevention (2)* – ‘предотвращение (2) преступления’ (1). С переводом ряда терминов компьютерный переводчик не справился или перевёл неточно. Точность перевода проверялась по англо-русскому юридическому словарю. Например: *vacation judge* – ‘судья в отпуске’ (компьютерный перевод, далее КП) – словарный перевод (далее СП) – ‘судья, рассматривающий определённые вопросы в период судебных каникул’; *life land* – КП ‘земля жизни’ – СП ‘земля, находящаяся в пожизненной аренде’; *consent judgement* – КП ‘согласие решение’ – СП ‘решение суда в соответствии с заключённым сторонами мирным соглашением’; *hedge lawyer* – КП ‘хедж-юрист’ – СП ‘подпольный адвокат’; *head money* – КП ‘деньги за голову’ – СП ‘подушный налог’; *credit line* – КП ‘кредитная линия’ – СП ‘максимальная сумма кредита’; *hand money* – КП ‘деньги в руки’ – СП ‘задаток наличными’.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы: 1. лингвистический статус субстантивных атрибутивных словосочетаний остаётся спорным; 2. косвенно встаёт вопрос о границах понятия термин; 3. компьютер как субъект перевода в большинстве случаев справляется с переводом субстантивных атрибутивных цепочек; 4. перевод подобных последовательностей независимо от компонентного состава будет начинаться с постпозиции, если в качестве определяемого слова выступают лексемы, *procedures (process), system (plan, scheme), commission, panel, board* обозначающие распорядительные документы, объединения специалистов в группы; 5. если цепочка состоит из более чем 5 компонентов, велика вероятность того, что перевод будет выполнен в зеркально обратном порядке; 6. для осуществления адекватного перевода используются средства, позволяющие передавать смысловое содержание оригинала и учитывающие специфику языка-реципиента; 7. в двухкомпонентных сочетаниях чаще всего реализуется схема $N1+N2 \rightarrow N2+(prep)+N1$.

Библиографический список

1. Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. М: Русский язык, Издательская фирма «Рея», 1993. 511 с.

2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка М.: Высшая школа, 1986. 432 с. <https://studfile.net/preview/5351699/page:33>.
3. Васильева Ю.З., Шарапова И.В. Важность навыка перевода атрибутивных групп для переводчика научно-технической литературы. <https://core.ac.uk/download/pdf/53084518.pdf>.
4. Егоров А.П. Особенности перевода субстантивных атрибутивных групп в текстах сайтов криптовалютных бирж. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/129169/1/m_th_a.p.egorov_2023.pdf.
5. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 347 с.
6. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
7. Кузнецова И. И. Лексикология. Электронный конспект лекций. Казань: КФУ, 2014. 36 с. <https://samara.mgpu.ru/files/sotrudniki/VokhryshevaEV/leksikologia/04.pdf>.
8. Пилявских Ю.А., Баскакова Е.С. Особенности перевода атрибутивных групп с английского языка на русский язык. <https://interactive-plus.ru/e-articles/257/Action257-80011.pdf>.
9. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 284 с.
10. Хорнби А.С. Толковый словарь английского языка для продвинутого этапа. Т. 2. М.: Русский язык, 1982. 528 с.
11. Elliot C., Quinn F English Legal System. Pearson Education Limited, 2000. 563 с.

References

1. Andrianov S.N., Berson A.S., Nikiforov A.S. Anglo-russkii yuridicheskii slovar'. M.:Russkii yazyk– Izdatel'skaya firma «ReYA», 1993. 511 s.
2. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka M.: Vysshaya shkola, 1986. 432 s. <https://studfile.net/preview/5351699/page:33>.
3. Vasil'eva YU.Z., Sharapova I.V. Vazhnost' navyka perevoda atributivnykh grupp dlya perevodchika nauchno-tekhnicheskoi literatury. <https://core.ac.uk/download/pdf/53084518.pdf>.

4. Egorov A.P. Osobennosti perevoda substantivnykh atributivnykh grupp v tekstakh saitov kriptovalyutnykh birzh. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/129169/1/m_th_a.p.egorov_2023.pdf.

5. Zhigadlo V.N., Ivanova I.P., L. L. Iofik Sovremennyi angliiskii yazyk. Teoreticheskii kurs grammatiki M:Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1956. 347 s.

6. Ivanova I.P., V.V. Burlakova, G. G.Pocheptsov Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliiskogo yazyka M:Vysshaya shkola, 1981. 285 s.

7. Kuznetsova I.I. Leksikologiya. Ehlektronnyi konspekt lektsii. Kazan': KFU, 2014. 36 s. <https://samara.mgpu.ru/files/sotrudniki/VokhryshevaEV/leksikologia/04.pdf>.

8. Pilyavskikh YU.A., Baskakova E.S. Osobennosti perevoda atributivnykh grupp s angliiskogo yazyka na russkii yazyk. <https://interactive-plus.ru/e-articles/257/Action257-80011.pdf>.

9. Smirnitskii A. I. Sintaksis angliiskogo yazyka / A. I. Smirnitskii. Moskva: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1957. 284 s.

10. A.S. Khornbi Tolkovyi slovar' angliiskogo yazyka dlya prodvinutogo ehtapa. T. 2. M.: Izdatel'stvo «Russkii yazyk», 1982. 528 s.

Сведения об авторе

Бозиев Альберд Тахирович, доцент, кандидат филологических наук, ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик, Россия. E-mail: alberdboziev@mail.ru.

About the author

Boziev A. T. Candidate of philological sciences (Ph.D.), Associate professor, head of the laboratory of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Nalchik, Russia. E-mail: alberdboziev@mail.ru.

УДК 821.221.18+347.78.034

Боциева Ф.А.
ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ОСОБЕННОСТЕЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ОРИГИНАЛА
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК
СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «Я ВАС ЛЮБИЛ»)

Botsieva F.A.
THE PROBLEM OF CONVEYING THE PECULIARITIES
OF THE NATIONAL SPECIFICITY OF THE ORIGINAL
(USING THE EXAMPLE OF THE TRANSLATION INTO OSSETIAN
OF A. S. PUSHKIN'S POEM "I LOVED YOU")

***Аннотация.** В статье анализируются переводы стихотворения «Я Вас любил...» А. С. Пушкина на осетинский язык: выявляется, насколько точно осетинским поэтам (Г. Кайтукову, Н. Джусойты, М. Дзасохову) удается передать ритмику, рифму произведения, звучание стиха, а также особенности национально-специфических реалий.*

***Ключевые слова:** эквилинеарный перевод, эквиритмический перевод, национальная специфика, ритм, рифма, клаузула, 5-стопный ямб, композиция стихотворения.*

***Abstract.** The article analyzes translations of A. S. Pushkin's poem "I loved you..." into the Ossetian language: it reveals how accurately Ossetian poets (G. Kaytukov, N. Dzhusoity, M. Dzasokhov) manage to convey the rhythm, rhyme of the work, the sound of the verse, and also features of nationally specific realities.*

***Key words:** equilinear translation, equirhythmic translation, national specifics, rhythm, rhyme, clause, iambic pentathlon, poem composition.*

Одним из наиболее важных звеньев в «диалоге культур» между народами, говорящими на разных языках и потому не имеющими возможности полноценно понимать друг друга без знания иностранного языка, несомненно, является перевод. Первые научные

работы, касающиеся перевода в России, относятся к 20-м годам прошлого века.

Одна из наиболее верных теорий, ставшая предметом многочисленных споров, принадлежит А. В. Федорову. Эта теория интересна и четко выверена. Ученый выдвигает предположение, что в переводе необходимо строго учитывать все особенности оригинала: стиль, размер, лексику [9, с. 116]. Конечно, нелегко перевести стихотворение так, чтобы оно было максимально похоже на оригинал, чтобы совпадали стихотворный размер, ритмика и строфика. Это почти невозможно, ведь нужно передать не только ритмический, но и эмоциональный, и содержательный уровни.

Но не все литературоведы поддерживают такую точку зрения. Если одни теоретики перевода предпочитают строгий подход, то другие придерживаются свободного стиля, т. е. считают, что переводчику необходимо лишь перевести содержание текста, точная передача стиля и размера необязательна.

Одной из актуальных проблем теории и практики перевода является отображение элементов национальной специфики. Эта задача до сих пор не решена однозначно ни теоретиками, ни практиками перевода.

В исследованиях 20-х годов проблема эта лишь упоминалась, но не ставилась. Одним из первых, обратившихся к этой проблеме, стал Корней Чуковский, утверждавший: «Советский читатель требует, чтобы перевод дагестанских стихов и в ритмике, и в строфике, и в системе созвучий соответствовал дагестанским песенно-литературным канонам, а перевод казахских народных стихов также соответствовал казахским песенно-литературным канонам» [10, с. 116].

Но, хотя порой эта форма бывает так экзотична, причудлива, что кажется, «не найдется искусника, который мог бы воспроизвести ее средствами русской речи и русской просодии», все же нет ничего невозможного. Корней Чуковский в качестве образца приводит перевод С. Липкина «Сказания о нарте Сосруко». Ученый также обращает внимание на стилистическое соответствие слов на разных языках. «Буквалистский» перевод, по мнению исследования, не дает верного представления о подлиннике, в первую очередь потому, что «в одном языке с каждым словом связаны совсем иные ассоциации, чем в другом. В каждом – разная иерархия слов. Стиль одного и того же слова в двух близких языках совершенно различен» [10, с. 53].

В. Россельс в статье «Перевод и национальное своеобразие подлинника» касается перевода идиоматики выделяет нейтральные идиомы, которые легко переводятся на другой язык, идиомы с национальным оттенком (например, «попасть впросак») и идиомы, содержащие каламбуры, которые в прямом значении выглядят бессмыслицей (например, «пора меж волка и собаки») [8, с. 53].

К проблеме переводимости идиом с национальным оттенком или идиом-каламбуров обращается в своей книге и известный писатель, литературовед Умберто Эко. Автор считает неправильным дословный перевод выражений, которые на языке перевода будут звучать как бессмыслица. У. Эко приводит, к примеру, английское выражение: «It's raining cats and dogs». «Плох будет тот переводчик, который, полагая, что говорит то же самое, переведет это буквально: «Piove cani e gatti» («Дождь льет кошками и собаками»). Это надо перевести: «Piove a cantinelle» («Льет как из ведра») или «Piove come Dio la manda» (букв. «Как Бог повелел»)» – пишет ученый. [11, с. 8].

О трудности передачи в переводе национального своеобразия высказывался И. Кашкин: «Достигается это умелым выбором и бережным обращением с местными терминами и обозначениями национального обихода, а иногда тактичным намеком на чужой синтаксис и интонацию. Последнее – вопрос очень сложный и тонкий, требующий особого рассмотрения...» [4, с. 457]. Перевод, как полагает И. Кашкин, должен показать читателю чужую действительность, ее специфику, своеобразие. Как считает ученый, трудность заключается в том, что показывая чужую действительность, чужой синтаксис и интонацию, переводчик при этом должен подчиняться законам русского языка.

Конечно, передача национальных реалий не сводится к изображению «сарафана». Как справедливо отмечал В. Г. Белинский, «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи». [1, с. 435].

Нельзя не согласиться и с мнением Рагойши, который утверждал, что переводчик не просто «копирует» разные компоненты поэтики оригинала, а «воссоздает эти компоненты в их функциональной предопределенности, исходит из идейного содержания подлинника, возможностей литературного языка, на котором воссоздается произведение, традиций своей литературы» [7, с. 32].

Важной составляющей перевода стихотворного текста является композиция произведения, и потому «каждому переводчику в высшей степени желательно сохранить не только прямой смысл, но и строй стиха, его ритмический рисунок» [3, 39].

Следует подчеркнуть, что переводчик обязан трезво оценивать, что он сможет перевести максимально точно, что на родном языке воспроизвести невозможно, а что он не имеет права терять.

Рассмотрим, как удалось осетинским поэтам передать национально-специфические реалии, ритмику, рифму стихотворения А. С. Пушкина «Я Вас любил...» на осетинском языке.

В стихотворении повествуется о реальном жизненном переживании, которое показано без несущественных подробностей, но содержит много психологических деталей. Так, автор изображает любовь не на пике чувства, а о том моменте, когда оно уже угасает, хотя и «угасло не совсем». Лирический герой любит без надежды на взаимность, но ни в чем не упрекает возлюбленную, наоборот, он благодарен даже за безответную любовь. Мы видим пример самоотверженной любви:

*Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим* [6, с. 345].

Читатель задается вопросом: разве можно желать счастья своей возлюбленной с кем-то другим? Можно, казалось бы, предположить, что лирический герой уже не любит девушку, но трижды повторенная фраза «Я Вас любил», а особенно строки: «Любовь еще, быть может, // В душе моей угасла не совсем...» – заставляют насторожиться. Значит, эта любовь еще живет, волнует лирического героя. Глагол прошедшего времени означает не «любил», а «люблю».

Далее читаем: «Но пусть она Вас больше не тревожит, // Я не хочу печалить Вас ничем». Казалось бы, лирический герой отступает, не хочет беспокоить возлюбленную, так и не ответившую взаимностью. Но так ли это? Нет, чувства героя никто не может отнять, он продолжает любить, хотя и ничего не требует от возлюбленной взамен. Последние строки: «Я вас любил так искренно, так нежно, // Как дай Вам Бог любимой быть другим» – окончательно убеждают нас в том, что чувство героя редкое по глубине и силе. Он убежден, что такой же любовью героиню вряд ли полюбит кто-то еще.

Как удалось осетинским поэтам передать не только ритмику, рифму, настроение стихотворения, но и всю гамму переживаний лирического героя?

Стихотворение А. С. Пушкина «Я Вас любил» переводили несколько осетинских поэтов: Г. Кайтуков, Н. Джусойты, М. Дзасохов.

Рассмотрим перевод стихотворения «Я Вас любил», осуществленный **Георгием Кайтуковым**:

Дæу уарзтон æз; мæ уарзонады арт дæр

Мæ риуы хъуамæ н'ахуссид бынтон;

Фалæ тыхсын дæу мауал кæнæд

дарддæр,-

Нæ фæнды мæн, – æз де `нкъардæнæг уон.

Æнæууæндгæ, æнæдзургæ дæ уарзтон,

Куы зæрдæ `хсайдта, куы-у тыхст æгæр.

Хуыцау зæгъæд, тыхджын,

æцæгæй абон

Куыд уарза дæу мæхи хуызæн æндæр [12, с. 3].

Как мы уже отмечали выше, важной составляющей стихотворного текста является его композиция. Здесь мы видим, что переводчику удалось передать и ритмику, и рифму, и строфику и даже чередование мужской и женской клаузул. [2, с. 75]. Осетинскому поэту удалось также довольно точно передать все оттенки переживаний пушкинского лирического героя. Кроме того, передается и общее настроение оригинала, и минорное звучание стиха на русском языке. Небольшое отступление мы видим в 1 и 2 строке, где осетинский поэт метафорично изображает силу чувств лирического героя («*мæ уарзонады арт дæр*» – «огонь моей любви»), а у Пушкина говорится просто: «*любовь еще быть может...*» Но в принципе это отступление не является определяющим. Единственная строка, которая не сопоставима с пушкинским стихотворением: «*Куы зæрдæ `хсайдта, куы-у тыхст æгæр*», т. е. в переводе не говорится о ревности, в то время как в оригинале: «*То робостью, то ревностью томим*». Небольшим замечанием к данному переводу является также употребление местоимения «ды» («ты») вместо «вы». Но в осетинском языке местоимение «сымах» («вы») несет в себе несколько иную смысловую нагрузку. Даже если это местоимение и употребляется как вежливая форма обращения к более старшему или уважаемому

человеку, оно не может быть употреблено к любимой женщине, как в русском языке. Следует обратить внимание также на то, что у Г. Кайтукова в 7 и 8 строках использована инверсия, чего нет в оригинальном произведении.

Но в общем, учитывая, что потери в переводе неизбежны, данный перевод можно считать эквиритмичным и почти эквилинеарным.

Рассмотрим другой перевод, осуществленный **Н. Джусойты**:

Эз уарзтон дау: уый, чи зоны, нырма дәр

Ма сусаг уарзт ма удрабын тәлфы,

Уаддәр даума уый мауал уәд нымады, –

Дә удвәндиаг уәд дә цард, дә фын.

Эз уарзтон дау, ма уд кьуйттыяе рафтыд, –

Дә сәрыл тайга дунема быцау.

Эз уарзтон дау фәлмән зәрдаейә, афта,

Хуыцау зәгъәд, цы уарза уый дәр дау. [6, 177]

Поэт точно передал ритмику, рифму пушкинского стихотворения. Скрупулезно осетинский поэт передает пропуски ритмических ударений в 3 и 6 строке, и рефреном повторяющиеся слова. Но, стремясь идеально передать форму оригинала, Н. Джусойты позволил себе некоторые отступления от содержания. Так, во второй строке поэт пишет «*Ма сусаг уарзт ма удрабын тәлфы*». Но в тексте А. С. Пушкина не говорится о «тайной» любви. Она «безмолвная», «безнадежная», но не «тайная»: возлюбленная лирического героя, скорее всего, догадывается о его чувствах.

В 4 строке говорится: «*Пусть твоя жизнь будет такой, как желает твоя душа*». У Пушкина: «*Я не хочу печалить Вас ничем*». В 6 строке читаем: «*Дә сәрыл тайга дунема быцау*». Но явно лирический герой не вступает в пререкания с кем-то из-за своей возлюбленной: «*то робостью, то ревностью томим*».

7–8 строки переведены более удачно, чем у Г. Кайтукова: так, поэт, как и в оригинале, пишет о нежной любви («*фәлмән зәрдаейә*»), уступает возлюбленную с упоминанием Бога «*Хуыцау зәгъәд*». Однако самые последние слова: «*цы уарза уый дәр дау*» – несколько отличаются от оригинала. В переводе лирический герой уступает свою возлюбленную кому-то другому, причем реально существующему. В пушкинском тексте мы этого не наблюдаем.

Но тем не менее, отметив, что данный перевод более вольный, чем перевод Г. Кайтукова, мы все же можем назвать его вполне адекватным, к тому же это стихотворение более благозвучное.

А вот перевод **М. Дзасохова**:

*Æз уарзтон дау: уарзт, чи зоны, ма риуы
Нама ахуыссыд абон дæр бынтон,
Фæлаæ ма уым дау азымгæнæг чи у! –
Дæ зæрдæ риссын кæнын у кæй бон!
Æз уарзтон дау, дæ уынд ма хурау тавта,
Дæ цуры-уу нæ уæндыдтæн сым дæр;
Æз дау куыд уарзтон буцæрдæйæ афтæ,
Тæхуды, дау куы бауарзид æндæр. [7,179]*

Мы видим, что стихотворение так же, как и предыдущие, переведено 5-стопным ямбом. Причем он более правильный, чем пушкинский текст, т. е. мы не наблюдаем отступлений от ритмического рисунка, почти нет пропусков ритмических ударений. Поэтому перевод звучит несколько иначе, более ритмично, но вместе с тем можно назвать его (как и предыдущие переводы) почти эквилинеарным, т. к. общее количество строк и структура стихотворения совпадает. Что касается передачи содержания, то здесь мы видим еще больше отступлений от оригинала, чем в предыдущем стихотворении. Первые две строки переведены довольно точно. Следующие строки переводятся: «*Но кто тебя будет осуждать! Кто сможет тебя обидеть!*» Как видим, здесь нет совпадений с оригиналом.

Далее М. Дзасохов пишет: «*Дæ цуры-уу нæ уæндыдтæн сым дæр*». Но в пушкинском тексте говорится о том, что любовь была безмолвной, но не утверждается мысль о том, что он не осмеливался даже слово вымолвить рядом с возлюбленной.

В предыдущей строке осетинский поэт пишет: «*Æз уарзтон дау: дæ уынд ма хурау тавта*». Но в принципе, данное отступление не мешает целостному восприятию общего содержания.

В целом данный перевод, за редким исключением, эквиритмичен и эквилинеарен оригиналу, кроме того, передается его плавное, замедленное звучание.

Таким образом, осетинские поэты довольно точно передали как содержание стихотворения «Я вас любил...», так и его общий настрой,

и звучание, и ритмический рисунок. Конечно, были некоторые отступления, но они были неизбежны так как Понятно, что в силу «разнокачественности языкового материала» «приходится мириться с «жертвами», вернее, с потерями, порой, очень важными» (так, например, невозможен перевод на осетинский язык местоимения «вы» при обращении к возлюбленной). Здесь, по мнению Н. Джусойты, «вступает в свои права закон непереводаемости» [3, с. 39]. Но «нужно уметь точно угадать границы допустимого в потерях, а потерянное компенсировать с максимальным тактом» [3, с. 39].

Переводческая деятельность играет важную роль в диалоге культур разных народов. Кроме того, различные культуры «всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга» [5, с. 70–71].

Поэтому очень важно, чтобы переводы были приближены к оригиналу как на уровне стилистики, ритмики, так и на уровне эмоционального воздействия. Кроме того, важно передать и национальную специфику оригинала.

Умберто Эко очень верно отметил, что «переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник...» [11, с. 287]. На наш взгляд, осетинским поэтам в общем удалось справиться с этой трудной и важной задачей.

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1957.
2. Боциева Ф.А. Проблема сравнительно-типологического анализа осетинской поэзии 60-80-х годов XX века. Владикавказ, 2009. 176 с.
3. Джусойты Н. Все сущее увековечить// Литературное обозрение. 1983. № 8.
4. Кашкин И. Для читателя – современника. М., 1968.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2004.

6. Пушкин А.С. Золотой том. Собрание сочинений. М.: Эксмо, 2015. 1376 с.
7. Рагойша В. Объективный критерий и сопоставительная поэтика // Вопросы литературы. 1979. № 5. С.32.
8. Россельс В. Теория художественного перевода – область литературоведения // Вопросы литературы. 1960. № 5.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Учебное пособие. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский Дом «Филология Три», 2002.
10. Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1964.
11. Умберто Эко. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Simposium, 2006.
12. Пушкин А. С. Æмдзæвгæтæ. Чыныг сарæзта Дзасохты М. [Пушкин А.С. Стихотворения. Пер. на осет. яз. Составил Дзасохов М.]. Владикавказ: Ир, 1999.

References

1. Belinskii V. G. Polnoe sobranie sochinenii. T. II. M., 1957.
2. Botsieva F.A. Problema sravnitel'no-tipologicheskogo analiza osetinskoj poezii 60-80-kh godov KHKH veka. Vladikavkaz, 2009. 176 s.
3. Dzhusoity N. Vse sushchee uvekovechit' // Literaturnoe obozrenie. 1983. № 8.
4. Kashkin I. Dlya chitatelya – sovremennika. M., 1968.
5. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie. M.: EHTS, 2004.
6. Pushkin A.S. Zolotoi tom. Sobranie sochinenii. M.: Ehksmo, 2015. 1376 s.
7. Ragoisha V. Ob"ektivnyi kriterii i sopostavitel'naya poetika. // Voprosy literatury. 1979. № 5. S.32.
8. Rossel's V. Teoriya khudozhestvennogo perevoda – oblast' literaturovedeniya // Voprosy literatury. 1960. № 5.
9. Fedorov A. V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy). Uchebnoe posobie. SPb: Filologicheskii fakul'tet SPBGU; M.: Izdatel'skii Dom «Filologiya TrI», 2002.
10. Chukovskii K. I. Vysokoe iskusstvo. M., 1964.

11. Umberto Eco. Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode. SPb.: Simposium, 2006.

12. Pushkin A. S. Æmdzævgætæ. Chinyg saræzta Dzasokhty M. [Pushkin A.S Stikhotvoreniya. Per. na oset. yaz. Sostavil Dzasokhov M.]. Vladikavkaz: Ir, 1999.

Сведения об авторе

Боцьева Фаина Азаматовна, кандидат филологических наук, преподаватель СПО, Северо-Кавказский горнометаллургический институт (государственный технологический университет); Северо-Осетинский педагогический колледж, г. Владикавказ, РСО-Алания, Россия. E-mail: faina883@yandex.ru.

About the author

Botsieva Faina Azamatovna., PhD in Philology, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University); North Ossetian Pedagogical College. Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, Russia. E-mail: faina883@yandex.ru.

УДК 801.732

Валиева М. Д.
С. А. ЕСЕНИН В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Valieva M. D.
S. A. ESENIN IN OSSETIAN TRANSLATIONS

***Аннотация.** В статье впервые в осетинском литературоведении анализируются переводы стихотворений С. А. Есенина на осетинский язык. Во введении излагается история переводов Есенина на осетинский язык, а в исследовательской части анализируется первый куплет знаменитого стихотворения «Отговорила роща золотая». На этом примере показана разница в подходе к переводимому материалу со стороны разных переводчиков.*

***Ключевые слова:** Есенин, поэзия, осетинский язык, перевод, диалог культур.*

***Annotation.** For the first time in Ossetian literary criticism, the article analyzes the translations of S. A. Yesenin's poems into the Ossetian language. The introduction outlines the history of Yesenin's translations into the Ossetian language, and the research part analyzes the first verse of the famous poem "The Golden Grove Dissuaded." This example shows the difference in approach to the translated material on the part of different translators.*

***Key words:** Yesenin, poetry, Ossetian language, translation, dialogue of cultures.*

О важности художественного перевода, необходимости межкультурных коммуникаций и диалога культур сказано достаточно много и подробно. Хорошо известно, что любой художественный перевод не только знакомит читателя с культурой другого народа, но и обогащает язык, на который переводится произведение, позволяя реанимировать некоторые подзабытые слова и синтаксические конструкции. Богатый лексический материал осетинского языка позволяет переводить на него

произведения мировой и русской литературы, не теряя художественных достоинств оригинала. На осетинский язык переведены произведения таких классиков мировой литературы, как Пушкин и Шекспир, Лермонтов и Байрон, Толстой и Софокл, Чехов и Лопе де Вега и многих других. В их числе один из лучших представителей русской лирической поэзии Сергей Есенин. Творчество поэта вызывало большой интерес у читателей и еще при жизни его перевели на 17 языков мира, а уже после смерти поэта его стихи были переведены более чем на 130 языков. На осетинский язык, как и на большинство языков мира, поэзию Есенина стали переводить уже после его трагической кончины. Первым и одним из лучших переводчиков Есенина на осетинский язык был Агуыбе Плиты (1923-1962 гг.) [11, с. 7-30]. Затем последовали переводы Феликса Плиты [12], Ахсара Кодзати [14], Нафи Джусойты [5], Владимира Наниты [13], Юрия Дзиццойты [6, с. 23-32]. По одному стихотворению перевели Хазби Габуты [4, с. 59], Герсан Хъодалаты [15, с. 62-64], Таймураз Хаджеты [17, с. 309], Инал Плиты [16, с. 63-64] и другие. Всего на осетинский язык переведено свыше 170 стихотворений и поэм Есенина, из которых более 30 были переведены два, три и даже четыре раза в разное время разными поэтами.

Читать одного из любимых русских поэтов на родном языке и чувствовать при этом исконную лиричность и вдохновляющие образы поэта, это ни с чем не сравнимое удовольствие. Важность перевода классики трудно переоценить, помимо всего прочего, в процессе перевода часто слова, перешедшие в пассивный фонд языка «оживают» и придают особую утонченность произведению. Для нашего анализа мы выбрали всего один куплет из известного стихотворения С. Есенина «Отговорила роща золотая».

На языке оригинала это стихотворение звучит так:

«Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком».

В переводе А. Плиты так:

«Фæци йæ ныхас хъæды къох – сыгъзæрин,

Ныссабыр хъæлдзæг бæрзыты æвзаг,
Æмæ фæндаггон хърихъуппыты хъæры
Нæ хуысы ницы сагъæссаг, мæтаг» [11, с. 9-10].

В переводе В. Наниты:

«Фæци ныхас сыгъæрин хъæды таг,
Æгæрон цинзæл бæрзыты æвзагæй
Æмæ фæтæхынц зырнаджытæ ‘нкъардæй,
Ныр нал и ничи уыдоны мæтаг» [13, с. 142].

В переводе Н. Джусойты:

«Зæрин къохæн йæ дзураен хъæлæс бамыр, –
Уый нал хæссы бæрзы ‘взагæй йæ цин.
Тæхынц æнкъардæй зырнаджытæ сабыр, –
Зæххыл цы уарзтой, уый зарæг фæци» [5, с. 396-397].

В двух из приведенных переводов вместо глагола *жалеть* использовано существительное *мæтаг* ‘предмет заботы, беспокойства’. Это слово, хотя и не снабжено в словарях осетинского языка [9, с. 295; 10, с. 316] пометой «устаревшее» или «архаичное», но по нашим наблюдениям практически выпало из активного употребления.

В двух переводах слово *журавль* передается как *зæрныг* / *зырнаг* ‘журавль’. В словарях осетинского языка это слово обычно дается в форме *зырнаг* [9, с. 239; 10, с. 248]. Но в Словаре В. И. Абаева приведены обе формы, из которых в качестве заглавной дается форма *зæрныг* [2, с. 304], а от формы *зырнаг* дана отсылка к форме *зæрныг* [там же, с. 324]. В «Толковом словаре осетинского языка», наоборот, от формы *зæрныг* дана отсылка к форме *зырнаг* [7, сс. 330, 335]. В орфографическом словаре приведены обе формы [8, сс. 312, 320]. Таким образом, литературная норма допускает оба варианта употребления данного слова. Однако у первого переводчика находим слово *хърихъупп* ‘журавль’, что так же является литературным словом, абсолютным синонимом слова *зæрныг* / *зырнаг*, но образовано на основе звукоподражания и потому воспринимается как стилистически окрашенное, более эмоциональное.

К высокохудожественным особенностям первого перевода нельзя не отнести и того факта, что переводчик не пренебрег инверсией в агри-

бутивной конструкции. Рассмотрим первую строку у Есенина: «Отговорила роща золотая». Очевидно, с точки зрения синтаксиса русского языка правильнее было бы сказать «отговорила золотая роща», но это одна из особенностей поэтического языка Есенина: благодаря инверсии внимание читателя акцентируется на образе осенней природы, на золотистом цвете листвы. Переводчик А. Плиты блестяще справился с переводом этой фразы. Зная о том, что в языке осетинского фольклора нередко встречается аналогичный художественный прием, он мастерски использовал его для максимально точной передачи настроения, созданного Есениным. С точки зрения истории осетинского языка инверсия в атрибутивной конструкции как явление синтаксиса была архаизмом уже в середине прошлого века (об этом явлении в осетинском языке см. [3]), а наиболее продуктивным временем ее функционирования считается скифский период истории осетинского языка [1, с. 231-237]. Благодаря переводу стихотворения Есенина этот поэтический прием приобрел в осетинском языке новую жизнь. Убрав инверсию, два других переводчика построили синтаксически корректную фразу, в которой определение предшествует определяемому: «сыгъзæрин хъæды таг», букв. «золотая лесная полоса» и «зæрин къох», букв. «золотая роща». Однако вместе с инверсией ушло и неповторимое обаяние есенинского стиха.

Завершая анализ первого куплета, отметим также необычное употребление слова *фæндаггон* 'дорожный; путник, проезжий, прохожий'. К зверям и птицам это слово не применяется. А. Плиты ввел словосочетание «фæндаггон хъихъуппытæ», буквально «журавли-путники» для передачи словосочетания «журавли ... пролетающая». То есть образ летящих журавлей был заменен образом журавлей путников. Простой и понятный прием переводчика расширил, пусть даже и окказионально, семантику рассматриваемого осетинского слова.

В данной работе мы проанализировали всего один куплет из стихотворения С. Есенина, однако мы не сомневаемся в необходимости аналогичного исследования всех остальных произведений этого поэта, а также и всей переводной литературы, существующей на осетинском языке.

Библиографический список

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Л.: Наука, 1989.
3. Габараев Н. Я. Инверсия в атрибутивных конструкциях осетинского языка // Известия ЮО НИИ, Вып. 14. Тбилиси: Мецниереба, 1965. С. 7-12.
4. Габуты Х. Дæлзæхх Иры фæндыр. Уацмыстæ. Цхинвал: Республика, 2010.
5. Джусойты Н. Уацмысты æмбырдгонд. Т. 4. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ и РСО-А, 2015.
6. Дзиццойты Ю. Ирон æвзагмæ тæлмац кæныны æгъдауттæ (лексикайы фарстытæ). Цхинвал: ХИПУ, 2022.
7. Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдут. Т. 2. М.: Наука, 2010.
8. Ирон орфографион дзырдут. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2002.
9. Ирон-уырыссаг дзырдут. 5-æм рауагъд. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2004.
10. Парсиаты Л. К., Гуæцæлты Л. Б. Ирон-уырыссаг, Уырыссаг-ирон дзырдут. Дзæуджыхъæу: Респект, 2018.
11. Плиты А. Тæлмацтæ: Сергей Есенин æмæ гуырдзиаг автортæ. Цхинвал: ХИРЧС, 1965.
12. Сергей Есенин. Æмдзæвгæтæ æмæ поэмæтæ. Тæлмацгæнæг Плиты Ф. Цхинвал: Ирыстон, 1985.
13. Сергей Есенин. Æмдзæвгæтæ. Уырыссаг æвзагæй Нариты Владимиры тæлмац. Цхинвал: Республика, 2013.
14. Сергей Есенин. Уырны, уырны мæ, амонд ис... (Хъодзаты Æхсары тæлмацтæ) // журнал «Мах дуг», 1985, № 10. Ф. 42-43.
15. «Фидиуæг», 1970, № 11. Ф. 62-64.
16. «Фидиуæг», 2019, № 4. Ф. 63-64.
17. Хаджеты Т. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2010.

References

1. Abaev V. I. Osetinskij jazyk i fol'klor. T. 1. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.

2. Abaev V. I. Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. 4. L.: Nauka, 1989.
3. Gabaraev N. Ja. Inversija v atributivnyh konstrukcijah osetinskogo jazyka // Izvestija JuO NII, Vyp. 14. Tbilisi: Mecniereba, 1965. S. 7-12.
4. Gabuty H. Dælzæhh Iry fændyr. Uacmystæ. Chinval: Respublikæ, 2010.
5. Džhusojty N. Uacmysty æmbyrdgond. T. 4. Džæudžhyqæu: IPC SOIGSI VNC i RSO-A, 2015.
6. Džiccojty Ju. Iron ævzagmæ tælmac kænyny ægdæuttæ (leksikæjy farstyæ). Chinval: HIPU, 2022.
7. Iron ævzadžy æmbaryngænæn dzyrduat. T. 2. M.: Nauka, 2010.
8. Iron orfografion dzyrduat. Džæudžhyqæu: Alanyston, 2002.
9. Iron-uyryssag dzyrduat. 5-æm rauagd. Džæudžhyh#æu: Alanyston, 2004.
10. Parsiaty L. K., Guæcæly L. B. Iron-uyryssag, Uyryssag-iron dzyrduat. Džæudžhyqæu: Respekt, 2018.
11. Plity A. Tælmæctæ: Sergej Esenin æmæ guyrdziag avtortæ. Chinval: HIRChS, 1965.
12. Sergej Esenin. Æmdzævgætæ æmæ pojemætæ. Tælmacgænæg Plity F. Chinval: Iryston, 1985.
13. Sergej Esenin. Æmdzævgætæ. Uyryssag ævzagæj Narity Vladimiry tælmac. Chinval: Respublikæ, 2013.
14. Sergej Esenin. Uyrny, uyrny mæ, amond is... (Kodzaty Æhsary tælmæctæ) // žurnal «Mah dug», 1985, № 10. F. 42-43.
15. Fidiuæg, 1970, № 11. F. 62-64.
16. Fidiuæg, 2019, № 4. F. 63-64.
17. Hadžhety T. Uacmystæ. Džæudžhyqæu: Ir, 2010.

Сведения об авторе

Валиева Мадина Дмитриевна, старший преподаватель кафедры осетинского языка, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова. РЮО, г. Цхинвал. E-mail: madina_vality@mail.ru.

About the author

Valieva Madina Dmitrievna, Senior Lecturer, Department of Ossetian Language, South Ossetia State University. A.A. Tibilov, RSO, Tskhinval. E-mail: madina_vality@mail.ru.

Гутиева Э. Т.
ПОЭТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ КОСТА:
«НЫСТУАН» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Gutieva, E.T.
KOSTA'S POETIC TESTAMENT:
"NYSTUAN" IN ENGLISH

***Аннотация.** В 80-е гг. XX века Уолтером Мэем (1912–2006), английским поэтом-переводчиком поэзии и эпосов народов СССР, были осуществлены переводы поэтических текстов великого осетинского поэта Коста Хетагурова. В данной статье анализу подвергается «Ныстуан», первое стихотворение книги «Ирон фæндыр». Сложность стоящей перед переводчиком задачи обусловлена программностью, автобиографичностью, философской глубиной произведения и усугубляется невключенностью переводчика в культурный код языка оригинала. Рассмотрены деформации, которым подвергся текст оригинала при трансляции на английский через посредство русского языка.*

***Ключевые слова:** Коста Хетагуров, «Осетинская лира», книга стихов, ритм, рифма, переводческие трансформации.*

***Abstract:** In the 1980s, Walter May (1912–2006), an English poet and translator of poetry and epics of the peoples of the USSR, translated the poetic texts of the great Ossetian poet Kosta Khetagurov. This article analyzes "Nystuan," the first poem in the book "Iron fændyr." The complexity of the translation in this case is determined by the autobiographical, and philosophical depth of the work, and is aggravated by the translator's non-involvement in the cultural code of the language of the original text. The article examines the deformations that the original text underwent when translated into English via the Russian language.*

***Keywords:** Kosta Khetagurov, "Ossetian Harp", book of poems, rhythm, rhyme, translation transformations.*

*Вамъ приношу я пьснопгънья,
Гдѣ отразилась жизнь моя.*

Е.А. Баратынский

«Ирон фандыр» следует считать книгой стихов. Данный сложный поэтический комплекс, созданный К.Л.Хетагуровым и увидевший свет в 1899 году, обладает основными признаками, выделяемыми для классификации именно книги стихов [6; 4; 7; 2; 9; 12]. В.И. Абаев назвал его «книжкой», противопоставляя размеры полиграфического продукта и масштаб произведённого им эффекта: «Редко бывает, чтобы появление такой небольшой по размеру книжки как «Ирон фандыр», так много значило в жизни целого народа, служило бы такой яркой вехой в его истории, совершило такой переворот в его сознании» [1, 552].

«Ирон фандыр» - более сложное смысловое и композиционное единство, чем просто сборник. В сборнике стихи или размещаются по жанровым группам, или печатаются в хронологическом порядке, или представляют собой случайное собрание не связанных даже хронологией стихотворений [6,178].

Первой книгой стихов в русской поэзии признаётся книга «Сумерки» Е.А. Баратынского 1842 г., а период второй половины XIX в. условно обозначается этапом утверждения формирующегося жанра, тогда как век двадцатый — «кульминацией в развитии этого явления» [6, 179].

В свете сказанного, приобретает особенное значение сам факт, что К.Хетагуров создаёт *«Ирон фандыр»* в преддверии XX века, на самом «рубеже, отделяющем книгу от сборника», выдвигая осетинскую поэзию в авангард литературных процессов, свидетельствующих о её включённости в общекультурный контекст. Книга, ставшая в пределах Осетии национальным достоянием, была новаторской для своего времени и за границами осетинской лингвокультуры.

Произведению Коста Хетагурова присущи: жанровая поливалентность; сложная архитектоника; метафорический заголовочный комплекс; новые смысловые акценты во внутреннем пространстве книги, поэтическая автобиографичность; преднамеренность, подобранность, продуманность композиции, а не хронологический принцип отбора стихотворений; наличие стихотворения-предисловия. Все эти характеристики позволяют допускать возможность уточнения категориальной принадлежности *«Ирон фандыр»*.

Известно, что последовательность стихов в *«Ирон фандыр»* подвергалась правке. Но первым неизменно приводится стихотворение *«Ныстуан»* («Заповедь»), которое считается нравственным и художественно-философским императивом творчества Коста, его философской декларацией [8, 298]. Стихотворение-предисловие позволяет обозначить вектор поэтической мысли, дать объяснение названию книги, уточнить характер единого мотивного комплекса. В терминах музыкальных, его следует считать стихом-увертурой.

Все сказанное повышает ответственность переводчика при передаче именно этого стихотворения на другой язык. В данной статье разбирается перевод, выполненный Уолтером Мэем (1912–2006), английским поэтом-переводчиком поэзии и эпосов народов СССР, предлагаются варианты преодоления деформаций, которым подвергся текст оригинала при трансляции на английский через посредство русского языка.

«Ныстуан» следует считать восьмистишием с различной длиной строк с перекрестной рифмой, мужскими и женскими клаузулами со схемой рифмовки AbAb CdCd. Стихотворение состоит из двух катренов, каждый из которых, с одной стороны, является самодостаточным текстом, с другой стороны, катрены связаны между собой глубинными, многоуровневыми связями.

НЫСТУАН

Ныббар мын, кед-иу дам ма зараг, 9

Кәуәгау фәкәса, мыййаг, –8

Кәй зарда на агурь хьарәг, 9

Уый зарәд йәхи фәндиаг!..8

Әз дзылләйә кьаддәр куы дарин, 9

Куы бафидин искуы ма хәс, 8

Уәд афтә әнкъардәй на зарин, 9

На хьуысид ма кәуын хьәләс..8 [14, 45].

В переводе сохранена повествовательность музыкально-поэтического текста. Несколько диссонируют с онтологической народностью стиха Коста, с его органичной демократичной простотой используемые переводчиком слова романского происхождения *intonation, lamentation*, в меньшей мере *humanity, gravity*.

Уолтер Мэй в целом сохраняет принципы рифмовки оригинала:

MESSAGE

1. *Pardon me if my song's intonation*
2. *To you seems like wailing, may be.*
3. *Let him who dislikes lamentation*
4. *Sing just as he'd wish, merrily.*

5. *Were I less in debt to humanity,*
6. *Had I at some time paid my debt —*
7. *Then I would not sing with such gravity,*
8. *My sad song would not echo yet...*

Обращает на себя внимание дактилическая клаузула 4-й строки - *merrily*, которая вынужденно становится мужской *merrilý*, искусственно приобретая дополнительное ударение на последний слог под влиянием рифмы предыдущей чётной строки *may bé*.

Относительно ритмо-метрической организации стихотворения следует отметить, что в тексте Коста в каждой строке ударение падает на второй слог, а первый арсис первой строки *Ныббáр мын* становится основным ритмозадающим механизмом всего стихотворения. Несоблюдение ритма в английском переводе задаётся именно здесь с самого начала: *Pardon me if my...* Глагол *párdon* является двусложным с выраженным хорейским ударением.

В строках 5, 6, 7 ударение также падает на первый слог. Поддаваясь построению оригинала, его возможно сдвинуть на второй слог, но тогда в сильной позиции все три раза оказывается *Í*, личное местоимение первого лица: *Were Í less ... Had Í at ... Then Í would ...* Это меняет оптику авторского «я», придавая ему максимальную эксплицитность.

В оригинале и в переводе соответствующие формы именительного и косвенного падежей и притяжательного местоимения первого лица единственного числа распределены следующим образом:

1. --- мын, -- маэ --,	1. -- me -- my --
2. -----, —	2. --.
3. ---,	3. ---
4. ---!..	4. ---!..
5. Эз ---,	5. -- I --,
6. --- маэ --,	6. -- I -- my --
7. ---,	7. -- I --,
8. -- маэ --.	8. My --

Простое количественное сопоставление двух текстов не репрезентативно, осетинский язык допускает опущение подлежащего и импликацию субъекта личным окончанием глагола, а обязательное наличие местоимения *I* продиктовано правилами английского языка. Неправомерным представляется помещение его именно в сильную позицию, так как в оригинале единственное *Æз* находится в анакрузе пятой строки, и остальные формы также вплетены в межиктовые интервалы соответствующих строк.

Некоторым нарушением можно считать так же и то что, перепад длины строк увеличивается, в английском тексте в нечётной строке вместо 9 слогов 10, тогда как чётные строки, как и в оригинале, восьмисложные.

Для передачи смысловой нагрузки данного стихотворения принципиально важными представляются передача заголовка и перевод его первой строки.

Поиск эквивалента в другом языке вынуждает вновь обращаться к интерпретации осетинского слова *ныстуан*, которому всегда было уделено особенно пристальное внимание исследователей творчества Коста [1, 210; 3; 5; 13; 10; 8; 11]. Принцип лексико-семантической адекватности его перевода открывает «ключ к кодированной идее текста (жертвенное служение народу), сакрализованной христианскими аллюзиями» [8; 210].

В словарях *ныстуан* лексикографируется как «поручение, завет, заветование». Можно сделать допущение о том, что слово могло подвергнуться изменению и переосмыслению под влиянием Коста.

Уолтер Мэй в качестве эквивалента остановил свой выбор на существительном «*Message*». На многие европейские языки название «*Ныстуан*» переведено с использованием когнатов латинского *testamentum*. Интересным является вариант «*Behest*», предложенный в переводе Е.В. Карсановой. *Behest* - это развитие древнеанглийского слова *behæðs* “command”, “promise”. Помимо его исконности, следует отметить его фонетическое созвучие с осетинским *хæс* «долг», понятия центрального в аксиологии данного стихотворения. Возможно, данное созвучие не спорадического характера, а является следствием этимологического родства английского и осетинского слов.

Название произведения находится в тесной связи с первыми словами самого стихотворения «*Ныббар мын...*».

По форме, стихотворение - просьба простить автору его прегрешение, одновременно вольное и невольное: абсолютное самопожертвование делу общего блага. Право простить его есть у кого-то, наделённого большей властью, обладающего большим авторитетом, более высоким моральным статусом. Автор приглашает собеседника - читателя, друга, Создателя - к важному разговору. По содержанию, это программное заявление, обоснование жизненной позиции, призыв разделить его боль, выслушав его.

Предполагается важность предстоящего дискурса, имплицитруется его возможная религиозность. Так, часто глагол *ныббарын* применяется в составе формулы при апеллировании к Божьему суду: «*Хуыцау, ныббар мын*».

Формулировка прощения в английском тексте «*Pardon me*» может дезориентировать читателя. Прощение по серьёзному поводу или милость у Бога просить с использованием такой формы можно, но в отсутствие апеллятива она программирует профанное прочтение, тогда как и существительное *Ныстуан*, и глагол *ныббарын* являются однозначными маркерами высокого слога.

Вызывает сожаление несохранение соматизма «сердце». В тексте Коста он встречается в составе фразеологизма «*зардае нæ агуры*». «*Кæй зардае нæ агуры хъарæг*», буквальный перевод «чьё сердце не жаждет / не ищет причитанья», более точно в данном контексте «чьё сердце не может сдержатъ причитанья». Выбор переводчика – «*who dislikes lamentation*» «кому не нравятся причитания» – делает более поверхностным и волонтеративным переживаемое автором чувство, как будто он, в отличие от таких певцов, «*likes lamentation*» «любит причитание».

В оригинале есть корневые повторы - это слова с корнем *петь зарæг-зарæд-зарин* и плакать *кæуæгау-кæуын*. В английском тексте даже больше корневых повторов: *song's, Sing, sing, song*, но при передаче причитания-плача переводчик использует синонимические замены: *wailing, lamentation, sad song*.

Во втором катрене переводчик вводит корневой повтор слова *debt* «долг», что оправдано лейтмотивностью идеи не-выплаченного и невыплаканного долга поэта перед народом.

В качестве краткого интроспективного комментария к собственному переводу отметим некоторые переводческие трансформации:

- прочтение *Ныббар мын* как «дай мне право», «не осуждай меня» *Charge me not* в форме экспрессивной отрицательной конструкции;

- появление метафоры во второй строке *The voice of tears* «голос слёз»;

- превращение в неопределённое множество антагонистов поэта в результате употребления форм: *hearts, are not ringing, they*;

- более стилистическое по сравнению с оригиналом *sing the joy* «восславить, воспеть радость»;

- анафорический повтор в двух первых строках второго катрена *If only I...* «если б только я»;

- анафору и аллитерацию последних двух строк *My so-rows... и My so-ng...*

TESTAMENT

Charge me not, if you in my singing

The voice of tears have discerned:

Whose hearts with the grief are not ringing,

May sing the joy, that they have earned.

If only I owed less to mankind,

If only I could pay my debt,

My sorrows I would have reclined,

My song would have been not so sad.

Перевод поэтического произведения не только даёт возможность передать его средствами другого языка, но и ставит задачу более глубокого проникновения в текст оригинала, в постижение мироощущения автора, таким образом, и сам процесс, и его результат, и анализ-сопоставление оригинала и перевода могут рассматриваться как равно-значимые виды творческой деятельности.

Библиографический список

1. *Абаев В.И.* Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

2. *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста. М., 1927. С. 119.

3. *Гуриев Т.А.* Передающий светильник жизни. Очерки о творчестве Коста. Владикавказ, 2014.

4. Дарвин М.Н. «Книга стихов» // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 97.

5. Джусойты Нафи. Ирон литературной истории // Юго-осетинский научный исследовательский институт З.В. Ванеева. Цхинвал, 2016.

6. Кушнер А. Книга стихов // Вопросы литературы. № 3. 1975. С. 178-189.

7. Лекманов О.А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX века; О.Э. Мандельштам «Камень» (1913). Дис. канд. филол. наук. М., 1995. С. 13.

8. Мамиева И.В. Лавровский «След» в осмыслении К. Л. Хетагуровым проблемы интеллигенции и народа // Калмыцкий научный центр Российской академии наук. 2016. №1(29). С.209-217.

9. Мстиславская Е.П., Яцунюк Е.И. Авторская книга лирики как явление культуры (Проблемы комплексного изучения) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 71. М., 1995. С.188-204.

10. Салагаева З. М. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Северо-Осетинское книжное издательство. Орджоникидзе, 1959.

11. Салбиев Т. К. О типе религиозности Коста Хетагурова: «Ныстуан» («Заповедь») // Известия СОИГСИ. 2014. № 13 (52). С. 73–83.

12. Фатющенко В.И. Из истории лирической книги // Русская лирика революционной эпохи (1912—1922). М.: Гнозис, 2008. С. 291.

13. Хадарцева А. А. Творческая история «Осетинской лиры». Орджоникидзе, 1955.

14. Хетагкаты Къоста. Ирон фæндыр. Зардаейы сагъæстæ, зарджытæ, кадджытæ æмæ æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

References

1. Abaev, V.I. (2020). *Izbrannye trudy v 4 tomah. T. 1. Religija, fol'klor, literatura*. [Selected works in 4 vol. Vol. 1. Religion, Folklore and Literature] Vladikavkaz. (In Russ.).

2. Vinokur G. O. *Kritika poetičeskogo teksta*. [Critique of the Poetic Text]. Moscow, 1927.

3. Guriev T. A. *Peredayushchij svetil'nik zhizni. Očerki o tvorčestve Kosta*. Transmitting Lamp of Life. Essays on the Works of Kosta. Vladikavkaz, 2014.

4. Darvin M.N. «*Kniga stikhov*» // *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij* ["Book of Poems" // Poetics. Dictionary of Current Terms and Concepts / Chief Scientific Ed. N. D. Tamarchenko]. Moscow: Kulagin Publishing House; Intrada, 2008.

5. Dzhusoity Nafi. *Iron literaturæyy istori* // [Ossetian Literary History // South Ossetian Scientific Research Institute Z. V. Vaneeva]. Tskhinvali, 2016. (In Osset.)

6. Kushner A. *Kniga stikhov* // [Book of poems] *Voprosy literatury*. № 3. 1975. S. 178-189.

7. Lekmanov O.A. *Kniga stikhov kak «bol'shaya forma» v russkoy poeticheskoy kul'ture nachala XX veka; O.E. Mandel'shtam «Kamen'» (1913)*. [Book of poems as a "large form" in Russian poetic culture of the early 20th century; O. E. Mandelstam "Stone" (1913)]. Dis. Cand. Philological sciences.

8. Mamiyeva I.V. *Lavrovskiy «Sled» v osmyslenii K. L. Khetagurovym problemy intelligentsii i naroda* // [Lavrovsky's "Trace" in K. L. Khetagurov's understanding of the problem of the intelligentsia and the people] // Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 1 (29). Pp. 209-217.

9. Mstislavskaya Ye.P., Yatsunok Ye.I. *Avtorskaya kniga liriki kak yavleniye kul'tury (Problemy kompleksnogo izucheniya)* [Author's book of lyrics as a cultural phenomenon (Problems of comprehensive study)] Book. Research and materials. Coll. 71. M., 1995. P. 188-204.

10. Salagayeva Z. M. *Kosta Khetagurov i osetinskoye narodnoye tvorchestvo*. [Kosta Khetagurov and Ossetian folk art]. North Ossetian book publishing house. Ordzhonikidze, 1959.

11. Salbiyev T. K. *O tipe religioznosti Kosta Khetagurova: «Nystuan» («Zapoved'»)* // On the type of religiosity of Kosta Khetagurov: "Nystuan" ("Commandment") // *Izvestia SOIGSI*. 2014. No 13 (52). P. 73-83.

12. Fatyushchenko V.I. *Iz istorii liricheskoy knigi // Russkaya lirika revolyutsionnoy epokhi (1912—1922)*. [From the history of the lyric book // Russian lyrics of the revolutionary era (1912-1922)]. M. : Gnosis, 2008.

13. Khadartseva A. A. *Tvorcheskaya istoriya "Osetinskoy lire"*. [Creative history of the "Ossetian lyre"]. Ordzhonikidze, 1955.

14. Khetægkaty Kosta. *Iron fændyr. Zærdæyy sag»æstæ, zardzhytæ, kadzhytæ æmæ æmbisændtæ*. [Ossetian Harp, thoughts of the heart, songs, poems and fables] Dzæudzhykhæu, 2009.

Сведения об авторе

Гутиева Эльмира Тамерлановна, ст. преподаватель кафедры осетинского языка, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, Владикавказ. E-mail gutieva@list.ru

About the author

Gutieva Elmira Tamerlanovna, Senior lecturer of the Ossetian language department, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Russia, Vladikavkaz. E-mail gutieva@list.ru

УДК 811.221.18

Кудзоева А. Ф.
СИНТАКСИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА
В ПЕРЕВОДЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Kudzoeva A.F.
SYNTACTIC NORMS OF THE OSSETIAN LANGUAGE
IN THE TRANSLATION OF THE HOLY SCRIPTURES

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме кодификации осетинского литературного языка. На материале осетинского текста Библии проведен анализ нормативного и ненормативного употребления отрицательных частиц в сложноподчиненных предложениях с союзом **цалынмæ** в значении 'пока не'. Описания правила употребления отрицательной частицы в главной или придаточной части негепозитивного сложного предложения. Показано, что большинство случаев неправомерного употребления отрицательной частицы в придаточной частицы – в сложных предложениях с глаголом в условном наклонении. Сделан вывод о том, что данный факт является показателем высокой степени деструктивной интерференции.*

***Ключевые слова:** сложноподчиненное предложение, союз **цалынмæ**, отрицание, отрицательная частица, позиция частицы, наклонение глагола.*

***Abstract.** The article is devoted to the problem of codification of the Ossetian literary language. Based on the material of the Ossetian text of the Bible, an analysis of the normative and non-normative use of negative particles in complex sentences with the conjunction **tsalynmæ** in the meaning "not yet" is carried out. Descriptions of the rules for using a negative particle in the main or subordinate part of a non-positive complex sentence. It is shown that most cases of illegal use of a negative particle in a subordinate clause are in complex sentences with a verb in the conditional mood. It is concluded that this fact is an indicator of a high degree of destructive interference.*

***Key words:** complex sentence, conjunction **tsalynmæ**, negation, negative particle, particle position, verb mood.*

Под синтаксическими нормами традиционно понимаются правила построения словосочетания и предложения в конкретном языке. Синтаксис – самый глубокий, «интимный» пласт любого языка, поэтому его нормы могут отличаться и отличаются даже в близкородственных языках. Предложения с одним и тем же содержанием в разных языках чаще всего имеют разную структуру, что особенно важно учитывать при переводе.

Профессиональные переводчики руководствуются принципом «Переводятся не предложения, переводятся смысловые целые» [11, с. 252] и выполняют сегментацию действительности, то есть расчленяют информационную структуру на сегменты и проверяют их на воспроизводимость в контактных языках без потери тождества. Если этого не делать, то результатом работы будет не просто мертвый, «переводческий» язык, а квазиязык. К примеру, в телеграм канале одного из республиканских СМИ короткая заметка содержит следующее предложение: *Нæ республикайы цæрдзытæ нæм æрбарвыстой сæ фарстатæ æхсæнадон транспорты куыстыл*. Такая конструкция вполне допустима для интернет-переводчика на ранней стадии разработки сервиса, но недопустима для человека, владеющего осетинским языком. Перенос нормативной синтаксической модели русского языка ('Жители нашей республики прислали нам вопросы о работе общественного транспорта' на осетинский привел к искажению семантической структуры: 'Жители нашей республики прислали нам свои вопросы на работе общественного транспорта'. Наверно, вопросы можно отправить транспортом, если их очень много, но «на работе» этого сделать нельзя. Перед нами яркий пример синтаксической интерференции, результата взаимодействия языковых структур в условиях билингвизма, приводящего к отклонению от норм одного из взаимодействующих языков.

В лингвистике принято говорить об интерференции как явлении переноса норм родного языка на структуру неродного [9, с. 197]. В нашем случае это обратный процесс: в речи и, разумеется, в сознании билингва-переводчика русский язык (неродной) стал функционально первым, что и привело к нарушению синтаксических норм осетинского языка.

Разумеется, язык публицистики по причине специфичности ее цели – «по горячим следам» сообщить о событии, факте, оперируя простой, первичной информацией, – не может быть строго нормирован-

ным, однако он, во-первых, является показателем уровня кодифицированности языка, во-вторых, в силу проникновения во все слои общества оказывает существенное влияние на кодификацию литературной нормы.

О том, насколько высока степень синтаксической интерференции второго типа (влияние неродного языка на родной) в осетинском языке и конструктивен или деструктивен ее характер, более объективно можно судить по текстам, авторами которых являются профессиональные литераторы и переводчики. Именно поэтому материалом анализа в данной работе стал полный текст Библии на осетинском языке [5], а объектом исследования – негопозитивные сложноподчиненные предложения с придаточного времени.

Надо отметить, что отрицание – некое универсальное грамматическое средство «выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места» [10, с. 17] недостаточно изучено в осетинском языке. Отдельные статьи посвящены частным вопросам репрезентации категории негации в простом предложении [4; 8], а между тем анализ показывает, что средства выражения семантики отрицания в сложном предложении имеют свои особенности. Ниже мы постараемся показать, что осетинское отрицание не только обладает необыкновенной силой рематизации, но и обладает способностью объединять части сложного предложения в неразрывное целое.

Набор средств выражения категории негопозитивности в осетинском языке достаточно ограничен. Это отрицательные частицы *нæ* ‘не’, *ма* ‘не’, *нал* ‘больше не’, отрицательные местоимения и местоименные наречия [1, с. 104; 2, с. 449]; при этом функции и позиция каждого отрицательного слова четко распределены: клитики тяготеют ко второй позиции перед глаголом сказуемым независимо от типа отрицательности предложения (частноотрицательные или общеотрицательные), при глаголе в изъявительном наклонении употребляется частица *нæ*, в повелительном наклонении – частица *ма*, с глаголом в желательном или условном наклонении могут быть частицы *ма* или *нæ* [6]. Относительно позиции отрицательных местоимений Д. Эршлер отмечает, что в осетинском языке «можно говорить об «отрицательном передвижении» – ОМ передвигаются в предглагольную позицию» [12, с. 90].

В грамматиках подчеркивается монологичность осетинского языка: предложение может содержать одновременно не больше одного

средства отрицания – при наличии в нем отрицательного местоимения или наречия (или того и другого вместе) отрицательной частицы в нем быть не может [3, с. 75]. Это утверждение верно и для простого, и для сложного предложения. Но остается неисследованным вопрос о распределении средств негепозитивности по частям сложного предложения. Сохраняется ли и в этом случае монологативность? И если да, то с чем связано расположение отрицательного слова в той или иной части сложного предложения?

Рассмотрим сложноподчиненные предложения с союзом *цалынмæ*, соответствующим русским союзам ‘пока’, ‘пока не’. (Мы поддерживаем мнение, что в русском языке это два разных союза: «Иногда показатель грамматического отрицания «не» входит в состав подчинительного союза. Таков временной союз «пока не». СПП, в которых он употребляется, выражают предел временной длительности действия, репрезентированного глаголом несовершенного вида в главной части» [7, с. 94].)

Сложноподчиненное предложение с союзом *цалынмæ* в значении ‘пока не’ имеет в своем составе отрицательную частицу (*нæ* или *мæ*). Нормативная синтаксическая модель такого отрицательного предложения тесно связана с модально-временными характеристиками глагола-сказуемого и регулируется следующими правилами (выводы сделаны на основании анализа более 300 предложений):

1) негепозитивное сложноподчиненное предложение в осетинском языке может иметь отрицательную частицу только в одной части – главной или придаточной;

2) отрицательная частица находится в главной части сложноподчиненного предложения, если:

– в обеих частях сложного предложения глаголы имеют форму прошедшего времени изъявительного наклонения: *Дунедарæджы амындаей-у ацыдысты сæ фæндагыл израилæгтæ æмæ-у Дунедарæджы амындаей сæрлаууыдысты: цалынмæ-у Уаз Цæрæны сæрмæ мигъ бадти, уæдмæ сæ бынатæй не змæлыдысты* (Ным 9: 18) ‘По велению Господа отправлялись в путь из сыны Израилевы по указанию Господа останавливались: пока над Священным Жилищем стояло облако, они не двигались с места’ (*здесь и далее обратный перевод мой – А.К.*);

– в главной части глагол в прошедшем времени изъявительного наклонения, придаточной – глагол в условном наклонении: *Къавдайы баэсты уын Дунедараэг уаэ заххыл рыг аема фаянык аеруарын каендзаен, аема уаэ **цалынма быныскъуыд факена**, уаэдма **на банцайдзени** уыцы уарын* (Фэл 28:4) ‘вместо дождя Господь прольет на вашу землю пыль и пепел, и не остановится тот дождь, пока все вы не будете истреблены’;

– в главной части глагол в повелительном наклонении, в придаточной – в условном: *Хаераджы разма таяр, аема дын **цалынма заэгъон**, уаэдма **ма ’рлауу!*** (4 Пад 4:24) ‘Тони вперед ослицу и не останавливайся, пока я тебе не скажу’;

– в обеих частях глаголы в условном наклонении: *Аарон-уу Рухсмонуатма таяригъаэтам ссыгъдаэг канынма куы бацауа, уаэд **хъуаме Фембалды Цатыры** иуняг адаймаг даяр **ма уа, цалынма фастамае рацауа**, уаэдма* (Лев 16: 17) ‘Когда же войдет в Святилище Аарон для очищения его от грехов, то ни одного человека не должно быть в скинии до тех пор, пока он не выйдет’;

3) отрицательная частица находится в придаточной части сложно-подчиненного предложения, если при ней глагол имеет форму прошедшего времени изъявительного наклонения, а в главной части ему соответствует:

– глагол в условном наклонении: *Ма уарзон хариная мын сцэттае каен, аема дзы аэз бахарон, цамсай дын, **цалынма нама амардтаен**, уаэдма арфа **ракаенон*** (Райд 27:4) ‘Приготовь мне мои любимые кушанья, и отведаю я их, чтобы я благословил тебя, по ка я не умер’;

– глагол в повелительном наклонении: ***Цалынма** йаэм фенынма **нама ацыды**, уаэдма-уу сауджын **бафадзыхсед**, цамсай хадзары цыдариддар ис, уыдон аэддаема рахэссой, науад хадзары алыдыар нымад аерцаудзаен аенасыгъдагыл* (Лев 14:36) ‘Пока он не ушел посмотреть на него, пусть священник накажет, чтобы все, что есть в доме, вынесли наружу, иначе все в доме станет нечистым’;

В данном случае основным является вывод о том, что в предложении с союзом *цалынма* отрицательная частица в придаточной части сочетается только с глаголом в изъявительном наклонении в форме прошедшего времени. Именно с нарушением этого правила связаны, в основном, случаи плеонастического употребления отрицательных

частиц в осетинском тексте Библии: *Иу бон, дыууæ бонь, фондз, дæс кæнæ ссæдз бонь йæ нæ хæрдзыстут, фæлæ сæнæхæн мæй, цалынмæ уæ хъæлæсæй кæлын нæ райдайа æмæ йыл æлгъ кæнын нæ райдайат, уæдмæ!* (Ным 11: 19-20) ‘Не один день, не два дня, не десять или двадцать вы будете это есть, а целый месяц, пока не начнет оно исторгаться из вашего горла и не начнете вы им брезговать’. Нормативная модель: ... *цалынмæ уæ хъæлæсæй кæлын райдайа æмæ йыл æлгъ кæнын райдайат, уæдмæ!* – букв. ‘до тех пор, когда оно начнет исторгаться из вашего горла и вы станете им брезговать’.

Большинство нарушений нормы, по нашим наблюдениям, в книгах Левит и Второзакония. При этом переводчик (или редактор) колеблется между нормой и не-нормой: в главе 22 книги Левит стих 4 не содержит плеонастического отрицания, в а стихе 6 эта норма нарушена: *Аароны байзæддæгтæй хъотырæй рынчын чи уа кæнæ йæ цъæй кæмæн миза, уый кувинæгтæй ма хæрæд, цалынмæ ссыгъдæг уа, уæдмæ* (22:4) ‘Кто из потомства Аарона будет болеть проказой или истекать гноем, тот пусть не ест жертвенного кушанья до тех пор, пока не очистится’ – *Цалынмæ йæхи нæ цынайна, уæдмæ йын кувинæгтæй хæрыны бар нæй* (22:6) ‘Пока не искупается, до тех пор он не имеет права есть жертвенное кушанье’.

Не приходится сомневаться в причине интерференции – это перенос нормативной модели русского предложения на осетинскую конструкцию. Деструктивность такой интерференции заключается не в том, что в большом тексте, подготовленном группой переводчиков, обнаружились неправильно построенные конструкции, а в том, такие ошибки допущены профессиональными переводчиками и редакторами, что говорит, во-первых, о высокой, опасной степени интерференции, и, во-вторых, о недостаточной кодифицированности осетинского литературного языка.

Библиографический список

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 487 с.

3. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть 2. Ордзоникидзе: Ир, 1982. 495 с.

4. Багаева Л.К. К вопросу о двойном отрицании в английском и осетинском языках // Осетинская филология. Вып. 2. Ордзоникидзе, 1981. С. 59-65.

5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. Москва: Российское библейское общество. 2011. 1407 с.

6. Выдрин А. П. Глагольные частицы нæ и ма в осетинском языке // На пастбище Мысли Благой. Сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург, 2015. С. 109-119.

7. Гаврилова Г.Ф., Ковтуненко И.В. Категория негации и языковые средства ее выражения в сложном предложении (на материале русского и французского языков) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2 (36). С. 92-97.

8. Кудзоева А.Ф. Об одном случае плеонастического отрицания в современном осетинском языке // Тенденции развития науки и образования. 2023. №100. Часть 3. С.156-159.

9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

10. Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры. 2013. 304 с

11. Черняховская Л А. Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976. 262 с.

12. Эршлер Д.А. Отрицательные местоимения в осетинском языке: ареальные и типологические аспекты // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 84 – 105.

References

1. Abaev, V.I. (1959). Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka [A grammatical sketch of the Ossetian language]. Ordzhonikidze. (In Russ.)

2. Bagaev, N.K. (1965). *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Chast'1*. [Modern Ossetian language. Part 1.]. Ordzhonikidze (In Russ.)

3. Bagaev, N.K. (1982). *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Chast'2*. [Modern Ossetian language. Part 2]. Ordzhonikidze (In Russ.)

4. Bagaeva, L.K. (1981). *K voprosu o dvoynom otritsanii v angliyskom i osetinskom yazykakh // Osetinskaya filologiya* [On the issue of double negative in English and Ossetian languages] Ossetian philology. Vol. 2. Pp 59-65. (In Russ.)
5. Bible. (2022). *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskiye. Sovremennyy russkiy perevod* [Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. Modern Russian translation]. Moscow. (In Osset.)
6. Vydrin, A.P. (2015). *Glгол'nyye chastitsy nae i ma v osetinskom yazyke* [Verb particles *nae* and *ma* in the Ossetian language]. On the pasture of Good Thoughts. Collection of articles for the anniversary of I.M. Steblin-Kamensky. St. Petersburg, Pp 109-119. (In Russ.).
7. Gavrilova, G.F., Kovtunenکو, I.V. (2016). *Kategoriya negatsii i yazykovyye sredstva yeye vyrazheniya v slozhnom predlozhenii (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [The category of negation and linguistic means of its expression in a complex sentence (on the material of the Russian and French languages)]. Vector of science of Togliatti State University. 2 (36). Pp. 92-97. (In Russ.).
8. Kudzoeva, A.F. (2023). *Ob odnom sluchaye pleonasticheskogo otritsaniya v sovremennom osetinskom yazyke* [About one case of pleonastic negation in the modern Ossetian language] Trends in the development of science and education. 100. Part 3. Pp. 156-159. (In Russ.).
9. Linguistic encyclopedic dictionary (1990). Moscow. (In Russ.).
10. Paducheva, E.V. (2013). *Russkoye otritsatel'noye predlozheniye* [Russian negative sentence]. Moscow. (In Russ.).
11. Chernyakhovskaya, L. A. (1976). *Perevod i smyslovaya struktura* [Translation and semantic structure]. Moscow. (In Russ.).
12. Ershler, D.A. (2010). *Otritsatel'nyye mestoimeniya v osetinskom yazyke: areal'nyye i tipologicheskiye aspekty* [Negative pronouns in the Ossetian language: areal and typological aspects] Questions of linguistics. 2010. 2. Pp. 84 – 105. (In Russ.).

Сведения об авторе

Кудзоева Анжела Федоровна, руководитель Центра развития осетинского языка, кандидат филологических наук, доцент, Институт

истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Россия,
г. Владикавказ. E-mail: andjik@inbox.ru

About the author

Kudzoeva Angela Fedorovna, Head of the Center for the Development of the Ossetian Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia. E-mail: andjik@inbox.ru.

УДК 81

Ришика Катаян
КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ХИНДИ

Dr. Hrishika Katyayan
COGNITIVE AND LINGO-CULTURAL ASPECTS OF TRANSLATION
OF RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE INTO HINDI

***Аннотация.** Данная статья посвящена когнитивным и лингвокультурным аспектам перевода русской детской литературы на язык хинди. Статья рассматривает приемы передачи уменьшительно-ласкательных форм русских имен собственных, повторяющихся единиц, в частности лексических; способы передачи фольклорных и традиционных формул на языке хинди. Для исследования взяты материалы нескольких авторов, такие как рассказ «Филипок» Л.Н. Толстого, стихотворение «Телефон» К. Чуковского и рассказ «Подснежник» Ивана Бунина.*

Ключевые слова: когнитивные аспекты, ласкательные имена, традиционные формулы, транслитерация, перевод.

***Abstract.** This article is dedicated to the cognitive and linguo-cultural aspects of translating Russian children's literature into Hindi. The article discusses the methods of rendering the diminutive and affectionate forms of Russian proper names, repeating units, in particular lexical ones, as well as the transmission of folklore and traditional formulas in the Hindi language. For the study, materials from several authors were taken, such as the story "Filipok" by L.N. Tolstoy, the poem "Telephone" by K. Chukovsky and the story "Snowdrop" by Ivan Bunin.*

Keywords: cognitive aspect, affectionate nick names, traditional formulas, transliteration, translation.

Вопрос перевода художественных текстов на иностранный язык всегда остается уместным, поскольку важнейшим элементом зада-

чи переводчика состоит познание иных культур. Как отмечает В. фон Гумбольдт «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы понимаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [1, с. 349].

Согласно В.И. Заботкиной «Для успешного контакта двух культур необходимо, чтобы две системы знаний либо полностью совпадали (что является исключительным случаем), либо имели *tertium comparationis*, либо были переводимы одна в другую» [2, с. 628].

Передача значения уменьшительно-ласкательных форм является самой сложной задачей, так как при передаче на другом языке, в данном случае мы говорим о языке хинди, в большинстве случаев теряется смысл, искажается ритмичность текста. Любая языковая концепция в данной языковой картине мира представляет собой некий культурный код зависимо от смыслового восприятия и ментальности. По мнению Ф. де Соссюра «если бы слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них находило бы точные смысловые соответствия в любом языке; но в действительности это не так» [3, с. 149].

В качестве альтернативного варианта перевода слов с суффиксами «-ок», «-ик», можно было бы использовать также эпитеты на хинди छोट (chhota) (comparatively little; limited in size, number, importance). С точки зрения отражения в тексте перевода экспрессивной оценки *незначительности, малости* варианты перевода представляются нам наиболее релевантными.

Обычно при передаче имен собственных лингвисты ориентируются на прием транслитерации, при котором неоднозначных моментов становится меньше, так как используется соответствующая система символов, но перевод далеко не всегда может отражать реальное значение слова. Например, Филипок (маленький Филипп) при помощи транслитерации был переведен как फिलिपोक (*Filipok*), что, с одной стороны, фонетически и этимологически оправдано, однако, с точки зрения семантики, не совсем удачно, так как читателю может быть непонятно, кто это.

Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и тоже собрался идти. Но мать сказала ему:

Куда ты, Филипок, собрался?

– *В школу.*

– *Ты ещё мал, не ходи.*

Для непостоянного читателя, который еще не знаком с русским художественным творчеством такие ласкательные имена создают сложности при восприятии текста. Изучающие язык студенты обращаются с вопросами и спрашивают иногда почему это так в русском языке.

Например, для перевода имени *Подснежник* можно использовать транслитерацию. Однако иногда лучше создать неологизм с помощью калькирования «गुलचाँद» (Gulchand).

В некоторых случаях, когда использование уменьшительно-ласкательного суффикса несет в себе оценочное значение, а не эмоциональное отношение, возможен вариант добавления слова छोट्टा (Chpota), नन्हें (nanhe), प्यारे (pyare) что позволит компенсировать оттенок малости, выраженный суффиксом.

Существенным признаком детской литературы на русском языке является система повторяющих элементов речи. Повтор, являющийся одним из наиболее эффективных художественных приемов на русском языке, при этом придает тексту возвышенную эмоционально-экспрессивную оценку. Повторы могут быть звуковым, грамматическим (повторы глагольных форм), сюжетным.

При переводе повторяющих единиц могут возникнуть отдельные трудности. К примеру, можно привести просодический повтор, за счет которого строятся ритм и рифма.

Что вам надо? – Шоколада.

– *Для кого? – Для сына моего.*

К. Чуковский «Телефон»

– *आपको क्या चाहिए ? (aapko kya chahiye)?*

– *चाँक्लेट (Chocolate)*

– *किसके लिए ? (Kiske liye?)*

– *मेरे बेटे के लिए ? (Mere bete ke liye?)*

Однако встречаются случаи, когда повторы не сохраняются, и переводчик прибегает к оптимальному сохранению ритмичности в тексте.

Неужели в самом деле

все сгорели карусели?

क्या ये वाकई सच है ? (kya ye vaakee sach hai?)

क्या सारे हिंडोले जल गये? (kya saare hindole jal gaye?)

Фольклорные формулы, являются особым моментом для переводчика, и представляют наибольший интерес и трудность для перевода.

Жили-были, в тридевятом царстве, в некотором государстве.

Традиционные формулы никак невозможно передать в другом способе, насколько бы переводчик не старался сохранить напевность словесных единиц.

Заключение

В заключении можно сказать, что при переводе детской литературы переводчику важно передать не только смысловую и эмоциональную нагрузку текста, но и сохранить национальную самобытность, так как в литературе происходит демонстрация культуры. Как мы выяснили, основной целью перевода является получение в результате адекватного переводного текста, с идентичным оригиналу воздействием на читателя и сохранением национально колорита.

Библиографический список

1. Гумбольдт В.фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс–1985. 451 с.
2. Заботкина В.И. Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012.
3. Ссосюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1977. 695 с.
4. Филипок – рассказ Льва Толстого, читать онлайн (nukadeti.ru).
5. «Телефон» Корней Чуковский – читать текст (chukfamily.ru).
6. Подснежник – рассказ Ивана Бунина, читать онлайн (nukadeti.ru).

Сведения об авторе

Ришика Катаян, доцент кафедры Российского университета Кералы, Тируванантапурам. E-mail: hrishikakatyayan@gmail.com.

About the author

Dr. Hrishika Katyayan, Assistant Professor Department of Russian University of Kerala, Thiruvananthapuram. E-mail: hrishikakatyayan@gmail.com.

УДК 81'367

Сланова М. А.
НЕСОГЛАСОВАННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ОСЕТИНСКОМ

Slanova M. A.
INCONSISTENT ATTRIBUTES IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AND THEIR CORRESPONDENCE IN OSSETIAN

***Аннотация.** В статье рассматриваются средства выражения несогласованных определений и порядок их следования как в русском? так и в осетинском языках, дается сравнительно – сопоставительный анализ несогласованных определительных конструкций, установлены сходства и различия между ними, определены особенности структуры определительных конструкций в осетинском языке.*

***Ключевые слова:** несогласованные определения, русский язык, осетинский язык, выражаться, оформляться, соответствие, предлог, падеж.*

***Abstract.** The article examines the means of expressing inconsistent attributes and the order of their sequence in both Russian and Ossetian languages, provides a comparative analysis of inconsistent attributes constructions, identifies similarities and differences between them, and defines the features of the structure of definitional constructions in the Ossetian language.*

***Keywords:** inconsistent attributes, Russian, Ossetian language, to express, to formalize, correspondence, preposition, case.*

Определение в русском языке имеет свои разновидности, которые отличаются и по значению, и по форме. Это согласованные определения, несогласованные определения и приложение как особый вид определения. Выделение этих разновидностей учитывает способ выражения определения и тип связи с определяемым словом.

В осетинском же языке все определения несогласованные, так как здесь определение не может согласоваться с определяемым словом ни в

падеже, ни в числе. Осетинское определение, выраженное прилагательным, причастием, порядковым числительным и местоимением-прилагательным при склонении с определяемым словом не изменяется по падежам и числам. Кроме того, в осетинском вообще нет категории рода. Отсюда следует, что в осетинском языке определение связано с определяемым словом только по способу управления или примыкания. Именно такие несогласованные определения нам предстоит описать в этой статье.

В русском языке несогласованные определения чаще всего выражаются падежными формами или предложно-падежными сочетаниями, реже – сравнительной степенью прилагательного, местоимением в родительном падеже, инфинитивом, наречием, цельными неделимыми словосочетаниями. В отличие от русского языка, несогласованные определения в осетинском, кроме указанных выше способов, могут выражаться и прилагательными, причастиями, некоторыми разрядами местоимений и числительных.

Очень часто несогласованное определение в русском выражается существительным в родительном падеже без предлога. Такое определение выражает атрибутивные отношения с оттенком принадлежности или качественно-относительной характеристики: *луч солнца, след волка, ножка стула*. Этот тип определения исключительно распространенный. В осетинском он находит самое близкое соответствие с той разницей, что здесь определение всегда стоит в препозиции: *хуры тын (луч солнца), бирæгъы фæд (след волка), бандоны къæх (ножка стула)*. Любопытно, что в осетинском они могут быть заменены синонимичными словосочетаниями, имеющими то же значение, но иную конструкцию: *хураен йæ тын, бирæгъаен йæ фæд*. Такие сочетания различаются только стилистически. Дежурными, то есть более употребительными, являются словосочетания типа *хуры тын, бирæгъы фæд*.

Реже несогласованное определение в русском языке оформляется существительным в творительном падеже без предлога. При этом оно обозначает качественно-относительную характеристику: *хвост морковкой, шляпа котелком, вязание крючком*. Сочетания такого типа напоминают фразеологизмы и у них в осетинском нет прямых точных соответствий.

Несогласованные определения могут выражаться существительными и с предлогами. Например: 1. Родительный падеж с предлогом *из*:

кувшин из глины, сумка из доскутков. В осетинском таким сочетаниям соответствуют существительные в отложительном падеже: *алыгаей дурын, гæппæлтæй хызын.*

С предлогом *от*: *лекарство от кашля, ключи от замка.* Им соответствуют осетинские сочетания с родительным падежом: *хуыфæджы хос, гуыдыры дæггæлтæ.*

С предлогом *до*: *поезд до Москвы, платье до пят.* В осетинском – тот же родительный падеж с послелогом: *Мæскуыйы онг поезд, зæвæтты онг къаба.* Но сочетания такого рода в осетинском не являются определениями. Они скорее обстоятельства.

С предлогами-синонимами *у, около, близ, вблизи*: *женщина у стены, ирам около глаза, деревья близ города, кафе возле парка, ручеек вблизи дома.* Но в этих конструкциях чувствуется еще и значение обстоятельства места. В осетинском же употребляется опять форма родительного падежа с послелогом тоже со значением обстоятельства места: *скъолайы бакомкомæ агъуыст, театры алывар дидинджытæ, цæсты цур нос.*

С предлогом *без*: *дом без дверей, туфли без шнурков.* Здесь в осетинском используется уже не послелог, а префикс *æнæ-*. Следовательно, осетинский вместо русских предложных конструкций использует прилагательные, образованные при помощи этого самого префикса *æнæ-*: *æнæдуар хæдзар, æнæбæттæн дзабыртæ.*

С предлогом *для*: *банки для варенья, книги для детей.* В осетинском – дательный падеж: *мурабайæн банкæтæ, сывæллæттæн чингуытæ.* Правда, эти осетинские соответствия редко употребляются, в этих конструкциях больше чувствуется наличие косвенного дополнения, но не определения. Здесь более привычными являются сочетания с родительным падежом: *мурабайы банкæтæ, сывæллæтты чингуытæ.*

В осетинском основным средством выражения определения является родительный падеж с послелогом: *зæххы бын уагъд трубаæ, (труба, проложенная под землей, или проложенная под землей труба), бæмбæджы хуызæн кæрдзын (мягкий хлеб), мады аккаг къаба (платье, подходящее матери).* Как показывают примеры, таким словосочетаниям в русском эквивалентами являются причастные обороты, прилагательные или же они являются частью сложноподчиненного предложения.

2. Дательный падеж с предлогом **по**: *специалист по физике, родственник по матери*. Такие словосочетания в осетинском оформляются существительными в родительном падеже: *физикайы специалист, мадырдыгæй хæстæг*.

С предлогом **к**: *тропинка к дому, ужин к празднику, пирог к чаю*. В осетинском они могут быть выражены существительным в направительном падеже: *къæхæндаг хæдзармæ*, или же являются частью сложноподчиненного предложения.

В осетинском часто встречаются определения, выраженные дательным падежом в отдельности – *рынчынтæн хостæ* (лекарства больным), *аргъæуттæ сывæллæттæн* (сказки детям). Как показывают примеры, в русском эти сочетания устроены по такому же образцу, но имеют не атрибутивное значение, а являются косвенными дополнениями. Но, как отмечалось выше, в осетинском определения еще могут быть выражены дательным падежом с притяжательным местоимением: *сывæллонаен йæ хъазæнтæ, адамаен сæ хæдæрттæ*, или причастием: *цъындатæн бæзгæ тæбын, рынчынтæн хъæугæ хостæ*.

Здесь и в русском языке используются существительные в родительном падеже без предлога: *дома людей*, или же являются частью сложноподчиненного предложения.

3. Винительный падеж с предлогом **в**: *дверь в зал, ткань в горошек, прогулка в дождь*. Такие сочетания в осетинском, можно сказать, не имеют близких соответствий и если даже возможно их передать на осетинском языке, это не будет говорить о постоянных соответствиях между такими конструкциями в двух языках. В данном случае несколько сочетаний типа *ткань в горошек* в осетинском случайно (но не постоянно) оказались эквивалентными сочетаниями типа *тæппытæ хъуымац* (их только три, вот еще два таких сочетания: *дæргытæ хъуымац* (ткань в полоску), *чырынтæ хъуымац* (ткань в клетку)).

С предлогом **на**: билет на концерт, вопросы на экзамен, **а в осетинском – существительное в направительном падеже**: *билет концертмæ, фарстатæ экзаменмæ*.

С предлогом **за**: зарплата за месяц, награда за мужество. В осетинском они могут соответствовать существительным в родительном падеже: *маейы мызд, хъæбатырдынады хорзæх*.

С предлогом **под**: *пение под музыку, бумага под дерево*. Такие сочетания в осетинском могут быть оформлены существительными в совместном падеже: *музыкаимæ зард*, или же прилагательным *хъæдхуыз гæххæтт*.

4. Творительный падеж с предлогом **с**: *чай с лимоном, бабушка с дедушкой, человек с юмором*. Здесь в осетинском используется существительное в совместном падеже: *цай лимонимæ*.

С предлогом **под**: *стул под столом, домик под горой*. В осетинском таким сочетаниям соответствует существительное в родительном падеже с послелогом: *стъолы бын бандой, хохи бын къæс*. Но они в разряд определений включаются с трудом.

5. Предложный падеж с предлогом **в**: *рыба в воде, мужчина в форме*. В осетинском – существительное опять-таки в родительном падеже: *къасаг доны, къасаг доны мидæг*.

С предлогом **на**: *сапоги на цигейке, опыт на лягушке, работа на заводе*. Такие конструкции в осетинском оформляются существительными в внешне-местном падеже *фæлварæн хæфсыл*, или же родительным падежом *заводы куыст*.

С предлогом **при**: *мужчина при деньгах, библиотека при университете*. В осетинском языке таким сочетаниям могут соответствовать прилагательные: *æхцаджын лæг*, или же существительное в совместном падеже: *æхцаимæ лæг*, или существительное в родительном падеже *университеты библиотеке*. Впрочем, они в русском языке имеют аналогичные осетинским конструкции: *университетская библиотека*.

В отличие от русского, в осетинском очень часто бывают случаи, когда в качестве определения выступает существительное в именительном падеже. Речь идет о конструкциях типа *фæсмыи хæлаф (фæсмын – шерсть), рыг фæндаг (рыг – пыль), фæткъуы бæлас (фæткъуы – яблоко)*. Этим определениям-существительным в русском языке идеально соответствуют прилагательные, и выделенные здесь слова по-русски означают: *шерстяной, пыльный, яблоневый*. Они настолько известны и популярны в осетинском, что вовлекли в свои ряды даже заимствованные существительные: *капрон хæдон – капроновая рубашка, каракул худ – каракулевая шапка, лавсан хъуымац – лавсановая ткань, бетон фæндаг – бетонная дорога*.

Совершенно обычны такие словосочетания: *авзист уидызг – серебряная ложка, сыгъзарин къухдарæн – золотое кольцо, æрхуы аг – медный котел или чызг ус – молодая женщина, лæппу адаеймаг – молодой человек, сываллон чызг – юная девушка.*

Многие из этих определений в русском соответствуют приложениям: *студент чызг* по-русски будет звучать как *девушка-студентка*, однако по-осетински подразумевается, что девушка является студенткой, а не наоборот! А вот *чызг студент* как раз означает, что студент является девушкой. В русском только одна конструкция *девушка-студентка*, в осетинском же имеются оба варианта – *студент чызг* и *чызг студент* со своими собственными значениями. И так же ведут себя и другие примеры *ус дохтыр* (или *дохтыр ус*) – *женщина-врач*, *чызг-милиционер* (*милиционер чызг*) – *девушка-милиционер*.

Кроме падежных форм и предложно-падежных сочетаний, в русском языке несогласованные определения могут оформляться:

а) сравнительной степенью прилагательного: ему достался *кабинет светлее, нет человека умнее его*. Подобные сочетания в осетинском устроены по такому же образцу: *мадаей зеронддаер, лæппуйæ курдиатджындæр*.

б) Местоимением в родительном падеже: я узнал *его историю, их книги*. В осетинском языке они имеют точные соответствия: *йæ хъуыддагтæ, сæ чингуытæ*.

в) Инфинитивом: *повеление переправиться, желание встретиться*. В осетинском языке они тоже соответствуют инфинитиву, но только в форме опять-таки родительного падежа. Это особенность осетинского языка, осетинского определения. С точки зрения другого языка, оно немыслимо, но в осетинском является очень уместным, вполне обычным: *ахуыркæныны магт – забота об учебе, ацæуыны фæндон – желание уйти*.

г) Наречием: *глаза навькат, прогулка верхом, пуля навьлет*. В осетинском такие сочетания редки: *хъæраей ныхас – громкая речь, балиц уæлбхæй – прогулка верхом*.

Особо надо выделить такие случаи, когда несогласованные определения, выраженные предложно-падежными словоформами, образуют цельное неделимое словосочетание: *человек острого ума, красивой наружности, девушка с голубыми глазами, собачка английской*

породы. В осетинском такие сочетания могут соответствовать принципиально отличным структурам: *цыргъ зонды хицау, рæсугъд бакаст-джын, цъæхцæст чызг, хорз куыдзы мыггаг*.

Из сказанного следует, что несогласованные определения в русском языке не всегда имеют прямых и точных соответствий в осетинском, а иногда вообще оформляются принципиально-отличными способами.

Библиографический список

1. Ахвледиани Г.С. Грамматика осетинского языка. Том II. Синтаксис. Орджоникидзе, 1969.
2. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Часть II. Синтаксис. Орджоникидзе, 1983.
4. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 2003.
5. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть первая. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.
6. Гагкаев К.Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе, 1956.

References

1. Akhvlediani G.S. Grammar of the Ossetian language. Volume II. The syntax. Ordzhonikidze, 1969.
2. Babaytseva V.V. Syntax of the Russian language. M.: FLINTA; Science, 2015.
3. Bagaev N.K. Modern Ossetian language. Part II, Syntax. Ordzhonikidze, 1983.
4. Valgina N.S. Modern Russian language. The syntax. Moscow: High School, 2003.
5. Vinogradov V.V. Grammar of the Russian language. Volume II. The syntax. Part one. Publishing House of the USSR. Moscow: Academy of Sciences, 1954.
6. Gagkaev K.E. Syntax of the Ossetian language. Ordzhonikidze, 1956.

Сведения об авторе

Сланова Марина Алихановна, старший преподаватель кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал. E-mail: slanova5031971@gmail.com.

About the author

Slanova Marina Alikhanovna, senior lecturer of the Russian language department, South Ossetian State University. A.A. Tibilov, Republic of South Ossetia, Tskhinval. E-mail: slanova5031971@gmail.com.

СЕКЦИЯ 1 г
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
В ЭПОХУ ВСЕОБЩЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(СТУДЕНТЫ, БАКАЛАВРЫ, МАГИСТРАНТЫ, АСПИРАНТЫ)

УДК 81

Багаева А. А.
АНАЛИЗ ОППОЗИЦИОННЫХ КОНЦЕПТОВ
ХУЫЦАУ/ ХАЕЙРАЕГ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Bagaeva A.A.
THE ANALYSIS OF THE OPPOSITIONAL CONCEPTS
IN THE OSSETIAN CULTURAL LINGUISTICS
(ON THE BASIS OF PROVERBS AND SAYINGS)

Аннотация: В процессе всей жизнедеятельности в человеческом сознании формируется некая система идей и представлений действительности, называемой в науке картиной мира. Она в свою очередь раскрывает видение мира представителей того или иного языка. Языковая картина мира репрезентирует схему поведения индивида в различных ситуациях. Посредством паремий мы можем расшифровать «морально-этический код» того или иного общества. Интерпретация пословиц и поговорок позволяет нам ознакомиться с моральными ценностями лингвокультурного общества.

Настоящая статья посвящена анализу концептов «Хуыцау» – «Хаейраег» в осетинской лингвокультуре на парадигматическом и синтагматическом уровнях. В результате анализа были выявлены общие и дифференциальные признаки исследуемых оппозиционных концептов, которые в контексте совместной встречаемости выступают в качестве антонимичных пар. **Научная новизна** данной статьи обусловлена тем, что концепты «Хуыцау» и «хаейраег» не были ранее противо-

поставлены в рамках одного научного исследования, и в частности тем, что поговорки с компонентами «Хуыцау» и «Хаеыраг» не были исследованы на синтагматическом и парадигматическом уровнях.

Ключевые слова: Хуыцау, хаеыраг, поговорки, поговорки, осетинская лингвокультура.

Abstract. *The system of some ideas and the representation of reality which is called the world language picture is being formed during the lifetime in human's mind. It reveals itself the vision of the world of the native speakers and represents the human's behavior in various situations. By means of the proverbs as well as their interpretation we can «decipher» the «moral and ethnic code» and the moral values of the society.*

The article deals with analysis of the concepts «God» and «Devil» in Ossetian cultural linguistics at the paradigmatic and syntagmatic levels. As a result of the analysis, common and differential features of the studied oppositional concepts were identified, which in the context of common occurrence act as antonymous pairs. The scientific novelty of this article on the one hand is due to the fact that the concepts of “God” and “devil” were not previously opposed within the same scientific research, and on the other hand – the proverbs with the components “God “ and “devil” have not been studied at the syntagmatic and paradigmatic levels.

Key words: God, devil, proverbs, sayings, ossetian cultural linguistics.

Человек, будучи носителем языка и определенной культуры, становится основным объектом исследования в современной лингвистике, в результате смены парадигмы и укоренения антропоцентрической парадигмы, а стержневым становится понятие концепта, образующее национальную концептосферу.

Вслед за В.А. Масловой, мы понимаем концепт как «вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры. Это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций (собственно лексических, фразеологических, афористических), образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной

спецификой» [9, с. 296]. Как «сгусток культуры в сознании человека» дефинирует концепт Ю.С. Степанов. Согласно ученому, в состав концепта входит все, что делает его фактом культуры, а именно, исходная форма (этимология), история, сжатая до основных признаков содержания, современные ассоциации, оценки и т.д. «Это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нею» [14, с. 248]. С.Х. Ляпин называет концепты «своеобразными культурными генами, входящими в генотип культуры» [8, с. 11-35]. А В.И. Карасик определяет концепты «как первичные культурные образования, которые существуют в культурно-историческом пространстве народа, определяют его менталитет и транслируются в разные сферы бытия человека, как коллективные ментальные образования, фиксирующие своеобразие культуры (ментальная проекция элементов культуры) [6, с. 38].

В силу наличия в структуре концепта ценностной составляющей, он может рассматриваться, по Г.Г. Слышкину и В.И. Карасику, как лингвокультурный концепт. Основное отличие его от лингвокогнитивного концепта заключается в том, что, по мнению ученого лингвокогнитивный концепт – это «направление от индивидуального сознания к культуре», а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [7, с. 75-79]. Основная идея концепта сосредоточена вокруг ценности, поскольку культура исследуется посредством концепта, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. «Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, скучно и т. д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт» [6, с. 12].

Концепты добро/зло, вербализирующие оппозиции нравственно-этических норм, представляя собой ключевые смысловые единицы в национальной культуре многих народов. «Данные понятия добро-зло являются диалектически нерасторжимыми единствами, семантически противопоставляемыми представителями одного народа в зависимости от социальных и возрастных стереотипов» [12, с. 18].

Для каждой народности и каждой религии характерно восприятие действительности в рамках нравственно ориентированного вероуче-

ния, которое формируется, прежде всего, на общих представлениях о Добре и Зле. А добро и зло, в свою очередь, очень часто находят свое отражение в образах Бога и Дьявола (Черта), особенно в христианском мире. Можно с уверенностью сказать, что эти представления абсолютно равноположены, универсальны и являются базовыми для всех народов, что дает возможность проводить параллели между различными лингвокультурами посредством языковых исследований, на материале паремий, изречений, афоризмов.

Оппозиционные концепты формируются на основе противоположных единиц, в которых, однако, выявляются и общие признаки. В результате исследования и интерпретативного анализа паремий были сделаны следующие выводы: в структуре концептов *Хуыцау* и *Хаеыраег* были определены общие признаки в связи с пониманием Бога и Дьявола как универсальных, единственных в своем роде явлений. Доказательством этому является написание с заглавной буквой лексических единиц, репрезентирующих данные концепты. В осетинской лингвокультуре с заглавной буквы пишется только лексема репрезентирующая концепт *Хуыцау*, как единственная и неповторимая высшая сила, имеющая огромную власть *Хуыцаутты Хуыцау* 'Бог всех Богов', *Аенустаем барджын иунаег Хуыцау*, *Дуне дараег Стыр Хуыцау*, *Алцыдаер Хуыцауаеи даетгае у* 'все дается от Бога', *Дуне сфаелдисаг Стыр Хуыцау* 'Бог сотворил мир', *Хуыцау адаемаен иумыййаг у*, 'Бог для всех один' *Дунейы ис иу хицау*, *аемаей уый у Хуыцау* 'в мире есть один хозяин и это Бог'. Если в проводимых ранее исследованиях в английской или русской лингвокультурах Бог и дьявол относятся к мужскому полу, то в осетинской лингвокультуре не была выявлена принадлежность данных лексем к определенному полу, что связано прежде всего с тем, что гендерная принадлежность в осетинском языке на уровне личных и притяжательных местоимений не выражена. Местоимениям 3го лица единственного числа в осетинском языке соответствует одно личное местоимение «уый» и притяжательное «йае», которые не определяют пол *хаеыраегаен йаехион– йаехи Хуыцау мае йае цинаей фаецаерын кодта*, *йае уындаей мае нае бафсаеста* 'Бог дал мне жизнь своей радостью, но не дал насладиться своим ликом'.

Более широкий спектр общих признаков был выявлен при анализе предикатов. В осетинской лингвокультуре общим у рассматривае-

мых концептов являются признаки; «существо мыслящее, знающее» с глаголами, выражающими умственную и интеллектуальную деятельность. *Каемаен цы хъаеуы, уый Хуыцау зоны* ‘Бог знает кому что нужно’, *хаейраег аей зоны!* ‘черт его знает’, «существо творящее, наделяющее»– *Сылгоймаг аемае наелгоймаг Хуыцау цотаен сфаелдыста* ‘Бог создал мужчину и женщину для продолжения рода’, *Кусарт акаенынаен Хуыцау наелгоймаджы сфаелдыста* ‘для закалывания животного Бог создал мужчину’, *амаендтае уараег аемае аевзараег Хуыцау*, ‘Бог-судьбы дарующий и избирающий ‘ *адаемаен бартае аемае хаесттае сты Хуыцауаеи лаеваерд* ‘правами и обязанностями людей наделил Бог’, *аехца аемае нозт хаейраег сфаелдыста* ‘деньги и алкоголь сотворил дьявол’.

Ссылаясь на проанализированные нами поговорки, Бог и дьявол (черт) являются не только объектами, но и субъектами действий, являясь «объектами поклонения» и «объектами насмешек», в которых в качестве сказуемого чаще всего используются такие глаголы как «кувын»– молиться, «сомы каенын», «ард хаерын»– произносить клятву, клясться, а лексемы репрезентирующие исследуемые концепты являются дополнением. *Дзуараей сомы фаекаенынч, Хуыцау аемае заеххаей та ард бахаердаеуы, Цалынмае мын Хуыцауаеи сомы ракаенай, уаедмае дыл нае бауаенддынаен* ‘пока не поклянешься Богом – не поверю тебе’, *Хуыцауаеи мын ард бахаер, заеххаей мын сомы ракаен,* ‘поклянись именем Божиим и землей’ *Хуыцаумае кувыс, уаед – аехсад цаесгом аемае сыгъдаег заердаейае, Хуыцаумае кувыс, уаед заердаетыгъдаей* ‘если молишься Богу , то с чистой совестью и чистым сердцем’, *Хуыцаумае табу дае куы фаенда, уаед цууылдаер йае бонтае,* ‘если молишься Богу, то в каждый день’ *«хаейраеджы надаен фиддон наей», хаейраеджы сайдтой аемае съл худаеггаей мард* ‘черта пытались обмануть, а он над ними смеялся’, *хаейраеджы наддой, аемае йае рыг калд.*

Анализируя поговорки и пословицы, невозможно рассмотреть оппозиционные концепты по отдельности, так как они не существуют изолированно. В связи с этим мы считаем рациональным рассмотреть данные концепты на синтагматическом уровне.

Ссылаясь на Л.А. Новикова, оппозиционные концепты, как правило, находятся в структурно выраженных или не выраженных отношениях. В первом случае оппозиции являются определенными и часто

воспроизводимыми структурами, во втором не обнаруживаются строго определенные и регулярно воспроизводимые конструкции [11].

Чаще всего в осетинских паремиях концепты «Бог» и «черт» противопоставляются в структурно не выраженных оппозициях. Оппозиция обычно репрезентируется посредством антонимичных глаголов или причастий, определяющих действия, которые совершают Бог и черт *Хуыцау нае аразаег, хаейраег нае зонаег* 'Бог творит, а черт хнает, что с этим делать' *Хуыцау адаемы фарс хаецы, хаейраег та – адаемы ныхмæ цаеуы* 'Бог на стороне людей, а черт против них', *Хаейраег каей фаесайа, уымаен– молло хосгаенаег. Молло каей фаесайа, уымаен Хуыцау даер нал схос каендзаен, Уды раттаег Хуыцау– улы сафаег– хаейраег* 'жизнь дает Бог, а дьявол ее забирает'. Оппозиция изучаемых концептов также может быть репрезентирована другими антонимичными частями речи, например существительными *Хуыцау фарн фаелдыста– хаейраег фыд, Хуыцау хорз* *куыд аразы, афтаг хаейраег та фыд каены* 'Бог творит добро, а черт– зло'.

«Соединять» анализируемые концепты могут и притяжательные местоимения *Хуыцауаен йаехи хуыдытæ ис– хаейраегаен йаехи* 'у Бога свои идеи– у черта-свои'.

Проведенное исследование показало, что концепты «Хуыцау» и «Хаейраег» в осетинской лингвокультуре образуют оппозиционную связь, они равноправны, но в то же время они не эквивалентны. Исследование на синтагматическом уровне выявило, помимо общих, и дифференциальные признаки.

В контекстах совместной встречаемости концепты либо противопоставляются, либо соединяются. В результате противопоставления выявляются дифференциальные признаки посредством антонимичных частей речи. «Соединение» рассматриваемых концептов происходит в результате выявления в их структуре одинаковых лексем, однако «Хуыцау» и «Хаейраег» остаются абсолютно противоположными антонимичными парами.

Библиографический список

1. Айларгы И., Гæджынагы Р., Кцойты Р. Ирон диссагтæ æмæ æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2006. 712 с.

2. Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении, восхождении) // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 3-12.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт:
4. Гутиев К. Ц. Осетинские пословицы и поговорки. Орджоникидзе: Ир, 1976.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И.А. Стернина. Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 75-79.
7. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода//Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11-35.
8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
9. Новиков Л.А. Избранные труды Т. 1 Проблемы языкового значения М.: РУДН, 2001. С. 126-128.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: ВостокЗапад, 2007. С. 314.
11. Пхиен А.Б. Концепты добро и зло в русской языковой картине мира // Постулат. 2019. № 1-2(39). С. 18.
12. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001, №5. С. 64-71.
13. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
14. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / научн. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Воронежский университет, 1985. 172 с.
15. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / научн. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Воронежский университет, 1985. 172 с.
16. Стернин И.А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 257-282.
17. Стернин И.А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 257-282.

18. Хъазиты М. Ирон хæзна. Æмбисæндтæ. Цхинвал: Цыкура – Дзæуджыхъæу: Орион, 2013. 350 с.

References

1. Ajlarty I., Gædzhynaty R., Ktsojty R. Iron dissægtæ æmæ æmbisændtæ. Dzæudzhykh”æu: Ir, 2006. 712 p.
2. Arutyunova N.D. O dvizhenii, zabluzhdenii, voskhozhdenii) // Logicheskij analiz yazyka. Kosmos i khaos: Kontseptual’nye polya poryadka i besporyadka / N.D. Arutyunova. M.: Indrik, 2003. P. 3-12.
3. Vorkachev S.G. Lingvokul’turologiya, yazykovaya lichnost’, kontsept:
4. Gutiev K. TS. Osetinskie poloviy i pogovorki. Ordzhonikidze: Ir, 1976.
5. Karasik V.I. YAzykovej krugchch: lichnost’, kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 p.
6. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul’turnyj kontsept kak edinitsa issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: nauch. izd. / pod red. I.A. Sternina. Voronezhskij gos. un-t, 2001. P. 75-79.
7. Lyapin S.KH. Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda//Kontsepty. Nauchnye trudy TSentrkontseptu. Vyp. 1. Arkhangel’sk, 1977. P. 11-35.
8. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: Uchebnoe posobie / V.A. Maslova. M.: Flinta: Nauka, 2004. 296 p.
9. Novikov L.A Izbrannye trudy T. 1 Problemy yazykovogo znacheniya. M.: RUDN, 2001. S. 126-128.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. M.: AST: VostokZapad, 2007. 314 p.
11. Pkhien A.B. Kontsepty dobro i zlo v russkoj yazykovej kartine mira // Postulat. 2019. № 1-2(39). P. 18.
12. Stanovlenie antropotsentricheskoj paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001, №5. P.64-71
13. Stepanov YU.S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. M.: YAzyki slavyanskikh kul’tur, 2007. 248 p.
14. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi / nauchn. red. Z.D. Popova. Voronezh: Voronezhskij universitet. 1985. 172 p.
15. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi / nauchn. red. Z.D. Popova. Voronezh: Voronezhskij universitet. 1985. 172 p.
16. Sternin I.A. Tipy i kontsepty // Kontseptual’noe prostranstvo yazyka: sb. nauchn. trudov, posvyashhennykh yubileyu N.N. Boldyreva / pod red. E.S. Kubryakovej. Tambov, 2005. P. 257-282.

17. Sternin I.A. Tipy i kontsepty // Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sb. nauchn. trudov, posvyashhennykh yubileyu N.N. Boldyreva / pod red. E.S. Kubryakovej. Tambov, 2005. P. 257-282.

18. КН'азыты М. Iron khæzna. Æmbisændtæ. TSkhinval: TSykura – Dzæudzhykh'æu: Orion, 2013. 350 p.

Сведения об авторе

Багаева Анна Альбертовна, преподаватель английского языка. Научный исследователь ГОУ Гимназия «Альбион».г. Цхинвал РЮО. E-mail: annettebagaeva1993@mail.ru.

About the author

Bagaeva Anna Albertovna, English language teacher. Scientific researcher SEI Gymnasium «Albion» Tskhinval RSO. E-mail: annettebagaeva1993@mail.ru.

УДК 821.221.18

Дзарасов В. С.
**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
НЕМЕЦКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. КАЛЕКО)**

Dzarasov V.S.
**LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE TRANSLATION
OF THE GERMAN POETIC TEXT INTO THE OSSETIAN LANGUAGE
(BASED ON M. KALEKO'S POEM)**

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности перевода стихотворения "Inventar" немецкой поэтессы М. Калеко на осетинский язык. В ходе исследования были выявлены основной мотив, образная система стихотворения, внутренний жест автора. Перевод на осетинский язык переводчика А. Золоева анализируется с позиции проведения предпереводческого анализа поэтического текста. Делаются выводы о наличии различных подходов к переводу ПТ.*

***Ключевые слова:** перевод, поэзия, поэтический перевод, немецкая поэзия.*

***Abstract.** The article discusses the features of the translation of the poem "Inventar" by the German poetess M. Kaleko into the Ossetian language. During the research, the main motive, the figurative system of the poem, and the inner gesture of the author were revealed. The translation into the Ossetian language by translator A. Zoloyev is analyzed from the position of conducting a pre-translation analysis of the poetic text. Conclusions are drawn about the existence of different approaches to the translation of a poetry text.*

***Keywords:** translation, poetry, poetry translation, German poetry.*

Поэтический перевод является подвидом художественного перевода, однако сложная семантическая и форменная структура и ряд других характерных поэтическому тексту черт требуют для него выведение и разработку отдельных теоретических постулатов и норм. Основные ра-

боты, посвящённые опытам поэтического перевода написаны во второй половине XX-го в. такими отечественным филологами, литературоведами и переводчиками, как, например, Е. Г. Эткинд, К. И. Чуковский, Л.В. Гинзбург, И. Левый, Н. М. Любимов и др [1; 3; 4; 5; 6].

Анализ перевода поэтического текста, как правило, подразумевает проведение предпереводческого анализа текста. Рассмотрим схему анализа поэтического текста (далее – ПТ), предложенную Ю. В. Казариным. Ю. Казарин выделяет в рамках анализа ПТ его 2 основных пространства: эстетическое и культурное [2, с. 57], которые он предлагает рассматривать как взаимосвязанные, взаимообусловленные и дополняющие друг друга в образовании системы ПТ. Для каждого из пространств Казарин выделяет компоненты их образующие [2, с. 58].

Базируясь на положении о двух пространствах ПТ и их составляющих, Ю. Казарин предлагает схему комплексного анализа ПТ [2, с. 229-230]. Автор отмечает, что предложенная им схема не является исчерпывающей и единственно верной и может подвергаться дополнениям или сокращениям. Опираясь на это, при практическом описании хода анализа оригинальных поэтических текстов и их переводов, мы намерены воспользоваться несколько адаптированной под нужды данного исследования схемой, предложенной Ю. Казариным:

Описание и осмысление пространственной структуры ПТ: историко-культурное, эстетическое пространство ПТ, а также информация о данном ПТ поэтологического характера);

Анализ дискурсной формы ПТ, который включает в себя исследования:

- внутреннего жеста;
- основной темы ПТ;
- ритма и размера ПТ;

Анализ названия ПТ;

Выявление и описание образной системы ПТ (доминант ПТ);

Анализ единиц лексического уровня языкового пространства ПТ;

Сохранение пунктов 1-5 в переводе ПТ.

Стихотворение, анализируемое в данной работе – *Inventar* (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Оригинал	Перевод А. Золоева	Подстрочный перевод на русский язык
Inventar	Inventar	Инвентарь
1	1	1
Haus ohne Dach	Аенае уелиндзе – къас,	Дом без крыши
Kind ohne Bett	Аенае сынтэгэй – саби,	Ребенок без кровати
Tisch ohne Brot	Аенае кærдзынгей – фынг,	Стол без хлеба
Stern ohne Licht.	Аенае цъæх рухсæй – зынг.	Звезда без света.
2	2	2
Fluß ohne Steg	Аенае ‘фсæхиддæй – дон,	Река без причала
Berg ohne Seil	Аенае зæваггэй – дзабыр,	Гора без веревки
Fuß ohne Schuh	Аенае нысангэй – балц,	Нога без обуви
Flucht ohne Ziel.	Аенае бæндæнтгэй – хох.	Бегство без цели.
3	3	3
Dach ohne Haus	Аенае дымгæйæ – къох,	Крыша без дома
Stadt ohne Freund	Аенае ‘рдхæрдгэй – сахары,	Город без друга
Mund ohne Wort	Аенае хæдзарæй – цар,	Рот без слова
Wald ohne Duft.	Аенае ныхасæй – ком.	Лес без запаха.
4	4	4
Brot ohne Tisch	Аенае фынггэй – кærдзын,	Хлеб без стола
Bett ohne Kind	Аенае гышчылгэй – авдæн,	Кровать без ребенка
Wort ohne Mund	Аетомыггэй – ныхас,	Слово безо рта
Ziel ohne Flucht.	Аенае ‘мбæлтгæй – нысан...	Цель без бегства.

Впервые стихотворение было опубликовано в сборнике “In meinen Träumen läutet es Sturm” (“В моих снах бьёт в набат”) (1977) [7, S. 45]. Стихотворение написано в последние годы жизни поэтессы, когда та утратила веру в слово, что прослеживается в краткости и немногословности данного стихотворения. Стихотворение состоит из четырёх строф, каждая из которых пронумерована соответствующей цифрой в начале и воспроизводит четыре этапа жизни эмигранта. *Первый* – драматическая обстановка на родине: бомбежки, голод, потеря крова, потеря смысла существования. Дом без крыши не может выполнять свою защитную функцию; ребенок без кровати, вероятно, не имеет дома и не может нормально жить; стол без хлеба, вероятно, является следствием отсутствия еды в доме и, в конце концов, самый “масштабный” пример отсутствия необходимого – “звезда без света” – вероятно, речь идёт о солнце как об источнике жизни. *Второй* – ситуация изгнания: без опоры, без помощи, бегство без оглядки, без обуви, без усталости, без цели. *Третий* – ситуация на чужбине: настоящий дом так и не обретен, новые друзья так и не найдены, чужой язык так и не стал родным, чужой лес так и не обрел аромата родины. *Четвертый* – возвращение на родину: дома больше нет, ребенка тоже, слова остались произнесенными, цели недостигнутыми. Очевидно, что лирическое “Я” стремится взглянуть на обширную, возможно, даже всеобъемлющую ситуацию утраты дома и родины – типичное состояние многих евреев во время второй мировой войны. Последняя строфа, по-видимому, пытается обобщить все, что было перечислено ранее, а именно полностью изменённое устройство мира.

Языковое пространство стихотворения можно назвать очень сжатым, компактным.

Стихотворение написано в минималистском стиле, напоминающем стихотворения авторов конкретной поэзии, популярной после войны, для которой были характерны краткость, лаконизм высказывания, экономия выразительных средств, такие приемы, как пермутация, контаминация и др. Единственная неизменная синтаксическая модель текста – также очень простая и краткая – два существительных, связанных союзом винительного падежа (ohne). Все существительные употребляются в единственном числе, что придает даже конкретным существительным обобщающий характер. Своим лаконизмом и сухой

констатацией фактов, обращением к объективной действительности и естественной «вещности», иронией и скепсисом стихотворение вписывается в стилистику поэзии «новой деловитости». Форме стихотворения присущ изосиллабизм – количество слогов в каждой строке равно 4-м, отсутствуют чёткие ударные позиции.

Основная тема стихотворения – ситуация полного отсутствия жизненно необходимых вещей, которое впоследствии приводит к полному изменению уклада жизни, что весьма характерно для жизненного опыта эмиграции. Важно упомянуть название – “Инвентарь”. Возможно, всё, что осталось от разрушенного и обездоленного мира – “осколки” нормальной жизни – теперь и есть набор постоянных предметов, новый инвентарь лирического “Я”.

Перейдём непосредственно к анализу перевода. Заглавие перевода совпадает с заглавием оригинала – Inventar. Трудно объяснить сохранение названия текста в первоизданном виде – латиница для письменности осетинского языка не характерна, его письмо построено в большей степени на кириллице.

При переводе на осетинский язык, переводчик А. Золоев расширил размер стихотворения и использовал трёхстопный ямб с клаузулами абаа. Вопрос о возможности сохранения изосиллабизма оригинала в осетинском языке остаётся открытым – для поэтики осетинского языка характерно скорее тоническое стихосложение. Однако, в переводе нарушена также целостность произведения на лексическом уровне. Так, если в оригинале зачастую повторяются одни и те же слова, то в тексте перевода в строке 1 сначала речь идёт о ‘уæлиндзæ’ (крыша) и ‘къæс’ (хижина), а позднее, в строке 11, переводчик прибегает к паре синонимов ‘хæдзар’ (дом) и ‘цар’ (чердак). Такая же замена исходных слов синонимами происходит в строках 2 – ‘сынтæг’ (кровать), ‘саби’ (ребёнок), и 14 – ‘гыццыл’ (ребёнок) и ‘авдаен’ (люлька). Строке 16 текста перевода – ‘Æнæ ‘мбæлттæй – нысан...’ – соответствует строка оригинала – ‘Ziel ohne Flucht’ (цель без побега). Здесь нарушение целостности доминанты текста ещё более явно – переводчик не просто заменяет исходную лексему в паре слов Побег-Цель синонимом, но использует слово с совсем другим значением – “друзья” (Æнæ ‘мбæлттæй – Без друзей).

Для оригинала такие синонимические (тем более – несинонимические) замены нехарактерны. Ровно наоборот – образная целостность

текста достигается путём повтора одних и тех же слов – приём, который манифестирует внутренний жест поэтессы – разочарование в слове, следствием которого является намеренная скудность поэтического словаря. Пренебрежение синкретизмом исходных пар слов является существенным упущением при передаче данного стихотворения на осетинский язык – в языке перевода оно утратило градус чувств разочарования и опустошённости, а исходный художественный приём пермутации растворился в “богатстве” словаря перевода.

Из проведённого анализа следует, что при переводе стихотворения, переводчик не пошёл по пути предпереводческого анализа, упуская из виду образную систему и контекст оригинала. В переводе были утрачены либо изменены многие образы оригинального текста. Переводчику А. Золоеву не удалось передать манифест поэтессы, характеризующийся разочарованием в слове. Из проведённого анализа можно также заключить, что перевод А. Золоева является переводческой интерпретацией – переводчик по-своему считывает образную систему оригинала и воссоздаёт образы стихотворения в переводе через призму собственного восприятия.

Таким образом, существует ряд подходов к переводу поэтического текста, характерных для разных национальных переводческих школ, однако выбор конкретной стратегии всегда остаётся за переводчиком. Поэтический художественный перевод имеет ряд характеристик, не присущих прозаическому художественному переводу, а именно: необходимость передачи в переводе не только содержания, но и формы; образного языка оригинала, воссоздание в тексте перевода эстетических образов оригинального поэтического текста, что зачастую представляет нелёгкую задачу для переводчика.

Библиографический список

1. Гинзбург Л. В. Разбилось лишь сердце мое... / Л. В. Гинзбург. М.: Советский писатель, 1983. 256 с.
2. Казарин Ю.В. Поэтический текст как система. / Казарин Ю. В. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. 260 с.
3. Левый И. Искусство перевода / Пер. с чешского Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 400 с.

4. Любимов Н. М. Перевод – искусство / Н. В. Любимов. М.: Советская Россия, 1982. – 128 с.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. М.: АСТ, 2023. 544 с.
6. Эткин Е. Г. Поэзия и перевод. М.-Л.: Советский писатель, 1983. 431 с.
7. Kaléko M. and Zoch-Westphal G. (1978) *In meinen träumen läutet es sturm.*

References

1. Ginzburg, L.V. (1938). *Razbilos' lish' serdtse moe...*[Only my heart broke...]. L. V. Ginzburg. M.: Sovetskii pisatel', 1983. 256 p. (In Russ.).
2. Kazarin, Yu.V. (1999). *Poeticheskii tekst kak sistema.*[Poetic text as a system]. Kazarin Yu. V. Ekaterinburg: Ural. gos. un-t, 1999. 260 p. (In Russ.).
3. Levyi, I. (1974). *Iskusstvo perevoda* [The art of translation]. Per. s cheshskogo Vl. Rossel'sa. M.: Progress, 1974. 400 p. (In Russ.).
4. Lyubimov, H.M. (1982). *Perevod – iskusstvo* [Translation is an art]. N.V. Lyubimov. M.: Sovetskaya Rossiya, 1982. 128 p. (In Russ.).
5. Chukovskii, K.I. (2023). *Vysokoe iskusstvo. Printsipy khudozhestvennogo perevoda* [High art. Principles of literary translation]. M.: AST, 2023. 544 p. (In Russ.).
6. Etkind, E.G. (1983). *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. M.-L.: Sovetskii pisatel', 1983. 431 p. (In Russ.).
7. Kaléko, M. and Zoch-Westphal, G. (1978) *In meinen träumen läutet es sturm.*

Сведения об авторе

Дзарасов Виктор Сергеевич, студент 3-го курса факультета Международных отношений Северо-Осетинского Государственного Университета им. К. Л. Хетагурова, стипендиат стипендии им. Г. Д. Плиева. Владикавказ, Россия. E-mail: viktor@dzarasovv.ru.

About the author

Dzarasov Viktor Sergeevich, 3rd year student of the Faculty of International Relations of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Awardee of the G. D. Pliev Scholarship. Vladikavkaz, Russia. E-mail: viktor@dzarasovv.ru.

УДК 81

Кокоева А. Ф.
**МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛЕДНИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА)**

Kokoeva A. F.
**METAPHOR AS A MEANS OF SUGGESTIVE INFLUENCE
IN PRESIDENTIAL POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON THE LATEST SPEECHES BY V.V. PUTIN)**

***Аннотация.** Цель настоящей статьи, посвященной исследованию языковых особенностей политического дискурса, состоит в рассмотрении когнитивной метафоры как основного инструмента вербализации эмотивной функции в публичных выступлениях на примере анализа интервью Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина американскому журналисту Такеру Карлсону и послания Федеральному собранию – 2024 г.).*

Актуальность исследования обуславливается антропоцентрическим подходом к изучению языковых явлений современной лингвистики, акцентирующим внимание на средствах выражения эмотивного отношения говорящего к реципиенту, и возросшим интересом лингвистов к изучению политического дискурса, как формы многоаспектного общественно-политического феномена, характеризующегося коммуникативно-побудительной функцией, а также рядом экстралингвистических факторов.

В результате проведенного исследования установлено, что в политическом дискурсе наблюдается широкое применение метафор с целью усиления эмоционального эффекта текста и оказания психологического влияния на реципиента.

***Ключевые слова:** дискурс, политический дискурс, когнитивная метафора, концептуальная метафора, эмотивность, традиционные ценности.*

Abstract. *The purpose of this article, devoted to the study of the linguistic features of political discourse, is to consider cognitive metaphor as the main tool for verbalizing the emotive function in public speeches, using the example of an analysis of the interview of the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin to an American journalist Tucker Carlson and the address to the Federal Assembly – 2024).*

The relevance of the research is determined by the anthropocentric approach to the study of linguistic phenomena of modern linguistics, focusing on the means of expressing the speaker's emotional attitude to the recipient, and is also determined by the increased interest of linguists in the study of political discourse as a form of a multidimensional socio-political phenomenon characterized by a communicative motivational function, as well as a number of extralinguistic factors that determine the linguistic picture of the world and public opinion the consciousness of the listeners. As a result of the conducted research, it was found that in political discourse there is a wide use of metaphors in order to enhance the emotional effect of the text and exert psychological influence on the recipient, as well as correction of the socio-political attitude of the suggestions

Keywords: *discourse, political discourse, cognitive metaphor, conceptual metaphor, emotiveness, unity, traditional values.*

В последнее время вопросы дискурса, как лингвистического феномена и особого коммуникативного явления, становятся все более актуальными в научных изысканиях.

Результатом возросшего интереса ученых к проблемам вербальной коммуникации являются бесчисленные исследования феномена дискурса, доказывающие способность дискурса репрезентировать весь комплекс языковых и когнитивных аспектов коммуникации.

В рамках данной статьи ставится **цель** рассмотреть на примере анализа интервью Владимира Путина эмотивную функцию когнитивной метафоры, как главного средства выражения суггестивного потенциала политического текста.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

– теоретическое описание и трактовка понятий «дискурс», «политический дискурс»; «когнитивная метафора»;

- анализ политического дискурса в выступлениях В.В. Путина.
- выявление эмотивной и суггестивной функций когнитивной метафоры в рамках политического дискурса.

Материалом для практической базы исследования послужили тексты интервью Владимира Путина Такеру Карлсону и послание Владимира Путина Федеральному собранию за 2024 год.

Для решения поставленных задач в работе применяются **методы** анализа и синтеза, метод сплошной выборки, структурно-описательный и лингвостилистический метод.

Анализ теоретической литературы говорит о многозначности рассматриваемого феномена и об отсутствии в академическом поле единой трактовки понятия «дискурс».

Термин «дискурс» в переводе с французского языка обозначает «речь» или «текст». Основателем теории дискурса является выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист, определяющий дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [2, с. 292].

Бенвенист считает, что в дискурсе фигурирует определенный посыл, а именно – «приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [2, с. 312].

Исходя из определения лингвиста, можно констатировать, что ученый указывает на весомость и значимость понятия самого контекста в дискурсе, т.е. он понимает под дискурсом экспликацию, интерпретацию позиции спикера в высказывании.

Центральная роль в современной интерпретации данного феномена принадлежит голландскому лингвисту Тену ван Дейку, который обозначает дискурс как «речевой поток, вбирающий в себя многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [3, с. 3].

Подтверждая точку зрения ученого, отметим, что дискурс – это коммуникативный процесс между говорящим и слушателем.

Современные отечественные ученые считают, что «высказывание, рассматриваемое как часть дискурса должно содержать в себе пресуппозиции, которые отражают его экстралингвистическую составляющую» [4, с. 65].

Например, советский лингвист Н. Д. Арутюнова утверждает, что дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистически-

ми – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, текст, взятый в событийном аспекте, дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136-137].

Не противореча точке зрения ученого, можно констатировать, что феномен «дискурс» является продуктом социального сознания, создающий свою картину мира и оказывающий непосредственное воздействие на процесс коммуникации.

Из вышеизложенного следует, что для изучения внутреннего строения политического дискурса необходимо прибегнуть к использованию субстанций эмотивности и суггестивности.

С целью проведения исследования когнитивной метафоры в рамках политического дискурса обратимся к интервью Президента России Владимира Путина американскому журналисту Такеру Карлсону и тексту послания Федеральному собранию.

Сущность когнитивной метафоры заключается в том, чтобы сделать речь спикера более суггестивной, что также влияет на формирование образа политика. Основоположники теории концептуальной метафоры, ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон в своем труде «Метафоры, которыми мы живем» отмечают, что «концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни» [5, с. 25].

Согласно их точке зрения, когнитивная метафора призвана отражать специфику человеческого мышления и истинного понимания мира.

Личность В.В. Путина является одной из самых интересных и популярных на мировой политической арене на протяжении более двадцати лет. Основу политического образа Путина составляют черты решительного, харизматичного и уверенного в себе политика с твердым характером, хранителя традиционных ценностей и главного гаранта мира и стабильности на международной арене.

В анализируемом интервью активно вербализуются духовно-нравственные ценности, являющиеся основой государственности России. Ключевым концептом выступает дескриптор «патриотизм». Чувство любви к Родине и идея сильного многонационального государства, где чтут и уважают традиции и обычаи отдельных национальностей, вместе составляющих большой русский мир. Поэтому когнитивные метафоры семантической сферы «патриотизм», «единство», «миротворец» составляют основу интервью лидера.

«Люди, которые исповедуют разные религии в России, они Россию считают своей Родиной – у них нет другой Родины. Мы вместе, это одна большая семья. И если мы говорим, что Родина и семья конкретная между собой очень связаны, то так оно и есть» [6].

Реализация семантического потенциала абстрактного концепта «семья» – «патриотизм» позволяет определить принятие системы импликаций, касающиеся этих терминов и идею принадлежности к государству, объединенному историей, традициями. В данном абзаце ключевым элементом является механизм метафорического ассоциирования «патриотизм – семья»: здесь патриотизм презентуется посредством метафорического сравнения с главной ценностью государства – семьей.

Метафорические дискурсы «патриотизм – семья» и «семья – это ценность», составляют особую систему, базирующуюся на субкатегоризации, т.к. в мире наблюдается кризис культурного наследия, и в настоящее время именно Россия является оплотом традиционных ценностей.

Крайне важным в интервью Путина являются вопросы единения и сплоченности.

Еще один дискурс в послании В.В. Путина Федеральному собранию – 2024 г. манифестируется с помощью развернутой когнитивной метафоры, состоящий из двух компонентов: «Единство – Сила».

«Единство и сплоченность российского народа – колоссальная всепобеждающая сила» [7].

Путин говорит о единстве в терминах макроконцепта «сила». «Единство» и «сила» – абстрактные концепты, обозначающие элементы нематериальной, мыслительной сферы. Структурированная метафора «единство – сила», указывает на величие российского народа, являющегося результатом исторического единства россиян и их героического подвига.

Обобщая вышеизложенные наблюдения можно сделать следующие выводы. Дискурс представляет собой сложный, комплексный феномен, обусловленный экстралингвистическими факторами и этносоциальными особенностями коммуникантов. Политический дискурс, будучи сложным поликодовым образованием, отличается динамичностью и характеризуется речевой координацией между властью и обществом.

Как свидетельствует проведенное исследование, когнитивная метафора обладает значительным эмотивным и суггестивным потенци-

алом в рамках политического дискурса, определяет его исключительную роль в формировании информационного потока, направленного на суггеренда, оказывает соответствующее влияние на познавательную деятельность и эмоциональную сферу реципиента с целью усиления экспрессивного потенциала политического дискурса и суггестивного воздействия на реципиента.

В силу своей многозначности и поликодовости политический дискурс способен эффективно воздействовать посредством метафоры на когнитивную сферу слушателя.

Таким образом, доминантой в выступлениях В.В. Путина выступают такие метафоры, как «единство» и «традиционные ценности». Ключевым процессом метафоризации в анализируемых абзацах является взаимодействие двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. Сущность когнитивного потенциала метафор «единство» и «традиционные ценности» состоит в структурировании элементами сферы-источника сферу-мишень. Следовательно, когнитивная метафора позволяет нам осмыслить и понять абстрактный по своей природе неподдающийся структурированию предмет при помощи более конкретного.

Таким образом, политический дискурс Путина, все перечисленные метафоры и его политический образ способствуют формированию в сознании не только россиян, но и иностранцев следующих идей: Путин – борец за традиционные ценности, Путин – миротворец, призывающий к единству.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Дреева Дж. М., Болатов Т.А. Способы реализации поэтической и эмотивной функций языка в современном англоязычном песенном дискурсе // Язык и культура, 2023. № 63. С. 60-77.

5. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры; перевод с англ. А.Н. Баранов. М. Едиториал УРСС, 1990. 256 с.

6. Президент России. [Электронный ресурс]. 2024. URL: обращения 27.03.2024).

7. Президент Phttp://www.kremlin.ru/events/president/news/73411 (дата оссии. [Электронный ресурс]. 2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения 27.03.2024).

References

1. Arutjunova N. D. Diskurs // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V.N. Jarcevoj. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990.

2. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika / Pod red. Ju.S. Stepanova. М.: Progress, 1974. 448 s.

3. Dejk T. A. Jazyk, poznanie, kommunikacija / T.A. van Dejk. М.: Progress, 1989. 312 s.

4. Dreeva Dzh. M., Bolatov T.A. Sposoby realizacii pojeticheskoj i jemotivnoj funkcij jazyka v sovremennom anglojazыchnom pesennom diskurse // Jazyk i kul'tura, 2023. № 63. S. 60-77.

5. Lakoff D. Metafory, kotorymi my zhivem // Teorija metafory; perevod s angl. А.Н. Баранов. М. Editorial URSS, 1990. 256 с.

6. Prezident Rossii. [Jelektronnyj resurs]. 2024. URL: obrashhenija 27.03.2024).

7. Prezident Rhttp://www.kremlin.ru/events/president/news/73411 (data ossii. [Jelektronnyj resurs]. 2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585 (data obrashhenija 27.03.2024).

Сведения об авторе

Кокоева Альбина Феликсовна, аспирант ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», Цхинвал, Республика Южная Осетия. E-mail: albina.kokoeva@yandex.ru.

About the author

Kokoeva Albina Feliksovna, post-graduate student North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova”, Tskhinval, Republic of South Ossetia. E-mail: albina.kokoeva@yandex.ru.

УДК 81

Кокоева А. Ф.
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

Kokoeva A. F.
FUNCTIONAL POTENTIAL OF COGNITIVE METAPHOR

***Аннотация.** Статья посвящена изучению функционального потенциала когнитивной метафоры в дискурсе, рассматривается реализация имплицитного когнитивного воздействия метафоры на примере современных текстов британских государственных деятелей.*

Актуальность исследования определяется малоизученностью функционально-воздействующего потенциала языковых средств, которые связаны с процессом познания, а именно реализации функционального потенциала метафоры, разработки метода его выявления и анализа.

В результате проведенного исследования установлено, что метафора рассматривается как когнитивный механизм, своеобразное звено, связывающее неизвестные семантические компоненты, чаще всего абстрактные понятия с привычными явлениями. Анализ функционального потенциала метафорических моделей дает доказательство того, что концептуальные метафоры, являясь средством образной репрезентации мира, формируются по принципу антропоцентризма и оказывают имплицитное воздействие на адресата.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при чтении лекционных курсов для студентов.

***Ключевые слова:** когнитивная метафора, метафорическая модель, потенциал метафоры, сфера-мишень, сфера-источник.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the functional potential of cognitive metaphor in discourse; the implementation of the implicit cognitive impact of metaphor is considered using the example of modern texts of British statesmen.*

The relevance of the study is determined by the lack of knowledge of the functional-impacting potential of linguistic means that are associated with the process of cognition, namely the implementation of the functional potential of metaphor, the development of a method for its identification and analysis.

As a result of the study, it was established that metaphor is considered as a cognitive mechanism, a kind of link connecting unknown semantic components, most often abstract concepts, with familiar phenomena. Analysis of the functional potential of metaphorical models provides evidence that conceptual metaphors, being a means of figurative representation of the world, are formed according to the principle of anthropocentrism and have an implicit impact on the addressee.

The practical significance of the work lies in the possibility of using the results obtained when delivering lecture courses for students.

Key words: *cognitive metaphor; metaphorical model, potential of metaphor, target sphere, source sphere.*

В последнее время вопросы реализации функционального потенциала когнитивной метафоры становятся все более актуальными в научных изысканиях. Результатом возросшего интереса ученых к проблемам функционирования языковых средств, а именно структурирования и определения связи языка и мышления являются исследования отечественных и зарубежных лингвистов феномена «когнитивная метафора», доказывающие способность когнитивной метафоры формировать новые концепты и возводить абстрактные понятия к более конкретному содержанию.

В рамках данного исследования ставится **цель** рассмотреть на примере анализа англоязычных политических текстов функционального потенциала когнитивной метафоры, как главного средства, воздействующего на процессы познания и осмысления окружающей действительности.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

- теоретическое описание функционального потенциала когнитивной метафоры»;
- анализ метафорического речевого воздействия в дискурсе.

Материалом для практической основы исследования послужил текст выступления Премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона.

Для решения поставленных задач в работе применяются методы анализа и синтеза, метод сплошной выборки, структурно-описательный и лингвостилистический метод.

Стоит отметить, что анализ теоретической литературы говорит о множественности методов исследования роли метафоры в организации дискурса. Примечательно, что не существует единой теории, единого метода выявления функционального потенциала метафорического речевого воздействия в дискурсе.

Многие ученые понимают под концептуальной метафорой «способ познания окружающего мира» [2].

Когнитивная метафора представляет собой основу функционирования человеческого мышления, возникающая при столкновении двух концептуальных пространств: сферы-мишени и сферы-источника. Следовательно, сфера-мишень – это концепт, подвергающийся размышлению, а сфера-источник – это концепт, при помощи которого происходит процесс воздействия на целевой объект, влияющий на постижение окружающей действительности.

В научный оборот термин «когнитивная метафора» ввели лингвисты Джордж Лакофф и Марк Джонсон. В своей работе «Метафоры, которыми мы живем» лингвисты сформировали теорию когнитивной (концептуальной метафоры), согласно которой «концептуальная система в значительной степени метафорична, так как то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [4, с. 25].

Показательно, что метафора признана средством концептуализации, т.е. познание окружающей действительности происходит за счет его понятийного моделирования, в этой связи рассуждения ученых о когнитивной метафоре подтверждают мысль о том, что именно в метафоре находят точку соприкосновения язык, мышление и культура.

Российские ученые акцентируют способность метафоры расширять смысловой потенциал текста. Так, Дж.М. Дреева и Т.А. Болатов указывают, что, помимо экспрессивно-эмоциональной функции, когнитивные метафоры выполняют функцию «активизации сознания слушателя, создания дополнительных смыслов и ассоциаций» [3, с. 67].

На современном этапе существует несколько подходов к исследованию и интерпретации метафоры. При решении вопросов о средствах реализации функционального потенциала метафоры и способах репрезентации когнитивных структур мнения ученых расходятся.

Например, теория концептуальной интеграции (conceptual integration or conceptual blending), разработанная лингвистами Ж. Фоконье и М. Тернером, заключается в объяснении того, как происходит интеграция информации, накопленной человеческим опытом.

Ученые отмечают, что «ментальное пространство представляет собой среду концептуализации и мышления. Тем самым любой конкретной ситуации, находящейся в процессе становления, в нашей концептуализации соответствует ментальное пространство». Ж. Фоконье [5, с. 172].

Согласно их точке зрения, проекция из сферы-цели в сферу-мишень не является конечным продуктом метафоризации, по их мнению, в результате смещения двух или более ментальных пространств, на выходе получается новый смешанный концепт, который несет результирующую функцию.

Коннективная теория метафорической интерпретации, предложенная лингвистом Д. Ричи, состоит в необходимости анализа метафоры в когнитивном и коммуникативном контексте. Он считает, что «интерпретация метафор напрямую связана с фондом общих знаний и убеждений (common ground) участников коммуникации, поэтому для исследователя важно учитывать этот аспект при рассмотрении интеракции сферы-источника и сферы-мишени» [7, с. 20].

Ученый полагает, что метафоры необходимо интерпретировать на основании предшествующего опыта участников диалога.

А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым была создана дескрипторная теория метафоры. Согласно теории лингвистов, «метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым, источник оказывается областью отправления функции отображения, а цель – областью прибытия, в результате чего формируется соответствие между источником и целью» [1, с. 80].

Из этого следует, что в дескрипторной теории метафоры языковой аспект функционирования метафоры является ключевым.

Российский исследователь когнитивной метафоры А.П. Чудинов считает, что «метафора создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [6, с. 59]. Согласно точке зрения ученого, метафоры дают возможность человеческому мышлению думать и мыслить, они структурируют наше восприятие и наши действия.

В своем первом выступлении в парламенте Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон использует развернутую метафору, ярко отражающую национальное самосознание и динамику развития социально-экономической сферы Британии.

«We will be the seedbed for the most exciting and most dynamic business investments on the planet» [8].¹

«Мы станем рассадником самых интересных и динамичных бизнес-инвестиций на планете».

Рассматривая артефактную метафору с элементами антропоморфизма «рассадник инвестиций – центр экономического развития», можно выявить ряд понятийных сфер-источников и сфер-мишеней, отражающих реалии развития британской экономики. В центре данного абзаца обнаружены сферы-мишени метафорических обозначений содержательных компонентов концепта экономика, напрямую связанных с развитием человеческих ресурсов. Анализ когнитивных механизмов формирования метафор позволил определить ряд наиболее значимых сфер-источников и сфер-мишеней. Сферой-мишенью выступает такое экономическое понятие как «инвестиции», а сферой-источником – «человек», как главный участник социальных изменений. В основе вышеупомянутых метафор лежит апелляция к такому фрейму, как «Британия-флагман развития инвестиций». Метафора развития человеческих ресурсов в данном случае не абстрагируется от компонентов социально-экономического развития страны.

«Our national participation in the European Union is coming to an end. I want to start unshackling our officials to undertake this new mission right away» [8].

«Наше национальное участие в Европейском союзе подходит к концу. Я хочу начать освободить наших государственных служащих от

---

¹ Перевод здесь и далее автора статьи. – А.К.

оков, чтобы они могли взять на себя выполнение новой миссии прямо сейчас».

В основе этой развернутой концептуальной метафоры лежат социальные явления. Концепт «оковы» выступает в роли структуранта гиперконцепта «свобода». Ключевым, центральным элементом в выделенном абзаце является механизм метафорического ассоциирования концепта «оковы» с Европейским союзом: здесь Европейский Союз репрезентуется посредством ее метафорического сравнения с оковами, как угнетающая, поработашающая сила, ограничивающую их свободу, от которой необходимо избавиться.

Как показывает анализ теоретической литературы, когнитивный подход к анализу метафоры занимает ключевое место в современной теории метафоры, но очень многие аспекты теории когнитивной метафоры остаются дискуссионными. Из всех существующих и рассмотренных в данной статье теорий метафоры наиболее широкое признание получила теория, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которая активно применяется в научных исследованиях.

Основным результатом анализа стало выявление значительного функционально-воздействующего потенциала концептуальных метафор, которые связаны с процессом познания. Когнитивные метафоры, выступающие в качестве репрезентантов различных видов дискурса, и определяемые накладыванием двух или более когнитивных сфер посредством образных сравнений, метафорического ассоциирования позволяют интерпретировать понятия, актуализированных в тех или иных видах дискурса.

Следовательно, метафора, обладая мощным функциональным потенциалом и являясь сложным средством коммуникации, выступает в качестве основного средства формирования определенного понимания реальности и ресурса, эффективно воздействующего на когнитивную и познавательную сферу реципиента и оказывающего значительное метафорическое речевое воздействие в дискурсе.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Сер. Литературы и языка, 2004. №1. С. 33–43.

2. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.03.2024).

3. Дреева Дж. М., Болатов Т.А. Способы реализации поэтической и эмотивной функций языка в современном англоязычном песенном дискурсе // Язык и культура, 2023. № 63. С. 60-77.

4. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры; перевод с англ. А.Н. Баранов. М.: Едиториал УРСС, 1990. 256 с.

5. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М., 2004. 791 с.

6. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.

7. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // Metaphor and Symbol. 2004. №4. С. 19–23.

8. GOV.UK. [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/boris-johnsons-first-speech-as-prime-minister> (дата обращения: 25.03.2024).

References

1. Baranov A.N. Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki // Izvestija RAN. Ser. Literatury i jazyka, 2004. №1. S. 33–43.

2. Vikipedija. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija: 25.03.2024).

3. Dreeva Dzh. M., Bolatov T.A. Sposoby realizacii pojeticheskoy i jemotivnoj funkcij jazyka v sovremennom anglojazыchnom pesennom diskurse // Jazyk i kul'tura, 2023. № 63. S. 60-77.

4. Lakoff D. Metafory, kotorymi my zhivem // Teorija metafory; perevod s angl. A.N. Baranov. M. Editorial URSS, 1990. 256 s.

5. Lakoff, Dzh. Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii / per. s angl. I.B. Shatunovskogo. M., 2004. 791 s.

6. Chudinov A.P. Metaforicheseskaja mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii: Monografija / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2003. 248 s.

7. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // Metaphor and Symbol. 2004. № 4. S. 19 –23.

8. GOV.UK. [Elektronnyj resurs]. 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/boris-johnsons-first-speech-as-prime-minister> (data obrashhenija: 25.03.2024).

About the author

Кокоева Альбина Феликсовна, аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия. E-mail: albina.kokoeva@yandex.ru.

About the author

Kokoeva Albina Feliksovna, post-graduate student North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova. Tskhinval, Republic of South Ossetia. E-mail: albina.kokoeva@yandex.ru.

УДК 811.111

Tadtaeva I.A.
**SOME PECULIARITIES OF THE ANTHROPONYMISATION MECHANISM
IN THE ENGLISH AND OSSETIAN LANGUAGES**

Тадтаева И.А.
**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИЗАЦИИ
В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Abstract. *The article focuses on some peculiarities of the comparative analysis of anthroponymisation mechanism in the English and Ossetian languages. The classification of the English and Ossetian surnames has been worked out. It provides the quantitative analysis for the surname groups on the basis of their nomination criterion in the English and Ossetian languages.*

Key words: *nickname, surname, anthroponymisation, semantics, typology.*

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые особенности сравнительного анализа механизма антропонимизации в английском и осетинском языках. Разработана классификация английских и осетинских фамилий. Приведен количественный анализ фамильных групп на основе критерия их номинации в английском и осетинском языках.*

Ключевые слова: *прозвище, фамилия, антропонимизация, семантика, типология.*

Sources of Nomination of Surnames in the English Language

The English word *surname* comes from the French *surnom*, Old French *surnum*, *surnoun* ‘nickname’ (hence the Middle English *sournoun* ‘nickname’), Lat. *supernōmen*, *suprānōmen* ‘nickname’ (*super* ‘over’ and *nōmen* ‘name’) [OED]. The English word *nickname* goes back to the Middle English *nekename*, *ekename* ‘nickname’ (*eke* ‘extension, addition’ and *name* ‘name’) [OED].

Now the word *surname* means an inherited family name, but originally it meant just an additional name. By the time of its legal and administrative fixation each surname had been functioning as a nickname for a certain

time. Until the time when surnames became inherited, many people even had several additional names – nicknames. For example, *Richard Poche of Preston called le Belleyetere* (1315), whose descendants may now bear the surname *Pouch, Preston* or *Billiter* [Reaney, 1967: 20].

Surnames became necessary when the government of England began to introduce a system of taxation, which resulted in the universal land census in England in 1086. The census materials are collected in the Domesday Book, which is an unprecedented and valuable source of information about the first recorded English surnames. Wealthy landowners were the first to adopt hereditary surnames in England, while other social classes continued to use non-hereditary names. These landowners usually used toponymic names, they were identified by the names of the estates from which they originated [Hanks, 2016: 4]. It was important for landowners to adopt these names and turn them into hereditary surnames in order to strengthen their position as hereditary property owners [McKinley 1990:26 ff., quoted by Brilla, 2016:6].

At the time of the Norman Conquest the British used the names inherited from their Anglo-Saxon and Scandinavian ancestors, but only a few of these names survived by the end of the 13th century, and they were gradually replaced by Norman and Biblical names. Scientists do not know why this stock of names should have been so sharply reduced at that time, but that's exactly what happened, and by the end of the 14th century, the choice of names became staggeringly scarce. This is eloquently evidenced by the tax return (poll tax return) 1379 of Sheffield, Ecclesfield, Bradfield and Handsworth (settlements Hallamshire was the southernmost county in Anglo-Saxon times). List of 715 male names is headed by the name John (236 – 33%), followed by the name William (137 – 19%), Thomas (85), Richard (67) and Robert (64). In other words, more than half of the men in Hallamshire in 1379 bore the name John or William. Additional name was needed to distinguish one John from another. Therefore, nicknames became increasingly important, becoming inherited surnames [Hey, 2000: 54].

It is important to mention another reason for additional names – the influence of fashion. Surnames slowly spread down the social ladder, perhaps conferring a status that became increasingly desirable, attaching a label that everyone should have. Gradually, everyone came to understand that a surname is a normal requirement in society [Redmond, 2011: 57].

Classification of the English surnames

Scientists [Reaney, 1967: 20; Matthews, 1967: 67; Smith, 1970: 44; Hanks, Coates, McClure, 2016: int. xvii] identify four main groups of English surnames: 1) local, 2) genealogical, 3) professional, 4) descriptive.

Local surnames – the largest group (38%) [Matthews, 1967: 67]. It includes not only surnames-nicknames that indicate the origin and spread from a certain area (toponymic names), but also surnames-nicknames that indicate topographic features (river, sea, mountain, etc.) (topographical names), as well as ethnic and regional names. [Hanks, Coates, McClure, 2016: introductory article xviii]. E.g. *Irish, Welsh, England, Stafford, Allmand, French, English, Brabazon* ‘from Brabant’, *Scott, Wallis* ‘from Wales’, *Angwin* ‘from Anjou (France)’, *Devenish* ‘from Devon’, *Western, Eastern, Brook, Field, Green, Hill, Mill, Pound, Wood, Underhill, Bywater, Atwood* ‘near the forest’; *Dallimore* from Old French *del la mare* ‘from the water’, *Delafield* ‘from the field’, *Delbridge* ‘from the bridge’, *Hillman, Brooking* ‘resident by the stream’, *Thorning* ‘resident by the thorn’; Roman, Greek, etc. [ODFNBI; IDS].

The second largest group is **genealogical surnames** (33%) [Matthews, 1967: 67]. This includes, first of all, surnames formed from personal names, surnames that indicate kinship by father, mother, brother, uncle, aunt, etc., surnames, associated with the names of the gods and with Biblical names, etc. E.g. *Cousin, Eames* from Middle English *eme* ‘uncle’, *Nephew* and *Neave, Man* and *Muff* from Middle English *mough* ‘son-in-law’, *Wilcokesconsin* ‘Wilcock’s cousin’, *Watmough* ‘Walter’s son-in-law’; from personal names: *Henry, Robert, Walter, William, Ellis, Malt* and *Moult* from Maud, *Everard, Savory, Marriott* from Margaret, *Colin* from Catherine, *Sisley* from Cecily, etc. [ODFNBI];

In this group, a striking example of the indicator of kinship are surnames with patronymic formants: -son, -s (abbreviated from – son), fil– or fitz– (Anglo-Norman prefix, meaning ‘son’), Mac– Mc– (Scottish prefix, means ‘son’), O’ (descendant of) (the Irish tradition of creating a surname after the name of the grandfather) [ODFNBI; Leonovich, 2015: 38]. E.g. *Hodges, Roberts, Wilkins, Timms, Dixon, Jackson, Clappison* (Clapham + son), *Fitzalan, Fitzwilliam, Fitzgilbert, MacDonald, McRandel, McPhillips, O’Neal, O’Hara, O’Kelly, O’Reilly*, etc. [ODFNBI].

Professional surnames (16%) [Matthews, 1967: 67]. This group includes surnames that reflect not only the occupation of the bearer, but his

status in society (Status Names): *Smith, Orchard, Slatter, Judge, Steward, Bendbow* ‘archer’, *Shepherd, Copestake, Waghorn, Farmer, Catchpole* ‘Constable’, *Baker, Fettiplace* ‘doorman’, *Knatchbull* ‘butcher’, *Freeman, Franklin* (free tenant or free person, but not of noble origin); *Knight, Lord, Marshall*, etc. [ODFNBI; DES].

Descriptive surnames (13%) [Matthews, 1967: 67] describe physical and moral qualities, mental abilities, character: *Head, Neck, Mouth, Leg, Foot, Broadhead, Redhead, Ramshead, Barefoot, Goosey, Hawkey, Pauncefote* ‘pot-bellied’, *Vidler* ‘wolf’s face’ (from the old Fr. *vis de leu* ‘wolf face’), *Good, Moody, Sharp, Wise, Root, Verity, Wisdom, Lamb, Raven, Heron, Stork*, etc.

At a certain stage in the development of society, nicknames acquire the status of official names. The main factor that contributed to the transition of a nickname into a surname was the loss of information about the causes of its occurrence, the loss of its motivation. “If William Robertson is not Robert’s son, John Cook is not a cook, Thomas Hill did not live on the hill, Richard Red is not red-haired, then we can say that their nicknames have turned into inherited surnames” [Smith, 1970: 39].

Sources of Nomination of Surnames in the Ossetian Language

In the Ossetian language, the word *fæsnom* (from *fæsnomyg* / *fæsnomæg* ‘nickname’), comes from the Ossetian words *fæs* ‘for, behind, after’ and *nom* ‘name’ [IESOYA]. The word *myggag* means ‘family, tribe, surname’ [IESOYA]. But the Russian word surname in the Ossetian language corresponds to two other concepts besides *myggag*. These are *ærvadæltæ* – related surnames that originated from a common ancestor, and *fydyfyrt* (literally: ‘father’s son, children of the same father’) – a group of blood relatives, formed from the division of one original family [Gagloity, 2007: 7]. These three concepts differ from each other, so to speak, by their “remoteness” from a common ancestor: *fydyfyrt*, then a larger group – *myggag*, and the largest group – *ærvadæltæ*. In the Caucasus in the past people lived in large undivided families. The siblings lived with their parents as one big family. Each family had its name associated with the name of the head of the family. Over time, the sons got married, this family grew, life together became difficult due to the desire of individual members to stand out and run their own household, and the family disintegrated.

The distinguished families settled close to each other. But even these distinguished families grew over time and also divided. This is how a group of blood relatives was formed, formed from the division of one initial large family. And the family received the surname on behalf of the head of the newly formed young family. Therefore, the richest source of surname formation among Ossetians is the personal names of the first ancestors [Gagloity, 2007: 8].

Ossetian surnames, like the surnames of other peoples, have their own long process of formation. The problem of the history and origin of Ossetian surnames was studied by such scientists as V.I. Abaev, B.A. Alborov, N.G. Bagaev, R.S. Bzarov, A.H. Byazyrov, Z.N. Vaneev, K.A. Gagkaev, Z.D. Gagloti, A.A. Getsaev, T.A. Guriev, F.H. Gutnov, Sh.F. Dzhikaev, K.T. Kaitov, B.A. Kaloev, T.Z. Kozyreva, V.F. Miller, V.K. Totrov, A.D. Tsagaeva, Z.D. Tskhovrebova, etc.

Classification of Ossetian surnames

About 2,200 Ossetian surnames were studied in the research, these are almost all Ossetian surnames. As a lexicographic source the author used the monograph by F.M. Takazov "Etymology of Ossetian names and surnames" and reference books of Ossetian surnames by F. H. Gutnov [Gutnov, 2012] and Z. D. Gagloti [Gagloity, 2005]. The surnames were divided into four thematic groups based on nominative features.

The largest group consists of **genealogical surnames** (58%). Just as in English, this group includes surnames from personal, biblical and theophoric names, as well as surnames indicating kinship by father, mother, brother, etc. For example: *Ælbortæ* (Alborov) 'descendant of Bora', *Azæmættæ* (Azamatov) from the personal name Azamat, *Alykkatæ* (Alikov) from the personal name Alik, *Uryzmægtæ* (Uruzmagov) from Uryzmæg, *Azautæ* (Azaov) from the female name Azau, *Mayratæ* (Mayraevs) from the female name Maria; *Dzabratæ* (Dzabraev) from the Bible name Gabriel, *Esiatae* (Esiev) from the Bible name Joseph, *Isactæ* (Isakov) from the Bible name Isaac, *Mussætæ* (Musaev) from the Bible name Moses, *Abelatae* (Abelovs) from the Bible name Abel, *Bagatae* (Bagaev) from Iran. *baga* 'God'; *Anatae* (Anaevy) from Turki. *anna* 'mother', *Gergitæ* (Gergiev) from George, *Babatae* (Babaev) from osset. *Baba* 'father', etc.

Surnames with a formant -kho (ykh /ukh) – from Kabard. *khue* 'son' (cf. in English surnames – son, fitz, Mac, O'): *Alædjykhotae* (Aladzhikov) 'son of Alaga'.

Descriptive surnames (30%) formed from nicknames based on appearance, physical qualities and character of the owner: *Ahsaratae* (Akhsarov) from oset. *æhsar* ‘strength, courage’, *Nækuysatæ* (Nakusov) from oset. *nækuyst* is ‘unemployed’, *Barakhtaæ* (Barracks) from the Turkic. *barakh* ‘shaggy’, *Gædæratæ* (Gadarov) from the tour. *gaddar* ‘cruel’, *Gadataæ* (Gadaev) from the Persian *gad* ‘beggar, poor’, *Galeutæ* (Galeov) from oset. *galiu* ‘lefty’, *Kuŷrmiatae* (Kurmiev) from oset. *kuŷrm* ‘blind’, *Kuŷlyhtaæ* (Kulukhov) from oset. *kuŷlykh* ‘lame’, *Tsægæratæ* (Tsagaraevs) from oset. *tsægær* ‘bald’, etc.

Professional surnames (8%). This includes surnames based on nicknames reflecting occupation and social status. E.g. *Arcataæ* (Arkaev) from oset. *arkau* ‘a metal spoon in which lead is melted for bullets’, *Askertæ* (Askerov) from the tour. *asker* ‘soldier’, *Bitartæ* (Bitarov) from the Arab. *bitar* ‘the blacksmith’, *Dzolaitæ* (Dzolaevs) from Persian *jula* ‘weaver’, *Diacontæ* (Dyakonov) from oset. *deacon* ‘deacon’, *Tlattataæ* (Tlatov) from oset. *tælæt* ‘robbery, cattle rustling’, *Malikitæ* (Malikievs) from Persian *malik* ‘king, lord,’ etc.

Local surnames (4%) are the smallest group (cf. with English in the language where local surnames make up the largest group): *Æfcægataæ* (Aftsagov) from oset. *æfcæg* ‘mountain pass’, *Aræntæ* (Aranov) from oset. *aræn* ‘border’, *Bædoataæ* (Badoev) from Persian *bædo* ‘east’, *Bydyrtæ* (Bidirov) from oset. *bydyr* ‘field’, *Galuantæ* (Galavanov) from oset. *galuan* ‘castle, fortress’, *Mysyrtae* (Misirovy) from oset. *Mysyr* ‘Egypt’, *Urumtæ* (Urumov) from oset. *urum* ‘Rome, the Romans’, *Urystæ* (Urusovs) from oset. The urys are ‘Russians’, etc.

Table 1

Quantitative data for the surname groups

Thematic group	English Surnames	Ossetian Surnames
Local	38%	4%
Genealogical	33%	58%
Professional	16%	8%
Descriptive	13%	30%

Conclusion

1. The process of anthroponymization (the transition of an appellative or onym from any other category to an anthroponym and its further formation and development in this category [Podolskaya, 1978: 32]) occurs differently in the English and Ossetian languages. English surnames do not originate directly from names, but arise on the basis of nicknames. In English the name and nickname coexist (for example, John Baker, where Baker functions as an additional name, like a nickname, which eventually turns into a surname). And in the Ossetian language, surnames come directly from the name (of the head of the family). This difference is due to the national and cultural characteristics of the nomination process, as well as the impact of various historical factors.

2. Quantitative analysis showed that the largest group of English surnames are local surnames (38%), while in the Ossetian language they formed the smallest group (4%). Professional and official surnames are also two times less in the Ossetian language. Genealogical surnames in Ossetian 58% of the Ossetian language, which once again proves that the vast majority of Ossetian surnames come from the personal names of the first ancestors, as mentioned above.

References

1. Abaev, V. I. (1987). Proiskhozhdeniye osetinskikh familnykh imen Tsarazonta i Aguzata [The Origin of the Ossetian Family Names Tsarazonta and Aguzata]. In Literaturnaya Osetiya. No 69. Available at: [https://web.archive.org/web/20110727024231;](https://web.archive.org/web/20110727024231/http://www.alanica.ru/article/18.htm) <http://www.alanica.ru/article/18.htm>. (accessed: 12.02.2024). (In Russ.).
2. Vaneev, Z. N. (1956). Narodnoye predaniye o proiskhozhdenii osetin [Folk legends about the Origin of the Ossetians]. Tskhinval. (In Russ.).
3. Gagloyti, Z. D. (2007). Osetinskiye familii i lichnye imena [Ossetian Surnames and Personal Names]. 2-izd. Tskhinval: «Yuzhnaya Alaniya». (In Russ.).
4. Gutnov, F. Kh. (1987). Iz istorii obrazovaniya familii u osetin [From the History of the Origin of the Ossetian Surnames] In Problemy osetinskogo yazykoznaniya. Vyp. 2. Pp. 141-145. (In Russ.).
6. Leonovich, O. A. (2015). Vvedeniye v angloyazychnuyu onomastiku [Introduction to the English Onomastics. Moskva: KDU. (In Russ.).

8. Brylla, E. (2016). Bynames and Nicknames. In Carole Hough (ed.). Oxford Handbooks in Linguistics. Oxford: Oxford University Press.
9. Hanks P., Parkin H. (2016). Family names. In Carole Hough (ed.). Oxford Handbooks in Linguistics. Oxford: Oxford University Press.
10. Hey, D. (2000). Family Names and Family History. London: Cambridge University Press. Available at: <https://archive.org/details/familynamesfamil0000heyd/page/n7/mode/2up>. (accessed: 03.04.2020).
11. Matthews, C. M. (1967). English Surnames. Charles Scribner's Sons. New York: Charles Scribner's Sons.
12. McKinley R. (1990). A History of British Surnames. London: Longman.
13. Reaney, P. H. (1967). The Origin of English Surnames. Routledge and Kegan Paul.
14. Redmonds, G. (1997). Surnames and Genealogy. A New Approach. The Federation of Family History Societies.
15. Redmonds, G., King, T., Hey, D. (2011). Surnames, DNA, and Family History. Oxford: Oxford University Press.
16. Smith, E. C. (1970). The Story of Our Names. Detroit: Gale Research Company.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958). Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogoazyka [IESOYA] [A Historical Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moskva – Leningrad: Izd. Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
2. Bolshoy entsiklopedicheskij slovar. Yazykoznanije [Large Encyclopedic Dictionary. Linguistics]; pod red. V. N. Yartsevov. 2-e izd. M.: BRE, 1998. (In Russ.).
3. Gagloity, Z. D. (2005). Iron myggægtæ [Ossetian Surnames]. Džæudžykhæu: Ir. (In Ossetian).
4. Gutnov, F. Kh. (2012). Osetinskiye familii [Ossetian Surnames]. Vladikavkaz: Respekt. (In Russ.).
5. Podolskaya, N. V. (1978). Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii [A Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. M.: Nauka. (In Russ.).
6. Hanks, P., Coates, R., McClure, P. (2016). The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland. Oxford: Oxford University Press.

7. Reaney, P. H., Wilson, R. M. (2005). A Dictionary of English Surnames. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.
8. The Internet Surname Database. Available at: <https://www.surnamedb.com>. (accessed: 21.01.2024).
9. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. Vol. XVII.

About the author

Tadtaeva Irina Alanovna, Lecturer, English Language Department, South Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, The Republic of South Ossetia. E-mail: ir.tadtaeva@mail.ru.

УДК 811.111

Tadtaeva I.A.
INTERNALLY MOTIVATED NICKNAMES IN ENGLISH.
MECHANISMS OF FORMATION

Тадтаева И.А.
ВНУТРЕННЕ МОТИВИРОВАННЫЕ ПРОЗВИЩА В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ. МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ

***Abstract.** The article deals with the morphological and non-morphological mechanisms of internally motivated nickname formation in the English language. The quantitative data for the nickname groups, based on the type of motivation and formation is provided.*

***Key words:** nickname, nomination, internal motivation, word-formation.*

***Аннотация.** В статье рассматриваются морфологические и неморфологические механизмы внутренне мотивированного образования прозвищ в английском языке. Приведены количественные данные по группам прозвищ в зависимости от типа мотивации и формирования.*

***Ключевые слова:** прозвище, номинация, внутренняя мотивация, словообразование.*

Nicknames are one of the clearest examples of an open class of words characterized by unstable composition. Without having their own nomenclature, they are created as secondary signs; at the same time, depending on the source of motivation (non-linguistic reality or language system) they are divided into two groups, which differ significantly from each other in formal, semantic, cognitive, pragmatic and functional terms. [Tsepikova, 2012: 106]. N. F. Barley, followed by J. Morgan, K. O'Neill, R. Harre distinguished the external and internal motivation in the process of additional naming [Morgan J., O'Neill Ch., Harre R., 1979: quoted by Fomenko, 2003: 43]. Externally motivated nicknames are that arise under the influence of extralinguistic factors – these are those external factors that are an incentive to nickname creation (appearance, character, physical and

intellectual abilities, behavior, profession, nationality, place of birth and residence). And internal factors are based on a linguistic incentive – official anthroponyms of an individual (personal name, middle name, surname) [Morgan J., O'Neill Ch., Harre R., 1979: quoted by Fomenko, 2003: 43].

This article examines the ways of forming **internally motivated nicknames**, i.e. nicknames that have become a reaction to the official anthroponym (first name, last name).

There are different opinions about the number of ways of word formation. In addition, there is no consensus among linguists on whether the so-called semantic or lexico-semantic word formation, that is, a change in the meaning of a word, should be included in the general register of ways of forming new words. Anyway, it is generally recognized that 6 methods of word formation are currently the most productive: affixation (the “basis + affix” model), word composition, sometimes also referred to as the basic structure (the “basis + basis” model), conversion (model $V > N$ or $N > V$), reversion (the “basis – quasi-affix” model), word combination and reduction. Other methods are secondary and unproductive [Eliseeva, 2015: 38].

I. V. Arnold identifies morphological ways of word formation, in which new words are created by combining morphemes, a new word is formed with a new sound complex, as well as non-morphological ways in which the semantic side of the word changes (lexico-semantic) [Arnold, 2012: 108]. The analysis of the English nicknames allowed us to identify the mechanisms, which can be divided into morphological and non-morphological.

Morphological mechanisms of forming internally motivated nicknames in English

The most productive morphological way of forming nicknames is abbreviation (initialization, truncation, acronymization, blending) [DLP, 2008: 1].

Initial abbreviation is a word formed from the names of the initial letters or from the initial sounds of words included in the original phrase [CCL, 1985: 10]. Initial nicknames are very popular among politicians and famous people and can even become a family tradition. For example, in the famous Roosevelt family: *FDR* Franklin Delano Roosevelt, Franklin Roosevelt's mother – *SDR* Sara Delano Roosevelt, their distant relative and the 26th President of the United States *TR* Theodor Roosevelt. Henry Louis Mencken, an American journalist, wrote that some British prime ministers

since about the time of Theodore Roosevelt have also used two initials in the press, including Campbell Bannerman *CB* and Lloyd George *LG*. [Oremus, 2012]. E.g. *DSK* – Dominique Strauss Kahn, *DNA* – Douglas Noël Adams, *OBL* – Osama Bin Laden, *HD* – Hilda Doolittle, *BB* – Brigitte Bardot, etc.

Truncation (all three types: apheresis – truncation of the beginning of a word, syncope – truncation of the middle of a word, apocope – truncation of the end of a word; as well as mixed types) [Arnold, 2012: 188]. Western linguists (Hough Carole, Eva Brylla) refer hypocoristic names (diminutives, for example, Pat from Patricia, Bill, Billy from William) to nicknames, since these abbreviated forms arise along with existing official names as a reaction to the official name, a secondary nomination [Brylla 2016: 284], which is considered the main distinguishing feature of the nickname [Shcherbak, Burykin, 2009: 213]. E.g.

a) Elizabeth – *Bess*, *Bett*; Adelia – *Delia*; Eudora – *Dora*; Theodora – *Dora*; Eugenia – *Genie*; Angelina – *Lena*; Selena – *Lena*; Eleanora – *Nora*;

б) Dorothy – *Dot*; Harold – *Hal*; Harriett – *Hatt*; Teresa – *Tess*;

в) Bradly – *Brad*; Ronald – *Ron*; Robert – *Rob*; Denise – *Den*; Delores – *Dell*; Dorothy – *Dora*; Patricia – *Pat*; Richard – *Rich*;

г) Alonzo – *Lon*; Augustus – *Guss*; Alexandra – *Xan*; Adolphus – *Dolph*;

Truncation with suffixation. Abbreviated names are formed from full names, and from them using the suffix *-y* (and its spelling variants *-ie*, *-ey*), less often *-o*, *-a*, hypocoristic names are formed. For example:

Lucinda – *Cindy*; Daniel – *Danny*; Edward – *Eddy*, *Eddie*; Evelyn – *Effy*, *Effie*; Eleonora – *Ellie*; Franklin – *Frankie*; Elizabeth – *Lizzie*; Lucinda – *Lucy*; Martha – *Martie*; Penelope – *Penny*; Aaron – *Ronnie*; Anthony – *Toto*; Cyrus – *Cyro*; Arnold – *Arno*; Nicolaus – *Nico*; Markus – *Marko*; Alexandra – *Alexa*.

Such method as **suffixation** is unproductive in the formation of internally motivated nicknames in the English language. Therefore, when calculating the nicknames by methods of formation, examples of suffixation were included in the same group with examples of **truncation with suffixation**.

Blending is a relatively young word-formation method. It occupies a special place among other nonlinear models, since the word-formation unit here is not the base, but its arbitrary fragment. Such a fragment does not exist in the language, but appears only at the moment of word creation [Eliseeva, 2015: 54]. For example: *Clay Dreslough* (Dresser and McLoughlin),

Antonio Villaraigosa (Villar and Raigosa), *Alexa PenaVega* (Vega and Pena), *Brangelina* (Brad Pitt and Angelina Jolie), *Kimye* (Kanye West and Kim Kardashian), *Bennifer* (Ben Affleck and Jennifer Lopez)

Non-morphological mechanisms of forming internally motivated nicknames in English

Phonetic associations. Nickname formation is based on the phonetic similarity of the name and a certain appellative. For example: *Boots* – Robert Bootzin; *Boom Boom* – Freddy Cannon; *Cookie* – Arthur Joseph Cuccurullo, *Candy* – Joseph Candido, *Daddy* – Evgenii Dadonov, *Hammer* – Matthew Stanley Hamill;

Alliteration is the repetition of identical sounds or sound combinations at the beginning of syllables [SLT, 2004: 40]. For example: *Bobo* – Barbara Lewis; *Dedee* – Dorothy Diane Pfeifer;

Rhyming. The nickname rhymes with the official anthroponym. E.g. *Elvis the Pelvis* – Elvis Presley, *Hurricane* – Para Drain, *Ox* – Fred Cox McKibbon; *Macho-Camacho* – Hector Luis Camacho Matias; *Tony Baloney* – Tony Balogna; *No Drama Obama* – Barack Obama; *Boris the Menace* – Boris Johnson.

Semantic associations. Such nicknames are based on the characteristic of the semantics of the official name; nicknames do not characterize the bearer, but his official name. The appellatives of nicknames based on semantic associations enter into paradigmatic relations with the appellatives of names, namely, synonyms, antonyms and hyperonyms [Fomenko, 2003: 51].

a) *Dusty* – Eleanor Joan Miller; *Dusty* – Johnnie B. Baker Jr.; *Stitch* – Taylor;

б) *Shrub* – George Bush; *Blackie* – Elvin Ralph Dark; *Daisy* – Margaret Mary Julia Devlin; *Smoky* – Robert Brown; *Big* – William Carlisle Towery; *Doc* – George Francis Medich;

в) *Whitey* – Don Richard Ashburn; *Shorty* – Frederic Earl Long; *Shorty* – Frank Longman Chandler;

г) *Fish* – Herman Richard Salmon; *Fishy* – Pike; *Birdy* – Sparrow and Wren.

Table 1
Quantitative data for the nickname groups

Non-morphological mechanisms	Quantity (%)	Non-morphological mechanisms	Quantity (%)
Initial abbreviation	51 (13%)	Phonetic associations	38 (22.6%)
Truncation	147 (37.5%)	Alliteration	23 (13.7%)
Truncation with suffixation	179 (45.7%)	Rhyming	27(16.1%)
Blending	15 (3.8%)	Semantic associations	80 (47.6%)
	392(100%)		168 (100%)

Conclusion

In the English language internally motivated nicknames are formed by morphological and non-morphological ways of word formation. Hypocoristic names in English are referred by Western linguists to nicknames, they can acquire an official character. Morphological methods of forming internally motivated nicknames in English are more productive than non-morphological ones (Tab. 1). The most productive way of forming internally motivated nicknames in English is initial abbreviation and truncation with suffixation.

References

1. Arnold, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. 2-ye izd., pererab. Moskva: FLINTA. (In Russ.).
2. Eliseeva, V. V. (2015). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka (bazovyy kurs)* [Lexicology of Modern English (basic course)]. Sankt-Peterburg: Izd. SPb univ-ta. (In Russ.).
3. Fomenko, O. A. (2003). *Neofitsialnye imena sobstvennye v sovremennom amerikanskom angliyskom yazyke: Linvokulturologicheskiy aspekt* [Unofficial names in Modern American English: Linguistic and cultural aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).
4. Tsepkova, A. V. (2012). *Lingvokulturologicheskiy potentsial prozvizhch razlichnykh motivatsionnykh tipov* [Linguistic and cultural potential of nicknames of various motivational types]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Novosibirsk. No. 5 (9). Pp. 105-113. (In Russ.).
5. Brylla, E. (2016). *Bynames and Nicknames*. In *Oxford Handbooks in Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, Pp. 282-295.
6. Morgan J., O'Neill Ch., Harre R. (1979). *Nicknames. Their Origins and Social Consequences*. London, Boston, and Henley: Routledge and Kegan Paul.
7. Oremus, W. (2012). *When did we start referring to famous people by three initials?* In *Slate*. Available at: <https://slate.com/news-and-politics/2012/06/initials-as-a-nickname-howfd-r-led-to-lbj-dsk-obletc.html>. (accessed: 29.09.2020).

Lexicographical sources

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of linguistic terms]. 2-e izd., stereotipnoye. Moskva: Editoria, URSS. (In Russ.).

2. Leonovich, O. A. (2017). Slovar angliyskikh prozvish [Dictionary of English nicknames]. Moskva: KDU, Universitetskaya kniga. (In Russ.).
3. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford, UK, 2008.
4. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford University Press, 2003. Available at: https://archive.org/details/oxforddictionary00dela_0/page/n7/mode/2up. (accessed: 29.09.2024).
5. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. Vol. XVII.

Sources of illustrative material

1. Elvis History Blog. Available at: <http://www.elvis-history-blog.com/elvis-thepelvis.html>. (accessed: 29.09.2023).
2. Funny Nicknames. Available at: <https://www.findnicknames.com/funny-nicknames>. (accessed: 16.10.2023).
3. John F. Kennedy Museum and Library. Available at: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/the-kennedy-family/joseph-p-kennedy>. (accessed: 18.02.2023).
4. List of Nicknames. Available at https://en.wikipedia.org/wiki/Lists_of_nicknames. (accessed: 20.02.2023).
5. Matching up Nicknames With Given Names. Available at: <https://www.thoughtco.com/matching-up-nicknames-with-given-names-1421939>. (accessed: 31.07.2023).
6. Name Blending. Available at: https://wiki2.org/en/Name_blending. (accessed: 16.10.2023).
7. Nicknames of Famous People. Available at: <http://www.thehypertexts.com/Famous%20Nicknames.htm>. (accessed: 29.09.2023).

About the author

Tadtaeva Irina Alanovna, Lecturer, English Language Department South Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, The Republic of South Ossetia. E-mail: ir.tadtaeva@mail.ru.

Сведения об авторе

Тадтаева Ирина Алановна, преподаватель кафедры английского языка Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия. E-mail: ir.tadtaeva@mail.ru.

УДК 81'255.2

Джатиева Ж. М.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ
ПЕРЕВОДЕ СБОРНИКА «ИРОН ФÆНДЫР» К.Л. ХЕТАГУРОВА
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Dzhatieva Zh. M.
LINGUISTIC AND CULTURAL ACCURACY IN THE POETIC
TRANSLATION OF THE COLLECTION “IRON FÆNDYR”
BY KOSTA KHETAGUROV INTO ENGLISH

***Аннотация.** В статье описано исследование лингвокультурологических трансформаций осетинско-английского перевода поэтического сборника «Ирон фæндыр». Приведена классификация, статистика и анализ переводческих трансформаций, выделены культурологические искажения и потери. Выявлено, что формирование культурологического содержания переводного текста зависит от суммы трансформационных манипуляций на разных уровнях: семантическом, стилистическом, грамматическом и синтаксическом.*

***Ключевые слова:** Коста Хетагуров, культурологические потери в переводе, культурологические трансформации, лингвокультурология, осетинский язык, перевод с осетинского на английский, Уолтер Мэй.*

***Abstract.** The article deals with the linguistic and cultural transformations of the Ossetian-English translation of the poetry collection “Iron Fændyr”. There have been undertaken classification, statistics and translation transformation analyses, specifically cultural distortions and losses have been described. It has been revealed that the forming of cultural content of the translated text depends on a number of manipulations at different levels. It has also been established that some of the cultural components of the text were lost or adapted to the culture of the target language.*

***Key words:** Cultural losses in translation, cultural transformations, linguistic and cultural transformations, Kosta Khetagurov, Ossetian language, Ossetian to English translation, Walter May.*

Введение

На современном этапе развития осетинского языкознания, немало-важной видится проблема перевода текстов с осетинского языка на крупные языки, языки с большим количеством носителей.

Во-первых, количество носителей осетинского языка, по данным на 2013 год всего менее 525 тысяч человек в мире [4]. По данным Росстата на 2020 год, среди городского населения Российской Федерации численность лиц, владеющих осетинским языком и использующих его в повседневной жизни, составляет 174 тысячи человек [8], что не является благоприятным фактором для развития научной школы осетинского переводоведения.

Во-вторых, перевод, а особенно переводы с языков малочисленных народов, – это комплексная проблема и как любое явление в языке, требует своего решения не только на уровне всех функций языкознания, от лексики до этнолингвистики, но и на уровне всех систем взаимодействующих с языком [1, с. 114], [9,78].

В-третьих, основная особенность таких переводов – это их поддержка интерлинейным переводом или переводом на промежуточный язык, что вдвое увеличивает неизбежную вероятность появления в переводном тексте определенного процента искажений. Существует мнение, что «нудный и претенциозный» интерлинейный перевод и вовсе не считается полноценным и адекватным видом перевода [15, с. 40-41]. Более того, оба эти вида переводов (подстрочный и перевод через язык-посредник) имеют тенденцию к буквализму, который в свою очередь рассматривается как одна из базовых переводческих ошибок [3, с. 186]. Можно предположить, что опираясь на подстрочный перевод, поэту-переводчику сложнее уловить дух оригинального произведения и полностью его выразительных средств.

Все вышеперечисленные проблемы тесно взаимосвязаны: отсутствие переводческой традиции и школы в данном направлении не позволяет получить конкурентоспособный в современном информационном пространстве переводческий продукт.

В работе затронута актуальная проблема потери эквивалентности в поэтическом переводе культурологически насыщенного текста, который явился объектом данного исследования. Предмет исследования – культурологические, грамматические, семантические, синтаксические

и стилистические переводческие трансформации и их качественные особенности. На этих вопросах, которые были объединены в единую проблематику «сохранения лингвокультурологической точности в переводе», сфокусировано внимание в данной работе.

В представленном исследовании, впервые с точки зрения когнитивной лингвистики, рассматривается актуальная проблема эквивалентности двухэтапного перевода с осетинского на английский язык. Анализируются происходящие при этом трансформации и искажения. Исследуется сохранность уникальных культурологических концептов, подвергшихся двойному переводу.

1. Материал, методы, обзор

Для проведения данного исследования были использованы материалы сборника «Ирон фæндыр, зæрдæйы сагъæстæ, зарджытæ, кадджытæ æмæ æмбисæндтæ» – ‘Осетинская лира, думы сердца, песни, поэмы и басни’ Коста Левановича Хетагурова, написанного на осетинском языке, впервые опубликованного в 1899 году, а также материалы его перевода, выполненного на английский язык советским поэтом-переводчиком британского происхождения, Уолтером Мэем (Walter May) [14] в 1988 году. В разрезе обозначенной проблемы, обращение к текстовому материалу «Ирон фæндыр» – «Осетинская лира» не случайно. Автор этого сборника по праву считается выразителем «главного содержания осетинского духовного склада на этапе становления национальной культуры» [11, с. 6], что делает текст чрезвычайно сложным для перевода и становится вызовом даже для специалиста в области национальной осетинской культуры.

Так как система выразительных средств сборника пронизана культурологическими особенностями, а также, принимая во внимание опору переводчика на промежуточный текст при переводе с осетинского языка на английский, представилось интересным предположить, что мы неизбежно столкнемся с определенным количеством культурологических потерь. Речь и о безэквивалентной лексике, отражающей национально-культурные особенности, и о лингвокультурном материале, имеющем первостепенное значение для носителя языка и для человека изучающего язык [12, с. 142]

Немалоинтересно исследовать и то, насколько Уолтер Мэй, будучи талантливым переводчиком, глубоко погрузился в культуру Осетии-

Алании. Рассмотрел ли он исходный язык перевода, как культурный код нации, как предписывают современные теоретики [10, с. 1] передал ли идеи и «истинный характер авторского стиля», как того требует переводческий кодекс, еще с тех времен, когда теория перевода не сформировалась в отдельную дисциплину [16, с. 8,10]. Был ли перевод поэтического текста выполнен не просто «с возможно максимальным лингвистическим приближением к оригиналу», как того ожидают исследователи [7, с. 52], но и с осознанностью, особым языковым чутьем [6, с. 99]. Данные вопросы не первостепенны в исследовании, но, возможно, результаты анализа смогут пролить свет отчасти и на них.

Источником для сбора эмпирического материала послужили 24 произведения сборника. К исследуемым текстам был применен метод сплошной выборки, сопоставительный анализ с элементами компонентного анализа, контекстологический и статистический анализ.

2. Результаты и обсуждение

2.1. Из выделенных для анализа переводческих трансформаций, в общем количестве 146 единиц, наибольшую по количеству группу составили семантические трансформации и искажения – 59 единиц (см. таблицы 1-3.)

2.2. Стилистические трансформации представляют собой группу в 44 единицы. Из них: 18 единиц отсутствуют в оригинальном тексте и меняют стилистику исходного текста, 26 единиц являются разного рода стилистическими искажениями и упрощениями (см. таблицу 4).

2.3. Группу модифицированных культурных концептов составили 24 единицы, что по данным статистического анализа составляет 16% от общего числа исследованных единиц. За «культурологическую величину» были взяты лексемы, устойчивые словосочетания или фразы, заключающие в себе присущие осетинской культуре смыслы, и потерявшие эти смыслы в ходе трансформации (см. таблицу 5).

2.4. Группа грамматических и синтаксических трансформаций составляет 19 единиц (см. таблицу 6).

Таблица 1

Семантические трансформации

оригинал на осетинском языке [13]	буквальный перевод с осетинского ¹	перевод на английский язык	буквальный перевод с английского ²
Гъей, цы хъал уыддæн Уыцы растæджы!..	‘Эх, как я был счастлив (доволен и горд) тогда (в то время)!..’	<i>Ah, how proud you were At that time always!..</i>	‘Ах, как ты была горда в то время всегда!..’

Примечания: уыддæн – ‘я был’ ≠ you were – ‘ты была’ – одновременно с заменой действующего лица не произведены компенсации, позволяющие сохранить смысл фразы. Также переводчиком добавлена отсутствующая в оригинале лексема *always* – ‘всегда’. Подобные вставки нередки, см. следующий пример.

Стоит отметить, что с точки зрения осетинского этикета, говорить, что возлюбленная девушка гордилась тем, что была знакома с автором этих слов и таким образом как будто прибавлять весу своей персоне – неприемлемо. В то время как рассказать о своих чувствах – что тоже достаточно необычно, но что одним из немногих в то время делает Коста Хетагуров в своих стихах – скорее смелый, нежели противоречащий культуре шаг.

Таблица 2

Семантические трансформации

<p>Ныхасы бады Заронд Хьубады, – Нәә йәә зоньс, цы?..</p>	<p>‘Сидит на Ныхасе старый Кубады, – Ты ведь его знаешь?’</p>	<p>Where the elders recline, Kubadi sits with his bow – Ah! You know him? Fine!</p>	<p>‘Там, где отдыхают пожилые люди, Кубады сидит со своим смыч- ком – А! Ты его знаешь? Отлично!’</p>
<p><i>Ләг ма цыфанды фәуәд, фәлә йәрәөзытп, – Ифтыгъд нәу загъгәгә нә загътон?!.</i></p>	<p>‘Да бог с этим мужчиной, но винтовка, – ведь говорил же, что она была не заря- женная?!’</p>	<p><i>The old man was quiet –but did I not tell you – The gun was not loaded? I’m dazed...</i></p>	<p>‘Старик молчал – но разве я не сказал – что ружье не было заряжено?.. Я потрясён...’</p>
<p>Примечания: в обоих стихотворениях завершающая строка в осетинском оригинале – риторический вопрос. Но оба раза переводчик принимает решение ответить на вопросы эмоционально окрашенными словами. Приписки, разруша- ющие авторскую задумку лаконичного, открытого вопроса, приданот высказыванию более импульсивный и оценочный характер, не свойственный культуре осетинского публичного высказывания, которая, напротив, тяготеет к сдержанно- сти. Возможно, они были использованы для рифмы или как «костыли» для пояснения сути ситуации.</p>			

Таблица 3

Семантические трансформации

<p><i>Тызмæггæй</i> мæм ма кæс, <i>Ма фыды заронд</i>...</p>	<p>‘Не смотри на меня сурово, (взбешенно)...’ отец (мой постаревший)...</p>	<p>‘Не смотри на меня злобно, (взбешенно), суровый мой отец...’</p>
<p>Примечания: <i>тызмæггæй</i> – ‘сурово’ ≠ <i>тадлы</i> – ‘злобно, (взбешенно)’ – семантика переводного слова подразумевает ситуацию ярость, сильную эмоциональную реакцию, в то время как в оригинале слово обозначает суровый характер или непреклонный нрав, сквозящие во взгляде. В данном случае можно говорить и о том, что семантическое искажение ведет в свою очередь к культурологической неточности: потеря контроля над эмоциями, как правило, не считается достойным поведением в осетинской культуре, и, тем более, это маловероятный повод для поэтического воззвания к отцу.</p>		

Таблица 4

Семантические трансформации

<p>Дзурын ма заный фразы... Буххыттегенге, Засъде.мхест фыйтайсей хъязы: – Хорз лаг да, бѳерге, –</p>	<p>‘Ему, к тому же, с трудом удается говорить... Отрыгивая Он поддразнивает, пастуха’</p>	<p><i>With difficulty his tongue he wagged, He belched, and broke wind too. Half-joking he mocked the shepherd, and bragged</i></p>	<p>‘Струдом он ворочал языком, Он отрыгивал, а также пус- кал ветры. Полушутя он издевался над пастухом, и хвастался’</p>
<p>Примечания: <i>буххыттегенге</i> – ‘отрыгивая воздух’ ≠ <i>belched and broke wind too</i> – ‘рыгал а также пускал ветры, – сти- листика исходного осетинского слова <i>буххыттегенге</i> нейтральнее английского и русского соответствий. К тому же, эффект грубой фразы усиливается благодаря отсутствующему в оригинале элементу <i>and broke wind too</i>, который был добавлен переводчиком. Лексема <i>brag</i> также добавлена переводчиком, возможно, для заполнения ритмического ри- сунка или для дорисовки портрета отвратительного поведения персонажа – уаига. Таким образом, перевод всей фразы перестает претендовать на эквивалентность. Нельзя не отметить, что с культурологической точки зрения подобные трансформации можно назвать смелыми.</p>			

Таблица 5
Культурологические трансформации

<p>Ракандзынаен дын маэ зараг... Искуы кæд ысуис маэ дараг,</p> <p>Урс уæрыркк дын уон!.. О, маэ бон!..</p>	<p>‘Слою тебе свою песню... Вот бы (желаю, чтобы ты) когда-нибудь, ты стал моей опорой</p> <p>Я бы огдала за тебя жизнь, О мой свет!..’</p>	<p>Lullabies to you I'm singing, Later food for me you'll be bringing.</p> <p>Then I'll be white as a sheep, O, my sweet!</p>	<p>‘Колыбельные тебе я пою, Позже ты будешь принести мне еду,</p> <p>Тогда я буду белой как овца, О мой милый!..’</p>
--	--	--	---

Примечания: *darag* – важнейшее понятие в осетинской культуре, обозначающее человека как опору, поддержку, кор-милльца, опекуна семьи, рода [Дзабиты, 2004, с. 93-94]. Культурологическая потеря состоит в том, что в переводе мы имеем дело с вульгаризацией и смысла, и стили, и даже грамматической конструкции: *искуы кæд ысуис маэ дараг* ≠ ‘будешь принести мне еду’.

Через грамматические трансформации по наклонению (из оппатива *искуы кæд ысуис маэ дараг* и конъюнктивна *урс уæрыркк дын уон* в индикатив *food for me you 'll be bringing* и *I 'll be white as a sheep* соответственно) также теряется культурологическая особенность осетинской речи, изобилующей благопожеланиями. Данная особенность, влияет в свою очередь на употребление определенной грамматики, а именно на частое употребление желательного и сослагательного наклонений в осетинском языке.

Также в рассмотренной фразе присутствует инвертированный порядок слов.

Урс уæрыркк ‘белый агнец’ – в осетинской культуре образ жертвенного животного и символ того, что человек готов отдать за кого-то свою жизнь [5, с. 333], данная лексема встречается в устойчивом благопожелании: *Урс уæрыркк дын фæстон/уон/æрбауон!* – ‘Я готов принести себя в жертву ради тебя!’ (буквально: ‘Я стал бы для тебя белым агнцем!’)

В данном случае можно говорить о том, что семантическое искажение ведет в свою очередь к культурологической не-точности:

Таблица 6

Грамматические и синтаксические трансформации

<p>– Гъей, джиди, – афте фезагъы йахицен. – Иску аз дер Адемы фирней сканин махицен Кад аме сер!</p>	<p>‘Вот бы, – так говорит (мечтает) он обычно про себя, – И я когда-нибудь сникал куы бы себе почёт и славу тем, что сделал людей благоден- ствующими!’</p>	<p>“if only”, – so to itself it is saying. ‘Once, all the same, People’s true gratitude I could be gaining, Blessing my name!’</p>	<p>‘Вот бы, – так говорит он про себя, ‘Однажды, все-таки, я мог- ло бы получить искреннюю признательность людей, благодаряющих (букваль- но: ‘благодаря’) мое имя!’</p>
--	---	--	--

Примечания: *фезагъы* – ‘он говорит’ ≠ *it is saying* – ‘оно говорит’ – в контексте стихотворения упомянуты два активных образа, совершающих действия: главный герой стихотворения и его сердце, в данном случае, скорее можно сделать вывод, что говорит главный герой, мужчина, а не его сердце. Следовательно, логичнее использовать в переводе одушевленное местоимение, описывающее человека (*he* ‘он’), а не неодушевленное местоимение, относящееся к слову «сердце» (*it* ‘оно’).

Также, в данной фразе отмечается инвертированный порядок слов.

Фразе *Blessing my name* сложно грамматически отнести к неполному (с опущенным относительным местоимением) придаточному определительному предложению: ‘который/которая благодарят/которые благодарят мое имя’, так как оно может определять либо подлежащее *I* ‘я’, либо дополнение *people’s gratitude* ‘признательность людей’. Получается, что героя благодарят либо он сам, либо благодарность народа. Таким же образом, невозможно отнести эту фразу и к причастному обороту, так как причастие и глагол должны относиться к одному подлежащему, и в таком случае герой получает благодарность народа, и сам себя благодарит. Распознать *Blessing* как герундий ‘благодарение’ также затруднительно в виду отсутствия грамматической связи с последующим существительным *name* ‘имя’.

Также в данной фразе присутствует инверсия.

Адемы фирней куы сканин махицен // *Кад аме сер!* ≠ *Once, all the same, // People’s true gratitude I could be gaining, // Blessing my name!* В тексте перевода читается надежда главного героя на признательность людей и их благодарения, то есть он как будто желает получить причитающуюся ему благодарность. Однако в оригинале целью героя является благополучие народа, смысловой акцент поставлен на том, чтобы сделать народ счастливым, а прославиться и стать уважаемым в обществе человеком ему хочется именно и только посредством такого благородного подвига.

Суть синтаксических трансформаций в большинстве рассмотренных случаев сводится к тому, что, во-первых, синтаксис переводного текста демонстрирует порядок слов совершенно не характерный для устной речи английского языка. Перевод перегружен инверсиями, которые стилистически делают текст более возвышенным, поэтичным, «облегчённым» и абстрактным, оторванным от реальности. В то же время, одной из особенностей построения фразы в тексте Коста Хетагурова, является как раз её практически полное совпадение со структурой предложения в разговорной речи. То есть, цитата из стихотворения может естественно вписаться в осетинскую речь и не распознаваться в ней как неорганичный поэтический элемент или элемент письменной речи. Такую особенность, придающую тексту конкретность, приближенность к народному языку и к окружающим народ реалиям, можно выделить в одну из основ стиля Коста Хетагурова.

Во-вторых, в переводном тексте, как раз за счет неестественного порядка слов, смысл оригинального послания становится менее эксплицитным, нужно потрудиться, чтобы расшифровать его, тогда как в тексте оригинала читатель с такой проблемой не сталкивается. Васо Абаев, говоря о языке поэзии Коста Хетагурова, отметил: «Говорить с народом о том, что его больше всего волнует, и в такой форме, которая покоряет и захватывает его без остатка, – эту тайну Коста постиг в совершенстве, и поэтому он стал народным поэтом в самом высоком и полном значении этого слова» [2, с. 462].

Подводя итог, можно привести общую классификационную таблицу с количественными показателями, а так же с распределением рассмотренных трансформаций по их характеру. См. таблицу 7.

В 24 исследованных стихотворениях 24 культурных понятия подверглись искажениям, что составляет 16% от общего количества (144 рассмотренных единиц). Также, было выявлено, что остальные 122 лингвистические трансформации, т.е. 84%, в свою очередь, в той или иной степени повлияли на адекватную передачу культурологического содержания.

Таблица 7

Количественные данные

Из выделенных для анализа переводческих трансформаций (всего 146 единиц):		
122 – лингвистические		24 – культурологические
семантические	стилистические	грамматические и синтаксические
59 – семантические искажения	24 – стилистические искажения	13 – синтаксические трансформации
	18 – единицы отсутствующие в оригинале	6 – грамматические трансформации
	2 – упрощения	
		12 – потеря уникальных культурологических понятий
		12 – искажение культурологических смыслов

3. Заключение

В результате анализа рассмотренных нами переводческих трансформаций, можно вывести следующее.

1) Перевод рассмотренных поэтических текстов приближен к вольному в плане выбора выразительных средств языка и этнолингвистических характеристик произведения.

2) В культурологически насыщенном тексте всякая переводческая трансформация, отягощенная искажениями, несет в себе культурологические потери.

3) На адекватную передачу культурологического содержания поэтического текста могут влиять все рассмотренные в исследовании виды лингвистических переводческих искажений в 100% случаев: стилистические, семантические, грамматико-синтаксические. Степень их влияния на адекватность перевода в данной работе не рассматривалась.

4) Во всех исследованных культурно-перекодированных единицах перевода пропадает заложенный автором оригинальный смысл. Следовательно, в переводе нецелесообразно держать основной курс на культуру языка перевода, ориентиром в равной степени, и даже в первую очередь, должна выступать культура языка исходного текста.

Библиографический список

1. Абаев В.И. Избранные труды в 4 томах. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 2020. – 615 с.
2. Абаев В.И. Избранные труды в 4 томах. Т. 1 Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 2020. – 543 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Международные отношения», 1975. – 275 с.
4. Большая российская энциклопедия 2004–2017. Доступ: <https://old.bigenc.ru>.
5. Дзабиты З.П. Фразеологический словарь осетинского языка. 2-е изд., доп. – Цхинвал: ИП Цопанова А.Ю, 2018. – 597 с.
6. Дзапарова Е.Б. Эквивалентность лексических единиц оригинала в вариантах перевода А. Ахматовой поэмы К. Хетагурова «Чи дæ?» («Кто ты?») // Коста и мировой историко-культурный процесс: сб. материалов Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рожд. К.Л. Хетагурова. Владикавказ. 2014. С. 96-115.

7. Дубинко С.А. Категория качества перевода: адекватность и буквализм. Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Выпуск 1. Минск: БГУ. 2013. С. 45-53.

8. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица № 4. Владение языками и использование языков населением. Доступ: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.

9. Маслова В.А. Лингвокультурология как наука о наиболее культурноносных языковых сущностях. Журнал: Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 16. 2014. С. 78-90.

10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

11. Салбиев Т.К. Коста: моление о чаше. Praying for the Cup. Журнал Союза художников Республики Северная Осетия-Алания № 1. 2019. С. 6–23. Доступ: https://www.academia.edu/43644028/Коста_моление_о_чаше.

12. Халупо О.И. Методы и подходы к исследованию лингвокультурного материала. Вестник ЧГУ. № 10. Филология. Искусствоведение. Вып. 90. 2014. С. 139-143. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-podhody-k-issledovaniyu-lingvokulturnogo-materiala/viewer>.

13. Хетагуров К.Л. Ирон фæндыр. Владикавказ: «Перо и кисть», 2018. 448 с.

14. https://ru.wikipedia.org/wiki/Уолтэр_Мэй.

15. Newmark P. A textbook of translation. Shanghai Foreign Language Education Press, 1987. 292 p.

16. Tytler A. The Essay on the Principles of Translation. London, 1791. 239 p.

References

1. Abaev, V.I. (2020). *Izbrannye trudy v 4 tomah. T. 2. Obshhee i sravnitel'noe jazykoznanie*. [Selected works in 4 vol. Vol. 2. General and Comparative Linguistics]. Vladikavkaz. (In Russ.).

2. Abaev, V.I. (2020). *Izbrannye trudy v 4 tomah. T. 1. Religija, fol'klor, literatura*. [Selected works in 4 vol. Vol. 1. Religion, Folklore and Literature]. Vladikavkaz. (In Russ.).

3. Barhudarov, L.S. (1975). *Jazyk i perevod*. [Language and Translation]. Moscow. (In Russ.).
4. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija 2004–2017. [Big Russian Encyclopedia 2004–2017] Available: <https://old.bigenc.ru>.
5. Dzabity, Z.P. (2018). *Frazeologičeskij slovar' osetinskogo jazyka*. [Phraseological Dictionary of Ossetian]. Chinval. (In Ossetian.).
6. Džaparova, E.B. (2014). *Jekvivalentnost' leksičeskix edinic originala v variantax perevoda A. Ahmatovoj pojemy K. Hetagurova «Chi dæ?» («Kto ty?»)* [Equivalency of the lexical units of the original text in the variants of translation of the poem by K. Khetagurov “*Ču dæ?*” (“*Who are you?*”) translated by A. Akhmatova]. // Kosta i mirovoj istoriko-kul'turnyj process: sb. materialov Mezhdunar. konf., posvjashh. 155-letiju so dnja rozhd. K.L. Hetagurova. Vladikavkaz. Pp. 96-115. (In Russ.).
7. Dubinko, S.A. (2013) *Kategorija kachestva perevoda: adekvatnost' i bukvalizm*. Aktual'nye voprosy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov: sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 1. Minsk. Pp. 45-53. (In Russ.).
8. Itogi VPN-2020. Tom 5. Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami. Tablica № 4. *Vladenie jazykami i ispol'zovanie jazykov naseleniem*. [Language Skills and Usage by the Population]. (In Russ.). Available: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_jazykami.
9. Maslova, V.A. (2014) *Lingvokul'turologija kak nauka o naibolee kul'turonosnyh jazykovyh sushhnostjakh*. [Linguoculturology as a science of the most culture bearing language essences]. Zhurnal: Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. № 16. Pp. 78-90. (In Russ.).
10. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology]. Moscow. 208 p. (In Russ.).
11. Salbiev, T.K. (2019) *Kosta: molenie o chashe*. [Praying for the Cup]. Zhurnal Sojuza hudozhnikov Respubliki Severnaja Osetija-Alanija № 1. Pp. 6–23. (In Russ.). Available: https://www.academia.edu/43644028/Kosta_molenie_o_chashe.
12. Halupo, O.I. (2014) *Metody i podhody k issledovaniju lingvokul'turnogo materiala*. [Methods and approaches to the research of the linguocultural material]. Vestnik ChGU. № 10. Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 90. Pp. 139-143. (In Russ.). Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-podhody-k-issledovaniju-lingvokulturnogo-materiala/viewer>.

13. Hetagurov, K.L. (2018) *Iron fændyr*. [Ossetian fændyr] Vladikavkaz. 448 p. (In Ossetian.).
14. https://ru.wikipedia.org/wiki/Uoltjer_Mjej.
15. Newmark, P. (1987) *A textbook of translation*. Shanghai Foreign Language Education Press. 292 p.
16. Tytler, A. (1791) *The Essay on the Principles of Translation*. London. 239 p.

Сведения об авторе

Джатиева Жанна Михайловна, преподаватель английского и немецкого языков, магистрант факультета осетинской филологии, Северо-Осетинский Государственный Университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация, Владикавказ. E-mail: zhanbit@mail.ru.

About the author

Dzhatieva Zhanna Mikhailovna, teacher of English and German languages, Master's student of the Ossetian Language Faculty, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Russian Federation, Vladikavkaz. E-mail: zhanbit@mail.ru.

УДК 81'255.2'373

Косташ Л. Л., Наконечная Ю. А.
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ
ПЕРЕВОДЕ

Kostash L. L., Nakonechnaya Yu. A.
LEXICAL TRANSFORMATIONS IN AUDIOVISUAL TRANSLATION

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы перевода субтитров с английского языка на русский в свете классификации лексических переводческих трансформаций на примере англоязычного сериала «Друзья» (акцент на эллипсе). С учётом специфики аудиовизуального перевода предлагается использование трансформаций, оптимизирующих семантическую и структурную составляющую субтитра для достижения коммуникативного эффекта как самого субтитра, так и фильма в целом.*

***Ключевые слова:** аудиовизуальный, перевод, трансформация, субтитр, сериал.*

***Abstract.** The article analyzes the problems of translating subtitles from English into Russian in the light of the classification of lexical translational transformations on the example of the English-language TV series “Friends” (emphasis is made on ellipse). Taking into account the specifics of audiovisual translation, it is proposed to use transformations that optimize the semantic and structural component of the subtitle to achieve the communicative effect of both the subtitle itself and the film as a whole.*

***Keywords:** audiovisual, translation, transformation, subtitle, series.*

В последнее время растёт популярность фильмов, видео– и аудиозаписей, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни, оттеснив книги на второй план. С каждым годом усиливается межкультурное взаимодействие в области искусства и коммерческой деятельности. В процессе общения друг с другом люди неизменно пытаются как-либо сократить свои реплики, и причины тому могут быть самыми

разными: собеседники могут торопиться рассказать интересную историю, сделать свою речь проще для понимания друг другом, или же просто хотят воссоздать в разговоре неформальную обстановку. Со временем сокращения того или иного члена предложения становятся нормой и зачастую люди перестают замечать те или иные сокращения в речи.

Перевод аудиовизуальных текстов заинтересовал исследователей сравнительно недавно. Вначале учёные не рассматривали сферу кинематографа как нечто достойное научного изучения. Первые работы по переводу аудиовизуальных текстов имели характер практических советов для переводчика. В последнее время такая разновидность перевода стала особенно актуальной в связи с появлением большого количества англоязычных фильмов и телепередач. Кроме того, в этой области появились проблемы, специфика которых определяется изменениями речи и всевозможными сокращениями с целью передачи информации более ярко, красочно, сжато и лаконично. Такую роль в аудиовизуальных текстах выполняет приём эллипсиса. Семантико-стилистическое своеобразие неполного предложения создаётся именно эллипсисом (пропуском). Отсутствие сказуемого (или другого члена предложения) в его лексической конкретности и создаёт оттенок быстроты, стремительности, интенсивности, напряжённости действия.

К аудиовизуальным текстам относятся, в первую очередь, тексты, распространяемые посредством радио и телевидения. Сюда же входят тексты, образующие единство с музыкой (песни, гимны, хоры, оратории), а также разного рода сценические произведения и кинофильмы. Наряду с типологическим наименованием «аудиомедиальный текст», в литературе используют понятие «аудиовизуальный текст», тем самым указывая, что основанием для выделения подобного типа текстов является единство языковых и внеязыковых (визуальных) средств. Например, К. Райс называет данный вид текстов необходимыми во внеязыковой среде для того, чтобы дойти до слушателя, и при языковом оформлении которого, как в исходном языке, так и в языке перевода, необходимо учитывать особые условия этой среды [3, с. 211]. Наиболее востребованным из представленных выше видов аудиовизуальных текстов на сегодняшний день являются тексты кинофильмов.

Под термином «киноперевод» обычно подразумевают перевод художественных и анимационных фильмов, а также сериалов. В Рос-

сии этот термин впервые введён в научный обиход А.П. Чужакиным и П.Р. Палажченко. Киноперевод, как отмечают учёные А.П. Чужакин и П.Р. Палажченко, «ставит весьма сложные и интересные профессиональные задачи, он отличается большей возможностью для творчества, приближаясь в этом смысле к письменному переводу, ведь кино – это искусство, и лучшие образцы жанра являются шедеврами мировой культуры XX века. Не снизить общее художественное восприятие, не исказить замысел автора, качество диалогов, речевые характеристики (по возможности), сохранить стиль, передать аромат эпохи и индивидуальность – почётная, но нелёгкая миссия» [4, с. 38].

Субтитры – один из видов аудиовизуальных текстов, отличающийся своими особенностями. Переводя субтитры, переводчику необходимо помнить, что он имеет дело с диалогом (устной речью), то есть весь текст тяготеет к разговорности. Если стилистически рассматривать аудиовизуальный текст, то его можно охарактеризовать как устную речь, закреплённую в письменном виде, поэтому при переводе необходимо учитывать все аспекты и особенности устной речи. Устная речь, как правило, является диалогической. В ней чаще используется разговорно-бытовая, просторечная, иногда диалектная лексика и фразеология. Её синтаксис характеризуется частым употреблением простых и неполных предложений; порядок слов не всегда обычный. Из сложных предложений употребляются чаще сложносочинённые, чем сложноподчинённые. Причастные и деепричастные обороты в устной речи используются редко.

Сам термин «эллиптические предложения» лишён однозначности. Чаще всего он употребляется как синоним термина «неполные предложения». В этом значении термин можно встретить в работах лингвиста Н.Н. Леонтьевой. Термином «эллиптические предложения» Н.Н. Леонтьева называет предложения, в которых присутствует «опущение повторяющегося слова, всегда сопровождающееся нарушением правильной синтаксической структуры предложения», а именно неполные предложения, восполняемые из контекста. И, наконец, эллипсис иногда понимается предельно широко, как любое проявление экономии языковых средств [2, с. 103].

Мы склоняемся к наиболее детальному и точному определению эллипсиса профессора В.Н. Ярцевой. Эллипсис – это «пропуск в речи или

тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции».

В предложении эллипсис можно определить, как:

- 1) отсутствие какого-либо компонента высказывания, легко восстанавливаемого из конкретной речевой ситуации;
- 2) пропуск того или иного члена предложения или компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста;
- 3) нулевая связка [5, с. 33].

Рассмотрев классификации переводческих трансформаций, мы решили остановиться на классификации переводческих трансформаций, предложенной Л.С. Бархударовым.

Материалом нашего исследования послужили субтитры к англоязычному сериалу “Friends” на русском и английском языках. Перевод сериала был сделан переводчиком Михаилом Мишиным специально по заказу телеканала РТР. Нами было просмотрено 98 серий сериала, в которых было выявлено и проанализировано 250 примеров эллиптических предложений и их перевод на русский язык. В переводе 203 эллиптических предложений были использованы переводческие трансформации.

Приёмы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение (смысл) иноязычного слова в контексте и находим ему соответствие на другом языке, не совпадающее со словарным, принято называть лексическими трансформациями. В семантическом отношении сущность трансформаций заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной формы.

В ходе работы мы встретили 16 примеров конкретизации. Конкретизация – это способ перевода, при котором происходит замена слова или словосочетания иностранного языка с более широким предметно-логическим значением на слово с более узким значением. Приведём пример:

– *He finally asked you (to go) out?*

– *Yes!*

– *Он наконец пригласил тебя?*

– *Да!* [“*The one with Ross’s new girlfriend*”, 17:04]. Пример с невыраженной частью составного именного сказуемого, частью фразового глагола “to go out”. Фразовый глагол “to go out” («отправиться», «вы-

йти прогуляться», «выйти на улицу») переведён глаголом с более узким значением «пригласить».

Приём генерализации противоположен конкретизации, так как он заключается в замене частного общим, видового понятия родовым. При переводе с английского языка на русский язык он применяется не так часто, как конкретизация. Это связано с особенностью английской лексики. Английские слова чаще имеют более абстрактный характер, чем русские слова, относящиеся к тому же понятию. Мы нашли и проанализировали 4 примера генерализации. Приведём один из примеров:

– *Ross, so (many) thanks. But I think I'm just going to **hang out** here tonight.*

– *Спасибо, но я просто **побуду** здесь [“The one with the baby on the bus”, 02:15].* Пример эллиптического предложения с невыраженным неопределённым местоимением “many” («много»), которое также опущено в переводе. В данном примере переводчик применил приём генерализации при переводе фразового глагола “hang out” («оторваться», «тусить») глаголом с более широким значением «быть».

Компенсация – это способ перевода, применяемый тогда, когда некоторые смысловые элементы и стилистические особенности невозможно передать достоверно. Чтобы полностью не утратить значение слова, в тексте перевода используются элементы другого порядка. Нам удалось обнаружить 9 примеров компенсации в переводе. Приведем пример:

– *You (are) **slowpokes!***

– *Вы как **черепахи!** [“The one where underdog gets away”, 04:00].*

В данном примере не выражен основной глагол “to be”. В переводе глагол также опущен. Слово “slowpokes” («копуша», «тугодум») в английском языке используется для того, чтобы охарактеризовать медлительного человека, в русском языке приводят сравнение с черепахой.

Замена следствия причиной и наоборот (модуляция) – это лексическая трансформация, при которой осуществляется замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесённых слов в оригинале и переводе оказываются связанными причинно-следственными отношениями. Мы нашли и проанализировали 31 пример модуляции в переводе субтитров. Приведём один из примеров модуляции в переводе:

– *So, Rachel, what are you doing tonight?*

– *(It'll be a) Big glamour night.*

– *Me and Monica (are) at Launderama.*

– *Рэйчел, какие планы на вечер?*

– **Ночь светских львиц!** Я и Моника в «Постираме» [“*The one with the East German laundry detergent*”, 00:45]. Пример эллиптического предложения с опущенным основным глаголом “to be” в форме множественного числа. Предложение в языке оригинала “Big glamour night” («большая ночь гламура») переведено с использованием модуляции. Гламур ассоциируется с богатыми дамами – светскими лицами. Переводчик передал иронию сочетания стирки и светских львиц.

Антонимический перевод представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в языке оригинала, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения содержания. Мы нашли всего 3 примера антонимического перевода, приводим пример одного из них:

– *You (have) better think about another woman, this one is too fat.*

– *Парень, найди себе другую девушку, эта слегка полновата* [“*The one with the sonogram at the end*”, 16:05]. Пример эллиптического предложения с невыраженным неполнозначным глаголом “to have”. Переводчик использовал приём антонимического перевода при переводе наречия “too” («слишком»). Для смягчения семантики слова “fat” («жирный») переводчик использовал наречие «слегка».

Лексические трансформации нередко требуют внесения дополнительных слов. Приём добавления обусловлен рядом причин: различиями в структуре предложения и тем, что более сжатые английские предложения требуют в русском языке более развёрнутого выражения мысли. Отсутствие соответствующего слова или соответствующего лексико-семантического варианта данного слова тоже является причиной введения дополнительных слов при переводе. Мы обнаружили 56 примеров использования дополнения при переводе англоязычных субтитров. Приведём примеры:

– **(It's) The forbidden love of a man and his door.**

– **Как романтично.** Запретная любовь мужчины и его двери [“*The one with the princess Leia fantasy*”, 20:15]. Пример эллиптического предложения с невыраженным подлежащим “it” и сказуемым “to be”. Переводчик добавил фразу «как романтично».

В ходе работы с субтитрами и переводом нами было выявлено 32 примера опущения. Опущение – явление, прямо противоположное добавлению. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, с точки зрения их смыслового содержания. Рассмотрим такой пример:

– *Hey, great skirt. (Is it a) Birthday present?*

– *Крутая юбка. Подарок? [“The one with Mrs. Bing”, 06:14].* Пример эллиптического предложения с невыраженными главными членами предложения и неопределённым артиклем. В примере два случая использования приёма опущения. В первом предложении при переводе опущено обращение “Hey” («эй»). Во втором предложении опущено существительное “birthday” («День рождения»).

Следует отметить тот факт, что мы проследили тенденцию, что зачастую переводчик не восстанавливает эллиптированные конструкции в переводе.

Проанализировав примеры использования лексических трансформаций при переводе англоязычных субтитров, можно сделать следующие выводы. При переводе эллиптических предложений на русский язык чаще всего применяются опущение, добавление и модуляция. Приём конкретизации применяется в большей степени в переводе фразовых глаголов и глаголов “to be”, “to do”, “to make”. Примеров генерализации и антонимичного перевода немного. Приём компенсации ввиду особенностей лексики разговорного стиля нередко используется в переводе аудиовизуальных текстов. Сериал “Friends” – комедийный, поэтому переводчику очень важно передать смысл шутки, иронии и непринуждённую атмосферу беседы, поэтому лексические трансформации очень важны в переводе субтитров.

Библиографический список

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. М.: Международные отношения, 1975. 194-210 с.
2. Леонтьева Н.Н. Семантический анализ и смысловая неполнота текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. (681) / Ин-т языкознания АН СССР. Москва: [б. и.], 1968. 20 с.

3. Райс К. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / В.Н. Комиссаров // Классификация текстов и методы перевода. Сборник статей. 1978. С. 202-228.

4. Чужакин А.П., Палажченко П.Р. Мир перевода/Introduction to Interpreting XXI. 6-е изд. М.: Р. Валент, 2004. 223 с.

5. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. Издательство: М.-Л.: Академии Наук СССР. 1961 г. 308 с.

6. [<http://study-english.info/article066.php>].

References

1. Barkhudarov L.S. Yazy`k i perevod (Voprosy` obshhej i chastnoj teorii perevoda) / L.S. Barkhudarov. М.: Mezhdunar. Otnosheniya, 1975. 194-210 s.

2. Leont`eva N.N. Semanticheskij analiz i smy`slovaya nepolnota teksta: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. (681) / In-t yazy`koznaniya AN SSSR. Moskva: [b. i.], 1968. 20 s.

3. Rajs K. Voprosy` teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike / V.N. Komissarov // Klassifikacziya tekstov i metody` perevoda. Sbornik statej. 1978. S. 202-228.

4. Chuzhakin A.P., Palazhchenko P.R. Mir perevoda/Introduction to Interpreting XXI. 6-е изд. М.: R. Valent, 2004. 223 s.

5. Yarczeva V.N. Istoricheskij sintaksis anglijskogo yazy`ka. Izdatel`stvo: М.-Л.: Akademii Nauk SSSR. 1961 g. 308 s.

6. [<http://study-english.info/article066.php>].

Сведения об авторах

Косташ Людмила Леонтиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода филологического факультета, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова. E-mail: lkostash@mail.ru.

Наконечная Юлиана Александровна, ученица 10-Б класса, МОУ «Тираспольская гуманитарно-математическая гимназия», г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова. E-mail: yulianan2007@mail.ru.

About the authors

Kostash Lyudmila Leontievna, Senior Lecturer, Theory and Practice of Translation Chair, Shevchenko State University of Pridnestrovie, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova. E-mail: lkostash@mail.ru.

Nakonechnaya Yuliana Alexandrovna, student, Tiraspol Humanitarian and Mathematical Gymnasium Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova. E-mail: yulianan2007@mail.ru.

СЕКЦИЯ 2
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА
И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

СЕКЦИЯ 2 а)
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫХ
И ТРАНСКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

УДК 811.351.2

Багомедов М. Р.
ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ЭТНОКУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Bagomedov M. R.
ONOMASTIC FOLKLORE IN THE ETHNOCULTURE OF THE PEOPLES
OF A MULTIETHNIC REGION

***Аннотация.** Статья посвящена одной из актуальных проблем современного языкознания – изучению ономастического фольклора в этнокультуре народов полиэтнического региона. На конкретных примерах рассматриваются ономастические единицы и связанные с ними фольклорные произведения, зафиксированные в ономастической системе такого уникального региона мира как Республика Дагестан.*

***Ключевые слова:** полиэтнический регион; языки народов Дагестана; ономастический фольклор.*

***Abstract.** The article is devoted to one of the topical problems of modern linguistics – the study of onomastic folklore in the ethnoculture of the peoples of a multiethnic region. On the basis of specific examples of the material*

collected by the author in the field, onomastic units and related folklore works recorded in the onomastic system of such a unique region of the world as the Republic of Dagestan are considered.

Keywords: *multi-ethnic region; languages of the peoples of Dagestan; Onomastic folklore.*

Целесообразность исследования ономастического фольклора в лингвистике однозначно не воспринимается [3, с. 278]: не имеет «под собой никаких исторических оснований» [11, с. 65-66], «только в очень редких случаях они бывают полезны» [10, с. 5-11], «народные этимологии – это стихийное переосмысление названий из-за их неясности для носителей языка или утраты прозрачности их смысла из-за новых ассоциаций...» [5, с. 18].

При изучении ономастикона такого уникального полиэтнического региона как Дагестан, где на сравнительно небольшой территории представлены 28 языков, на наш взгляд, легенды и предания (как правило, исторического характера) должны занять определенное место. В ряде случаев они помогают лингвисту в этимологизации ономастических единиц [3, с. 278]. В эту группу можно включить ономастический фольклор, связанный со следующими топонимами: *Аждагъали лайдаклиб Гялнжи* «Аждахой (драконом) сброшенная глина (земля)» (зафиксировано в селении Субахтимахи Левашинского района Республики Дагестан), *Аллагъла хъа лис* «Скала дома Аллаха», *Сутта тIякъ* «Расщелина Сутты» (зафиксировано в селении Меусиша Дахадаевского района РД), *Арцулли даклибти хIарби* «Прилетевшие могилы» (могилы-саркофаги; зафиксировано в селении Калакорейш Дахадаевского района РД), «Крепость семи братьев» (зафиксировано в селении Хучни Табасаранского района РД) и др.

О реальных исторических событиях, происходивших на территории Дагестана, свидетельствуют топонимические легенды и предания и, отмеченные при этом ономастические единицы. Так, например, можно привести немало примеров, которые подтверждают изуверскую расправу полчищ персидского завоевателя XVIII в. Надир-шаха с мирным населением ряда населённых пунктов Дагестана. Как правило, такое устрашение проводили на току (гумне) – на специально оборудованном

месте для молотбы зерна (на лезгинском языке – *хирман*, на даргинском языке – *дурегли* и др.). Вояки Надир-шаха сгоняли женщин, детей и стариков на такое место, а затем топтали конскими копытами [7; 8; 9]. Например: *Шах-хирман* «Шахский ток» (с. Курах, с. Кукуз, с. Ахты, с. Хоредж, с. Тузла, с. Кард, с. Ишмиг, с. Кая), *Эххаррасан* «Ток из людей» (с. Орта-Стал), *Гюни-Раццар* «Кровавые токи» (с. Хустиль), *Шахуруман* (с. Джаба) [1, с. 246-399] и др.

Связанное с подобными событиями топонимическое предание зафиксировано на территории селения Меусиша Дахадаевского района РД – *Сигъла дуригъли* «Ток предсмертного вздоха»: *«Надир-шагъличули меусишантела диргъ кабикибли саби. Душманти бахъил либли буйбли саби. Гьелттали бигъубти бахъил кабушибли саби. Миццурли калгунти ваццурбацци арбиркъай саби. БиштIати укибахъябли дуригъли (диркъил мирлики), урчи киттисаибли сади – биштIатела дикк баркъибли саби. ГъанахIа гьел мирлис Сигъла дуригъли бикъули саби»*. В этом тексте, зафиксированном на меусишинском говоре муиринского диалекта даргинского языка, говорится: “Состояла битва меусишинцев с Надир-шахом. Захватчиков было много. Кого смогли, многих убили. Оставшиеся в живых ушли в лес. Собрав детей на ровном месте (на гумне), устроили «молотбу» детей – растоптали конницей. Сейчас это место называют *Сигъла дуригъли* «Ток предсмертного вздоха”.

Хотя реже, но встречаются предания, связанные с антропонимическими единицами. Например, с женским личным именем *Цибац* «Цибац»: «Гъарил миллатла тяхIярли даргантанира дузахъути хасти уми лерти сари. Илар лер аслу-минала, илкъяйда гIярабла, турканала, персияла, урусла ва цархIилти мезаназирад гIерасибти уми. ИмцIали сари гIярабунала уми. Ил секIал бархбасунси саби даргантани бузахъуси бусурман динничил.

Дагъиста цархIилти халкъанала тяхIярли, ишбархIи нушачи даибти аслу-минала уми дарганталара камли сари. Илдигъунти сари гIергъити уми: мурул адамтала – *Ада, Ази, ВиштIал, Дудеш, Урши, Хъубзар*; хъунул адамтала – *Аба, Абазай, Аттаба, Жага, Цайба, Цибац* ва цархIилти.

Цибац у акIниличила ишгъуна хабар лебси саби. АнцIбукъ кабикибси саби жяв замана. Бузерила бархIи таманбиубхIели, хъубзара хъули аркъулри. Ил къалабаикIулри: виштIасилис раибси жагъил хъунул

хЕрлири. Хебла аргъ сабри. Янилизиад чебсаргъибси тлабигЯтли ил хЯйранирулри: хЕркЛа вихбикЛуси тлама, чякнала вичИргъала, амъурси зак. Юртла гьалар унра къарширикиб. Илини сай дудеш ветагъниличила гЯхЛа хабар буриб. Разинубси хъубзарла хЕр закибяхЛ бархъбизур: зубартани баршибси заклизиб сагабиубси бац шалабикЛулри. Рурсилис *Цисси бац* (муирала лугъатли *сагаси бац* ибси саби) бирхъехЕ виклар. ГПур ил у *Цибац*-личи шурбухъун» [4, с. 137].

Как и у других народов Дагестана, и у даргинцев есть заимствованные арабские, тюркские, персидские, русские, а также исконные личные имена, последних сравнительно мало.

О происхождении даргинского женского имени *Цибац* в народе говорят следующее. После трудового дня пахарь возвращался домой. Он спешил: дома ждала беременная жена. Когда поднялся на гору, откуда село было видно как на ладони, он присел на полянку. Прекрасна была весенняя природа: дурманящий запах первых цветов, шум птиц в лесу, проснувшегося от зимней спячки, журчание горной речки, мерцающие звезды на чистом небе и молодой месяц. Полюбовавшись этой красотой, напевая песенку, с радостным сердцем он отправился домой. У ворот дома его встретила соседка и объявила, что он стал отцом – родилась дочь. Поблагодарив Аллаха за щедрый подарок и соседку за добрую весть, он устремил свой взор к небу – мерцали тысячи звезд, и среди них красовалась дуга новой луны. Немного погодя он промолвил: «Дочь мою назовем Цибац!» (в переводе с даргинского *Цибац* означает следующее: *цли* «новая», *бац* «луна», т.е. «новая луна») [2, с. 4].

Ономастический фольклор используют и мастера художественного слова. Например, в рассказе первого народного писателя Дагестана Ахмедхана Абу-Бакара «Поберегите медведя», чьи произведения переведены на 68 языков народов мира, упоминается предание другого характера: «ВиштIахIейчибад нуни ункъли балусири вайси убай нешличила, уркIи клантIиси дудешличила, илала талихIагарси рурсиличила ва синкачила дубурлантани буриси хабар. Ил хабарлизиб, убай нешла тIалаб хIясибли, дудешли сунела рурси зумаси вацIализи аррукниличила, рамсурли, пьакыр рурси дудешла хIякала дубличир, житаван, журугриубли русагъниличила, ил черхIергъахъес дигули, хIякала дубра къисбарили, нургъба тIутIуйкIули, дудеш арукъниличила бурулри. Пьакыр рурси риалли дай дуги черсаргъиб ва къутIкъули рисирииб.

Вацлала жанивартала далли иличи урклецИдудхун, хъара-хъарагъунти нургъбира гердурхъахъи, халаси синкали ил сунечи аррукибсири. Камси замана арбякъунхъели, ил риштласи рурсилизирад вацлала исбагъи ретаур. Илис ЦИбац – Сагаси Бац – ибси ура балли бихъибсири. Илала Гергъи рурсила нуранани беглара цЯбси дугилизибра вацла шалабирули бири...» [6, с. 106]. Здесь говорится как мачеха заставила отца оставить его дочь в лесу. Когда она горько заплакала, медведь забрал её к себе. Из неё выросла лесная красавица. Ей дали имя *ЦИбац* «Новая луна». После этого даже в самую тёмную ночь она освещала лес.

О значении личного имени в этнокультуре языков народов Дагестана говорится в рассказе народного писателя Дагестана Магомед-Расула Расулова «Прости, мама»: «Суал бедибмадан, иличивад вехИхъили, нуни хатла барниличи шакикира, Хамис-адайли дила у хъарбаиб ва, дубуртазиб бузахъуси гЯхъси гЯдат хЯсибли, ил мубаракбариб. Илини сунела у бурили хъалли, нуни ил мубаракбаресалра хлейубра. Илала гъалав ну пикри камси, хЛурмат-хатир барес хЛебалуси хъяша виъни чебаахъира. Наб изирахъуси нуни дила хатла аргънили аХенрину, иличила гЯхъил балули хъалли, Хамис-адай набчи селра хЛебалусиван хЛеррикИнили, набчирад, ил сунела уршиличирадван, гъамадли черрехнили сабри» [6, с. 150]. Герой произведения сожалеет о том, что допустил ошибку: взрослая женщина спросив как его зовут, по горскому обычаю, поздравила его с таким именем, а он не догадался это сделать.

Библиографический список

1. Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных захватчиков (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2002. 408 с.
2. Багомедов М.Р. Словарь даргинских личных имен. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 169 с.
3. Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект. Монография. Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. 347 с.
4. Багомедов М.Р. Даргинский язык. 6 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций. Москва; Санкт-Петербург: Просвещение, 2023. 207 с.
5. Горбаневский М.В. Имена земли Московской. М.: Моск. Рабочий, 1985. 158 с.

6. Магомедов Р.М. Даргинская литература: Учебник-хрестоматия. 7 класс. Махачкала: ООО «Издательство НИИ педагогики», 2005. 240 с.
7. Магомедов Р.М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1963.
8. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971.
9. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1979. 156 с.
10. Матвеев А. К. Собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении севера Европейской части России // Известия Уральского государственного университета. № 33. 2004. Екатеринбург, 2004. С. 5-11.
11. Попов А. И. Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965. С. 65-66.

References

1. Aliev B.G. Borba narodov Dagestana protiv inozemnykh zavatchikov (Istochniki, legendy, geroiko-istoricheskie pesni) [The struggle of the peoples of Dagestan against foreign invaders (Sources, legends, heroic and historical songs)]. Makhachkala: Publishing House of the Printing House of the Russian Academy of Sciences, 2002. 408 p. (in Russian).
2. Bagomedov M.R. Slovar' darginskikh lichnykh imeni [Dictionary of Dargin personal names]. Makhachkala: IPC DSU, 2006. 169 p. (in Russian).
3. Bagomedov M.R. Toponymy of Darga: Structural and Semantic Aspect. Monograph. Makhachkala: DSU Publishing House, 2013. 347 p. (in Russian).
4. Bagomedov M.R. Darginsky yazyk [Darginsky language]. Grade 6: Textbook for general education organizations. Moscow; St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2023. 207 p.
5. Gorbanevsky M.V. Names of the Moscow Land. Moscow: Mosk. Worker, 1985. 158 p.
6. Magomedov R.M. Dargin Literature: Textbook-Reader. Grade 7. Makhachkala: Publishing House of the Research Institute of Pedagogy, 2005. 240 p. (in Russian).
7. Magomedov R.M. Legends and Facts. From the historian's notebooks. Makhachkala, 1963.
8. Magomedov R.M. Dagestan. Historical Studies. Makhachkala, 1971.

9. Magomedov R.M. On the auls of Dagestan. Vol. II. Makhachkala, 1979. 156 p.

10. Matveev A. K. Proper Russian toponymy as a source of information about the ancient population of the north of the European part of Russia // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. № 33. 2004. Ekaterinburg, 2004. P. 5-11.

11. Popov A. I. Geographical Names: (Introduction to Toponymy). M.; Leningrad, 1965. P. 65-66.

Сведения об авторе

Багомедов Муса Расулович, заведующий кафедрой дагестанских языков, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: b_musa@mail.ru.

About the author

Musa Rasulovich Bagomedov, Head of the Department of Dagestan Languages, Doctor of Philology, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: b_musa@mail.ru.

Гасситы Н.К. Тыбылты И.Д.

**ÆМБАРЫНÆДТÆ НÆЛГОЙМАГ 'МУЖЧИНА' ÆМÆ СЫЛГОЙМАГ
'ЖЕНЩИНА' УЫРЫССАГ ÆМÆ ИРОН ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЙЫ
(УЫРЫССАГ ÆМÆ ИРОН ÆМБИСÆНДТЫ БЫНДУРЫЛ)**

Гассиева Н.К., Тибилова И.Д.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА
«МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» В РУССКОЙ И ОСЕТИНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ)**

***Аннотаци.** Адæймаджы 'взаджы фарстатæ æвзагзонынады иртæст цæуыныц алыгъуызон здахтыты. Уыдон ахсæн ис антропоцентрикон здахт дæр. Дзырд «антропоцентрикон» у философон æмæ дун-неонбакасты здахт, цыран адæймаг æвзæрст цæуы куыд дун-дунейы центр, куыд уæвынад æмæ зонындзинæдты райдиан, куыд автономон сфæлдисæг. Антропоцентрикон здахты иртæст цæуыныц нæлгоймаг æмæ сылгоймаг куыд адæймаджы минæвæрттæ. Нæлгоймагæн 'мужчина' æмæ сылгоймагæн 'женщина' стыр нысаниуæг кæй ис ахсæнады æмæ бинонты царды, уый дызæрдыггаг нæу. Нæлгоймаг – бинонты хицау, ахсæнады вазыгджын фарстатæ скъуыддзаггаенæг, тых æмæ ныфс. Сылгоймаг – царддæттæг, бинонты æнгомдзинад хъахъхъæнаг, æфсермдзæст, хъомылгæнаг. Нæлгоймаг æмæ сылгоймаджы хæстæ, сæ уавæр ахсæнады, бинонты 'хсæн хорз æвдыст цæуыныц уырыссаг æмæ ирон æвзаджы лингвокультурологийы, сæйраджыдæр, æмбисæндты. Ацы уацы иртæст цæуы нæлгоймаг æмæ сылгоймаджы статус уырыссаг æмæ ирон æмбисæндты.*

***Сæйраг дзырдтæ:** æмбарындæтæ, концепт, лингвокулторологи, нæлгоймаг 'мужчина', сылгоймаг 'женщина', гендерон ахастытæ, контрастивон лексикологи, антропоцентрикон.*

Æвзаджы фарстатæ иртасыны стыр бынат ахсы антропоцентрикон здахт. Уый иртасы адæймаджы алыварсонæй: йæ миддуне, йæ сконд, йæ 'взаг, йæ культура. Уыдон æвдыст цæуыныц алыгъуызон концептты. Ляпин С.Х. концепт æмбарын кæны куыд «...культурон гентæ, куыд

культурон генотипы хай».[8]. Попова З.Д.-йы хъуыдымæ гæсгæ, уый у «глобалон хъуыдыкæнынады иуæг».[12].

Лингвистты хъуыдымæ гæсгæ, адæймаг æвзаджы æвдыст цауы дыууæаддагуæлæ хуызæгмæ гæсгæ: иумæйагадæймагон æмæ æрдмæ гæсгæ – нæлон миниуæгмæ гæсгæ – нæлгоймаг æмæ сылон миниуæгмæ гæсгæ – сылгоймаг. У гендерон лингвистика æмæ лингвокультурологийы иртасыны объект.

Гендерон хицæндзинад æмæ гендерон ахастытæ алыгъуызон культурæты сты универсалон, фæлæ уымæ уæддæр, уыдонæн ис национ специфика. Уый бæрæг цауы этнокультурон традицтæй æмæ æвзаджы хиæдтæй, уымæн æмæ уыдон сты менталон арæзтытæ адæмы когнитивон зондахасты.

Концепты вербализаци у алыгъуызон æмæ бирæвæрсыг. Фæлæ мах ацы куысты равзæрстам уырыссаг æмæ ирон æвзаджы ахæм æмбисæндтæ, цыран активонæй пайда цауынц æмбарынадтæ *сылгоймаг* æмæ *нæлгоймаг*. Æмбисæндтæн ис кумулятивон (æмбырд кæныны) функци, фидар кæнынц бæлвырд культурæйы доминантон нысаниуджытæ æмæ фæзындтæ.

Концепттæ *нæлгоймаг* æмæ *сылгоймаг* æппынæдзух сты динамикон уавæры. Рагæй фæстæмæ нæлгоймагæн ис фидар бынат æхсæнады, фæлæ нырыккон дуджы сылгоймаджы позицитæ тыхджынаы-тыхджындæр кæнынц, уый æдых кæны андроцентрикон тенденцитæ.

Абайты Вассо йæ историон-этимологион дзырдуаты дзырд *нæлгоймаг* афтæ æмбарын кæны: “...*нæлгоймаг* – мужчина включает часть *næl* и восходит к иранскому *naryu-мужчина, *nalgoimag* – лицо мужского пола, мужчина. Сложение из *nal* и *goimag* – (во второй части сложных слов)– *лицо, личность* [1.Т.1, с.166-167].

Нæлгоймаджы фæлгонц баст у лæгдзинадимæ, хъæбатырдзинадимæ, куыстимæ. Ранымæд миниуджытæ ирдæй æвдыст цауынц ирон æмæ уырыссаг æмбисæндты.

– *Мужчина тот, кто сомкнет рот и засучит рукава. Хоть ростом маловат, да мужеством богат. Мужество создаёт победителей. Смелые всегда друг другу цену знают. Знает и поп, что мужик добр.*

– *Лæг хуамæ лæджы ном хæсса* ‘мужчина должен с честью носить имя мужчины’. *Лæг хæдзары дарæг* у ‘мужчина – кормилец в семье.’

Нæлгоймаг зивæггæнаг, магуса куы ваййы, уæд уый нæлгоймагæн кадыл нымад нæ цауы. Ахæм нæлгоймаг нымад цауы ницæйагыл, æгуыдзæгыл, æгадыл.

– *Ленивый мужик – худой мужик. У ленивого Емели семь пятниц на неделе.*

– *Зивæггæнаг лæппу схуыст æййафы* ‘ленивый парень заслуживает упрёка’. *Зивæг ма кæн, дæ бахæй нæ рахаудзына* ‘не ленись – не упадёшь со своей лошади’ (иронично).

Нæлгоймаг бинонты хицау куы сваййы, уæд æргом æрцауынц йæ нæлгоймаджы æцæг миниуджытæ. Æнæус лæг уырыссаг æмæ ирон культурайы нымад цыд ницæйагыл.

– *Холостой – полчеловека.*

– *Æнæуслæг къуда галы хуызæн* ‘неженатый мужчина похож на бесхвостого быка’.

Сылгоймагæн йæ фарсмæ нæлгоймаг æмдзу кæны куыд цардæмбал.

– *Без мужа жена – всегда сирота. Птица крыльями сильна, жена мужем красна.*

– *Махæн нæ лæг бæсты сой æмæ сыхы фидауц* у ‘изобилие нашей семьи и гордость округи – мужчина’. *Нæлгоймаджы сæр алы усы дæр хъæуы* ‘помощь мужчины каждой женщине нужна’.

Нæлгоймагæн ирон æхсанады уыд стыр кад. Уый уыд æмæ у ныр дæр бинонты, хæдзары хистæр (хицау). Нæлгоймаг дыууæ культурайы дæр хайджын у ахæм лæджы миниуджытæй куыд лæгдзинад – «мужество», кад – «уважение», намыс – «честь, совесть», уæздандзинад – «благородство», «скромность».

Уырыссаг æмбисæндтæ æмæ загъдаутæ куыд æвдисынц, афтæмай нæлгоймаг хаттæй-хатт тызмæг цæстæй каст сылгоймагмæ, цардæмбалмæ.

– *Жена с сердцем, муж с перцем – натирай ей нос. Люби жену как душу, тряси ее как грушу.*

Ирон паремийы сылгоймагæн рагæй фæстæмæ ис стыр кад. Лæг йæ усы адамы ‘хсæн фыдæлты заманы йæ номæй на хуыдта, ног дуджы уый аипп нæу. Сылгоймаг уыд æфсæрмы аккаг, æгæрыстæмæй уый туджджынты дæр фидауын кодта.

Æркæсæм нæлгоймаджы иуæй-иу семантикон миниуджытæм. Цымыдисон у ахæм фæзынд: цы нæлгоймаг мидагмоймæ бацыд царынмæ,

ома, йæ каистимæ цæры, уый хорз лæгыл нымад нæ уыд æмæ ныр дæр нæу. Уый у худинаг. Уый барстой æдых маргъимæ, æдых цæрагоимæ.

– Йæ каистимæ чи цæры, уый уызын йæхицæй æвзæрдæр хоны ‘кто живёт в доме родственников жены, того ёж хуже себя считает’. Каистимæ цæрын худинаг у ‘жить с родственниками жены позорно’. Мидæгмоймæ бацæуын стыр худинаг у ‘позорно жить в доме жены’.

Йæ каистæм чи цард, уымæй афтæ дзырдтой, зæгъгæ, мидæгмоймæ бацыд ‘согласился жить в доме тестя’. Ахам матрилокалон цардыуаг баст цæуы ирæдимæ: сияхсæн йæ бон нæ уыд ирæд бафидын æмæ, цæмæй ирæдæй срасст уыдаид чызджы бинонты раз, уый тыххæй-иу рæстæгмæ æххуырсты бынаты уыд. Ахæм фæзынд уырыссаг культурайы дæр æмбæлы – примак.

Цымыдисон у концепт *нæлгоймагимæ* баст æмбарынад *тиу* – ‘деверь’. Уырыссаг æвзаджы термин *тиу*-æн ис конкретон нысаниуæг, ирон æвзаджы йæ семантика у уæрæхдæр æмæ арфдæр. Дзырд *тиу* амоны æрмæст цардæмбалы хæрзæфсымæр нæ, фæлæ ма лæджы мыггаджы цы нæлгоймагтæ ваййы, уыдон дæр. [3, с.53,54].

– *Мæ сæрыхицау кæм ис æмæ мæ дзæбæх тиутæ, æз дæр хъуамæ уым амæлон* ‘где владыка моей головы (муж) и мои добрые девери, там и я должна умереть’.

Абайты Вассо фыссы: ‘...*тиу* имеет индоевропейское происхождение и восстанавливается в виде *daiwer*, чему на иранской почве должно отвечать *daiwar*. За пределами иранского: – др. инд. *devar-*, ст. слав. *děverь*, русск. – *деверь*. [1.Т.3,с.297].

Ирон культурайы *тиу* ‘деверь’ – æн стыр кад уыд хæдзары хицауы фæстæ. Тиуы цур кæстæр чындзытæ хъæрай нæ дзырдтой, кæстæр тиуы хуыдтой лæппу йæ æзтæм æнæкæсгæйæ. Банысан кæнæм уый дæр, æмæ хæдзары хицау йæ сывæллæттæм сæ нæмттæй нæ дзырдта, кæд сывæллæттæ асджын уыдысты уæддæр. Хистæр тиумæ бинонты сылгоймагтæ дзырдтой: «нæ хистæр».

– *Тиу куы нæ уайсада, уæд чындз дæр нæ уайсады* ‘если деверь не соблюдает древний обычай уважительного молчания по отношению к невестке, то и невестка нарушает этот обычай’. *Тиуæн бирæ чындзытæ куы уа, уæд æм бирæ амонд кæсы* ‘если у деверя будет много невесток, то его ждёт много счастья’. *Тиуы амонд – чындзма хорз дзурын* ‘счастье девера – хорошо разговаривать с невесткой (доброе отношение к невестке).

– *Первая зазнобушка – свёкор да свекровушка, другая зазнобушка – деверь да золовушка. Лучшие деверя четыре, чем одна золовушка. Свёкор журилив, свекровь хлопотница, деверь насмешиник, золовка смутьянка.*

Ирон культурайы зыны цымыдисон фæзынд: тиуæн йæ бон уыд æмæ æмкъайæн æрбакодтаид йæ идæдз чындзы. Ахæм уынаффæ хастой бинонты хистæртæ, цæмæй сæ сывæллæттæ æвæгæсæгæй, æнæ хъусдардæй ма баззадаиккой. Ирон культурайы ма зыны ахæм æгъдау дар: сияхс-иу чындзæхсæвы размæ куы амард, йæ ирæд иууылдæр, кæнæ йе ‘мбис фыст куы ‘рцыд, уæд-иу чызг куырдуаты баззад, ахæм чызджы куырда сияхсы æфсымæр. [9, с.238].

Ацы фæзынды тыххæй М.М.Ковалевский афта зæгъы: «Участвуя в платеже, семья не соглашается потерять в лице вдовы рабочую силу, приобретенную на собственные средства. Вместо того чтобы тратиться на покупку невесты для холостого члена семьи, она предпочитает обвенчать его на вдове и тем самым достигнуть сразу обеих целей: рождение потомства, способного продолжить семейный культ, и сохранение полезной для семьи работницы». [6, с.322,323].

Заххыл цард куы фæзынд, уæдæй фæстæмæ сылгоймагæн æхсæнады æмæ бинонты ‘хсан ис ахадгæ бынат. Стыр кад кодтой сылгоймагæн ирон æмæ уырыссаг культураы. Концепт *сылгоймаг* хайджын у ахæм æууæлтæй: рæсугъд, хæларзæрдæ, фæлмæн, уæздан, æвзаджджын, тæригъæдгæнаг.

Абайты Вассойы историон-этимологион дзырдутæ гæсгæ *sylgoimag (silgoimag) -женщина, женское существо*. Сложение из *syl* и *goimag* [1.Т.3, с.195]. Сылгоймаджы миниуджытæй æппæтты ахсджиагдæр миниуæг у мадæлдзинад, мад уæвын.

– *Без матушки родной и цветы не цветут. Без отца полсирота, а без матери – вся сирота. Сердце матери греет лучше солнца.*

– *Мады зæрдæ дурмæ дæр хъары «Материнская любовь понятна и камню». Мады зæрдæ зонæг у «Материнское сердце мудрое, знающее».*

Фольклорон æрмæг куыд æвдисы, афтæмæй мады фæлгонц æвдыст цæуы уæрæхæйдæр уырыссаг æмæ ирон культураы, фыды фæлгонцæ абаргæйæ. Эрæх фехъусæн ис адæмы ‘хсæн ахæм сомы: ма мадæй дын сомы кæнын – клянусь матерью. Фыдай къаддæр сомы кæнынц.

– *Мады ‘хсыр хæлар у ‘материнское молоко – это здоровье’.*

Концептосферæ *мад*, Битарты З.А-ы чызджы хъуыдымæ гæсгæ, уæрæхдæр кæны фæсæфтуантæ *-он, джын æмæ иуæг*-ы æххуыссæй:

маделон- 'материнство'; *мадджын* – 'имеющий мать'; *мадиуаг* - 'обязанности матери' [3, с. 22].

Дзырд *мадимæ* æмбæлæм ахæм дзырdbæстыты: *мæ мады хай* 'часть матери моей (досл)'.

Ирон æвзаджы сæрибар дзырdbаст *мæ мады хай* бадзурæм сылгоймагмæ æмæ уымæй æвдисæм нæ уæздан ахаст уыцы сылгоймагмæ. Цымыдисон у уый дæр, æмæ сылгоймаг паремийы æнæ бинонтæй не 'мбæлы. Сылгоймаг у мад, идаæдз, æфсин, усы мад, чызг, чындздзон чызг, абадгæ чызг.

– *Лучше выйти замуж без любви, чем остаться старой девой. Жена без мужа, что дом без крыши. Глядя на мать, бери дочь.*

– *Ног чындз æнæзивæг вæййы* 'молодая невестка не ленится'. *Хорз сылгоймаг* – *хæдзары зæд* 'хорошая хозяйка – ангел – хранитель дома'.

Сылгоймаг уырыссаг æмæ ирон æмбисæндты æвдыст цæуы æнæхинæй, æууæндагæй, уынгæгзæрдæйæ. Сылгоймагæн йæхи ныхас нæ уыд, уыд йæ лæджы дæлбар.

– *Бабы умы разоряют дома. В длинном платье, да в коротком разуме. У бабы семь пятниц на неделе. Женский обычай – слезами беде помогать. Женское сердце, что котел кипит.*

– *Сылгоймаг авгаей уалдай нæу* 'женщина, как стекло, хрупкая'.

– *Сылгоймагæн йæ хил (дзыкку) даргъ у, йæ зонд-цыбыр* 'у женщины коса длинная, а ум короткий'. *Сылгоймаджы зондæй хæдзарыл райсомæй сихормæ хъуаг æфты, сихорæй изæрмае та галл хауы* 'от женского ума в доме с утра до обеда убытки увеличиваются, а с обеда до вечера бык теряется'.

Сылгоймагæн йæ зонд рæгъмæ нæ хастой. Фаг уыд йæ хæдзардзинад æмæ йæ хæлардзинад.

– *Умную взять – не даст слова сказать.*

– *Сылгоймаг йе фсармæй фидауы* 'женщину красит ее скромность'. *Сылгоймагæн йæ уынд йæ амонд у* 'внешность женщины говорит о её счастье'. *Сылгоймаг æмæ къæбиц кæрæдзийыл баст сты* 'женщина и кладовая связаны'.

Фæлæ уыимæ уæддæр сылгоймаджы зондджын ныхасмæ хъустой. Уымæн æвдисæн у нарты Сатанай фæлгонц ирон лингвокультурологийы. Сатана уыд Уастырджы æмæ Дзерассæйы чызг. Уыд фазминаг сылгоймаг нартан, уый бирæ хæттыты Нарты адамы ирвæзын кодта

фыдбылызæй, æххормагдзинадæй, уыд дардмæуынаг. «Тщетно искали бы мы в каком-либо ином эпосе женский образ той мощи, такого размаха, такой жизненности...» – фыссы Абайты Вассо [2].

Ног чындзæн арæх арфæ кæнынц, цæмæй Сатанайау уа зондджын ама дæрдтыл хъуыдыгæнаг. Сатанайы фæлгонц дзæбæх æвдыст æрцыд ирон æмбисæндты:

– *Сылгоймаг Сатана дæр уыд, фæлæ нарт йæ зондæй цардысты* ‘женщиной была и Сатана, но её умом жили нарты’. *Не ‘фсин Сатана* ‘Сатана наша хозяйка’. *Бæстыый аргъ – Сатана* ‘Сатана, равная все-ленной’. *Уыцы усы къухтæ – Сатанайы къухтæ* ‘руки этой женщины, как руки Сатаны’.

Уырыссаг кадджыты сылгоймаг у хиуылхæцгæ, зондджын. Къаддæр зыны йæ аивдзинад.

Сылгоймаджы дывзагондзинад кадыл нымад нæ цауы нæдæр ирон æмæ нæдæр уырыссаг æвзаджы.

Усы æвзаг – хæдзархалæг ‘язык женщины – разрушитель дома’, *лæг иу дзырдон, ус – сæдæдзырдон* ‘мужчина – однословен, женщина-многословна’.

Цымыдис æвзæрын кæнынц терминтæ *æфсин* – ‘свекровь’ æмæ *усы мад* ‘теща’ – йы фæлгæнцтæ дыууæ паремийы. *Æфсин* – нæлгоймаджы æмкъай, бинойнаг, хæдзары хистæр сылгоймаг, кадджын адæймаг. Йæ цардæмбал-иу йе ‘цаг дунемæ куы ацыд, уæд хæдзæры къухдариуæг кодта æфсин йæ хистæр фыртимæ.

– *Кому свекровь свекрушка, а кому и свекровице. Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит. Люб, что свекровин кулак. Хата чужая, что свекровь лихая. Свекровь на печи, что собака на цепи. У хорошей тещи зятек – самый любимый сынок. Хозяин надеется на рысака, зять – на тещу. Зять да сват у тещи – первые гости. Был у тещи, да рад утекиш.*

«*Æфсин* – это термин массагетского матриархата, донесенный до наших дней осетинам в непрерывной бытовой, эпической и религиозной традициях». [1.Т.1, с.111]. Дарддæр Абайты Вассо фыссы: «...что в Средней Азии слово *æфсин* означало *правитель, господин*» [1. Т. 1, с. 111].

Уырыссаг æмæ ирон лингвокультурологийы *æфсин* – ‘свекровь’ у хæдзары хистæр, сылгоймаг бинонты хистæр – ‘хозяйка дома’.

– *Уазæг æфсинмæ кæсы ‘гость смотрит на хозяйку, ждет милости хозяйки’. Бинонтæн се ‘нгомзинад се ‘фсиныл баст у ‘единство семьи связано с хозяйкой’.*

– *Холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможет. Добрая жена да добрые щи – другого добра не ищи.*

Зондджын, æмбаргæ, зæрдæргъæвд сылгоймагæн стыр аргъ цыд æхсанады, зын уавæрты æххуыс уыд йа цардæмбалæн, бинонтæн.

– *Чем умнее жена, тем сильнее семья. Где один мужик не может, там жена поможет.*

– *Хорз ус лæгæн йæ амонд ‘хорошая жена – счастье мужа’.*

Бирæ æмбисæндты уынаем сылгоймаджы æппæрццаг миниуджытæ: гадыныхасгæнаг, хъуыр-хъуыргæнаг, хивæнд, тæргайгæнаг.

– *На женский норов нет угодника. Взял жену – забудь тишину. С болтливой женой хлопот не оберешься.*

– *Тæргайлидзæг ус дзырдтæ мысы ‘обиженная жена слова сочиняет’. Чызджы былтыл – æгънæг хуыд ‘к устам девушки должна быть пуговица пришита’.*

Дзæвгар æмбисæндтæ æвдисынц сылгоймаджы рæсугъддзинад, йæ аив бакаст.

– *Иссушила молодца чужая девичья краса. Идёт словно пава плывет. Народная мудрость при этом советует выбирать жену не по внешности, а по душе и уму. Не красивая красива, а любимая. Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славе).*

– *Хурау худгæ чи кодта, стъалыйау – æрттивгæ, мæйæ фæлурсдæр ‘как солнце улыбалась, как звезда сверкала, бледнее, чем месяц’.*

Æрхæсгæ æрмæгæй саразан ис ахæм хатдзæгтæ: сылгоймаг æмæ нæлгоймаг сты сæрмагонд ныхмææвæрд æмбарынадтæ æвзаджы, ис сын сæхи бынат, сæхи хæстæ æхсанады, бинонты царды, патриархалон царды дунейы нывы, фæлæ сын, уыинмæ уæддæр, ис комплементарон ахастыгæ, аразынц æвзаджы иу æнæхъæн æмбарынад, баст сты кæрæдзимæ, кæрæдзи æххæст кæнынц.

Библиографи

1. Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. 1. М.-Л., 1958. 655 с. Т. 3. Л., 1979. 358 с.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Циклы, сюжеты, герои. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.

3. Битарти З.А. Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке. Цхинвал, 2011. 90 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Российский университет дружбы народов. М., 2008.
5. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Отрицательные характеристики образа женщины в осетинских пословицах. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №20. 235 с.
6. Ковалевский М. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин. Юридический вестник. № 6, 7. 1885.
7. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1967. 243 с.
8. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению концепта // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангелск, 1977. Вып. 1.11. 35 с.
9. Магаметов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Владикавказ, 2011. 431 с.
10. Маслов В.А. Лингвокультурология. 2-издание. Учебное пособие. М., 2004. 208 с.
11. Осетино-русский словарь. Орджоникидзе, 1970. 720 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 199 с.
13. Айларов И. Ирон фарн. Дзауджикау, 1996. 396 ф.

References

1. Abaev V.I. IESOYa. T. 1. M.-L., 1958. 655 s. T. 3. L., 1979. 358 p.
2. Abaev V.I. Nartovskii epos osetin. Tsikly, syuzhety, geroi. Skazaniya o nartakh. Osetinskii epos. M., 1978.
3. Bitarti Z.A. Leksika rodstva i rodstvennykh otnoshenii v osetinskom yazyke. Tskhinval, 2011. 90 p.
4. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. Rossiiskii universitet druzhby narodov. M., 2008.
5. Gatsalova L.B., Parsieva L.K. Otritsatel'nye kharakteristiki obraza zhenshchiny v osetinskikh poslovitsakh. // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №20. 235 p.
6. Kovalevskii M. Nekotorye arkhaischeskie cherty semeinogo i nasledstvennogo prava osetin. Yuridicheskii vestnik. № 6,7.1 885.

7. Kaloev B.A. Osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. M., 1967. 243 p.
8. Lyapin S.Kh. Kontseptologiya: k stanovleniyu kontsepta // Kontsepty. Nauchnye trudy Tsentrokontsepta. rkhangelsk, 1977. Vyp. 1.11. 35 s.
9. Magametov A. Kh. Kul'tura i byt osetinskogo naroda. Vladikavkaz, 2011. 431 p.
10. Maslov V.A. Lingvokul'turologiya. 2-izdanie. Uchebnoe posobie. M., 2004. 208 p.
11. Osetino-russkii slovar'. Ordzhonikidze, 1970. 720 p.
12. Popova Z.D. Sternin I.A. Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh. Voronezh, 1999. 199 p.
13. Ailarov I. Iron farn. Dzauzhikau, 1996. 396 p.

Сведения об авторах

Гасиева Натали Константиновна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, РЮО. E-mail: natali.gasieva@bk.ru.

Тибилова Инга Даниеловна, кандидат филологических наук., профессор кафедры осетинского языка, и. о. декана факультета осетинской филологии и ПМНО, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, РЮО. E-mail: inga.tibilova2016@yandex.ru.

About the authors

Gassieva Natalie Konstantinovna, PhD in Philology, Professor of the Russian Language Department, South Ossetian State University. A.A. Tibilova, Tskhinvali, Republic of South Ossetia. E-mail: natali.gasieva@bk.ru.

Tibilova Inga Danielovna, PhD in Philology, professor of the Ossetian language department, acting. O. Dean of the Faculty of Ossetian Philology and PMNO, South Ossetian State University. A.A. Tibilova, Tskhinval, Republic of South Ossetia. E-mail: inga.tibilova2016@yandex.ru.

УДК 8.81.81`362

Каримова Р. Х., Габбасова Г. З.
СЕМАНТИКА ЦВЕТОКОМПОНЕНТА «ЧЕРНЫЙ» В НЕМЕЦКОЙ
И ТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Karimova R. Kh., Gabbasova G. Z.
SEMANTICS OF THE COLOR COMPONENT “BLACK” IN GERMAN
AND TATAR PHRASEOLOGY

***Аннотация.** В статье на материале немецкого и татарского языков рассматриваются фразеологические единицы с компонентом чёрный: schwarz, кара. Исследованию подвергаются переносные значения названных прилагательных, вербализованные в содержании коммуникативных фразеологизмов. Результаты исследования могут использоваться на занятиях по лексикологии немецкого и татарского языков в вузе, при написании выпускных квалификационных работ, в сопоставительных исследованиях неродственных языков.*

***Ключевые слова:** фразеологизм, семантика, лексема, переносное значение, немецкий язык, татарский язык.*

***Abstract.** The article examines phraseological units with the black component based on the material of the German and the Tatar languages: schwarz, kara. The figurative meanings of these adjectives, verbalized in the content of communicative phraseological units, are being studied. The results of the study can be used in classes on the lexicology of German and Tatar languages at the university, when writing final qualifying papers, in comparative studies of unrelated languages.*

***Keywords:** phraseology, semantics, lexeme, figurative meaning, German, Tatar language.*

Семантика цветокомпонента в составе фразеологических единиц является одной из актуальных тем для исследования. Интерес представляет сопоставительное изучение значения цветокомпонента на материале неродственных языков. Объектом исследования являются ком-

понент *schwarz* в немецкой и компонент *кара* в татарской фразеологии. Целью исследования является изучение семантических особенностей названных компонентов в составе немецких и татарских фразеологизмов.

Лексема *schwarz*, кроме своего прямого значения – обозначение предметов тёмного цвета», может использоваться в переносном смысле. Приведём словарную статью: «*schwarz*– 1. von völlig dunkler Färbung, (nahezu) alle Lichtstrahlen absorbierend, kein Licht reflektierend: a) [bildlich] ..., b) ..., c) (ins Schwarze treffen) das Entscheidende, Wesentliche, Richtige äußern, d) [übertragen] ...; 2. besonders dunkelfärbig, fast 1 a) ..., b) lichtlos, lichtarm; 3. schlecht, schlimm: a) unheilvoll, Unglück befürchtend, düster, b) unglücklich, unheilbringend, c) böse, boshaft, niederträchtig, d) drückt eine Verstärkung aus: sehr groß, absolut, 4. ungesetzlich, verboten, heimlich • ohne Genehmigung ([7]). Переносными здесь выступают значения 3 и 4. Значение 3а относится к характеристике чего-то неизлечимого, приносящего несчастье, семема 3с «сердитый, злой, гнусный мерзкий, подлый, низкий, у значения 3d – отмечается оттенок усиления. Значение 4 используется в отношении чего-то незаконного, запрещённого, тайного, напр.: *schwarzer Markt* – чёрный рынок.

Для исследования было отобрано 40 ФЕ. В структурном отношении большинство ФЕ с компонентом *schwarz* относится к адъективным фразеологизмам, построенным по схеме: прилагательное+существительное, всего 26 ФЕ из 40, что составило 65% от общего количества ФЕ.

Наиболее многочисленно представлены ФЕ, в которых вербализовано значение нелегальности, незаконности: *ungesetzlich, verboten, heimlich*. Наш материал включает 15 примеров ФЕ с такой семантикой, ср.: *schwarzer Markt, schwarzes Loch, schwarze Ware, schwarze Messe, schwarzes Geschäft, schwarze Liste, schwarze Kasse* – чёрный рынок, чёрная дыра, нелегальный товар, чёрная месса, нелегальная сделка, чёрный список, чёрная касса

Выражение *schwarze Liste* – «чёрный список» используется в отношении списка неблагонадёжных лиц, организаций, которые исключены от участия в определённых мероприятиях. Во ФЕ *schwarzes Geld/schwarze Ware/schwarzes Geschäft* – «чёрные деньги, нелегальный товар, нелегальная сделка» с помощью компонента *schwarz* подчёркивается факт незаконности, нелегальности. С помощью фразеологизма *schwarzer Block* –

«чёрный блок» обозначают группу участников демонстрации, цель которых: не отличается от других участников. Выражение *schwarzer Markt*-»чёрный рынок» используется для обозначения нелегальной продажи дефицитных товаров. Данный фразеологизм встречается и в других языках, ср. *русск. чёрный рынок*.

Группа ФЕ, в которых вербализуется значение 3с и 3b (3b. *unglücklich, unheilbringend, 3с-böse, boshaft, niederträchtig*) включают соответственно 8 ФЕ и 4 ФЕ. Так, с помощью фразеологизма *ein schwarzer Brief* обозначают письмо с плохими новостями, например, уведомления об увольнении или угроза, а также специальные письменные уведомления о смерти близких, ср.: «Ebenso wie Doina Cornes erhielten auch Dinesku und seine Eltern sogenannte schwarze Briefe, also Drohbrieft mit Trauerrand und ohne Unterschrift/Die Tageszeitung, 30.09.1989/ [4].

Выражение *schwarzer Freitag* (чёрная пятница) используется для характеристики несчастливого дня. Кроме того, данный фразеологизм связывают с днём массового падения курса на бирже. Прежде всего соотносимый с 24 октября 1929 г. в Нью-Йорке [5].

Переносное значение фразеологизма *schwarze Witwe* (чёрная вдова) основано на названии определённого вида пауков, самки которых после спаривания убивают или пожирают своих самцов. Отсюда и появилось значение: обозначение женщин-террористок, подвергающих себя самоожжению после теракта. Фразеологизм *schwarzer Peter* «чёрный Петр» имеет несколько значений. Одним из значений является переносное значение, используемое в качестве синонима к слову *Buhmann*.

Этим словом называли человека, мужчину, который публично принимает на себя вину. Кроме того, этот фразеологизм используется в разговорном языке для обозначения неприятной задачи, которую никто не хочет выполнять [6]. Обозначение низости, гнусности реализуется лексемой *schwarz* в составе следующих фразеологических единиц: *ein schwarzer Plan, ein schwarzes Verhalten, schwarze Gedanken*- *коварный план, плохое поведение, чёрные мысли*.

С помощью фразеологизма *schwarze Seele* «чёрная душа» обозначают низменное начало в человеке, тёмные стороны его натуры, совокупность всех отрицательных черт характера человека. Фразеологизм *schwarzes Schaf* – «паршивая овца» служит для обозначения человека, который отличается от других отрицательной манерой поведения. Этот

же фразеологизм используется в отношении членов семьи, стиль поведения которого не соответствует ожиданиям других членов семьи относительно его мировоззрения, поведения или в профессиональной карьере. В немецком языке на языке религии это выражение используется в отношении грешного, отвернувшегося от религии человека, вероотступника.

Фразеологизм *schwarzer Humor* называют юмор, при использовании серьёзные темы, такие как болезнь. Преступление представляются смешными благодаря гротескному преувеличению, соответствующее русскому «злая шутка». Значение 3a *unheilvoll, unglücksbringend* и 3d, которое выражает усиление в нашем материале представлено тремя примерами каждое значение. Так выражение *schwarzer Tod* используется для обозначения эпидемии чумы в средневековой Европе. Выражение *schwarze Woche* используется для обозначения страстной недели, наиболее строгой недели поста. Во ФЕ *schwarze Hoffnungslosigkeit, schwarzer Undank, schwarzer Unheil* представлено значение прилагательного *schwarz* для усиленной характеристики чего-то большого, значительного.

Рассмотрим вербализацию значения *кара* в татарском языке. В татарском языке, как и во многих тюркских языках, лексема *кара* обозначает цвет «*черный*», противоположный цвету *ак* (*белый*): *кара буяу* (*черная краска*). Нужно отметить еще одну особенность использования наряду с прилагательным *кара* лексемы *караңгы* – *темный*. Данные единицы в ряде случаев являются синонимичными, взаимозаменяемыми: *кара урман* – *караңгы урман* (*черный лес* – *темный лес*).

В татарском языке значение слова *кара* в большинстве случаев связано с отрицательной коннотацией: *кара эш* – *черная работа*, *черный труд*, *кара уй* – *черная мысль*, *кара ният* – *черный умысел*, *кара көннәр* – *черные дни*, *кара жан* – *черная душа*, *кара тормыш* – *черная жизнь* и т.д.

Далее остановимся на конкретных примерах. Согласно толковому словарю Ф.А. Ганеева, *кара* используется для усиления признака, качества. Например, словосочетания *кара кайгы* (*букв. черное горе, тяжелое горе*), *кайгыдан кара көю* (*почернеть от горя*), *кара язмыш* (*букв. черная судьба*), *кара тормыш* (*букв. черная жизнь*), *кара сакалың кара барсаң да калмас* (*букв. куда бы ты не пошел, твоя черная борода от тебя не отстанет, поезжай хоть куда, везде доля худа*).

Для обозначения тяжёлого, физического труда также используется в татарском языке прилагательное *кара*: *кара эш* (букв. *черная работа, черный труд*), *кара тир түгү* (букв. *проливать черный пот*).

Следует отметить, что в разговорном стиле в значении грязный, нечистый также встречается лексема *кара*: *кара кул* (букв. *черная рука*). В толковом словаре Тимергалина А.К. переносное значение словосочетания *кара кул* связано с непонятным, неряшливым почерком. Отсюда и возникло в русском языке слово каракуля.

Для обозначения неграмотного, необразованного человека использовались сочетания со словом *кара*: *кара кеше* (букв. *черный человек, черныи люд – неграмотный человек, крестьянин*), *кара мужик* (букв. *черный мужик – необразованныи мужик*), *кара халык* (букв. *черный народ – простой народ, простолюд*), *кара акыл белән* (букв. *черным умом – непросвещенным*). В толковом словаре также приводится словосочетание *кара мулла* (букв. *черный мулла*) для обозначения необразованныи, отсталый.

Для обозначения природных явлений нередко используются сочетания со словом *кара*. Например, *кара көз* (букв. *черная осень – поздняя осень*), *кара суык*, *кара салкын* (букв. *черный мороз – сильный холод, пробирающийся до костей*), *кара кыш* (букв. *черная зима – холодная зима без снега*). В данных выражениях значение признака усилено с помощью слова *кара*.

В значении жестокий, злой, коварный, суровый, злопамятный также используется слово *кара*: *кара йөрәк* (букв. *черное сердце – жестокий, коварный, подлый*), *кара йөз* (букв. *черное лицо*), *кара эчле* (букв. *с черным нутром – злопамятный*).

Значение бедный, нищий вербализуется с помощью лексемы *кара*: *кара көнгә калу* (букв. *остаться на чёрный день – обеднеть*), *кара жәяүгә калу* (букв. *остаться чёрным пешиш – обеднеть*). Здесь также нужно отметить, что в татарском языке встречается и противоположное данному значению сочетание *кара бай* (букв. *черный богач*) которое обозначает зажиточного крестьянина, богача, богатого мужика.

Кара исемлек (букв. *черный список*), *кара такта* (букв. *черная доска*) употребляются для обозначения неблагонадёжных лиц, организаций. Значение незаконного, запрещённого, тайного, нелегального в татарском языке также выражено с помощью лексемы *кара*: *кара базар* (букв. *черный рынок*), *кара эшне караңгылык коча* (букв. *черные дела*

обнимает темнота – темные дела свету боятся). Для передачи значения «оклеветать», «очернить» также используется слово кара: *кара ягу* (букв. *мазать черным – бросать тень, очернить, оклеветать*).

Выражения *кара пичэт* (букв. *черная печать*), *кара хэбэр* (букв. *черная весть*) обозначают плохие новости, письма о смерти близких.

Кроме отрицательной характеристики в татарской культуре, литературе встречается и положительная оценка слова *кара*. Часто при описаниях женской красоты, привлекательности мы видим использование прилагательного *кара*: *кара чибэр* (букв. *черная красавица*), *кара күзлэр* (*черные глаза*), *кара кашлар* (*чернобровая*). Можно много примеров привести из произведений татарской художественной литературы, связанных с положительным компонентом слова *кара*.

Таким образом, прилагательное *кара* в татарском языке служит не только отрицательной характеристике и ассоциируется с такими понятиями как печаль, горе, нищета, бедность, несчастье, ненависть, болезнь, смерть, но и связано с положительной коннотацией. Общими для немецкого и татарского языка являются значения отрицательных качеств человека, незаконности, нелегальности, неприятностей и плохих новостей. В целом в изучаемых неродственных языках отмечаются сходные значения, используемые в основном в переносном смысле.

Библиографический список

1. Гаффарова Ф.Ф., Саберова Г.Г. Татарско-русский словарь идиом. Казань, 2006. 232 с.
2. Поварисов С.Ш. Галимджан Ибрагимов и татарский литературный язык: Учебное пособие/Поварисов С.Ш. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 400 с.
3. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: “Матбугат йорты” нәшрияты, 2005. 848 б.
4. Электронный словарь немецкого языка. Электронный ресурс: URL: <https://www.dwds.de/wb/schwarzer%20Brief>.
5. Электронный словарь немецкого языка. Электронный ресурс: URL: <https://www.dwds.de/wb/Schwarzer%20Freitag>.
6. Электронный словарь немецкого языка. Электронный ресурс: URL: <https://www.dwds.de/wb/Buhmann>.
7. Электронный словарь немецкого языка. Электронный ресурс <https://www.dwds.de/wb/schwarz>.

References

1. Gaffarova F.F., Saberova G.G. *Tatarsko-russkij slovar' idiom.* Kazan', 2006. 232 s.
2. Povarisov S.SH. *Galimdzhan Ibragimov i tatarskij literaturnyj yazyk* [Uchebnoe posobie/Povarisov S.SH.] Ufa: RIC BashGU, 2009. – 400 s.
3. *Tatar teleneñ aңlatmaly syzlege.* Kazan: “Matbugat jorty” nәshriyaty, 2005. 848 b.
4. *Elektronnyj slovar' nemeckogo yazyka.* Elektronnyj resurs: URL: <https://www.dwds.de/wb/schwarzer%20Brief>.
5. *Elektronnyj slovar' nemeckogo yazyka.* Elektronnyj resurs: URL: <https://www.dwds.de/wb/Schwarzer%20Freitag>.
6. *Elektronnyj slovar' nemeckogo yazyka.* Elektronnyj resurs: URL: <https://www.dwds.de/wb/Buhmann>.
7. *Elektronnyj slovar' nemeckogo yazyka.* Elektronnyj resurs: UR: Электронный ресурс <https://www.dwds.de/wb/schwarz>.

Сведения об авторах

Каримова Римма Хатиповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков СФ УУНиТ, «Уфимский университет науки и технологий», г. Стерлитамак, Россия. E-mail: karimova.rimmochka@inbox.ru.

Габбасова Гульназ Зилявировна, кандидат филологических наук, преподаватель, Стерлитамакский колледж физической культуры, управления и сервиса. E-mail: ggz10@mail.ru.

About the authors

Karimova Rimma Khatipowna, PhD in Philology, associate professor of the department of Germanic languages Of the Ufa University of the science and technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: karimova.rimmochka@inbox.ru.

Gabbasova Gulnaz Zilavirowna, PhD in Philology, teacher, The Sterlitamak College of phzysical culture, management ans service. E-mail: ggz10@mail.ru.

УДК 811.111+378.016

Karsanova E. V.

**THE UNANIMITY OF LINGUISTIC AND CULTURAL APPROACHES
WHILE TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE**

Карсанова Е. В.

**ЕДИНСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
ПОДХОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

***Abstract.** This paper presents a multi-faceted approach to teaching English as a foreign language (FL) to A2 students. The article is practice-focused, which, in the present case, implies that the training material is included in the body of the article; hence the proposed tasks are given based on a specific text. Since it is equally important, while teaching a foreign language, to give the learners linguistic skills and to increase their sociocultural competence, several assignments and types of work have been elaborated. They deal with various linguistic and extra-linguistic fields – those of phonetics, grammar, vocabulary, history and culture.*

***Key words:** teaching English as a FL, a linguistic approach, a cultural approach, phonetics, grammar, vocabulary.*

***Аннотация.** В этой статье рассматривается комплексный подход к преподаванию английского языка как иностранного (ИЯ) для студентов с базовым уровнем знания английского (A2). Статья практико-ориентированная, – в данном случае это означает, что учебный материал включен в корпус статьи; следовательно, предлагаемые задания даются на основе конкретного текста. Поскольку при обучении иностранному языку в равной степени важно привить учащимся языковые навыки и повысить их социокультурную компетенцию, разработано несколько заданий и видов работы. Они относятся к различным лингвистическим и экстралингвистическим областям – фонетике, грамматике, лексике, истории и культуре.*

***Ключевые слова:** обучение английскому языку как иностранному, лингвистический подход, культурологический подход, фонетика, грамматика, лексика.*

Introduction

It is generally known that learning a foreign language implies acquiring phonetic skills and gaining knowledge in the lexical and grammatical spheres of the target language, as well as getting acquainted with the historical and cultural background of the nation speaking it. Quite a number of works were written on the necessity of combining different approaches while teaching a foreign language, of which we have analyzed a few [1], [2], [4]. Naturally, it is the task of a teacher to provide their learners with all-sided information touching upon various aspects of the language. This task is quite achievable at any stage of the teaching/learning process, irrespectively of the students' language proficiency level.

Proceeding from more than twenty-year experience of teaching English as a foreign language (EFL) to the students of non-profile specialties at a higher educational institution (HEI), the author of this article can say that the majority of the students have at best a pre-intermediate level of English while entering the HEI. It tends to combine with unawareness of history and culture of English-speaking countries. In this article, a multi-faceted approach to teaching EFL will be illustrated based on a story from the textbook 'Spoken English' [3].

Teaching Material: Text 'Tea Leaves'

Many years ago tea was unknown in European countries. Many people didn't even know the word 'tea', though drinking tea was very popular in the East.

Once a young sailor came back from India. He was the only son of an old woman and every time he returned to Great Britain from a faraway country, he brought his mother a gift. Of course, he tried to bring her something unusual, that she could show to her friends.

This time he brought her a box of tea. The old woman didn't know anything about tea, but she liked the smell, and invited all her friends to come and try it.

When her guests arrived, she invited them to the dining table. The old woman treated them to cakes and fruit and tea-leaves.

When the sailor entered the room and saw a big plate filled with the tea-leaves, he understood everything. He smiled when he saw his mother's friends eating tea-leaves with butter and salt. They pretended they liked it, but it was clear they didn't enjoy eating the leaves.

“Where is the tea, Mother?” the sailor asked. His mother pointed to the plate in the middle of the table.

“No, these are only the leaves of the tea”, the sailor said. “Where is the water?”

“The water!” his mother said. “I threw the water away, of course”.

Phonetics

The students' attention should be drawn to the following cases.

- The letter **‘a’** producing different sounds, as in: a) plate [eɪ]; b) many [e]; c) asked, are [ɑ:]; d) was [ɔ]; e) saw, water, salt [ɔ:].
- The letter **‘u’** producing different sounds, as in: a) popular [ju]; b) unknown, butter, unusual [ʌ]; c) returned [ɜ:].
- The stressed vowel **‘i’** pronounced differently in ‘dining’ [aɪ] and ‘dinner’ [], resulting from its position in an open syllable (the former) and in a closed one (the latter).
- The letter combination **‘ea’** producing different sounds, as in: a) tea, leaves, East, treat [i:]; b) great [eɪ]; c) clear, European [ɪə].
- The letter combination **‘ou’** producing different sounds, as in: a) though [əʊ]; b) brought, course [ɔ:]; c) could [ʊ].
- The letter combination **‘gu’** pronounced as [g], as in ‘guests’.
- The suffix **‘-(e)d’** (indicative of both past simple and past participle forms) pronounced differently (in three ways, depending on the preceding sound), as in: a) entered, returned, arrived, filled, smiled [d]; b) treated, pretended, pointed [ɪd]; c) liked, asked [t].
- The suffix **‘-(e)s’** (indicative of both present simple forms in third person singular and plural nouns) producing different sounds (in three ways, with only two featured here), depending on the preceding vowel: a) years, countries, friends, leaves [z]; b) guests, cakes [s].

Grammar

The grammar section may include several tasks.

To begin with, the students can be asked to give the four forms of all irregular verbs found in the text (‘to know’, ‘to be’, ‘to do’, ‘to drink’, ‘to come (back)’, ‘to bring’, ‘to see’, ‘to understand’, ‘to eat’, ‘to say’, ‘to throw (away)’).

Then it is advisable to revise the degrees of comparison of the following adjectives: ‘many’, ‘popular’, ‘young’, ‘old’, ‘unusual’, ‘big’, ‘clear’, with a focus on a few spelling changes, such as in ‘bigger’ and ‘(the) biggest’.

The sentence *'This time he brought her a box of tea'* can serve as a good training material for encouraging the audience to pose questions of different types (a general question, a disjunctive question, and several alternative and special questions).

There is one case of modal verbs in the text – 'could'. The students can be asked to name its present form and to say what the verb 'can/could' denotes in general.

Vocabulary

In some cases, it is rather difficult to distinguish between purely grammatical and purely lexical approaches while working on the material. Below there are a number of points accentuating the lexical approach.

- Explaining the difference between the words 'a swimmer' and 'a sailor' (which are derived from the verbs 'to swim' and 'to sail', correspondingly) comes as the first step, followed by introducing the idiom 'I am a poor sailor'.

- Explaining the difference between 'to bring' and 'to fetch'.

- Dwelling on the meanings of polysemantic words: 'to treat', 'country', 'table' and 'gift'.

- Working on the synonyms. In some cases both variants are found in the text, in other cases a synonym of the word is taken from outside: *faraway* = *distant*; *a gift* = 1) *a present*, 2) *a talent*; *to enjoy* = *to like*; *to come* = *to arrive*; *to return* = *to come back*; *to enter* = *to come in(to)*; *of course* = *certainly*.

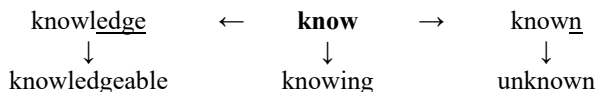
- Working on the antonyms. A second member of the antonymic doublet is mostly taken from outside: *many* →← *few*, *the East* →← *the West*, *a friend* →← *an enemy*, *old* →← *young*, *to enter* →← *to come out (of)*, *to ask* →← *to answer*.

- Drawing the students' attention to the linking words: 'though', 'this time', 'of course'.

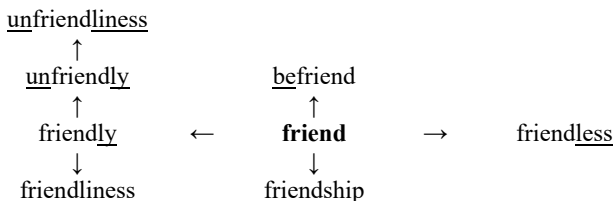
Vocabulary and Grammar

Several types of work are central to elaborating this section.

It is recommended to give the lexical and morphological structure of several words from the text (Figures 1 and 2) highlighting the affixes employed for deriving new words.

Figure 1. Lexical and morphological structure of the verb 'to know'

Figure 2. Lexical and morphological structure of the noun 'friend'

The lexemes considered above can be complemented by a number of proverbs such as 'A friend in need is a friend indeed', 'Friends are thieves of time', 'Knowledge is power', etc.

The text under analysis abounds in words, which in different contexts can perform the functions of different parts of speech. The cases of morphological conversion are the following: 'water', 'smell', 'smile', 'treat', 'show' and 'fruit' as a noun and a verb; 'clear' as an adjective, an adverb and a verb; 'like' as an adjective, an adverb, a preposition, a verb and a noun.

Broadening Historical and Cultural Competences

This stage implies providing information on a number of items taking into account the toponyms and cultural realities occurring in the text.

- Explaining the difference between: a) England and Great Britain, b) Great Britain and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland (the UK).
- Drawing a dividing line between the UK and the British Isles (a political union vs a geographical term).
- Naming about four or five European countries and asking the students to continue the list.
- Naming about four or five Asian countries and asking the students to continue the list.
- Asking the audience to give some information on the discovery of America (names, dates, etc.). Drawing the students' attention to the fact

that Christopher Columbus's mistaking North America for India resulted in naming the indigenous population of the Americas the Indians, the term creating some ambiguity due to partial or complete similarity in spelling and pronunciation found in many languages, with that for naming the aboriginal peoples of India.

- Memorizing with the students the idiom *dots not feathers*, which enables English-speaking people to distinguish between the Indians of India and the American Indians.

- Explaining the students another idiom, *Indian summer*, and giving some background information on its origin.

- Asking the students about the historical connections between England (the historical successor of the British Empire) and India. Dwelling on the concept of the Commonwealth of Nations.

- Telling the students about a truly national love for tea in England that has created a certain cult of this drink with its own rules and attributes, among which the *five o'clock tea* is probably the most famous.

- Listening with the students to Sting's song, *Englishman in New York*, and focusing the learners' attention on the line *I don't drink coffee I take tea my dear*, in which the singer, half-jokingly, half-seriously, contrasts the Americans and the English by the principle of being *coffee lovers* ↔ *tea lovers*.

Conclusion

The text given above as a working material is not professionally oriented. Fitting into the frame of General English, it can be applied in English classes at any faculty provided the students' language proficiency is of an appropriate level. In this article, an attempt has been made to include different types of work and provide various text-based tasks embracing the spheres of phonetics, grammar, vocabulary, as well as touching upon some points that deal with the historical and cultural background of some main English-speaking countries. Such an approach to teaching English as a foreign language is likely to yield good results in terms of the students' mastering the English language and broadening their horizon.

References

1. Díaz-Rico, L.T. (2004) *Strategies for Teaching English Learners*. 2nd ed. Boston. Available at: URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/7106471> (accessed: 17.01.2024).
2. Dzhakaeva, A.A. (2022) *Leksicheskiy podkhod v obuchenii angliiskomy yaziku kak inostrannomy: teoriya i praktika* [Lexical Approach in Teaching English as a Foreign Language: Theory and Practice]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education]. № 4 (95). Pp. 128–130. (In Russ.).
3. Khannikova, L.N. (1991) *Spoken English: Forty Topical Dialogues. Two Hundred Speech Patterns*. Moscow. 287 p.
4. King, C.P. (1990) *A Linguistic and Cultural Competence – Can They Live Happily Together*. *Foreign Language Annals*. Vol. 23. №1. Pp. 65–70. Available at: URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1944-9720.1990.tb00341.x> (accessed 21.01.2024).

Сведения об авторе

Карсанова Елена Васильевна, доцент, доцент, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ, РФ. E-mail: java.lena.mail@ru. ORCID 0009-0006-5541-2979.

About the author

Karsanova Elena Vasilievna, Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, RF. E-mail: java.lena@mail.ru. ORCID 0009-0006-5541-2979.

УДК 81-25

**Козлова Ю. Г., Сиразетдинова Р. Н.
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ
СТОРОНЫ РЕЧИ В РАМКАХ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО
БИЛИНГВИЗМА**

**Kozlova Ju. G., Sirazetdinova R. N.
TYPOLOGICAL STUDIES OF THE PRONOUNCEABLE SIDE
OF SPEECH WITHIN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN-ENGLISH
BILINGUALISM**

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию типологических аспектов русско-английского билингвизма с акцентом на произносительную сторону речи. В работе детально анализируются ключевые аспекты явления русско-английского билингвизма, освещаются современные теоретические подходы и методологии, применяемые для изучения различных форм данного явления.*

***Ключевые слова:** русско-английский билингвизм, типологические исследования, произносительная сторона речи, языковой контакт, лингвистический анализ.*

***Abstract.** This article is dedicated to exploring the typological aspects of Russian-English bilingualism with a focus on the pronunciation aspect of speech. The paper thoroughly analyzes the key aspects of the phenomenon of Russian-English bilingualism, illuminating contemporary theoretical approaches and methodologies used to study various forms of this phenomenon.*

***Key words:** Russian-English bilingualism, typological research, phonetic aspects of speech, language contact, linguistic analysis.*

Типологические исследования русско-английского билингвизма представляют собой многогранный анализ языковых, культурных и психологических аспектов двуязычного общения в контексте, где рус-

ский язык является одним из основных или вторичных языков общения. Эти исследования охватывают широкий спектр тем, включая сравнительные анализы с другими языками, социокультурные и психолингвистические аспекты билингвизма, лингвистические типологии и педагогические подходы к обучению и поддержке двуязычных. Понимание типологических особенностей русско-английского билингвизма не только расширяет наши знания о многоязычии, но и является основой для разработки эффективных стратегий обучения, культурных политик и поддержки многоязычных сообществ [1, с. 364].

Типологические исследования русско-английского билингвизма представляют собой важный аспект изучения языкового многообразия и культурных взаимодействий. В контексте русско-английского билингвизма можно выделить несколько примеров таких исследований [3, с. 240].

Сравнительные процессы, благодаря которым проводятся аналогии: происходит посредством сравнения произношения определенных звуков в русском и английском языках среди русскоязычных, проживающих в англоязычной среде. Они могут быть сфокусированы на следующих звуках:

- 1) гласные звуки
  - *длительность гласных*

В русском языке длительность гласных звуков может меняться в зависимости от ударения и позиции в слове. Например, звук [a] в слове «МАМА» [ма́ма] произносится как долгий гласный [a:] в открытом слоге перед ударением. Этот звук характеризуется продолжительным произношением и открытым положением рта. Второй звук [a] также является гласным «а», но он будет короче и закрытее из-за своего местоположения в закрытом слоге после согласного звука «м».

В английском языке длительность гласных также важна, но различия могут быть менее явными. Например, в слове «МЕЕТ» [mi:t] гласная «е» произносится долго [i:], в отличие от слова «МЕТ» [met], где гласная «е» произносится коротко [ɛ].

- *округлость и закрытость гласных*

В русском языке гласные могут быть округлёнными, и открытыми или закрытыми. Например, гласная «у» в слове «СУП» [суп] является закрытой и округлённой.

В английском языке гласные также могут быть округлёнными или, открытыми или закрытыми. Например, гласная «u» в слове «BOOT» [bu:t] является закрытой и округлённой.

2) согласные звуки

1. сравнение фонем:

звуки «р» и «г»:

В русском языке звук «р» произносится как мягкий или твёрдый в зависимости от предыдущего согласного и позиции в слове. Например, в слове «РЕКА» он произносится как твёрдый [р] в начале слова. В середине и в конце слова русский звук «р» также может произноситься как мягкий или твёрдый в зависимости от следующего за ним звука. Например, в середине слова: слово «ПАРА» [пáра] – звук «р» произносится как твёрдый, так как следующий за ним звук, «а», не мягкий; слово «МОРОЗ» [мáроз] – звук «р» произносится как мягкий, так как следующий за ним звук, «о», мягкий. Тогда как в конце слова: слово «ГОРОД» [гoрoт'] – звук «р» произносится как мягкий, так как за ним следует мягкий звук «о».

В английском языке звук «г» произносится как альвеолярный согласный звук [г], обычно с акцентом на начальном или медиальном положении в слове. Например, в слове «RIVER» [ˈrɪvə] звук «г» произносится подобным образом в начале слова. в английском языке обычно произносится как альвеолярный согласный звук [г] с акцентом на начальном или медиальном положении в слове. В слове «RIVER» две буквы «г» – в начале и тогда как, в конце слова звук [г] в конечной позиции слова «RIVER» также произносится как альвеолярный согласный звук [г]. В середине слова данный звук может произноситься следующим образом: «LIBRARY» ['laɪ.bræɹi] – звук «г» произносится между гласными «aɪ» и «i»; «SORROW» ['sɑr.oʊ] – звук «г» произносится между гласными «a» и «oʊ». В конце слова звук [г] имеет следующее произношение: «CAR» [kɑ] – звук «г» произносится в конце слова после гласного «a»; «FAR» [fɑ] – также звук «г» произносится в конце слова после гласного «a». Обратите внимание, что в английском языке произношение «г» может быть вариативным в зависимости от диалекта и индивидуального произношения.

Звуки «л» и «ʌ»:

В русском языке звук «л» также может быть мягким или твёрдым, и он часто произносится как [л]. Например, в слове «ЛЕС» [лес] звук

«л» обычно произносится как твёрдый [л] как в начале, так и в середине слова, так как за ним следует твёрдый согласный звук «с». В конце слова «бал» звук «л» также произносится как твёрдый, так как за ним нет других звуков. В середине слова: «ПЕРЕЛЕСОК» [перилёсок] звук «л» произносится как твёрдый [л], так как за ним следует твёрдый согласный звук «с». В конце слова: «БАЛ» [бáл] звук «л» произносится как твёрдый [л], так как за буквой «л» не идет более никаких звуков. Звук «л» в русском языке стандартно произносится как твёрдый, если нет мягкого предшествующего согласного или мягкого знака.

В английском языке звук [l] произносится как [l] в начальной, медиальной или конечной позиции слова. Например, в слове «LAKE» [leɪk]. В середине слова произносится как, «BALANCE» ['bæl.əns] – звук [l] произносится между гласными «æ» и «ə». В слове «TALL» [tɔ:l] – звук [l] произносится между гласными «ɔ:» и последующим согласным «l». В слове «well» звук «l» в конце слова произносится как [l]. В английском языке звук [l] всегда произносится как твёрдый без вариаций в зависимости от положения в слове.

Звуки «т» и «t»:

В русском языке звук «т» обычно произносится как [т], но может ассимилироваться с предыдущим согласным в некоторых случаях. Например, в слове «СТОЛ» [стол]. В слове «МОСТ» [мост] звук «т» также может ассимилироваться с предыдущим согласным «с» и произноситься как [с], так что «МОСТ» может звучать как [мосс]. Ассимиляция звука «т» с предыдущим согласным не всегда происходит, но это явление встречается в русском языке и может изменяться в зависимости от произношения диалектов и индивидуальных особенностей речи [2, с. 280].

В английском языке звук «t» также произносится как [t], но может быть ассимилирован с предыдущим или следующим звуком, особенно в быстрой речи. Например, в слове «STOP» [stɒp] звук «t» может быть ассимилирован с предыдущим звуком «р» и произноситься как [p], особенно в быстрой речи. Поэтому «STOP» может звучать как [stɒp]. Пример с ассимиляцией звука «t» с последующим звуком: в слове «NEXT» звук «t» может быть ассимилирован с последующим звуком «к» и произноситься как [k], особенно в быстрой речи. Поэтому «NEXT» может звучать как [nekst].

Типологические исследования произносительной стороны речи в рамках русско-английского билингвизма играют важную роль в понимании различий между этими двумя языками и в изучении влияния одного языка на произношение другого. Произносительные особенности каждого языка, такие как ударение, интонация и артикуляция, могут сказываться на произношении слов и фраз в другом языке, когда человек является носителем обоих языков [4, с. 312].

Такие типологические исследования помогают лингвистам и преподавателям лучше понять особенности произношения в рамках русско-английского билингвизма и разработать эффективные методы обучения для людей, изучающих или владеющих обоими языками.

Библиографический список

1. Григорьева О. А. Произносительная сторона речи в контексте русско-английского билингвизма: типологический анализ / О. А. Григорьева. М.: Просвещение, 2020. 364 с.

2. Ковальчук Е. П. Типологические исследования произносительной стороны речи в рамках русско-английского билингвизма / Е. П. Ковальчук. М.: Лингвистическое обозрение, 2020. 280 с.

3. Петров И. В. Исследование произносительных аспектов русско-английского билингвизма: типологический подход / И. В. Петров. М.: Наука, 2020. 240 с.

4. Смирнова А. И. Произносительные особенности русско-английского билингвизма: типологический анализ / А. И. Смирнова. СПб.: Наука и образование, 2020. 312 с.

References

1. Grigorieva O. A. (2020). Proiznositel'naya storona rechi v kontekste russko-angliiskogo bilingvizma: tipologicheskii analiz [The pronunciation side of speech in the context of Russian-English bilingualism: a typological analysis]. Moscow. (In Russ.).

2. Kovalchuk E. P. (2020). Tipologicheskie issledovaniya proiznositel'noi storony rechi v ramkakh russko-angliiskogo bilingvizma [Typological studies of the pronounceable side of speech in the framework of Russian-English bilingualism]. Moscow. (In Russ.).

3. Petrov I. V. (2020). Issledovanie proiznositel'nykh aspektov russko-angliiskogo bilingvizma: tipologicheskii podkhod [The study of the pronouncational aspects of Russian-English bilingualism: a typological approach]. Moscow. (In Russ.).

4. Smirnova A. I. (2020). Proiznositel'nye osobennosti russko-angliiskogo bilingvizma: tipologicheskii analiz [Pronouncational features of Russian-English bilingualism: a typological analysis]. Saint-Petersburg. (In Russ.).

Сведения об авторах

Козлова Юлия Геннадьевна, студентка 2 курса, факультета педагогики и психологии, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: yu_rudneva_25@mail.ru.

Сиразетдинова Регина Наильевна, старший преподаватель кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: r.n.sirazetdinova@struust.ru.

About the authors

Kozlova Yulia Gennadievna, 2nd year student, Faculty of Pedagogy and Psychology, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: yu_rudneva_25@mail.ru.

Sirazetdinova Regina Nailievna, senior lecturer of the Department of Germanic languages, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: r.n.sirazetdinova@struust.ru.

Кокоева Л. Н.
**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА (БИЛИНГВИЗМА)
НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО
ЦЕНТРА ФОНДА «РУССКИЙ МИР» НА БАЗЕ ЮОГУ**

Кокоева L. N.
**RUSSIAN RUSSIAN LANGUAGE, LITERATURE AND CULTURE
POPULARIZATION IN THE SITUATION OF MULTILINGUALISM
(BILINGUALISM) BASED ON THE ANALYSIS OF THE FUNCTIONING
OF THE RUSSIAN CENTER OF THE RUSSKIY MIR FOUNDATION ON
THE BASIS OF THE A.TIBILOV SOUTH OSSETIAN STATE UNIVERSITY**

***Аннотация.** Объектом исследования выступает Русский мир как глобальный проект, целью которого является популяризация русского языка и русской культуры, а также поддержка программ по их изучению. Это последовательно выстраиваемая государством концепция коммуникационной среды и способ максимально эффективной реализации внешнеполитической стратегии России, на орбите которой и находится Южная Осетия.*

***Ключевые слова.** Билингвизм, мультикультурное пространство, ЮОГУ, культура русского языка, развивающая среда.*

***Abstract.** Russian Russian World is the object of the research as a global project aimed at popularizing the Russian language and Russian culture, as well as supporting programs for their study. This is the concept of a communication environment consistently built by the state and a way to maximize the effective implementation of Russia's foreign policy strategy, in the orbit of which South Ossetia is located.*

***Key words:** Bilingualism, multicultural space, South Ossetia State University, culture of the Russian language, developing environment,*

В настоящей статье объектом исследования выступает Русский мир как глобальный проект, целью которого является популяризация русского языка и русской культуры, а также поддержка программ по

их изучению. Это последовательно выстраиваемая государством концепция коммуникационной среды и способ максимально эффективной реализации внешнеполитической стратегии России, на орбите которой и находится Южная Осетия. Термин «Русский мир», «русская идея» прочно вошли в общенациональную повестку Российской Федерации в начале нулевых, и с тех пор продвижение идеи русского мира равно российского мира (с разным коэффициентом успешности) стало приоритетной задачей государства.

О необходимости объединения и консолидации говорилось на Всемирном координационном совете российских соотечественников, и там же впервые публично была высказана идея русского мира как национальная идея. Результатом явилось создание по указу президента Российской Федерации В.В. Путина в 2007г. Фонда «Русский мир», в приоритете задач которого является содействие распространению объективной информации о современной России и ее истории, формирование идеологии, расширение и укрепление лингвокультурного пространства. Избегая экспансионистской политики Россия продвигает русскую культуру, русский язык за рубежом с помощью таких инструментов как открытые в более чем 50 странах кабинеты и центры Фонда. Одним из этих инструментов «мягкой силы» России стало открытие в Южной Осетии Русского центра Фонда «Русский мир» на базе Юго-Осетинского государственного университета 28 октября 2020 года, состоявшееся благодаря инициативе ректора университета Тедеева Вадима Ботазовича. С тех пор русский центр Фонда «Русский мир» при ЮОГУ является проводником просветительской, научно-исследовательской деятельности и творческих идей в области русского языка и литературы, истории. Общность духовно-нравственных ценностей, традиционный взгляд на семью, приверженность православной религии благоприятно сказываются на деятельности Русского центра в условиях двуязычия (билингвизма) жителей республики.

Билингвизм подразумевает одинаково хорошее владение двумя языками, и в это лишь какой-то мере характерно для Южной Осетии, так как не все население одинаково владеет как русским, так и осетинским языками. В период советской власти в Южной Осетии можно было наблюдать мультилингвизм, так как определенную часть населения составляли люди грузинской национальности и было вполне естественно

для местных жителей владеть не только осетинским и русским языками, но и грузинским. Не будем забывать также и о присутствии значительной части армянского и еврейского населения, особенно городского. Все они владели как минимум тремя языками. Русский язык как язык межнационального общения, государственный язык присутствовал на данной территории в прошлом, причем на нем говорили практически 100 % жителей, присутствует русский язык и в настоящем. Нельзя сказать, что им на данный момент владеют в совершенстве даже носители и наша цель популяризировать и пробуждать интерес к изучению русского языка, русской литературы и культуры в целом.

В рамках данной задачи в Русском центре ведется работа как для школьников и студентов, для преподавателей, работников библиотек и воспитателей детских садов, направленная на совершенствование процесса изучения русского языка и литературы, повышение качества обучения. Для этого на базе Русского центра Фонда «Русский мир» мы предлагаем целый комплекс мероприятий, включающий в себя лекции, семинары, литературные вечера, выставки и демонстрации фильмов, как художественных, так и документальных, посвященных той или иной теме. На мой взгляд, достаточно важным является организация выставок, где представлены наглядные материалы и можно сопроводить пояснительную (учебную, познавательную) лекцию демонстрацией визуального ряда, что пробуждает неподдельный интерес участников мероприятия и особенно актуально при проведении юбилейных дат.

Разумеется, работа Русского центра Фонда не ограничивается проведением юбилейных торжеств. Очень много внимания уделяется патриотическому воспитанию, особенно в контексте текущего времени. К сожалению, многое было упущено в результате «перестройки» конца 80-х и начала 90-х и выросло целое поколение, для которых слово Родина пишется с маленькой буквы и патриотизм не является для них доминантой в системе ценностей. Наша задача работать с «жертвами глобализации», прививать интерес к русской культуре и русскому языку и, в какой-то степени развивать когнитивные способности у молодежи.

Нередко мы сталкиваемся с незнанием молодежью имен героев, совершивших подвиги во имя Отечества, не пожалевших своей жизни, героев не только Великой Отечественной войны, но и героев Специ-

альной Военной Операции. Примеров героизма множество и мы, сотрудники Русского центра стараемся рассказать студентам и учащимся о каждом, не забывая и о героизме жителей осажденных городов. Из недавнего:

1. Лекция и фотовыставка к 80-летию освобождения от блокады Ленинграда для учащихся 5-8 классов городских школ (действовала 10 дней).

2. Беседа со студентами о боях за Сталинград.

Помимо патриотического воспитания Русский центр в рамках новой концепции развития научной деятельности активно участвует в проводимых научно-практических конференциях и организует их на своей площадке, наряду семинарами на актуальные темы. В настоящей информационной эпохе язык является носителем информации, обретает как средство коммуникации неограниченное значение и нашей задачей является использовать русский язык как инструмент продвижения и популяризации традиционных ценностей, носителем которых является Россия и российская культура.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. №796 О создании фонда «Русский мир».

2. Гурьянова М.П. Дом русского языка и культуры как новый социокультурный объект по месту жительства. Народное образование. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-russkogo-yazyka-i-kultury-kak-novyy-sotsiokulturnyy-obekt-po-mestu-zhitelstva> (дата обращения: 06.07.2024).

3. Гурьянова М.П. Дом русского языка и культуры: создание развивающей речевой среды в сельском социуме. Народное образование. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-russkogo-yazyka-i-kultury-sozdanie-razvivayushey-rechevoy-sredy-v-selskom-sotsiume> (дата обращения: 06.07.2024).

4. Чикунова М.В., Касимов Р.Н. Актуальные задачи сохранения и развития русской культуры в региональной системе образования. Народное образование. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-sohraneniya-i-razvitiya-russkoy-kultury-v-regionalnoy-sisteme-obrazovaniya> (дата обращения: 06.07.2024).

5. История Россотрудничества: 90 лет народной дипломатии. URL: <https://newmontenegro.mid.ru/ru/press-centre/istoria-rossotrudnicestva-90-let-narodnoj-diplomatii/> (дата обращения: 06.07.2024)

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 796 dated 06/21/2007 On the Establishment of the Russkiy Mir Foundation.

2. Guryanova M.P. The House of Russian Language and Culture as a new socio-cultural object at the place of residence. Public education. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-russkogo-yazyka-i-kultury-kak-novyy-sotsiokulturnyy-obekt-po-mestu-zhitelstva> (accessed: 06.07.2024).

3. Guryanova M.P. The House of Russian Language and Culture: creating a developing speech environment in rural society. Public education. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-russkogo-yazyka-i-kultury-sozdanie-razvivayushey-rechevoy-sredy-v-selskom-sotsiуме> (accessed: 06.07.2024)

4. Chikunova M.V., Kasimov R.N. The actual tasks of preserving and developing Russian culture in the regional education system. Public education. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-sohraneniya-i-razvitiya-russkoy-kultury-v-regionalnoy-sisteme-obrazovaniya> (accessed: 06.07.2024).

5. The history of Rossotrudnichestvo: 90 years of people's diplomacy. URL: <https://newmontenegro.mid.ru/ru/press-centre/istoria-rossotrudnicestva-90-let-narodnoj-diplomatii/> (accessed: 06.07.2024).

УДК 81

Лось А. Л.
**ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОДА КАК ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЕ
ЯВЛЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ПЕРЦЕПТИВНОЙ ЛЕКСИКИ**

Los' A.L.
**THE CODE VARIATION AS TRANSLINGUAL PHENOMENON
BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH PERCEPTIVE WORDS**

***Аннотация.** Статья посвящена изучению влияния американских культурных стереотипов, как транслингвального процесса, на семантический код русскоговорящих на примере русской и английской перцептивной лексики. Показано, что идеалы добра и зла, репрезентированные перцептивными характеристиками, в русской и американской языковой картине мира не совпадают. Соответственно, массовое американское кино транслирует искаженные оценочные смыслы, нехарактерные для русской культуры, что может привести к переформированию положительных и отрицательных культурных стереотипов, изменению семантического кода русскоговорящих.*

***Ключевые слова:** культурный стереотип, транслингвальный, перцептивная лексика, положительный и отрицательный образ, оценочные смыслы, семантический код.*

***Abstract.** The article considers the influence of American cultural stereotypes, as a translingual process, on the semantic code of Russian speakers by the example of Russian and English perceptual words. The author shows that the ideals of good and evil, represented by perceptual characteristics, do not coincide in the Russian and American linguistic world picture. Accordingly, mass American movies convey distorted evaluative meanings that are not common with Russian culture. This can lead to reshaping positive and negative cultural stereotypes, and a change in the semantic code of Russians.*

***Key words:** cultural stereotype, translingual, perceptual words, positive and negative image, evaluative meanings, semantic code.*

В эпоху глобализации английского языка происходит новый этап в развитии и изучении языковых контактов, основанный на понятии транслингвизма. По мнению Ривлиной А.А. имеет место «смещение фокуса исследований от билингвизма к транслингвизму, от бинарной модели, которая противопоставляет два языка как независимые, структурно устойчивые системы, к модели, которая устанавливает некую эффективную зону пересечения между языками и за пределами конкретных языков» [5, с. 23].

Цель настоящей статьи – изучить влияние американских культурных стереотипов, как результат транслингвального процесса, на семантический код русскоговорящих на примере русской и английской перцептивной лексики. Под семантическим кодом в работе понимается единица формирования и функционирования языковых стереотипов, которые в свою очередь определяются культурными стереотипами, культурным кодом.

В результате усиления миграционного процесса в современном мире нарастают транскультурные и транслингвальные «потoki» которые неизменно меняют и языки, и культуры.

Под транслингвальностью понимают плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате которого происходит их слияние, а иногда и наложение одного языка на другой. Транслингвальность, в таком смысле, означает проницаемость языков, их взаимовлияние. По мнению ученых (см., например [1; 3; 5]), это взаимовлияние обуславливает культурное развитие личности в результате транскulturации за границами сложившихся национальных культур, а частично и в разрез с их традициями, языковыми и ценностными составляющими.

Соответственно, понятия транслингвальный и транскультуральный, тесно взаимосвязаны и отвечают не только за «сосуществование нескольких языков и культур и их взаимодействие, а также плавное перетекание из одной лингвокультуры в другую, при которой индивид использует языковые и культурные средства разных языков» [4, с. 157].

В результате такого взаимодействия языков, происходит проникновение элементов, в том числе и культурных из одного языка в другой. На границе языков формируется «неопределенная» зона как надъязыковая сущность, надстройка, которая формируется глобальным естествен-

ным языком и глобальными культурными стереотипами, присущими культуре языка глобализации. Эта надязыковая надстройка может постепенно вытеснять исконные культурные ценностные стереотипы.

В современной России как и в других странах отмечается усиление транслингвальных процессов в связи с развитием массового, хотя зачастую и ограниченного, англо-русского билингвизма. Это выражается в сильном влиянии американского варианта английского языка, через глобальную американскую культуру, на русские культурные и ценностные стереотипы. Это влияние усиливается за счет американского господства в сферах популярной музыки, кино, телевидения, бизнеса, финансов, спорта, информационных технологий. Имеет место противодействие двух тенденций – к универсализации инструментов межкультурного взаимодействия, с одной стороны, и к сохранению национальной идентичности, с другой. Основой исторической устойчивости культуры и ее воспроизводства из поколения в поколение является «свод культурных традиций, стимулирующих повторение приемов деятельности прошлого, т.е. необходимости в любой деятельности повторять практику отцов и дедов, имеющую сакральный смысл» [6]. Устоять перед натиском навязываемых американских культурных и языковых стереотипов в современных условиях непросто. Доминирование американских культурных стереотипов может нанести ущерб русскому языку и культуре.

При этом ключевым является то обстоятельство, что фактически неограниченный доступ к американским кинофильмам, играм обеспечивает интернет-коммуникация. Американские кинофильмы, компьютерные игры отражают определенную модель реальности, навязывающую стереотипы, бытующие в американской культуре: власть денег, индивидуализм, эгоизм, потребление, шикарные и дорогие приобретения как индикатор социального статуса и др. Здесь почти не остается места для милосердия, взаимопомощи, самопожертвования ради других, преданности, любви, уважения к старшим и других важных русских культурных стереотипов.

Как известно, в русской культурной традиции универсальные понятия добра и зла явно коррелируют с понятиями свет и тьма: добро – это свет, зло – это тьма. Помимо этого, в русской культуре перцептивные признаки маркируют положительные и отрицательные образы. Лек-

семьи *светлый*, *ясный* описывают психоэмоциональную сферу с положительной стороны, как положительный, возвышенный образ: *ясная улыбка*, *ясный смех* (все примеры здесь и далее взяты из [2]), *ясное лицо*, *ясный лоб*, *ясные глаза*, *ясный взгляд*, *ясная душа*, *ясный человек*, *ясный сокол*; *светлая улыбка*, *светлый смех*, *светлая душа*, *Светлый праздник (Пасхи)*, *светлые мысли*, *светлый ум*, *светлая любовь*, *светлые чувства*, *светлые воспоминания*, *светлая память*, *свет очей моих* (самое дорогое, что у меня есть). Перцептивные характеристики *светлый* и *ясный* номинируются как возвышенные, чистые, невинные. *Белый* в русской культуре также символизирует чистоту, невинность, Антонимичные лексемы *темный* и *черный* описывают психоэмоциональную сферу с отрицательной стороны: *черная зависть*, *черная ненависть*, *черная злоба*, *темные силы*, *темная сторона души*.

Соответственно, *светлый*, *ясный* – *темный*, *белый* – *черный* отвечают за положительные и отрицательные образы, добро и зло, как глубинные смыслы, сформировавшиеся и укоренившиеся в русской национальной традиции. Таким образом, действует когнитивный механизм передачи оценочных смыслов через перцептивные характеристики: *светлый*, *ясный*, *белый* – положительная зона оценки; связанная с чем-то возвышенным, добрым; *темный*, *черный* – отрицательная зона оценки, связанная с низшим, мерзким, злым.

В американской культуре положительные ценностные смыслы не выражаются через лексему *light* ‘светлый’. Есть примеры, в которых репрезентанты психоэмоциональной сферы – глаза, улыбка, лицо, голос – описываются перцептивным признаком *bright* ‘яркий’: *bright smile*, *bright face*, *bright eyes*, *bright voice* (английские примеры здесь и далее взяты из [7]) ‘яркая улыбка, яркое лицо, яркие глаза’. Слово *bright* в данных примерах не несет положительной оценки, и не связано с чем-то возвышенным, ср.: *Her eyes were too bright* ‘Ее глаза были слишком яркими’. Перцептивные признаки *dark* ‘темный’ и *black* ‘черный’ могут актуализировать отрицательные ценностные составляющие: *dark character* ‘* темный характер’, *dark soul* ‘*темная душа’, *dark man* ‘*темный человек’, *dark thoughts* ‘* темные мысли’, *black death* ‘черная смерть’ (знаком «*» отмечены неправильные высказывания).

Как видно из приведенных примеров, идеалы добра и зла, репрезентированные перцептивными характеристиками, в русской и американ-

ской языковой картине мира не совпадают. Соответственно, стереотипы, навязываемые через массовое американское кино и компьютерные игры и воздействующие на эмоциональную сферу воспринимающих носителей русской культуры, передают искаженные оценочные смыслы, нехарактерные для русской культурной традиции. Это может привести к переформированию положительных и отрицательных образов, к изменению русских культурных стереотипов, изменению семантического кода.

Положительным героем американских кинофильмов становится преступник, нарушающий закон или с легкостью убивающий людей для достижения своих целей, вампир или демон. Через массовую американскую культуру навязывается празднование Хэллоуина, праздника злых духов. В сфере моды активно продвигается темный или черный цвет одежды, и в тон к ней темные ногти, макияж и т.п.

Вследствие искажения оценочных образов *хороший – плохой* происходит вытеснение истинных духовных ценностных составляющих *добро и зло, светлый и темный*, которые определяют культурный код русского народа. Соответственно, происходит трансформация оценочных смыслов и нарушается когнитивный механизм, отвечающий за передачу глубинных русских культурных смыслов, репрезентированных перцептивными характеристиками.

Библиографический список

1. Валентинова, О. И. Языковые контакты и транскультурные практики: от идеи к гипотезе. Филологический класс. 2023. Т. 28. № 1. С. 9-16.
2. Национальный корпус русского языка. 2003 – 2024. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 04.03.2024).
3. Новикова М.Л., Новиков Ф.Н. Влияние транслингвизма на становление языковой картины мира на примере ассоциаций с цветообозначениями. Филологические науки. Серия: Языкознание. 2022. № 6. С. 17-25.
4. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение. Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155-170.

5. Ривлина А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016, № 2 (50). С. 22-29.

6. Флиер А.Я. Локальная культурная система: факторы устойчивости. Электронный журнал «Культура культуры». 2020. № 1. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-kulturnaya-sistema-factory-ustoychivosti> (дата обращения 03.03.2024).

7. British National Corpus. 2003–2024. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 05.03.2024).

References

1. Valentinova, O.I. (2023) Yazykovye kontakty i transkul'turnye praktiki: ot idei k gipoteze [Linguistic contacts and transcultural practices: from the idea to hypothesis]. Filologicheskii klass. Vol. 28, № 1. Pp. 9 – 16. (In Russ.).

2. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (2003 – 2024). Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 04.03.2024) (In Russ.).

3. Novikova, M.L. Novikov, F.N. (2022). Vliyanie translingvizma na stanovlenie yazykovoï kartiny mira na primere assotsiatsii s tsvetooboznacheniyami [Translingual influence on the formation of a linguistic picture of the world by the example of associations with color meanings]. Filologicheskie nauki. Seriya: Yazykoznanie. № 6. Pp. 17-25. (In Russ.).

4. Proshina, Z.G. (2017). Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its applied meaning]. Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. 2017. Vol. 14. № 2. Pp. 155-170. (In Russ.).

5. Rivlina, A.A. (2016). Formirovanie global'nogo anglo-mestnogo bilingvizma i usilenie translingval'noi praktiki [Formation of global English-local bilingualism and strengthening of translingual practice]. Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. № 2 (50). Pp. 22-29. (In Russ.).

6. Flier, A.Ya. Lokal'naya kul'turnaya sistema: faktory ustoichivosti [Local cultural system: resistivity factors]. (2020). Elektronnyi zhurnal Kul'tura kul'tury. № 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

lokalnaya-kulturnaya-sistema-factory-ustoychivosti (accessed 03.03.2024)
(In Russ.).

7. British National Corpus. (2003–2024). Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 05.03.2024).

Сведения об авторе

Лось Александра Львовна, заместитель директора Института лингвистического и педагогического образования по научной и научно-методической работе, доцент, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Зеленоград. E-mail: al_los24@mail.ru.

About the author

Los' Alexandra L'vovna, associate Director of the Institute of Linguistic and Pedagogical Education, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, National Research University of Electronic Technology, Moscow, Zelenograd. E-mail: al_los24@mail.ru.

УДК 81

Lugovskaya E. G.
TRANSLINGUALISM AS AN ESSENTIAL CHARACTERISTIC
OF HUMAN LOQUENS UNIQUE LINGUISTIC ABILITY

Луговская Е. Г.
ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТЬ КАК СУЩНОСТНОЕ СВОЙСТВО
ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО

***Abstract.** The issue is that translanguaging refers to the bilingual ability to transform the language codes of both languages to communicate effectively, including successfully integrating elements from one language into the other; even if those elements do not conform to the norms of the second language. The incomplete development of the deep-semantic level of a bilingual person's linguistic persona can lead to a discrepancy between the primary and secondary linguistic persona due to semilingualism. Thus, translanguaging permits mixed discourse in a bilingual individual, and he can maintain the fundamental linguistic and cultural identity of being an object of two different linguistic cultures. Translinguality not only adds to the verbal and nonverbal aspects of language but can also cause cultural redundancy. The author considers cultural redundancy as the process by which one culture is enriched with the categories and meanings of another, leading to qualitative growth and requiring a quantitative increase in the set of significant structural components. This process may require systemic and structural changes in the receiving culture as an information-semiotic system that contains distinct elements and connections between them. When changes occur in the structure, they must be in line with the structural logic. Thus, the concepts of translanguaging and semilingualism are related to multilingualism and described based on the individual speech culture level, which reflects the general culture of a person within the framework of the self-normative approach and considers the qualitative and quantitative characteristics of the difference in lingual cultures' potency. These characteristics introduce the specifics of a particular cross-border linguocultural model formalized in a text or discourse. Translanguaging and semilingualism are both natural for the language existence within the*

individual and the individual within language, but only translanguaging has the cultural potential for a dialogue of cultures and constructive interaction between different peoples. That is why translanguaging is an unique linguistic ability and essential characteristic of Human loquens.

Keywords: *translanguaging, semilingualism, human loquens, dialogue of cultures, linguistic persona, linguistic normativity.*

Аннотация. *В настоящей статье транслингвизм рассматривается как билингвальная по сути способность трансформировать языковые коды обоих языков для достижения эффективности коммуникации, что подразумевает успешную интеграцию элементов одного языка в другой, даже если эти элементы не соответствуют нормам второго языка. Вместе с тем, отмечено, что недостаточное развитие глубинно-семантического уровня билингвальной языковой личности может привести к несоответствию первичной и вторичной языковой личности вследствие семилингвизма. Другими словами, транслингвизм допускает билингвальное смешение кодов, но одновременно с этим поддерживает базовые характеристики языковой и культурной идентичности билингвальной личности как объекта двух разных языковых культур. Транслингвальность не просто расширяет вербальную и невербальную аспектацию языка, но также может вызвать культурную избыточность. Автор рассматривает культурную избыточность как процесс обогащения одной культуры категориями и смыслами другой, приводящий к качественному росту и требующий количественного увеличения набора значимых структурных компонентов. Этот процесс может потребовать системных и структурных изменений в принимающей культуре как информационно-семиотической системе, содержащей отдельные элементы и связи между ними, то есть если в структуре происходят изменения, они должны соответствовать структурной логике. В этой связи понятия транслингвизм и семилингвизм могут рассматриваться как видовые по отношению к понятию полилингвизма и рассматриваться с учетом уровня индивидуальной речевой культуры, который отражает общую культуру человека с учетом качественных и количественных характеристик разницы потенциалов лингвокультур. Эти характеристики задают специфику конкретной трансграничной лингвокультурной модели, формализован-*

ной в тексте или дискурсе. Транслингвизм и семилингвизм суть естественные феномены, способствующие реализации языка в человеке, и человека в языке, но только транслингвизм обладает достаточным культурным потенциалом для диалога культур и конструктивного взаимодействия между разными народами, что позволяет считать транслингвальность уникальной способностью и сущностной характеристикой Человека говорящего (*Human loquens*).

Ключевые слова: транслингвизм, семилингвизм, Человек говорящий (*Human loquens*), диалог культур, языковая личность, языковая норма.

Introduction

Researchers studying *translingualism* have found that it leads to a *cultural synergy* that unifies elements of different cultures, resulting in a new and more complex formation. The acquired language also contributes to the renewal of the culture that can express itself through it. So, we can define translingualism as a creative and transformative usage by bilingual individuals of all available linguistic resources. However, it can sometimes involve breaking linguistic norms.

Translingualism ensures the emergence of “cultural synergy of the unification of culturally different elements, in which a qualitatively different formation emerges, surpassing the sum of the elements in effect” [5, p. 163], “to remain ‘the spirit of the nation’, the language must be permanently filled with new ethnic content. The content does not displace or replace the original content, but are in synergy interactions” [1, p. 117], that *translingualism has a pronounced activity and speech-creative character, representing a new, creative, transformative and integrating use of all the linguistic resources at the disposal of a bilingual* [2], but at the same time, translingualism allows the successful use of languages, sometimes violating norms.

Translinguality and Linguistic Normativity

It is substantial to focus on the concept of translingualism and ask whether there is a point where breaking linguistic norms is no longer acceptable. We need to understand how we can define the process of translinguality beyond what is considered normal or acceptable in language use. How can we describe what arises within the framework of translinguality as a process but beyond normativity?

The admissibility of language irregularity varies with the intelligibility criteria (it is how a new semantic unit became understandable in a given linguistic culture). The more clearer the element, the more legitimate the offence is. It is important to note that irregularity will always be contextual and situational. The comprehensibility of the newly created element is ensured by its system-structural, associative, communicative-cognitive potency.

That is, a translingual person has sufficient linguistic, speech, and communicative competencies to perceive the linguistic culture potency and, projecting it onto another lingual culture, actualize the potential relevant for conveying a new meaning not being discovered in another linguistic culture.

In order not to take the question to a slightly different plane – the plane of determining the boundaries of norm and error, since such a question is legitimate not only for translingual processes but also for the processes of speech creation taking place within one language, let us define the principle of redundancy as the basic principle of the admissibility of linguistic (speech, communicative) disorders.

The redundancy principle in the case of irregularity is that the difference in the potentials of any correlated elements of two lingual cultures determines the direction of one meaning to another transfer from the realized to the unrealized but potentially possible in a given linguoculture.

While breaking language norms in communication between two lingual cultures, redundancy plays a crucial role in determining the transfer of meaning from one culture to another. The difference in the potentials of related elements in the two cultures determines this transfer. The potential admissibility of concrete meanings in a given culture, but their implementation inability, suggests that the corresponding fragments of realness in that culture have a different complex of means and ways of manifestation or may not have them at all, which reflects that culture's worldview.

Therefore, the foreign and cultural meanings initiation in lingual culture is only possible through redundancy, and there must be a difference in potential between their cultural components. The difference in the potentials of linguistic cultures in translingualism leads to new things arising in unknown cultural communication. These processes are evaluated as an increment, enrichment, and creative act.

But what if this is not the case, and the tongue is impoverished? Semilingualism is a type of bilingualism where there is a partial loss of

the native language or its incomplete mastery and unfinished assimilation of another. The traditional understanding of semilingualism characterizes social communities with a low cultural level but needs to be rethought in the context of modern globalization processes.

Incomplete mastery of the native language can be due to several reasons. For example, it can happen to the children of emigrants or the emigrants themselves who find themselves in a situation of a foreign language, with the complete impossibility of communication in their native language. In the first case, one may use their native language only in selected life areas while using a different language for other activities. In the second case, a person may use a new language in their activities generally, which results in their native language becoming less influential and eventually degrading. It happens correspondingly when a bilingual person's vocabulary becomes unbalanced because they focus more on one language than another. In these cases, it can be difficult for the person to express himself in one language or another completely.

Based on the above, we define semilingualism (about *semilingualism* henceforward: [4]) as a form of bi- or multilingualism where a person has difficulty expressing themselves in one or both of their languages because they lack the necessary vocabulary to do so. It can happen with either their native language or a foreign language, depending on the situation.

Transculturalism and linguistic persona

The incomplete development of the deep-semantic level of a bilingual person's linguistic persona due to its semilingualism can lead to a discrepancy between the primary and secondary linguistic persona. It can result in the secondary linguistic persona having an incomplete verbal-semantic level and being unable to operate with the means intended for these units' formalization. As a result, some units become less in demand and are withdrawn from the active and passive vocabulary, which significantly impairs linguistic and speech abilities and distorts communicative and cultural competencies.

In the context of semilingualism, there are instances where linguistic elements from one language or culture are transferred into another. It can compensate for a vocabulary lack but can also result in errors or violations of linguistic norms.

Transferring elements between languages and cultures is a complex process that involves cognitive and affective processes. It requires a bi- or

multilingual person to consider different modalities, such as visual, tactile, audio and cognitive possessions that define the meaning of a term or concept from one language to another.

However, simply translating a term or concept from one language to another is not always sufficient. Phonetic, word-formational, typological, grammatical, lexical and semiotic associations presented in one language may not apply in another. Therefore, a multilingual person must heed the potential connections of the transferred element in the target language, such as the word phonation, the relevance, the familiarity of the word formation or grammatical model, lexical compatibility, connotations and associations.

A semilingual person may not afford to transfer linguistic elements effectively due to deformations in their linguistic persona. It can lead to cultural insufficiency, where the target culture cannot accept the meaning of the transferred element due to a lack of shared structural components and systems of connections.

While breaking norms in semilingualism, the principle of redundancy is not observed, and the insufficiency of correlated linguistic means makes it unattainable for the difference in potentials between linguocultures to arise. It is impossible to enrich the target linguoculture, and there is no feedback effect for the source linguoculture.

Hepp A., the author of a work on transcultural communication [3] emphasizes that we cannot understand this subject by merely comparing various national cultural patterns. While such differences are relevant when analyzing transcultural communication, it's essential to note that this field involves patterns going beyond traditional cultures. In addition to established research areas such as intercultural communication and cross-cultural studies, it's crucial to consider emerging intercultural and interethnic interaction models having more prosperous specifics than a simple combination of interacting traditional cultures' features.

Conclusions

It follows from the above that the fundamental in the study of translanguaging is not to replace it with an analysis of the inaccuracies and defects of semilingualism. Both of these phenomena are natural for the existence of language and man in language (Human loquens). The national worldview seeks adequate ways of representation in the acquired language. As a result, the language is not only transformed to a certain extent, but also contributes to the renewal of the culture speaking through it.

Anyway, only translanguaging has the cultural potential for a dialogue of cultures and constructive interaction between different peoples. If semilingualism is a temporary, socially conditioned phenomenon, then translanguaging is an essential characteristic of Human loquens unique linguistic ability.

References

1. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., and King J. (2017) *Translanguaging: Communicative Bridge or "Cultural Bomb"?* RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 14 (1). Pp. 116-121. doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121.
2. Canagarajah, A.S. (2013) *Translingual Practice*. New York, NY: Routledge. 240 p. DOI:10.1002/tesq.115.
3. Hepp, A. (2015) *Transcultural communication*. John Wiley & Sons. 280 p.
4. Lugowska, H. (2017) *Translanguaging and Semilingualism as Multidirectional Entities*. In: Bi-, Poly-, Translanguaging and Language Education, Dedicated to Our Teachers. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference under the auspices of MAPRYAL. 7-8 December 2017; Moscow; Peoples' Friendship University of Russia; 2017. Pp. 178-184.
5. Proshina Z.G. (2017) *Translanguaging and Its Applied Value*. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017;14 (1). Pp. 155- 167.

Сведения об авторе

Луговская Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им.Т.Г.Шевченко, Тирасполь, Молдова. E-mail: lugowska@spsu.ru.

About the author

Lugovskaya Elena Grigorievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Cross-culture Communication Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova. E-mail: lugowska@spsu.ru.

УДК 81

Тибилова И. Д.
СЛОЖНЫЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО
СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. ХАДЖЕТЫ)

Tibilova I. D.
COMPLEX OCCASIONAL FORMATIONS AS A WAY OF FORMING
AN INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE (BASED ON THE WORKS
OF T. KHADZHETA)

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются сложные окказионализмы в поэзии осетинского поэта-романтика Таймураза Хаджеты. Окказионализмы являются одной из активных словообразовательных моделей в языке. Они связаны с процессами словообразования, точнее, рождение окказионализмов есть факт словообразования. Но словообразование имеет свои законы и типы, свои модели, т. е. образцы. По этим образцам и создаются новые слова, новые единицы. Окказионализмы же образуются по существующим словообразовательным моделям конкретного языка, но по не известным языку формуле, способу. Такое сочетание словообразовательных элементов до этого было неизвестно, т. е. мы имеем дело с не встречавшейся прежде сочетаемостью словообразовательных элементов. Объектом исследования стали сложные окказиональные образования в поэзии осетинского поэта Т. Хаджеты. В творчестве Т. Хаджеты имеется большое количество сложных окказиональных слов, которые в данной статье рассматриваются со словообразовательной и лексической сторон. Окказионализмы, созданные поэтом, ярко показывают идиостиль художника-словотворца, раскрывают внутренний мир поэта, его чуткое понимание природы родного языка.*

***Ключевые слова:** окказионализмы, словообразование, неологизмы, авторские образования, индивидуальный стиль, сложные слова, композиты.*

Известно, что окказионализмы – это неологизмы, но от классических неологизмов они отличаются, в первую очередь, тем, что появляются в произведении отдельного писателя и зачастую их знает только сам автор, только он чувствует и понимает суть созданного им слова. Так оно и есть: человек лучше понимает производимую им работу, собственное смыслотворчество. Авторские слова раскрывают внутренний мир писателя, его мысли, индивидуальный почерк.

Окказиональное словообразование занимает свою нишу в морфологической системе языка, если даже оно не имеет собственных языковых средств. Окказионализмы образуются с помощью словообразовательных средств того языка, на котором автор воспроизводит свои мысли, свои стихи: путем сочетания суффиксов и приставок с самостоятельным словом или сочетанием двух самостоятельных слов. Так, окказионализмы появляются неожиданным образом. И, хотя создаются они из основного языкового материала, результат оказывается необычным и непредсказуемым.

Ученые-языковеды долгое время прилагают усилия к всестороннему анализу слов-новообразований: исследуют их словообразовательные средства, эмоционально-стилистическую окраску.

В последние годы в языкознании появилось много научных трудов об окказионализмах. Среди них работы Н. И. Фельдмана [15], Э. Ханпиры [16], Т.В. Поповой, Л.В. Рацибурской, Гугуновой Д.В. [13] и В.Н. Хохлачевой [17].

В творчестве некоторых поэтов встречается большое количество окказионализмов. К примеру, в поэзии В. В. Маяковского было обнаружено около 2500 индивидуально-авторских слов [8].

Слово «лилипут» – один из самых известных окказионализмов в мире. Его создателем был английский писатель Джонатан Свифт. Слово укоренилось в языках всех народов, и сегодня оно уже не считается окказионализмом.

Окказионализм, впервые появившийся в произведении автора, не сразу внедряется в основную лексику литературного языка. Подчас он остается не использованным даже самим автором. Подобно падающей звезде, которая загорелась внезапно и меркнет, медленно падая, угасает.

Авторские слова в осетинском языке, как с теоретической, так и с практической стороны малоизученны. Есть несколько статей, в кото-

рых исследуются авторские новообразования, встречающиеся в творчестве Коста Хетагурова и Герсана Кодалаева [18.19. 25.26]. При этом данный вопрос с научной точки зрения весьма притягательный и интересный. Интересный потому, что способствует лучшему и более глубокому изучению языка автора, что, по нашему мнению, помогает в целом обогащению лексики осетинского языка. Новое слово не может остаться полностью незамеченным. Нельзя называть с уверенностью новообразование словом, если его никто не запомнил, не применил, если его использование не получило дальнейшего распространения. Со временем слово может войти в активный фонд языка. Доказательством этому служит слово «лилипут».

В творчестве Таймураза Хаджеты встречается достаточно много индивидуально-авторских слов. Они окрашены благородной простотой, несут глубокий смысл, раскрывают философский склад ума поэта, его чуткий, наблюдательный взгляд. Поэт принимает близко к сердцу все, что происходит вокруг него, «процеживает сквозь сито» каждую мысль, каждое движение, свой шаг, тонко чувствует красоту окружающей природы.

Образ, который воссоздает перед читателем Таймураз Хаджеты – яркий, точный. Он пишет то, что видит. Читатель не в силае аналогично ощущать и понимать мысли автора. Мышление и видение поэта едины с его творчеством.

Таймураз Хаджеты был талантливым поэтом. Он хорошо чувствовал и знал родной язык, мастерски владел средствами словообразования осетинского языка.

Поэт избрал множество новых слов, несущих глубокий смысл и созданных с помощью словообразовательных средств осетинского языка. В стихотворении они имеют собственную интерпретацию, именно в контексте можно понять лексическое значение слова.

Фантазия Таймураза Хаджеты изобретательна и многогранна. Картина, которую он рисует перед читателем, всегда яркая, точная, полная конкретики.

Любопытно слово **митдзэссыгæй «снежнослёзно»**, встречается в стихотворении «К другу»:

*Æрбад, хæлар... Ныр та кæнæм мах заргæ...
Сæдæ царды фæг мысинæгтæ сты...
Фæсмон мыл рацæд, **митдзæссыгæй** уаргæ,
Фæлæ цы амонд баивæм рæстыл? [30, ф. 10].*

*Присядь, мой друг... Сейчас мы будем петь...
Воспоминаний хватит лет на сто...
Раскаяние пролилось на меня, **снежнослёзно**, дождём, –
Но какую судьбу мы поменяем на должную? [30, с. 10].*

Слово **митдзæссыгæй «снежнослёзно»** является сложным словом и состоит из двух самостоятельных слов. Это нарицательные существительные **мит «снег»** и **цæссыг** (в соответствии с нормами осетинского языка, начальный звук «ц» перешел в «дз») «слеза» + форма отложительного падежа **-æй**. Однако данное слово в этой строке выполняет функцию наречия образа и способа действия, а не существительного. В системе наречий осетинского языка можно столкнуться с такими наречиями, которые состоят из двух самостоятельных слов и разных деривационных аффиксов. Это, как правило, различные лексико – грамматические классы слов: существительные, качественные прилагательные, количественные числительные, неспрягаемые формы глагола: причастия, деепричастия, собственно наречия; служебные части речи: предлоги, союзы и частицы.

Поэтому конечная морфема **-æй** в слове **митдзæссыгæй** является не окончанием косвенного падежа существительного, а словообразовательным суффиксом наречия. Основное грамматическое значение суффикса косвенного падежа **-æй** – реляционное, то есть словоизменительное, но в данном слове оно выполняет словообразовательную функцию, создает новое слово.

В осетинском языке падежные окончания существительных активно выполняют словообразовательную функцию, образуют огромное количество интересных наречий. Исключение составляет окончание союзного падежа **-имæ**. Оно не образует наречия, сохраняет значение косвенного дополнения: **æмгаримæ «с другом»**, **чызгимæ «с девушкой»** и др.

Поэт со своим другом вспоминают юные, безумно-беззаботные дни. Воспоминаний столько, что их хватит на сто лет вперед. Друзья те-

перь – на середине пути. На их плечах – бремя ответственности за свою жизнь. В волосах – седина. Седину поэт называет снегом. Снег тает и стекает слезами сожаления по щекам. Человек становится опытнее с годами, вспоминает все хорошее, что случилось с ним в жизни. Он не будет более жить так, как в молодости, не позволит себе уже многого, ибо годы берут свое, и он сожалеет об этом. Но изменить судьбу нельзя. Нельзя свернуть с начертанного пути.

Рассмотрим другой пример.

Иу сәударәй иннамаә цауы

Рогвæсмон, зынггур гæлæбу, циндзаст.

Судзгæ зынг æй рауатмæ тæры,

Фæлæ кæс, æмæ та ногæй сирвæзт. [30, ф. 151].

От рассвета идет к другому

Легкосожаление – огнеищуций, радостный мотылек,

Пылающее пламя гонит его к гибели,

Но, смотри – он снова на свободе. [30, с. 151].

– пишет Таймураз Хаджеты в стихотворении «Поэт». В данном отрывке поэт через образ мотылька передает собственный образ. Он часто сталкивается с тяжелыми ситуациями, они разрушают, обжигают ему душу, но лирический герой-мотылек не боится трудностей: несмотря ни на что, радуется, ищет «искру», свет, стремится к свободе. Не жалеет о том, что терпит жизненные трудности. Его сожаления легки, но он ни в грош их не ставит, стремится вперед. Сильные качества мотылька поэт передал словом **рогвæсмон** «**легкосожаление**». Слово **рогвæсмон** выполняет функцию существительного, образовано из двух слов: качественного прилагательного **рог** «**легкий**» и абстрактного имени существительного **фæсмон** «**сожаление**» в именительном падеже единственного числа.

«**Рог**» – это сокращённая форма прилагательного **рæуæг**. Хорошее сочетание получилось у Хаджеты со словом **раскаятие**. С полной формой слова **рæуæг** сочетание было бы менее удачным. Однако поэт тонко чувствует глубину осетинского слова и пользуется им так же умело.

В стихотворении «Песнь юноши» Таймураз Хаджеты использует слово **æргъиупакъуы** «хрящеперый».

*Æрмæст нæй фæлмæцæн
Уарзтæй...
Ног та Хырыз монцыл урс билцъ ысхæцы,
Фарстау...
Фыд зымæг æргъиупакъуы митæй
Хъазы...
Ног та
У æардæ мæ сонт уды митæй
Разы...
Нæ разы, æвзист доны тылдау, -
Фæндаг... [30, с. 137].*

*И лишь любовь не может докучать...
Вновь пустил побег, похожий на вопрос, зыбкий соблазн...
Лютая зима хрящеперым снегом
Играет...
Снова
Сердце проделки моей шальной души
Разделяет...
Перед нами, словно окунувшаяся в серебряную воду, –
Дорога... [30, с. 137].*

Приведенное стихотворение полно любовных переживаний. Лирическая душа поэта не устаёт от красивых чувств. Он снова попал в сети любви. Любовь в его сердце пустила новые корни, они чисты. Об этом свидетельствует эпитет **урс** «белый». Чувства появились у поэта в один из зимних месяцев.

До разбора значения указанного слова разберём сначала его составные части и рассмотрим дословное значение каждого слова по отдельности. Слово **хрящеперым** в осетинском языке передаётся словом **æргъиупакъуы**. Слово является композитом и состоит из двух имён существительных – **æргъиу** «хрящ» и **пакъуы** «хлопья».

Поэт посредством слова **æргънупакъуы** ярко воспроизводит картину холодного зимнего дня. В зимнее время все кругом застилает вьюга, ветер несёт хлопья снега. Снежные хлопья – мягкие, как пух, но, в отличие от пуха, они, падая, тают, замерзают на земле или опускаются на снег и, словно хрящ, затвердевают на морозе. Поэт показывает строение мягких и нежных снежных хлопьев и грубый «твердый» итог их падения на землю необычным словом **æргънупакъуы**.

Чуть дальше, в этом же стихотворении, встречаем слово **тæссондбазыр** «хрупкокрылый».

*Ахсæв
Кæрæдзийы рисыл фæрриссæм,
Азтау
У не 'хсæв уæндон æмæ расыг,
Махау...
Ма тæрс!
Мæ риуыл, тæссондбазыр хъазау,
Бахау!...[30, ф. 137].*

*Наша ночь дерзка и пьяна,
Подобно нам...
Не страшись!
Мне на грудь хрупкокрылой лебёдушкой
Упади...[30, с. 137].*

Слово **тæссондбазыр** «хрупкокрылый» не встречается в осетинско-русском словаре [12]. Является сложным прилагательным. Состоит из качественного прилагательного **тæссон** «ломкий», «хрупкий», «непрочный» и нарицательного имени существительного **базыр** «крыло» в именительном падеже единственного числа.

Любовные чувства поэта – воодушевляющие и откровенные. Любимая обратила на него свой взор, и от этого он полон счастья. Оба пьяны от любви и смелы в отношении друг друга. Поэт сравнивает музу своей любви с лебедью. Просит её не бояться и прильнуть к нему, как хрупкокрылая лебёдушка. Крылья у лебедя нежные и пористые, он широко расправляет их и благородно плывёт по воде. Поэт просит таких

же благородных действий от своей любимой. Чтобы ярче показать воображаемую картину, Таймураз Хаджеты создал слово *тессондбазыр* «хрупкокрылый». По нашему мнению, синонимом этого слова является уездан «нежный», «утонченный».

Заключение

Авторские слова (сложные конструкции) в творчестве осетинского поэта Таймураза Хаджеты впервые исследуются в осетиноведении. Они ярко показывают тончайший идиостиль поэта-романтика. Проведённое научное исследование позволяет сделать вывод о том, что Таймураз Хаджеты является выдающимся поэтом-романтиком и талантливым словотворцем. Он с ювелирной точностью и четкостью пользуется не только существующим лексическим инструментарием осетинского языка, но и сам создаёт новые слова для более яркой и наглядной передачи каждого оттенка своих мыслей и чувств. Использованный им способ сотворения новых слов отличается большой смысловой оригинальностью, способствует более яркому и чёткому пониманию читателем выраженной автором мысли и в то же время полностью соответствует словообразовательным нормам осетинского языка.

Библиографический список

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. 606 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-5. М.-Л., 1958-1977.
3. Ахвледиани Г. С. Грамматика современного осетинского языка. Орджоникидзе, 1963. Т. 1. 368 с.
4. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. Т. 1. 488 с.
5. Бакина М. А. Окказиональные слова, мотивированные прилагательными, в современной поэзии. // Слово в русской современной поэзии. М., 1975.
6. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Учебное пособие / Калинингр. ун-т. Калининград, 1997.
7. Баталов О.Г. Семиотический статус окказионализма и его функция и социальная среда //Язык, коммуникация и социальная среда.

Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 129-136.

8. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. М., 1943. 134 с.
9. Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974. 104 с.
10. Лопати В. В. Рождение слова. М., 1973. 152 с.
11. Лыков А. Г. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики // Лексикология. Тезисы 2-й межвузовской конференции. М., 1990. С. 76-80.
12. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970. 730 с.
13. Попова Т.В., Рацибурская Л В., Гугунова Д.В. Неология и неография современного русского языка. Учебное пособие: для аспирантов, преподавателей-филологов. М.: Флинт, Наука, 2005. 166 с.
14. Улуханов И. С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной модели. Вопросы языкознания. М., 1984. №1.
15. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Вопросы языкознания. М., 1957. №4.
16. Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966.
17. Хохлачова В. Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке 19 в. Материалы исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. М., 1962.

References

1. Abaev V. I. Osetinskiiyazyk i fol'klor. M.-L., 1949. 606 s.
2. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. 1-5. M.-L., 1958. 1977.
3. Akhvlediani G.S. Grammatika sovremennogo osetinskogo yazyka. Ordzhonikidze, 1963. T. 1. 368 p.
4. Bagaev N.K. Sovremenniy osetinskii yazyk. Fonetika i morfologiya.– Ordzhonikidze. T. 1. 488 p.
5. Bakina M.A. Okkazional'nye slova, motivirovannye prilagatel'nymi, v sovremennoi poezii. // Slovo v russkoi sovremennoi poezii. M., 1975.
6. Babenko N.G. Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticeskii analiz. Uchebnoe posobie / Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1997.

7. Batalov O.G. Semioticheskiy status okkazionalizma i ego funktsiya i sotsial'nayasreda // Yazyk, kommunikatsiya isotsial'nayasreda. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3. Voronezh: VGU, 2004. P. 129-136.
8. Vinokur G. O. Mayakovskii – novatoryazyka. M., 1943. 134 p.
9. Isaev M.I. Ocherki po istorii izucheniya osetinskogo yazyka. Ordzhonikidze, 1974. 104 p.
10. Lopati V. V. Rozhdenie slova. M., 1973. 152 s.
11. Lykov A. G. Russkoe okkazional'noe slovo v aspekte teorii i metodiki // Leksikologiya. Tezisy 2-i mezhvuzovskoi konferentsii. = M., 1990. S. 76-80.
12. Osetinsko-russkii slovar'. Ordzhonikidze, 1970. – 730 p.
13. Popova T.V., Ratsiburskaya L V., Gugunova D.V. Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka. Uchebnoe posobie Dlya studentov, aspirantov, prepodavatelei-filologov. M.: Flint, Nauka, 2005. 166 p.
14. Ulukhanov I.S. Uzual'nye i okkazional'nye edinitsy slovoobrazovatel'noi modeli. Voprosy yazykoznaniya. M., 1984. №1.
15. Fel'dman N. I. Okkazional'nye slova i leksikografiya / Voprosy yazykoznaniya. M., 1957. №4.
16. Khanpira E. Ob okkazional'nom slove i okkazional'nom slovoobrazovanii // Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka. M.: Nauka, 1966.
17. Khokhlachova V. N. Individual'noe slovoobrazovanie v russkom literaturnom yazyke 19 v. Materialyis sledovani ya po istorii russkogo literaturnogo yazyka. T. 5. M., 1962.
18. Ёлборты Э. Г. Ирѳурсбѳрзѳндтыбарѳг. Цхинвал, 2016. 123 ф.
19. Битарти З.А. Хиаразгѳ дзырдтѳ Хъодалаты Герсаны поэзийы. Сѳ стилистикон-семантикон анализ.// Фидиуѳг, 2013. № 1. 135 ф.
20. Битарти З.А. Ирон ѳвзаджы цыбыр ѳмбарынгѳнѳн-ѳтимологон дзырдуат ахуырдаутѳн. Рауагъдад «Глобус». Цхинвал, 2017.
21. Галуанты Людаѳ. Ёз ѳмѳ ды. Зѳрдѳйы сагъѳстѳ. Дзѳуджыхъѳу, 2000. 135 ф.
22. Ирон ѳвзаджы ѳмбарынгѳнѳн дзырдуат. Цыппар томѳй. Фыццаг том. Мѳскуы Наука 2007. Гѳбѳраты Никъалайы иумаѳйаг редакцийѳ. 509 ф.

23. Коцты Юля. Аьрдхæрæны зарæг. Дзæуджыхъæу, 2005. 65 ф.
24. Тахъзаты Харум, Гæбæраты Никъала. Ирон æвзаджы ахуыргæнæн чиныг. Цхинвал, 2008.
25. Тыбылты И. Д. Хиаразгæ дзырдтæ Хетагкаты Къостайы «Ирон фæндыр»-ы // Фидиуæг. №6. Цхинвал, 1999. 126 ф.
26. Тыбылты И.Д. Хиаразгæ вазыгджын дзырдтæ Хъодалаты Герсаны поэзийы. / Ирон æвзагзонынады ахсджиаг фарстыгæ. Фыццаг рауагъд. Чиныг сарызта. Дзиццойты Ю.А. Цхинвал «Южная Алания» 2016. 108 ф.
27. Хаджеты Таймураз. Уацмыстæ. Дзæуæджыхъæу, 2010. 480 ф.
28. Хъодалаты Герсан. Ирон зæрдæ. Цхинвал, 1968. 480 ф.

Сведения об авторе

Тибилова Инга Даниеловна, кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры осетинского языка и общего языкознания, декан факультета осетинской филологии и педагогики и методики начального образования, ЮОГУ им. А. А. Тибилова, Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова, Республика Южная Осетия-Государство Алания, г. Цхинвал. E-mail: Inga.tibilova2016@yandex.ru

About the author

Tibilova Inga Danielovna, Candidate of Philological Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Ossetian Language and General Linguistics, Dean of the Faculty of Ossetian Philology and Pedagogy and Methods of Primary Education, South Ossetia State University named after. A. A. Tibilov, South Ossetian State University named after. A.A. Tibilov, Republic of South Ossetia-State of Alania, Tskhinval. E-mail: Inga.tibilova2016@yandex.ru.

СЕКЦИЯ 2 6
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-
РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

УДК 800.732

Борукаева З. Г.
ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ В БИЛИНГВИЗМЕ РУССКОГО
И СЕВЕРО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Borukaeva Z. G.
LINGUISTIC DEVELOPMENT IN THE BILINGUALISM
OF THE RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN LANGUAGES

***Аннотация:** В статье идет речь о развитии билингвизма на Северном Кавказе. Автором статьи приводится описание билингвизма как языкового и культурного явления, проводится анализ сложившейся в настоящее время языковой ситуации в Северо-Кавказских республиках. В завершение статьи автор приходит к выводу о том, что билингвизм и полилингвизм на Северном Кавказе является развивающимся явлением, обусловленным поликультурной спецификой региона.*

***Ключевые слова:** билингвизм, полилингвизм, Северо-Кавказские языки, русский язык, полиэтничность.*

***Аннотация:** The article deals with the development of bilingualism in the North Caucasus. The author of the article describes bilingualism as a linguistic and cultural phenomenon, analyzes the current linguistic situation in the North Caucasian republics. At the end of the article, the author comes to the conclusion that bilingualism and multilingualism in the North Caucasus is a developing phenomenon due to the multicultural specifics of the region.*

***Ключевые слова:** bilingualism, polylingualism, North Caucasian languages, Russian language, polyethnicity.*

Функционирование двух и более языков в обществе было бы невозможно без двуязычия отдельных членов языкового сообщества (даже если индивид владеет несколькими языками, его часто называют билингом, а само явление – билингвизмом или двуязычием). Различаются три основных типа индивидуального билингвизма. При субординативном билингвизме говорящие воспринимают второй язык через призму родного: понятия соотносятся с лексическими единицами родного языка, а последние – с единицами второго языка. При координативном (чистом) билингвизме два языка совершенно автономны, каждому соответствует свой набор понятий, грамматические категории двух языков также независимы. Смешанный билингвизм в идеале подразумевает единый механизм анализа и синтеза речи, а сосуществующие языки различаются лишь на уровне поверхностных структур. Л.В. Щерба называл такую коммуникативную систему одним языком с двумя терминами. Разумеется, реально полного изоморфизма грамматических систем двух языков не наблюдается, происходит лишь их большее или меньшее уподобление. Словарь же действительно может быть единым в плане содержания, различаясь только планом выражения.

Три выделенных типа билингвизма, конечно, представляют собой идеальные упрощения; у реального билинга преобладает один из них. Субординативный билингвизм по своей природе означает вторичное, неполное владение вторым языком и характерен для начинающих билингов, но уже на ранних стадиях овладения языком ему сопутствуют элементы координативного и смешанного двуязычия. При эффективном двуязычии реально сосуществуют координативное и смешанное двуязычие (часто и элементы субординативного) с преобладанием одного из них.

Обычно двуязычие продуктивно, т. е. билингв способен активно использовать второй язык. Особый случай двуязычия представляет пассивный (рецептивный) билингвизм – такое владение вторым языком, когда индивид его понимает, но сам текстов на нем практически не порождает. Для «двустороннего» пассивного билингвизма, когда каждый из коммуникантов пользуется своим языком, но понимает язык другого, иногда используется термин дуалингвизм. Такое явление чаще встречается на границах распространения различных (как правило, родственных) языков.

В норме билингвы владеют хотя бы одним языком в полном объеме. Однако возможны случаи, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации адекватное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах. Это явление получило название полуязычия. Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена. Особые формы полуязычия образуются в условиях, когда контактирующие языки близкородственны. Так, в результате смешения украинского и русского языков возникает так называемый суржик, а смесь белорусского и русского языков получила название трасянка.

Для полуязычия, как и для субординативного билингвизма, переключение кодов нехарактерно. Владение двумя языками обычно в ситуации, когда оба языка при этом достаточно часто реально используются в коммуникации. Наиболее типичный случай возникновения билингвизма – когда ребенок вырастает в семье, где родители говорят на разных языках (принцип «одно лицо – один язык»). Все более распространенный случай – семья живет в иноязычном окружении, ребенок общается вне семьи на другом языке, нежели дома (беженцы, иммигранты).

Самый частый случай усвоения второго языка – школьное обучение иностранному языку. Улучшение уровня образования делает все население земного шара в какой-то степени двуязычным, поскольку иностранные языки и языки национальных меньшинств повсеместно входят в школьные программы, а расширение транснационального сотрудничества создает реальную мотивацию для учения. Билингвизм может проявляться в активном и пассивном владении вторым языком, хотя периоды интенсивного употребления языка могут сменяться латентными.

По новейшим данным, около 70% населения земного шара владеют, в той или иной степени, двумя или более языками (мультилингвизм, многоязычие), причем это положение в высшей степени характерно для регионов, где проживают бок о бок разные национальности: например, в Дагестане, у индейцев Южной Америки, в Новой Гвинее принято знать несколько языков соседей или, по крайней мере, один язык, служащий наднациональным средством общения. Около одной четверти

стран на Земле признают официально два языка на своей территории, и только шесть стран – три и более языков, хотя фактическое количество сосуществующих языков во многих странах существенно больше. Мультилингвизм населения – категория непостоянная: в одних странах количество билингвов увеличивается, в других сокращается.

В целом двуязычие, содействуя развитию национальных культур, делает духовную культуру одного народа достоянием другого народа, и в этом смысле овладение двумя языками исключительно полезно. Проблемы билингвизма интенсивно исследуются многими отечественными и зарубежными учёными, но до сих пор нет единого мнения по вопросам определения и содержания понятия «двуязычие». В многонациональном Казахстане процесс социализации личности происходит путем формирования ценностных ориентаций, в том числе и в социальном взаимодействии представителей различных национальностей. В полиэтническом обществе двуязычие является естественным процессом и охватывает все большее количество индивидов. Учёные, исследовавшие эту проблему, придерживались разных точек зрения. Так, например, в советское время под двуязычием понимали приблизительно одинаковое, свободное активное владение двумя языками, вплоть до способности думать на них без перевода.

Можно согласиться с исследователем данного аспекта лингвистики Протасовой Е.Ю.: «Под двуязычием (билингвизмом) как частным случаем многоязычия (мультилингвизма) понимается – в минимальном случае – способность выразиться на двух языках и, в обычном смысле – близкое к уровню родного языка владение двумя языками, в научном смысле – регулярное пользование в жизни двумя языками» [4, с. 29].

Особое место в исследовании социолингвистики занимают проблемы двуязычия, которые имеют неоднозначную историю развития. На сегодняшний день этот процесс изучается, прежде всего, как языковая сущность, проявляющаяся в повседневном коммуникативном пространстве, в бытовой речи.

В настоящее время на Северном Кавказе в качестве языка межэтнического общения используется русский язык. Современная реальность такова, что даже этническая элита народностей Кавказа в значительной степени русифицирована, не говоря о представителях других этносов. Кавказцы вполне профессионально пользуются русским языком, для

них он продолжает оставаться языком научного творчества и профессиональной деятельности.

Казиева Д.А. отмечает, что в условиях поликультурного и полилингвального пространства современного мира и многонациональных государств должна быть параметрирована и национальная языковая личность как обобщенный образ носителя этнокультурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, который осознает свою принадлежность к определенному этносу как социальной общности [3, с. 118]. Условия полиэтничного государства формируют национально-русский билингвизм народов РФ, в некоторых коммуникативных ситуациях манифестируемый как языковая ассимиляция, при этом русский язык становится средством не только межнационального, но и внутринационального общения.

Историческое развитие и становление билингвального образования Северного Кавказа привело к функционированию национально-русского билингвизма на территории региона. Многокомпонентный анализ сводится к описанию языков. Большинство языков относятся к кавказской языковой семье, разделенных на несколько групп:

- дагестанская;
- нахская;
- абазо-адыгская;
- алтайская.

Гребенюк А.А. отмечает, что индоевропейская семья широко представлена на Северном Кавказе. Осетинский и татский языки принадлежат к иранской группе. На языках славянской группы индоевропейских языков говорят русские и украинцы, которые широко расселены во всех регионах Северного Кавказа. Армянский и греческий языки также принадлежат к индоевропейской языковой семье [2, с.83].

Современный билингвизм на Северном Кавказе является ранним и искусственным по преимуществу, потому что дети в раннем возрасте в семье или в детском саду (реже в школе) начинают изучать второй язык – русский. По критерию регулярности использования языка различают как активных или репродуктивных (в основном горожане), так и пассивных или рецептивных (сельское население) двуязычных. В целом, они, как правило, являются активно биграмотными личностями,

которые умеют читать и писать, активно используют свои навыки, т.е. обладают двуединым или контактным билингвизмом по форме языка.

Следствием национально-русского билингвизма стала ассоциативная интерференция, характеризующаяся заимствованием как национальных языков из русского, так и русского из национального. Границы языковых групп не совпадают с границами национальных групп – это следствие специфической политики государственного строительства, которая проводилась на Северном Кавказе в 1940-1980-е гг., когда тезис об объединении некоторых малых народностей с соседними крупными этническими группами укоренился в официальной идеологии и административной практике.

Ученые приводят статистику, согласно которой на данный момент функциональное поле титульных языков народностей Северного Кавказа занимает 46,6% от общей языковой площади, уступая русскому языку с его 53,4% [2, с. 85]. При этом, с точки зрения социального функционирования, русский язык обладает всей полнотой характеристик, выполняет все социальные функции, кроме обрядовой (религиозной).

При этом, согласно законодательным документам Северокавказских субъектов Российской Федерации, языки титульной национальности преподаются обучающимся республик с I по XI класс независимо от их национальной принадлежности. Нередко складывается и такая ситуация, когда в младших классах преподавание ведется на национальном языке, в том числе, при объяснении и изучении русского языка, а с пятого класса роли языков меняются и русский язык становится тем, на котором ведется обучение.

Законодательные акты, принятые в сфере придания русскому языку статуса языка межэтнического общения, указывают на то, что в некоторых регионах Кавказа с ним уравниваются национальные языки. Об этом свидетельствует принятый в декабре 1994 г. Парламентом КБР Закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики», в соответствии с которым русский, кабардинский, балкарский языки получили статус государственных языков на территории КБР. Основная цель данного Закона – сохранение самобытности и развитие в равной степени как языков титульных народов, так и русского языка, что предопределяет их равноправное распространение во всех областях общественной жизни. Следовательно, полиэтническое

пространство КБР предполагает формирование и становление би-, полилингвальной языковой личности, хотя усвоение разно-системных и разноструктурных языков представляет собой сложный процесс. Башиева С.К. отмечает, что полинациональность Кабардино-Балкарии, обуславливающая обязательность контактов между представителями разных культур, конфессий и определяющая необходимость активного употребления языка-посредника, приводит к лингвокультурному взаимодействию, возникновению естественного билингвизма: билингвы с родным карачаево-балкарским/кабардино-черкесским языком и вторым русским языком; билингвы с родным русским языком и вторым карачаево-балкарским/кабардино-черкесским языком [1, с. 266].

Проведенное Башиевой С.К. и Доховой З.Р. исследование полилингвизма в Кабардино-Балкарской республике показывает, что 20% опрошенных являются абсолютными билингвами, в равной степени владеющими родным от рождения языком и языком-посредником; 77% – относительными билингвами, хорошо знающими один из языков, 3% владеют всеми тремя языками одинаково и являются абсолютными полилингвами [1, с. 270]. В качестве доминантного языка, безусловно, в равной степени могут выступать все три государственных языка КБР. Часто русский язык становится господствующим языком в речи билингвов, для которых родным от рождения является кабардино-черкесский/карачаево-балкарский язык. Подобное явление можно условно определить как русско-кабардино-черкесский/русско-карачаево-балкарский билингвизм. Так, для многих респондентов-кабардинцев/балкарцев основным языком является русский, а степень владения родным от рождения языком варьируется: 50% респондентов плохо знают родной от рождения язык на уровне грамматики и хорошо на лексическом уровне (говорение, восприятие и понимание звучащей речи); 31% опрошенных понимают звучащую речь родного от рождения языкового кода, но редко разговаривают на нем или совсем не реализуют в коммуникативной деятельности, 19% респондентов, хорошо владея национальным языком на всех его уровнях, пользуются им в зависимости от языковой ситуации.

Также частыми становятся ситуации, когда люди хорошо знают лексику русского языка и свободно используют его в бытовом общении, но плохо знают грамматику, что затрудняет письменную коммуникацию.

Нередко люди хорошо знают русский язык, но в бытовом общении стараются использовать национальный язык, потому что он соответствует лингвокультурному пространству личности.

Обращаясь к детскому полилингвизму, Шимченко Ю.В. приводит данные опроса о том, в каком возрасте и каким образом у представителей различных национальностей вводится русский язык, при учете, что он не является родным. Так, опрошенные аварцы, балкарцы, ингуши, кабардинцы, чеченцы отмечают, что в семье русскому языку их начали обучать в раннем детстве – с трех лет, осетины отметили, что этот этап их языкового развития начался в 4 года, армяны – в пять лет. Опрошенные калмыки указали на то, что русский в семье вводился с рождения как равный калмыцкому по своим функциям [5, с. 123]. При этом все они отмечают, что способ введения одинаков – сначала через устную речь родителей, потом через чтение книг на русском языке вслух. Это позволяет сделать вывод о том, что Северо-Кавказское двуязычие является ранним, начало освоения в школьном возрасте становится скорее исключением.

Можно сделать основные выводы о современном состоянии билингвизма на Северном Кавказе:

- по условиям формирования преобладает естественный билингвизм, основанный на практическом взаимодействии языков;
- по количеству выполняемых действий билингвизм является продуктивным, то есть двуязычные представители могут не только понимать и воспроизводить речевые произведения, но и порождать собственные, достаточные для реализации коммуникационных задач;
- по соотношению механизмов речи северокавказский билингвизм становится чистым, потому что языки могут раздельно функционировать во время речевых актов;
- по связи языка и мышления данный билингвизм можно охарактеризовать как опосредованный, когда один язык связан с мышлением через другой язык;
- по характеру взаимодействия языков в сознании Северо-Кавказский билингвизм можно считать субординативным, потому что родной национальный язык начинает осваиваться на несколько лет раньше, чем русский, и становится основополагающим.

В условиях двуязычия русский язык оказывает положительное обогащающее и развивающее влияние на языки народов Северного Кав-

каза. В последних возникли новые жанры и стили, расширился их лексический фонд, многие слова получили расширение семантических возможностей, в особенности при использовании дагестанских языков в деятельности школы, в средствах массовой коммуникации на родном языке, в общественно-политической жизни в ареалах их бытования.

Под влиянием русского языка изменения происходят и в национальной грамматике посредством речевой деятельности билингов, художественного перевода, изучения учебников национальной морфологии, синтаксиса, которые долгое время представляли собой перевод с русского языка. Родной язык, развиваясь и обогащаясь, не растворяется в русском языке. Благодаря языку межнационального общения в нем возникают новые интернациональные тенденции в фонетике, лексике, в новых словах и устойчивых словосочетаниях, в некоторых синтаксических конструкциях. Однако родной язык не теряет своего глубокого национального своеобразия, он совершенствует свои структурные элементы, сохраняет свою собственную специфику, самобытность.

Взаимосвязь обучения родному и русскому языкам способствует развитию национально-русского двуязычия, содействует пониманию и более эффективному восприятию элементов иной культуры, менталитета иноязычных этносов, способствует гармонизации межнациональных отношений, углубляет интерес и положительную мотивацию к изучению языков.

Одним из достоинств билингвизма является обогащение и развитие национального языка под воздействием несоизмеримо богатого и развитого русского языка. Кавказско-русский билингв в процессе получения среднего, высшего образования, самостоятельного повышения своего культурного уровня становится носителем не только культуры своей национальности, но и русско-европейской духовной культуры, подвергаясь такому явлению, как аккультурация. В условиях национально-русского двуязычия не только сохраняются, но и обогащаются и развиваются и надежно защищены языки народов Северного Кавказа, в том числе и языки малочисленных этносов, бесписьменные языки, одноаульные языки.

Таким образом, в современных кавказских республиках широко распространено двуязычие и многоязычие, что обусловлено в первую очередь ее полиэтничностью и поликультурностью, которые предполага-

ют лингвокультурологическое взаимодействие социумов, проживающих на территории многонационального субъекта Российской Федерации, и невозможность существования монолингвальных языковых личностей. Развитие билингвизма/полилингвизма, кроме того, имеет непосредственную обусловленность такими экстралингвистическими факторами, как система образования и средства массовой информации, которые способствуют возникновению единого информационного пространства.

Библиографический список

1. Башиева С.К., Дохова З.Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социокультурных сообществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики)/ С.К. Башиева, З.Р. Дохова// Полилингвильность и транскультурные практики. 2015. № 5. С. 266-272.

2. Гребенюк А.А. Формирование условий поликультурного образования детей-билингвов в северо-кавказском регионе/ А.А. Гребенюк// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-4 (76). С. 83-85.

3. Казиева Д. А. Коллективная языковая личность в поликультурном пространстве Северного Кавказа/ Д.А. Казиева// Научные исследования. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-yazykovaya-lichnost-v-polikulturnom-prostranstve-severno-go-kavkaza/viewer> (дата обращения: 08.03.2024).

4. Протасова Е.Ю. Динамика рассказов детей-билингвов: проблемы и практика/ Е.Ю. Протасова// Современное дошкольное образование. 2021. С. 28-37.

5. Шимченко, Ю. В. Развитие детского билингвизма на Северном Кавказе / Ю. В. Шимченко // Университетские чтения – 2018: 11-12 января 2018 г. : материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф. / М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Пятигорский гос. ун-т»; редкол.: А.П. Горбунов [и др.]. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. Ч. VII: Секция 14 симпозиума 1. 2018. С. 122-126.

References

1. Bashieva, S.K., Dohova, Z.R. Bilingvizm i polilingvizm kak ob"edinyayushchie nachala razlichnyh sociokul'turnyh soobshchestv

Severnogo Kavkaza (na primere Kabardino-Balkarskoj Respubliki)/ S.K. Bashieva, Z.R. Dohova// Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2015. № 5. S. 266-272.

2. Grebenyuk, A.A. Formirovanie uslovij polikul'turnogo obrazovaniya detej-bilingvov v severo-kavkazskom regione/ A.A. Grebenyuk// Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2023. № 1-4 (76). S. 83-85.

3. Kazieva, D. A. Kollektivnaya yazykovaya lichnost' v polikul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza/ D.A. Kazieva// Nauchnye issledovaniya. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-yazykovaya-lichnost-v-polikulturnom-prostranstve-severnogo-kavkaza/viewer> (data obrashcheniya: 08.03.2024).

4. Protasova, E.YU. Dinamika rasskazov detej-bilingvov: problemy i praktika/ E.YU. Protasova// Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. 2021. S. 28-37.

5. SHimchenko, YU. V. Razvitie detskogo bilingvizma na Severnom Kavkaze / YU. V. SHimchenko // Universitetskie chteniya – 2018: 11-12 yanvarya 2018 g.: materialy region. mezhvuz. nauch.-prakt. konf. / M-vo obrazovaniya i nauki RF, FGBOU VO "Pyatigorskij gos. un-t"; redkol.: A.P. Gorbunov, [i dr.]. – Pyatigorsk : Izd-vo PGU, 2018. CH. VII: Sekciya 14 simpoziuma 1. 2018. S. 122-126.

Сведения об авторе

Борукаева Залина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Северо-Осетинского педагогического колледжа г. Владикавказ, РФ. E-mail: z.borukaeva@mail.ru.

About the author

Borukaeva Zalina Georgievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, teacher of the North Ossetian Pedagogical College, Vladikavkaz, Russian Federation. E-mail: z.borukaeva@mail.ru.

УДК 81'282.8

Гаглоева Э. Х.
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЮГООСЕТИНСКИХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ)

Gagloeva E. Kh.
CODE-SWITCHING IN THE INTERNET-DISDISCOURSE
(BASED ON MATERIAL FROM SOUTH OSSETIAN TELEGRAM
CHANNELS)

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме переключения кодов в жанре интернет-комментария в югоосетинских телеграм-каналах. Рассматриваются наиболее распространенные типы переключения кодов и их функции. Проводится дифференциация между переключением кода и заимствованием.*

***Ключевые слова:** интернет-комментарий, спонтанная речь, переключение кодов, заимствование, осетино-русское двуязычие.*

***Abstract.** The article is devoted to the problem of code-switching in the genre of Internet-commentary in South Ossetian telegram channels. The most common types of code-switching and there functions are considered. A differentiation is made between code-switching and borrowing.*

***Key words:** Internet-comment, spontaneous speech, code-switching, borrowing, Ossetian-Russian bilingualism.*

Появление Всемирной паутины и развитие информационных технологий значительно расширили рамки коммуникации в современном мире. Особенности общения в сети Интернет стали объектом изучения в современной лингвистике, предопределив появление термина «интернет-дискурс», под которым понимается «процесс создания текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, целенаправленное социальное действие, включающее взаимодействие людей» [3, с. 59]. Такие свойства интернет-дискурса, как дистантность и анонимность способствуют большей свободе выражения собственного мнения, что в сочетании с эмоциональностью

позволяет рассматривать его как зеркальное отражение спонтанной устной речи в интернет-коммуникации. В условиях осетино-русского двуязычия тексты интернет-комментариев являются ценным материалом для изучения ряда явлений, связанных с билингвизмом. С точки зрения сохранения/несохранения грамматических связей единицами принимаемого языка в билингвальных текстах интернет-комментариев иллюстративный материал четко разделяется на две группы. В первой группе единицы принимаемого языка (русского – Э.Г.) функционируют в соответствии с грамматическими правилами родного, осетинского языка.

В лингвистической литературе они получили статус заимствований, т.к. в данном случае имеет место грамматическая ассимиляция [1, с. 8]. Так, практически во всех случаях употребления прилагательных русского языка в сочетании с русскими или осетинскими существительными отмечается их использование исключительно в форме неизменяемого именительного падежа. Не являются исключением и составные формы сказуемых: *партийный лаг* ‘партийный человек’, *почетный орден*, *ипотечный программа*, *уголовный дело*, *любой праздник*, *справедливый адам* ‘справедливые люди’, *«левый» страница*, *шустрый лаппу* ‘шустрый парень’, *глупый информация*, *достойный у* ‘он достоин’, *антипатичный у* ‘он антипатичен’:

Уыдис дзы ипотечный программа дар. ‘Была и ипотечная программа’ *«Левый» страницайа цамаен фыссут?* ‘Почему вы пишете с «левой» страницы’. *Любой праздникма се аргъта фæфылдар каыныц* ‘К любому празднику повышают цены’. *Шустрый лаппу* ‘Он шустрый парень’.

В осетинском языке категория рода отсутствует, а прилагательные не изменяются ни по падежам, ни по числам. Единственное исключение из этого правила – субстантивация адъектива. Поэтому любое слово или словосочетание в речи билингва-осетина подчиняется привычной ему родной грамматике, за исключением тех случаев, когда в билингвальной речи появляются грамматические показатели русского языка, например, предлоги: *Фидиссаг семья сты, уый зыдтон, фæлаæ адонæн на генетическом уровне у сæ фидиссагдынад* ‘Я знала, что это проблемная семья, но проблемность их на генетическом уровне’.

Вышеуказанное правило распространяется и на все вербальные формы, основой которых служат глаголы русского языка. В осетинском

языке аналитические глаголы образуются сочетанием знаменательного слова со вспомогательным глаголом *кæнын* ('делать' то, что обозначено в знаменательном слове) [2, с.139]: *кад кæнын* 'славить'; *кад* – 'слава', *хъаст кæнын* 'жаловаться'; *хъаст* – 'жалоба'. В подобных формах знаменательное слово не изменяется, в то время как вспомогательный глагол подвергается трансформации. Исключение составляет образование знаменательным словом формы совершенного вида: *аразын* – *саразын* 'делать' – 'сделать', *амайын* – *самайын* 'строить' – 'построить'. Русские глаголы в речи билингов-осетин подчиняются вышеуказанной закономерности: *ценит кæнынц* 'ценят', *напрягат кæнынц* 'напрягают', *означат кæны* 'означает', *награждат кæнын* 'награждать', *обещат кодтой* 'обещали', *заниматься кæны* 'занимается', *саформит кæнын* 'оформить', *спредлагат кæнын* 'предложить':

Может, мын æй спредлагат кæнай? 'Может, ты мне предложишь?'

Омае, уæдæ хорз адæймаг куы уай, уæд æй хъуамæ ценит кæнай 'Если ты хороший человек, ты должен его ценить'. Саформит уал сæ кæной 'Пусть их пока оформят'.

Исходя из вышеизложенного, рассмотренные случаи следует отнести к заимствованиям, т.к. в них проявляется действие грамматических законов принимающего языка – осетинского, а грамматические нормы русского языка нарушаются. Их появление обосновывается в основном отсутствием у билингов необходимой лингвистической компетенции или отсутствием в осетинском языке соответствующих слов (например: *оформить, предложить*).

Под переключением кодов понимается такое переменное использование двух или более языков в пределах одного высказывания, при котором не нарушаются нормы ни одного из них.

Самым распространенным типом переключения кодов в речи билингов-осетин является чередование независимых составляющих в рамках высказывания [4, с.3]:

Дыууæ адæймаг – это не весь район 'Два человека – это не весь район'. Æз министр нæ дæн, могу говорить как хочу 'Я не министр, могу говорить как хочу' Иу адæймаг загъта – ничего не значит 'Один человек сказал – ничего не значит'.

Как видно из текстов, граница переключения кодов может проходить в середине высказывания, сопровождаясь паузой. Высказывания

подобной структуры выражают категоричность, не допускающую возражений.

Существует другой тип кодового переключения на основе чередования, заключающийся в плавном переходе от одного языкового кода к другому:

Уыцы заххытæ радтой после 2009 года, когда границы определяли 'Эти участки выделили после 2009 года, когда границы определяли'. Мугуты Знауыры районы связи нет уже два дня, и даже интернет не работает 'В селе Мугут Знаурского района связи нет уже два дня, и даже интернет не работает'.

Данный тип переключения кодов со свободным продолжением коммуникации на другом языке возможен только в условиях многолетнего контактирования двух языков. Высокий уровень владения русским и осетинским языками обеспечивает свободу кодового переключения. Билингв не концентрирует внимания на самом факте перехода с одного языка на другой, т.к. за десятилетия осетино-русского двуязычия эта практика стала привычной.

В жанре интернет-комментария переключение кодов может выполнять следующие социальные функции:

1. референтную, при которой билингв не может поддержать разговор на одном языке, т.к. испытывает затруднения в выражении мыслей. Чаще всего у билингвов-осетин возникают сложности с правильным оформлением высказывания на родном языке. Проблема заключается в том, что на границе переключения кодов билингв не может определиться с выбором соответствующего союза родного языка, в то время как он не испытывает подобных затруднений с выбором союза на русском языке, что и является причиной кодового переключения:

Чи сын тæригъæд кæны, уыдон ма-у саху афæрсæт, если бы несчастье произошло с их родными, то они бы так же их оправдывали? 'Те, кто их жалеет, пусть сами себя спросят: если бы несчастье произошло с их родными, то они бы так же их оправдывали?'

В осетинском языке данная единица получает такое оформление:

Чи сын тæригъæд кæны, уыдон ма-у саху афæрсæт: уыцы фыдбылыз сахуцæттыл куы 'рцыдаит, уæддæр-у сæ афтæ раст кодтаиккой?'

Еще один пример:

Адаем уым ницы аххосджын сты, но согласитесь, что таких нужно уволить, чтобы был порядок 'Люди здесь ни в чем не виноваты, но согласитесь, что таких нужно уволить, чтобы был порядок'.

В соответствии с синтаксическими нормами осетинского языка:

Адаем уым ницы аххосджын сты, фæлæ сразы ут мемæ: ахæмты сæ бынаеттæй ссæрибар кæнын хъæуы, цæмæй фæтк ма хæла.

2. экспрессивная, при которой с помощью переключения кодов билингвы подчеркивают свою смешанную идентичность:

Никто ни от чего не застрахован, бæлгæ ничи кæны фыдбылызмæ 'Никто ни от чего не застрахован, никто не мечтает попасть в беду'.

3. фатическая, при которой с целью привлечения внимания создается комический эффект:

Казна пуста (мышит казнамæ куы ныххауа, уæд фыраæххормагæй амæлдзæнис). 'Казна пуста (если мышшь попадет в казну, то сдохнет с голоду'.

4. металингвистическая, касающаяся вовлечения в разговор языков, оценки лингвистической компетенции коммуникантов. Такие высказывания часто весьма экспрессивны, т.к. отражают высокие требования югоосетинского общества к уровню лингвистической компетенции участников коммуникации:

Дæ фыстытæ бафæрс, грамотная! Прочитай то, что ты написала, грамотная!

Реже в текстах интернет-комментариев встречаются включения, сохранившие грамматические связи русского языка, в качестве которых часто выступают предложно-падежные сочетания существительных:

Сæхæдæг дæр кæд афтæ кусынц, уæд се мбæлтты куыд хъуамæ ныууадзой за бортом. 'Если они сами так работают, то как они оставят своих друзей за бортом'.

Кроме внутрисентенциальных переключений кодов, распространены и межсентенциальные ПК. Они отражают способность билингвов правильно формулировать высказывание и на русском, и на осетинском языке:

Деньги все хотят. Фæлæ лæгтæ уæвгæйæ, алчи йæ ныфс нæ бахæсдзæн хæстмæ цæуын. 'Деньги все хотят. Однако не каждый мужчина рискнет уйти на войну'.

Чаще всего подобный тип переключения кодов выполняет экспрессивную функцию:

Как это знакомо... Къуырцмæ куы рцæуы, уæд байдзынц паспортмæ гæххæттыты фæдыл зылы! 'Как это знакомо... В самый последний момент они начинают собирать документы на паспорт!' Нæ вæййы! Знаю миллион примеров, где сын рос без отца и боготворит мать! 'Не бывает! Знаю миллион примеров, где сын рос без отца и боготворит мать!'

Таким образом, результатом многолетнего тесного контактирования русского и осетинского языков на территории Республики Южная Осетия стали явления переключения кодов и заимствования, подвергшиеся грамматической ассимиляции. При дифференциации этих явлений, на наш взгляд, следует исходить из грамматических особенностей родного языка билингва.

Заимствования и переключения кодов распространены в билингвальной речи носителей осетинского языка. По частотности употребления в речи осетин-билингвов доминируют заимствования, а затем – внутрисентенциальное переключение кодов. Межсентенциальные ПК являются наиболее оптимальными, т.к. характеризуются сохранением структуры высказывания в обоих языках. Наличие в текстах интернет-комментариев заимствований, подвергшихся грамматической ассимиляции, свидетельствует о высокой устойчивости грамматической системы осетинского языка, способствующей его сохранению.

Библиографический список

1. Балакина Ю.В., Сосник А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики. Вестник ВГУ. №2 Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. С. 5–11.
2. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 174 с.
3. Загоруйко И.Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. №3. 2012. С. 56–60.
4. Muysken P. Bilingual speech. A typology of code-mixing. 2000. Доступ: <http://catdir.loc.gov/cam032>(дата обращения – 07.03.2024).

References

1. Balakina Ju.V., Sosnik A.V. (2015). Teoreticheskie osnovy perekljucheniya kodov i funkcionirovaniya zaimstvovaniy s pozicij kontaktnoj lingvistiki. Vestnik VGU. №2. Serija: Lingvistika i mezhkulturnaja komunikacija. S. 5–11.
2. Gabaraev N.Ja. (1977). Morfologičeskaja struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom jazyke. Tbilisi: Mecniereba. 174 s.
3. Zagorujko I.N. (2012). Internet-diskurs v sovremennom kommunikacionnom prostranstve. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. №3. S. 56–60.
4. Muysken P. (2000). Bilingual speech. A typology of code-mixing. Available: <http://catdir.loc.gov/cam032> (accessed: 07.03.2024).

Сведения об авторе

Гяглоева Элиса Харитоновна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, доцент, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Южная Осетия, Цхинвал. E-mail: elisgagloit@mail.ru.

About the author

Gagloeva Elisa Kharitonovna, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Department, Associate Professor, South Ossetia State University named after A.A. Tibilov, South Ossetia, Tskhinval. E-mail: elisgagloit@mail.ru.

УДК 881-112

**Мугумова А. Л.
ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА):
СУЖДЕНИЯ И ОЦЕНКИ**

**Mugumova A. L.
FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT
OF THE LINGUISTIC SITUATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN
(THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY):
JUDGMENTS AND ASSESSMENTS**

***Аннотация.** Статья посвящена системному историко-лингвистическому анализу известных на сегодняшний день суждений и оценок, связанных с историей вопроса об истории языковой ситуации в Дагестане первой четверти XXI века. Было обращено внимание на то, что в регионе наблюдается сравнительно высокий уровень владения русским языком и уровень его распространения повышается с каждым годом. При этом знание родных языков, особенно в городах, становится гораздо менее распространенным не только в городской, но и в сельской местности.*

***Ключевые слова:** языковая ситуация, Дагестан, первая четверть XXI века, суждения, оценки.*

***Abstract.** The article is devoted to a systematic historical and linguistic analysis of currently known judgments and assessments related to the history of the question of the history of the linguistic situation in Dagestan in the first quarter of the XXI century. Attention was drawn to the fact that the region has a relatively high level of Russian language proficiency and the level of its dissemination is increasing every year. At the same time, knowledge of native languages, especially in cities, is becoming much less common not only in urban areas, but also in rural areas.*

***Key words:** the language situation, Dagestan, the first quarter of the XXI century, judgments, estimates*

Введение

Анализ языковой ситуации, под которой обычно понимается социолингвистическая характеристика какой-либо историко-географической области, как, в частности, Дагестан, является условием выбора для нее необходимой языковой политики, под которой понимается «совокупность мер, принимаемых государством для решения языковых проблем в обществе, стране». Эта политика может носить либо перспективный характер, когда она направлена «на изменение существующей языковой ситуации, введение новых языковых норм», либо ретроспективный. В последнем случае она оказывается «ориентированной на сохранение языковой ситуации, сложившихся языковых норм и/или препятствующую установлению новых». Она регулируется системой специальных законодательных актов, к каковым относятся федеральные законы «О языках народов Российской Федерации» (1991) и «О государственном языке Российской Федерации» (2005) [см. 7].

Основная часть

Современная языковая ситуация в Дагестане характеризуется, что в регионе наблюдается сравнительно высокий уровень владения русским языком и уровень его распространения повышается с каждым годом. Так, по результатам переписи 2010 г. на владение русским языком указало 2634 тыс. человек (90,5% из числа ответивших на вопрос о владении русским языком) по сравнению с 83,1% в 2002 г.; среди горожан – 95,7%, сельского населения – 86,2%. Только русским языком владели 469 тыс. человек – 16% населения при том, что собственно русское население республики составляло 3,6% ее населения (ок. 105 тыс. человек), одним языком (кроме русского) – 1909 тыс. человек, или 6,5%, двумя языками (включая русский) – 2043 тыс. человек, или 70,2% населения [5, с. 20, 21]. Не исключено вместе с тем, что некоторая часть (ок. 300 тыс.), возможно, коренного населения республики перешла на русский язык и не владеет родным языком.

В целом, языковая ситуация в Республике Дагестан еще в начале нынешнего века как поликомпонентная экзогlossная (разноязыковая), неравновесная (наличие большого числа разномоощных идиомов) и несбалансированная. Как следствие положение с родными языками в целом квалифицировалось как предкатастрофическое, а для языков некоторых этносов, исторически представленных в равнинной зоне (рус-

ского и тюркских), как почти катастрофическое вследствие продолжающейся интенсивной миграции населения из горной части республики на равнинную [3, с. 70].

В дальнейшем процессы, которые обусловили нынешний (см. выше) характер языковой ситуации, интенсифицировались, и, как отметил один из исследователей, «дагестанцы-горожане во втором-третьем поколениях (даже при живых родителях) или вовсе не знают родного языка, или могут лишь изъясняться при острой необходимости. Все они на родном языке не общаются ни дома, ни на улице, во втором поколении не умеют читать и писать на родном языке. Все же своим родным языком считают язык своей национальности, видимо, видя в нем символ своей национальной (этнической) принадлежности. ...97,4% опрошенных горожан-дагестанцев, включая и тех, кто не владеет родным языком, считают, что их роднит со своим народом язык» [1, с. 167].

Некоторые современные языковеды республики отмечают «этнолингвистическое своеобразие Дагестана», говоря о том, что «здесь нет ни титульной нации, ни титульного языка, а статусом государственных языков, согласно статье 10 Конституции РД, обладают «русский язык и языки народов Дагестана». При этом Конституция РД не определена также и с понятиями «дагестанский народ» и «народы Дагестана», «языки Дагестана» и «дагестанские языки» [2, с. 126].

Известны и лингвисты, которые характеризуют нынешнюю языковую ситуацию в Дагестане как языковой сдвиг вследствие массового перехода населения на русский язык, что наблюдается в самых отдаленных горных селениях. В них даже «дети младшего возраста говорят между собой и со старшими уже на русском языке», и «на уроках родного языка новый материал приходится объяснять по-русски» [4, с. 2 из 7].

Материалы последней Переписи 2020-2021 гг. по Республике Дагестан, еще не содержащие сведения о владении языками, позволяют полагать, что в столице республики – городе Махачкале (свыше 740 тысяч, включая ок.44 тысяч русских, указавших свою национальность) – представлен весь спектр народов Дагестана, проживающих в ее пределах. Аналогичная картина наблюдается и в других городах, из которых лишь в городе Кизляр с населением в 52 тыс. человек насчитывается немногим больше 18 тысяч русских, а также 13 тысяч в равнинных Кизлярском и Тарумовском районах [6].

В равнинных и предгорных районах наряду с первоначальным тюркским (кумыкско-азербайджанско-ногайским) и русским населением проживают также носители собственно дагестанских языков, что также не может не способствовать развитию процессов, о которых говорилось предшествующем изложении. При этом численность населения горных районах, в которых представлено в подавляющем большинстве собственно дагестаноязычное население республики, составляет лишь 26% ее населения [см. 6].

Заключение

Приняв во внимание, данные переписи 2010 г. по республике, согласно которым в ней представлено довольно значительное число лиц моложе трудоспособного (до 16 лет), т.е. школьного, возраста, составляющих довольно значительное число (787,6 тыс. человек, или 27,1% населения республики) [см. 6, с. 15], следует обратить внимание на более существенные, чем в отношении к местным тюркским, типологические различия между русским и собственно дагестанскими языками. Поэтому в условиях отмеченного низкого уровня владения каким-либо собственно дагестанским языком будущие молодые билингвы будут испытывать гораздо более существенные затруднения при освоении их артикуляционных и грамматические характеристик.

Это связано с тем, что в дагестанских языках довольно значительное количество согласных фонем, не присущих русскому языку, что может вызвать их недодифференциацию в устной речи. В морфологии русский язык располагает системой падежей, не характерной для дагестанских языков, а также категорией рода, которая также не присуща им. Присущая дагестанским языкам эргативная конструкция предложения кардинально отличается от номинативной в русском и тюркских языках. В силу этого овладение дагестанскими языками молодыми дагестанцами, недостаточно владеющими родными собственно дагестанскими языками, представляет значительные трудности, которые, в принципе, как о том говорят факты, рассмотренные в предшествующем изложении, могут оказаться непреодолимыми.

Библиографический список

1. Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала: АЛЕФ, 2012. 290 с.

2. Атаев Б.М., Ибрагимова. М.О. Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2020, № 3 (32). С. 126-132.

3. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Языковая ситуация в Республике Дагестан и закон о языках // Материалы Международной научно-практической конференции «Диалог языков и культур государств-участников СНГ в XXI веке». Ежегодник «Полилог». №3. Москва, 2004. С. 68-72.

4. Муталов Р.О. Социоллингвистическая ситуация в современном Дагестане // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. 7 с.

5. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан. Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. 45 с.

6. Перепись населения Республики Дагестан 2020-2021 // <https://05.rosstat.gov.ru/search?q=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C> (дата обращения: 10.02.2024).

7. Языковая политика//Большая Российская энциклопедия 2004-2007// <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4924793>.

References

1. Ataev B.M. Minoritarnye yazyki Dagestana: sostoyanie i perspektivy. Makhachkala: ALEF, 2012. 290 s.

2. Ataev B.M., Ibragimova. M.O. Natsional'no-yazykovaya politika v Dagestane: sovremennoe sostoyanie i perspektivy//Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik, 2020, № 3 (32). S. 126-132.

3. Guseinov G.-R.A.-K. Yazykovaya situatsiya v Respublike Dagestan i zakon o yazykakh // Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dialog yazykov i kul'tur gosudarstv-uchastnikov SNG v KhKhI veke». Ezhegodnik «Polilog», №3. Moskva, 2004. S.68-72.

4. Mutalov R.O. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v sovremennom Dagestane//Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2021. T. 12. № 4. 7 s.

5. O nekotorykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v Respublike Dagestan. Makhachkala: Dagestanstat RD, 2012. 45 s.

6. Perepis' naseleniya Respubliki Dagestan 2020-2021 // <https://05.rosstat.gov.ru/search?q=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C> (data obrashcheniya:10.02.2024).

7. Yazykovaya politika//Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya 2004-2007// <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4924793>.

СЕКЦИЯ 2 В)
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ,
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-
РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

Jyoti Kumari

ANALYSIS OF TRANSLATION OF LEXICAL-SEMANTIC GROUP
OF VERBS “UNDERSTANDING” FROM RUSSIAN INTO HINDI
(BASED ON THE NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”
BY F. M. DOSTOEVSKY)

Джиоти Кумари

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ГЛАГОЛОВ «ПОНИМАНИЕ» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ХИНДИ
(НА ОСНОВЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)

***Abstract:** Fyodor Dostoevsky most read novel Crime and Punishment has been translated in multiple languages across the world. There are a few translations of this work available in Hindi as well. This paper focuses on identifying problems in translation from a critics point of view. The paper hinges upon the major problems and interferences that often occurs while translating any literary work primarily, problems of literal and figurative translation, descriptive translation, improper Hindi translation and obscure realities.*

***Key words:** problems of literal and figurative translation, descriptive translation, improper Hindi translation, obscure realities.*

Introduction

We live in a translated world, from words to their meanings and even their deeply rooted cultural contexts. There can be multiple motives

behind translation however the primary motive behind it remains the same – understanding the experiences of people who do not share the same language, culture and perhaps even history. *Crime and Punishment* penned down by one of the most prolific Russian writers Fyodor Dostoevsky has been able to mesmerize and hold the attention of readers both horizontally (across the globe) and vertically (for various generations). The popularity of the novel is attributed to its exploration of morality, guilt, and redemption resonates deeply across cultures. The desire to share the deeply philosophical ruminations with people who neither speak nor understand the Russian language – in both its spoken and written form has propelled scholars to translate this work into various languages. The translation of this book allows the readers to experience various universal emotions, emotions that are not limited to any individual belonging to a particular time, culture or geographical location; rather these emotions flow through the boundaries and suture one person with another.

Translation however is a complex and intricate process, a translator faces numerous obstacles while translating any literary text, one of these challenges includes the basic requirement of preserving the essence of the original text while being able to make it understandable for the readers reading the translated text. In the field of translation V. V. Alimov and A.V. Fedorova are considered legendary for their valuable work. As per A.V. Fedorova's words, "Translation is the transmission of a written or oral text by means of another language. The means of another language should be understood as vocabulary, grammar and style" [5, p. 219].

Readers have been captivated by "Crime and Punishment," written by the brilliant Fyodor Dostoevsky, for many years. The Hindi translation of "Apradh aur Dand" (Crime and Punishment) by Munish Agarwal Saxena revives this classic for a new generation of Indians. Analysing this translation sheds light on the difficulties and successes associated in presenting Dostoevsky's intricate work in Hindi. The cultural divide is an important factor to take into account because Dostoevsky's book is deeply rooted in 19th-century Russia, complete with social unrest and philosophical discussions. The difficulty for Saxena is explaining these subtleties to a reader who speaks Hindi. They probably use language that captures the spirit of Dostoevsky's thoughts while still making sense in the Indian setting. Additionally, "Aparadh aur Dand" offers a singular chance to investigate the

universality of Dostoevsky's concerns. Experiences like guilt, isolation, and the need for meaning cut across cultural barriers. The translation's success rests in its capacity to arouse these feelings in readers of Hindi, despite the cultural change.

Through a closer look into "Apradh aur Dand," we may better understand the challenges involved in translating literary works. It promotes a deeper comprehension of morality and human psychology by enabling Dostoevsky's timeless ideas to speak to a new generation of readers. There are many such analyzes that are found in abundance in English-Hindi translation, in which researchers establish dialogue by analyzing the translation. But despite extensive searching in Russian and Hindi, no such article was found in India in which such analysis or dialogue was attempted. The reason for this is unknown. However, according to recent information, in 1959, an article written by A. P. Barannikof was published in Russia. In that article, it was written about some translations of Gorky's works into Indian languages, but we have not been able to get a copy of that article yet.

The translator is called with many names, such as 'The translator is a deceiver.' No matter how hard the translator tries, somewhere some error or unresolved aspect remains in the translated work. One thing that needs to be discussed here is that the reader may find an error in one word or expression in a translated work, but according to the translator, it is not necessary that it is a mistake. As easy as it is for the reader or researcher to find errors, it is equally difficult to suggest the solution to those errors i.e. its correct and accurate form. In this article, the researcher has tried to analyze the Russian to Hindi translation "Apradh aur Dand" of Fyodor Dostoyevsky's novel "*Prestupleniye i Nakazaniye*" and discuss the errors or inaccuracies left in the translated work and their solutions. It is not necessary that the researcher, the translator or reader must completely agree. There can be different reasons for not completely agreeing with the given analysis or solution, which is not possible to mention here.

This paper is dedicated to finding out problems of translation. It is to be noted that this paper is a part of the research and any problem related to this will be of the researcher. The translated work is analysed on the following basis:

1. Literal translation,
2. Figurative translation,

3. Descriptive translation,
4. Improper Hindi translation,
5. Obscure realities.

Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.

‘उसके ऊपर मकान-मालकनि का बेहद कर्ज़ चढ़ा हुआ था, और वह उससे मलिते डरता था।’

Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться...

‘जब किसी जान-पहचान के आदमी से या अपने पहले के यार-दोस्त से उसकी मुलाकात हो जाती थी, जनिसे मलिना तो उसे दरअसल किसी वक़्त भी अच्छा नहीं लगता, तब बात दूसरी थी।’

Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу.

‘नौजवान बहुत खुश था कि उनमें से किसी से भी उसकी मुठभेड़ नहीं हुई, और वह सबकी नज़रें बचाकर फ़ौरन दाहिनी तरफ़वाले दरवाज़े में घुसकर ऊपर सीढ़ियों पर चला गया।’

Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела.

‘बुढ़िया चुपचाप उसके सामने खड़ी थी और उसे सवालिया नज़रों से देख रही थी।’

Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

‘बुढ़िया हर सांस के साथ खांसती और कराहती दी थी। नौजवान ने उसे कुछ वचित्र ही भाव से देखा होगा क्योंकि उसकी आंखों में फरि अवशिवास की चमक पैदा हो गई थी।’

– Раскольников, студент, был у вас назад тому месяцу, – поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

“‘रसकोलनकिोव, मैं पढ़ता हूँ, मैं यहां एक महीना पहले आया था,’ नौजवान जल्दी-जल्दी बुदबुदाया फरि थोड़ा सा झुका क्योंकि उसे याद आया कि उसे कुछ अधिक शिष्टता बरतनी चाहिये।’

– *Что угодно?* – строго произнесла старушонка, входя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.

“क्या चाहिये?” बुढ़िया ने कमरे में आते हुए कठोर स्वर में कहा, और पहले की तरह ही ठीक उसके सामने खड़ी हो गयी ताका सीधे उसकी नज़रों में नज़रें डालकर देख सके।’

Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.

नौजवान ने घड़ी वापस ले ली। उसे इतना गुस्सा आया कि वह वहां से उठकर चले जाने वाला था; लेकिन उसने फ़ौरन अपने आपको रोका, क्योंकि उसे याद आया कि उसके पास जाने के लिए कोई और जगह नहीं थी, और फिर यहां आने का के पीछे उसका एक और भी तो उद्देश्य था।’

Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей.

‘बुढ़िया के घर जाते समय घृणा की जसि भावना ने उसके हृदय को उत्पीड़ति करना और यंत्रणा देना शुरू किया था वह अब ऐसे स्तर पर पहुंच गयी थी और उसने एक ऐसा नशिचति रूप धारण कर लिया था कि उसकी समझ में नहीं आ रहा था कि वह अपने आपको इस मुसीबत से छुटकारा दिलाने के लिये क्या करे।’

И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с.

‘और तब मैंने देखा, नौजवान, मैंने देखा कि कितेरीना इवानोव्ना उसी तरह चुपचाप सोनिया की छोटी सी चारपाई के पास गई; सारी रात घुटनों के बल बैठी वह सोनिया के चूमती रही, और किसी तरह वहां से उठने का नाम न लिया, और फिर दोनों एक दूसरे की बाहों में लपिटकर सो गयीं... एक साथ, एक साथ... जी हां... और मैं... शराब के नशे में धुत्त पड़ा रहा।’

Но через минуту лицо его вдруг изменилось, и с каким-то напускным лукавством и выделанным нахальством взглянул на Раскольникова, засмеялся и проговорил:

‘लेकिन एक ही मिनट बाद उसके चेहरे का रंग अचानक बदला और जान-बूझकर मककारी करते हुए और कुछ बनावटी शेखी के अंदाज़ से उसने एक नज़र रस्कोलनकिव को देखा, हंसा, और बोला:’

– Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...

‘तीस कोपेक उसने अपने हाथ से दिये थे मुझे, आखिरी पैसे थे उसके, कल इतने ही थे उसके पास, मैंने देखा था अपनी आंखों से। ... कुछ बोली नहीं, बस कुछ कहे बनि मेरी ओर देखा भर उसने।’

Тогда все поймем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... Господи, да придет царствие твое!

‘उस वक्त हर बात हमारी समझ में आ जायेगी!.. और सबकी समझ में आ जायेगी, कतेरीना इवानोव्ना भी समझ जायेगी... वह भी समझ जायेगी... ऐ मालकि, तेरा राज बना रहे!’

Раскольникову она показалась лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову... Входящих она не слушала и не видела.

‘रस्कोलनकिव के हिसाब से वह कोई तीस साल की रही होगी और यकीनन उसका मार्मेलादोव की बीवी होना एक अजीब बात थी।... उसने न उनकी आहट सुनी और न ही उन्हें अंदर आते हुए देखा।’

Женщина, увидев незнакомого, рассеянно остановилась перед ним, на мгновение очнувшись и как бы соображая: зачем это он вошел?

‘औरत एक अजनबी को सामने खड़ा पाकर ठठिक गयी और नरीह भाव से उसके सामने खड़ी हो गयी; एक क्षण के लिए वह संभली और सोच में पड़ गयी कि विह आदमी वहां क्यों आया होगा।’

Сообравив это и не обращая уже более на него внимания, она пошла к сенным дверям, чтобы притворить их, и вдруг вскрикнула, увидев на самом пороге стоящего на коленках мужа.

‘यह समझकर और उसकी ओर अधिक ध्यान दिये बिना वह बाहरवाला दरवाज़ा बंद करने उधर बढ़ी और चौखट पर अपने पतलिको घुटनों के बल बैठा देखकर अचानक चीख पड़ी।’

Я заболела, Дунечка же была тверже меня, и если бы ты видел, как она все переносила и меня же утешала и ободряла!

‘इन सब बातों की वजह से मैं तो बीमार पड़ गयी, लेकिन दूनिया ने सब कुछ मुझसे ज्यादा अच्छी तरह झेल लिया, तुम देखते कि उसने सब कुछ कैसे सहा और मुझे तसल्ली देता रही और ढाढ़स बंधाती रही!’

Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!

‘प्यारे बेटे, याद है न बचपन में, जब तुम्हारे बाप ज़िंदा थे, तुम मेरी गोदी में बैठकर तुतला-तुतलाकर प्रार्थना किया करते थे और उन दिनों हम सब लोग कतिने खुश रहते थे!’

Он опасаясь с кем-нибудь встретиться на лестнице; забыл он об этом.

‘उसने अपनी हैट उठायी और बाहर निकल गया; इस बार उसे किसी से मुलाकात हो जाने का डर सता रहा था; वह अपना डर भुला चुका था।’

Нет, Дунечка, все вижу и знаю, о чем ты со мной много-то говорить собираешься; знаю и то, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою божией матерью, которая у мамыши в спальне стоит.

‘नहीं, दूनिया, मैं सब समझता हूँ और मुझे मालूम है कि तुम मुझसे क्या कहना चाहती हो; और मैं यह भी जानता हूँ कि जब तुम रात भर इधर से उधर टहलती रही थी तो तुम क्या सोच रही थी और माँ के सोने के कमरे में कजान की देवी-माता की जो प्रतमा रखी है उसके सामने तुमने क्या प्रार्थना की होगी।’

Злоба накапливала в нем все сильнее и сильнее, и если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, убил бы его!

‘उसकी कटुता लगातार और गहरी होती गयी, और अगर उसी क्षण म. लूजनि से उसकी मुलाकात हो गयी होती तो उसने उन्हें जान से मार दिया होता!’

Ведь она уже по каким-то причинам успела догадаться, что ей с Дуней нельзя будет вместе жить после брака, даже и в первое время?

‘अभी से उनको अंदाज़ा हो चला है कि शादी हो जाने के बाद वह दूनिया के साथ रह नहीं सकती, शुरु के कुछ महीने भी नहीं।’

Ну, придумай-ка, что может быть с сестрой через десять лет али в эти десять лет? Догадался?»

‘एक क्षण के लिए सोचो तो कई दस साल में तुम्हारी बहन का क्या अंजाम होगा? उन दस बरसों में उस पर क्या बीतेगी? सोच सकते हो?’

‘Вглядевшись в нее, он тотчас же догадался, что она совсем была пьяна.

उसे गौर से देखने पर वह फ़ौरन समझ गया कि वह शराब के नशे में धूत है।’

Он тоже, вероятно, увидел ее издали и догонял, но ему помешал Раскольников.

‘शायद उन्होंने भी उस लड़की को दूर से देखा था और उसका पीछा करते आ रहे थे, लेकिन रस्कोलनकिव उनके आड़े आ गया था।’

Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду.

‘मैंने खुद उन्हें इस लड़की को घूरते हुए और इसका पीछा करते हुए देखा है, लेकिन मैं बीच में आ गया, और अब वह इस ताक में हैं कि मैं कब यहां से टल जाऊं।’

Раз как-то, месяца два тому назад, они было встретились на улице, но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, чтобы тот его не заметил

‘लगभग दो महीने पहले, यों ही सड़क पर उनका आमना-सामना हो गया था, लेकिन रस्कोलनकिव मुंह फेरकर सड़क की दूसरी पटरी पर चला गया था ताकि उसे वह देख ना ले।’

Как бы с усилием начал он, почти бессознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во все встречавшиеся предметы, как будто ища усиленно развлечения, но это плохо удавалось ему, и он поминутно впадал в задумчивость.

‘किसी तरह कोशिश करके वह लगभग अनजाने ही, मानो किसी प्रबल आंतरिक इच्छा से प्रेरित होकर, अपने सामने आनेवाली हर चीज़ को धूरने लगा, मानो अपना ध्यान बंटाने के लिए किसी चीज़ को खोज रहा हो; लेकिन वह सफल न हो सका।’

Встречались ему тоже пышные коляски, наездники и наездницы; он провожал их с любопытством глазами и забывал о них прежде, чем они скрывались из глаз.

‘उसे रास्ते में ठाठदार बगघड़ियाँ और घोड़ों पर सवार औरतें और मर्द भी मलिते; वह उन्हें कौतूहल भरी दृष्टि से देखता और इससे पहले ही कवि उसकी आंखों से ओझल हो वह उन्हें भूल ही जाता।’

Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые – он часто это видел – надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее, и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам, а ему так жалко, так жалко на это смотреть, что он чуть не плачет, а мамаша всегда, бывало, отводит его от окошка.

‘लेकिन इस वक़्त, अजीब बात थी, इस तरह की गाड़ी के बर्मों के बीच उसने देखा क़िएक छोटी सी दुबली-पतली बादामी रंग की घोड़ी जुती हुई है, कसिनों के उन टट्टुओं जैसी जनिहें उसने अपना सारा जोर लगाकर लकड़ी या भूसे का भारी बोझ खींचते हुए अकसर देखा था, ख़ास तौर पर उस वक़्त जब गाड़ी के पहिये कीचड़ में या किसी लीक में फंस जाते थे। और कसिन तब उन्हें इतनी नरिदयता से पीटते थे, कभी-कभी तो नाक और आंखों पर भी, और उसे उन जानवरों पर इतना तरस आता था, इतना तरस आता था कि उसके आंसू निकलने को हो आते थे, और उसकी मां हमेशा उसे खड़िकी के पास से हटा लपिया करती थी।’

Когда Раскольников вдруг увидел ее, какое-то странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его, хотя во встрече этой не было ничего изумительного.

‘ज्यों ही उस पर रस्कोलनकिव की नज़र पड़ी, उसे मानो गहरे आश्चर्य की एक वचि़तिर भावना ने आ दबोचा, हालांकि इस मुलाकात में आश्चर्य की ऐसी कोई बात नहीं थी।’

И во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений.

‘और बाद में चलकर इन सब बातों में उसे कोई वचित्र और रहस्यमय बात देखने की पूरवृत्त पैदा हो गई थी, मानो कोई अनोखे प्रभाव तथा संयोग उनके पीछे काम कर रहे हों।’

Наконец он почувствовал давешнюю лихорадку, озноб, и с наслаждением догадался, что на диване можно и лечь.

‘आखिरकार उसे अपने पहलेवाले बुखार और कंपकंपी का आभास हुआ, और उसने बड़ी राहत से महसूस किया कि वह सोफे पर लेट सकता था।’

Железная же пластинка прибавлена была для весу, чтобы старуха хоть в первую минуту не догадалась, что «вещь» деревянная.

‘लोहे की पट्टी उसे भारी बनाने के लिए जोड़ दी गयी थी, ताकि उस औरत को छुटते ही यह अंदाज़ा न हो जाये कि वह “माल” लकड़ी का बना हुआ है।’

Увидев его, она перестала развешивать, обернулась к нему и все время смотрела на него, пока он проходил.

‘उसे देखकर वह कपड़े फैलाना बंद करके उसकी ओर मुड़ी और जितनी देर में वह वहां से गुज़रा तमाम वक्त उसे घूरती रही।’

Заглянув случайно, одним глазом, в лавочку, он увидел, что там, на стенных часах, уже десять минут восьмого.

‘कनखियों से एक दुकान के अंदर देखते हुए दीवार पर लगी एक घड़ी पर उसकी नज़र पड़ी जो सात बजकर दस मिनट का समय बता रही थी।’

Но и лестница на ту пору стояла совсем пустая; все двери были заперты; никого-то не встретилось.

‘लेकिन सीढ़ियों पर भी बिल्कुल सन्नाटा था; सारे दरवाज़े बंद थे, उसे कोई भी नहीं मिला।’

Когда Раскольников вдруг увидел ее, какое-то странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его, хотя во встрече этой не было ничего изумительного.

‘ज्यों ही उस पर रस्कोलनकिोव की नजर पड़ी, उसे मानो गहरे आश्चर्य की एक वचित्र भावना ने आ दबोचा, हालांकि इस मुलाकात में आश्चर्य की ऐसी कोई बात नहीं थी।’

Conclusion

Upon reviewing the different translated works, it has been discovered that the use of English words has been a common phenomenon these days. Munish Saxena's Hindi translation of Dostoevsky's *Crime and Punishment* is a noteworthy accomplishment that makes this classic work of Russian literature accessible to the Indian audience. It does, however, have advantages and disadvantages like any translation. It makes this excellent piece of Russian literature accessible to people in India. But there are issues with the translation as well, such as mistranslations in certain passages and challenges in accurately capturing cultural subtleties. It is advised to read the work in its original Russian language or one of the more scholarly translations into Hindi that include extensive commentary for a further understanding.

References

1. Alimov, V. V. (2017) *Teoriya perevoda – perevod vs fere professional'noy kommunikatsii* [Theory of translation – translation in the field of professional communication]. 6th Edition, KomKniga. (In Russian).
2. Barkhudarov L. S. (2010) *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation. Questions of general and particular theory of translation]. 3rd Edition. Moscow: LKI/URSS. (In Russian).
3. Davison, C. 2014. Introduction: Reading the Russians, or Translation as Explanation. *Translation as Collaboration: Virginia Woolf, Katherine Mansfield and S.S. Koteliansky*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 1-20. <https://doi.org/10.1515/9780748682829-004>.
4. Dostoevsky, F. M. (2022) *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Saint Petersburg: SZKEO. (In Russian).
5. Fedorova A.V. (1968) *Osnovy obshchey teorii perevoda. Lingvisticheskiye problemi* [Fundamentals of the general theory of translation. Linguistic problems]. 3rd Edition, Moscow: High School. (In Russian).
6. Posin, J. A. (1955). Problems of Literary Translation from Russian into English. *AATSEEL Journal*, 13(1), 9–15. <http://www.jstor.org/stable/43677955>.

7. Saxena Munish. (1982) Translator, *Apradh aur Dand* [Crime and Punishment]. Second Edition, Moscow: Raduga Publication. (In Hindi).

About the author

Jyoti Kumari, PhD Candidate, Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India. E-mail: jyoti70_llj@jnu.ac.in

УДК 81.373.

Джиоева В. П.
СЛОЖНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ
В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Dzhioeva Varvilina P.
COMPLEX NAMES OF ARTICLES OF CLOTHING
IN THE OSSETIAN LANGUAGE

***Аннотация.** В статье исследуются составные наименования предметов одежды в осетинском языке. Предмет исследования представлен лексико-семантическими характеристиками составных названий предметов одежды в изучаемом языке. В качестве критериев в рамках исследования выступают способы образования, происхождение, структура, семантика и особенности мотивации. В статье определены наиболее часто встречающиеся особенности мотивации.*

***Ключевые слова:** составные названия предметов одежды, особенности мотивации, структурно-семантические характеристики, структурные модели, лексико-семантическая группа, семантический ряд.*

***Abstract.** The article examines the composite names of clothing in the Ossetian language. The subject of the study is represented by the lexical and semantic characteristics of the composite names of clothing in the language under study. The criteria in the framework of the study are the ways of formation, origin, structure, semantics and kinds of motivation. The article identifies the most common kinds of motivation.*

***Keywords:** compound names of clothing, kinds of motivation, structural and semantic characteristics, structural models, lexico-semantic group, semantic series.*

Особым пластом лексики, требующим изучения, является предметно-бытовая лексика, репрезентирующая особенности материальной культуры народа [1]. В работе рассматриваются наименования предме-

тов одежды-композицы, их этимологические, семантико-прагматические и некоторые структурные характеристики.

Словосложение считается одним из наиболее продуктивных способов словообразования наряду с аффиксацией [2, с. 70]. В научной литературе словосложением принято считать морфологическое соединение двух или более основ. Вследствие такого сложения образуется сложное слово или композит. Словосложение является способом словообразования, занимающим промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами производства лексических единиц. Существует ряд композитов, имеющих структурные характеристики словосочетаний и состоящие из сочетания целых слов [6, с. 469].

Цель исследования – изучить этимологические, семантико-прагматические и некоторые структурные характеристики сложных наименований одежды в осетинском языке. Эмпирический материал представлен 77 лексическими единицами лексико-семантической группы «наименования предметов одежды».

Изучение особенностей наименования предметов быта, в частности наименований одежды и домашней утвари, на осетинском языке является одним из наиболее значимых направлений современного осетиноведения с точки зрения социальной значимости [4].

Исследование представляется актуальным в силу того, что лексико-семантическая группа «наименования предметов одежды» на материале осетинского языка недостаточно изучена.

Полученные результаты позволят расширить представление о природе композитов и особенностях их функционирования в осетинском языке, в частности в рамках отдельных лексико-семантических групп.

Согласно точке зрения Н. Я. Габараева, цельнооформленность слова выполняет одну из самых значимых функций в речи, и изменение формы слова является важным элементом процесса словообразования [3, с. 111].

От свободных словосочетаний композиты отличаются тем, что их значение расходится с суммой значений составляющих, а от фразеологических выражений – тем, что их составляющие активны в деривации и могут заменяться.

Особенностью наполнения рассматриваемой лексико-семантической группы в осетинском языке является преобладание заимствован-

ной лексики и терминологии для номинации предметов одежды в повседневной коммуникации как в бытовом, так и в институциональном типах дискурсов. Исконно осетинская лексика, в том числе сложные образования, в рамках рассматриваемой семантической группы находят применение в этнокультурном и историческом контекстах. Рассматриваемые наименования одежды, служат маркером статуса, социального положения, праздничности, повседневности и относятся к корпусу ритуальной и обрядовой лексики.

В статье представлены структурно-семантические характеристики наименований предметов одежды-композигов в осетинском языке. Эмпирический материал распределен на структурные модели. Структурные модели, представленные в количестве менее двух, объединены в единую группу. В осетинском языке рассмотрены такие модели, как: предл+мест, нар+глагол, нар+прил+сущ, прич+сущ, прил+сущ+сущ.

В рамках данной работы эмпирический материал распределен на группы следующим образом

1. Оба компонента могут употребляться самостоятельно для обозначения видов одежды, семантика сложного слова включает характерные черты обоих компонентов причем главным считается в осетинском языке преимущественно второй компонент, например: галифе хæлаф (гибридный композит: заимствованная единица и исконно осетинская) 'брюки, облегающие голени и сильно расширяющиеся на бедрах' (мотивация по смежности: имя человека, который ввёл их в употребление для кавалеристов).

2. Один из компонентов уточняет другой компонент с более широкой семантикой. Уточняющий компонент может употребляться самостоятельно в значении целого, например: æдгуыр къаба (досл. 'платье с туловищем', главным считается второй компонент) используется в значении 'цельное платье' от гуыр 'туловище, талия' с мотивацией 'крой, форма, функциональность'), разгом къаба 'распашное платье с вырезом на груди' от раз 'передняя часть чего-то' и гом 'открытый' (мотивация – дизайн и форма) (разгом, чаще форма мн.ч. разгæмттæ используется самостоятельно в качестве наименования женского национального праздничного, свадебного наряда).

3. В эту группу входят композиты, в составе которых только главный компонент может употребляться самостоятельно для номинации

предметов одежды, а второстепенный – только в составе композита, например, æддаг дарæс ‘верхняя одежда’ (главным считается в осетинском языке второй компонент, назначение, функция – предмет одежды для ношения на улице), пæр-пæр къаба ‘платье с оборками’ (покрой, от пæр-пæр ‘порхание, взмах крыльев, колыхание’), уат-дзабыртæ ‘шлёпанцы’ (мотивация – назначение, от уат ‘комната, спальня’), хъуыр бæттæн ‘шарф’ (досл. ‘повязка для шеи’, мотивация – предназначение предмета одежды для определенной части тела). В следующей таблице представлены количественные характеристики распределения материала по структурным моделям.

Таблица 1
Структурные модели наименований предметов одежды
в осетинском языке

структурная модель	осетин. яз
	кол-во %
сущ+сущ	24 (31,2%)
прил+сущ	41 (53,2%)
сущ+глагол	7 (9,1%)
сущ+сущ+сущ	-
другие модели	5 (6,5%)
	77 (100%)

На основе проведенного анализа целесообразно рассмотреть мотивационные признаки сложных наименований предметов одежды в осетинском языке. Посредством изучения рекуррентности семантических признаков, которые выделяются в дефинициях рассматриваемых композитных единиц, можно определить их базовые мотивационные признаки [5]. Исследуемые композиты были условно поделены на группы по мотивационным признакам.

Мотивационные признаки (далее МП):

– Внешнее сходство с объектом/явлением из другой лексико-семантической группы (ЛСГ) или отсылка к прецедентному феномену/имени.

– Материал, из которого изготавливается предмет одежды, способ изготовления.

– Ситуация ношения. Особенности предназначения: для определенного сезона, погоды, рода деятельности и т.д.

– Особенности дизайна, покроя, фасона.

– Функциональные характеристики.

Наиболее рекуррентными мотивационными признаками, которые выделяются в дефинициях анализируемых слов в осетинской выборке, являются:

ситуация ношения (особенности предназначения: для определенного сезона, погоды, рода деятельности) (24 ЛЕ): *цыбыр-куырæт* ‘богато орнаментированный бархатный передник, кафтанчик как элемент свадебного наряда’;

функциональные характеристики (23 ЛЕ): *æфцæг-гот-бæттæн* ‘галстук’ от *æфцæг-гот* ‘воротник’ (*æфцæг+уат* ‘вместилище шеи’ [Абаев, 1958: 105]) и *бæттын* ‘завязывать, связывать’ (мотивация – ‘одежда для определенной части тела с указанием действия, совершаемого для ее надевания’);

материал, из которого изготавливается предмет одежды, способ изготовления (18 ЛЕ): *хæрдгæхуыд худ* ‘украшенная золотым шитьем шапочка как элемент свадебного наряда’ (мотивация – название по способу изготовления).

Таблица 2

**Количественные характеристики
распределения лексических единиц (ЛЕ) по мотивационным
признакам**

Мотивационный признак	осет. яз
МП 1	4
МП 2	18
МП 3	24
МП 4	8
МП 5	23

По результатам исследования целесообразно сделать следующие обобщающие выводы:

1. В рассматриваемом материале выявлены изоморфные и алломорфные словообразовательные характеристики композитной лексики, имеющей преимущественно слитное написание, часто дефисное и редко раздельное.

2. Структурно-семантические особенности наименований предметов одежды-композитов в осетинском, русском, английском и немецком языках репрезентированы в таких структурно-семантических моделях, как: предл+мест, нар+глагол, нар+прил+сущ, прич+сущ, прил+сущ+сущ.

3. В зависимости от структурно-семантических характеристик лексических единиц выделяются композиты, в составе которых оба компонента могут употребляться самостоятельно для обозначения видов одежды; один из компонентов композита уточняет другой компонент с более широкой семантикой; один компонент может употребляться самостоятельно для номинации предметов одежды, а второй – только в составе композита.

4. С точки зрения этимологии эмпирический материал характеризуется преобладанием исконной лексики по сравнению с заимствованными единицами.

Библиографический список

1. Абаева Ф.О. Къæлæтджын: из предметно-бытовой лексики осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2018. №29 (68). Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-l-tdzhy-n-iz-predmetno-bytovoy-leksiki-osetinskogo-yazyka> (дата обращения: 07.12.2023).

2. Амосова И.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 218 с.

3. Габараев Н.Я. Об основных типах сложных слов в современном осетинском языке // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. 1963. Вып. XII. С. 107–142.

4. Дзлиева Д.М., Абаева Ф.О. О социально-исторических изменениях осетинской свадебной обрядности // Вопросы литературы и фольклора: Сб. научных статей. Владикавказ. 2017. Вып. IX. С. 77-88.

5. Матюевич Е.Н. Лексико-семантическая характеристика наименований одежды в немецком языке. Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина. Доступно: https://www.brsu.by/sites/default/files/deutschlang/Konferenz_2016/matyuhevich.pdf (дата обращения 5.11.2023).

6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

References

1. Abaeva, F.O. (2018). Kælætdzhyn: iz predmetno-bytovoj leksiki osetinskogo jazyka [Kælætdzhyn: from household vocabulary of Ossetian language] // *Izvestija SOIGSI*. №29 (68). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-l-t-dzhyn-iz-predmetno-bytovoy-leksiki-osetinskogo-yazyka> (accessed: 07.12.2023). (In Russ.).

2. Amosova, I.N. (1956). *Jetimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo anglijskogo jazyka* [Etymological basis of the vocabulary of modern English language]. M.: Izd-vo lit. na inostr. jaz. 218 p. (In Russ.).

3. Gabaraev, N.Ja. Ob osnovnyh tipah slozhnyh slov v sovremennom osetinskom jazyke [Basic types of composite words in modern Ossetian language] // In *Izvestija Jugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta AN GSSR*. 1963. Vyp. XII. Pp. 107–142. (In Russ.).

4. Dzljeva, D.M. (2017) O social'no-istoricheskikh izmenenijah osetinskoj svadebnoj obrjadnosti [Some aspects of social-historical transformations of Ossetian wedding ceremony] / D.M. Dzljeva, F. O. Abaeva // In *Voprosy literatury i fol'klora*: Sb. nauchnyh statej. Vladikavkaz. Vyp. IX. Pp. 77-88. (In Russ.).

5. Matjuhevich, E.N. (2016). *Leksiko-semanticheskaja karakteristika naimenovanij odezhdy v nemeckom jazyke* [Lexical-semantic characteristics of names of clothes in German language]. Brest. BrGU imeni A. S. Pushkina. Available at: https://www.brsu.by/sites/default/files/deutschlang/Konferenz_2016/matyhevich.pdf (accessed: 5.11.2023). (In Russ.).

6. Языкознание. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Language study. Large encyclopedic dictionary] / chief. ed. V. N. Jarceva. – 2-nd ed., M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. 685 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Джиоева Варвила Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова. Республика Южная Осетия, г. Цхинвал ул. Путина, 8. E-mail: jio.varvilina@mail.ru.

About the author

Dzhioeva Varvilina Pavlovna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English, South Ossetia State University named after A. A. Tibilov. Republic of South Ossetia, Tskhinval st. Putin, 8. E-mail: jio.varvilina@mail.ru.

УДК 81.373.4

Dzhioeva V. P.
**NAMES OF ITEMS OF CLOTHING AS A MARKER
OF THE ETHNO-LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD**

Джioева В.П.
**НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ КАК МАРКЕР
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА**

***Abstract.** The present work is devoted to the study of the origin and ways of formation of names of clothing items in Ossetian and some patterns of the vocabulary of this semantic group in English. The research is based on the material of Ossetian and English languages. The paper contains vocabulary formed mainly by affixation and word composition. It is noteworthy that the vocabulary contains hybrid formations, as well as units formed by semantic derivation. Semantic equivalents can be drawn based on the Russian language. The vocabulary of the semantic group under study in the English language partly comes from a common proto-language of Ossetian and English languages – proto-Indo-European.*

***Keywords:** names of clothing items, etymological analysis, semantic parallels, methods of word formation, structural and semantic analysis, hybrid formations.*

Household vocabulary is represented as a set of lexical units for naming household items, dishes, clothes, fabrics, etc. In this work, the subject-household vocabulary is studied, denoting the names of clothing items (clothes, shoes and hats).

The names of clothing items are of a linguistic-specific nature and reflect the peculiarities of the interaction of ethnic culture speakers with representatives of other peoples during the historical development and formation of an ethnic community and its language.

Since students of the Ossetian language lack lexicographic, including terminological, sources, the study of the vocabulary used to designate items of clothing in the modern Ossetian language seems to be quite relevant.

The study examines the vocabulary of the selected kind in terms of motivation, recurrence and origin. The analysis of the empirical material is based on the data of the etymological dictionaries of the Ossetian and English languages.

The linguistic picture of the world of each ethnic group has specific characteristics. Representatives of each linguistic community are characterized by special, characteristic ways and methods of verbalization of events, phenomena and facts of the surrounding reality. Among the most pressing problems of modern linguistics, the features of the verbal representation of indicators of the identity of linguistic communities are highlighted [5].

Cognitive analysis of the lexico-semantic group of names of clothing items allows us to identify and comprehend their cognitive features. Interlanguage comparison helps to identify similarities and differences in the processes of conceptualization of similar fragments of the world in various linguistic cultures.

Representatives of various linguistic cultures throughout history have treated garments in a special way, giving them special significance, preserving them from generation to generation and presenting them as an attribute of ethnic identity [8, p.127].

Throughout the history of the people, linguistic and cultural contacts have left a certain imprint on the names of concepts, events and phenomena of public life. The individual characteristics of each ethnic group are reflected in the national culture.

Clothing is a subject of national culture. Its design and individual elements have a national flavor. The study of the peculiarities of folk costume presents quite extensive material both in the linguistic and cultural context.

The names of clothing items of modern Ossetians are formed on the basis of native Ossetian and borrowed vocabulary, functioning according to the rules of Ossetian grammar, phonetics, and have ancient Indo-European or Indo-Iranian etymologies. Some layer of special vocabulary has a later origin, which is the result of the influence of the historical neighborhood of native speakers with other peoples.

A certain layer of names of clothing and household originates in the proto-language, from which the terms, undergoing phonetic and morphological transformations under the influence of historical realities, came to modern languages. The vocabulary and terminology of both closely

related and distantly related languages often retain similarities at the present stage of development and functioning of languages. This applies to a greater extent to terminological and highly specialized vocabulary, which is often universal in a large number of languages. Due to the fact that the same term is recorded in different languages, among speakers of different ethnic groups in approximately the same historical period, it is often not possible to trace the exact etymology.

Specialists in the field of linguistic typology are engaged in the reconstruction and determination of the origin of a particular vocabulary, processing a fairly solid array of linguistic material to recreate the proto-forms and deduce the most accurate etymology. Recently, there has been a tendency to collect terminological material serving various fields of human activity, and to compile dictionaries of terms and special vocabulary – both linguistic and non-linguistic.

The study examines the vocabulary of the selected series in terms of motivation, frequency of use and origin. The analysis of empirical material is carried out on the basis of data from the etymological dictionary of V.I. Abaev.

The chronology of borrowing the desired vocabulary into the Ossetian language reflects the geography of its distribution. According to research, the earliest lexical unit used to name clothes in the Ossetian language is the noun *pysul* ‘rag’ (singular person), *pysultæ* ‘clothes, dress’ (plural), the same thing that *pysk’yl* ‘rag’ has a Turkic origin and was borrowed into the Ossetian language presumably from the Karachai language at the beginning of the 20th century, given that the literary Karachai language was formed in 1917 [1. II, p.246]. A little later, the Ossetian word *kabah* ‘women’s dress’ appeared in the Iranian language *kapah* ‘cloak’; *kappa* ‘harness’, going back to I.E. *kap* ‘to wrap around’ [1. I, p. 615].

The word *daræes* ‘clothes, dress’ (literal. ‘wearable or worn clothing’) from *dar-* (*dar-un* ‘hold, wear’); *-æes* from *wæst* ‘dressed, clothes’ from *vasta* (ancient ind. *vas-*, ancient. iran. *vah-* to dress) ® *dar-* + *wæst* > *daræes* (the loss of *w* after a consonant and the loss of the final *-t*) has the meaning of plurality, being denotatively identical to the lexeme *pysul-tæ* ‘garments’ (plural of *pysul*) [1. I, p. 344].

The word *dællagguyr* ‘skirt’ (liter. ‘dress for the lower body’): formed by the addition of *dællag* ‘lower’ from the Iranian *adari* with a regular

alternation of *r* before *i* [1. I, p. 352] and *guræ* ‘trunk’ ® *dællagguræ*. The word presumably came into use in Ossetian society at about the same time as *darais* ‘clothes, dress’.

Researchers compare the word *kholaf* ‘trousers’ with the Gypsy *kholluf* ‘trousers’, *khallova* ‘stockings’ from the ancient Indian *kalapa* ‘quiver, belt, decoration, peacock tail’ [7, p. 169]. The first mentioning of the word is found in the linguistic literature in 1823 [3, p. 92]. The reflexes of this lexeme in different languages depend on the nature and source of the loan. In both languages, cognates are recognizable and bear semantic isomorphism.

The name of the *hood* is ‘hat, papakha’ (Iran. *xauda*, cf. Persian. *xoi*, *xod* ‘helmet’, etc. Persian. *xauda*), according to V.I. Abaev’s point of view, was originally recorded in the ancient Persian language [1. IV, p. 244] and may be a cognate of the noun *hood* ‘covering, covering’, used to refer to objects similar to *hoods*, or parts of animals from the 17th century. In old English *hod* ‘hood, a soft covering for the head’ was first recorded in Ancient Saxon, possibly from the Indo-European *kadh-* ‘to cover’ [6]. There is no reliable information about the original source in any case.

The word *khædon* ‘shirt’ is borrowed from the Greek *khitor* ‘undergarments mainly made of linen fabric’ presumably in the Scythian-Sarmatian period from the Greek colonists of the Northern Black Sea region [1. IV, p. 157].

The collective name of clothing items *dzauma* ‘things, tools, utensils, clothes’ from the Persian *jama* ‘dress clothes’; Persian. *jamadan* ® os. *zamadon* ‘the receptacle of clothing’ ® Russian *chemodan* ‘suitcase’ is a polysemous word [1. I, p. 390].

Among the English-language lexemes denoting garments, this study examines motivated words corresponding to the generalized concept of ‘clothing, wardrobe item’, as well as some names with isomorphic semantic characteristics with the vocabulary of the selected semantic series in the Ossetian language.

The lexeme *clothes* in other English – *claðas* (plural from *clað* ‘fabric’), in the XIX century – the form of plural. *clothes*, since 1846 – *clothespin*; *clothing* ‘clothes, dress, overalls, suit, outfit’ – c 1200 G. [3]. The lexeme *clothes* is motivated by the name of the fabric that served to make garments and has a plural meaning both morphologically and semantically.

The noun *attire* ‘equipment of an armed man; dress, clothing’ (1300) presumably originated by substantiation from the verb *attire* ® *atiren* ‘to

dress, equip; to dress in an outfit, decorate', ® Old French. *atirer*, formerly *atirier* 'to equip, cook' from *a-* 'to, in' (ad-) + *tire* 'order, row, dress' [6].

The noun *dress* 'clothing or a collection of garments' (XVII century.), originally 'any clothing especially suitable for rank or any ceremony'; the specific meaning of 'women's clothing consisting of a skirt and waist' was recorded in the 1630s, with the subtext 'made not only for clothing, but also and for decoration' [6].

Noun *garment* 'article of clothing' (XV century) in the meaning of 'any article of clothing', a reduced form of decoration (early XIV century.), from Old French *garnement* 'clothing, attire' (XII century.) [6].

The noun *outfit* 'the act of equipping (ship, etc.) for an expedition' from *out-* and *fit-* (1787), meaning 'items and equipment necessary for an expedition' in American English (XVIII century.), since the XIX century. – in the meaning of 'human clothing' [6].

It should be noted that the noun *vest* began to be used in the XVII century. to determine such meanings as 'loose outerwear' from the Indo-European *wes-* 'to dress', the extended form of the root *eu-* 'to dress' [6].

Conclusion. Thus, the designations of the main items of clothing in the Ossetian language go back to ancient times and have ancient Indo-European or Indo-Iranian etymologies or have Turkic, Greek or South Caucasian origin.

Based on the fact that the first written monuments about the modern Ossetian language date back to the end of the XVIII century, when it became necessary to teach students of church schools, it is problematic to determine the period of the introduction of the lexeme *daræs* into active use.

V.I. Abaev does not exclude that the Ossetian *hood* and the lexeme *hood* may originate from the same etymon.

The Iranian etymologies given in the material allow us to conclude that these garments existed already in Scythian times and were used as part of the names of clothing items of representatives of Scythian tribes. The Turkic influence was expressed in the name *pysul*, which is one of the most recurrent, most neutral verbal means of designating clothes in the modern Ossetian language.

Arabic-Persian etymologies appear in words such as *zawmaw* and *k'aba*, meaning 'dress, clothing' and 'women's dress', respectively. The latter, according to Bailey, has an ancient Indo-European etymology.

It is noteworthy that, according to research, one of the words of the material studied *khəlaf* is the common heritage of the Ossetian, Gypsy and Slavic languages. Thus, it is not possible to trace the space-time frame of the introduction of the word into everyday life.

References

1. Abaev, V.I. (1958, 1973, 1979, 1989). *Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical-etymological dictionary of Ossetian language]. Leningrad: Nauka. V. I. A-K. 654 p., V. II. L-R. 450 p., V. III. S-T. 360 p., V. IV. U-Z. 327 p. (In Russ.).

2. Abaev, V.I. (1959). *Grammaticheskij ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical review of Ossetian language]. Ordzhonikidze: Severo-osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 168 p. (In Russ.).

3. *Anglijskiy etimologicheskij slovar'* [*Etymological dictionary of the English language*]. Available at: <http://www.вокабула.рф/словари/ааэс/clothes>. (date of access: 22.09.2023).

4. Klaproth, J. H. (1823). *Asia Polyglotta*. 152 p.

5. Malieva, Z.N., Rubaeva V.P. (2020). *K voprosu ob etnokul'turnoy leksike: terminologiya domashney utvari i kulinarii v osetinskom yazyke* [Some aspects of ethnocultural lexis: terms of household utensils and culinary in Ossetian language]. BGZh. №3 (32). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-etnokulturnoy-leksike-terminologiya-domashney-utvari-i-kulinarii-v-osetinskom-yazyke> (date of access: 03.03.2023). (In Russ.).

6. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q>. (date of access: 08.09.2023).

7. Pott, A.F. (1964). *Die Zigeuner in Europa und Asien; ethnographisch-linguistische Untersuchung, vornehmlich ihrer Herkunft und Sprache*. Edition Leipzig. 585 p.

8. Rabinovich, M.G. (1988). *Ocherki material'noy kul'tury russkogo feodal'nogo goroda* [Review of material culture of Russian feudal city]. Moscow. 350 p. (In Russ.).

About the author

Dzhioeva Varvilina Pavlovna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English, South Ossetia State University named after A. A. Tibilov. Republic of South Ossetia, Tskhinval st. Putin, 8. E-mail: jio.varvilina@mail.ru.

УДК 81'233

**Бекоева I.D., Dzuganova L.M.
NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT
ФÆНДАГ/ FÆNDAG 'ROAD'/ 'WAY'**

**Бекоева И.Д., Дзуганова Л.М.
НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА
ФÆНДАГ/ FÆNDAG 'ROAD'/ 'WAY'**

***Abstract.** The article examines the problem of identifying the characteristics of the mentality of the Ossetians through linguocognitive analysis of the concept **fændag** 'road'/ 'way', which occupies an important place in the value system of the South Ossetian linguocultural community. The study showed that the understanding of key cultural meanings, in particular the concept **fændag**, is determined by the native speaker's picture of the world, which, in turn, is a consequence of a person's structured idea of the reality around him and depends on the cultural traditions of a particular people.*

***Keywords:** cognitive Linguistics, national mentality, linguistic picture of the world, metaphorical concept.*

Being the basic term of modern cognitive linguistics and linguoculturology, the term *concept* reflects connection between language and culture, language and consciousness. For the first time the term *concept* was mentioned S.A. Askoldov-Alekseev, who developed a cognitive-psychological point of view on the nature of a concept, according to which a concept is a mental entity that replaces an indefinite set of objects, actions and mental functions of the same kind. [Askoldov (Alekseev) pp. 267–279]. One of the first fundamental works in the field of concept studies was the research by R.I. Pavilionis, in which he develops a logical and gnoseological point of view on the nature of the concept [Pavilion].

A concept, according to Yu. S. Stepanov's definition, is "a bunch of meanings", a "bunch of culture", in the human being's brain. Concepts

are actualized in speech practice, embodied in texts, on the basis of which researchers build their descriptions. Undoubtedly, the actualization of a concept depends on its lexico-semantic aspect and structure [Stepanov].

Description of a concept is a special research procedure, and consists of several stages: 1) definition – semantic features; 2) contextual analysis; 3) etymological analysis; 4) paremiological analysis; 5) interviewing, questioning, commenting, recording [Karasik p. 94].

The structure of a linguocultural concept includes figurative, associative, conceptual, evaluative, etymological and historical components.

The study of the functioning of the concept *фæндаг* (osset.)/ *fændag* – ‘road’, ‘way’, ‘path’ presupposes: 1) description of a nominative field of the *фæндаг/ fændag*; 2) actualization of the concept *фæндаг/ fændag* – ‘road’, ‘path’ in the political discourse of South Ossetia in connection with intra-, inter- and extra-linguistic (political, economic and sociocultural) factors; 3) features of the diachronic development of the concept *фæндаг/ fændag* – ‘road’, ‘path’ in the linguistic picture of the South Ossetians.

The concept of a road is one of the most significant universal cultural images. In everyday life, a person encounters various aspects of this concept, not just one, but the entire set of concepts, images, symbols, myths associated with the universe of the road, which is the basis for its conceptualization, can become relevant for any human-being at a particular moment in time.

Various aspects of the concept *road* have more than once become the subject of linguistic and cognitive research by many authors, however, this study one of the few attempts to study the concept *фæндаг/ fændag* since a sufficiently complete and comprehensive linguistic-cognitive study of this important and multifaceted concept of the South Ossetian conceptsphere is not yet available.

It seems necessary to consider the etymological and conceptual components of this concept, as well as to identify ways of its representation.

Фæндаг/ fændag ‘path’, ‘road’ is a common Indo-European word. It goes back to the Iranian *pantā* with the extension –g [Abaev IES]. The word *фæндаг/ fændag* is inseparable in its origin from the Iranian *фæнд fænd* ‘plan’, ‘plan’, ‘intention’, ‘desire’. *Fændag* is a derivative of *fænd*.

The Ossetian-Russian dictionary gives the following meanings of the lexeme *fændag*: 1) a strip of land used for driving and walking; 2) place, space for passage, passage; 3) movement, travel, trip; 4) direction, route;

5) transfer direction, area of activity; 6) transfer a means to achieve something [Abaev].

The row of synonyms is represented by the following elements: *къахвæд*, *къахнад*/*kakhvæd*, *kakhnad* 'path', *цалхвæд*/*tsalkhvæd* 'track', *балц*/*balts* 'hike'; *амал*/*amal*, *мадзал*/*madzal* 'path' in a figurative meaning; *здæхт*/*zdækht*, *арæзт*/*aræzt* 'direction'; *над*/*nad* (digor dialect) 'path'; *цæуæн*/*tsæuæen* 'path'.

The lexeme *фæндаг*/*fændag* is characterized by extremely high word-formation activity. Here are the derivations from *фæндаг*/*fændag*, expressing a notion of a road in the Ossetian language.

Фæндаггон/*fændaggon* 'traveler' (*fændag* – word-forming stem + suff. *-gon*),

Фæндаггаг/*fændaggag* 'travel provisions', 'funds or supplies for the road' (*fændag* – word-forming stem + suff. *-gon*; implies a material component of providing for a road participant);

Фæндараст/*fændarast* (wish) – 'good journey', 'happy journey' (*fændag* + *rast* 'correct, straight');

Къахвæндаг/*kakhvændag* 'path' (*kakh* leg + *fændag* > *vændag* road);

Æфсæнвæндаг/*æfsænvændag* 'railway' (*æfsæynag* 'iron');

Уæрдонвæндаг/*uærdonvændag* 'road' (*uærdon* 'cart' + *fændag* > *vændag*);

Галвæндаг/*galvændag* – a mountain road along which cattle and oxen in harness pass (*gal* 'bull, ox' + *fændag* > *vændag*);

Фистæгвæндаг/*fistægvændag* 'pedestrian path' (*fistægæy* 'on foot' + *fændag* > *vændag*);

Бæхвæндаг/*bækhvændag* 'path, horse trail' (*bækh* 'horse' + *fændag* > *vændag*);

Мыствæндаг/*mystvændag* 'mouse path', a path in the mountains so narrow that even a mouse cannot slip through (*myst* "mouse" + *fændag* > *vændag*);

Куыройвæндаг/*kuyroyvændag* 'a road to the mill' (*kuyroy* 'mill' + *fændag* > *vændag*);

Фыдвæндаг/*fydvændag* 'unsuccessful', 'unhappy path' (*fyd* 'bad', 'no good' + *fændag* > *vændag*);

Фæндагсар/*Fændagsar* 'guide' (*fændag* 'road' + 'sar' – the one they follow), an appeal to Saint Uastyrdzhi;

Иронвæндаг/ ironvændag (literally ‘Ossetian road’ *Iron* ‘Ossetian’ + *fændag* > *vændag*) – an element of mourning ritual, when women set up a keener for the deceased;

Цардвæндаг/ tsardvændag ‘life road’ (*tsard* ‘life’ + *fændag* > *vændag*).

There is a complex system of connections between the concept under study and other cognitive formations. In particular, this applies to such a concept as “obstacle”.

Indeed, the cognitive component of “overcoming something” is constantly present (even if in most cases unconsciously) in the concept *фæндаг/ fændag* ‘road’.

Complex links and associations arise when studying the figurative meanings of the concept *фæндаг/ fændag*: In the traditional Ossetian language picture of the world the concept *фæндаг/ fændag* ‘road’ is not just physical movement along a certain route and the means of such movement, but a ritualized way of doing something. First of all, the special ritual significance of this concept in the life of Ossetians is determined by the fact that in the Ossetian pantheon one of the most beloved celestial beings after God (*Хуыцау/ Khuysau/ Khutsau*) is *Uastirdzhi/Uasgergi* – the most popular deity of Old Ossetian mythology, the patron saint of men and the main male occupation: military and robber expeditions (the so called *балу/ bale*), eventually – the patron saint of travellers (for women this name is taboo, they call him *Лæгты Дзуар/ Lægty dzuar* ‘Saint’/ ‘Patron of men’). The epithet applicable to this deity is *syğzærin* – ‘golden’ or *fændagsar* – ‘guiding the way’ [Abaev IES 4v 55]. (*fændag* – road + *sar* – head, guide, guardian). At a traditional Ossetian table with three pies, they always turn to this saint with a request for patronage, help and protection on the road. For *Fændagsar Uastirdzhi* Ossetians drink while standing [Agnæv, p. 147].

Conclusion. The lexeme *фæндаг/ fændag* in the English language corresponds to several words – road, path, direction. Therefore, in our study we consider all variants of correspondences, with different lexical contents.

The concept *фæндаг/ fændag* ‘road’, correlates with the key cultural values that have a decisive impact on the social life of South Ossetians.

The nominative field of the concept *фæндаг/ fændag* ‘road, path’, as shown by the analysis of numerous representations of the concept, can be considered dense. The core of the nominative field consists of numerous representations of the concept, combined into the following frames, within

the boundaries of the cognitive sectors that they represent: 1) a road as way; 2) a road as a method of movement, a place of movement"; 3) a road as a vehicle; 4) a road as movement; 5) a road as direction, course, path.

In the linguistic picture of the world of South Ossetians, the concept *фæндаг/ fændag* 'road' is one of the most important elements of the conceptual sphere which reflects the South Ossetian language picture of the world. The main emphasis of the study is on the substantive characteristics of the concept under study in the Ossetian and English languages.

As the results of the research showed, the concept *фæндаг/ fændag* 'road', 'path', 'way' having an important position in the linguistic consciousness of South Ossetians, includes many semantic layers and is objectified at various levels, in particular, ceremonial and ritual.

References

1. Abaev V.I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. [in 4 volumes]. T. I. M.-L.: Nauka.1958. 655 p.
2. Abaev V. I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language: [in 4 volumes] T. 4. U-Z. Leningrad: Science. 1989. 325 p.
3. Abaev V.I. Russian-Ossetian dictionary. Ordzhonikidze: Ir, 1970. 720 p.
4. Agnaev G. Ossetian customs. Vladikavkaz: Ursdon, 1999. 172 p.
5. Askoldov (Alekseev) S. A. Concept and word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology / Ed. ed. V. P. Neroznak. M.: Academia, 1997. Pp. 267–279.
6. Bigulaev B.B., Gagkaev K.E., Kulaev N.Kh., Tuaeov O.N. Ossetian-Russian dictionary. Ordzhonikidze: Ir, 1970. 720 p.
7. Ippolitov O.O. Concept Road Anthology of concepts. M.: Gnosis, 2007. 512 p.
8. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
9. Pavilionis R.I. The problem of meaning. M.: Mysl, 1983. 286 p.
10. Stepanov, Yu.S. Constants: Dictionary of Russian culture. M.: Academic Project. 2001. 990 c.

Сведения об авторах

Бекоева Ирина Давидовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англ. языка ЮОГУ им. А.А. Тибилова, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Дзуганова Лилия Мухамедовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: dzuganoval@mail.ru.

About the authors

Bekoeva Irina Davidovna, PhD in Philology, associate professor, English Chair, South Ossetia State University named after A.A. Tibilov. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Dzuganova Liliya Mukhamedovna, PhD in Philology, associate professor, associate professor of the department of foreign languages, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekova, RF, Nalchik. E-mail: dzuganoval@mail.ru.

УДК 81-11

**Дзуганова Л. М., Журтова А. З.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА РОДИНА
В РУССКОЙ И АДЫГСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

**Dzuganova L.M, Zhurtova A.Z.
REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "MOTHERLAND"
IN THE RUSSIAN AND ADYGHE LINGUOCULTURES**

***Аннотация.** Статья выполнена в русле одного из самых распространенных направлений лингвистических исследований в рамках современной антропоцентрической парадигмы, лингвоконцептологии, занимающейся изучением языковой репрезентации отдельных концептов и посвящена выявлению особенностей отражения концепта «родина» в русской и адыгской языковых картинах мира и в определении внутриязыковых и межъязыковых признаков данного концепта. Выявлен корпус языковых единиц, вербализующих концепт «родина» и определен их статус в лексическом, фразеологическом и паремиологическом фонде русского и кабардино-черкесского языков. Разработаны семантические классификации языковых единиц, вербализующих концепт «родина» в русском и кабардино-черкесском языках. Сопоставительный анализ глобальных языков и языков малых народов позволяет выявить некоторые особенности национальной культуры и менталитета народов, что способствует развитию межкультурного общения. Комплексный анализ концепта «родина» в двух языках позволил определить, насколько универсальны и этнически специфичны репрезентации анализируемого концепта в рассматриваемых лингвокультурах.*

***Ключевые слова:** языковая картина мира, лингвоконцептология, лингвокультурный, лексема, концепт, паремиология, вербализация.*

***Abstract.** The article was made in line with one of the most common areas of linguistic research within the framework of the modern anthropocentric paradigm, linguoconceptology, which studies the language representation of individual concepts and is devoted to identifying of the features of reflecting*

the concept of “motherland” in the Russian and the Adyghe linguistic pictures of the world and in determining intralingual and interlanguage features of this concept. The set of language units that verbalize the concept of “motherland” was identified and their status was determined in the lexical, phraseological and paremiological fund of the Russian and the Kabardian languages. Semantic classifications of the language units have been developed that verbalize the concept of “motherland” in the Russian and the Kabardian languages. Comparative analysis of global languages and languages of small minorities reveals some features of the national culture and mentality of peoples, which contributes to the development of intercultural communication. A comprehensive analysis of the concept of “motherland” in two languages allowed to reveal how universal and ethnically specific the representations of the analyzed concept in the linguocultures under consideration.

Keywords: *linguistic picture of the world, linguoconceptology, linguocultural, lexical unit, concept, paremiology, verbalization.*

Современную лингвистическую парадигму невозможно представить без трудов в области когнитивной лингвистики и сравнительной лингвоконцептологии, в рамках которых на первый план выходит исследование концепта как одной из ключевых категорий. Предлагаем определение «лингвокультурного концепта как вербального символического образа понятия, отражающего ментальные представления носителей языка о соответствующем объекте действительности, определяющиеся системой традиций данной культуры» [1, с. 8].

Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть, концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Концепт «родина» традиционно относят к числу универсальных, наряду с такими базовыми концептами как мать, семья, свобода, любовь, вера, дружба, на основе которых формируются национальные культурные ценности (А. Вежицкая, С. Г. Воркачев). Однако идея родины, будучи общечеловеческой «универсалией», хотя и крайне вариативной, обладает национальной спецификой. Исследование репрезентации концепта «родина» в русском и кабардино-черкесском языках позволяет

выявить национальные особенности языковой картины мира, что способствует развитию межкультурного общения.

Одним из аспектов обоснования взаимосвязи языка и культуры является исследование концептов в национальных ЯКМ. «Этническая самоидентичность – одна из важнейших проблем любого языкового сообщества. В ее адекватной реконструкции существенную роль играет системное исследование лингвокультурного аспекта языка» [2, с.5]

Актуальность темы данной статьи определяется с одной стороны доминирующим в настоящее время научным интересом к проблеме взаимодействия языка, мышления и сознания, связи языка и культуры, а с другой стороны, тем фактом, что исследование концепта «родина», как ключевого для каждой из изучаемых лингвокультур особенно значимо сейчас, когда в России и во всём мире в связи с процессом глобализации происходит переоценка ценностей и смена стереотипов, формируется новое мышление, новая картина мира.

Объектом исследования являются языковые средства репрезентации концепта «родина» в русском и кабардино-черкесском языках.

Предмет исследования – культурно-специфические характеристики концепта «родина» в языковом сознании русских и адыгов.

Цель работы состоит в выявлении особенностей отражения концепта «родина» в русской и адыгской языковых картинах мира и в определении внутриязыковых и межъязыковых признаков данного концепта.

Материалом для исследования послужили единицы (лексические, фразеологические и паремиологические), извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников и сборников пословиц и поговорок. Исследование лексики и фразеологии языка позволяет наиболее адекватно выявить универсальное и уникальное в языковой репрезентации различных концептов. В рамках данной статьи мы ограничились материалами словарей (толковых, фразеологических) и попытались представить исследуемый концепт на уровне лексической и фразеологической репрезентации. Следует отметить особую роль паремиологических единиц языка в реконструкции языковой картины мира, так как они отражают исторический опыт народа, а применительно к ключевым концептам дают информацию о тех знаниях, которыми располагает культура относительно стоящих за ними фрагментов «невидимого мира».

Таблица 1

Понятие «Родина» в русском языке

Определение	Синонимы	Антонимы
<p>Родина.1.«отечество; страна, в которой человек родился и гражданном которой он состоит» «Место зарождения, происхождения чего-н.» Родина 2. перен. «Место возникновения чего-н.» [12].</p>	<p>Синонимы Родина 1. родная страна (или земля), отечество, отчизна, отчий край, край отцов (высок.); родная сторона (или сторона) (народно-поэт.); родные палестины (устар.) 2. место возникновения чего-л.: колыбель[15]</p>	<p>Антонимы чужбина, чужая сторона, чуждаляняя сторона, чуждаляняя сторона</p>
<p>Родина: «Страна, в которой кто-л. родился и гражданном которой является». 1) «Место рождения кого-л.» 2) перен. «Место появления, возникновения чего-л.» [8].</p>		
<p>Родина: 1.«Страна, в которой человек родился и гражданном которой является; отечество». «Место рождения кого-л.». 2.«Место зарождения, произрастания чего-л.» «Место возникновения чего-л.» [11].</p>		

В качестве основных методов исследования были использованы метод анализа словарных дефиниций, метод концептуального анализа, лингвокультурологический метод, сопоставительный метод.

Проводимое нами исследование проводилось в несколько этапов.

В целях синтеза лексемы-доминанты, номинирующей исследуемый концепт были проанализированы лексикографические источники (словарные статьи толковых словарей, словарей синонимов и антонимов) [7, 8, 11, 15, 16].

Так, анализ дефиниций понятия «родина» позволяет сделать вывод о том, что родина – это: 1) «место, где человек родился, зародился этнос»; 2) «место возникновения или изобретения чего-либо».

Словарь синонимов русского языка устанавливает следующий синонимичный ряд понятия «родина»: 1) *родная страна– отечество– отчизна– отчий край– край отцов– родная сторона–родные палестины (устар.)*, 2) *место возникновения чего-л.: колыбель*.

При исследовании лексемы «родина» с точки зрения семантики целесообразно отметить оппозицию «свой– чужой», являющуюся универсальной схемой для анализируемых лингвокультур, иллюстрирующей духовный универсум носителей русскоязычной и адыгской идентичностей – «образа своего мира», родной земли и противопоставляемого ему образа неизвестного пространства (антонимы понятия «родина»: *чужая сторона, чужбина, чужедальная сторона*) [16].

В качестве доминантной лексемы номинирующей исследуемый концепт в адыгской лингвокультуре выступает *Хэку*.

Хэку 1. «лэпкъ, къэралыгъуэ гуэрэм ей, егъэщIыллá хэгъэгу» (букв.: территория, принадлежащая к-л. нации, к-л. государству) ‘страна, государство’. 2. «ушальхуа лъахэ, хэгъэгу» (букв.: место рождения) ‘родина, отечество’.

В кабардино-черкесском языке также есть ряд синонимичных лексических единиц, например:

Хэгъэгу «хэку, щIыпIэ, щIыналъэ» (букв.: родина, местность, край) ‘край, страна, родина’

Хэгъэгу жыжьэ къикIын ‘прибыть из далекого края, приехать из-далека’

ХанIэ ‘усадьба, край, родина’.

Корень *Хэку* можно также обнаружить в ряде номинаций. Например:

Зэхэжүгэ 1. «зы хэкум щыщ, зы хэкум кыкIа, зи хэку зы» (букв.: принадлежащие одной стране, выходцы из одной страны) 'соотечественники'. 2. «Зы щIыпIэм щыщ, зы щIыпIэм щальхуа» (букв.: из одной страны, рожденные на одной территории) 'земляки'. Например: *Зэхэжүгэхэр зэхуээжаш. Земляки встретились*.

Хэкуэгэ «фи хэкур зыуэ зэрыщыгымкIэ кыппыщIа цIыху» (букв.: человек, который имеет связь с тобой по месту рождения) 'земляк, соотечественник'.

Хэкугэ «лгэпкь, кьэралыгэуэ гуэрым ей, еггэщIыпIа щIынальэ» (букв.: земля, принадлежащая к-л. народности или государству) 'страна, государство'. Например: *ЩIалэр гьуэгурькIуэрэ хэкугэуихыр зэпичащ*. В своем походе (путешествии) парень пересек 6 стран.

Хэкужь 1. «ушалхуа лгахэ» (букв.: место, где ты родился) 'родина'. Например: *Хэкужь джэду гьуащэркьым. 'Даже кошку родины легко узнать'*.

2. «ЩIынальэ ябгынэжа» 'заброшенная, покинутая территория'.

Хэкурыс. жь. (уст.) «Хэкум щыпсэхэм ящыц цIыху» (букв.: тот, кто проживает в отечестве) 'Житель страны'. Например: *Хэкурыс псоми уайфIэжIыу усэу*. (ИуэрыIу-фольк.). Живи лучше всех жителей страны.

ЩIынальэ «щIы Iыхэ, лгахэ, Хэку» (букв.: часть земли, пространство, край, родина) 'земля, край, территория'

ЩIыпIэ 1. «КьыхэубыдыкIа, кьыхэггэщхэхукIа щIы Iыхэ» (букв.: выборочное, вычлененное, обособленное место) 'место, местность'. 2. Хэку, жылагэуэбэ 'край, округ'.

Лгахэ «Щальхуа щIыпIэ, хэку» (букв.: место рождения, родина) 'родина'.

Лгахэ— Анэ «Щальхуа Хэку» 'родина' (употребляется в художественном дискурсе).

Как и в других языках, в кабардино-черкесском языке Хэку вступает в оппозицию с «чужбиной».

ХамэщI «ушамыльхуа, нэггэуэщIхэм яй щIыпIэ» (букв.: место, где ты не родился, чужая земля) 'чужбина'.

ХамэщI щыпсэун 'жить на чужбине'.

Хамэ 1. «Уи мыIыхлы, уимылаггэ» (букв.: не родственник (кровный), не родственник (со стороны невесты)) 'чужак, чужой'. 2. «нэггэуэщIым ей, нэггэуэщIым бггэдэлэ, хамэ кьэрал» (букв.: чужой,

принадлежащий другому, чужая страна) ‘чужой, принадлежащий чужо-му, чужая страна’. Например: *Хамэ уцше тхэмахуэц, хабзэ хээху маху-ициц*. Чужие советы на неделю, обычаи и традиции других на три дня.

Хэхэс «нэгъуэцI щыпIэ, хамэцI кыкIауэ псэу цыху, кыщальху-ам щымыпсэуэ нэгъуэцI щыпIэ щыпсэу» (букв.: человек, приехавший из другой страны, неживущий там где родился, живущий в другой стране) ‘иностранец, пришелец’. Например: *Ди къуажэм хэхэсу цыху куэд цопсэу*. В нашем селе много иностранцев жителей.

Вторым этапом лингвокультурологического исследования являлось выявление фразеологических выражений с компонентом «родина». В русской фразеологии проявляется гендерный аспект родина – *Родина-мать*. Человеку свойственна *любовь к Родине*, он может *врастать корнями в (эту) землю, обрести корни*, если же человек *покидает пределы Родины / Отечества*, то он может *потерять / утратить почву* и тогда его одолевает *тоска по родине*. Таким образом, Родина выступает как нечто, дающее человеку силу и стойкость.

Фразеология кабардино-черкесского языка также содержит единицы, номинирующие различные действия человека по отношению к своей родине. Так, человек может любить и быть верным сыном своей родины: *Хэкур гъэпэжын*. Быть верным, преданным родине. *Дэтхэнэ зи цыхуми и хэкур игъэпэжыну и къалэци*. Каждый человек обязан быть верным, преданным своей родине.

Человек может бороться за свою родину: *Хэкум цIэбэнын* ‘бороться за родину’. Человек всегда тяготеет к родному краю: *КъызэрыкIа гъуэм йохъэж*. Кто, откуда пришел, тот туда и возвращается. Родина тянет. А также человек желает найти вечный покой именно на родине: *И хэкужъ цыцIалъхъэжын* – быть похороненным в родном краю.

Примечательно, также, что в номинации прославленного человека (мужчины) присутствует компонент *Хэку*: *Хэку шу – зи Iуэху цIафэхэмIэ Хэку* псом цIэрыIуэ щыхъуа цыху. Человек, известный своими делами и любимый в народе (букв.: Родина + всадник).

Однако человек не всегда может быть предан родине, иногда он может предать ее, или быть вынужденным покинуть навсегда. Об этом свидетельствуют следующие фразеологические единицы: *Хэкум ецIыжын* ‘предать родину, изменить родине’. *Хэкур бгынэжын* – совсем покинуть, оставить, забросить родину.

Как известно, человеку кажется, что на родине, и деревья выше, и трава зеленее. В этой связи можно упомянуть и кабардино-черкесскую ФЕ, сравнивающую человека с травой: *Хэкужь удзу доклеЙ* ‘сорная трава хорошо растет’. (Говориться в шутку, о детях не по возрасту высоких).

Однако, наиболее информативным для анализа лингвокультурного концепта представляется именно паремиологический пласт языка, в котором находят отражения все семантические составляющие концепта.

Весь корпус русских и адыгских паремий о родине может быть классифицирован в соответствии с семантическими группами.

Все проанализированные паремиологические единицы в русском и кабардино-черкесском языках, вербализующие концепт «родина» были объединены нами в семантические группы: 1) Человек любит свою родину, и, даже осознавая её недостатки, предпочитает её чужбине (*Всякому мила своя сторона. Своя земля и в горести мила, На чужой стороне и весна не красна... Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; (Дыцэ унэ нэхърэ ди унэжь – Родной дом лучше чужого роскошного. Уи унэжь хуэдэ цыІэкъым – в гостях хорошо, а дома лучше. Хэти езым и хэкур фІыуэ ельэгъуж – Каждый любит свою родину).*

2) Человек может покинуть Родину в поисках лучшей жизни (*И за рекой люди живут, И журавль тепла ищет, Прощай, матушка Русь; (Уи мыхэцІапІэр цІапІэ пІІыну ухэмыт – не устраивай пристанища на чужбине).*

3) Человек стремится путешествовать и смотрит свысока на тех, кто боится покинуть родину (*Дома сидеть – ничего не, высидеть, Жить в деревне – не видать веселья); 4) Человек скучает по родине, стремится вернуться на родину (На чужбине и собака тоскует, Чужбина слезам не верит); Бланэ цальху йокІуэлІэж – На родину тянет. Дыгъужьыр бгъаихэ этми, мэзымкІэ маплэ – Сколько волка не корми, всё равно в лес просится). 5) Не следует верить тем, кто пытается уговорить покинуть родину (*Жернова говорят: в Киеве лучше, а ступа говорит: что тут, что там); 6) Человек рад встрече с земляком (На чужой сторонешке рад своей воронушке. 7) Человеку нужна родина (Милует бог и на своей стороне. О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет. Без корня и полынь не растет); (Хэку зимыІэм псори цІыІэу къыцохъу – Без родины ничто не мило. Хэкум игъэгущхуэр хахуэ мэхуэ – Смел тот, кого воодушевляет родина). 8) Человек нужен родине (Где кто родит-**

ся, там и пригодится. Что где родится, то там и годится); (Хахуэр Хэкум кьыхуальху – Мужественный человек рождается для родины). 9) Не любящий родину достоин осуждения (Худая та птица, которая гнездо свое марает. Глупа та птица, которой гнездо свое немило); (Хэкум епцЫжым укI хуэфацэц – Кто предаст родину, тот заслуживает смерти. Хэку бгынэврэ физ бгынэврэ зэхуэдэц – Покинуть родину – что покинуть жену. Уи адэ и гьуэгуэжьрэ, уи адэ и благьэжьрэ умыбгынэ— Не пренебрегай старой дорогой отца, не отказывайся от родственников). 10) Человек хорошо знает свою родину (На родной стороне и камешек знаком). Хэкужь джэду гьуацэркьым – Даже кошку родины легко узнать). 11) Человек обязан беречь родину (Уи адэ и цыпIэр гьэдахэ, уи анэ дахэу епсалэ – Люби свой отчий край, мать свою приласкай. Унэм уцымылЫхьужь, губгьуэм уцымыкэрабгэ – Не храбрись дома, не трусь в поле). 12) Родина после войны (Зауэ зыцацIа кьуажэрэ, ябгынэжа хэкужьрэ— После войны родина похожа на покинутый край). 13) Родина – это место, где субъект или даже объект приобретают некоторые уникальные способности или качества, которыми они не обладают в любом другом месте. (Щхээж и унэ цылЫхьужьц – Дома легко храбриться).

Хэкужьыхэ лээциц – В своем дворе собака сильна=Дома и стены помогают. Хьэжэ пэтрэ и хэкужэ цылээциц – В своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюнет. (букв. 'у себя дома и старая собака сильна')

Из выделенных семантических групп 7 (в русском языке) можно объединить в общую группу «любовь к родине». 2 семантические группы выражают противоположную мысль – «хорошие условия жизни важнее родины» и «человек стремится путешествовать и смотрит свысока на тех, кто боится покинуть родину». Особняком стоит сема «человек нужен родине», которая выражает не отношение человека к родине, а отношение родины к человеку.

Весь корпус паремиологических единиц исследуемых языков был разделен на семантические группы, количество и наполнение которых неравнозначно.

Анализ семантики паремиологических единиц показал, что большинство из них, либо построены на основе контраста, который может быть представлен схематически как противопоставление некоторого места любому другому месту (Всякому мила своя сторона, Хамэ хэку

сыщытхъэ нэхъ, си хэкужь сыщыллэ. Лучшие умереть в родном краю, чем жить в достатке на чужбине), либо актуализируют некоторое место, где субъект или даже объект приобретают некоторые уникальные способности или качества, которыми они не обладают в любом другом месте (*Хъэжь пэтрэ и хэкужь сыльэциц* – В своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюнет. (букв. ‘у себя дома и старая собака сильна’) и к которому у субъекта сформировалось устойчивое положительное эмоциональное отношение (*Своя сторонуща и собаке мила. Хэти езым и хэкур фIыуэ ельэгъуж* – *Каждый любит свою родину*)).

Так, для представителей данных лингвокультур, Родина это то место, которое, человек хорошо знает (*На родной стороне и камешек знаком, Хэкужь джэду гъуащэркъым* – *Даже кошку родины легко узнать*) куда человек стремится вернуться после долгого отсутствия (*И кости по родине плачут. Бланэ щальху йокIуэлIэж* – *На родину тянет*) и, вернувшись, он осознает в полной мере всю ценность, всю значимость для него родных мест (*Пока под чужой крышей не побываешь, своя, где течет, не узнаешь.*). В то же время, человек вполне способен привязаться к иному, изначально «чужому» месту, способен испытывать к нему устойчивое положительное эмоциональное отношение, обретая тем самым новую Родину. Не любящий родину достоин осуждения (*Худая та птица, которая свое гнездо марает, Кхъуэм Хэку ищIэркъым* – *Свинья родины не знает.* (‘Свинья не знает родины’ говорят о тех, кто забыл свою родину)). Человек должен всегда оставаться на родине (*С родной (родительской) земли – умри, не сходи! Хэкум ещIыжым укI хуэфациц* – *Кто предаст родину, тот заслуживает смерти*) и беречь её (*Хэкум емыкIур къыльымэ, псэмыблэжу къыщыж* – *Обнажай меч не в день, не когда тебя обидели, а в час, когда отчий дом унизили*).

В результате проведенного исследования были сделаны выводы:

Доминантными лексемами, репрезентирующими исследуемый концепт являются: в русском языке – *родина*, в кабардино-черкесском языке – *Хэку*. Что касается кабардино-черкесской лексемы *Хэку*, следует отметить, что в пословицах и поговорках часто фигурирует её вариант *Хэкужь I. ‘родина’; 2. ‘зброшенная, покинутая территория, т. е. родина предков’.*

Структуру исследуемого концепта можно представить в виде следующей схемы: Родина как страна и государство-малая родина-регион страны– город/деревня – улица – дом – домашний очаг. И все это

противопоставляется чужбине. Стоит отметить, что компонент 'малая родина' является специфичным для русской языковой картины мира и не обнаруживается в адыгской ЯКМ.

Проведенное исследование подтвердило, что важнейшим средством вербализации и концептуализации концепта «родина», в русской и адыгской лингвокультурах является паремиологический фонд, обладающий этнокультурным потенциалом и предстающий в качестве культурного кода. Именно в пословицах и поговорках наиболее точно фиксируются и воссоздаются важнейшие когнитивные признаки ценностного и образного компонентов концепта «родина».

Концепт «родина» в кабардино-черкесском языке имеет только положительную коннотацию, тогда как в некоторых русских паремиях прослеживается негативная коннотация (например, *Где ни жить, только бы сыту быть*), кроме того, в нескольких русских паремиях любовь к родине признается с некоторыми оговорками (например, *Пока под чужой крышей не побываешь, своя, где течет, не узнаешь*).

В анализируемых лингвокультурах прослеживается противопоставление любви к 'своему' любви к 'чужому'. Даже если на родине плохо, на чужбине ещё хуже. То есть, родина имеет ценность как 'вещь в себе' (например, *Чужая сторона – мачеха, Хамэ хэку сыщытхэ нэхь, си хэкужь сыщылгэ – Лучшие умереть в родном краю, чем жить в достатке на чужбине*. Родина имеет практическую ценность (например, *Без корня и полынь не растет, Дома стены помогают, Хэкум игъэгущуэр хэхуэ мэхуэ – Смел тот, кого воодушевляет родина*).

Данные суждения представляют собой типовые аксиомы поведения, установки культуры, которые задают нормы поведения человека, носителя данной культуры, определяют его отношение к миру, к окружающим и самому себе в этом мире, которые воспроизводятся и транслируются из поколения в поколение благодаря их означиванию и фиксации в семантике фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков.

Библиографический список

1. Адыгское лингвокультурное пространство / М.А. Шарданова, Л.Х. Дзасежева, З.Р. Цримова, Л.М. Дзуганова; под ред. З.Х. Бижевой. Нальчик: Эльбрус, 2010. 168 с.

2. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира: монография/ З.Х. Бижева. 2-е изд., доп. Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2022. 187 с.

3. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.

4. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов/ СПбГУ; Межкаф. словарный кааб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель [и др.], 2005. 926 с.

5. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

6. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин»// Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5-12.

7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-Пресс, 1997. 614 с.

8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Свыше 136 000 словарных статей. Ок. 250 000 семантических единиц: В 2 т. Т. II: П-Я / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 2001. 1084 с.

9. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 342 с.

10. Словарь кабардино-черкесского языка: Около 31000 слов/ Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. 860 с.

11. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. 698 с.

12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (4 т.).

13. Фразеологический словарь русского языка/ Л.А. Воинова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус.яз., 1986. 543 с.

14. Шаов Н.Г. Адыгские пословицы и поговорки– Нальчик: Эльбрус, 1998. 224 с.

15. Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс] <https://lexicography.online//synonymy/aleksandrova> [дата обращения 18.03.2024].

16. Словарь антонимов русского языка [Электронный ресурс] <https://sinonim.org/a> [дата обращения 03.03.2024 г.].

References

1. Adygsкое lingvokul'turnoe prostranstvo / M.A. SHardanova, L.H. Dzasezheva, Z.R. Crimova, L.M. Dzuganova; pod red. Z.H. Bizhevoj. Nal'chik: El'brus, 2010. 168 s.

2. Bizheva Z.H. Adygskaya yazykovaya kartina mira: monografiya/ Z.H. Bizheva. 2-e izd., dop. Nal'chik :Kab.-Balk. Un-t, 2022. 187 p.

3. Berbekov B.CH., Bizhiov B.CH., Utizhev B.K. SHkol'nyj frazeologicheskij slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka. Nal'chik: El'brus, 2001. 240 p.

4. Biriĥ A.K. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologicheskij slovar': ok. 6000 frazeologizmov/ SPbGU; Mezhhaf. slovarnyj kaab. im. B.A. Larina; A.K. Biriĥ, V.M. Mokienko, L.I. Stepanova; pod red. V.M. Mokienko. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Astrel' [i dr.], 2005. 926 p.

5. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyĥ slov / Per. s angl. A.D. Shmeleva. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 288 p.

6. Vorkachev S. G. Konzept kak «zontikovyj termin»// YAzyk, soznanie, kommunikaciya. Vyp. 24. M., 2003. P. 5-12.

7. Dal', V.I. Poslovicy russkogo naroda / V.I. Dal'. M.: OLMA-Press, 1997. 614 p.

8. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: Svyshe 136 000 slovarnyĥ statej. Ok. 250000 semanticheskikh edinic: V 2 t. T. II : P – YA. M.: Russkij yazyk, 2001. 1084 p.

9. Kardanov B.M. Kabardino-russkij frazeologicheskij slovar'. Nal'chik: El'brus, 1968. 342 p.

10. Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka: Okolo 31000 slov/ Institut gumanitarnyĥ issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN 1-e izd. M.: Digora, 1999. 860 p.

11. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazyk, 1981. 698 p.

12. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova. M.: Gos. in-t «Sov. encikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940. (4 t.).

13. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka/ L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Pod red. A.I. Molotkova. M.: Rus.yaz., 1986. 543 p.

14. Shaov N.G. Adygskie posloviy i pogovorki– Nal'chik: Jel'brus, 1998. 224 p.

15. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] <https://lexicography.online//synonymy/aleksandrova> [accessed: 18.03.2024].

16. Slovar' antonimov russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] <https://sinonim.org/a> (03.03.2024).

Сведения об авторах

Дзуганова Лилия Мухамедовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, РФ, г. Нальчик. E-mail: dzuganoval@mail.ru.

Журтова Асият Зауровна, кандидат филологических наук, доцент, директор высшей школы международного образования, КБГУ им. Х.М. Бербекова, РФ, Нальчик.

About the authors

Dzuganova Liliya Mukhamedovna, PhD in Philology, associate professor, associate professor of the department of foreign languages, Kabardino-Balkarian State University named after. Kh. M. Berbekova, RF, Nalchik. E-mail: dzuganoval@mail.ru.

Zhurtova Asiyat Zaurovna, PhD in Philology, Associate Professor, Director of the Higher School of International Education, KBSU named after. HM. Berbekova, Russian Federation Nalchik.

УДК 81

Кочиева Д. А.
КОНЦЕПТ СТРАХ В ОСЕТИНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФЕ

Kochieva D. A.
THE CONCEPT OF "FEAR" IN OSSETIAN AND ENGLISH IDIOMS

***Аннотация.** В настоящей статье впервые предпринята попытка исследования осетинских и английских идиом, актуализирующих концепт «страх». Методом сплошной выборки, компонентного анализа и сравнительно-сопоставительного метода изучаемого материала показано наличие в сравниваемых идиомах аналогов и отличий. Изучены и проанализированы смысловые признаки заявленных ФЕ. Выявлены соответствия и различия национальных стереотипов в языковой картине мира народов исследуемых языков.*

***Ключевые слова:** концепт, ФЕ, эмоциональная языковая картина мира, осетинский язык, английский язык, сравнительный анализ, смысловой признак.*

***Abstract.** This article is the first attempt to study Ossetian and English idioms that actualize the concept of "fear". The method of continuous sampling, component analysis and comparative method of the studied material shows the presence of analogues and differences in the compared idioms. The semantic features of the declared idioms have been studied and analyzed. The correspondences and differences of national stereotypes in the linguistic picture of the world of the peoples of the studied languages are revealed.*

***Key words:** concept, idiom, emotional linguistic picture of the world, the Ossetian language, the English language, comparative analysis, semantic feature.*

Сегодня лингвисты уделяют большое внимание проблемам лингвокультурологии и исследованию концептов. Страх, будучи одним из сильнейших чувств, исследуется чаще остальных эмоциональных кон-

цептов, и именно поэтому мы решили исследовать его в осетинском языке, т.к. исследований с данным концептом в названном языке до сих пор проведено не было.

Непредвзятость человеческих чувств доказывается не только эмпирическим анализом, но и тем, что эти чувства отражаются в речи, воплощаясь в семиотические структуры дифференциальной иерархической сложности. Вокабуляр эмоций в разных языках отличается друг от друга, хотя нет чувств, которые могут испытывать представители одного этноса и не испытывать представители другого [3, с. 28].

В осетинском языке синонимическая группа понятия *страх* репрезентована лексемами *азар* ‘гнев’, ‘страх’, ‘боязнь’, ‘ужас’, *тас* ‘страх’, ‘ужас’, *тасдзинад* ‘страх’, ‘ужас’, *зæрдæхсайд* ‘беспокойство’, ‘страх’, *катай* ‘тревога’, ‘страх’, *фæдис* ‘тревога’, ‘страх’, *фыртас* ‘ужас’, ‘паника’, ‘страх’ [2].

Национальные эмпирические особенности и их отражение в языке очевидны, и вполне обоснованы для идиом, в которых актуализируется значение эмоционального концепта *страх*.

Вслед за В.А. Масловой, под концептом мы понимаем обусловленные культурой основные элементы картины мира, которые обладают значимостью и для языковой личности, и для лингвокультурного сообщества [6, с. 51].

Эмпирические данные сравниваемых языков достаточно показательны, чтобы прийти к убеждению в том, что в содержании идиомы не всегда реализуются все свойства или особенности концепта *страх*. В речи реализуется один из смысловых признаков. Почти всегда для репрезентации ужаса, испытываемого одним и тем же человеком / животным, имеет место применение группы идиом, в которых реализуются ряд гомогенных признаков.

Осетинским лингвосознанием с целью маркировки реакции субъекта во время испытывания страха, а также идиом со смысловым признаком «*на грани жизни и смерти*» используется имя типично осетинского концепта *уд* ‘душа’, который представлен наиболее широко (18 ФЕ): *уд атаыхын* ‘душа в пятки’; *досл.* душа улетела; *уд атаыхын кæнын* ‘напугать’, ‘душа в пятки’; *досл.* ‘вспугнуть душу’, ‘заставить душу улететь’; *уд ауайын* ‘душа вон’, ‘душа отлетела’, ‘сердце в пятки ушло’; *досл.* ‘душа ушла’; *уд ауайын кæнын* ‘напугать’; ‘душа в пятки’;

досл. ‘прогнать чью-либо душу’; *удаей мидæг ницыуал аззайын* ‘очень напугать’, ‘испугаться’; досл. ‘души не осталось’ (в теле), ‘душа в пятки ушла’; *уд удыл нæ хацын* досл. ‘душа не держится за душу’; *уд дзы нал аздад* ‘душа в пятки’; досл. ‘в нем души не осталось’.

По представлению осетинского лингвосознания, наверное, как и любого другого, душа является эпицентром чувств индивидуума, она весьма восприимчива к происходящему, и во время испуга по ощущениям человека, как бы вылетает из тела из самой дальней от головы точки – пятки: *уд къæхты бынæй фæцæйтæхт* ‘душа ушла в пятки’, ‘чуть душа не отлетела’; досл. ‘душа чуть из-под ног не отлетела’. Душу осетины также наделяют эквилибристическими качествами: *уд æрдуйыл лæууын* – ‘испытывать сильный страх’, досл. ‘душа на волоске’.

С вокабулой *уд* в осетинском языке есть значительная группа ФЕ, аналогов которым в английском языке не найдено.

Смысловый признак «**изменение цвета лица**» занимает второе место по количеству ФЕ (9 осетинских ФЕ и 7 английских): *урс хацъылау ныфæлурс уын* ‘побледнеть как белая ткань’; *туджы цъыртт нал уын* ‘побледнеть от страха’; досл. ‘ни капли крови не осталось’; *хуыз аныхъуырын* ‘побледнеть от страха’; досл. ‘проглотить свой цвет’; *хуыз мидæг нал уын* ‘побледнеть от страха’; досл. ‘цвета не остаться внутри’; *хуыз нал зайын* ‘побледнеть от страха’; досл. ‘цвета не остаться’; *хуыз лидзын* ‘побледнеть от страха’; досл. ‘цвет сбежал’; *хуыз сафын* ‘побледнеть от страха’; досл. ‘потерять цвет’; *хуыз фæцæуын* ‘побледнеть от страха’, досл. ‘выцвести’; *ацъæхтæ-буртæ уын* ‘пойти пятнами’ (от страха); досл. ‘позелено-желтеть’. По этим ФЕ можно определить, что осетины наделяют испуганного человека эпитетами *бесцветный, белый, желто-зеленый*.

Исследование идиом цветовой дифференциации, актуализирующих концепт страх, говорит о том, что в английском языке названное чувство репрезентируется преимущественно через белый и черный цвета: *be as white as the driven snow* ‘белый как снег’; *to be (to look) pale / white around the gills* ‘иметь нездоровый, бледный вид’; *as white as a ghost* ‘бледный как привидение’; *black fear* ‘ужас, сильный страх’. Встречаются также желтый и синий цвета; *yellow-livered person* ‘трусливый человек’; *to be in a blue funk* ‘быть в панике’.

В сопоставляемых языках страх передается также через метафорические фразеологические единицы, содержащие в качестве смыслообразующего компонента образы животных, которых человек считает трусливыми. Данные ФЕ актуализируют смысловой признак «анималистические повадки» (9 английских ФЕ и 3 осетинских ФЕ).

В осетинском языке символом трусости считается заяц: *тæрхъусау тæппуд* 'труслив как заяц', *тæрхъусау ныййарц уын* 'улепетывать как заяц'. В английском выражении *to run like a deer* 'убегать как олень' – признак, положенный в основу значения «бегать быстро как олень», является не столько символом трусости, сколько осторожности и способности быстро избежать опасности [3, с. 162].

У предков осетин саг «олень» был тотемным животным, и является символом благородства, не трусости. Эпитет *сагсур* осетинском языке 'нагоняющий оленя' – синоним удали и бойкости. *Сагсур* – ос. 1) преследователь оленя; 2) быстроногий; 3) энергичный, темпераментный [2, с. 362]. Об этом свидетельствуют и наши пословицы и поговорки: о статном, красивом человеке осетины говорят *саг сæгуыты хуызæн досл.* 'красив, как олень/косуля', *Сагсур лæппу – хъæубæсты фидыц* 'Энергичный парень – краса/гордость села'; *Сагсур лæппу – фарны гуырð* 'Энергичный парень рожден во благо' [4, с. 14].

В английских идиомах отмечается больше названий животных, напр. *to move like a scalded cat* 'бежать как угорелая кошка', чье поведение служит базой аллегоризации концепта **страх**, соответственно, и фразеологических единиц с данным смысловым признаком в английском языке больше, чем в осетинском: *frog* 'лягушка', *mouse* 'мышь', *hare* 'заяц', *deer* 'олень', *chicken* 'цыпленок', *cat* 'кошка'. Ни одно из этих животных (кроме зайца) в осетинском языке символом трусости не является.

В осетинском языке функционирует еще одна пословица, согласно которой символом трусости можно назвать и барсука: *зыгъарæджы каст кæнын* 'смотреть испуганным взглядом'.

Идиоматизация естественного выражения испуга актуальна для обоих сопоставляемых языков. В осетинском языке идиомы довольно равномерно охватывают все части тела. Идиомы *хуылыдз хæцъилы хуызæн суын* 'обмякнуть от страха' (о всем теле), *ризгæ хъæлас* 'дрожащий голос', *къæхтæ ахицæн уын* 'ног не чувствовать', 'парализовать-

ся', *къухтæ ризæгау ризын* 'руки трясутся как при лихорадке' актуализируют смысловой признак «**некомфортные телесные ощущения**» (по 3 ФЕ в каждом из исследуемых языков).

В английском языке наблюдается фреквенция использования некоторых соматизмов. Так, в качестве идиоматического образа англичане употребляют ФЕ со значением «**дрожь во всем теле**»: *to shake /shiver in one's boots* 'трястись от страха' (о всем теле), *to get the shivers* 'трястись от страха' (о всем теле), *to quake /shiver / tremble like a leaf* 'трястись от страха' (о всем теле).

Далее по регулярности употребления идут идиомы со смысловым признаком «**некомфортные осязательные ощущения**» (покалывание, «гусиная кожа», чувство холода (от страха): *to get (have) cold feet* 'холодеть' (о ногах), *to be spine-chilling* 'быть ледящим душу'. Реализация названной реакции на страх имеет место в осетинском и английском языках, однако чаще встречается в английском: *to grow cold with fear* 'похолодеть от страха'; *fear makes his blood freeze* 'от страха кровь в жилах стынет'; *one's blood turned to ice* 'кровь застыла в жилах'; *to get cold feet* 'испытывать страх', *досл.* 'быть с холодными ногами'; *to chill smb's blood* 'напугать кого-л.', *досл.* 'охладить чью-л. кровь'; *to make smb's blood run cold* 'напугать кого-л.', 'заставить испытать чувство ужаса', *досл.* 'заставить чью-л. кровь похолодеть'. В структуре осетинских идиом с семантикой страха в качестве компонента, обозначающего холод, употребляется лексема *уазал/их(æн)* 'холод', 'лед', 'озноб': *буар ихы къæртт фæстын* 'похолодеть', *досл.* 'превратиться в лед' (о теле); *сур хид акæлын* 'обливаться холодным потом', *досл.* 'обливать сухим потом'; *туг ныууазал уын* 'кровь застыла в жилах'.

В исследуемых идиомах репрезентируется и смысловой признак «**трудности иллокуции**» (4 английские ФЕ, 7 осетинские ФЕ). Так, ФЕ *one's tongue glued itself to the roof of one's mouth* 'язык к гортани прилип', 'в горле пересохло', *the voice stuck in throat* 'потерять дар речи', *to have a frog in one's mouth* 'говорить с трудом', *his tongue was swollen with fear* 'сильно испугаться', *досл.* 'у него язык опух от испуга', свидетельствуют о том, что во время испуга человек теряет способность разборчиво произносить слова. Лексемам и идиомам, актуализирующим данный смысловой признак в осетинском языке, нетипична яркая аллегоричность: *æвзаг комы (комы рынджы) æмбæхсын* – 'проглотить

язык»; *досл.* 'прятать язык во рту'; *æвзаг нæ тасын* 'язык не подчиняется'; *досл.* 'язык не поворачивается'; *æвзаг нынныхъуырын* – 'проглотить язык'; *æвзаг ныххауын* 'проглотить язык'; *досл.* 'запасть о языке'; *æвзаг нæ фæразын* 'проглотить язык'; *досл.* 'не мочь поднять'; *æвзаг хурхы нындзыг уын* 'язык не поворачивается', 'язык не подчиняется', 'язык прилип к гортани'; *досл.* 'язык онемел в горле'; *æвзаг хъуыры ныббадт* 'язык не поворачивается', 'язык не подчиняется'; *досл.* 'язык застрял в горле'.

Смысловый признак «**внешние изменения**» представлен тремя ФЕ в английском языке и четырьмя в осетинском: *fear twists one's mouth* 'онеметь от страха', *досл.* 'страх сковал рот'; *to grow white* 'побледнеть'; *to go / turn grey* – 'поседеть'; *сæр сурс уын* 'поседеть'.

Характерным для английской и осетинской лингвокультуры является реификация страха через описание выражения глаз. Известно, что при страхе расширяются зрачки и округляются глаза: *фыр тасæй цæстытæ астыр уын* 'испытать страх', 'глаза навывате'; *досл.* 'глаза стали большими'; *цæстытæ атарытæ уын* 'в глазах потемнело' (от страха); *цæстытæ рабырын* 'испытать страх', 'глаза навывате', *досл.* 'глаза повылазили'; *fear has a hundred eyes* – у страха глаза велики, *досл.* у страха сто глаз.

Обращает на себя особое внимание фонетическое сходство двух компонентов фразеологических единиц *джитæнтæ кæнын* 'не решаться', 'колебаться' (из страха), и *to get the jitters* в значении 'бояться', 'нервничать', 'дрожать от страха'. *Джитын* восходит к иранскому слову в значении *колебаться*, этимология слова *jitters* неизвестна.

Смысловый признак «**мурашки**» представлен только в английском языке (7 ФЕ): *to make flesh creep* 'привести в ужас', 'довести до мурашек'; *fear makes blood creep* 'от страха кровь стынет'; *a cold shiver ran down smb.'s spine* 'холодная дрожь/мурашки пробежали по спине'; *to be spine-chilling* 'быть леденящим душу'; *to give smb jim-jams /shivers /shudders* 'напугать', 'довести до мурашек'; *to make smb's flesh creep / crawl* 'приводить в ужас'; *have (the) heebie-jeebies* 'мурашки по всей коже'.

Страх может привести к необратимым последствиям, и это также находит отражение во фразеологии. Смысловый признак «потеря рас-судка» яркий тому пример (по 2 ФЕ в каждом из исследуемых языков):

to frighten /scare the wits out of someone ‘напугать кого-л. до смерти’, *досл.* ‘до потери рассудка’; *to frighten /scare / living daylight out of someone* ‘напугать кого-л. до смерти’; *фæцæй æрра кæнын* ‘чуть с ума не сойти’; *æрра кæнынмæ бирæ нал хъæуын* ‘чуть с ума не сойти’.

Стоит заметить, что смысловые признаки персонифицированности и опредмеченности страха – развернутые метафоры – имеют место быть преимущественно в составе английских идиом: *fear has a hundred eyes, fear took his breath away; to put fear in somebody’s heart; уæнгты мигъ бадын досл.* ‘в органах (частях тела) засел туман’; ‘страх в организме’; *тæс уæнгты бацæуын досл.* ‘в органы (части тела) зашел страх’; *уæнгты мигъ бадын/бацæуын* ‘внушить сильный страх’.

В процессе сопоставительного анализа было рассмотрено 88 ФЕ осетинского и 90 ФЕ английского языка, репрезентирующих концепт страх.

Выявление аналогов и отличий национальных фразеологических парадигм в лингвосознании разных народов способствует лучшему взаимопониманию в процессе культурной интеграции. Исследование идиоматизированных словесных кодов, выступающих в качестве репрезентантов концепта «страх», выявление их универсальных атрибутов и идиоэтнических характеристик имеет принципиальную важность для выявления природы и дескрипции чувственной стороны языковой картины мира.

Библиографический список

1. Бабаскина О.В. Зоосемантические фразеологические единицы в современном английском языке (лингвокультурный и прагматический подходы): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Белгород, 2002. 25 с.
2. Гуриев Т.А. Осетинско-русский словарь. 5-е издание. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.
3. Кириллова Н.В. Концепт «страх» в контексте английской и русской лингвокультур // Сопоставительное изучение разнотипных языков: научный и методический аспекты: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Чебоксары 24-26 октября 2006 г. Т. 1. 187 с.
4. Кочиева Д.А. Реконструкция образа оленя-тотема в языковой картине мира осетин. Язык как отражение духовной культуры народа. Материалы Международной научной конференции 18-20 октября 2018 г., Архангельск: «КИРА», 2018, стр 13-17.

5. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 945 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология [Linguoculturology]. М.: Академия, 2001. 208 с.
7. Телия В.Н. Метафора и символ во фразеологических единицах // Фразеология в контексте культуры // М.: Языки русской культуры, 1998. С. 63-69.
8. Айларты И., Гæджынаты Р., Кцойты Р. Ирон диссагтæ æмæ æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2006. 712 с.
9. Дзабиты З. П. Фразеологический словарь осетинского языка. Цхинвал: «ХИПУ», 2018. 600 с.
10. Кобылты Ч. Хæзнадон. Æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу: 2008. 616 с.
11. Хъазиты М. Ирон хæзна. Æмбисæндтæ. Цхинвал: Цыкура – Дзæуджыхъæу: Орион, 2013. 350 с.

References

1. Babaskina, O.V. (2002). Zoosemanticheskie frazeologicheskie edinicy v sovremennom anglijskom yazyke (lingvokul'turnyj i pragmaticeskij podhody) [Zoosemantic Phraseological Units in Modern English (Linguocultural and Pragmatic Approaches)]: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Belgorod. (In Russ.).
2. Guriev, T.A. (2004). Osetinsko-russkij slovar' [Ossetian-Russian Dictionary]. 5-e izdanie. Vladikavkaz: Alaniya.
3. Kirillova, N.V. (2006). Koncept «strah» v kontekste anglijskoj i russkoj lingvokul'tur // Sopostavitel'noe izuchenie raznotipnyh yazykov: nauchnyj i metodicheskij aspekty [The Concept of “Fear” in the Context of English and Russian Linguistic Cultures // Comparative Study of Different Types of Languages: Scientific and Methodological Aspects]: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., g. Cheboksary 24-26 oktyabrya, v. 1. (In Russ.).
4. Kochieva, D.A. (2018). Rekonstrukciya obraza olenya-totema v yazykovej kartine mira osetin [Reconstruction of the Image of the Deer-Totem in the Ossetian Linguistic Picture of the World]. Yazyk kak otrazhenie duhovnoj kul'tury naroda. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 18-20 oktyabrya, Arhangel'sk: «KIRA». Pp. 13-17 (In Russ.).
5. Kunin, A. V. (1984). Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' [English-Russian Phraseological Dictionary]. М.: Russkij yazyk, 1984. 945 p.

6. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya*. M.: Akademiya. (In Russ.).
7. Teliya, V.N. (1991). *Metafora i simbol vo frazeologicheskikh edinicah // Frazeologiya v kontekste kul'tury [Metaphor and Symbol in Phraseological Units // Phraseology in the Context of Culture] // M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. Pp. 63-69. (In Russ.).*
8. Ajlarty I., Gædzhynaty R., Kcojty R. (2006). *Iron dissægtæ æmæ æmbisændtæ [Ossetian Proverbs and Sayings]. Dzæudzhyh"æu: Ir. (In Osset.).*
9. Dzabity, Z. P. (2018). *Frazeologicheskij slovar' osetinskogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Ossetian Language]. Ckhinval: «HIPU». (In Osset.).*
10. Kobylty, Ch. (2008). *Hæznadon. Æmbisændtæ [Treasury. Proverbs.]. Dzæudzhyh"æu. (In Osset.).*
11. H"azity, M. (2013). *Iron hæzna. Æmbisændtæ [Ossetian Treasury. Proverbs.]. Ckhinval: Cykura – Dzæudzhyh"æu: Orion. (In Osset.).*

Сведения об авторе

Кочиева Диана Ахсаровна, доцент кафедры английского языка ЮОГУ, РЮО, Цхинвал. E-mail: diana_coshty@mail.ru.

About the author

Kochieva Diana Akhsarovna, associate Professor, Department of English South Ossetia State University. Tskhinval, Republic of South Ossetia. E-mail: diana_coshty@mail.ru.

УДК 372.882

Фардзинова М. Д.
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ПОЭТИЧЕСКИХ
СТИХОТВОРЕНИЙ РУССКИХ И ОСЕТИНСКИХ АВТОРОВ
(НА ОСНОВЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ТАЙМУРАЗА ХАДЖЕТЫ «БОГ»
И СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА «МНЕ ОСТАЛАСЬ ОДНА ЗАБАВА...»)

Fardzinova M. D.
THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT IN THE STUDY
OF POETIC TEXTS IN HIGH SCHOOL (USING THE EXAMPLE
OF THE POEM BY TIMURAZ KHADZHETA “GOD”
AND SERGEI YESENIN “I HAVE ONLY ONE FUN LEFT...”)

***Аннотация.** Данное исследование посвящено творчеству двух известных авторов, которые жили в разное время, несмотря на это, тематика их произведения во многом перекликается. Так, например, при внимательном прочтении ряда стихотворений поэтов, можно провести параллели, раскрывающие индивидуальность и самобытность каждого поэта. На примере двух стихотворений «Бог» и «Мне осталась одна забава...» автор исследования проводит сравнительный анализ и описывает формы и приемы работы, которые могут быть использованы учителем на уроках русского языка и литературы в старшей школе в процессе изучения творчества Таймураза Хаджеты и Сергея Есенина в сравнительно-сопоставительном аспекте.*

***Ключевые слова:** сравнительно-сопоставительный анализ произведений, методический аспект изучения стихотворений на уроках русского языка и литературы в старшей школе, текстовая деятельность на уроках русского языка и литературы в школе.*

***Abstract.** This study is devoted to the work of two famous authors who lived at different times, but despite this, the subject matter of their work has much in common. So, for example, when carefully reading a number of poems by poets, one can draw parallels that reveal the individuality and originality of each poet. Using the example of two poems “God” and “I have only one fun left ...”, the author of the study conducts a comparative*

analysis and describes the forms and methods of work that can be used by a teacher in the lessons of Russian language and literature in high school in the process of studying the work of Taimuraz Khadzhetta and Sergey Yesenin in a comparative aspect.

Key words: *comparative analysis of works, methodical aspect of studying poems at the lessons of Russian language and literature in high school, textual activity at the lessons of Russian language and literature at school.*

Модернизация современного образования ставит перед учителем различные задачи, одна из них – формирование у обучающихся речевой и языковой компетенции. Современному обществу нужны кадры, владеющие словом, способные вести дискуссию, творчески включаться в процессы межличностной коммуникации.

В связи с этим преподавателю в процессе методической работы на основе текста необходимо поставить главную цель: научить учащихся воспринимать художественный текст, анализировать его и на основе этих наблюдений создавать собственные связанные высказывания. В данном аспекте нас интересует язык художественных произведений, так как именно он может стать действенным проводником, позволяющим помочь вдумчивому читателю проникнуть в мир автора, рассказать о нем такие вещи, о которых он сам и не догадывается.

Вопросы речевого развития обучающихся не раз становились предметом изучения в области лингвистики текста и методики обучения: Е.С. Антонова, Л.Г. Антонова, Е.В. Архипова, М.Т. Баранов, Т.Г. Бирюкова, Т.М. Воителева, А.Д. Дейкина, Т.К. Донская, А.П. Еремеева, В.И. Капинос, Т.А. Ладыженская, Е.И. Никитина, С.И. Львова, Е.И. Пассов, Л.А. Ходякова и мн. др. Большинство исследователей сходятся в том, что именно работа над текстом (текстовая деятельность) на уроках должна стать эффективным средством речевого развития школьников.

И действительно, в языке заключено всё интеллектуальное богатство каждой нации, ее философия и эстетика, этика и миропонимание, та как «язык – не просто средство коммуникаций, но и средство самопознания и самовыражения, язык – это удостоверение личности и удостоверение нации» [9].

Отражая мир человека и его культуру, язык выполняет еще одну неопенимую функцию: хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную, чтобы не сказать решающую, роль в формировании не только личности обучающегося, но и национального характера, самосознания [12, с. 80].

Известно, что в любой культуре выделяются универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы, находящие отражение в языке, например, в каждой культуре порицается жадность, трусость, предательство, скупость и т.д. Вместе с тем, для каждой культуры присущи параметры, которые будут «своеобразными ее координатами. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками» [9, с. 93]. Для подтверждения данной мысли обратимся к поэтическим текстам двух известных поэтов: Сергея Есенина «Мне осталась одна забава...» и Таймураза Хаджеты «Бог».

Как мы знаем, стихотворение произведение – это сплав мига и вечности, момент настоящего, в котором оно протекает как движение чувств, и вся суть человека, история его отношений с миром. Стихотворное произведение требует читательского присоединения к лирическому герою, эмоционального вхождения в ситуацию произведения. Обучающиеся должны разглядеть и осмыслить весь мир поэта, озаренный этой мгновенной вспышкой.

Однако при чтении и анализе стихотворных текстов, у обучающихся могут возникать определенные трудности. Как правило, ученики либо не откликаются на проблему и ситуацию стихотворения, либо подменяют их своим жизненным опытом, который пока скуден и не так хорошо развит и осмыслен ими.

<i>Сергей Есенин</i> <i>Мне осталась одна забава...</i> Мне осталась одна забава: Пальцы в рот – и веселый свист. Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист. Ах! какая смешная потеря! Много в жизни смешных потерь. Стыдно мне, что я в бога верил. Горько мне, что не верю теперь.	<i>Таймураз Хаджеты. Бог</i> Коль почитают совесть за бесчестье, В достоинство лишь наглость возводя, То, видно, бог, не на своем ты месте, Не надобно такого нам вождя. Кто трудится и честно, и умело, Тому не воздается по труду. Зато льстецы повсюду лезут смело, И сплетни повседневные в ходу.
---	--

<p>Золотые, далекие дали! Все сжигает житейская мреть. И похабничал я и скандалил Для того, чтобы ярче гореть. Дар поэта – ласкать и карябать, Роковая на нем печать. Розу белую с черною жабой Я хотел на земле повенчать. Пусть не сладились, пусть не сбылись Эти помыслы розовых дней. Но коль черти в душе гнездились – Значит, ангелы жили в ней. Вот за это веселие мути, Отправляясь с ней в край иной, Я хочу при последней минуте Попросить тех, кто будет со мной, – Чтоб за все за грехи мои тяжкие, За неверие в благодать Положили меня в русской рубашке Под иконами умирать. 1923 г.</p>	<p>Да, лесьте удобна. Правда – неудобна. Но я не стану разлучаться с ней... Жизнь на земле, пожалуй, сну подобна, Но только радостнее и грустней.</p> <p>Всем сердцем я земле родимой предан, Без горных круч мне доли не видать. Здесь жил и умер мой далекий предок. И мне здесь жить. И здесь мне умирать.</p> <p><i>Перевод с осетинского языка Дмитрия Ушакова</i></p>
--	---

В первую очередь, обращает на себя внимание стиль каждого автора и язык, которым написаны эти произведения.

Поэты нарисовали свое миропонимание и передали читателю собственную философию. Данные поэтические тексты предстают перед внимательным читателем в виде открытого пространства, которое вообрало в себя все мироощущение поэтов. Поэтому для постижения мира поэта целесообразно, особенно в старшей школе, изучать стихотворение в контексте всего творчества автора, обнаруживать связи отдельного стихотворения с его мироощущением, своеобразием его поэтической манеры.

Например, на первом этапе после того, как школьники познакомились с биографиями двух авторов, можно предложить им проанализировать следующую таблицу и сравнить, что сближает поэтов в их творчестве и жизни.

<p>Таймураз Хаджеты Родился 1 марта 1945 г. в селе Ногауа Южной Осетии. В 1964 г. окончил среднюю школу в г. Цхинвал и был призван на действительную службу в Советскую Армию, служил в пограничных частях в г. Багуми. В 1968 г. Хаджеты поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. С 1985 г. поэт работал руководителем литературного объединения молодых авторов при Северо-Осетинском обкоме ВЛКСМ. Член Союза писателей СССР с 1979 года. Стихи Хаджеты печатались в местной и центральной периодической печати с 1968 года. Скончался поэт в 1996 году.</p>	<p>Сергей Есенин Родился Сергей Есенин 3 октября 1895 года в селе Константиново Кузьминской волости Рязанского уезда Рязанской губернии, в крестьянской семье. Впервые стихи Есенина появились в московских журналах в 1914 г. В 1915 г. он едет в Петроград, знакомится там с А. Блоком, С. Городецким, Н. Клюевым и другими поэтами. Вскоре выходит первый сборник его стихов – «Радуница». Сотрудничал в эсеровских журналах, напечатал в них поэмы «Преображение», «Октоих», «Инония».</p>
<p>Творчество Т. Хаджеты писал стихи о жизни и созидательном труде своего современника, о патриотизме советских людей, о дружбе народов нашей страны. Поэт обращается и к истории своего народа, к событиям Великой Отечественной войны; стихи-раздумья о мире на земле, об извечном противоборстве добра и зла – наиболее характерные черты поэзии Т. Хаджеты. Пейзажные стихи поэта отличает яркость образного ряда, соотнесённость природы с жизнью и судьбой человека. Т. Хаджеты переводил на осетинский язык произведения мировой и русской классики.</p>	<p>Творчество Лучшие произведения Есенина ярко запечатлели духовную красоту русского человека. Признан как тончайший лирик, красоте русского пейзажа. Сергей Александрович Есенин прожил очень короткую, но плодотворную жизнь. Его произведения актуальны сегодня. Учат любви, побуждают к размышлениям о духовной жизни.</p>

Даже небольшой аспектный анализ творчества двух авторов свидетельствует о том, что каждый из них отобразил в своем творчестве самое главное, что способно затронуть струны души читателя – это любовь к жизни, ко всему, что зовется Родиной: земля, культура, народ, история и традиции, составляющие основу того, чтобы человек чувствовал себя частицей этого большого и незыблемого.

Следующий этап – выразительное чтение с учениками стихотворений. После прочтения, подводим обучающихся к тому, что в изучаемых произведениях схожи мотивы, но, в то же время, разнообразны философские миры авторов.

Чтобы учащимся было легко понять идею каждого стихотворения и замысел поэтов, учитель может, например, предложить обучающимся следующий алгоритм анализа:

1) определить, с какой целью написано (авторский замысел) произведение, что подтолкнуло автора к его написанию;

2) выяснить, какие исторические и социальные предпосылки повлияли на написание текста;

3) отделить главную информацию текста от второстепенной (фоновой), понять, что в тексте может толковаться как факт и что как мнение, что относится к действительности, а что к вымыслу, что является общим, конкретным, частным;

4) в процессе анализа, сравнения и сопоставления выявить, какие языковые средства, примы, способы позволили автору воплотить замысел и донести его до читателя;

5) при помощи стилистического анализа определить целесообразность употребления поэтом того или иного слова в связке с другими синтаксическими конструкциями: словосочетаниями, предложениями, тексте.

Поэтапная методическая работа с поэтическим текстом позволит старшеклассникам адекватно воспринимать текст, расширив его границы, которые зачастую воспринимаются школьниками как ряд графических образов. Задача учителя при этом заключается в том, чтобы помочь старшеклассникам расшифровать текст с закодированной в ней поэтом информацией.

Такой подход в изучении поэтического текста направлен не на «поверхностное» прочтение, а на его глубокий и содержательный анализ на уровне лексики, синтаксиса и стилистики. Все это поможет обучаю-

щимся понять замысел поэтического текста, а также увидеть роль каждой лексемы в отдельно взятом контексте (четверостишие).

Еще в 1971 году известный теоретик-литературовед М.С. Каган отмечал, что «сюжет есть в любом произведении, но характер его разный» [2, с. 470]. И действительно, оба автора обращаются к Создателю для того, чтобы найти ответы на самые трудные, а иногда и неразрешимые вопросы.

По форме каждое стихотворение напоминает внутренний диалог поэтов с Богом. При этом в текстах нет ни одного вопросительного предложения. Поэты задают такие вопросы, которые не требуют ответов, так как на многие из них они нашли ответы, прожив яркую и интересную жизнь. Можно сказать, что это исповедь-откровение с Богом. Обращаем внимание учащихся на то, что и у Сергея Есенина, и у Таймураза Хаджеты **Ты**, обращенное к Богу, – это своего рода их ответ на зов, который на протяжении всей жизни они, возможно, не всегда слышали, но чувствовали: «подлинный диалог человека с Богом безмолвен, но он порождает речь» [9, с. 89].

На этом этапе целесообразна работа старшеклассников со словарями. Цель словарной работы заключается в том, чтобы найти и выписать из словарей и сравнить существующие толкования слова «Бог», определить, в чем их сходство, отличие, а также выяснить, какое из выписанных определений наиболее полно отображает отношение поэтов к Создателю мира.

В различных словарях мы находим следующие толкования этого слова.

1. Бог (*славянск.* – *наделяющий богатством; древне-иранск. бага – господин, участь; древнеиндийск. bhaga – удача, счастье, дарующий; лат. deus; греч. theos; индийск. deva – светить, сиять, однокоренное от div; греч. theos; лат. deus*) – одно из ключевых религиозных понятий, означающее некую объективированную сверхъестественную сущность, являющуюся объектом поклонения [5].

2. Бог, в славянской мифологии название божества и доли, счастья, которое оно может дать человеку (родственно названию богатства и т.п.); противопоставляется небогу, обездоленному [10, с. 177].

3. Бог (*Gott, лат. deus, греч. theos*) – высший предмет веры, рассматриваемый в мифологии и религиях большей частью как всеобъемлю-

щая личность, считается сущностью, наделенной «сверхъестественными», т. е. необыкновенными, свойствами и силами; в самом широком смысле – сущность, наделенная всеми совершенствами [13].

Практические все описанные выше характеристики, мы находим и в трактовке Кочиева Х., который отмечает, что «самую высшую ступень осетинского религиозного пантеона занимает Создатель – Хуыцау, обитающий на небе и являющийся «единым, бесконечным, всемогущим, всеведущим и вездесущим» [6].

<i>У Сергея Есенина:</i> Ах! какая смешная потеря! Много в жизни смешных потерь. Стыдно мне, что я в бога верил. Горько мне, что не верю теперь.	<i>У Таймураза Хаджеты:</i> <i>Коль почитают совесть за бесчестье,</i> <i>В достоинство лишь наглость возводя,</i> <i>То, видно, Бог, не на своем ты месте,</i> <i>Не надобно такого нам вождя.</i>
--	---

У Сергея Есенина Бог – это нечто неизведанное, тайное и, в то же время, несущее высшую истину, а с другой стороны – существо, способное как даровать нечто человеку, одарить его, в том числе и талантом, так и лишитъ всего. Русский народ вкладывает в понятие Бога нечто иное: непознаваемое, таинственное, вбирающее в себя представления о душе, соборности, доброте, открытости, сердечности.

Таймураз Хаджеты так же, как Сергей Есенин, относится к Богу как к небожителю, но в то же время, открыто и не боясь, может указать ему на несправедливость, которая существует на земле в виде «бесчестья», «наглости». Оба автора хотят обратить внимание Создателя на то, что, обладая сверхъестественной силой, он не наказывает самые плохие человеческие пороки: *злость, распутство, лень, праздность, уныние, гордыня, зависть, алчность* и др. Поэты осознают, что вера в справедливость не всегда может спасти жизни, и от этого каждый из них испытывает горечь и даже разочарование.

Авторы строк ищут гармонию, но не могут найти. Так, например, С. Есенин сожалеет, что стал неверующим. Ярким подтверждением являются его строчки о том, что, несмотря на все «*грехи тяжкие*», в его душе «*гнездились*» не только черти, но и ангелы. А в завершении своей исповеди поэт просит:

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,

*Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, –
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Именно в этом противоречивом заявлении заложен глубокий философский смысл произведения Есенина. Несомненно – это, своего рода, искупление поэта во всех его грехах, которые он совершил и о которых он пишет в начале стихотворения:

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.*

Данные строчки являются наглядным примером того, что поэт сильно тоскует о чём-то, что ему так и не удалось отыскать, и что было для него очень родным.

Также следует обратить внимание учащихся на частое употребление С. Есениным слов с основой *жизнь*:

- 1). *Много в **жизни** смешных потерь.*
- 2). *Золотые, далекие дали! Все сжигает **житейская** мреть.*
- 3). *Но коль черти в душе гнездились –Значит, ангелы **жили** в ней.*

Несомненно, автор хотел жить и писать свои прекрасные стихи. Думал ли он о ранней смерти? Конечно, нет.

Только лишь в конце стихотворения Есенин один раз употребляет слово «умирать».

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами **умирать**.*

Примечательно, что исследователи русского языка славянское слово **сѣмьгъть** также связывают с древнеиндийской основой **su-** (*благой, хороший*, первоначально – *благая смерть*).

Важно также объяснить школьникам значение словосочетания «*житейская мреть*»: это окружающая рутина, жизнь, которая втягивает, как болото, и губит всё лучшее, что есть в человеке, в которой нет

места таланту, которая сжигает мечты, надежды. Может быть, именно поэтому последняя просьба поэта – умереть под иконами сродни «*бла-гой*» смерти: спокойной, в кругу близких людей. Есенин искал покоя, которого он так и не нашел на земле.

История его жизни в какой-то степени перекликается с темой покоя в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», которая и сегодня остается спорной. Зачитываем учащимся отрывок из романа.

– *Он прочитал сочинения мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты взял с собой мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?*

– *Мне ничего не трудно сделать, – ответил Воланд, – и тебе это хорошо известно. – Он помолчал и добавил: – А что же вы не берете его к себе в свет?*

– *Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий.*

Проводим с учащимися беседу по следующим опорным вопросам:

1. *Как вы считаете, есть ли сходство между главным героем романа М. Булгакова Мастером и поэтом Сергеем Есениным, что их сближает?*

2. *Почему Мастер и Есенин не заслужили света, а только покоя? Можно ли считать дарованный покой хэппи эндом?*

3. *Кому нужен покой? (уставшему).*

4. *От чего устаёт душа? (от страданий).*

Учащиеся совместно с учителем приходят к следующим выводам:

1). *Так же, как Мастер, Сергей Есенин, страдал, и, конечно, души мастеров пера искали покоя.*

2). *Обоих тяготила несправедливость, отсутствие признания от литературных чиновников, которые, если и способны разглядеть дар, то непременно ставят своей задачей «потушить искру».*

3). *Каждый из них жаждал признания от чиновников. В определенный период и у одного, и у другого случается творческий кризис, который проявляется по-разному. Именно здесь и начинается путь двух творческих людей в обратную сторону: от света к покою.*

4). *При решении судьбы Мастера любовь и творчество уравновесили на чаше весов отсутствие веры в Бога. При этом абсолютной истиной и ценностью для Мастера и Сергея Есенина является творчество.*

Таким образом, для обоих «покой» – это компромиссное решение. Это не награда, а беда для творческих людей, так как каждый отказался сделать выбор между добром и злом, светом и тьмой:

*Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней (С. Есенин).*

5). *Настоящий свет – это образ Бога (Иешуа)*. Можно сказать, что Мастеру не хватило сил дойти до Настоящего Света, потому что его измучившаяся душа просила только одного – Покоя, который он и заслужил. Подобно Мастеру, душа Сергея Есенина жаждет покоя после разочарований, потерь и утрат:

*Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.*

Иные взаимоотношения между Богом и творцом (поэтом) представлены в стихотворении Таймураза Хаджеты. Так же, как и С. Есенин, Таймураз Хаджеты не отрицает его существование, так как в начале стихотворения он обращается именно к нему. Но в его обращении есть некий укор Создателю в том, что на земле до сих пор процветает *«бесчестье», «наглость», «льстецы повсюду лезут смело», «сплетни повседневные в ходу»*.

*Кто трудится и честно, и умело,
Тому не воздается по труду.
Зато льстецы повсюду лезут смело,
И сплетни повседневные в ходу.*

Можно сказать, что герой ведет диалог с Богом на равных. И это не удивительно. Являясь потомком нартов, Таймураз Хаджеты не боится вступать в честный разговор и открыто говорит с Богом на самые животрепещущие темы:

*Коль почитают совесть за бесчестье,
В достоинство лишь наглость возводя,
**То, видно, бог, не на своем ты месте,
Не надобно такого нам вождя.***

На этом этапе можно, например, обратить внимание старшеклассников на сюжет Нартского эпоса о гибели нартов:

Так прожили они еще один год. А потом сказали друг другу:

– *Что ж это делаем мы? Ведь сами мы дали согласие Богу: чем бесславная жизнь, лучше гибель со славой. – Тут каждый из них вырыл себе могилу и бросился в нее.*

Так пришел конец прославленным нартам.

Хуыцау (Бог) увидел, что нарты возомнили себя равным ему и проклял нартов за их гордыню. В конце концов, Хуыцау (Бог) погубил нартов, поставив их перед единственным выбором избрать *вечную жизнь* или *вечную славу*. Отказавшись от вечной жизни ради вечной славы, нарты обрели себя на исчезновение с лица земли.

И если в романе М. Булгакова выбор стоит между Светом или Вечным Покоем, то у героя стихотворения Таймураза Хаджеты выбор, как и у его предков – нартов между *вечной жизнью, которая похожа на сон:*

Да, лезть удобна. Правда – неудобна.

Но я не стану разлучаться с ней...

Жизнь на земле, пожалуй, сну подобна,

Но только радостнее и грустней.

Или вечной славой (жить, сгорая; бороться, как и предки-нарты за правду, справедливость, честь):

Всем сердцем я земле родимой предан,

Без горных круч мне доли не видать.

Здесь жил и умер мой далекий предок.

И мне здесь жить. И здесь мне умирать.

Общим для нартских героев и лирического героя Т. Хаджеты является их беззаветный героизм и этическое (достойное поведение, аэгдау). Главные черты, которые им присущи – это гордость, независимость и свободолюбие, сопряженное с беззаветным героизмом и всяческим презрением к смерти, а также и проявления рыцарства в *бою* и *быту*. Именно это порождает к ним симпатию, которая длится сквозь века и тысячелетия, вплоть до наших дней.

Лирический герой Таймураза Хаджеты – романтик и земной человек, который, живя на ней, хочет, чтобы кругом царили доброта, справедливость, правда, любовь, честный и благородный труд, свободное творчество. При этом любовь в понимании Т. Хаджеты – это очень широкое, а не узкое понятие. Основу ее составляет абсолютное восхищение своей родной землей, народом, который трудится на ней честно и праведно многие столетия:

*Всем сердцем я земле родимой предан,
Без горных круч мне доли не видать.
Здесь жил и умер мой далекий предок.
И мне здесь жить. И здесь мне умирать.*

Использованные авторами контрастные образы, помогают читателю раскрыть замысел поэтов. Так, например, С. Есенин для наиболее полной передачи чувств использовал различные средства художественной выразительности, среди которых встречаются эпитеты – «золотые дали», «розовые дни»; метафоры – «ярче гореть», «ласкать и карябать» (душу); противопоставление: «розу белую с чёрной жабой ... повенчать»; антонимы: *ангелы-черти, белый-чёрный и др.*

У Таймураза Хаджеты все построено на противопоставлении и контрасте: *совесть – бесчестье, удобна – неудобна, радостнее – грустней, жил – умер*; контекстные синонимы: *лесть – правда*. Односоставные предложения, которые часто использовал Т. Хаджеты, помогают ему передать внутреннее состояние лирического героя, дают читателю возможность самостоятельно додумать, довоображать, представить всю картину в целом:

- 1). *Да, лесть удобна. Правда – неудобна.*
- 2). *И мне здесь жить. И здесь мне умирать.*
- 3). *Не надобно такого нам вождя.*
- 4). *Без горных круч мне доли не видать.*

Благодаря односоставным предложениям создается ощущение недосказанности. А между пропущенных слов Таймураз Хаджеты смог зашифровать самые важные мысли, не сказанные им в строчках стихотворения, предоставив читателю возможность самому расшифровать их.

Поиски движения лирической мысли должны привести обучающихся к тому, что текст стихотворения – это единый и бесконечный в своих возможностях мир. Основная задача учителя в процессе изучения стихотворения – показать школьникам, что поэтический текст – это особый вид текста, где каждое слово не случайное явление, что это динамическая система, в которой все взаимосвязано, взаимозависимо на уровне фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса.

Таким образом, изучение поэтических стихотворений в школе наделено целым рядом специфических качеств, вне которых контакт обучающихся с творчеством автора может не состояться.

Библиографический список

1. Головлева Е. Л. Основы межкультурной коммуникации. Ростов н/Д: Феникс. 2008. С. 117.
2. Каган М. С. Избранные труды: работы по общим проблемам философии, культурологии, эстетики и теории отдельных искусств, истории культуры и искусства, художественной критики: монография: в 7 томах. Серия «Культурология. Философия». Санкт-Петербург: Петрополис. 2013. 692 с.
3. Калькова О. В. Концепт Бог в русской языковой картине мира (основные компоненты) // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 1. С. 89–92.
4. Камболов Т.Т. К какому храму ведёт осетинская дорога? [Электронный ресурс] // История Осетии и осетин. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZGiQUBEqSzYceVm4> (дата обращения: 14.07.2023 г.).
5. Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация». 2009. 1248 с.
6. Коцты Х. Архаические корни мировоззрения осетин (продолжение, начало в № 24-25, 28-29) // Газета «Республика». 21 апреля. 2017.
7. Коцты Ю. Ердхæрæны зарæг (Песнь Чародея) / Изд-во ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева. 2020. 372 с.
8. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. редактор С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. А-К. С. 177.
11. Сергей Есенин. Стихотворения. Серия Собрание больших поэтов. М.: Эксмо, 2022. 352 с.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2000. С. 79 – 80.
13. Философский словарь [Пер. с нем.] Под ред. Г. Шишкоффа. Издательство М.: Иностранная литература, 1961.
14. Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f70f8ccc75ac39670f0df6> (дата обращения: 01.08.2023 г.).

References

1. Golovleva E. L. Fundamentals of intercultural communication. Rostov n/a: Phoenix. 2008. S. 117.
2. Kagan M.S. Selected works: works on general problems of philosophy, cultural studies, aesthetics and theory of individual arts, history of culture and art, art criticism: monograph: in 7 volumes. Series “Cultural Studies. Philosophy“. St. Petersburg: Petropolis, 2013. 692 s.
3. Kalkova O. V. Concept God in the Russian language picture of the world (main components)//Bulletin of the Central Moscow State University. 2009. № 1. S. 89-92.
4. Kambolov T.T. To which temple does the Ossetian road lead? [Electronic resource]//History of Ossetia and Ossetians. Access mode: <https://dzen.ru/a/ZGiQUBEqSzYceVm4> (accessed 14.07.2023).
5. Kasavin I.T. Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. M: “Canon +” ROOI “Rehabilitation.” 2009. 1248 s.
6. Kotsy Kh. Archaic roots of the Ossetian worldview (continuation, beginning in No. 24-25, 28-29)//Newspaper “Republic.” April 21. 2017.
7. Kotsy Yu. Ærdhæræna zaræg (Song of the Sorcerer)/Publishing House of OJSC V. Gassiev Publishing and Printing Enterprise. 2020. 372 p.
8. Leontiev A.N. Psychology of image//Bulletin of Moscow State University. Ser. 14. Psychology. 1979. № 2.
9. Maslova V.A. Linguoculturology: a textbook for students of higher educational institutions. M.: Academy Publishing Center, 2001. 208 s.
10. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. (In 2 volumes). Ch. editor S.A. Tokarev. M.: Soviet Encyclopedia, 1987. T. 1. A-K. S. 177.
11. Sergey Yesenin. Poems. Series Collection of great poets Publishing house: “Eksmo.” 2022. 352 s.
12. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication: a textbook for students on special. “Linguistics and Intercultural Communication.” M.: Word, 2000. S. 79 – 80.
13. Philosophical Dictionary [Trans. with him.] Ed. G. Shishkoff. Publishing house M.: Foreign literature, 1961.
14. Electronic Library of the IF RAS “New Philosophical Encyclopedia” <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f70f8ccc75ac39670f0df6> (circulation date: 01.08.2023).

Сведения об авторе

Фардинова Мадина Дзибусовна, проректор по научно-методической работе ГБОУ ДПО СОРИПКРО, кандидат педагогических наук, доцент, г. Владикавказ, Россия. E-mail:: mady-1976@mail.ru.

About the author

Fardzinova Madina Dzibusovna, vice-rector for Scientific and Methodological Work of GBOU DPO SORIPKRO, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vladikavkaz, Russia. E-mail: mady-1976@mail.ru.

УДК 81'27 (470.64)

Цеева З. А.
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ПРИЗНАКОВ ЗООНИМОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ

Ceeva Z. A.
SPECIFICITY OF THE REPRESENTATION OF ANTHROPOLOGICAL
FEATURES OF ZOONYMS IN KABARDINO-CIRCASSIAN
PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIAS

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются национально – специфические особенности зоонимов, выраженные в ФЕ и паремиях кабардино-черкесского языка, репрезентирующие положительные и отрицательные характеристики человека.*

***Ключевые слова:** зооним, фразеологизмы, паремии, культурные коды, национально-языковое сознание.*

***Abstract.** This article examines the national specific features of zoonyms, expressed in phraseological units and paremias of the Kabardino-Circassian language, representing the positive and negative characteristics of a human being.*

***Key words:** zoonyms, phraseological units, paremias, cultural codes, national-linguistic consciousness.*

Язык любого народа отражает культурные коды, репрезентирующие языковую картину мира того или иного этноса. Наиболее ярким инструментом, эксплицирующим их, являются фразеологизмы, паремии, в которых наиболее ярко воплощается специфика мировосприятия людей. эмпирический опыт каждого народа. Особое место в их структуре занимают зоонимические компоненты. «Анализ зоонимов, в том числе в составе фразеологизмов, позволяет проследить становление когнитивного опыта человека, получить информацию о культуре того или иного этноса, познакомиться с особенностями восприятия и понимания человеком окружающего мира» [1, с. 40-41].

Фразеологизмы и паремии с зооморфизмами тесно являются результатом эмпирического освоения действительности и ее отражения в национально-языковом сознании, а также итогом «когнитивных сложных процедур, в процессе которых на основе известных об окружающем мире знаний репрезентируются новые знания об объектах действительности в вербальной образной форме» [2, с. 106]. Наблюдая за животными, человек фокусировал внимание на их повадках, которые впоследствии соотносил со своим физическим, эмоциональным, интеллектуальным обликом, с морально-этическими особенностями, давал им оценку, таким образом выражая отношение к воспринятым антропологическим признакам. Этим и обусловлено в языке большое количество ФЕ и паремий, ключевыми компонентами которых являются зооморфизмы. В.Н. Телия считает, что «наряду с прямым значением, каждая зоолексема имеет потенциальную коннотацию, то есть в сознании носителей языка она сопровождается специфическими эмоционально-эстетическими ассоциациями» [3, с. 76].

В этой связи мы обратились к теме данного исследования. Материалом послужили более ста ФЕ и паремии кабардино-черкесского языка с зооморфическими компонентами, отобранные методом сплошной выборки из кабардино-русского фразеологического словаря Б.М. Карданова [4]. Они представляют собой результат рефлексии морально-этического опыта и образного мышления адыгов. В работе использован термин «антропологический признак зоонима» – «компонент его семантической структуры метафорической природы, который отражает свойство, качество, признак животного для обозначения человека» [5, с. 4]. Проведенный анализ показал, что 90 % ФЕ и паремий содержат лингвокультурную информацию о положительных и отрицательных нравственных качествах человека.

В работе выделены следующие группы ФЕ и паремий в кабардино-черкесском языке, репрезентирующие

1) положительные ингерентные признаки человека: **заботливый человек** (*адакъэрэ нэт джэджейр егъаихэ* – петух и тот накормит цыплят); **добрый, ласковый человек** (*Бадзэ игъэльэтэнкъым* – букв.: и мухи не заставит взлететь = и мухи не обидит; *Бадзэ тӀыса игъэтэджыркъым* – букв.: севшую муху не заставит взлететь; *Бзу ЛукӀэ къеубыд* – ласковый, добрый); **трудолюбивый человек** (*джэдэрэ нэт*

мэулэпхъацэ – погов.: курица и та землю разгребает (что-то делает); *Вым хуэдэу лъэжсэн* – букв.: работать как вол); **храбрый человек** (*дыгъужыгу шихац* – букв.: съел сердце волка);

2) отрицательные ингерентные признаки человека: **завистливый человек** (*аргъуей зэз, бзу кхъуей, жи* – погов.: он может пожелать желчи комара, да сыра воробьиного); **трусливый человек** (*аслэн – къапэн нэтрэ хъумпэцIэджым цошынэ* – посл.: лвыи и тигры и те муравьев боятся; *бэдзэ къытелгэмэ и цхулгэр йонкI* – букв.: на него насчитит муха – вывих ключицы; *блэ зэуар аркъэнэм цоцтэ* – посл.: ужаленный змеёй аркана боится; *къуаргэ цтар набжгэм цошынэ* – букв.: пуганая ворона куста боится); **хитрый человек** (*Бажэ гъуэм къришыниц* – он и лису выманит из норы; *бажэм и кIэр пIыгъыу тепыхъэ* – погов.: оплакивай лису, держа ее за хвост; *блэр гъуэмбым къреш* – погов.: и змею из норы заставит выйти; *бажэм хуэдэу бзаджэц* – хитрая (ый) как лиса); **ленивый человек** (*Шыдыр фызышэм шраджэм, «пхэ къэхын хуей хъуниц» – жиIац* – погов.: когда осла позвали на свадьбу, он подумал: «видно на свадьбе дров не хватило»; *бэдзэ ецэн* – бить баклуши); **беспомощный человек** (*Ажэбжгэ зэрына зэригэкIынкъым* – букв.: он не разнимет рога дерущихся козлов); **жадный человек** (*бжэным цыкIэ елгэуам нэхей* – подобно тому, кто у козы просит шерсти; *дзыгъуэ нэпсэйр шэм етхэлэ* – жадная мышь в молоке захлебывается); **высокомерный человек** (*бжэн къуийр псым хэлгэмэ, сыцIалэц жеIэ* – погов.: облезая коза, увидев свое отражение в воде, сама себе показала молодую; *цхъэмылыкъуэ хыву и нэр дрегъзэй* – погов.: букв.: задирает нос подобно шалункинскому буйволу; *хъэмлашкIэ къызэрыкIам IуцIэ хуеуцIыж* – погов.: улитка делает презрительную гримасу раковине, из которой только что вышла); **лицемерный человек** (*мэлыфэ зытезыгъэлгэда дыгъужь* – букв.: волк в овечьей шкуре; *джэду жьэгъуху зецI* – прикидывается кошкой = прикидывается невинной овечкой; *джэду хьэдагэм хэт дзыгъуэм хуэдэу, мэгуIэ* – погов.: горюет, подобно мыши на похоронах кота; *къуалэбзуэ къреш* – соловьем заливается); **агрессивный человек** (*хыв бостей пльыжь илгэгуа хуэдэ* – букв.: словно буйвол увидел красное платье; *хэм и губжь кхъуэм цехъэ* – букв.: свинья чувствует злость собаки); *къазыхъум зыхуресэ хэмаскIэм* – букв.: взрослый гусак кидается на щенка; *хэмрэ джэдумрэ хуэдэц* – букв.: как кошка с собакой;; **упрямый человек** (*шыдым хуэдэу ирыцц* –

упрям как осел), **человек, не желающий замечать своих пороков** (*мэ-лыр цыжэм и кIэр дэуеати, бжэныр дыхьэишац* – у бежавшей овцы задралась юбка, что высмеяла коза = в чужом глазу соринку не видеть; *мыцэ дыгъужь фIэбэлацэц* – погов.: букв: медведю кажется, что волк слишком лохмат);

3) положительное социальное взаимодействие: дружеские отношения (*дзыгъуибгъу зэдеIэмэ, кхъуей кIадацхэ трач* – посл.: букв.: если девять мышей потянут, то могут сорвать крышку с кадки сыра; *шыфыр ныбжьээгъуфIым хуэдэц* – посл.: добрый конь – что добрый друг;

4) отрицательное социальное взаимодействие: неуважительное отношение (*вырэ жэмрэ зэхуотэдж* – погов.: вол и корова и те встают из уважения друг к другу); **ссора/разлад** (*яку хьэкъарэ дэжац* – погов.: между ними пробежала черная собака; *хьэмрэ джэдумрэ хуэдэц* – как кошка с собакой); **влияние плохого окружения** (*бжэн къуийр уи па-шэмэ, Iуацхэ удрешей* – посл.: Если вожаком будет паршивая овца, попадешь в беду);

5) внешние признаки человека: грациозность (*бжьо кIуэкIэ* – букв.: с походкой лани (о плавной красивой походке женщины); *къыум хуэдэу и пиэр хэшауэ* – с лебединой шеей (говорят о высоких худошавых людях);

6) материальное состояние человека: богатство (*и дзыгъуэ лъынэ къокI* – Живет припеваючи; *И шыихьэ былым изц* – у него много дохода); **бедность/нищета** (*хьэм щичын цыгъкъым* – погов.: На нем нет одежды и того, что могла бы содрать собака; *хьэр гьэжьын* – терпеть нужду, нищенствовать);

7) умственные свойства человека: глупость (*вырэ жэмрэ хуызхэгъэкIыркъым* – погов.: он коровы от быка не отличит); **наличие интеллекта** (*мы шыр/хьэр цIыхум хуэдэу губзыгъэц* – эта лошадь/собака умная как человек);

8) поведенческие качества животного, например, **навязчивость**: *дыгъужь нэщIам хуэдэу маихэ* – букв.: ест как волк, который постился; *псыдыуэм хуэдэц* – букв.: навязчивый как пиявка; **неуважительность**: *вырэ жэмрэ зэхуотэдж* – погов.: вол и корова и те встают; **сдержанность**: *бэдэ игьэлэтэнкъым* – букв.: и муху не заставит взлететь; **великодушие, доброта**: *дзур IукIэ къеубыд* – букв.: ловит птиц губами

(т.е. человек настолько добр и ласков, что ловит птиц нежными губами); **трусость**: *дыгъужь уццышынэмэ, мээ умыктуэ* – букв.: если боишься волков, в лес не ходи); **неблагодарность**: *хьэмлашкIэ кьызэрыкIам IутиIэ хуецIыж* – улитка делает презрительную гримасу раковине, из которой только что вышла; **самолюбование**: *бжэн кьуйир псым хэпъэмэ, сыцIалэцI жеIэ* – погов.: Облезлая коза, увидев свое отражение в воде, сама себе показалась молодой);

9) **наблюдения человека за характерными повадками животных**, например: *хьэ губзыгъэ цышхэнкьым* – букв.: здесь умная собака не будет есть (адыги заметили характерную особенность поведения умных собак – они не едят там, где грязно); *бжьэрэ нэт я бжьапцIэр яукIыж* – посл.: пчелы и те трутней своих убивают (пчеловоды обратили внимание, что трутни нужны пчелам для оплодотворения матки, после чего пчелы выгоняют и убивают трутней, дабы они не съели весь мед и не оставили рабочих пчел без запасов).

Как показывает анализ, ФЕ и паремии с зоонимическим компонентом имеют преимущественно пейоративную коннотацию, что, на наш взгляд, обусловлено острой эмоциональной реакцией адыгов на отрицательные качества человека. Мы согласны с мнением Ц.Ц. Огдоновой о том, что «зооморфизмы основываются на объективных (реальных) и субъективных (мнимых) качествах животных, которые приписываются им фантазией и творческим мышлением народа. Эти зафиксированные в переносно-содержательной структуре лексических единиц признаки трансформируются в семантическую мотивированность (внутреннюю форму) зооморфизмов, благодаря чему они приобретают особую экспрессивную окраску и становятся частью экспрессивного фонда языка» [6, с. 18].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что исследование кабардино-черкесских ФЕ и паремий с зоонимическими компонентами весьма актуально, так как позволяет выявить зафиксированный в языковой картине мира адыгов широкий спектр антропологических признаков, которые репрезентируют как положительные, так и отрицательные характеристики человека.

Библиографический список:

1. Лаврищева Е.В., Аброськина Н.Б., Остроухова А.В. Национальная специфика фразеологизмов с компонентом зоонимом в немецкой и английской языковой картине мира//Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 2. Том 2. С. 40-46.
2. Аликаев Р. С., Башиева С. К. ФЕ в качестве транслятора информации этноспецифической информации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010. № 4. С. 106–109.
3. Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
4. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. – 341 с.
5. Болгова Е.В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход: автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Архангельск, 2021. 18 с.
6. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск. 2000. 162 с.

References

1. Lavrisheva E.V., Abroskina N.B., Ostroukhova A.V. (2019) *Natsional'naya specifika phraseologizmov s componentom zoonimom v nemeckoi i angliiskoi yazikovoii kartine mira* [The national specificity of phraseological units with a zoonym component in the German and English language world view]//Vestnik of Volga State University named after V.N. Tatischev. №2. V. 2. Pp. 40-46. (In Russ.).
2. Alikaev R.S., Bashieva S.K. (2010) *FE v kachestve translyatora informacii etnospecificheskoy informacii* [Phraseological units in the information of ethnospecific information]// Vestnik of Pyatigorsk Linguistic State University. Pyatigorsk. №4. Pp. 106-109. (In Russ.).
3. Teliya V.N. (1981) *Tipi yazikovikh zhachenii: cv'azannoe znachenie slova v yazike* [Types of linguistic values: the related meaning of a word in a language]. Moscow, Publishing house "Nauka". 269 p. (In Russ.).

4. Kardanov B.M. (1968) *Kabardiano-Ruskiy phrazeologicheskiy slovar'* [Kabardian and Russian Phraseological Dictionary]. Nalchik. 341 p.

5. Bolgova E.V. (2021) *Zoonimi Russkogo yazika v sovremennom rechevom upotreblenii: semantiko-pragmaticeskii podkhod* [Zoonyms of Russian language in modern speech usage: semantic and pragmatic approach]: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological science. Arkhangelsk. 60 p. (In Russ.).

6. Ogdonova S.C. (2000) *Zoomorfnaya leksika kak phragment Russkoy yazikovoï kartini mira* [Zoomorphic vocabulary as a fragment of the Russian language of the world]: dis. ... candidate filol. nauk. Irkutsk. 162 p.

Сведения об авторе

Цеева Заира Арслангереевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного университета, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского 173. E-mail: zaira.ceevea@mail.ru.

About the author

Ceeva Zaira Arslangereevna – assistant professor of the department of foreign languages. Kabardino-Balkarian state University, 173 Chernyshevsky street, Nalchik, 360004. E-mail: zaira.ceevea@mail.ru.

УДК 811.11 -112

Шорова М. Б., Абазова К. В.
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ
КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ БИЛИНГВОВ

Shorova M. B., Abazova K. V.
FEATURES OF THE DEVELOPMENT
OF THE COGNITIVE SPHERE OF BILINGUALS

***Аннотация.** В статье освещаются различные аспекты билингвизма и становления когнитивной сферы билингвальной личности учащихся-билингвов. Рассматриваются вопросы естественного и искусственного билингвизма. Даются основные характеристики естественного билингвизма как явления, отражающегося на процессе освоения окружающей действительности и самопознании, что следует учитывать в учебном процессе. Дается классификация функций, оценка психолого-педагогических особенностей, профессиональной специфики деятельности преподавателя-филолога.*

***Ключевые слова:** билингвизм, билингвы, когнитивная сфера, учебный процесс.*

***Abstract.** The article highlights various aspects of bilingualism and the formation of the cognitive sphere of the bilingual personality of bilingual students. The issues of natural and artificial bilingualism are considered. The main characteristics of natural bilingualism are given as a phenomenon that affects the process of mastering the surrounding reality and self-knowledge, which should be taken into account in the educational process. A classification of functions, an assessment of psychological and pedagogical features, and the professional specifics of the activity of a teacher-philologist are given.*

***Key words:** bilingualism, bilinguals, cognitive sphere, educational process.*

Введение. Явление билингвизма можно рассматривать с нескольких позиций: социолингвистической, психолингвистической, лингвокультурной, дидактической (или методической) [7, с. 3].

Современные научно обоснованные образовательные технологии должны отвечать велению времени, в качестве первоочередных задач предлагать новые пути эффективного обучения языку, полноценного речевого и языкового развития, приобретения необходимых знаний для успешной конкурентоспособной деятельности в любой профессиональной сфере. Особую актуальность новые методы и технологии приобретают в процессе обучения учащихся-билингвов. Первоочередной задачей становится формирование и становление когнитивной сферы учащегося-билингва. В билингвальной методике наиболее актуальными являются технологии и методы, которые, во-первых, сохраняют индивидуальную неповторимость личности билингва, его бикультурность, а во-вторых, их направленность на скорейшую и максимальную реализацию психолингвистических возможностей учащихся-билингвов. Становление когнитивной сферы билингва воспринимается в русле психолого-дидактического развития личности. Когнитивная сфера – это аспект познавательной личности, в которой совмещаются также воображение, ощущение, восприятие, представление, память, мышление, речь, внимание. Согласно концепции Ж. Пиаже, интеллект – это наиболее совершенная форма адаптации человеческого организма к среде, представляющая собой единство процесса ассимиляции (воспроизведение элементов среды в психике субъекта в виде когнитивных психических схем) и процесса аккомодации (изменение этих когнитивных схем в зависимости от требований объективного мира). Суть интеллекта заключается в возможности осуществлять гибкое и одновременно устойчивое приспособление к социальной действительности, а его основное значение в структурировании – организации взаимодействия человека со средой [3].

Ученые приходят к пониманию высокой лингвистической одаренности и быстроты интеллектуального развития билингвов [5, с. 672]. В связи с этим следует различать ситуации естественного и искусственного билингвизма. Искусственный билингвизм – владение двумя лингвокультурными кодами, один из которых усвоен в условиях социального обучения [4]. Таким образом, приобретенный билингвизм ничто иное как способ общения с представителями иной культуры.

Нас, как представителей региона, население которого можно считать естественными билингвами, интересуют вопросы становления, формирования природной билингвальной личности. В процессе общения в сознании естественного билингва происходит одновременное полное «переключение» языков и культур. Естественный билингвизм – это способ мышления, мировосприятия, самоидентификации. Естественный билингвизм имеет следующие характеристики: 1. биполярная национальная картина мира, т.е. билингвам легче выстроить «мостик» взаимопонимания между культурами, носителями коих они являются; 2. им присуща высокая степень социальной компетенции, медиа-компетенции; 3. билингвы изначально более «структурны», так как процесс «уравнивания» двойного языкового и культурного «баласта» требует осознания, что в практической деятельности выражается в стремлении структурировать свое жизненное пространство; 4. как следствие, естественные билингвы более склонны к самоанализу, а также к анализу окружающей реальности и ее познанию [2, с. 540].

Эти свойства и аспекты личности естественных билингвов, особенности их когнитивной сферы должны учитываться в учебном процессе филологических отделений, готовящих преподавателей русского языка, языка титульных наций республик Северного Кавказа, преподавателей иностранного языка для средней и высшей школы региона.

В учебном процессе должны учитываться соотношение контактирующих языков в билингвальной среде, что предполагает определение не только характера двуязычия, но и место каждого из контактирующих языков в социальной, общественной и образовательной системе региона, определение цели обучения каждому из языков. Региональной особенностью условий обучения иностранному языку является ситуация трехязычия. Как пишет М.Х. Щхапацева: «Обучение третьему-иностранному языку в национальной школе происходит в ситуации национально-русского билингвизма», в процессе которого русский язык предстает не только как универсальное средство общения, но и языком обучения, посредником между родным и иностранными языками. В лингвистическом аспекте учащиеся национальной школы оказываются в ситуации трехязычия. В связи с этим обучение иностранному языку связано с теорией языковых контактов и с сопоставительно-типологической характеристикой контактирующих языков. В этих условиях про-

исходит наиболее выраженное проявление интерференции. Несмотря на тот факт, что русский язык, является языком обучения и посредником, необходим учет влияния и родного языка на процесс овладения иностранным языком. Наличие двуязычного регионального опыта у учащихся, приступающих к овладению иностранным языком, опережающее развитие родной и русской речи создают положительную мотивацию в овладении речью на иностранном языке. Система понятий, сформулированная на родном и русском языках, накладывается на систему понятий на иностранном языке, создавая условия для использования сознательного пути овладения третьим языком [6].

Сложившаяся ситуация трехязычия предъявляет особые требования к преподавателям. Социокультурный фон, представленный полиэтнической средой, многовекторные интеграционные процессы, билингвальный и поликультурный контекст профессиональной деятельности обуславливают функции, психолого-педагогические особенности, профессиональную специфику деятельности преподавателя-филолога. К общепринятым функциям – конструктивной, организаторской, коммуникативной, информационной, развивающей, ориентационной, мобилизационной, гностической, в деятельности преподавателя-билингва присутствуют социально-прогностическая, этническая, диагностическая и интегрирующая функции. Под социально-прогностической функцией понимается умение осуществлять проекцию социальных отношений на учебно-воспитательный процесс. Данное умение основывается на знании состояния вопросов межэтнического взаимодействия, осознание значимости привития учащимся культуры межэтнического взаимодействия средствами своей предметной области. Этническая функция заключается в том, чтобы деятельность преподавателя опиралась на положения этнопедагогики и этнопсихологии. Преподаватель-филолог с двойной специализацией, преподающий в различных по этносоставу учащихся учебных группах, должен опираться на национальные традиции, учитывать национальные системы ценностей, норм, правил поведения, особенности исторического и культурного развития народов. Обязательным элементом эффективной деятельности преподавателя, транслирующего родную и инокультуру, становится диагностирующая функция, предполагающая знание и учет социо-этнических особенностей, обучающихся и уровень межкультурного взаи-

модействия и усвоения культур и языков иных народов, готовности к их изучению. Особая значимость отводится интегрирующей функции, понимаемой как функция организатора диалога культур, заключающейся в системе знаний, навыков и умений в области налаживания связей между культурами в рамках своей преподаваемой дисциплины, переносу, структурированию содержания предмета [1, с. 35-37].

Таким образом, будущие преподаватели-билингвы, студенты филологических специальностей с двойным профилем обучения, такие как национальный язык и литература и русский язык, литература, русский язык и литература и иностранный и пр. относятся к категории педагогов широкого спектра профессиональной деятельности, функциональные обязанности которых выходят за рамки деятельности других педагогов.

Выводы. Ситуация естественного билингвизма, применимая к большинству учащихся региона требует соблюдения соотношения контактирующих языков, определения и места каждого языка, учета интерференции языков, влияющих на формирование и развитие когнитивной сферы учащихся. Преподаватели – билингвы, транслирующие родную и инокультуры, должны учитывать и применять свои знания, навыки и умения в области межъязыкового взаимодействия в рамках преподаваемой дисциплины.

Библиографический список

1. Губайдуллина А.Г. Личность современного учителя – билингва и особенности ее формирования в педвузе//Технологии совершенствования подготовки педагогических кадров. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. Вып. 6. С. 35-37.
2. Кудрявцева Е.А. Естественный билингвизм как образовательный и научный потенциал//Многоликая Россия, в слове явленная: Научно-практическое методическое пособие/состав. и научн. ред. О.Н. Левушкина. М.: МИОО, 2015. С. 540-547.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008.
4. Очкина Д.А., Лобина Ю.А. Проблемы изучения билингвизма//rus4chld.pushkinstitute.ru> articles/ochkina.pdf.
5. Хамраева Е.А. Становление когнитивной сферы ребенка-билингва на уроках русского языка вне России//II международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном

пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8-10 сентября 2010. Madrid –Rubiños-1860, S.A. С. 671-674.

6. Шхапацева М.Х. Соотношение контактирующих языков в учебном процессе в современных условиях национально-русского билингвизма: <http://vestnik.Adygnet.ru/files/2013.4/2772/>.

7. Щеглова И.В. Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингвов: характеристики, типы, тенденции: автореф. на соиск. уч. степени доктора филол. наук. Майком, 2019. 40 с.

Сведения об авторах

Шорова Мадина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного университета, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского 173. E-mail: berzmadina@yandex.ru.

Абазова Карина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного университета, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского 173. E-mail: karina_abazova@inbox.ru.

About the authors

Shorova Madina Borisovna, associate professor of the department of foreign languages. Kabardino-Balkarian state University, 173 Chernyshevsky street, Nalchik, 360004. E-mail: berzmadina@yandex.ru.

Abazova Karina Vladimirovna, associate professor of the department of foreign languages. Kabardino-Balkarian state University, 173 Chernyshevsky street, Nalchik, 360004. E-mail: karina_abazova@inbox.ru.

**СЕКЦИЯ 3
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

УДК 811.112.2

**Абзгильдина А. А., Матвеева Н. В.
ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА ДЕТСКИХ ТОВАРОВ**

**Abzgildina A.A., Matveeva N.V.
LEXICAL STYLISTIC SPECIFICS OF ENGLISH ADVERTISING TEXT
OF CHILDREN'S PRODUCTS**

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу лексических особенностей рекламного текста. Выполнен анализ лексических приемов и средств выразительностей в англоязычных рекламах детских товаров. Актуальность данной работы обусловлена возросшим интересом к использованию рекламы с целью продвижения продуктов и увеличения прибыли посредством рекламы.*

***Ключевые слова:** лексические стилистические приемы, лексические средства выразительности, реклама, рекламный текст, реклама детских товаров.*

***Abstract.** The article is concerned with the issue of specifics of advertising text. The analysis of lexical stylistic devices and means of expressions has been carried out. The relevance of this work is due to the increased interest in the use of advertising to promote products and expand profits through advertising.*

***Key words:** lexical stylistic devices, lexical means of expression, advertising, promotional text, advertising of children's products.*

Реклама – это одна из неотъемлемых частей жизни современного общества. Мы встречаем рекламу ежедневно повсюду: в социальных сетях, по телевизору, в общественном транспорте, по радио, в газетах, в торговых центрах, на улице и во многих других местах. Очень интересной темой является исследование языка рекламы.

Язык рекламы имеет особое место среди функционально-стилевых высказываний, которые относятся к массовой информации, то есть объединены массовым взаимодействием. Это специфичное положение языка рекламы определено особенностью самой рекламной деятельности. Такой текст должен уведомить настоящих и потенциальных покупателей и зрителей о каком-либо товаре, услуге, мероприятии, воздействовать на сознание людей, настойчиво призвать человека совершить покупку или посетить мероприятие. В данной статье мы решили определить лексико-стилистические особенности рекламных текстов на английском языке на материале рекламы детских товаров.

Существует немало классификация лексических выразительных средств и стилистических приемов. Советский и российский лингвист И.В. Арнольд выделяет тропы (лексические изобразительно-выразительные средства) и фигуры речи (синтаксическая стилистика), а также выделяет фонетическую и графическую стилистики. Важнейшие тропы – метафора, метонимия, синекдоха, ирония, гиперболы, эпитет, оксюморон, литота и олицетворение. Особняком стоят аллегория и перифраз, которые строятся как развернутая метафора или метонимия. К фигурам речи (синтаксическая стилистика) относятся инверсия, риторический вопрос, повтор, литота, эллипс, бессоюзие, многосоюзие, умолчание, апозиопезис, зевгма [Арнольд, 2002, с.154].

В.Б. Сосновская также классифицирует стилистические приемы, основываясь на разделении стилистических средств на тропы и фигуры речи. К тропам относятся сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, антономасия, эпитет, перифраз, аллюзия. Фигуры речи представлены параллельными конструкциями, повторами, многосоюзием, бессоюзием, градацией, ретардацией, зевгмой, аллитерацией, антитезой, оксюморонами, игрой слов, литотой, гиперболой, эллипсом [Сосновская, 1974, с.77].

И.Р. Гальперин, например, выделяет лексико-фразеологические, синтаксические и фонетические приёмы. К лексико-фразеологическим

приемам относятся метафора, метонимия, ирония, антономасия, эпитет, оксюморон, использование междометия, игра слов, зевгма, перифразы, эвфемизмы, сравнение, гипербола, использование пословиц и поговорок, аллюзии, цитаты [Гальперин, 1971, с. 289].

Классификация И.Р. Гальперина является наиболее распространенной среди лингвистов, поэтому далее рассмотрим ее подробнее.

В классификации И.Р. Гальперина пункт лексических стилистических средств является самой многочисленной. Лексическое средство выразительности и стилистические приемы он разделил на четыре группы:

1. Намеренное смешение стилистических аспектов слов;
2. Соотношение между разными видами лексических значений:
  - а) Соотношение словарного и контекстуального значения: метафора, метонимия, ирония.
  - б) Соотношение основного и производного логического значения: полисемия, зевгма, каламбур.
  - в) Соотношение логического и эмотивного значения: междометия и восклицательные слова, эпитет, оксюморон.
  - г) Соотношение логического и номинального значения: антономасия.
3. Усиление признака предмета или явления: сравнение, перифраз, гипербола.
4. Частные использования устойчивых выражений: клише, пословицы и поговорки, трансформация устойчивых выражений.

Проанализируем и выясним наиболее частотно употребляемые лексические средства выразительности в рекламных текстах детских товаров. За основу была взята классификация И.Р. Гальперина. С помощью метода сплошной выборки было проанализировано 53 рекламных текста детских товаров.

Первый прием часто встречающийся в рекламных текстах – метафора. Например, компания Pampers использует слоган *Softes care for your bundle of joy* ‘Самый мягкий уход для вашего свертка радости’ и сравнивает ребенка с свертком радости. Это добавляет рекламе оригинальности и экспрессивности. Другим примером является рекламный слоган *Cloud-soft touch* ‘прикосновение мягкое как облако’.

В таких рекламных текстах неудивительным является частое использование экспрессивно-оценочной лексики. Например, в рекламе игрушек компании PLAYSKOOL *Great balls of fun* ‘великолепные ша-

рики веселья' экспрессивно-оценочной лексикой является слово *great*, выражающая субъективное мнение для привлечения покупателей. Японская компания Merries использовала слоган *Super comfortable and soft baby diapers* 'супер удобные и мягкие подгузники'. Здесь для выражения отношения выражено более неформальное слово *super*.

Также в рекламных текстах можно встретить использование перифразы. Главным примером использования данного примера это замена слов *child* фразой *little one*. Например, реклама бренда KiwiCo *Delight your little ones with big thinking* 'обрадуй своих детей большими мыслями', *Babyganic's Made for your little ones big messes* ', *Gerber Your Little Ones ready to explore* ', *ToyZoy For you unstoppable little one* '.

Другой лексический приём используемый в рекламных текстах – это гипербола. Например, *Best toys in town* 'лучшие игрушки в городе' (слоган компании производящей игрушки Creativity for kids), *Our best comfort and protection* 'наш лучший комфорт и защита', *Treat your baby to the best care* 'побалуйте своего малыша лучшей заботой' (Pampers), *Best for babies* 'лучшее для ваших малышей' (ToyZoy).

Еще одним приемом, часто встречающимся в рекламных текстах детских товаров, является сравнение. Компания Johnson's производящая детские товары использовала слоган *Gentle to the eyes as pure water* 'нежен к глазам как чистая вода', чтобы подчеркнуть, что данный продукт создан с формулой "no more tears". Производитель Mother Sparsh в слогане *Light as cloud, Soft as Cotton* 'легкие как облако, мягкие как хлопок' сравнивает свой продукт с легкостью облака и мягкостью хлопка.

Немаловажная роль в рекламном тексте отводится олицетворению. Например, слоган бренда GoldFish *A snack that smiles back* 'перекус, который улыбается в ответ' (перекус, который улыбается в ответ) использует олицетворения слова «перекус». Рассмотрим еще один прием – трансформацию. Так, например, компания MamaEarth производящая детские средства для ухода и гигиены использовала всем известную поговорку *One apple a day keeps the doctor away* 'ешь яблоко в день и доктор не понадобится' и превратила ее в *One bubble bath a day keeps the dirt and dryness away* 'принимай ванну с пеной и не будет грязи и сухости'. Компания Pampers использовала слоган *Love at first touch* 'любовь с первого прикосновения' преобразив идиому *Love at first sight* 'любовь с первого взгляда'.

Игра слов или каламбур также делает рекламу и рекламные слоганы более интересной и запоминающийся. Компания Beech-Nut производящая детское питание использует слоган *This is not baby food, this is real food for babies* 'это не детская еда, это настоящая еда для детей'. Это позволяет рекламе сделать акцент на качестве их продукта. Слоан *don't le'go* 'не отпускай' играет на схожести фразы *let go* и названии компании и игрушек LEGO..

Также в рекламных текстах можно встретить использование эпитетов. Например, в рекламном слогане компании Johnson's Baby *share the joy of baby-soft skin* 'раздели радость кожи мягкой как у младенца' слово *baby-soft* помогает выразить отношение рекламодателя и привлечь внимание потенциального покупателя. Другие примеры использования эпитетов: *A new world of imagination* 'новый мир воображения' (реклама компании Kinder), *To them it's a speedy fire truck* 'для них это быстрая пожарная машина', *To them it's a mystical dragon* 'для них это мистический дракон' (рекламные слоганы LEGO), *Let out your scary side* 'освободи свою страшную сторону' (Play-Doh), *Luvs keeps your bouncing baby comfortable* 'Лавс обеспечивает комфорт вашему здоровому младенцу' (Luvs), *Cotton-like softness* 'мягкость хлопка' (mamaearth), *Ride into a world of fun* 'поездка в мир веселья' (ToyZoy).

Проанализировав лексические средства выразительности в рекламных текстах детских товаров можно сделать выводы о том, что чаще всего в рекламных текстах используются эпитеты (23), метафоры (19), экспрессивно-оценочная лексика (18), сравнение (13) и гипербола (11). Это связано с тем, что использование этих лексических средств выразительности придает эмоциональную окраску, делает рекламу интересной и запоминающейся и понятно потенциальному покупателю. Намного реже используются метонимия (7), олицетворение (5). Игра слов (2) и трансформация (2) почти не встречаются.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка: учебник М.: Высшая школа, 1971. 343 с.

3. Назайкин А.Н. Эффективный рекламный текст в СМИ. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 480 с.

4. Сосновская В.Б. Аналитическое чтение. Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Издательство «Высшая школа», 1974. 184 с.

References

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk. M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 s.

2. Gal'perin, I. R. Stilistika anglijskogo yazyka: uchebnik M.: Vysshaya shkola, 1971. 343 s.

3. Nazajkin A.N. Effektivnyj reklamnyj tekst v SMI. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2011. 480 s.

4. Sosnovskaya V.B. Analiticheskoe chtenie. Uchebnoe posobie dlya institutov i fakul'tetov inostrannyh yazykov. M.: Izdatel'stvo «Vysshaya shkola», 1974. 184 s.

Сведения об авторах

Абзгильдина Азалия Азаматовна, студентка 5 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: abzgildinaazalia@gmail.com.

Матвеева Наталья Васильевна, заведующая кафедрой германских языков, кандидат филологических наук, доцент. Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий. Стерлитамак, Россия. E-mail: n.v.matveeva@struust.ru.

About the authors

Abzgildina Azaliya Azamatovna, fifth-year student, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: abzgildinaazalia@gmail.com.

Matveeva Natalya Vasilievna, Head of the Department of Germanic Languages, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology. Sterlitamak, Russia. E-mail: n.v.matveeva@struust.ru.

УДК 81.811.112

Байбакова Э. Ф., Зайцева Ю. С.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-
ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРЕДМЕТЫ ИНТЕРЬЕРА»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Baibakova E. F., Zaitseva Y. S.
STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE LEXICAL
AND THEMATIC GROUP “INTERIOR ITEMS”
IN THE ENGLISH LANGUAGE

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию лексико-тематической группы «Предметы интерьера» на материале английского языка. Анализу подвергаются структура и семантика сложных слов, относящихся к данной группе. В сложных словах проанализирована семантика первого компонента.*

***Ключевые слова:** анализ, семантика, лексика, структура, лексико-семантическая группа, словообразование.*

***Abstract:** This article is devoted to the study of the lexical and thematic group “Interior items” based on the material of the English language. The structure and semantics of complex words belonging to this group are analyzed. The semantics of the first component is analyzed in compound words.*

***Keywords:** analysis, semantics, vocabulary, structure, lexical semantic group, word formation.*

Данное исследование является актуальным, т.к. английский язык постоянно находится в состоянии изменений и развития, а лексика, как самый гибкий элемент языка, наиболее чутко реагируют на изменения во всех сферах общества. Лингвисты всегда проявляли интерес к проблеме возникновения и использования новых слов, особенно в нашу эпоху, которая характеризуется огромным количеством новообразований.

Объектом исследования являются лексико-тематическая группа «Предметы интерьера». Предметом исследования выступает словообразовательная структура сложных и сложнопроизводных слов в данной лексико-тематической группе. Цель исследования – анализ структуры наименований предметов интерьера и определение значения компонентов в составе сложных и сложнопроизводных слов лексико-тематической группы «Предметы интерьера».

Словообразование представляет собой один из важнейших и самых продуктивных способов пополнения словарного запаса языка, который реализуется по принципу изменения морфологического состава уже существующей лексической основы или путём перехода основы в другую парадигму словоизменения [2, с. 52].

Феномен словообразования рассматривается в лингвистике с двух разных точек зрения – синхронической и диахронической. При синхроническом подходе к изучению словообразования акцент делается на связях и отношениях между словами внутри одного конкретного временного отрезка языка. Анализируется структура слов, способы и методы образования новых слов, их сочетаемость и изменение значения.

В свою очередь, диахронический анализ словообразования позволяет посмотреть на исторические процессы, которые сопровождали данное явление на протяжении всего времени его становления. Это изучение различных этапов развития языка, эволюции словообразовательных процессов, изменений в формировании новых слов и их употреблении в разные исторические периоды [5, с. 167].

Оба подхода важны для полного понимания феномена словообразования и его места в языковой системе. Каждый из них даёт свою ценную информацию, позволяя увидеть язык как живой организм, постоянно развивающийся и изменяющийся под влиянием исторических, социальных и культурных факторов.

В словообразовании существует два основных способа создания слов: аффиксация и словосложение. Аффиксация подразумевает создание нового слова с помощью добавления к уже существующей основе суффикса или префикса. Словосложение, в свою очередь, заключается в соединении двух или более основ в одно слово.

Для исследования было отобрано 42 слова. В нашем случае наибольшая часть слов отнесена к сложным (22 слова). Вторым по частот-

ности оказались заимствованные слова (7 слов). Встретилось также 6 слов, образованных аффиксальным способом и 7 простых слов.

Таблица 1

**Словообразовательная структура
лексико-тематической группы «Предметы интерьера»**

Сложные слова	Аффиксальный способ словообразования	Заимствованные слова	Простые слова
Armchair	Dresser	Armoire	Chair
Barstool	Furniture	Buffet	Couch
Bedside table	Lintel	Cabinet	Desk
Bookcase	Recliner	Chandelier	Mirror
Bookshelf	Sectional	Futon	Shelf
Coffee-table	Wardrobe	Ottoman	Stool
Cupboard		Tuffet	Table
Divan-bed			
Fireplace			
Footrest			
Headboard			
High chair			
Lampshade			
Loveseat			
Nightstand			
Rocking chair			
Side table			
Sideboard			
Sofa-bed			
TV stand			
Wallpaper			
Windowsill			

Рассмотрим семантический состав компонентов некоторых сложных слов. Семантика первого компонента указывает на следующие признаки предметов интерьера:

1. Расположение предмета относительно человека (частей тела человека): *headboard* – «a vertical board at the end of a bed behind where your head rests» («вертикальная доска в конце кровати позади того места, где покоится ваша голова»)(*head* – голова)); *footstool* – «a piece

of furniture or a support used to elevate the feet» («предмет мебели или подставка, используемая для поднятия ног»(*foot* – нога)); *armchair* – «a comfortable chair with sides that support your arms» [5] («сиденье с удобными подлокотниками, которые поддерживают ваши руки»(*arm* – рука));

2. Расположение предмета относительно других предметов интерьера: *bedside table* – «a small table that is kept at the side of a bed» [5] («маленький столик, который стоит рядом с кроватью»(*bed* – кровать, *side* – сторона)); *sideboard* – «a piece of furniture with a flat top and cupboards at the bottom, usually used for holding glasses, plates, etc.» [5] («предмет мебели с плоской столешницей и шкафчиками внизу, обычно используемый для хранения стаканов, тарелок и т.д.» (*side* – сторона));

3. Расположение предмета в пространстве (комнате): *wallpaper* – «a thick, often decorative, paper used for covering the walls and sometimes ceiling of a room» [5] («плотная, часто декоративная бумага, используемая для покрытия стен, а иногда и потолков помещения» (*wall* – стена)); *window sill* – «a shelf below a window, either inside or outside a building» [5] («выступ под окном, как внутри, так и снаружи здания» (*window* – окно));

4. Отношение предмета к определенному типу помещения: *barstool* – «a tall seat with no support for the back or arms, for sitting on while drinking or eating at a bar»[5] («высокое сиденье без опоры для спинки или подлокотников, на котором можно сидеть за питьем или приемом пищи в баре» (*bar* – бар)).

Семантика второго компонента же указывает на сам предмет мебели. Например, *bookshelf* (*shelf* – полка); *sidetable* (*table* – стол).

Говоря про аффиксальный способ словообразования, как ранее отмечалось, было выделено всего 6 слов и почти в каждом из них присутствует отличный от других суффикс. В двух словах встречается суффикс -er. Рассмотрим, на что он указывает.

Суффикс -er в нашем случае обозначает предметы, с помощью которых выполняется действие, выраженное глаголом. Это могут быть инструменты, приспособления, приборы, механизмы или оборудование. Слово «dresser» – шкаф для одежды – образовано от «to dress» (одеваться) + суффикс -er. Лексема «recliner» (шезлонг, кресло с откидной спинкой) образовано от глагола «to recline» («откидываться назад; по-

лулежать; сидеть откинувшись или развалившись» [3]) с добавлением вышеупомянутого суффикса.

Заемствованные слова составляют значительную часть лексики английского языка, как и в данной лексико-тематической группе было выявлено 7 таких слов. Нужно отметить, что пять из них пришло в английский язык из французского, это такие слова как: *armoire* – «large wardrobe with doors and shelves» [7] (большой шкаф с дверцами и полками); *buffet* – «cupboard, sideboard, etc., to hold china plates, etc.» [7] (шкаф, сервант и т.д. для хранения фарфоровых тарелок и т.д.) и т.п. Два других слова были заимствованы из японского (*futon* – «bedroll» [7] (спальный мешок)) и турецкого (*ottoman* – «a piece of furniture consisting of a padded, upholstered seat or bench having neither back nor arms, often used as a stool or footstool, or in some cases as an improvised coffee table» [7] (предмет мебели, состоящий из мягкого сиденья или скамьи без спинки и подлокотников, часто используемый в качестве табурета или скамеечки для ног, а в некоторых случаях и как импровизированный журнальный столик).

В заключение, стоит отметить, что словообразование играет важную роль в английском языке, особенно в контексте описания и идентификации предметов интерьера. Благодаря гибкости и богатству словарного состава английского языка, мы можем создавать новые и оригинальные термины для описания дизайна и стиля в интерьерных решениях.

Мы рассмотрели разные виды словообразования в лексико-тематической группе «Предметы интерьера». Большую часть лексики составляют сложные слова (мы рассмотрели, чем обусловлены первый и второй компоненты сложных слов), вторым по значимости можно считать заимствование слов, большая часть из которых была заимствована из французского, а наименьшее количество примеров в данной тематической группе имеет аффиксальный способ словообразования.

Библиографический список

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования: (макрокосм); ...Отд. славян. языкознания. Москва: Индрик, 1998. 236 с.
2. Карашук П.М. Словообразование английского языка. М., 1977. 303 с.

3. Онлайн-словарь WordHunt. <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).
4. Царев П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке. М.: Изд-во МГУ, 1984. 225 с.
5. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 28 February 2024).
6. Nida E. Morphology: The Descriptive Analysis of Words. University of Michigan Press, 1949. 342 с.
7. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 27 February 2024).

References

1. Vendina T. I. Russkaja jazykovaja kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovanija: (makrokosm); ...Otd. slavjan. jazykoznanija. Moskva: Indrik, 1998. 236 s.
2. Karashhuk P.M. Slovoobrazovanie anglijskogo jazyka. M., 1977. 303 s.
3. Onlajn-slovar' WordHunt. <https://woordhunt.ru/> (data obrashhenija: 28.02.2024).
4. Carev P.V. Produktivnoe imennoe slovoobrazovanie v sovremennom anglijskom jazyke. M.: Izd-vo MGU, 1984. 225 s.
5. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 28 February 2024).
6. Nida E. Morphology: The Descriptive Analysis of Words. University of Michigan Press, 1949. 342 s.
7. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 27 February 2024).

Сведения об авторах

Байбакова Эльвира Фагимовна, студентка 2 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: 79659245713eee@gmail.com.

Зайцева Юлия Сергеевна, ассистент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет

науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ.
E-mail: y.s.zaytseva@struust.ru.

About the authors

Baibakova Elvira Fagimovna, 2nd year student of the Faculty of Philology, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: 79659245713eee@gmail.com.

Zaitseva Yulia Sergeevna, teaching assistant of the department of Germanic languages, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: y.s.zaytseva@struust.ru.

УДК 81'373.43

Болотова Е. В., Давлетбаева Л. А.
СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Bolotova E. V., Davletbaeva L. A.
STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF ENGLISH NEOLOGISMS
IN THE POLITICAL SPHERE

***Аннотация.** В статье исследуются неологизмы английского языка, относящиеся к политической сфере. Акцентируются структурные особенности новых лексических единиц, представляющих собой большей частью суффиксальные образования, а также словосочетания. Источниками для анализа послужили аутентичные журналы и газеты.*

***Ключевые слова:** неологизмы, политическая сфера, структурная характеристика, английский язык, суффиксация, словосочетания.*

***Abstract.** The article studies the neologisms of the English language related to the political sphere. The structural features of new lexical units, which are mostly suffix formations, as well as word combinations, are emphasized. The sources for the analysis were authentic magazines and newspapers.*

***Key words:** neologisms, political sphere, structural characteristics, English, suffixation, phrases.*

Неологизмы в языке выступают неотъемлемой частью его развития. Они представляют собой новые слова или значения, которые появляются в языке в результате различных социальных, политических, экономических и культурных изменений. Сфера политики не является исключением – здесь также возникают новые термины, которые отражают различные трансформационные процессы в политической ситуации и тенденциях.

Актуальность нашей работы обусловлена постоянным обновлением слов и выражений в английском языке. Исследование неологизмов в по-

литической сфере представляет академический интерес и может иметь важное значение для лингвистических исследований.

Целью данной статьи является анализ структурных особенностей неологизмов, используемых в политических текстах, опубликованных в английских журналах и газетах: «CBSNews», «The New York Times», «The Guardian», «PlanetToday» и др.

Обычно в различных научных работах по лингвистике и филологии термином «неологизм» обозначают новые слова в разных языках народов мира. Отличительной чертой неологизмов, принадлежащих к основному словарному фонду, являются «особые связи со временем, связи, которые фиксируются коллективным сознанием» [5, с. 168].

Неологизм представляет собой новую лексическую единицу, языковое новшество (оборот речи). Причиной возникновения неологизмов является общественный и научно-технический прогресс, новые социальные условия, новые открытия в области науки и техники, достижения в сфере культуры [6, с. 208]. Такая лексика создается для обозначения новых понятий, которые появляются в различных областях жизни. А уже существующие слова могут приобретать новые значения или же новые слова могут заимствоваться из языка-донора [1, с. 143].

Далее мы рассмотрим особенности образования неологизмов английского языка с позиции их структуры, характеризующейся определенным словообразовательным способом. Частотными являются неологизмы, образованные с помощью аффиксации. Например:

1) Неологизм «partygate» (патигейт), взят из журнала The Guardian [15]. Он образован суффиксальным способом, слова с суффиксом -gate часто встречаются в средствах массовой информации, при этом суффикс добавляется к какому-либо имени или слову, связанному главным образом с каким-то неэтичным, изначально скрытым событием, приводящим к значительным негативным последствиям, скандалам, которые становятся объектом широкого обсуждения, например: *Watergate*, *Russiatgate*, *Envelopegate*, *Slapgate* [21].

2) Неологизм «Bidenism», взятый из журнала The New York Times [16], образован путем комбинирования фамилии президента США Джо Байдена и суффикса «-ism», который обычно используется для образования существительных, обозначающих тенденции поведения, действия, состояния, кондиции или мнения, принадлежащего классу или группе лиц [22].

3) Следующее слово «Bidenesque» из журнала The Guardian [14] образовано путем комбинирования имени президента США Джо Байдена и суффикса «-esque», который добавляется к существительным, особенно к именам собственным, и образует прилагательные, обозначающие сходство или стиль, связанные с определенным человеком или вещью [22]. В данном случае «Bidenesque» употребляется для описания уникальных высказываний, фраз, поведения или стиля коммуникации, относящихся к Джо Байдену, президенту Соединенных Штатов.

4) Неологизм «Carolean era» («Эпоха Карла») относится к Великобритании. Оно получило свое название в соответствии с британской традицией написания королевских имен на латыни. Данный неологизм проиллюстрирован в статье англоязычного журнала «The Sun» [17]. Имя Charles переименовывается как Carolus; «Carolean» образован путем использования суффиксального способа, к имени «Carolus» был добавлен суффикс -ean. В словаре WordSense суффикс -ean используется для ‘образования прилагательных, обычно от имен собственных’ *forms adjectives, usually from proper nouns* [22]

5) Нестабильная ситуация в развитых странах привела к появлению словосочетания «The Great Unretirement», которое мы отобрали из журнала The Guardian [19]. В данном словосочетании слово «unretirement» образовано с помощью префиксального способа: слияния отрицательной приставки un- и существительного retirement (отставка, уход на пенсию). В словаре Merriam-Webster глагол *to unretire* означает «to leave retirement and rejoin the workforce», – ‘вернуться к работе, будучи пенсионером’ [10].

В политической сфере довольно часто встречаются неологизмы, образованные с помощью словосложения. Ср.:

1) Неологизм «Bidenomics», взятый из журнала The White House [18] образован путем комбинирования фамилии президента и слова «economics». В словаре WordSense слово «Bidenomics» определяется как экономические идеи и политика, принятая или предполагаемая Джо Байденом (родился в 1942 году); «The economic ideas and policies of Joe Biden (born 1942), American politician and the president of the United States» [22].

2) Следующий неологизм «Bidencare» взят из англоязычной газеты CBS News [7]. Образование неологизма «Bidencare» в слова-

ре WordSense объясняется как сочетание слов Байдена («Джо Байден») и Healthcare или Medicare и, возможно, повлияло более раннее ObamaCare; «Blend of Biden («Joe Biden») and health care or Medicare and perhaps influenced by earlier ObamaCare». «Bidencare» можно интерпретировать как название плана медицинского обслуживания, основанного на Obamacare, созданного Джо Байденом; «Name for healthcare plan based on Obamacare created by Joe Biden» [22].

3) «Securonomics» – термин, который образован с помощью словослияния и объединяет два понятия: *security* ‘безопасность’ и *economics* ‘экономика’. Он относится к области исследования и анализа взаимосвязи между безопасностью и экономикой. Бывший экономист Банка Англии придумал новый термин – «Securonomics», чтобы обозначить новую эпоху, которая приходит после глобализации. «Секьюрономика» описывает подход, где безопасность является важным фактором при принятии экономических решений и планировании [11].

4) Следующий неологизм «Permacrisis» из журнала The Guardian [20] образован путем словослияния двух слов: *permanent* ‘постоянный’ и *crisis* ‘кризис’. В словаре Collins, в 2022 году, термин определяется как «длительный период нестабильности и отсутствия безопасности, приводящий к череде катастрофических событий»; «an extended period of instability and insecurity, espone resulting from a series of catastrophic events» [8].

Кроме того, неологизмы могут представлять собой структуру словосочетания. Ср.:

1) Рассмотрим образование нового словосочетания «Climate change denialism» (отрицание изменения климата) с частичной суффиксацией. Он был взят из журнала The Conversation [12]. Согласно Pseudoscience Dictionary «Climate change denialism» – это отрицание идеи о том, что изменения в климате Земли или погодных условиях вызваны деятельностью человека. Противники изменения климата указывают на несколько причин, включая утверждения о том, что CO₂ не является парниковым газом, а также заявления правительства и экономические заговоры, направленные на уничтожение капитализма. Кроме того, они утверждают, что природные процессы, такие как интенсивность солнечного излучения и океанические колебания, оказывают большее влияние на климат, что является правдой, но это не снижает влияние деятельности человека на глобальное потепление [9].

2) Следующий неологизм «Tranche of sanctions» (транш санкций), из журнала The Globe and Mail [13]. В словаре Merriam-Webster слово ‘транш’ означает ‘деление или часть целого’. В данном словаре указывается, что использование данного выражения в выступлении президента США имеет большое значение, как с технической, так и со стратегической точки зрения. Это предполагает последовательное введение санкций, которые следуют за первыми экономическими ограничениями [10].

Таким образом, неологизмы английского языка, относящиеся к политической сфере, могут иметь различные структурные признаки, связанные преимущественно с аффиксацией, словосложением. Они могут обладать также структурой словосочетания.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 2000. 238 с.
2. Ильина А.Н., Кибасова С.Г. Словообразование в современном английском языке: учебное пособие для студентов экономических специальностей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 90 с.
3. Кубрякова Е.С. Словообразование. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. 393 с.
4. Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №8. С. 88–93.
5. Пасечная Л.А., Попова Т.В. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике. Вестник ОГУ. 2005. №11. С. 167–171.
6. Сырескина С.В. Неологизмы в современном английском языке. Молодой ученый. 2017. №42. С. 207-210.
7. CBS News. Biden proposes at debate a “Bidencare” health plan that would include a public option. 2020. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/presidential-debate-bidencare-biden-proposes-health-plan-that-would-include-a-public-option/> (Accessed: 20.12.23)
8. Collins Online Dictionary. 2024. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 29.01.24)
9. Media Bias Fast Check. 2020. Available at: <https://mediabiasfactcheck.com/pseudoscience-dictionary-climate-change-denialism/> (Accessed: 25.01.24)

10. Merriam-Webster Dictionary. 2024. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 25.01.24)

11. Reuters. Securonomics is fuzzy new lodestar for investors. 2023. Available at: <https://www.reuters.com/breakingviews/securonomics-is-fuzzy-new-lodestar-investors-2023-06-02/> (Accessed: 26.01.24)

12. The Conversation. The thinking error that makes people susceptible to climate change denial. 2023. Available at: <https://theconversation.com/the-thinking-error-that-makes-people-susceptible-to-climate-change-denial-204607> (Accessed: 09.01.24)

13. The Globe and Mail. Biden touts ‘first tranche’ of sanctions against Russia as toughest measures yet. 2022. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/world/us-politics/article-sanctions-russia-ukraine-biden/> (Accessed: 20.12.23)

14. The Guardian. Still alive: American democracy, Biden’s bad jokes – and two turkeys. 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/nov/21/biden-turkey-pardon-thanksgiving> (Accessed: 20.12.23)

15. The Guardian. The pain caused by Partygate never ends. 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2023/oct/09/the-pain-caused-by-partygate-never-ends> (Accessed: 23.12.23)

16. The New York Times. Biden and His ‘Bidenisms.’ You Might Hear Them in the Debate Tonight. 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/07/31/us/politics/joe-biden-debate.html> (Accessed: 19.12.23)

17. The Sun. What is King Charles III’s era called? 2024. Available at: <https://www.thesun.co.uk/royals/19778341/king-charles-reign-carolean-era/> (Accessed: 11.02.24)

18. The White House. Bidenomics Is Working: The President’s Plan Grows the Economy from the Middle Out and Bottom Up–Not the Top Down. 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/06/28/bidenomics-is-working-the-presidents-plan-grows-the-economy-from-the-middle-out-and-bottom-up-not-the-top-down/> (Accessed: 12.01.24)

19. The Guardian. Britain’s ‘great unretirement’: cost of living drives older people back to work. 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2022/jul/25/britains-great-unretirement-cost-of-living-drives-older-people-back-to-work> (Accessed: 26.12.23)

20. The Guardian. If 'permacrisis' is the word of 2022, what does 2023 have in store for our mental health? 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/dec/30/permacrisis-word-of-2022-2023-mental-health> (Accessed: 26.12.23)
21. Urban Dictionary. 2024. Available at: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 29.01.24)
22. WordSense Dictionary. 2024. Available at: <https://www.wordsense.eu/> (Accessed: 29.01.24)

References

1. Il'ina, A.N., Kibasova, S.G. (2012). *Slovoobrazovanie v sovremennom anglijskom jazyke: uchebnoe posobie dlja studentov jekonomicheskikh special'nostej* [Word formation in modern English: a textbook for students of economic specialties]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGUJeF. (In Russ.)
2. Kubrjakova, E.S. (1972). *Slovoobrazovanie. Obshhee jazykoznanie. Vnutrennjaja struktura jazyka* [Word formation. General linguistics. The internal structure of the language]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Lavrova, N.A. (2011). *Kontaminacija v sovremennom anglijskom jazyke* [Contamination in Modern English]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 8. Pp88-93. (In Russ.)
4. Pasechnaja, L.A., Popova, T.V. (2005). *K probleme definicii novogo slova v sovremennoj lingvistike* [On the problem of defining a new word in modern linguistics]. Vestnik OGU. 11. Pp167-171. (In Russ.)
5. Syreskina, S.V. (2017) *Neologizmy v sovremennom anglijskom jazyke* [Neologisms in modern English]. Molodoj uchenyj. 42. Pp. 207-210. (In Russ.)
6. Vinogradov, V.V. (2000). *O jazyke hudozhestvennoj prozy* [About the language of fiction]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. CBS News (2020) *Biden proposes at debate a "Bidencare" health plan that would include a public option*. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/presidential-debate-bidencare-biden-proposes-health-plan-that-would-include-a-public-option/> (Accessed: 20.12.23)
8. Collins Online Dictionary (2024) Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 29.01.24).
9. Media Bias Fast Check (2020) Available at: <https://mediabiasfactcheck.com/pseudoscience-dictionary-climate-change-denialism/> (Accessed: 25.01.24).
10. Merriam-Webster Dictionary (2024) Available at: <https://www.merriam-webster.com/>

merriam-webster.com/ (Accessed: 25.01.24).

11. Reuters (2023) *Securonomics is fuzzy new lodestar for investors*. Available at: <https://www.reuters.com/breakingviews/securonomics-is-fuzzy-new-lodestar-investors-2023-06-02/> (Accessed: 26.01.24).

12. The Conversation (2023) *The thinking error that makes people susceptible to climate change denial*. Available at: <https://theconversation.com/the-thinking-error-that-makes-people-susceptible-to-climate-change-denial-204607> (Accessed: 09.01.24)

13. The Globe and Mail (2022) *Biden touts 'first tranche' of sanctions against Russia as toughest measures yet*. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/world/us-politics/article-sanctions-russia-ukraine-biden/> (Accessed: 20.12.23)

14. The Guardian (2022) *Still alive: American democracy, Biden's bad jokes – and two turkeys*. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/nov/21/biden-turkey-pardon-thanksgiving> (Accessed: 20.12.23)

15. The Guardian (2023) *The pain caused by Partygate never ends*. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2023/oct/09/the-pain-caused-by-partygate-never-ends> (Accessed: 23.12.23)

16. The New York Times (2019) *Biden and His 'Bidenisms.' You Might Hear Them in the Debate Tonight*. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/07/31/us/politics/joe-biden-debate.html> (Accessed: 19.12.23)

17. The Sun (2024) *What is King Charles III's era called?* Available at: <https://www.thesun.co.uk/royals/19778341/king-charles-reign-carolean-era/> (Accessed: 11.02.24)

18. The White House (2023) *Bidenomics Is Working: The President's Plan Grows the Economy from the Middle Out and Bottom Up—Not the Top Down*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/06/28/bidenomics-is-working-the-presidents-plan-grows-the-economy-from-the-middle-out-and-bottom-up-not-the-top-down/> (Accessed: 12.01.24)

19. The Guardian (2022) *Britain's 'great unretirement': cost of living drives older people back to work*. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2022/jul/25/britains-great-unretirement-cost-of-living-drives-older-people-back-to-work> (Accessed: 26.12.23)

20. The Guardian (2022) *If 'permacrisis' is the word of 2022, what does 2023 have in store for our mental health?* Available at: <https://www.>

theguardian.com/commentisfree/2022/dec/30/permacrisis-word-of-2022-2023-mental-health (Accessed: 26.12.23)

21. Urban Dictionary (2024) Available at: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 29.01.24).

22. WordSense Dictionary (2024) Available at: <https://www.wordsense.eu/> (Accessed: 29.01.24).

Сведения об авторах

Болотова Елена Валерьевна, к. филол. н., доцент, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: e.v.bolotova@struust.ru.

Давлетбаева Лилияна Азаматовна, студентка 4с курса филологического факультета, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ.

About the authors

Bolotova Elena Valerievna, Ph.D. Sc., Associate Professor, Associate Professor, Sterlitamak branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: e.v.bolotova@struust.ru.

Davletbaeva Liliyana Azamatovna, 4th year student of the Faculty of Philology, Sterlitamak branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.

УДК 811-1

Болотова Е. В., Лятычевская В. Ю.
СИНОНИМИЯ И АНТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ЮМОРА В РАБОТАХ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА

Bolotova E. V., Ljatychevskaja V. Y.
SYNONYMY AND ANTONYMY AS MEANS OF EXPRESSING
HUMOR IN THE TERRY PRATCHETT'S WORKS

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются лексические средства выражения юмора, а также приводятся примеры синонимов и антонимов, которые используются британским писателем Терри Пратчеттом в его работах с целью достижения юмористического эффекта. Анализ синонимов и антонимов как лексического потенциала передачи юмора в художественных произведениях жанра фэнтези показал актуальность изучения данного явления.*

***Ключевые слова:** юмор, фэнтези, лексические средства, синонимы, антонимы, Терри Пратчетт.*

***Abstract.** This article examines the lexical means of expressing humor, as well as provides examples of synonyms and antonyms that are used by British writer Terry Pratchett in his works in order to achieve a humorous effect. The analysis of synonyms and antonyms as a means of expressing humor in fantasy fiction has shown the relevance of studying this phenomenon.*

***Keywords:** humor, fantasy, lexical means, synonyms, antonyms, Terry Pratchett.*

Юмор – это многогранное явление, оказывающее воздействие на многообразные аспекты человеческой жизни. Он играет значительную роль как в обществе, так и в нашей личной жизни. Юмор является неотъемлемой составляющей нашего существования, а также ключевым элементом творчества и воспитания. Юмор изучается в рамках лингвокультурологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и коммуникативной лингвистики. Вопрос о взаимодействии языка и культуры,

а также важности юмора в этом процессе привлекает внимание многих лингвистов [2, с. 34].

Язык оказывает влияние на культуру индивида и общество в целом. Юмор играет определенную роль в этом процессе, являясь показателем культуры и стимулятором мыслительного процесса. Исследование взаимоотношений между языком и культурой, а также значимостью юмора в этом взаимодействии, привлекает внимание многих лингвистов [1, с. 12].

Кроме того, юмор представляет собой концептуальную категорию, которая включает в себя ценности, признаваемые обществом. Одним из таких концептов является национальный юмор, который передается через язык с помощью различных языковых средств, таких как знаки, символизирующие комические аспекты культуры нации. Национальный юмор тесно связан с культурой. Известный лингвокультуролог А.Т. Хроленко указывал на то, что изучение языка неотделимо от изучения культуры и истории, так как «язык, история и культура неразрывны, и потому должны изучаться комплексно» [3, с. 45].

Юмор изучается в контексте лингвокультурологии и представляет собой многоаспектное явление, которое динамично развивается и зависит от национально-культурных особенностей. Язык влияет на культуру как отдельного индивида, так и общества в целом, и отражение этой культуры проявляется в языке.

В литературе юмор может проявляться разнообразно – от иронии и сарказма до шуток и абсурдных ситуаций. Он может служить как средством развлечения и разрядки напряжения, так и глубоким способом понимания и анализа сложных проблем. Некоторым авторам удастся с помощью юмора поднять серьезные вопросы, вызвать у читателя размышления и интеллектуальное взаимодействие.

В целом, юмор в современной литературе способствует восприятию произведений как более привлекательных и запоминающихся. Он помогает авторам и читателям обрести новые взгляды на мир и события, а также сохранять баланс между трагическим и комическим в жизни.

В сфере литературы фэнтези обычно определяется как литературный жанр, подвид фантастики. В отличие от научной фантастики, целью фэнтези не является объяснение мира, в котором разворачивается сюжет произведения, с научной точки зрения. Данный мир существует гипотетически, и часто не имеет четкого соотношения с нашей реаль-

ностью: он может быть как параллельным миром, так и другой планетой, причем его физические законы могут значительно отличаться от земных. В таком мире возможно существование богов, магии, мифических существ, таких как драконы, великаны, феи. Тем не менее, важное различие фэнтези от сказок состоит в том, что чудеса в фэнтези представляют собой обыденное явление и функционируют системно, точно так же, как законы природы в реальном мире.

Фэнтези – это жанр литературы, где фантазия играет более важную роль, чем в других литературных направлениях, и она выступает ключевым приемом и главным критерием выбора художественных средств и образов. Авторы фэнтези заглядывают за кулисы фантастических миров и подталкивают читателей к тому, чтобы посмеяться над абсурдными или нелепыми ситуациями.

Юмор в фэнтези не только вызывает смех и развлекает, но также помогает лучше понять созданный мир, персонажей и идеи автора. Он может добавить глубину и эмоциональное насыщение в произведения, делая их более яркими и запоминающимися. Юмор в фэнтези может проявляться через пародию на стандартные сюжеты и клише, через неожиданные повороты событий, через забавные персонажи и диалоги.

Одним из признанных писателей фэнтези можно считать Сэра Теренса Дэвида Джона Пратчетта, более известного как Терри Пратчетт. Он является создателем цикла сатирического фэнтези о Плоском мире (Discworld), который обрел популярность в разных странах. Лингвистический анализ произведений Терри Пратчетта позволил выделить использование синонимов и антонимов как лексических средств репрезентации юмора.

Употребление синонимов в юмористических произведениях может быть очень эффективным способом добавить интригу, игру слов и неожиданность в текст. Часто авторы используют синонимы для создания комического эффекта путем игры с недосказанным, двусмысленностью или неожиданными ассоциациями.

Например, можно заменить обычные слова на их синонимы, чтобы добавить неожиданный поворот или создать смешные ассоциации. Также можно играть с различными значениями синонимов, использовать их в необычных контекстах или преувеличивать их значение для создания юмористического эффекта.

Терри Пратчетт известен своими гениальными играми слов и использованием синонимов для создания юмористического эффекта в своих произведениях. Он часто играл со смыслами слов, создавая забавные ассоциации, при этом обыгрывая противопоставления. Такой подход помогал ему не только добавить юмор в свои книги, но и создать более глубокий и оригинальный мир, который цеплял читателей и оставался в их памяти на долгое время.

It occurred to Mort that he ought to feel horrified, so he was slightly shocked to find that he wasn't. It was a skeleton sitting in front of him, rubbing its knees and grumbling, but it was a live one, curiously impressive but not, for some strange reason, very frightening. [4, с. 16]

В данном отрывке используются синонимы “horrified” и “shocked” при описании Мора, который должен был испытывать ужас при виде скелета, но обнаруживает, что на самом деле это его не пугает. Это создает комическое противоречие между ожиданиями и реальностью.

“Don't be daft,” he said. “You can't see the Infinite. 'Cos it's infinite.” [6, с. 18].

В указанном случае, юмор интегрирован в разговор между персонажами. Первый персонаж пытается объяснить невозможность увидеть бесконечное, используя само понятие бесконечности. Это создает комическую ситуацию, поскольку высмеивает парадоксальную логику, заключенную в попытке объяснить недоступность бесконечности. Терри Пратчетт играет со словами “infinite” – безграничность и “infinite” – бесконечный.

But listen, you can't die because you're Death, you'd have to happen to yourself, it'd be like that snake that eats its own tail. [5, с. 16]

Этот пример обладает юмористическим оттенком из-за абсурдной ситуации, описывающей невозможность Смерти испытать собственную смерть. Автор использует слова “die” и “death” для достижения нужного эффекта.

There had been a sound like someone making no noise at all [4, с. 80].

В данном примере Терри Пратчетт дает описание звука, который слышен, но при этом похож на отсутствие звука вообще. В данном примере автор использует частичные синонимы “sound” и “noise”.

Нужно также отметить в юмористических текстах роль антонимов как средства выражения комического. Антонимы выражают противо-

положности объективной реальности и в языке. Тем не менее, в комических произведениях общий юмористический или сатирический фон придает комический тон и антонимическим противопоставлениям. При этом противоположные стороны резко отличаются, что усиливает комическое воздействие.

Or messin' around with the supernatural. It's unnatural, the supernatural. I won't have it [5, с. 155].

В этом примере автор играет со словами “unnatural” (неестественное) и “supernatural” (сверхъестественное), утверждая, что сверхъестественное – это неестественно, и он отказывается от него. Этот пародийный контраст добавляет элемент юмора, так как сверхъестественное по своей природе уже предполагает наличие элемента «неестественности», что делает высказывание противоречивым и комическим.

But it was getting late; in fact it was getting so late that it was getting early [4, с. 151].

Это еще один пример, где Терри Пратчетт играет со значением слов “late” и “early”, переворачивая обычное представление о времени. Выражение «it was getting so late that it was getting early» создает парадоксальную ситуацию, когда время продолжает свой ход все дальше и дальше, что уже начинает становиться не так уж далеким утром.

'But how can a city be alive? It's only made up of dead parts!' said Ludmilla. [5, с. 158]

'That's not fair, you know. If we knew when we were going to die, people would live better lives.'

IF PEOPLE KNEW WHEN THEY WERE GOING TO DIE, I THINK THEY PROBABLY WOULDN'T LIVE AT ALL [5, с. 138].

В первом примере при описании города автор использует антонимы “dead” и “alive”, чем достигается юмористический эффект за счёт игры слов и противоречия между тем, что город состоит из «мертвых» элементов, но в то же время рассматривается как живой организм. Во втором примере автор использует похожую пару антонимов “die” и “live”. Он выражает мысль о том, что знание точного времени своей смерти могло бы ослабить желание жить, так как человек чувствовал бы, что время его жизни ограничено, и он не имеет контроля над ним. Через иронию и противопоставление, это высказывание подчеркивает непредсказуемость жизни и живо напоминает о важности жить в моменте.

In the hall of the house of Death is a clock with a pendulum like a blade but with no hands, because in the house of Death there is no time but the present [5, с. 15].

В этом фрагменте юмористический эффект достигается за счет описания часов в доме Смерти, где «времени нет, кроме настоящего», что противоречит общепринятому представлению о времени и часах. Автор использует антонимы “no time” и “present” для достижения данного эффекта.

There are the people of the day, and the creatures of the night. And it's important to remember that the creatures of the night aren't simply the people of the day staying up late because they think that makes them cool and interesting. It takes a lot more than heavy mascara and a pale complexion to cross the divide [6, с. 47].

Комический эффект здесь достигается путем игры с образами людей и существ ночи с помощью антонимов “people” и “creatures”, а также “day” и “night”.

Miss Butts's mouth opened and shut. And Susan realized that the woman was actually quite short. She had a tall bearing and a tall voice and a tall manner, and was tall in every respect except height. Amazingly, she'd apparently been able to keep this a secret from people [6, с. 333].

В данном примере автор использует антонимы “short” и “tall” при описании персонажа. Благодаря использованию данных антонимов описание получается комичным, поскольку автор утверждает, что Мисс Батс высока во всех отношениях, кроме роста.

It was the living who ignored the strange and wonderful, because life was too full of the boring and mundane. But it was strange. It had things in it like screws that unscrewed themselves, and little written messages to the dead [5, с. 39].

Здесь автор использует несколько пар антонимов, таких как “wonderful” и “boring”, “strange” и “mundane”.

It was eight in the morning, a time when drinkers are trying either to forget who they are or remember where they live [6, с. 227].

В этом примере можно найти антонимы “forget” и “remember”. Автор использует саркастичное выражение, указывая на то, что в это время некоторые выпившие либо пытаются забыть свою личность, либо вспомнить, где они живут.

And when that went wrong, and its potential wrongness was built right into it, he did something else to make it right [6, с. 263].

I'VE NEVER BEEN VERY SURE ABOUT WHAT IS RIGHT, said Bill Door. I AM NOT SURE ?WHERE? IS SUCH A THING AS RIGHT. OR WRONG. JUST PLACES TO STAND.

'No, right's right and wrong's wrong, 'said Miss Flitworth. 'I was brought up to tell the difference. ' [5, с. 128].

В данных примерах юмористический эффект создается за счет антонимов “wrong” и “right”, что вызывает противоречия в самой ситуации. В первом примере фраза «когда это пошло не так, и его потенциальная неправильность была заложена в него, он сделал что-то другое, чтобы исправить это» играет с идеей, что решение проблемы создает новую проблему, а затем еще одну. Это создает комический контраст и парадоксальную ситуацию, что придает высказыванию юмористическую нотку.

Во втором примере Билл Двер выражает свои сомнения в существовании абсолютно верного или неверного, утверждая, что это просто места, на которых что-то стоит. Выражение Мисс Флитворт “right's right and wrong's wrong” с утверждением о том, что “она была воспитана, чтобы различать”, создает забавный контраст и подчеркивает разницу в мировоззрении персонажей.

Light thinks it travels faster than anything but it is wrong. No matter how fast light travels it finds the darkness has always got there first, and is waiting for it [5, с. 173].

В данном примере Терри Пратчетт использует антонимы “light” и “darkness” и указывает, что, хотя свет может казаться самым быстрым, он всегда обнаруживает, что тьма уже там, где он хотел появиться.

“A lot of knowledge is a dangerous thing,” said the skull. “A lot more dangerous than just a little. I always used to say that, when I was alive.” [6, с. 59].

Этот фрагмент представляет собой ироничное высказывание, которое подчеркивает опасность обладания большим количеством знаний. Череп, который является персонажем, говорит о том, что обладание большим объемом знаний может оказаться гораздо более опасным, чем иметь немного знаний.

Таким образом, лексические средства представляют собой важный инструмент, который автор использует для творческого самовыражения

и который позволяет ему раскрывать новые миры, создавать уникальные языки для вымышленных народов и раскрывать скрытые тайны персонажей. Терри Пратчетт в своих работах часто прибегает к использованию синонимов и антонимов с целью добавления высказыванию юмористического оттенка. Это придает его произведениям характерный, интеллектуальный юмор, который стал его неповторимой маркой.

Библиографический список

1. Вержинская И.В. Лингвокультурологический анализ британской и американской юмористической фэнтези: автореф. дис. ... к.ф.н. Челябинск, 2019. 23 с.
2. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: дис. ... к.ф.н. Москва, 2000. 290 с.
3. Хроленко А.Т. Основы культурологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 184 с.
4. Pratchett T. Mort. London: Corgi Books, 2004. 317 p.
5. Pratchett T. Reaper Man. London: Corgi Books, 2004. 287 p.
6. Pratchett T. Soul Music. London: Corgi Books, 2004. 378 p.

References

1. Verzhinskaja I.V. Lingvokul'turologičeskij analiz britanskoj i amerikanskoj jumorističeskoj fjentezi: avtoref. dis. ... k.f.n. Cheljabinsk, 2019. 23 s.
2. Kulinich M.A. Semantika, struktura i pragmatika anglojazыčnogo jumora: dis. ... k.f.n. Moskva, 2000. 290 s.
3. Hrolenko A.T. Osnovy kul'turologii. M.: FLINTA: Nauka, 2008. 184 s.
4. Pratchett T. Mort. London: Corgi Books, 2004. 317 p.
5. Pratchett T. Reaper Man. London: Corgi Books, 2004. 287 p.
6. Pratchett T. Soul Music. London: Corgi Books, 2004. 378 p.

Сведения об авторах

Болотова Елена Валерьевна, к. филол. н., доцент, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: e.v.bolotova@struust.ru.

Лятычевская Виктория Юрьевна, студентка 4 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ.

About the authors

Bolotova Elena Valerievna, Ph.D. Sc., Associate Professor, Associate Professor, Sterlitamak branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: e.v.bolotova@struust.ru.

Lyatychevskaya Victoria Yurievna, 4th year student, Sterlitamak branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: e.v.bolotova@struust.ru.

УДК 81.811.112

Гайсина Г. М., Зайцева Ю.С.
АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОМАНА ДЖ.К. РОУЛИНГ
«ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»

Gaisina G.M., Zaitseva Y. S.
ANTHROPONYMIC SYSTEM OF J.K. ROWLING'S NOVEL
"HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHER'S STONE"

***Аннотация:** данная статья посвящена изучению семантических особенностей антропонимов романа «Гарри Поттер и философский камень». Анализу подвергается этимология онимов и способ реализации номинативного потенциала механизмами прямой или вторичной номинации, исследуются источники антропонимической системы романа.*

***Ключевые слова:** антропоним, имя собственное, семантика, этимология, этноним.*

***Abstract:** the article is devoted to the study of the semantic features of anthroponyms in the novel "Harry Potter and the Philosopher's Stone". The etymology of onyms and the way of realizing the nominative potential by mechanisms of direct or secondary nomination are analyzed, and the sources of the novel's anthroponymic system are examined.*

***Key words:** anthroponym, proper name, semantics, etymology, ethnonym.*

Имя собственное – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [5, с. 473].

Центральной функции имени собственного является номинативная функции, которая дифференцирует онимы в отдельный класс, так как доминирующая функция имен нарицательных – «называть, чтобы сообщать значение, коннотировать» [4, с. 153].

Имя собственное, «официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак», называется антропонимом [1, с. 38].

Т.В. Мясковская и В.В. Семина классифицировали антропонимы следующим образом: «личное имя (имя при рождении), отчество (патроним – именование по отцу), фамилия (родовое или семейное имя), прозвище, псевдонимы, криптоним (скрываемое), антропонимы литературных произведений, антропонимы – производные этнонимов (названия наций, народов, народностей)» [2, с. 52].

В романе Джоан Роулинг присутствует множество говорящих имен, которые определяли своего обладателя.

Предметом исследования является роман Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Философский Камень». В анализе представлено 15 имен: Harry Potter, Ronald Weasley, Severus Snape, Draco Malfoy, Albus Percival Wulfric Brian Dumbledore, Hermione Granger, Hedwig, Neville Longbottom, Sirius Black, Minerva McGonagall, Quirinus Quirell, Pomona Sprout, Filius Flitwick, Fred Weasley, George Weasley.

Имя «Harry» является среднеанглийской формой имени «Henry», имени, которое предпочитали многие английские короли [6]. Лидерство тесно связано с именем Гарри, а также с тематикой войны, которая ему хорошо знакома. Также стоит отметить, что имя Гарри связано с старым верхненемецким словом «Heri», что переводится как «армия». Учитывая его роль в армии Дамблдора, это кажется весьма уместным [9]. Слово «Potter» с английского переводится как «гончар» (*a person who makes dishes, plates, and other objects from clay, usually by hand on a special wheel*) [7].

Имя «Ronald» – шотландское производное от древнескандинавского «Rögnvaldr», состоящее из элементов «regin» («совет, наставник») и «valdr» («правитель») [6]. Это роль, которую Рон отчасти играет в книге, как закадычный друг Гарри. Фамилия «Weasley» происходит от английского слова «weasel», означающего «ласка» [7]. Роулинг говорит, что с детства питает любовь к семейству куных. [10].

Имя «Severus» происходит от римской фамилии, означающей «суровый» на латыни [6]. Фамилия «Snape» образована от среднеанглийского глагола «sneap» («быть суровым, упрекать, поносить, пренебрежительно относиться»). И имя, и фамилия олицетворяют характер персонажа [9].

«Draco» с латинского переводится как «огромная змея, дракон» и может относиться к принадлежности к факультету Слизерин, символом которой является змея [6]. Антропоним «Malfoy» происходит от

старофранцузского и переводится как «недобросовестность» («mal» – «плохой, злой» и «foi» – «вера, доверие»), что описывает семейство Малфоев [10].

Имя «Albus» по-латыни означает «белый», что может иметь какое-то символическое объяснение, но также может просто относиться к его бороде. Percival был одним из рыцарей Круглого стола короля Артура. Он был первым рыцарем, отправившимся на поиски утраченного Грааля. Роулинг могла бы выбрать это название для обозначения храбрости Дамблдора, его чувства истории и любознательности. Wulfric – англосаксонское имя, которое означает «волчий правитель» или «волчья сила». Дамблдор на самом деле не имеет никакого отношения к волкам, так что Роулинг, возможно, намекала на Вульффрика из Хэзелбери, британскому деятелю 12-го века, который был известен как чудотворец. Значение имени «Brian» неопределенное, родственное ему слову «brigā» означает «мощь, могущество». Фамилия героя «Dumbledore» является диалектной формой английского слова, означающего «шмель» [6]. Как сказала Роулинг в интервью в 1999 году: «Поскольку Альбус Дамблдор очень любит музыку, я всегда представляла его как бы напевающим что-то себе под нос» [8].

Имя лучшей подруги главного героя – «Hermione» – имеет богатое мифологическое значение, поскольку в греческой мифологии Гермиона была дочерью царя Спарты Менелая и его жены Елены Троянской. Между тем, «Granger» – это распространенная английская и французская фамилия, происходящая от профессионального прозвища, которое использовалось для обозначения работника фермы, занимавшегося обработкой зерна [6].

Имя совы главного героя «Hedwig» происходит от древнегерманского имени «Hadewig», образованного от древнегерманских элементов «hadu» («битва, единоборство») и «wig» («война») [6]. Это может ссылать нас на то, что сова погибла во время сражения, защищая своего хозяина.

Интересным именем одарила писательница и друга Гарри Поттера – Невилла Лонгботтома. Имя «Neville» образована от английской фамилии, которая изначально происходит от названия местности, означающей «новый город» на нормандском французском. Это имя в основном распространено в Великобритании и Австралии. Фамилия

«Longbottom» является английским топографическим именем, связанным с Западным Йоркширом, и со среднеанглийского переводится как человек, проживающий в длинной долине: «long» («длинный») + «botme» (дно долины) [6].

«Sirius» – название яркой звезды в созвездии Большого Пса [6]. «Black» с английского переводится как «черный» [7]. Именно в большого черного пса превращается Сириус в своей анимагической форме.

Имя «Minerva», возможно, происходит от латинского «mens», означающего «интеллект», но, скорее всего, этрусского происхождения. Минерва была римской богиней мудрости и войны, приблизительно эквивалентной греческой богине Афине. В романе Минерва всегда выступает мудрой женщиной. Фамилия «McGonagall» является вариацией фамилии «McGonigle». «McGonigle» – это англицизированная форма гэльского «Mac Conghail» (иногда «Mac Conghaile»), отчества от личного имени «Conghal», состоящего из древних кельтских элементов, означающих «гончая» и «доблесть» [6].

Имя «Quirinus», возможно, происходит от сабинского слова «quiris», означающего «копье». Квирин был сабинским и римским богом, иногда отождествляемым с Ромулом [6].

«Romona» от латинского слова «romus» переводится как «фруктовое дерево». Так звали римскую богиню фруктовых деревьев [6]. «Sprout» происходит от среднеанглийского слова «sprout» («прорасти, расти, прорасти как бутон») [9]. В романе она является преподавателем Травологии.

«Filius» – латинское слово, означающее «сын» [6]. Фамилия «Flitwick» образована от английского глагола «flit» («*to fly or move quickly and lightly*») и существительного «wick», что переводится как «фитиль» [7].

«Fred» является короткой формой имени «Frederic» – английской формы древнегерманского имени, означающего «мирный правитель», производного от «fridu» («мир») и «rich» («правитель, король»). Имя его близнеца – «George» – происходит от греческого имени «Γεώργιος» («Georgios»), которое произошло от греческого слова «γεωργς» («georgos»), означающего «фермер, земледелец» [6].

Так антропонимическая система романа характеризуется следующими группами антропонимов:

1) нехарактеристическими антропонимами (Neville Longbottom, Filius Flitwick, Quirinus);

2) характеристическими антропонимами прямой номинации, отражающей черты характера героя (Severus Snape, Minerva, Ronald, Percival);

3) характеристическими антропонимами вторичной номинации, отражающей внешний вид человека (Albus).

Источниками антропонимии исследуемого романа являются латинская, старофранцузская и древнегерманская системы имен.

Библиографический список

1. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.

2. Мясковская Т.В. Особенности классификации исторических антропонимов // Science and world. International scientific journal. 2014. №12 (16). С. 52–55.

3. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и Философский Камень, Bloomsbury, 1997. 223 с.

4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

5. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 688 с.

6. Behind the Name. URL: <https://www.behindtheName.com/Name> (дата обращения: 17.02.2024).

7. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.02.2024).

8. Lydon, Christopher. J.K. Rowling interview transcript, The Connection (WBUR Radio), 12 October, 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://www.accio-quote.org/articles/1999/1099-connectiontransc2.htm#p3> (дата обращения: 17.02.2024).

9. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 16.02.2024).

10. Wizarding World: The Official Home of Harry Potter. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wizardingworld.com/> (дата обращения: 16.02.2024).

References

1. Yermolovich D.I. (2001). *Imena sobstvennyye na styke yazykov i kultur* [Proper names at the intersection of languages and culture]. M.: R.Valent., 2001, 200 s.
2. Myaskovskaya T.V. (2014). *Osobennosti klassifikatsii istoricheskikh antroponimov* [Features of classification of historical anthroponyms] // *Science and world. International scientific journal*. № 12(16), pp 52-55.
3. Rowling J.K. (1997). *Harry Potter and the Philosopher's Stone*, Bloomsbury.
4. Superanskaya A.V. (1973). *Obschaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name], M.: Nauka.
5. Yartseva V.N. (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], M.: «Sovetskaya entsiklopediya».
6. Behind the Name. URL: <https://www.behindtheName.com/Name> (accessed: 17.02.2024).
7. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 18.02.2024).
8. Lydon, Christopher. J.K. Rowling interview transcript, The Connection (WBUR Radio), 12 October, 1999. URL: <http://www.accio-quote.org/articles/1999/1099-connectiontransc2.htm#p3> (accessed: 17.02.2024).
9. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 16.02.2024).
10. Wizing World: The Official Home of Harry Potter. URL: <https://www.wizingworld.com/> (accessed: 16.02.2024).

Сведения об авторах

Гайсина Гульназира Мунировна, студентка 2 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ E-mail: gulnazira_gajsina@bk.ru.

Зайцева Юлия Сергеевна, ассистент кафедры германских языков Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: y.s.zaytseva@struust.ru.

About the authors

Gaisina Gulnazira Munirovna, 2nd year student of the Faculty of Philology, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: gulnazira.gajsina@bk.ru.

Zaitseva Yulia Sergeevna, teaching assistant of the department of Germanic languages, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: y.s.zaytseva@struust.ru.

УДК 808.1

**Жигалова Я. И., Матвеева Н.В.
ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА В.В. НАБОКОВА
НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ К ВЕРЕ**

**Zhigalova Y.I., Matveeva N.V.
THE PHENOMENON OF V.V. NABOKOV'S BILINGUALISM
ON THE EXAMPLE OF LETTERS TO VERA**

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен билингвизма писателя, поэта, переводчика В.В. Набокова на материале его писем к жене Вере. Были проанализированы моменты переключения с одного языка на другой, а также дана характеристика В.В. Набокову как билингвальной личности.*

***Ключевые слова:** билингвизм, В. Набоков, билингвальная личность, языковая интерференция, языковая картина мира.*

***Annotation.** The article examines the phenomenon of bilingualism of the writer, poet, translator V.V. Nabokov based on his letters to his wife Vera. The moments of switching from one language to another were analyzed, and also V.V. Nabokov's characteristics as a bilingual person were given.*

***Key words:** bilingualism, V. Nabokov, bilingual personality, language interference, linguistic picture of the world.*

Языковеды проявляют большой интерес к исследованию феномена билингвизма. Это явление представляет собой способность свободно говорить на двух языках. В результате длительного контакта с другим языком, происходит культурное взаимовлияние, что, безусловно, отражается на мировосприятии и повседневных речевых коммуникациях. В нашей статье мы рассмотрим феномен билингвизма писателя, поэта, переводчика В.В. Набокова на материале его писем к жене Вере.

Билингвизм – это не просто знание в той или иной степени нескольких языков, а совершенное владение двумя языками, благодаря чему можно успешно достигать коммуникативных целей в любой языковой

ситуации. Умение в равной степени общаться на родном и неродном языке формирует в сознании личности две языковые картины мира.

Согласно основной классификации (по возрасту и способу усвоения языка), билингвизм подразделяют на: врождённый или детский и приобретённый [4, с. 39]. Детский билингвизм возникает, когда ребёнок впитывает два языка с рождения. Приобретённый билингвизм – усвоение второго языка на уровне родного в более позднем возрасте. Любопытно, что для Владимира Набокова характерно и то, и другое проявление билингвизма. В обиходе семьи Набоковых использовалось даже не два, а три языка: русский, английский и французский, – таким образом, будущий писатель владел сразу тремя языками с раннего детства. По его собственным словам, он научился читать по-английски прежде, чем по-русски. Кроме этого, переезд в Берлин так же отразился на впитывании нового языка, новой культуры.

Билингвы часто смешивают языки, вставляя в свою речь слова из другого языка, например, сходные по смыслу, но более лёгкие в произношении, или более подходящие для выражения мысли. Письма Набокова к жене Вере содержат большое количество примеров подобного проявления феномена билингвизма. Мы проанализировали моменты, когда писатель переключается с русского на английский (а также французский, немецкий) язык и наоборот. Владимир Набоков с особой тщательностью относится к выбору слов как в своих произведениях, так и повседневной эпистолярной переписке, благодаря чему выражения на иностранных языках отражают нюансы каждого из языков.

Особенно ярко национально-культурный компонент прослеживается в лексике, фразеологии и афористике, поскольку «разные языки не просто по-разному обозначают один и тот же предмет, одно и то же явление, но и обозначают разные видения этого предмета и явления» [2, с. 500]. Билингвы, впитывая культуру второго языка, вместе с ним усваивают и новую языковую картину мира.

Рассуждая о способности Владимира Набокова без труда высказывать свою мысль на нескольких языках, можно говорить о таком понятии, как билингвальная личность, то есть личности, «овладевшей вербально-семантическим кодом первого (родного) и второго (неродного) языков, языковой и концептуальной картиной мира носителей родного и неродного языков» [2, с. 501]. Билингвальная личность способна под-

держат любую тему на двух языках. По причине того, что в сознании билингва существует две языковые картины мира, билингв может оперировать ключевыми словами-концептами не только родного, но и второго языка.

Ситуацию, когда говорящий внезапно «переходит» с одного языка на другой, называют переключением (или смешением) кодов. Это явление встречается как в устной, так и в письменной речи. Среди причин переключения кодов наиболее часто встречающимися можно назвать сложности подбора слов-эквивалентов и процессы адаптации в новой среде. Это происходит из-за интерференции языковых систем, то есть такого взаимодействия языков, при котором происходит отклонение от принятых норм второго языка под влиянием родного.

Письма к Вере Владимира Набокова демонстрируют изобилие слов и предложений на английском языке, используемых по разным причинам. Мы выделили следующие:

1) Очень личная, интимная мысль: «Я почему-то очень *touchy* ‘чувствителен’ относительно этой вещи» [3, с. 61]; «I love you, my own darling, my sweetheart, my life...» ‘Я люблю тебя, моя дорогая, моя милая, моя жизнь...’ [3, с. 126]; «My love, I seal you with six kisses: eyes, mouth... and the others I shan’t tell you ‘Моя любовь, дарю тебе шесть поцелуев: глаза, губы... и другие места, которые я не скажу’» [3, с. 139].

2) Выделение главной идеи, обращение внимания Веры: «Я все тверже убеждаюсь в том, что *the only thing that matters* ‘единственная важная вещь’ в жизни, есть искусство» [3, с. 74].

3) Описание быта: «Обедал (да, должен тебе открыть маленькую тайну: до сих пор *I had my meals* ‘обедал’ либо на письменном столе, либо – если работал – на ночном столике. И то и другое было чрезвычайно неудобно. Сегодня уехал кто-то из жильцов, и наконец я получил удобный стол для *meals* ‘еды’. Он стоит у печки) – какое-то мясо и земляника, – потом пошел на теннис. Я так много играл и так было жарко, что промок, как мысч, – и, вернувшись, *I took a perfectly delicious cold bath* ‘я принял восхитительную холодную ванну’» [3, с. 138]; «При этом лондонский *underground* ‘метрополитен’ – ад, даром что благоустроенный...» [3, с. 294].

Иногда В. Набоков пишет иностранные выражения, сопровождая своим переводом: «Отчего ты мне ничего не пишешь про Варну. *I thought you would jump at it* (ухватишься)» [3, с. 180].

Одним из интересных наблюдений стало то, что Владимир Набоков часто не просто употребляет слова других языков, но и «адаптирует» их под грамматику русского языка, склоняя по падежам. Например: «Я сегодня в синем костюме – и, конечно, в рябчике, которого я полюбил больше всех *jumper* 'ов и *sweater* 'ов 'джемперов и свитеров', которые когда-либо у меня были» [3, с. 119]; «Прочитав, жар-звереньш, твой письмыш, я стал мыться в *tub*'е 'ванне'» [3, с. 165], «Все нити, все пружины пущены в ход, дабы добиться *lecturing job*'а 'чтение лекций'» [3, с. 294].

Имена и фамилии людей Владимир Набоков практически всегда приводит на языке оригинала: «И знаешь, оказывается, что вовсе не *Edison* 'Эдисон' выдумал телефон, а какой-то другой американец – тихий человек, фамилию которого никто не помнит» [3, с. 57]; «Так я раздумывал, потом читал *Henry James* 'Генри Джеймс', попивал молочко» [3, с. 108]; «После обеда пошел давать урок Каплану – переводил с ним *Rousseau* 'Руссо', – потом вернулся, сочинял до шести и отправился на Регенбургштр» [3, с. 115]. Интересно, что В. Набокову самому приходилось объяснять окружающим особенности имен в английском языке: «Затем поплыл к Капланше и в сотый раз ей объяснял, что «*Joan*» – не какой-то господин «Иван», а девушка *Joanna*» [3, с. 103]. В этом примере писатель даже соединил буквы русского и английского алфавита в одном слове.

Топонимы В. Набоков также пишет в оригинале: «Есть крошечный русский ресторанчик, в самой грязной части *Marseille* 'Марсель'» [3, с. 53]; «Завтра в 9 ч. едем в *Döggingen* 'Дёггинген', будем там в полдень, пообедаем и пешком отправимся в *Bol* 'Бол', где переночуем» [3, с. 84]; «В синем костюме и кремовой рубашке с галстучком-бантиком в белую горошинку я поплыл на *Regensbur-gerstr.* 'Регенбург герштрассе', где, впрочем, никого не оказалось» [3, с. 90]; «В одном месте, на *Hohen zollern dam* 'плотина Гогенцоллерн', строился дом...'» [3, с. 146]. Владимир Набоков, известный своими языковыми играми, и здесь использует прием, сравнивая название немецкого города Вер с именем жены Веры: «Здравствуй, мое солнце, / пришли с Фельдберга в милейший *St-Blasien* 'Санкт-Блазиен'. Завтра идем в *Wehr* 'Вер' и, вероятно, в пятницу будем в Констанце» [3, с. 86]; «В твоей тещке не останавливаемся (только выпьем молочка) и идем дальше в *Säkingen* 'Зекинген' (всего 30 верст от *Todtmoss* 'Тодтмос')» [3, с. 87].

В оригинале звучат и названия произведений искусства, газет: «Я себя чувствовал как картина «The Boy-Scout or One good deed every day ‘Бойскаут или Один хороший поступок каждый день’» [3, с. 130]; «Сейчас разбирал пыльные книги, кое-что привезу, объелся старыми номерами «Entomologist ‘Энтомолог’» [3, с. 175].

Владимир Набоков – не только известный и талантливый писатель, но и энтомолог. Он внес большой вклад в изучение чешуекрылых, открыв много новых видов насекомых, а его коллекция бабочек составляет более четырех тысяч экземпляров. Разумеется, в письмах к Вере Набоков описывал и бабочек, названия которых приводит на латинице: «Оттуда (ветрено, мутновато-солнечно, под деревьями сетки тени сползают на прохожих, не могут удержать, скользят, не зацепляясь, превращая пальто в движущуюся пятнистую шкуру) пошел в магазин бабочек, получил свою прелестную *Arctia hebe* ‘Медведица геба’ и поспорил кое о чем с хозяином (он полагал, что *Daphnis nerii* ‘Бражник олеандровый’ на Сицилии не водится, а я ему сказал, что не только там *nerii* ‘олеандровый’ водится, но и *livornica* ‘линейчатый’, и *celerio* ‘большой винный’, и даже *niceae* ‘южный молочайный’. Каких он мне показал чудесных *Aporia crataegi augusta* ‘Боярышница обыкновенная’!). <...> В коридоре встретил хозяйку (нет, это было раньше, до обеда, когда я перетыкал моих бабочек, чтобы сделать место для *hebe* ‘гебы’, и потом вышел в коридор, услыша голос хозяйки и решив попросить у нее лампочный шнур подлинней), и она сказала мне, что относится ко мне как к сыну – и «если у вас что-нибудь на душе, придите, потолкуем» [3, с. 90]. В письмах прослеживается трепетное отношение Владимира Набокова к бабочкам: «Бабочек нельзя так описывать. Что значит «желтая»? Есть миллион оттенков желтого. Та маленькая, в черных крапинках, должно быть, не просто желтая, а оранжевато-рыжая – вроде мази для желтых сапог. Если это так, то принадлежит она к роду *Brenthis* ‘Перламутровка’ или *Melithea* ‘Шашечница’ (дневные бабочки с пестрым, часто перламутровым исподом). Другая же, ты пишешь, белая с желтым кантом? Не знаю. Опиши подробнее, – и вообще, еще отметь нескольких» [3, с. 120].

Как мы уже писали выше, с детства В. Набоков владел тремя языками. По этой причине писатель часто высказывает мысль и на французском языке (реже, чем на английском). Например: «Потому что

с тобой нужно говорить – дивно, как говорят, например, с людьми, которых больше нет, – дивно, понимаешь, в значенье чистоты и легкости и душевной точности, а я – *je patauge* ‘немножко побаиваюсь’ ужасно» [3, с. 56]; «Глядя на тебя, на желтое стекло в вокзальном окне за тобой и на твои серые ботинки – один в профиль, другой *en trois quarts* ‘три четверти’, – почему-то именно тогда я понял, как я люблю тебя» [3, с. 59]; «А я ведь *bourgeois* ‘буржуа’ в житейских вещах» [3, с. 62]; «Я читал Нилуса и Красного – *c’est tout dire* ‘этим все сказано’» [3, с. 71]; «Однако около шести хлестнул ливень, я побежал домой *et je me régalaï d’un bain froid* ‘и наслаждался холодной ванной’» [3, с. 140]. Ласковые обращения к Вере на французском языке приобретают еще большую возвышенность: «*My grand ciel rose* ‘мое большое розовое небо’, утром один поехал в Груневальд, с десяти до часу валялся голый на песочке, затем вернулся и обедал (печенка, яблочное пюре)» [3, с. 140].

Ещё реже Владимир Набоков употребляет слова на немецком языке: «Вчера наконец приехала наша мебель *u. s. w.* ‘и так далее’» [3, с. 67]; «Насчет автоб: я флиртую с четырьмя издателями, из коих *kommt in Frage: Duckworth* ‘под вопросом: Дакворт’ (очень солидный, сегодня с ним условился – о прочтении рукописи – на коктейль-парты у *Mrs Allen Harris* ‘мисс Аллен Харрис’) или *Putnam* ‘Патнам’ (это с легким оттенком баронессы, которая хочет «передать», хотя я говорил с самим и мог бы ему дать непосредственно)» [3, с. 294]. Возможно, это вызвано личным отношением писателя к вынужденному проживанию в Берлине: «Но уедем, любовь моя, из Берлина. Это город несчастий и неудач. То, что я встретил тебя именно там, – невероятный промах со стороны неблагосклонной ко мне судьбы» [3, с. 81]; «Моя душенька, из побочных маленьких желаний могу отметить вот это – давнее: уехать из Берлина, из Германии, переселиться с тобой в южную Европу. Я с ужасом думаю об еще одной зиме здесь. Меня тошнит от немецкой речи, – нельзя ведь жить одними отраженьями фонарей на асфальте, – кроме этих отблесков, и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, есть еще вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус гнилой колбасы и самодовольное уродство. Ты это все понимаешь не хуже меня. Я предпочел бы Берлину самую глухую провинцию в любой другой стране» [3, с. 142].

Стоит отметить, что «каждый национальный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира» [1, с. 38], поэтому «носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [1, с. 37]. Мы проанализировали письма Набокова к Вере, чтобы выяснить, как писатель адаптировался к новым культурам. Будучи во Франции, Набоков посещал русский ресторан: «Я харчил там с русскими матросами – и никто не знал, кто я и откуда, и сам я дивился, что когда-то носил галстух и тонкие носки. Мухи кружились над пятнами борща и вина, с улицы тянуло кисловатой свежестью и гулом портовых ночей» [3, с. 53]. К Праге относится будто настороженно: «Прагу я еще не видал – да вообще мы с нею в ссоре» [3, с. 60]; «Вот что я пока заметил в Праге: очень много ломовых и на магазинах такие надписи, как когда француз вставляет в роман русские словечки, желая щегольнуть, – и щеголяет безграмотно» [3, с. 61]. Кстати, привычку употреблять иностранные слова в русской речи Набоков даже определяет как отличительную черту его с женой эпистолярного стиля: «Ты знаешь, мы ужасно похожи друг на друга... Например, в письмах: мы оба любим 1) вставлять незаметно иностранные слова» [3, с. 63]. Встречая русских людей за границей, Владимир Набоков заостряет на этом внимание в письмах: «Народу мало – все пожилые четы пражан, подобные медленным тихим тумбам. Русских нет – слишком для них дорого, но зато неподалеку, там, где в долине краснеют крыши деревушки, живут Чириковы и Цветаева» [3, с. 77]; «В гостинице две русских барышни (!) В.» [3, с. 87].

Подводя итог, можно сказать, что в письмах к Вере феномен билингвизма Владимира Набокова отражается в полной мере. На нескольких языках (русский, английский, французский, немецкий) писатель передает свои мысли и эмоции так, что они звучат максимально органично и естественно для каждой языковой культуры. Это также подчеркивает и его уникальный взгляд на мир, поскольку билингвальная личность обладает миропониманием как родного языка, так и неродного. Объединение языков, разных культур делают речь Набокова-билингва насыщенной и многогранной.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Закирьянов К.З. Два феномена: билингвизм и билингвальная личность // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1, том 17. С. 498–502.
3. Набоков В. Письма к Вере / Владимир Набоков; статья Б. Бойда; коммент. О. Ворониной и Б. Бойда; пер. с англ. А. Глебовской. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 704 с.
4. Токиул М.В. О билингвизме // Символ науки. 2021. № 1. С. 139–140.

References

1. Apresjan Ju. D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 1. S. 37–67.
2. Zakir'janov K.Z. Dva fenomena: bilingvizm i bilingval'naja lichnost' // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. № 1, tom 17. S. 498–502.
3. Nabokov V. Pis'ma k Vere / Vladimir Nabokov; stat'ja B. Bojda; komment. O. Voroninoj i B. Bojda; per. s angl. A. Glebovskoj. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 704 s.
4. Tokjul M.V. O bilingvizme // Simvol nauki. 2021. № 1. S. 139–140.

Сведения об авторах

Жигалова Яна Ивановна, Студентка 1 курса магистратуры филологического факультета. Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: y.i.zhigalova@struust.ru.

Матвеева Наталья Васильевна. Заведующий кафедрой германских языков, кандидат филологических наук, доцент. Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: n.v.matveeva@struust.ru.

About the authors

Zhigalova Yana Ivanovna, 1st year student of master's course at the Faculty of Philology. Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology. Sterlitamak, Russia. E-mail: y.i.zhigalova@struust.ru.

Matveeva Natalya Vasilievna, Head of the Department of Germanic Languages, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology. Sterlitamak, Russia. E-mail: n.v.matveeva@struust.ru.

УДК 81

**Имангулова Э. В., Хабибуллина О. А.
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, НАПРАВЛЕННЫЕ
НА СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ТОВАРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ**

**Imangulova E. V., Khabibullina O.A.
LEXICAL MEANS AIMED AT CREATING A PRODUCT IMAGE
IN ENGLISH ADVERTISING TEXT**

***Аннотация.** В настоящее время при создании рекламного текста лексические средства способствуют продвижению эффективности его языкового оформления. Как известно, для привлечения внимания адресата необходимы такие языковые средства, которые способны побудить его сделать выбор в пользу рекламируемого товара. В данной статье мы анализируем английские рекламные тексты, с целью выявления в них особенностей лексических средств, так как именно они являются неотъемлемой частью составления рекламного контекста.*

***Ключевые слова:** реклама, лексические средства, язык рекламы, рекламный текст, средства выразительности.*

***Abstract.** Currently, when creating advertising text, lexical means help promote the effectiveness of its linguistic design. As you know, to attract the attention of the addressee, such linguistic means are necessary that can induce him to make a choice in favor of the advertised product. In this article we analyze English advertising texts in order to identify the features of lexical means in them, since they are an integral part of the composition of the advertising context.*

***Key words:** advertising, lexical means, advertising language, advertising text, means of expression.*

Рекламное сообщение имеет цель заинтересовать внимание адресата, поэтому его эффективность зависит от его заметности. Согласно

многочисленным исследованиям, реклама – это мощный маркетинговый инструмент, созданный для привлечения потребителей и превращения их в активных пользователей товаров и услуг. Для того чтобы усовершенствовать рекламное воздействие и достичь желаемого изменения поведения потребителя, автор рекламного сообщения фокусируется на выборе языковых средств различных уровней. Если мы хотим, чтобы рекламный текст был замечен, то художественно-образительные средства – это то, что необходимо. Они создают образ товара. Слова в тексте должны быть подобраны так, чтобы они правильно воздействовали на воображение потребителя, закрепили в подсознании только положительные ассоциации с товаром, в то время открывая и описывая ему какие-то новые стороны рекламируемого объекта. Рекламный текст должен быть заранее подготовленным, кратким, конкретным, логичным, убедительным, содержательным, но и в то же время простым. Он должен предоставить максимум информации, чтобы заинтересовать покупателя и подтолкнуть его отдать предпочтение предлагаемому товару. Оригинальность текста достигается с помощью использования различных стилистических средств. Лексическое оформление рекламного текста характеризуется многообразием форм и признаков, но среди них можно выделить наиболее часто используемые лексические средства, которые оказывают эффективное воздействие на покупателя и помогают создать выразительный образ товара. Такими средствами являются метафора, эпитет, гипербола, лексический повтор, антитеза [1].

Наиболее распространенным и ярким средством привлечения внимания в рекламных текстах является лексика, указывающая на уникальность товара. Это средство способно увеличить убедительность рекламы и аргументацию в пользу одного товара перед другим. Рекламодатель, используя данную лексику, не только описывает положительные свойства продукции и объясняет, почему потребитель должен выбрать именно этот товар, но и создает яркий образ продукта, что позволяет сократить объем текста и облегчает восприятие сообщения.

Можно сказать, что текст рекламы – это особая комбинация самого содержания и формы, где мысли и выражения объединяются в единое целое. При каждом редактировании рекламного текста важно обращать внимание на языковые тонкости и выражения. Язык рекламы представ-

ляет собой средства передачи этого содержания через слова. Мысль можно воплотить различными способами, используя всевозможные лексические и стилистические оттенки и акценты [2].

Материалом к исследованию послужили тексты англоязычной рекламы, взятые на официальных сайтах компаний из сети Интернет. Нами были проанализированы следующие рекламные тексты: M&M's (шоколадное драже), Blend-a-Med (зубная паста), Aussie (шампунь), Chanel (духи), Dove (шоколад), KitKat (шоколад), Nivea (крем), Maybelline (тушь), Payot (крем), Guerlain (тональный крем), Baldessarini (духи), Versace (духи).

В результате анализа было выявлено, что арсенал приемов, используемых в рекламных текстах, достаточно велик. Наиболее выделяющимися и интересными средствами выразительности являются эпитет, метафора, олицетворение, гипербола и лексический повтор.

Ярким примером использования эпитета служит рекламное сообщение компании M&M's: *«Blissful raspberry flavored white chocolate & almond wrapped in dark chocolate. New M&M's Premiums Shimmering chocolate gems inive glamorous flavors`божественная малина с добавлением белого шоколада и миндаля, покрытая темным шоколадом. Новые мерцающие шоколадные драже M&M's премиум`.* В данном рекламном сообщении использовано сразу три эпитета: «shimmering gems» (блестящие драгоценности), «glamorous» (гламурный, обаятельный, чарующий) и «blissful» (блаженный, счастливый). Автор употребляет эмоционально окрашенные слова с положительной коннотацией, таким образом, вызывая у покупателя положительные эмоции и ассоциации и делая рекламный слоган более экспрессивным и образным [3].

Следующая реклама зубной пасты Blend-a-Med: *«Are you ready for really shiny smile? Blend-a-Med 3D White».* `Вы готовы к по-настоящему блестящей улыбке?`. Для того чтобы привлечь внимание рекламный текст данной зубной пасты начинается с вопроса, где авторы спрашивают о том, готовы ли потенциальные покупатели к блестящей улыбке. В этом же предложении мы находим эпитет «shiny» (блестящий), что придает тексту эмоциональность и дополнительный смысл о том, что после использования данной зубной пасты улыбка будет блестящей. Так же авторы уверяют, что «Blend-a-Med» придаст тройную белизну нашим зубам, используя фразу «3D White», это подразумевает прием

гиперболы, другими словами, преувеличение, поскольку так отбелить «улыбку» может только доктор-стоматолог.

Еще одним примером употребления гиперболы является рекламный текст мужского аромата Baldessarini: “*Separates the men from the boys*”. `Отделяет мужчин от мальчиков`. Заявленная фраза утверждает, что использование данного аромата позволит любому мужчине приобрести истинно мужские качества. Однако, настоящий мужчина отличается не только парфюмом, но и возрастом, накопленным жизненным опытом и интеллектом. Таким образом, характеристики рекламируемого товара явно преувеличены, что свидетельствует о наличии гиперболы.

Далее для анализа был выбран рекламный ролик туши Maybelline «*Cat Eyes*»: “*New colossal cat eyes mascara by volume express, only for Maybelline. The secret? Are collagen enriched formula and clamp brush. From one to seven times more volume, more volume. New colossal cat eyes mascara*”. `Cat Eyes: Новая колоссальная тушь для экспресс-объема Кошачьи глаза, только для Maybelline. Секрет? Обогащенная коллагеном формула и зажимная щетка. От одного до семи раз больше объема, больше объема. Новая колоссальная тушь для ресниц Кошачий глаз`. В самом названии продукта присутствует метафора «*cat eyes*» (кошачий взгляд). Авторы текста утверждают, что использование этой туши придаст вашим глазам яркость и сделает взгляд более выразительным. Они несколько раз используют лексический повтор для усиления эффекта. Например, они уверяют, что сейчас у вас будет «*more volume*» (больше объема), и затем повторяют эту фразу. В течение видео несколько раз повторяется название продукта «*new colossal cat eyes mascara*», чтобы оно оставалось в сознании зрителя. Также используется гипербола, когда говорят о том, что тушь придает ресницам объем в 7 раз, что, конечно, невозможно «*from to seven times more volume*»[4].

Обратимся к рекламе антивозрастного крема бренда Payot: “*A concentrate of anti-aging strength*” `Концентрат антивозрастной силы`. Автор использует словосочетание “*concentrate of strength*”, которое можно перевести как «концентрат силы». Преувеличиваются свойства товара с целью усиления воздействия, что подтверждает наличие гиперболы.

Прежде всего, на семантическом уровне большим эмоциональным воздействием обладает метафора. Она выступает как средство создания

образности речи и конструирования новых смыслов. Неслучайно данное выразительное средство получает широкое распространение. Перейдем к анализу примеров.

Примером использования метафоры является рекламное сообщение шоколада Dove: «*Rich, delicious, dark chocolate without a darkside*». `Богатый, вкусный, темный шоколад без темной стороны`. Автор создает образ, художественное представление о предметах, а читатель понимает, на каком именно сходстве основана смысловая связь между переносным и прямым значениями слова: прилагательное «rich» по отношению к шоколаду, подчеркивая его «богатый», насыщенный вкус [5].

Рассмотрим рекламный текст тонального крема для лица бренда Guerlain: «*What perfect skin wears underneath*». `Что скрывает под собой идеальная кожа`. Сама фраза является метафорой, которая включает аллерию в своем дословном переводе, то есть перенос признаков живого на неодушевленный объект. Как известно, кожа не может носить ничего ни на себе, ни под собой, так как она является неотъемлемой частью человеческого организма. Но смысл текста можно понять с точки зрения естественности покрытия рекламируемого тонального крема, который выглядит на коже как ее естественная составляющая.

В рекламном тексте губной помады Chanel: «*The power of femininity*» `Сила женственности` отождествляются понятия «помада» и «женственность». Автор приписывает объекту нехарактерные для него свойства, используя метафору. Безусловно, от того, какую бы помаду не использовала женщина, она не станет более женственной. Ведь женственность качество исключительно внутреннее[6].

Перейдем к анализу рекламы шампуня бренда Aussie: «*Take an Aussie home for the best 3 minutes of your life*». `Возьмите Aussie домой и проведите лучшие 3 минуты в своей жизни`. Мы видим, что с помощью гиперболы объекту приписываются уникальные свойства (the best 3 minutes). Предполагается, что время мытья головы рекламируемым шампунем действительно будет «лучшим» в вашей жизни. Но, действительно «лучшие» моменты человеческой жизни основаны на более основополагающих понятиях.

Одним из также наиболее частотных лексических средств, используемых в рекламе, является лексический повтор.

В примере рекламного слогана шоколада «KitKat»: «*Have a break, have a KitKat*» `Есть перерыв, есть KitKat` дважды повторяется начальная часть предложения, а также используется в сочетании с названием торговой марки. Данный прием позволяет сконцентрировать внимание на положительных свойствах рекламируемого продукта и провести ассоциативную связь между продуктом и «отдыхом».

В рекламе Nivea: “*The first crème that renews your skin during the night*” `Первый крем, который обновляет кожу ночью` мы можем заметить, что олицетворение “*creme that renews*” придает неодушевленным предметам качества живых существ. Оно *позволяет ближе подвести рекламируемый товар к потребителю, создавая эффект доверия и соединения между покупателем и товаром.*

Также в рекламном тексте духов Versace “*Absolute sensuality. Absolute transparency. Absolute brightness. An absolute temptation. Versace introduces Bright crystal Absolute, the intense version of one of the most beloved jewel fragrances in world, where the essence of Bright Crystal is enhanced to the extreme*” `Абсолютная чувственность. Абсолютная прозрачность. Абсолютная яркость. Абсолютное искушение. Versace представляет интенсивную версию одного из самых любимых драгоценных ароматов в мире, в которой сущность ярких кристаллов усиливается до предела` наше внимание привлекает лексический повтор, а именно слово «absolute», т.е., абсолютный повторяется перед каждым существительным, тем самым придавая тексту более выразительный характер. Таким образом, благодаря лексическому повтору, у покупателя возникает впечатление, что этот товар является «абсолютно» уникальным [7].

Таким образом, реклама является актуальной частью нашей повседневной жизни, оказывая влияние на наши решения и предпочтения в выборе товара. Проведенный анализ показал, что рекламный текст – это тип текстового материала, главной идеей которого является привлечение внимания целевой аудитории к тому или иному предложению на рынке. Основными характеристиками рекламного текста являются точность, краткость, простота, оригинальность, рифма. Более того, в текстах рекламы широко используются определенные лексические средства, призванные привлечь внимание покупателя и помочь ему сделать свой выбор в пользу рекламируемого товара.

Семантический анализ лексики рекламных текстов показал, что наиболее употребляемыми языковыми приемами являются метафора, гипербола, эпитет, лексический повтор и олицетворение. Это связано с тем, что использование этих языковых средств придаёт эмоциональную окраску и понятно потенциальному покупателю. Необходимо использовать максимальное количество качественной информации минимально возможным количеством выражений. Поэтому цель рекламы – это привлечение покупателя, используя такие языковые средства, с помощью которых создается впечатление самостоятельного выбора в пользу рекламируемого товара.

Таким образом, правильное использование лексических приемов и структуры рекламного текста гарантирует, что реклама будет не только яркой и привлекательной, но и эффективной.

Библиографический список

1. Жданова Е. Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования. 2015. С. 82-85.
2. Колесина В. В. О некоторых особенностях игры слов в рекламном тексте // Вестник Моск. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. С. 39-49.
3. Шепилова Г. Г. Реклама в структуре современных СМИ // Вестник Московского университета. Журналистика. 2008. С. 64-67.
4. Красулина Е.С. Синтаксические, лексико-фразеологические, образные средства организации рекламного текста // Вестник Московского университета. Серия 10 Журналистика. 2006, С. 98.
5. Огилви Д. О рекламе: Эксмо, 2012. 318 с.
6. Пименов П. А. Основы рекламы: Гардарика, 2005. 399 с.
7. Полукаров В. Л. Основы рекламы. 2004. 240 с.

Bibliography

1. Zhdanova E. Yu. Advertising text as an object of linguistic research. 2015. Pp. 82-85.
2. Kolesina V.V. About some features of wordplay in advertising text // Bulletin of Mosk. Linguistics and intercultural communication. 2002. Pp. 39-49.

3. Shepilova G. G., Advertising in the structure of modern media, Bulletin of Moscow University. Journalism. 2008. pp. 64-67.

4. Krasulina E.S. Syntactic, lexical-phraseological, figurative means of organizing advertising text // Bulletin of Moscow University. Episode 10 Journalism. 2006, p. 98.

5. Ogilvy D. About advertising: Eksmo, 2012, 318 p.

6. Pimenov P. A. Fundamentals of advertising: Gardariki, 2005. 399 p.

7. Polukarov V. L. Fundamentals of advertising. 2004. 240 p.

Сведения об авторах

Имангулова Элина Винеровна, студентка филологического факультета, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: elina.imangulova@mail.ru.

Хабибуллина Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: o.a.khabibullina@struust.ru.

About the authors

Imangulova Elina Vinеровna is a student of the Faculty of Philology of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology. E-mail: elina.imangulova@mail.ru.

Khabibullina Oksana Anatolyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Germanic Languages, Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology. E-mail: o.a.khabibullina@struust.ru.

УДК 811.112

Kusaeva E.
ON THE PRECEDENCE IN DETECTIVE DISCOURSE

Кусаева Е. Э.
К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ

***Abstract.** The present study is the fragment of the scientific research devoted to the investigation of professional communicative behavior of the masculine lingua cultural type “private detective”. The fictional image of English detective writer Arthur Conan Doyle Sherlock Holmes, whose precedent features were actualized in later protagonists of English detective discourse including detective novels, movies, cartoons, served as a model for formation and development of the analyzed type. The fragment concludes that recognizable features and main cognitive attributes of the precedent character Sherlock Holmes are verbalized by means of precedent phenomena – name, utterance, text, situation and precedent detection methods.*

***Key words:** theory of precedence, detective discourse, detective genre, cognitive feature, precedent phenomena, precedent character.*

***Аннотация.** Статья представляет собой фрагмент научного исследования, целью которого является изучение лингвокультурного типажа «private detective» в аспекте профессионально-ориентированного коммуникативного поведения. Анализируемый типаж смоделирован на базе фикционального частного детектива Артура Конана Дойля – Шерлока Холмса, чьи прецедентные черты актуализированы в более поздних протагонистах англоязычного детективного дискурса, включая художественные произведения, кино и мультфильмы. В результате изучения определено, что узнаваемые черты и главные атрибуты прецедентного художественного персонажа Шерлока Холмса актуализированы посредством прецедентных феноменов – имя, высказывание, текст, ситуация и прецедентные методы расследования.*

***Ключевые слова:** теория прецедентности, детективный дискурс, детективный жанр, прецедентный персонаж, когнитивный признак, прецедентные феномены.*

Within the context of fiction discourse, a detective text is a condensed and simplified narrative that unravels the mystery surrounding a complex crime. It is composed of language and follows a distinct structure: composition, plot, crime description, development, investigation, resolution, and identification of the perpetrator [7; 8].

The study is centered on the examination of distinct and familiar characteristics of the lingua cultural type “private detective” which has been shaped and evolved modelling on the most famous private eye made-up by Conan Doyle. The English detective discourse being the study material for our article covers English and American detective fiction, animated films and movies. The achievement of the set purpose suggests that we concentrate on identifying and examining the antecedent aspects related to the cultural type under consideration.

For centuries, the distinct use of language and cultural references has been a recurring phenomenon. Precedent units capture specific cultural contexts, reflecting key cultural traits [3]. These units take various forms, such as texts, utterances, names, and situations (allusions) [1]. Our research examines these phenomena in American and British films, TV shows, and detective discourse. Our findings suggest that the cultural type “private detective” was heavily influenced by Sherlock Holmes, a Victorian era literary character. This influence is evident in the widespread popularity of Holmes (adapted into 300 films) and translations of Doyle’s work into 76 languages. Holmes’s embodiment of the private detective type is reflected in the prevalence of precedent phenomena in detective discourse.

The research interprets a precedent text as an autonomous entity of linguistic expression, a predictive element, and a multifaceted symbol where the collective significance of its parts does not equate to its overall meaning. The category of precedent texts encompasses renowned literary pieces, lyrics of well-known songs (folk songs included), commercial slogans, humor, and texts from political journalism, among others. Additionally, the titles of certain famous texts may be employed in a metaphorical sense [5].

According to Nakhimova E.A. we describe precedent names as proper names that are recognizable and widely known. These “proper names appearing in the text not so much appeal to a special person, situation, etc., but they stand for a kind of a cultural sign, a symbol of certain qualities, events, fates” [8, p. 135]. When considering precedent names in English

forensic discourse, we define the individual name Sherlock Holmes as a precedent one as it is referred to a precedent situation, or with a widely known text. Thus, “House M.D.” (Doctor House), an American television series, is infused with precedent field references to Conan Doyle’s words. The first is the house number of Doctor House, which is a reference to Sherlock Holmes’ residence at 221B Baker Street. The patronymic attraction is employed to create the effect of precedence through the phonetic play method: James Wilson, the loyal buddy and aide of Doctor House, has a name that sounds similar to Sherlock Holmes’s companion, John Watson. The appeal to drug addiction reveals another parallel to Sherlock Holmes’s behavior: ... *its (cocaine) influence is physically a bad one...*¹ «...его (кокаина) влияние физически плохое...».

Dr. House having poor health became an addict like the precedent character Sherlock; moreover, on the base of the common hobby – music – they became more alike.

An animalistic interpretation of Sherlock Holmes is represented by the animated Basil of Baker Street, a young mouse, who runs in the basement of his prototype’s home in the American animation studio Walt Disney Pictures’ “The Great Mouse Detective.” Nearly every antecedent trait in the appropriate genre is aired in the cartoon private investigator.

While analyzing British forensic discourse it became obvious that many of its protagonists were formed and developed under the influence of Conan Doyle’s fictional image of Sherlock Holmes. In this study we consider this name to be a precedent one which is determined by Krasnykh V.V. as a person’s name connected with a text that is widely known or a recognized situation [5, с. 199]. Thus, some features and attributes of Sherlock Holmes are verbalized in Hercule Poirot’s communicative behavior, who was later created by the English writer Agatha Christie, both explicitly and implicitly. For instance, Captain Hastings, Poirot’s storyteller and companion, acquainting the readers with the private eye uses a direct appealing to the precedent name of Sherlock Holmes: ... *Or Sherlock Holmes?* <...> *Oh,*

---

¹ Doyle, A. (2004) The Adventures of Sherlock Holmes. Barnes & Noble Books. Available at: <https://www.kobo.com/ww/en/ebook/the-adventures-of-sherlock-holmes-barnes-noble-collectible-editions-1> (accessed: 21.10. 2022).

*Sherlock Holmes by all means...*¹ «... Или Шерлоком Холмсом? О, Шерлок Холмс – непременно...».

In works of the English detective writer Adams Douglas about private investigation Dirk Gently who represents a modern cultural type “private detective” we find in his forensic methods the oppositions to those of Sherlock. To show this the author makes direct appeals to the precedent name: *Sherlock Holmes ...I, however, do not like to eliminate the impossible*² «Шерлок Холмс... Я, однако, не люблю исключать невозможное».

Analyzing the story “The Crime Doctor” (E. Hornung) we find out that John Dollar, forensic doctor, follows Sherlock Holmes’ tactics³.

The actualization of the Sherlock Holmes’ name is based on contrast in Ernst Bramah’s collection of detective stories about private investigator Max Carrados. Thus, the detective methods of Max Carrados, who was blind from birth, are contrasted with one of the primary strategies of Holmes’ detective investigation – observation and fixation on every detail⁴.

In search of a precedent utterance that also refers to a precedent text or a precedent situation we appealed to the American film “Star track IV: The undiscovered country”. They say that to get a clear understanding of the meaning of the utterance one should know its textual and situational background and the precedent phenomenon associated with it [4, с. 9]. Turning to the analyzed movie we would like to show the example of the of the case of intertextuality realized through a precedent utterance... *when you have eliminated the impossible, whatever remains, however improbable, must be the truth*⁵ «когда вы исключили невозможное, все, что осталось, каким бы невероятным оно ни было, должно быть прав-

---

¹ Christie, A. (1976) Selected stories. Progress publishers. M. Available at: <https://fantlab.ru/edition288549> (accessed: 21.10. 2022).

² Dirk Gently’s Holistic Detective Agency. Available: <https://www.imdb.com/title/tt4047038/> (accessed: 01. 10. 2022).

³ Hornung, E. (2014) The Crime doctor. The Floating Press. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/37338> (accessed: 01. 10. 2022).

⁴ Bramah, E. (2013) The eyes of Max Carrados Methuen & Co. Ltd. Available at: <https://www.scribd.com/book/235607912/The-Eyes-of-Max-Carrados> (accessed: 01.10.2022).

⁵ Star track IV: The undiscovered country. Available at: <http://fantastika-online.ru/film/zvezdnyi-pyt-6-neotkrytaia-strana-1991.html> (accessed: 01.09.2022).

дой». Spock's character attributes a part of Sherlock Holmes' reasoning to his ancestor.

The present research devoted to the detective discourse helps to reveal a precedent situation as a relevant communicative behavior of the lingua cultural type. This situation usually includes behavioral patterns found in the type and immediately appears in the speaker's consciousness both native and foreign [1, с. 90].

The analysis of the forensic detection made by the private eye Sherlock Holmes let us to define it as the precedent one because in Agatha Christie's detective novels we extracted a direct appealing to Holmes' method. Thus, Hercule Poirot's crime detection skills much remind us the forensic behavior of the earlier fictional hero. That means the cognitive scheme of the detective search carried out by Hercule Poirot appeals to professional slots consisting Sherlock Holmes' detection [2; 14]. First comes the notification of the crime when the detective is informed by the client, or through a letter, a phone call. Secondly, he starts gathering clues by examining the crime scene (this slot suggests finding all involved). Now it is time to research and analyze the taken results on the base of a careful review of the specific thematic literature. Having already some preliminary criminal versions the private detective searches for evidence to confirm or deny his suggestions. The detection frame is concluded by the final slot – exposing and detailed explaining the investigation process.

We consider the professional methods used by the precedent character Sherlock Holmes as precedent because, (1) they are widely recognized by members of the American and British lingua culture; and (2) these techniques are realized in distinct ways in other detective fiction works. Thus, we can observe the implicit appeal to Sherlock Holmes' detection strategies—such as gathering clues and disguising—in the examples below, which are drawn from the Agatha Christie story series. It is well known that he transforms and performs theater during a stakeout: *The false beard, it is vieux jeu, and shadowing is only done by the lowest branch of my profession. The Hercule Poirot, my friend, need only to sit back in a chair and think*¹ «Фальшивая борода – это vieux jeu, а тенью пользуются только представители низ-

---

¹ Christie, (1976) A. Selected stories. Progress publishers. M. Available at: <https://fantlab.ru/edition288549> (accessed: 01.09. 2022).

ших слоев моей профессии. Эркюлю Пуаро, мой друг, достаточно откинуться в кресле и подумать».

Thus within the present study we are introducing a new research object – precedent methods of investigation.

Hercule Poirot's investigative techniques contrast with those of Holmes, as he refuses to analyze footprints or gather cigarette ash. This reflects a divergence from Sherlock Holmes' investigative methods, which were detailed in his published scientific treatises.: *I do not need to bend and measure the footprints and pick up the cigarette ends and examine the bent blades of grass. It is enough for me to sit back in my chair and think*⁷. «Мне не нужно нагибаться и измерять следы, подбирать окурки сигарет и исследовать согнутые травинки. Мне достаточно откинуться в кресле и подумать».

William Murdoch, detective protagonist from Canadian series “The Murdoch Mysteries”, sticks to Holmes' detection tactics – *fingerprinting, blood testing, surveillance, trace evidence*.

The study focuses on analyzing global national and intercultural situations, with a particular emphasis on the cultural type “private detective” inspired by Sherlock Holmes. The study shows that the characteristics of this cultural type are influenced by various precedent phenomena such as texts, utterances, names, and situations. The research also introduces a new concept called precedent methods of investigation. Allusion to Conan Doyle's narration devoted to famous investigator Sherlock Holmes and his unique characteristics appear in British and American detective discourse.

Forensic films and detective fiction books, both classic and modern, often utilize various intertextual techniques. These techniques involve direct or indirect references to previous characters, appealing to the audience's familiarity with them. Explicit references are the most common type found in titles of scientific research papers and detective novels. The analyzed cultural type “private detective” which represents the intertextuality of Conan Doyle's earlier character, was first introduced in Agatha Christie's forensic novels involving Hercule Poirot. A popular method of referring to the perceived characteristics of the original is to replace the name Holmes or another word in the titles of works of the modern film genre. This technique is called component substitution. From a functional standpoint, the former statements are rarely used and don't have much significance.

The crime investigation considered as the precedent situation defines Sherlock Holmes' typical detection method. The reference to this well-known situation with its slots is considered as a cultural symbol which bounds the detective Hercule Poirot with its prototype, the precedent fictional private eye Sherlock Holmes.

Precedent techniques used in forensic detection by Sherlock served as the basis for criminal investigation modern detective fiction protagonists.

References

1. Dmitrieva, O.A. (2007). *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka* [Linguocultural types of Russia and France of the XIX century]. Volgograd: Peremena. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-03-002-dmitrieva-o-a-lingvokulturnye-tipazhi-rossii-i-frantsii-xix-v-volgograd-izd-vo-vgpu-peremena-2007-307-s-bibliogr-s-277-305/viewer> (Accessed: 04 November 2023). (In Russ.).

2. Iranzo, A. (2021). *The elementary sleep habits of Sherlock Holmes*. *The Lancet Neurology*. 20(3), pp.179-180. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474442221000326> (Accessed: 21 September 2023).

3. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-01-005-karasik-v-i-yazykovoy-krug-lichnost-kontsepty-diskurs-volgograd-gos-ped-un-t-n-i-lab-aksiol-lingvistika-volgograd-peremena-2002-476-s> (Accessed: 04 November 2023). (In Russ.).

4. Karaulov, Y.N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and linguistic personality]. M. Available: <https://rusexpert.ru/public/knigi/8.KaraulovJazLichn2010.pdf> (Accessed: 21 September 2023). (In Russ.).

5. Krasnykh, V.V. (2003). «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'?[«My Own among the “Strangers”: Myth or Reality?]. M.: Gnozis. Available at: <https://studfile.net/preview/2790174/> (Accessed: 21 September 2022). (In Russ.).

6. Kusaeva, E.E. (2017). Individual'nye i tipiziruemye priznaki lingvokul'turnogo tipazha “private detective” [Individual and typical features of linguacultural type “private detective”]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 1(25), pp. 88-90. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-priznaki-femininnogo-lingvokulturnogo-tipazha-private-detective> (Accessed: 02 November 2023). (In Russ.).

7. Lewis, C.G, Brooks, M., Button, D., Shepherd, A. (2014). Evaluating the case for greater use of private prosecutions in England and Wales for fraud offenses. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 42 (1), pp.3-15. Available at: <https://wlv.openrepository.com/handle/2436/605088> (Accessed: 01 October 2023).

8. Nakhimova E.A. (2007). *Precedentnye imena v massovoj kommunikacii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg: UrGPU, 207p. (In Russ.).

9. Steensma, D.P., Kyle, R.A. (2021). Dr John H. Watson: Sherlock Holmes' Companion and Biographer. *Mayo Clinic Proceedings*, 96 (9), pp. 2500-2502. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34481608/> (Accessed: 01 October 2022).

Библиографический список

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века. Волгоград: Перемена, 2007. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-03-002-dmitrieva-o-a-lingvokulturnye-tipazhi-rossii-i-frantsii-xix-v-volgograd-izd-vo-vgpu-peremena-2007-307-s-bibliogr-s-277-305/viewer> (дата обращения 04.11.2023).

2. Iranzo A. The elementary sleep habits of Sherlock Holmes // *The Lancet Neurology*. 2021. 20(3). P. 179-180. Доступ: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474442221000326>. (дата обращения 21.09.2023).

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-01-005-karasik-v-i-yazykovoy-krug-lichnost-kontsepty-diskurs-volgograd-gos-ped-un-t-n-i-lab-aksiol-lingvistika-volgograd-peremena-2002-476-s> (дата обращения 04.11.2023).

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. Доступ: <https://rusexpert.ru/public/knigi/8.KaraulovJazLichn2010.pdf> (дата обращения 21.09.2023).

5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

6. Кусаева Е.Э. Индивидуальные и типизируемые признаки лингвокультурного типажа «private detective» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. 1 (25). С 88-90. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-i-tipiziruemye-priznaki-lingvokulturnogo-tipazha-private-detective> (дата обращения 02.11.2023).

7. Lewis C.G, Brooks M., Button D., Shepherd A. Evaluating the case for greater use of private prosecutions in England and Wales for fraud offenses. // International Journal of Law, Crime and Justice. 2014. 42 (1). P. 3-15. Доступ: <https://wlv.openrepository.com/handle/2436/605088> (дата обращения 01.10. 2022).

8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.

9. Steensma D.P., Kyle R.A. Dr John H. Watson: Sherlock Holmes' Companion and Biographer // Mayo Clinic Proceedings. 2021. Доступ: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34481608/> (дата обращения 01.10. 2022).

Сведения об авторе

Кусаева Елена Эльбрусовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей ФГБОУ «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ, Россия. E-mail: lena_kusaeva@mail.ru.

About the author

Kusaeva Elena Elbrusovna, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Foreign Languages for non-linguistic specialties of North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia. E-mail: lena_kusaeva@mail.ru.

УДК 811

Липаева Л. С.
РОЛЬ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ
ИНФОРМАТИВНОЙ ЦЕЛИ ГОВОРЯЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Lipaeva L.S.
THE ROLE OF COMPETENCE IN THE PROCESS
OF IMPLEMENTATION OF THE INFORMATIVE PURPOSE
OF THE SPEAKER (IN THE EXAMPLE OF FICTION)

***Аннотация.** Статья посвящена определению роли коммуникативной компетенции как средство достижения цели говорящего. В ходе анализа художественной литературы рассматриваются примеры проявления коммуникативной компетенции говорящим. Грамотное использование различных видов компетенций позволяет реализовать информативную цель.*

***Ключевые слова:** информативная цель, говорящий, коммуникативная компетенция.*

***Abstract.** The article is dedicated to the distinguishing the role of the communicative competence as the means of achieving the purpose by the speaker. During the analysis the implementation of the communicative competence of the speaker is exemplified by the examples from fiction.*

***Key words:** informative purpose, speaker, communicative competence.*

Человек обладает бесценным даром речи и языковой способностью. Язык реализуется через речь, которая выступает «как действие, совершаемое одним из партнеров с целью передачи мысли и смыслового воздействия по отношению к другому партнеру – через механизм порождения и понимания сообщений: кодирования и декодирование информации» [2, с. 304].

В процессе речевого взаимодействия субъектов участвуют их мышление, воля, эмоции, знания, память. Основными компонентами рече-

вого акта являются: адресант (передающий, говорящий), который посылает сообщение адресату; контекст, о котором идет речь, код, при помощи которого передается сообщение, и контакт – физическая и психологическая связь между адресантом и адресатом [5, с. 22].

Наиболее частой целью речевого общения для говорящего (адресанта) является сообщение, т.е. информативная цель. Для слушающего (адресата) целью участия подобном речевом акте является получение информации [5, с. 23]. Такой двусторонний характер речевой деятельности, т.е. наличие как минимум двух участников, определяет ее коммуникативную сторону.

В основе информативной цели говорящего лежит задача передать новые для адресата сведения об изменениях, происходящих в мире. Реализация информативной цели направлена на «преобразование знаний говорящего в информацию и пополнение информационного фонда адресата, помогая ему ориентироваться в изменяющемся мире» [4, с. 82]. Для успешной передачи информации говорящему необходимо наличие коммуникативной компетенции.

Понятие коммуникативная компетенция, ставшее ведущим в системе компетенций, предложил американский социолингвист Делл Хаймс, который считал, что «для осуществления речевого общения недостаточно знать только языковые знаки и правила. Для этого необходимо также знание «культурных и социально-значимых обстоятельств» [7, с. 5]. Кроме того, под коммуникативной компетенцией понимают: «сумму языковых навыков и знаний говорящего – слушающего об использовании языка в изменяющихся ситуациях и условиях речи», «знания говорящего об уместном и эффективном использовании языка в различных социальных и стилистических контекстах» [6, с. 7]; «способность к выбору и реализации программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в различной обстановке, т.е. его умения оценивать ситуацию с учетом темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников до и во время беседы» [3, с. 4-5];

Учитывая тот факт, что коммуникативная компетенция представляет собой способность к полноценному речевому общению во всех сферах человеческой деятельности, с соблюдением социальных норм речевого поведения, в данной статье мы рассмотрим компетенцию лингвистическую, социокультурную, социолингвистическую и стратегическую.

Лингвистическая компетенция. В ходе анализа художественных произведений наиболее интересным на наш взгляд оказалось проявление лексической стороны лингвистической компетенции через использование устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц. Употребление фразеологизмов придает речи говорящего живость и образность.

«*Oh, I know. Don't worry, I wasn't born yesterday*» [15, с. 180]. Настоящее высказывание осложнено употреблением фразеологической единицы «*not born yesterday*» со значением «*someone are not stupid to believe what someone are saying*» [13, с. 152]. Информативная цель высказывания заключается в стремлении сообщить о том, что говорящий владеет передаваемой ему информацией (*I know*) и не нуждается в дополнительных комментариях.

Немаловажным фактором в реализации лингвистической компетенции, влияющий на выбор тех или иных языковых средств, является грамматический аспект языка:

«*Oh, well*», said Mr Todd vaguely. «*Servants, you know. My wife worries too much. ... No good crying over spilt milk*» [11, с. 186]. В приведенном высказывании говорящий (*Mr Todd*) информирует о том, что его жена имеет привычку сильно беспокоится по любому поводу (*my wife worries too much*), используя пословицу «*слезами горю не поможешь*». При этом он передает оценочную информацию, используя наречие *too* в сочетании с наречием степени *much* (наречие степени *too* в значении «*intensifier; adding emotional colouring to the content of what is said*») [1, с. 273].

Социолингвистическая компетенция. В данную компетенцию входят знания и умения, необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте. Так, в нижеследующих примерах адресант выступает в социальной роли члена семьи (семейное положение), в роли адвоката (профессия). В зависимости от своей роли адресант выбирает языковые средства, характерные для заданных ситуаций общения.

«*The bad news is that we can't afford it today. The good news is that we're going to be able to afford it on Thursday. The genie is coming out of the magic bottle, and our lives are going to change*» [14, с. 29]. В приведенном примере адресант (*David*) передает информацию жене о том,

что в скором времени они смогут позволить себе купить дом (*to be able to afford it*). При этом он использует прием антитезы, противопоставляя «*the bad news*» и «*the good news*» тем самым, акцентируя внимание на то, что в будущем их жизнь изменится (*our lives are going to change*) [13, с. 953]. Для наиболее быстрого достижения поставленной цели, автор высказывания прибегает к выражению “*genie is coming out of the magic bottle*” (*genie is an imaginary spirit with magic powers* [13, с. 591]). Здесь он обращается к ироническому высказыванию, основанному на упоминании магического существа, которое, как правило, обуславливает общение в неформальной обстановке.

В следующем примере адресант *David* исполняет социальную роль адвоката. Поэтому при разговоре с обвиняемой в его речи присутствуют не только языковые средства, характерные для данной профессии (юридическая терминология), но и наличие нецензурных слов, слов-обвинений как способа достижения цели. *They brought her back to the visitors' room. When Ashley Patterson walked inside, David asked angrily, «Why did you lie to me? They have enough evidence against you to bum you a dozen times over. I told you I wanted the truth»* [14, с. 35]. В данном примере говорящий использует не только соответствующую лексику, но и меняет тональность общения. Умение применить социолингвистическую компетенцию при разговоре с обвиняемой (*Ashley*) усиливает воздействие и способствует достижению цели, что можно проследить по обратной связи адресата (*Ashley looked at him for a full minute, she said in a quiet voice, «I told you the truth. I have nothing more to say»*). Большой интерес представляет рассмотрение социолингвистической компетенции при реализации информативной цели, когда говорящий (адресант) и собеседник (адресат) принадлежат к разным социальным слоям в обществе.

Социокультурная компетенция. К социокультурному компоненту коммуникативной компетенции адресанта относят: знания о вербальном и невербальном поведении; знания коммуникативной и национально-коммуникативной специфики общения:

«I served my Lord Sir John, now I serve his son.» He took a step nearer to us and lowered his voice. «You are a wise one, they say, learned in dealing with evil spirits. Let the young master depart from here. There is evil in the air around us» [9, с. 60]. Здесь мы наблюдаем наличие социолингви-

стическая компетенция со стороны говорящего, а именно, знание того, как и к кому обращаться, в данном случае к жителю Англии. В данной ситуации передает информацию о том, что над его молодым хозяином «*the young master*» нависла угроза и ему необходимо покинуть данное место. В речи адресант использует обращения *my Lord Sir John* и *young master* в сочетании с глаголом *to serve*, что показывает его принадлежность к другому социальному слою и другой возрастной категории. В случае с *Lord Sir John: Lord is a man who has a high rank in the British aristocracy (=highest social class)* [13, с. 847], *Sir is used as a polite way of speaking to a man; used by a boy or young man as a polite way of speaking to an older man* [13, с. 1335].

«*The shoes were wrong*», said Poirot dreamily, while I was still too stupefied to speak. «*I have made my little observations of your English nation, and a lady, a born lady, is always particular about her shoes. She may have shabby clothes, but she will be well shod. Now, this Lady Millicent had smart, expensive clothes, and cheap shoes*» [10, с. 174]. Детектив Э.Пуаро пытается объяснить своему товарищу, как именно он понял, что девушка оказалась замешана в преступлении (*The shoes were wrong*). В данном случае говорящий проявляет социокультурную компетенцию, передает свои наблюдения о национальной специфике англичанки, которая в любой ситуации будет выглядеть превосходно «с головы до ног».

Стратегическая компетенция. Сущность стратегической компетенции заключается в умении построить общение так, чтобы добиться поставленной цели, знать и владеть различными приемами получения и передачи информации как в устном, так и в письменном общении, компенсаторными умениями.

Стратегия включает в себя планирование речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникаторов, а также линию беседы. Целью стратегии может являться завоевание авторитета, воздействие на мировоззрение, призыв к поступку, сотрудничеству или воздержанию от какого-либо действия.

Стратегическая компетенция предполагает отбор нужных языковых средств для реализации информативной цели говорящего.

«*I wish your father was home*», said Mother. *Her large hand squeezed around his small one. «Just wait I'll get that boy. The Lonely One's around*

again. Killing people. No one's safe any more. You never know when The Lonely One'll turn up or where...» [8, с 45]. Стратегическая компетенция со стороны говорящего проявляется в том, что адресант (*Mother*), стремится информировать своего сына о том, что нельзя гулять по ночам, потому что есть некто *The Lonely One*, который может навредить. Таким способом обычно запугивают непослушных детей, которые из-за высокой степени эмоциональности и восприимчивости легко этому верят. Поэтому целесообразно в данном случае употребление стратегии «уговора» через запугивание адресата.

The dance was over and the hunters were going back to the shelters. «Grownups know things», said Piggy. «They aren't afraid of the dark. They'd meet and have tea and discuss. Then things 'ud be all right» [12, с. 44). Адресант передает информация о том насколько глупо они, дети, ведут себя, тем самым сравнивая себя со взрослыми (*Grownups know things*). Информативная цель данного высказывания заключается в предоставлении другого способа решения проблемы (*They'd meet and have tea and discuss*), призыв к разумности. При этом говорящий (*Piggy*) использует стратегию самопрезентации с использованием тактики «контраста, т.е. противопоставляет детей взрослым.

«I am sorry, madame, but I do not touch this particular kind of business. I wish you good morning» [11, с. 178). В данном случае проявляется стратегия самопрезентации, с использованием тактики «отказа в выполнении просьбы». Стратегическая компетенция говорящего выражается в элегантном выходе из трудной ситуации, а именно в пожелании хорошего дня (*I wish you good morning*).

Данный вид компетенции обеспечивает эффективное достижение информативной цели только при условии правильно выбранной стратегии.

Заключение. В процессе речевой деятельности адресант стремится достичь информативной цели, т.е. передать необходимую информацию адресату и тем самым расширить его базу знаний. Помимо собственно правильно выбранной, в ценностном отношении, информации, говорящему, для успешного взаимодействия с собеседником и реализации информативной цели, необходимо наличие такого качества как коммуникативная компетенция. Каждый человек является носителем различных социальных факторов, которые оказывают влияние на выбор языковых средств в процессе построения высказывания. Среди таких признаков

традиционно выделяют, например, пол, возраст, профессия, род занятий говорящего. Все указанное выше, а также знание собственно языка (лексика, грамматика) в совокупности входит в понятие коммуникативная компетенция.

Библиографический список

1. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: Учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов / Н.А. Кобрин, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. СПб.: Издательство «Союз», 2004. 496 с.

2. Жинкин Н.И. О механизмах речи // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Авт.-сост. В.К. Радзиховская, А.П. Кирьянов, Т.А. Пекишева и др.; Под общ. ред. В.К. Радзиховской. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 307.

3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. 2000. № 5. С. 3-6.

4. Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 82–92.

5. Супрун А.Е. Лекции по лингвистике: Учеб. Пособие. Мн.: Изд-во БГУ, 1980. 144 с.

6. Федорова Л.Л. К построению модели коммуникативной компетенции // Проблемы организации общения. М., 1981. 211 с.

7. Щукин А.Н. Компетенция или компетентность // Русский язык за рубежом. 2008. № 5. С. 14-20.

8. Bradbury R. – Брэдбери Р. Вино из одуванчиков. = Dandelion Wine / Комментарий А.А. Гасиной. На англ. яз. М.: Айрис-пресс, 2005. 320 с.

9. Christie a – Christie A. The Adventure of the Egyptian Tomb // Английский рассказ XX века. Сборник 2. На англ. яз. / Составитель Н.А. Самуэльян. М.: Издательство «Менеджер», 2006. С 47-67.

10. Christie b – Christie A. The veiled lady // А. Кристи. Избранная проза. Сборник. На англ. яз. / Составитель Н.А. Самуэльян. / Комментарий Г.Г. Агаповой. М.: Издательство «Менеджер», 2006. С 159-174.

11. Christie c – Christie A. The Adventure of the Clapham Cook // А. Кристи. Избранная проза. Сборник. На англ. яз. / Составитель

Н.А. Самуэльян / Комментарий Г.Г. Агаповой. М.: Издательство «Менеджер», 2006. С. 175-196.

12. Golding W. Lord of the Flies. Режим доступа: <http://www.lib.ru>

13. Macmillan English Dictionary. Oxford, 2006. 1692 p.

14. Sheldon S. Tell me your dreams. Режим доступа: <http://www.lib.ru>

15. Storey D. The Restoration of Arnold Middleton // Современный английский театр. Сборник. Сост. Фридштейн Ю.Г. На англ. яз. М.: Радуга, 1984. С. 159–274.

References

1. Grammatika anglijskogo jazyka: Morfologija. Sintaksis: Uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskikh institutov i universitetov / N.A. Kobrina, E.A. Korneeva, M.I. Ossovskaja, K.A. Guzeeva. SPb.: Izdatel'stvo «Sojuz», 2004. 496 s. (In Russ).

2. Zhinkin N.I. O mehanizmah rechi // Psiholingvistika v ocherkakh i izvlechenijah: Hrestomatija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / Avt.-sost. V.K. Radzihovskaja, A.P. Kir'janov, T.A. Pekisheva i dr.; Pod obshh. red. V.K. Radzihovskoj. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. С. 307. (In Russ).

3. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. Ob odnoj iz edinic opisanija teksta v aspekte dialoga kul'tur // Inostrannye jazyki v shkole. 2000. № 5. S. 3-6. (In Russ).

4. Rjabceva N.K. Kommunikativnyj modus i metarech' // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk rechevyh dejstvij. M.: Nauka, 1994. S. 82–92. (In Russ).

5. Suprun A.E. Lekcii po lingvistike: Ucheb. Posobie. Mn.: Izd-vo BGU, 1980. 144 s. (In Russ).

6. Fedorova L.L. K postroeniju modeli kommunikativnoj kompetencii // Problemy organizacii obshhenija. M., 1981. 211 s. (In Russ).

7. Shhukin A.N. Kompetencija ili kompetentnost' // Russkij jazyk za rubezhom. 2008. № 5. S. 14-20. (In Russ).

8. Bradbury R. – Brjedberi R. Vino iz oduvanchikov. = Dandelion Wine / Kommentarij A.A. Gasinoj. Na angl. jaz. M.: Ajris-press, 2005. 320 s.

9. Christie a–Christie A. The Adventure of the Egyptian Tomb // Anglijskij rasskaz HH veka. Sbornik 2. Na angl. jaz. / Sostavitel' N.A. Samujel'jan. M.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2006. S 47-67.

10. Christie b – Christie A. The veiled lady // A. Kristi. Izbrannaja proza. Sbornik. Na angl. jaz. / Sostavitel' N.A. Samujel'jan. / Kommentarij G.G. Agapovoj. M.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2006. S. 159-174.

11. Christie c – Christie A. The Adventure of the Clapham Cook // A. Kristi. Izbrannaja proza. Sbornik. Na angl. jaz. / Sostavitel' N.A. Samujel'jan / Kommentarij G.G. Agapovoj. M.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2006. S. 175-196.

12. Golding W. Lord of the Flies. Rezhim dostupa: <http://www.lib.ru>

13. Macmillan English Dictionary. Oxford, 2006. 1692 p.

14. Sheldon S. Tell me your dreams. Rezhim dostupa: <http://www.lib.ru>

15. Storey D. The Restoration of Arnold Middleton // Sovremennyj anglijskij teatr. Sbornik. Sost. Fridshtejn Ju.G. Na angl. jaz. M.: Raduga. 1984. S. 159–274.

Сведения об авторе

Липаева Лилия Сагитовна, старший преподаватель, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: Biklilya@mail.ru.

About the author

Lipaeva Lilia Sagitovna, senior lecturer, Sterlitamak branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: Biklilya@mail.ru.

УДК 811.111

**Масягутова А. И., Шайхутдинова Т. Н.
НЕОЛОГИЗМЫ В МЕДИЦИНЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НОВЫХ ТЕРМИНОВ ВО ВРЕМЯ КОРОНАВИРУСА**

**Masyagutova A.I.Shaykhutdinova T.N.
NEOLOGISMS IN MEDICINE: SEMANTIC FEATURES OF NEW TERMS
DURING CORONAVIRUS**

***Аннотация.** Статья исследует неологизмы в медицине, возникшие во время пандемии коронавируса. С помощью семантического анализа изучено 28 терминов. Выделены 7 семантических групп, включая обозначения болезни, новые явления, номинации людей, варианты вируса, профилактику, лечение, наблюдение за больными COVID-19, психические состояния и физическое здоровье. Результаты отражают динамику формирования медицинской терминологии в условиях пандемии.*

***Ключевые слова:** семантика, лингвистика, неологизмы, коронавирус, медицина*

***Abstract.** The article explores neologisms in medicine that arose during the coronavirus pandemic. 28 terms have been studied using semantic analysis. 7 semantic groups have been identified, including disease designations, new phenomena, human nominations, virus variants, prevention, treatment, COVID-19 patient monitoring, mental states and physical health. The results reflect the dynamics of the formation of medical terminology in the context of a pandemic.*

***Key words:** semantics, linguistics, neologisms, coronavirus, medicine.*

Современная медицина постоянно развивается и находит новые методы лечения и диагностики различных заболеваний. В связи с пандемией COVID-19 в 2020 году в медицинской сфере активно начали появляться неологизмы – слова или выражения, обретающего новое значение или уже существующего с новым значением в языке. Изучение семантических особенностей этих неологизмов важно не только для лингвистики, но и для понимания медицинской терминологии, обо-

гащения словарного запаса специалистов и широкой общественности, а также для повышения эффективности обмена информацией врачей о заболеваниях и методах их лечения.

Для исследования семантических особенностей неологизмов в медицине, используемых во время пандемии коронавируса, был проведен анализ новых медицинских терминов, введенных в практику специалистами и активно используемых в средствах массовой информации. Для этого были проанализированы статьи в таких источниках как «*The Times*», *BBC*, которые широко освещают события, происходящие во всех сферах общественной жизни: политике, экономике, культуре, здравоохранении. А также специальные медицинские интернет-журналы – «*Medical Daily*», «*The New England Journal of Medicine*», «*Medscape*».

Семантический анализ фактического материала позволил разбить все языковые единицы на различные сферы в рамках одной большой тематической группы – «медицина», а более конкретно «пандемия коронавируса». Стоит отметить, что многие неологизмы – уже существовавшие слова, но получившие новые значения вследствие пандемии коронавируса.

Семантический анализ неологизмов позволил выделить различные группы новых слов и терминов, относящихся к медицинской сфере и охватывающих различные аспекты пандемии. Было проанализированы статьи за 2020-2023 года и отобрано 31 неологизм, которые были рассмотрены в семантическом аспекте. Можно выделить следующую классификацию неологизмов с точки зрения семантики:

Первая категория включает в себя 4 неологизмы, связанные непосредственно с коронавирусом. Это различные слова и фразы, используемые для обозначения данной болезни. Они были использованы во всех статьях, связанных с коронавирусом:

1. *Covid-19*;
2. *Novel coronavirus, nCoV*;
3. *SARS-CoV-2*;
4. *Twindemic*.

Еще одна группа неологизмов обозначает явления, появившиеся после начала пандемии. К ним относятся 2 лексемы:

1. *Coronacopia* (в знач.: «растущий объем людей и мест, через которые вы можете заразиться коронавирусом»);

2. *Coronaphobia* (в знач.: «страх подхватить штамм коронавируса, выражающийся в ношении маски для лица в общественных местах или просто избегании общественных мест, общественных мероприятий и общественного транспорта»).

Следующая группа неологизмов включает номинации людей, связанных с болезнью. К ним относятся 6 лексем:

1. *Coronaed* (в знач.: «носитель коронавируса»);

2. *Coronic* – (в знач.: «человек, заразившийся коронавирусом»);

4. *PUI* – (в знач.: «люди с симптомами, подобными COVID-19, у которых не подтверждено наличие вируса. Это могут быть люди, которые контактировали с подтвержденным случаем и проявляют некоторые симптомы болезни, или это могут быть люди, которые были госпитализированы с тяжелой пневмонией»);

5. *PUM* – (в знач.: «лицо, находящееся под наблюдением. Человек, у которого нет симптомов COVID-19, но который контактировал с кем-либо, у кого предположительно или подтверждено наличие вируса»);

6. *Suspected case* – (в знач.: «люди с симптомами, подобными COVID-19, у которых не подтверждено наличие вируса»).

Группа неологизмов, объединенных архисемой «профилактика, лечение, наблюдение за больными ковидом», включает в себя 9 номинаций:

1. *Community spread* – (в знач.: «распространение заболевания внутри группы людей без какого-либо очевидного источника инфекции»);

2. *Confirmed positive case* – (в знач.: «подтверждение Центрами по контролю и профилактике заболеваний (*CDC*) положительного теста на *COVID-19* у человека»);

3. *Coronacoma* – (в знач.: «кома, вызванная осложнениями от коронавирусной инфекции»);

4. *Flatten the curve* – (в знач.: «замедление темпов изменений для чего-то, что может быть показано в виде линии на графике, особенно для замедления роста числа инфекций при распространении болезни»);

5. *Lockdown* – (в знач.: «период времени, в течение которого людям не разрешается покидать свои дома или свободно передвигаться из-за опасного заболевания»);

6. *Personal protective equipment (PPE)* – (в знач.: «одежда и оборудование, которые носят или используют для защиты людей от инфекции»);

7. *Presumptive positive case* – (в знач.: «человек, у которого в местной лаборатории общественного здравоохранения был положительный результат теста на *COVID-19*, но результаты которого ожидают подтверждения от Центра по контролю и профилактике заболеваний»);

8. *Quarantine* – (в знач.: «период времени, когда человека держат отдельно от других на случай, если он является носителем заболевания»);

9. *Self-isolation* – (в знач.: «акт избегания контактов с другими людьми с целью предотвращения распространения инфекции»).

Группа, обозначающая новые термины, связанные с вариантами коронавируса, включает 3 лексемы:

1. *The COVID-19 alpha variant* (альфа-вариант)

2. *The COVID-19 delta variant* (дельта-вариант)

3. *The COVID-19 omicron variant* (омикрон-вариант)

Следующая группа обозначает негативные психические состояния и расстройства, возникающие в период пандемии и включает в себя 5 номинаций:

1. *Boreout* – (в знач.: «состояние психического здоровья, которое возникает, когда не хватает работы, чтобы занять свой ум»);

2. *Corona moaner* – (в знач.: «человек, постоянно высказывающий опасения и переживания по поводу вируса»);

3. *Coronaphobia* – (в знач.: «страхи, связанные с неконтролируемым распространением нового вируса»);

4. *Long covid* – (в знач.: «состояние, при котором последствия заболевания Covid-19 продолжаются в течение нескольких недель или месяцев»);

5. *Coronasomnia* – (в знач.: «бессонница, возникающая в результате стресса или тревоги, вызванных пандемией коронавируса»).

Группа неологизмов, обозначающих нарушения физического здоровья людей в период пандемии, состоит из 2 лексем:

1. *Covid toe* – (в знач.: «сыпь на пальцах ног, считавшаяся признаком коронавируса»)

2. *Maskne* – (в знач.: «высыпания, которые возникают после ношения маски»).

В результате семантического анализа 28 неологизмов в медицинской сфере в период пандемии коронавируса, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных интернет-ресурсов, можно вы-

делить 7 основных семантических групп: обозначения болезни (4 лексем), появившиеся после начала пандемии явления (2 лексем), номинации людей, связанных с болезнью (6 лексем), варианты вируса, профилактика, лечение, наблюдение за больными ковидом (9 лексем), негативные психические состояния и расстройства (5 лексем), физическое здоровье (2 лексем). Такой результат может быть обусловлен несколькими факторами:

1. Интенсивность обсуждения: пандемия коронавируса вызвала огромный интерес со стороны общества и медицинского сообщества, что привело к интенсивному обсуждению новых явлений, методов борьбы с вирусом, влияния на психическое и физическое здоровье.

2. Актуальность тем: темы обозначения болезни, варианты вируса, профилактика, лечение, наблюдение за больными COVID-19, негативные психические состояния и расстройства, а также физическое здоровье являются ключевыми для понимания и борьбы с пандемией, что отразилось в выделении данных семантических групп.

3. Потребность в новой терминологии: пандемия коронавируса требовала разработки новых терминов и понятий для описания новых явлений и методов борьбы с заболеванием, что привело к формированию разнообразных семантических групп.

В целом, выделенные семантические группы отражают ключевые аспекты и направления развития медицинской терминологии в период пандемии коронавируса, а также демонстрируют актуальность и сложность проблем, связанных с этим глобальным заболеванием. Эти результаты могут быть полезны для дальнейших исследований и разработки стратегий по борьбе с пандемией.

Исследование семантических особенностей неологизмов в медицине, созданных в период пандемии коронавируса, подчеркивает важность постоянного обновления и расширения медицинской терминологии в ответ на появление новых заболеваний и методов их лечения.

Библиографический список

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. Москва: [б. и.], 2008. 119 с.
2. Лебедева Е. Современные неологизмы в текстах британских и американских качественных газет // Человек, общество, коммуникация,

том 108. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2021. С. 195-202.

3. Самигуллина А. Д. Англоязычные неологизмы в период пандемии коронавируса: функции и семантика // Международный научно-исследовательский журнал. Серия «Филологические науки». 2021 Вып. 3 (105). С. 166–170.

4. BBC. – URL: <https://www.bbc.co.uk/> (дата обращения: 22.11.2023).

5. Medical Daily. – URL: <https://www.medicaldaily.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

6. Medscape. – URL: <https://www.medscape.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

7. The New England Journal of Medicine. – URL: <https://www.nejm.org/> (дата обращения: 22.11.2023).

8. The Times. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 22.11.2023).

References

1. Dobrosklonskaya, T. G. Medialingvistika. Sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI / T. G. Dobrosklonskaya. Moskva : [b. i.], 2008. 119 s.

2. Lebedeva E. Sovremennye neologizmy v tekstakh britanskikh i amerikanskikh kachestvennykh gazet // Chelovek, obshchestvo, kommunikatsiya, tom 108. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2021. P. 195-202 s.

3. Samigullina A. D. Anglojazychnye neologizmy v period pandemii koronavirusa: funkcii i semantika // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Serija «Filologicheskie nauki». 2021 Vyp. 3 (105). S. 166–170.

4. BBC. – URL: <https://www.bbc.co.uk/> (дата обращения: 22.11.2023).

5. Medical Daily. – URL: <https://www.medicaldaily.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

6. Medscape. – URL: <https://www.medscape.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

7. The New England Journal of Medicine. – URL: <https://www.nejm.org/> (дата обращения: 22.11.2023).

8. The Times. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 22.11.2023).

Сведения об авторах

Масыгутова Аида Ильдаровна, студентка 4 курса филологического факультета, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: masyagutova.aida@yandex.ru.

Шайхутдинова Татьяна Николаевна, доцент кафедры германских языков, к.пед.н., доцент, СФ УУНиТ, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия, тел. 89870930602, т.п. E-mail: shaykhutdinova@struust.ru.

About the authors

Masyagutova Aida, a 4th year student, Department of Philology, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia. E-mail: masyagutova.aida@yandex.ru.

Shaykhutdinova Tatiana, Associate Professor of the Department of Germanic languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia. E-mail: shaykhutdinova@struust.ru.

УДК 81

Мелехина А. А., Хабибуллина О. А.
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ
АНГЛИЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Melekhina A. A., Khabibullina O. A.
LEXICAL FEATURES OF GENDER-ORIENTED ENGLISH
ADVERTISING TEXTS

***Аннотация.** Рекламные тексты являются неотъемлемой частью современного коммуникационного пространства и представляют собой объект исследования гендерного аспекта в рамках лингвокультурологии. В данной статье мы проводим лексический анализ англоязычных рекламных текстов с целью выявления в них половых различий с точки зрения передачи гендерных стереотипов. Данное исследование остается актуальным, так как наблюдается тенденция развития самой рекламы и антропоцентрической лингвистики.*

***Ключевые слова:** гендер, реклама, рекламный текст, лексическая единица.*

***Abstract.** Advertising texts are an integral part of the modern communication space and represent an object of study of the gender aspect within the framework of linguoculturology. In this article, we conduct a lexical analysis of English-language advertising texts in order to identify gender differences in them from the point of view of conveying gender stereotypes. This study remains relevant, as there is a trend in the development of advertising itself and anthropocentric linguistics.*

***Key words:** gender, advertising, advertising text, lexical unit.*

В настоящее время в мировом научном сообществе возрастает интерес к изучению гендерных аспектов социума. Исследования отечественных и зарубежных ученых сосредотачиваются на факторах, влияющих на общественное отношение к мужчинам и женщинам, а также на особенности поведения, связанные с половой принадлежностью и

стереотипами о половых различиях. Таким образом, понятие «гендер» рассматривается как спектр социальных характеристик, относящихся к маскулинности и фемининности. Средства массовой информации в свою очередь играют значительную роль в формировании общественного сознания, в частности через рекламу. Так, исследование гендерно-ориентированной рекламы англоязычной культуры, которая поддерживает толерантность и приоритет гендерного равенства, представляет для нас особый интерес в контексте изучения гендерной языковой компетенции.

В настоящее время проблеме репрезентации гендерных различий в рекламе с использованием различных лингвистических единиц посвящено значительное количество монографических исследований, как в зарубежных, так и в отечественных научных изданиях. Согласно исследованиям О.А. Феофанова, В.А. Евстафьева, Д. Огилви, Ф. Котлера, реклама – это мощный маркетинговый инструмент, привлекающий потребителей и превращающий их в активных пользователей товаров и услуг.

Во-первых, на начальных этапах развития товарно-рыночных отношений основной формой передачи рекламного сообщения служил аудиовизуальный контент. Этимологически слово «реклама» происходит от корня «рек», что означает «говорить» или «кричать» на латыни. Оно буквально описывает процесс проведения мероприятий с целью продвижения товара, услуги или марки, а также распространения сведений для увеличения их популярности [3, с. 81-85].

Во-вторых, известный маркетолог Филип Котлер определяет рекламу как форму неперсонифицированной коммуникации, осуществляемую через оплату за распространение информации [4, с. 43-48]. Уильям Уэллс, Сандра Мориарти и Джон Бернет в своей работе предоставляют более детальное и комплексное определение рекламы, рассматривая ее как оплаченное неличное общение, осуществляемое спонсором с использованием средств массовой информации, включая интерактивные средства, с целью убеждения потенциального потребителя или воздействия на целевую аудиторию в определенном контексте [6].

Проанализировав теоретическую базу понятий, мы можем сформулировать определение рекламы следующим образом: реклама – это форма оплачиваемой неличной коммуникации, исходящей от адресанта

(производителя), и направленной на адресата (потребителя) с применением средств массовой информации с целью привлечения внимания к конкретному продукту. Хотя главной целью рекламных кампаний является достижение прибыли, рекламные материалы представляют сложные структурные компоненты, включая рекламный текст. Важно отметить, что исследование языка, используемого в контексте рекламы, обусловлено в первую очередь наличием дискурсивных и семиотических ресурсов, таких как текст и изображение.

Так, рассмотрим понятие «рекламный текст». Исследования определений рекламного текста представляют его как специфическое языковое выражение, объединяющее прагматические, репрезентативные и воздействующие функции, включающее в себя выразительные средства и стилистические фигуры для эффективной передачи информации [1, с. 21]. Таким образом, рекламный текст определяется как частный тип текста, где прагматичность использует языковые уровни в целях привлечения внимания адресата (потенциального потребителя) в контексте маркетингового общения.

Рекламные тексты в лингвистике анализируются с учетом вовлечения органов чувств потребителя в получение информации. В соответствии с данным утверждением типы рекламы могут быть классифицированы следующим образом:

1. Вербальный коммуникативный тип: основное средство коммуникации – слово, представленное в письменной форме.

2. Вербально-визуальный коммуникативный тип: текстовая семантика дополняется визуальными компонентами, что позволяет оказывать влияние, как на рациональный, так и на эмоциональный уровень представления.

3. Аудио-вербальный коммуникативный тип: наряду с текстом включает использование речи и аудирования, что делает его структуру более сложной по сравнению с другими типами.

4. Мультимедийный коммуникативный тип (аудио-вербально-визуальный): включает видео материалы и создает различные «зоны внимания», значительно усложняя текстовую структуру данного типа рекламы [2, с. 68].

Основная цель рекламного текста заключается в стимулировании потенциального потребителя к совершению приобретения конкретного

продукта, что в свою очередь обеспечивает последующую прибыльность.

Здесь также необходимо отметить, что гендерные особенности являются одними из ключевых факторов при формировании рекламного текста.

Первый раз термин «гендер» был употреблен в научных работах американского исследователя Р. Столлера, который ввёл понятие «социокультурного пола», выделяя особенности мужчин и женщин как представителей разных социальных групп. В отечественной научной области интерес к концепции «гендера» возник в 1990-х годах и направлен на выявление различий между полами [5, с. 15]. В новейшем философском словаре «гендер – это понятие, используемое в социальных науках для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека» [7].

Так, мы заключаем, что гендерный аспект позволяет определять выбор структуры и языковых особенностей текста. Реклама оказывает влияние на формирование гендерной идентичности, представляя идеализированные образы и повествования, соответствующие социальным ожиданиям в отношении гендерной принадлежности. Осознавая данные психологические процессы, рекламные агенты могут улучшить взаимодействие с целевой аудиторией и разрабатывать более эффективные рекламные компании.

Проанализировав теоретическую базу понятий, заметно, что язык играет существенную роль в рекламе и оказывает влияние на восприятие гендеров. Выбор слов и фраз в рекламе может поддерживать традиционные гендерные роли или вызывать сомнения в социальных нормах. Например, использование фраз «веди себя как мужчина» или «ты же девушка» укрепляет стереотипные ожидания мужественности и женственности. Рекламодатели должны анализировать используемый язык и стремиться к инклюзивному сообщению, которое расширяет возможности людей вне зависимости от их пола.

Рекламные тексты на английском языке являются значительным примером гендерной компетенции, поскольку реклама влияет на социально-психологические аспекты современной культуры. Для анализа гендерных изображений в рекламе необходимо исследовать современное использование английского языка в рекламных текстах. Изучая

язык, образы и сюжеты, можно раскрыть основные сообщения и предположения о гендере. Важно выявлять предубеждения и стереотипы в рекламе, поскольку они существенно влияют на общественное восприятие и ожидания. Эти стереотипы, часто представляющие нереалистичные стандарты, ограничивают возможности и способы самовыражения людей, а также способствуют усилению гендерного неравенства.

Следовательно, мы планируем проанализировать современные английские рекламные тексты, которые ориентированы на женскую аудиторию, с целью выявления особенностей использования и восприятия гендерных значений. В ходе анализа лексического состава англоязычных рекламных текстов было обнаружено, что наиболее часто используемыми словами изученных тематических групп являются «красота», «здоровье» и «питание». Следовательно, очевидными и наиболее распространенными лингвистическими единицами, характерными для женской рекламы, являются лексемы *beauty* `красота` и *natural* `естественность`: *Product that is focused on enhancing your natural beauty without fragrance, parabens, phthalates or gluten. If you're as ready as we are to let your natural beauty shine, try these tricks to create a minimalist beauty look that will put your best features front and center* `Продукт, призванный подчеркнуть вашу естественную красоту, без ароматизаторов, парабенов, фталатов и глутена. Если вы так же готовы, как и мы, позволить своей естественной красоте сиять, попробуйте этот продукт, чтобы создать минималистичный образ, в котором ваши лучшие черты будут в центре внимания` (реклама Revitalash cosmetics); *Wake up everyday to you beautiful skin* `Просыпайтесь каждый день с красивой кожей` (реклама Estee Lauder); *You've changed, you've healed, you've evolved. So have we. Change is beautiful* `Вы изменились, вы исцелились, вы эволюционировали. И мы тоже. Изменения прекрасны` (реклама Dove); *Make life beautiful* `Сделайте жизнь красивой` (реклама Lancome Paris); *You are the first expression of its beauty. Beauty ahead of time* `Вы – первое выражение красоты. Красота раньше времени` (реклама N°1 De Chanel).

Кроме того, важным аспектом рекламы товаров для женщин является акцент на состав и использование натуральных ингредиентов. Копирайтеры уделяют внимание присутствию природных компонентов в продуктах, их экологической безопасности, а также воздействию на здоровье и окружающую среду. Таким образом, использование терми-

на *natural* `естественность` не только относится к описанию внешних характеристик, но также к составу рекламируемых продуктов: *You care about what goes on your skin, you care about ingredients. Your health is the world around you. You want natural affective beauty products. Discover our collection of prestige natural beauty* `Вы заботитесь о том, что происходит на вашей коже, вы заботитесь об ингредиентах. Ваше здоровье – это мир вокруг вас. Вам нужны натуральные, аффективные косметические продукты. Откройте для себя нашу коллекцию престижной натуральной красоты` (реклама Dermstore).

Исследование также выявило, что реклама, направленная на женскую аудиторию, часто включает в себя обширный лексический набор медицинских и биологических терминов с целью продемонстрировать экспертность производителя в области создания натуральных продуктов. Примером таких лексических единиц могут служить следующие термины: *arginine* `аргинин`, *hypoallergenic and free of dyes* `гиппоаллергенно и не содержит красителей`, *parabens* `парабены`, *collagen* `коллаген` и другие.

Маркетинговые компании, рекламирующие товары для женщин, широко используют эмоциональное воздействие, в том числе эпитеты, для описания продукта, что способствует позитивной оценке и эмоциональности в рекламных текстах.

Изучение рекламных сообщений показывает, что представление женщины в рекламе эволюционировало от фокуса на внешней привлекательности к акцентированию её личностных качеств. Однако современный рекламный рынок все еще часто придерживается устаревших стандартов красоты, хотя радикальные подходы к использованию стереотипов устарели, и сексизм в современной рекламе осуждается.

Примером может послужить рекламная кампания *Real Beauty Sketches* `Эскизы настоящей красоты`, запущенная брендом Dove в 2013 году. Данная кампания направлена на поощрение идеи истинной красоты, подчеркивая важность безусловной самооценки и принятия себя. Создатели этой кампании также подчеркивают недвусмысленный характер красоты и ставят целью разрушение устоявшихся стереотипов о красоте через сотрудничество с женщинами по всему миру.

Таким образом, исследование показало, что в женской рекламе происходит эволюция визуального представления женщин и изменение их

социальной роли в связи с развитием феминистского движения. Интересы женственности, красоты и здоровья становятся основными темами. При этом современные товары, такие как медикаменты, одежда, средства личной гигиены, банковские услуги, электроника, спортивные товары и автомобили, также представлены в рекламе для женщин. Это свидетельствует о более универсальной направленности современной рекламы, отображающей товары, применяемые как мужчинами, так и женщинами, что в конечном итоге снижает биологически обусловленные гендерные стереотипы.

Следующим объектом научного исследования является реклама, нацеленная на мужскую аудиторию. В англоязычной рекламе мужской архетип в целом определяется в соответствии с современными социокультурными идеалами. В настоящее время мужчина может проявлять разнообразные черты, включая черты авантюриста, семьянина, независимого, решительного и энергичного человека. Мы рассмотрим мужские образы в рекламных кампаниях, используя следующие примеры.

Во-первых, изображение мужчины в рекламе часто выражает активность и мужественность. Например, рекламный фильм *“The Racer Short Film”* от Porsche рассказывает историю о мужчине, который благодаря упорству и свободе добился успеха. Также, в рекламе кроссовок *New Balance (Run Your Way)* фигурируют мужчины разных возрастов, что отражает мужскую реальность и вдохновляет на изменения.

Во-вторых, в мужской рекламе существенное значение уделяется представлению эстетической привлекательности мужского тела. Например, реклама дезодоранта *OldSpice* приглашает к съемкам известных личностей, таких как Терри Крюс, чтобы привлечь внимание к продукту. Физические характеристики актера служат средством увеличения привлекательности и запоминаемости рекламы. Так же встречающимися языковыми единицами в такой рекламе являются *strength* `сила`, *business* `дело`, *comfort* `комфорт`, такие как *Trust me, it's easier than you think* `Поверь мне, это проще, чем ты думаешь` и *Strength is not a given. It's grown. It's earned and tested* `Сила не является данностью. Она выросла. Это заработано и проверено` (реклама Nivea men и Tonal соответственно).

В-третьих, в рекламе набирает популярность образ мужчины, который проявляет заботу о благополучии своих близких, а не только о своей внешности, часто изображаясь как посредник, который вкладывает

усилия в обеспечение семейного счастья. Примером такой рекламной кампании является *Dove Men+ Care: A man's real strength shows in his care* 'Настоящая сила мужчины проявляется в его заботе'.

Таким образом, анализируя примеры, мы отмечаем, что в современном обществе произошла эволюция мужского образа от образов врача, бизнесмена или руководителя компании, где мужчина представлен в состоятельном, важном и серьезном виде до образа стилиста, который ассоциируются с характеристиками веселого, беззаботного молодого человека. Реклама всегда будет отображать образ, с которым человек хочет ассоциироваться в процессе использования продукта. Образы, используемые в рекламе, меняются со временем, под влиянием изменяющихся тенденций, моды и ценностей. Например, в 1980-1990-х годах был модным образ сильного физически и духовно мужчины, с ярко выраженными мужскими чертами. Однако в настоящее время популярностью пользуется образ мужчины, уделяющего больше внимания своему внешнему виду, одежде и парфюму. Например, это можно увидеть в рекламе «*Mountain Dew*», «*Dior*», «*Chanel*», «*Tom Ford*».

Таким образом, рекламный дискурс представляет собой комплексное социокультурное явление, которое рассматривается в рамках обширного общественного взаимодействия и охватывает различные аспекты современного общества. На основе исследований в области психологии и анализа англоязычных гендерно-ориентированных рекламных текстов можно утверждать, что реклама существенно увеличивает роль женщины. В ходе исследования установлено, что в женской рекламе на лексическом уровне большое значение придается темам женственности, красоты и здоровья. Несмотря на это, в рекламе для женщин также присутствуют такие современные аспекты, как медикаменты, средства личной гигиены, банковские услуги, электроника, спортивные товары и автомобили. В рекламе, нацеленной на мужскую аудиторию, преобладают семантические области адреналина, страсти и богатства, хотя также присутствуют аспекты красоты, а также товары, связанные с косметикой, парфюмерией и модной одеждой.

Реклама сегодня становится все более универсальной, предлагая продукцию, которую могут использовать как мужчины, так и женщины. Вследствие этого гендерная идентичность становится все менее связанной с биологическим полом. Рекламные сообщения активно

транслируют и воспроизводят гендерные стереотипы, одновременно отражая процессы их изменения. Эти сообщения быстро интегрируются в культурные контексты различных национальных общностей.

Библиографический список

1. Амири Л.П., С.В. Ильясова, Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и Рекламы. М: Флинта: Наука, 2012. 384 с.

2. Гурская Н.А. «К проблеме исследования языка английской рекламы. Экспериментальная семантика». Калининский государственный университет, 1994. 641с.

3. Калиева О. М. К вопросу о рекламе и рекламно-информационном пространстве / О. М. Калиева, М. И. Дергунова «Проблемы современной экономики»: материалы III Междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца. [Электронный ресурс] 2013. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/92/4345/> (дата обращения: 12.11.2023).

4. Котлер Ф. Маркетинг и менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. СПб.: Питер, 2006. 464 с.

5. Матвиенко В. В. Гендер как социокультурный феномен / В.В. Матвиенко // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. 14–16 с.

6. Мориарти С., У. Уэллс, Дж. Бернетт. Реклама. Принципы и практика. Перевод на русский язык, издание на русском языке ООО «Питер Пресс», 2008. 250 с.

7. Ульянов А.Д. Словарь терминов по рекламе, маркетингу, Atl, Btl и PR. М.: Москва, 2007. 382 с.

References

1. Amiri L.P., S.V. Ilyaysova, Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i Reklamy. M: Flinta: Nauka, 2012. 384 s.

2. Gurskaja N.A. «K probleme issledovaniya jazyka anglijskoj reklamy. Jeksperimental'naja semantika». Kalininskij gosudarstvennyj universitet, 1994. 641 s.

3. Kalieva O. M. K voprosu o reklame i reklamno-informacionnom prostranstve / O. M. Kalieva, M. I. Dergunova «Problemy sovremennoj jekonomiki»: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Cheljabinsk: Dva komsomol'ca. [Jelektronnyj resurs] 2013. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/92/4345/> (data obrashhenija: 12.11.2023).

4. Kotler F. Marketing i menedzhment. Jekspress-kurs. 2-e izd. / Per. s angl. pod red. S. G. Bozhuk. SPb.: Piter, 2006. 464 s.

5. Matvienko V. V. Gender kak sociokul'turnyj fenomen / V.V. Matvienko // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika, 2016. 14–16 s.

6. Moriarti S., U. Ujells, Dzh. Bernett Reklama. Principy i praktika. Perevod na russkij jazyk, izdanie na russkom jazyke ООО «Piter Press», 2008. 250 s.

7. Ul'janov A.D. Slovar' terminov po reklame, marketingu, Atl, Btl i PR. M.: Moskva, 2007. 382 s.

Информация об авторах

Мелехина Анастасия Анатольевна, студентка 4 курса филологического факультета, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: melekhina.a19@mail.ru.

Хабибуллина Оксана Анатольевна, доцент кафедры германских языков, кандидат филологических наук, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: o.a.khabibullina@struust.ru.

About the authors

Melekhina Anastasia Anatolyevna, 4th year student of the Faculty of Philology, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: melekhina.a19@mail.ru.

Khabibullina Oksana Anatolyevna, Associate Professor of the Department of Germanic Languages, Candidate of Philological Sciences, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: melekhina.a19@mail.ru.

УДК 811.111: 81 '373.6

Петрищева Е. И.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ВНЕШнюю КРАСОТУ
В РАЗГОВОРНОМ СЕГМЕНТЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Petrishcheva E. I.
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF LEXICAL ELEMENTS
NOMINATING EXTERNAL BEAUTY IN SPOKEN GERMAN
AND RUSSIAN LANGUAGES

***Аннотация.** Данная работа посвящена анализу структурно-семантических особенностей лексических единиц, номинирующих внешнюю красоту в разговорном сегменте немецкого и русского языков. В работе рассмотрены словообразовательные и структурно-семантические особенности данных единиц в сопоставляемых языках, выявлены наиболее продуктивные словообразовательные элементы, семантические группы, определена степень их продуктивности, а также произведена стилистическая характеристика производных дериватов*

***Ключевые слова:** семантика, метафора, метонимия, словообразование, разговорный язык*

***Annotation.** The article deals with structural and semantic features of lexical elements nominating external beauty in spoken German and Russian languages. The word formation and structural-semantic features of lexical elements are analyzed, the most productive word-formation elements, semantic groups are identified, the degree of their productivity is determined and stylistic characteristic of derivative derivatives is produced*

***Keywords:** semantics, metaphor, metonymy, word formation, spoken language*

1. Вступление

Данное исследование посвящено рассмотрению лексических единиц в разговорном сегменте русского и немецкого языков, участвующих

в выражении оценки внешнего облика человека. Описания внешности являются существенным универсальным компонентом содержания коммуникативного общения, характеризую его участников и персонажей обсуждаемых событий. Однако эталоны красоты и представление о красоте человека, различны у представителей разных культур, что обуславливает и использование различных языковых средств для выражения оценки внешней красоты человека.

Изучением проблематики лексических единиц, номинирующих внешнюю красоту, занимались многие лингвисты, в частности Т. Л. Батарон [Батарон 2021], А.А. Мильбрант [Мильбрант 2014], Е. С. Руденко [Руденко 2013], Т. Н. Федотова [Федотова 1999],

Настоящее исследование посвящено изучению структуры и семантики лексических единиц, номинирующих внешнюю красоту (далее ЛЕНВК) в разговорном сегменте немецкого и русского языков. Данный пласт лексики не был, по нашим наблюдениям, предметом специального исследования, что обуславливает **актуальность** предлагаемой работы.

Объектом исследования служат лексические единицы, номинирующие внешнюю красоту в разговорном сегменте немецкого и русского языков, а **предметом** – их семантическая и формальная структуры в сопоставляемых языках.

Цель настоящего исследования – сопоставительный анализ структурных и семантических особенностей разговорных ЛЕНВК в немецком и русском языках, изучение процессов вторичной номинации, выявление общего и отличительного в формальной и семантической организации данных наименований в названных языках.

Цель работы предусматривает решение следующих **задач**:

1. создание структурной и семантической классификации немецких и русских ЛЕНВК;
2. определение продуктивности моделей метафорических и метонимических переносов в процессе вторичной номинации ЛЕНВК в разговорном сегменте немецкого и русского языков;
3. определение семантических закономерностей развития семантики слов-наименований со значением «ВНЕШНЯЯ КРАСОТА» в разговорной лексике.

Материалом для настоящего исследования послужила сплошная выборка лексических единиц со значением «ВНЕШНЯЯ КРАСОТА»,

выполненная на базе толковых и переводных словарей разговорной лексики немецкого и русского языков (нем. – 147 ед., русск. – 208 ед.).

2. Структура ЛЕНВК

Лексический состав языка постоянно пополняется. Это пополнение словарного состава осуществляется не только за счет заимствований из других языков, но и за счет «внутренних ресурсов» языковой системы – словообразовательных процессов и переосмысления уже существующих значений (вторичной номинации).

Настоящее исследование посвящено изучению структуры ЛЕНВК, которые были образованы различными способами и путями. Рассмотрим некоторые из них:

2.1. Аффикация – это создание новых слов путем добавления определенного аффикса к мотивирующей основе. Помимо аффиксов (суффиксов и префиксов), в образовании ЛЕНВК участвуют и полуаффиксы (полусуффиксы и полупрефиксы) [5, с. 54].

Данный способ образования ЛЕНВК является самым продуктивным в русском языке (русск. – 115 ед.; нем. – 35 ед.). В зависимости от типа деривационного аффикса выделяются

(1) **Суффиксальные ЛЕНВК** (нем. – 13 ед.; русск. – 85 ед.), ср.: нем. разг. *Wutzeri* (букв. ‘поросенок’) ‘красивая, пышногрудая девушка’, русск. разг. *фигуристый* ‘о человеке: с красивой фигурой или с какими-л. развитыми ее частями’. Данный структурный тип представлен во всех сопоставляемых языках, при чем в русском языке он является самым продуктивным.

Только в немецком языке были выделены следующие структурные типы:

(2) **Префиксальные ЛЕНВК** (8 ед.), ср.: нем. разг. *besext* букв. ‘фигуристая’.

(3) **Полупрефиксальные ЛЕНВК** (10 ед.), ср.: нем. разг. *Superdüse* (букв. ‘супер-сопло’) ‘большая грудь’.

(4) **Полусуффиксальные ЛЕНВК** (3 ед.), ср.: нем. разг. *kurvenreich* ‘фигуристая’.

Лишь в русском языке представлен такой структурный тип как:

(5) **Префиксально-суффиксальные ЛЕНВК** (12 ед.), напр.: русск. разг. *охорашиваться* ‘придавать себе привлекательный вид’.

2.2. Словосложение – безаффиксный способ словообразования, который направлен на полнозначные слова или их основы в цельноо-

формленный комплекс [7, с. 469]. Результатом этого типа словообразования является сложное слово (композит), которое сочетает значение исходных слов. Данный способ образования ЛЕНВК является самым продуктивным в немецком языке (нем. – 61 ед.; русск. – 7 ед.).

В зависимости от способа соединения компонентов сложных слов ЛЕНВК-композицы распадаются на полносложные (6), которые доминируют как в немецком (41 ед.), так и в русском (3 ед.) языках, неполносложные (7) и отдельно рассматриваются сращения (8), ср.:

(6) **Полносложные ЛЕНВК** (нем. – 41 ед.; русск. – 3 ед.), ср.: нем. разг. *Betschwester* (букв. ‘молитвенная сестра’) ‘хрупкие плечи, хрупкая девушка’), русск. разг. *фрейфёя* ‘хорошо одетый человек’.

(7) **Неполносложные ЛЕНВК** (нем. – 18 ед.; русск. – 2 ед.), ср.: нем. разг. *Pin-up-Mädchen* (‘привлекательная девушка’), русск. разг. *фитоняша* ‘девушка со спортивной фигурой’.

(8) **ЛЕНВК-сращения** (нем. – 2 ед.; русск. – 2 ед.), ср.: нем. разг. *dauergelockt* ‘кудрявые волосы’; русск. разг. *бокорез* ‘физически сильный человек’.

2.3. Синтаксический способ

Изучение словосочетаний как синтаксических единиц языка способствовало пониманию связи между синтаксисом и номинацией. Несмотря на то, что способность синтаксических единиц употребляться в номинативной функции подобно слову отмечают многие лингвисты, не все исследователи признают способность данных образований одновременно выражать синтаксические отношения и быть способом номинации.

В данном исследовании под ЛЕНВК-словосочетанием понимается «соединение двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления» [1, с. 426].

Среди ЛЕНВК сопоставляемых языков словосочетания образуют значительный пласт (нем. – 28 ед.; русск. – 19 ед.). В данном исследовании все словосочетания делятся на две группы: (9) простые и (10) сложные.

(9) «Простое» (нем. – 15 ед.; русск. – 12 ед.), ср.: нем. разг. *lecker Mädche* ‘приятная привлекательная молодая женщина’; русск. разг. *красотка кабаре* ‘о внешности девушки’;

(10) «Сложное» (нем. – 13 ед.; русск. – 7 ед.), ср.: нем. разг. *sich in Gala werfen* ‘припарадиться, принарядиться’; русск. разг. *спортсменка, отличница, комсомолка* ‘о красивой девушке’.

3. Семантические особенности ЛЕНВК

3.1. Семантические группы ЛЕНВК

Семантические группы (СГ) ЛЕНВК в разговорном сегменте немецкого и русского языков были установлены с опорой на словарные толкования исследуемых лексических единиц. Это позволило выделить в названных языках в целом 14 СГ – по 7 СГ в каждом из сопоставляемых языков. Общими среди них являются пять:

(11) «Вижуал» (нем. – 30 ед.; русск. – 80 ед.), ср.: нем. разг. *Laternenpfahl* ‘фарфоровая кукла’, русск. разг. *нава* ‘о величавой и статной, плавно двигающейся женщине’.

(12) «Комплекция» (нем. – 42 ед.; русск. – 60 ед.), ср.: нем. разг. *Bombenform* ‘подтянутое телосложение’, русск. разг. *Геркулес* ‘физически развитый’.

(13) «Одежда» (нем. – 29 ед.; русск. – 47 ед.), ср.: нем. разг. *Beachboy* ‘модник’, русск. разг. *пижон* ‘хорошо одетый’.

(14) «Волосы» (нем. – 15 ед.; русск. – 7 ед.), ср.: нем. разг. *Zammeln* ‘длинные свисающие волосы’, русск. разг. *причесон* ‘модная или примечательная прическа’.

(15) «Лицо» (нем. – 15 ед.; русск. – 7 ед.), ср.: нем. разг. *hübsches Frätzchen* ‘милое личико’, русск. разг. *витрина* ‘возбуждающее интерес лицо’.

Наряду с общими ЛЕНВК выявлены смысловые группы, отмеченные в одном из сопоставляемых языков. Так, лишь в немецком разговорном языке представлены СГ со следующими значениями:

(16) «Декольте» (10 ед.), ср.: нем. разг. *Balkon* ‘пышная грудь (женская), большой бюст’.

(17) «Талия» (3 ед.), ср.: нем. разг. *Wespentaille* ‘тонкая талия’.

С другой стороны, только в русском разговорном языке зафиксирована СГ со значениями:

(18) «Шея» (3 ед.), напр.: русск. разг. *лебединый изгиб* ‘тонкая шея’.

(19) «Ноги» (5 ед.), напр.: русск. разг. *аист* ‘человек со стройными ногами’.

4. Семантическая деривация ЛЕНВК

В ходе исследования было установлено, что как в немецком, так и в русском языке заметную роль в образовании ЛЕНВК играет семантическая деривация (метафора и метонимия).

Главным средством вторичной номинации ЛЕНВК в сопоставляемых языках выступает метафора (нем. – 27 ед.; русск. – 34 ед.), которая представлена 5 типами переносов, 3 из которых в сопоставляемых языках являются общими, ср.:

(20) «Артефактная» (нем. – 15 ед.; русск. – 17 ед.), ср.: нем. разг. *Waschbrettbauch* (букв. ‘живот-стиральная доска’ ‘пресс’), русск. разг. *бомба* букв. ‘девушка привлекательной внешности’.

(21) «Зоонимная» (нем. – 7 ед.; русск. – 12 ед.), ср.: нем. разг. *Biene* разг. (букв. ‘пчела’) ‘девушка с тонкой талией’; русск. разг. *породистая* ‘красивая девушка’;

(22) «Флористическая» (нем. – 4 ед.; русск. – 3 ед.), ср.: нем. разг. *Koloss* ‘высокий рост’; русск. разг. *бутон* ‘красивая девушка’.

В каждом из сопоставляемых языков выявлено 2 типа метонимических переносов. Общим является:

(23) «Атрибутивный» (нем. – 2 ед.; русск. – 5 ед.), ср.: нем. разг. *Apollo* ‘хорошо развитая мускулатура’, русск. разг. *Геркулес* ‘физически развитый’.

Особенности вторичной номинации ЛЕНВК в разговорном сегменте немецкого и русского языков связаны с:

а) одушевлением повседневной речи, ср.: нем. разг. *Schwanenhals* (букв. ‘лебединая шея’) ‘длинная/изящная шея’, русск. разг. *жеребчик* ‘красивый, мужественный парень со спортивной (рельефной) фигурой’.

б) выявлением аналогий между человеком и объектами или явлениями природы для создания более образного описания внешности, передачи отношения говорящего к объекту номинации, ср.: нем. разг. *Bombenform* ‘подтянутое телосложение’, русск. разг. *кукла* ‘красивая женщина’, русск. разг. *дизель* ‘физически сильный человек’.

Данные разговорные лексемы обладают яркой образностью, содержат оценку и экспрессивно-эмоциональную окраску.

5. Выводы

Анализ структуры и семантики лексических единиц, номинирующих внешнюю красоту в разговорном сегменте немецкого и русского языков позволил сделать следующие выводы:

5.1. Разговорным ЛЕНВК наименованиям родственников в сопоставляемых языках присуща различная словообразовательная структура: аффиксальная, композитная и синтаксическая.

5.2. Самым продуктивным способом образования ЛЕНВК в русском разговорном языке является аффиксация, в немецком – словосложение.

5.3. Во всех исследуемых языках среди аффиксальных ЛЕНВК доминируют суффиксальные ЛЕНВК. Частое использование суффиксов при описании внешности в сопоставляемых языках связано с богатым набором суффиксов в каждом из языков, а также тем, что с помощью суффиксов можно образовывать множество номинаций, относящихся к конкретным характеристикам внешности человека. Этот удобный способ обогащения языка и создания новых слов, позволяющий точно передать определенные черты внешности. Суффиксы позволяют создавать широкий спектр слов, относящихся к физическим особенностям человека. Кроме того, использование суффиксов при описании внешности также позволяет сделать язык более точным и разнообразным, что важно для передачи отношения говорящего к объекту номинации.

5.4. В разговорной лексике немецкого и русского языков ЛЕНВК представляют достаточно многочисленную лексическую подсистему, охватывающую в целом одни и те же характеристики внешности. Немецкие и русские ЛЕНВК в целом образуют 14 семантических групп 7 из которых являются общими.

5.5. В немецком и русском разговорном языках ЛЕНВК продуктивно образуются путем семантической деривации. Основным средством вторичной номинации ЛЕНВК в сопоставляемых языках выступает метафора. Образная номинация происходит преимущественно по модели артефактной, зоонимной и флористической метафор. Неодинаковую активность метонимических и метафорических переносов в разговорном сегменте немецкого и русского языков можно объяснить различиями в их образном фонде, индивидуальными особенностями ассоциативного мышления представителей различных лингвокультур. Указанные примеры иллюстрируют ассоциативные соответствия, которые могут быть осознанными или бессознательными, и отражают образный фонд каждого языка. Такие различия могут быть объяснены индивидуальными особенностями ассоциативного мышления представителей различных

лингвокультур. Это подчеркивает важность культурного контекста и его воздействия на языковые концепты и семантические переносы.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Батарон Т. Л. Специфика медиавербализации экстеральной привлекательности гендера в XXI веке (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп, 2021. 25 с.
3. Мильбрет А.А. Привлекательность / непривлекательность внешнего облика человека в русской лингвокультуре: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2014. 257 с.
4. Руденко Е. С. Концепты «прекрасное» и «безобразное» в немецкой лингвокультуре (диахронический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2013. 24 с.
5. Петрищева Е. И. Стилистически маркированные наименования лиц по родственным отношениям: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.20. Донецк. 2021. 272 с.
6. Федотова Т. Н. Лексико-семантическое поле красоты в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1999. 27 с.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

References

1. Ahmanova, O. S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms.]. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija (In Russ).
2. Bataron, T. L. (2021) *Specifika mediaverbalizacii jeksternal'noj privlekatel'nosti gendera v XXI veke (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The specifics of media verbalization of the external attractiveness of gender in the XXI century (based on the material of the Russian and English languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Majkop (In Russ).
3. Mil'bret, A.A. (2014) *Privlekatel'nost' / neprivlekatel'nost' vneshnego oblika cheloveka v russkoj lingvokul'ture* [Attractiveness / unattractiveness

of a person's appearance in Russian linguistic culture]: dis. ... kandidata filologičeskikh nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg (In Russ).

4. Rudenko, E. S. (2013) *Koncepty «prekrasnoe» i «bezobraznoe» v nemeckoj lingvokul'ture (diahroničeskij aspekt)* [The concepts of "beautiful" and "ugly" in German linguoculture (diachronic aspect)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva (In Russ).

5. Petrišheva, E. I. (2021) *Stilističeski markirovannye naimenovanija lic po rodstvennym otnošenijam: sopostavitel'nyj aspekt* [Stylistically marked kinship names: comparative aspect]: dis. ... kand. filol. nauk.: 10.02.20. Doneck (In Russ).

6. Fedotova, T. N. (1999) *Leksiko-semantičeskoe pole krasoty v sovremennom russskom jazyke* [The lexical and semantic field of beauty in modern Russian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva (In Russ).

7. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar' [Linguistics. A large encyclopedic dictionary] / Gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998 (In Russ).

Сведения об авторе

Петришцева Елена Игоревна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии. Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет». 83001, Донецк, Университетская, 24. E-mail: petrišchewa-elen@mail.ru.

About the author.

Petrišchewa Elena I., Candidate of Philology, Associate professor of Department of German Philology. Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University». 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001. E-mail: petrišchewa_elen@mail.ru

УДК 81.111

Сакова А. А. Саттарова Р. В.
ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ МЕДИЙНОМ
ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ “THE GUARDIAN”)

Sakova A.A., Sattarova R. V.
EUPHEMISATION IN MODERN BRITISH MEDIA DISCOURSE
(BASED ON ARTICLES IN “THE GUARDIAN”)

***Аннотация.** В данной статье представлено осмысление понятия «эвфемизм», причин и функций эвфемизации речи на материале английского языка. Результаты могут быть применены при разработке спецкурсов и пособий по лексикологии и лингвокультурологии, в практике преподавания английского языка.*

***Ключевые слова:** языковые единицы, эвфемизация, классификация эвфемизмов, лексикология, медийный дискурс.*

***Abstract.** This article presents understanding of the concept of euphemism, the causes and functions of euphemisation in speech based on the material of the English language. The results can be applied when developing specialised courses and teaching aids on lexicology and linguoculturology, and in practice of teaching English.*

***Key words:** linguistic units, euphemisation, classification of euphemisms, lexicology, media discourse.*

В процессе эвфемизации выстраивается определенная система ценностей, понятий; несоответствие этой системе заставляет нас использовать эвфемистическое переименование. Использование эвфемизмов в языке продиктовано вежливостью, определенными тенденциями к игнорированию отрицательных наименований. При этом происходит вытеснение слов с отрицательной коннотацией и выдвижение нейтральных или положительно заряженных единиц. Во многих научных работах подчеркивается, что процесс эвфемизации непосредственно связан с культурными стереотипами в обществе, в частности, с вежливостью и тактичностью [1, с. 3].

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения влияния языковых средств на формирование общественного мнения и восприятие информации. В современном мире медийное пространство играет ключевую роль в формировании образа событий, явлений и персон, и использование эвфемизмов в этом контексте имеет существенное значение.

Объектом исследования являются англоязычные эвфемизмы и эвфемистические выражения.

Предмет исследования – особенности эвфемизации и ее отражение в медийном дискурсе.

Цель работы: изучение эвфемизмов и особенностей их функционирования в британском медийном дискурсе.

В качестве материала исследования были выбраны статьи из различных рубрик газеты “The Guardian”. Были проанализированы более 20 текстов за 2009-2023 гг.

Медийный дискурс – это функционально-обусловленный вид дискурса, понимающийся как некая совокупность речевых практик и готовых продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия. В других же источниках есть информация о том, что медийный дискурс – это, во-первых, набор всех процессов и производных речевой деятельности в области средств массовой информации, а также вопросы их координирования со всеми их сложностями. И, наконец, медийный дискурс – это феномен, включающий социальные, культурно-идеологические, экономические, технико-технологические и иные показатели. Таким образом, медийный дискурс – определение однозначно неограниченное [3, с. 51]. Каждый из нас может интерпретировать это явление по-разному, но в любом случае, весьма ясным является то, что без медийного дискурса СМИ функционировать не могут.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что медийный дискурс – это многомерное преобразование информации или даже частичная замена выражений с целью ее максимального распространения и широкого тиражирования. Описание данного дискурса строится на основании признаков, позволяющих охарактеризовать прагматику общения – признаки субъектов и адресатов общения, коммуникативных стратегий и тональности дискурса.

В медийном дискурсе особый смысл заключается в специфике способа передачи информации. Письменный текст в виде газетной информации ориентируется на передачу новостной информации и аналитическое осмысление прочитанного. Радиопередача в значительной мере опирается на камерный характер общения; отмечено, что радио часто слушают в темноте или во время поездок, отсюда и вывод о специфическом межличностном общении радиоведущих с аудиторией.

Необходимо учитывать тот факт, что в публицистике сочетаются признаки разных типов дискурса. Ведь важнейшим процессом является переосмысление взаимосвязи между функциональным стилем и дискурсом. Для описания языковых особенностей того или иного текста удобным оказывается понятие функционального стиля как «свойства языковой ткани текста, обусловленного общей спецификой экстралингвистической основы текста» [4, с. 35].

Если выбирать из ряда функциональных стилей, то однозначно стоит выделить публицистический стиль, его важнейшей разновидностью стал именно газетный стиль как самый популярный вид массовой коммуникации. Но и в рамках традиционной стилистики отмечено, что газетному стилю присущи не только информационная и воздействующая, но и просветительская, воспитательная, организаторская и гедонистическая (развлекательная) функции [там же].

СМИ обращены к широкой аудитории, влияя и в определенной мере формируя отношение общества к фактам реальности, поэтому авторы газетных и журнальных статей часто стараются избегать слов, непосредственно описывающих явления, вызывающие негативные эмоции у читателя. Для этой цели журналисты, а также публикующие свои материалы политики, экономисты, общественные деятели, используют эвфемизмы.

Эвфемизмы, которые будут рассматриваться в данной работе, разделены на категории в соответствии с классификацией, предложенной А.С. Куркиевым.

А. С. Куркиев выделяет следующие пять групп эвфемизмов по порождающим мотивам:

- 1) эвфемизмы, возникшие на основе суеверий;
- 2) из чувства страха и неудовольствия;
- 3) на основе сочувствия и жалости;
- 4) порождаемые стыдливостью;

5) порождаемые вежливостью [2, с. 54].

На основе анализа периодического издания “The Guardian” нами были обнаружены три пункта из пяти из классификации эвфемизмов по порождающим мотивам А.С. Куркиева:

1. Эвфемизмы на основе сочувствия и жалости.

В одном из заголовков газеты “The Guardian” можно заметить эвфемизм *economically challenged: Why girls are economically challenged* ‘экономически ограничены’: ‘Почему девушки сталкиваются с экономическими трудностями’ [6]. Данный эвфемизм используется для смягчения или уклонения от прямого упоминания о финансовых трудностях или бедности. В данном контексте фраза может означать, что у девушек или женщин есть ограниченные возможности в области экономики и финансов из-за социальных или экономических неравенств.

2. Эвфемизмы, порождаемые вежливостью.

Venerable age ‘почтенный возраст’ представляет собой эвфемизм, который обозначает преклонный возраст человека. Б. Норман, автор статьи, использовал данное выражение, чтобы подчеркнуть уважительное отношение к пожилым людям и избежать негативную коннотацию, связанную со словом *old* ‘старый’: *To demonstrate a commitment to British film as Pinewood reaches such a venerable age, the studios have announced investment in Last Passenger, starring Dougray Scott, which will be former EastEnders star Kara Tointon’s first film* ‘Чтобы продемонстрировать свою преданность британскому кино, поскольку Pinewood достигает столь почтенного возраста, киностудия объявила об инвестициях в «Последнего пассажира» с Дугреем Скоттом в главной роли, который станет первым фильмом бывшей звезды «Жителей Ист-Энда» Кары Тойнтон» [7].

3. Эвфемизмы из чувства страха и неудовольствия.

В данной группе присутствуют эвфемизмы, которые используются для обхода темы смерти, чтобы сделать её менее ужасающей или более приемлемой для общения и СМИ. К примеру, в издании “The Guardian” мы не обнаружили такие слова, которые бы напрямую указывали на «мир иной». Для обозначения кончины личности авторы статей чаще всего включают в дискурс глаголы: *Suzanne Somers passed away peacefully at home in the early morning hours of October 15* ‘Сюзанн Сомерс ушла спокойно дома рано утром 15го октября’ [5].

В результате исследования мы пришли к выводу, что эвфемизмы не просто стилистический синоним или замена языковой единицы, они также изменяют эмоциональную окраску и предлагают новую интерпретацию явления, новый взгляд на него и содержат новую морально-этическую оценку. Большое количество эвфемизмов свидетельствует об изменении общественных ориентиров в данной сфере, отражая как уже произошедшие сдвиги в общественном сознании, так и способствуя распространению и закреплению новых идей.

Мы полагаем, что цель нашей исследовательской работы была достигнута. Данные исследования могут способствовать дальнейшему изучению эвфемизмов в медийных текстах, а также могут быть использованы как материал для подготовки и проведения лингвистических дисциплин и в рамках курсов стилистики и интерпретации текста.

В результате исследования были выявлены типичные мотивы эвфемизации, используемые в медийном дискурсе газеты “The Guardian”, а также сформулированы выводы об их влиянии на восприятие информации читателями. Полученные результаты могут быть использованы для более глубокого понимания языковых стратегий, применяемых в медийном дискурсе, а также для анализа влияния эвфемизации на формирование общественного мнения.

Библиографический список

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 20 с.
2. Куркиев А. С. О классификации эвфемистических названий в русском языке. Классификация эвфемизмов по порождающим мотивам. Грозный: ГГУ, 1977. 88 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 113 с.
4. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006. – 160 с.
5. The Guardian (2024) *Suzanne Somers, star of Three’s Company sitcom, dies aged 76*. Available at: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2023/oct/15/suzanne-somers-actor-threes-company-american-graffiti> (Accessed: 12 February 2024).

6. The Guardian (2024) *Why girls are economically challenged*. Available at: <https://www.theguardian.com/katine/2009/aug/17/money-women> (Accessed: 15 February 2024).

7. The Guardian (2024) *Pinewood celebrates 75 years filming the best of British and Hollywood*. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2011/oct/02/pinewood-studios-75-years-lord-grade-films> (Accessed: 14 February 2024).

References

1. Baskova Yu. S. (2006). *Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Euphemisms as a means of manipulation in the language of the media (based on the Russian and English languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar. (In Russ.).

2. Kurkiev A. S. (1977). *O klassifikatsii evfemisticheskikh nazvanii v russkom yazyke. Klassifikatsiya evfemizmov po porozhdayushchim motivam* [On classifying euphemistic names in the Russian language. The classification of euphemisms based on generating motives]. Groznyi: GGU. (In Russ.).

3. Makarov M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [The basics of discourse theory]. M., 2003. (In Russ.).

4. Chernyavskaya V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and power of discourse: problems of speech impact]. M. (In Russ.).

Сведения об авторах

Сакова Анастасия Андреевна, студентка 4-го курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: guryanovaanastassiya@yandex.ru.

Саттарова Раксана Винеровна, доцент кафедры германских языков, к.филол. н., Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: r.v.sattarova@struust.ru.

About the authors

Sakova Anastasia Andreevna, 4th-year student of Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia. E-mail: guryanovaanastasiya@yandex.ru.

Sattarova Raksana Vinerovna, Associate Professor of the Department of Germanic Languages, PhD in Philology, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: r.v.sattarova@struust.ru.

УДК 811.111: 81'42

Саттарова Р. В.
МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ
С. БРАВЕРМАН И П. МОРДОУТ НА КОНФЕРЕНЦИИ
КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ 2023 Г.)

Sattarova R.V.
THE UK MODERN POLITICAL DISCOURSE MODELLING
(BASED ON S. BRAVERMAN'S AND P. MORDAUNT'S SPEECHES
ON THE CONSERVATIVE PARTY CONFERENCE IN 2023)

***Аннотация.** В данной статье представлены модели аргументативного дискурса и различные дискурсивные средства, используемые в современной политической коммуникации. В качестве материала исследования выбраны речи политических лидеров Консервативной партии Великобритании. В результате анализа выделены характерные особенности жанра выступления на конференции партии и отличительные черты дискурса консерваторов Великобритании.*

***Ключевые слова:** политический дискурс, аргументативный дискурс, прагматический топос, эмоциональный топос, эмотивные средства, модальность.*

***Abstract.** The article presents models of argumentative discourse and various discourse means which are used in modern political communication. The study is based on the UK Conservative Party political leaders' speeches. As a result of the study characteristic features of the Conservative Party speech genre as well as typical peculiarities of the UK conservatives' discourse are singled out.*

***Key words:** political discourse, argumentative discourse, pragmatic topos, emotive topos, emotive means, modality.*

Аргументация как желание убедить собеседника в истинности своей точки зрения характерна для любого вида коммуникации. В полити-

ческой коммуникации в иерархии целей эта цель занимает главное положение. Этим определяется актуальность данного исследования, направленного на изучение моделей дискурса политического лидера: дискурс моделируется с помощью целого набора дискурсивных средств, стратегической целью которых является аргументация.

Объектом исследования являются дискурсообразующие средства и виды аргументации в англоязычной речи. Предмет исследования – особенности моделирования дискурса политического лидера. Цель данной работы заключается в изучении процесса моделирования британского политического дискурса на материале выступлений современных представителей Консервативной партии.

Отметим подход к определению аргументации Ю. В. Рождественского: аргументация – это «коммуникативная деятельность субъекта в триединстве вербального, невербального и экстралингвистического, целью которой является убеждение адресата через обоснование правильности своей позиции» [6, с. 187]. Также как и Ю.В. Рождественский, Ю. Е. Иванова подчёркивает важность сочетания вербальных и невербальных средств дискурса для оказания эффективного воздействия на целевую аудиторию [1].

Отметим также, что для осмысления дискурса (а значит, и для эффективности его воздействия на целевую аудиторию) важна информация оценочного характера [2].

При определении типа аргументации в дискурсе в данном исследовании мы ориентируемся на дискурсообразующий топос, по определению В. А. Курдюмова представляющий собой языковое выражение события, вызвавшего появление дискурса [3]. Таксономия топосов включает разные типы. Интерес для данного исследования представляют прагматический топос, основанный на предъявлении целевой аудитории информации о пользе и выгоде, и эмоциональный топос, ориентированный на эмотивный фон аудитории [5].

В данной статье представлены результаты изучения двух выступлений на Конференции Консервативной партии 2023 г., а именно топосов аргументативного дискурса и других дискурсообразующих средств, к которым обращались министр внутренних дел Великобритании с 06.09.22 г. по 13.11.23 г. Суэлла Браверман (Сью-Эллен Кассиана Браверман; англ.: Sue-Ellen Cassiana «Suella» Braverman) и лидер Палаты

общин и лорд-председатель Совета Пенни Мордонт (Пенелопа Мэри Мордонт; англ. Penelope Mary Mordaunt).

Научная новизна исследования заключается в том, что выделены отличительные особенности жанра выступления на Конференции Консервативной партии и характерные черты дискурса консерваторов Великобритании. С экстралингвистической точки зрения примечателен также гендерный аспект: оба политических лидера являются представительницами женского пола.

Кратко модель дискурса С. Браверман на Конференции Консервативной партии можно оформить следующим образом: 1) эмоциональная аргументация (тезис: *The work of my brilliant ministerial team is fantastic* 'Работа моего великолепного министерства чудесна' (здесь и далее вербальное оформление тезисов – наше: С.Р.)); 2) рациональная аргументация (*We'll tackle mass migration* 'Мы будем решать вопросы массовой миграции'); 3) рациональная аргументация (*We'll deliver law and order* 'Мы обеспечим закон и порядок'); 4) эмоциональная аргументация (*The police are doing vital work* 'Полиция выполняет важную работу'); 5) рациональная аргументация (*The Labour party cannot fight crime* 'Партия лейбористов не может бороться с преступностью'); 6) рациональная аргументация (возвращение к ключевому тезису данного выступления: *We'll tackle mass migration* 'Мы будем решать вопросы массовой миграции').

В качестве главной особенности речи С. Браверман можно отметить окружение основных аргументов эмотивными средствами: эмоциональная аргументация послужила основой для ряда прагматических тезисов и аргументов (в краткой модели нами были отмечены лишь основные прагматические тезисы данного выступления) и была также включена в дискурс между несколькими прагматическими топосами; прагматическая аргументация включала обращения к эмотивным и оценочным средствам.

Прагматическая аргументация речи С. Браверман усиливается рядом дискурсивных средств, среди которых отметим следующие:

1. Подкрепление прагматической аргументации конкретными действиями, сделанными консерваторами, с помощью ряда параллельных конструкций. В примере 1 параллелизм основан на анафоре *That's why we... It's why we...* 'Вот почему мы'..., которая встречается в одном фрагменте дискурса восемь раз:

Пример 1. *That's why we have backed our police officers with one of the largest ever rises in police pay. It's why we ensured we hit our target of 20,000 additional police officers – so that we now have more officers in England and Wales than ever before. It's why we've backed the police's use of stop and search as an effective way to get knives off our streets. It's why we've secured agreement from the police to investigate all burglaries and follow all reasonable lines of inquiry when someone reports a crime. It's why we've reformed hate crime guidance so that officers aren't wasting hours of valuable police time investigating squabbles on Twitter. It's why we're making sure that police are not inadvertently helping mobs to enforce non-existent blasphemy laws. It's why we've prioritised tracking down grooming gang perpetrators and getting justice for their victims after authorities turned a blind eye. And it's why we've made sure that Prevent – the government programme that stops people from sliding towards terrorism – is focused on the main security threat to the British public, Islamist extremism* [11]

Вот почему мы поддержали наших полицейских хорошим увеличением зарплаты. Вот почему мы добились поставленной цели и увеличили штат служащих на 20 тысяч человек – так что теперь в Англии и Уэльсе больше полицейских, чем когда либо. Вот почему мы поддержали политику обыска как действенный способ избавиться от поножовщины на наших улицах. Вот почему мы добились того, что полицейские расследуют все кражи со взломом и рассматривают все рациональные направления расследования, когда сообщается о преступлении. Вот почему мы изменили правила расследований преступлений на почве ненависти, так что полиция не тратит ценное время на склоки в Твиттере. Вот почему мы следим за тем, чтобы полицейские ненароком не способствовали внедрению несуществующих законов о богохульстве. Вот почему мы выслеживаем преступников и добиваемся справедливости после того, как власти закрыли на них глаза. Вот почему мы добились того, что Привент – государственная программа по предотвращению терроризма – преимущественно направлена на главную угрозу британского населения – исламский экстремизм (здесь и далее (кроме стихотворения в примере 2) перевод наш: С.Р.).

2. Завершение прагматической аргументации эмотивными средствами: в примере 2 – включением в дискурс стихотворения:

Пример 2. *But, you know, the Conservative Party is also a kind of trade union. Because we are the trade union of the British people. And I think we should adopt as our motto these lines from the poet Shelley... Which I'm shamelessly taking back from Labour:*

*"Rise like lions after slumber
In unvanquishable number.
Shake your chains to earth like dew:
Which in sleep had fallen on you.
You are many, they are few!"* [Там же].

'Но, знаете, Консервативная партия – своего рода профсоюз. Потому что мы профсоюз для британцев. И я считаю, что в качестве своего девиза нам следует взять эти строчки поэта Шелли... Которые я, без всякого стеснения, заимствую у лейбористов:

*«Вставай, как лев встает от сна,
Мужей, таких, как ты – страна.
Так скиньте цепи, как росу,
Опавиую за ночь к утру.
Избавьтесь от своих оков,
Вас много больше, чем врагов!»* [7].

Фрагмент из поэмы «Маскарад Анархии» одного из величайших поэтов XIX века П. Б. Шелли включён в дискурс министра внутренних дел как яркое эмотивное средство, аллюзия к культурному наследию Англии, а также как тактика отвода критики со стороны оппонентов: этот же фрагмент поэмы П.Б. Шелли был использован лейбористами в качестве обвинения консерваторов.

Лидер Палаты общин П. Мордонт также начала свое обращение с эмоциональной аргументации. Её встретили бурными аплодисментами, на что она заявила:

Пример 3. *Conference, I want you to know the feeling is entirely mutual. What a great conference. I love conference* [10] 'Конференция, хочу, чтобы вы знали, что наши чувства взаимны. Какая восхитительная конференция. Я люблю конференцию'.

Эмоциональная аргументация в дискурсе П. Мордонт включает эмотивные лексические единицы: *the mutual feeling* ‘взаимные чувства’, *great* ‘восхитительный’, *to love* ‘любить’.

Ярким дискурсивным средством речи данного политического лидера является политический сторителлинг, под которым мы, вслед за профессором Л.В. Минаевой, понимаем создание завершенных произведений речи, т.е. историй, включаемых в политический текст [4].

Сторителлинг в анализируемой речи П. Мордонт характеризуется наличием повторов (в том числе анафор и эпифор) и параллельных синтаксических конструкций, а также апелляцией к чувству юмора целевой аудитории:

Пример 4. *Now, as you know, I'm a Portsmouth girl. Over the years, we have been in one scrap after another, and my city still bears the scars to this day. Many of you in this hall will remember the 1980s. I know what you're thinking: Mordaunt couldn't remember the 1980s! She's far too young. Conference, I have to tell you, I was there!*

One of my first memories was standing on the Hot Walls in Portsmouth, and I was watching HMS Hermes take the Falklands taskforce out of the harbour. And I stood proud that day. I knew watching those men and those ships that my country stood up to bullies. Those men and those families knew that some would not be coming back. It was deeply moving. And it moves me still to think of it.

You see, it was the moment I realised that courage is infectious. You see, that is what the Conservative Party is for. That is what our nation is for.

We stand up and fight. We are the party and the country that stood up and fought against Nazis and fascists. We are the party and the country whose resolve enabled superpowers to end a cold war. We are the party and country that sent my classmates' father and ships from my dockyard to stand up and fight for the rights of the Falkland Islanders to self-determination. All against the prevailing wisdom that it could not and should not be done. We are the party and country that has stood from the start with Ukraine. We are the country and party that stood up for democracy. Who gave our countrymen the choice to join a European trading bloc and 40 years later the choice to leave what it had become. We are the party and country that transformed the sick man of Europe into a titan on the global stage; who stood up and fought against militant trade unions and broke their chokehold on Britain [10].

‘Вы знаете, что я родом из Портсмута. За многие годы мы пережили много передряг; и мой город до сих пор – в шрамах. Многие из вас в этом зале помнят 1980-е. Я знаю, о чем вы думаете: Мордонт не может помнить 1980-е! Она слишком молода. Конференция, должна признаться: я была там!

Одно из моих первых воспоминаний – я стояла в Хот Уолз в Портсмуте и наблюдала, как авианосец Её Величества «Гермес» увозил с бухты солдат на Фолклендские острова. И я гордилась. Наблюдая за теми мужчинами и кораблями, я знала, что моя страна решила противостоять угрозе. Те мужчины и семьи знали, что не все вернутся домой. Это было очень трогательное зрелище. И я до сих пор вспоминаю тот момент с волнением.

Именно тогда я поняла, что смелость заразительна. Вот для чего нужна Консервативная партия. Вот для чего нужна наша страна.

Мы боремся. Именно мы – партия и страна, которые боролись с нацистами и фашистами. Именно мы – партия и страна, чья решительность привела к завершению холодной войны между сверхдержавами. Именно мы – партия и страна, которые отправили отцов моих одноклассников и корабли из моей верфи бороться за права жителей Фолклендских островов на самоопределение. (...) Именно мы – партия и страна, которые решили бороться с самого начала конфликта на Украине. Именно мы – партия и страна, которые защищали демократию. Которые позволили своим соотечественникам присоединиться к Евросоюзу и выйти из того, что стало с этим союзом, 40 лет спустя. Именно мы – партия и страна, которые превратили немощную Европу в титана на мировой арене; которые боролись с агрессивными профсоюзами и противостояли их тотальному контролю над Британией’.

Необходимо отметить использование инклюзивного личного местоимения *we* ‘мы’, способствующего единению населения Великобритании и говорящего как представителя правящей партии, а также включение в дискурс персонификации: Европа представлена большим человеком и титаном (*a titan* «a person who is very important, powerful, strong, big, clever, etc.» ‘очень важный, сильный, большой, умный (и т. д.) человек [8].

Отличительными особенностями жанра выступления на Конференции Консервативной партии, встретившимися в проанализированных нами речах, являются следующие:

1. Речи начинаются со слов (либо включают слова) благодарности своим коллегам. Так, С. Браверман начала свою речь, поимённо упомянув работников своего министерства. П. Мордонт также поблагодарила своих однопартийцев:

Пример 5. *It is a chance to see you all. To be able to thank you for all that you do. For all that you believe in. And for being here today* [10] ‘Конференция – это возможность увидеть вас всех. Возможность поблагодарить вас за всё, что вы делаете. За всё, во что верите. И за то, что вы сегодня здесь’.

2. Положительная самопрезентация, плавно преобразовывающаяся в положительную презентацию партии.

В результате исследования нами были отмечены характерные черты речей консерваторов:

1. Преувеличение значимости своих достижений. Так, в примере 1 можно увидеть такие словосочетания, как *one of the largest ever rises, more officers in England and Wales than ever before* [10] ‘хорошее увеличение зарплаты (буквально: одно из самых значительных повышений зарплаты за все времена), больше полицейских в Англии и Уэльсе, чем когда либо’. Преувеличение в данном примере осуществляется с помощью прилагательного в превосходной степени *the largest* ‘самый значительный’ и наречия неопределённого времени *ever* ‘когда-либо’.

2. Стратегия положительной самопрезентации в виде тактики апелляции к авторитету из числа «своих»:

Пример 6. *They tried it against Margaret Thatcher... It didn't work. They tried it against David Cameron... It didn't work. A couple of years ago they even tried it against Winston Churchill... Our greatest ever leader... And it didn't even work then.*

And I can promise you this... it won't work against Rishi Sunak... and it won't work against me [6] ‘Они пробовали (очернить) Маргарет Тэтчер... Не получилось. Они пробовали (очернить) Дэвида Кэмерона... Не получилось. Пару лет назад они даже пробовали очернить Уинстона Черчилля... Нашего величайшего лидера... Также не получилось. И я могу обещать, что это не получится и с Риши Сунаком... и не получится со мной’.

В этом примере С. Браверман отмечает нескольких великих лидеров: М. Тэтчер, У. Черчилля, а также грамотного политика современ-

ности Д. Кэмерона. Упомянув У. Черчилля, министр внутренних дел включает в дискурс оценочное прилагательное в превосходной степени сравнения *the greatest* ‘величайший’ и наречие неопределённого времени *ever* ‘когда-либо’), за которыми следует деонтическая модальность обещания – экстраполяция положительных качеств упомянутых выше лидеров на Р. Сунака как действующего премьер-министра и на говорящего.

Девиз многих современных консерваторов – это партия большинства, а не привилегированного меньшинства:

Пример 7. *We stand with the many, the law-abiding... Hard working... Common sense majority. Against the few...* [11] ‘Мы – партия большинства, партия законопослушных... Трудолюбивых... Обладающего здравым смыслом большинства. Не меньшинства’.

Нами замечено, что, начиная с Д. Кэмерона (возможно, и раньше), консерваторы заявляют, что они не являются партией для богатых, а, наоборот, представляют собой партию для обычного народа. Для сравнения приведём цитату одного из выступлений премьер-министра Т. Мэй:

Пример 8. *The government I lead will be driven not by the interests of a privileged few, but by yours... When we take the big calls, we'll think not of the powerful but you. When we pass new laws, we'll listen not to the mighty, but you. When it comes to taxes we'll prioritize not the wealthy, but you. When it comes to opportunity, we won't entrench the advantages of the fortunate few* [9] ‘Правительство, которым я руковожу, будет руководствоваться интересами не привилегированного меньшинства, а – вами... Когда перед нами будет трудное испытание, мы будем думать не о влиятельных, а о вас. Когда мы будем принимать новые законы, мы будем прислушиваться не к имеющим власть, а к вам. Когда речь будет идти о налогах, нашим приоритетом будут не богатые, а вы. Когда речь будет идти о возможностях, мы не будем защищать права нескольких счастливицков’.

Отметим ключевые слова, повторяющиеся в речах многих недавних премьер-министров и членов их правительств: *clear* ‘ясный, понятный’, *simple* ‘простой’, *to put you first* ‘ставить вас (обычный народ) на первый план’, *we are on your side* ‘мы на вашей стороне’:

Пример 9. *Our message to the people is clear. We are raising our game. We are fighting for a Britain that puts you first. We are on your side* [11]

‘Наша мысль – проста. Мы поднимаем ставки. Мы боремся за Британию, у которой – в приоритете вы. Мы – на вашей стороне’.

Итак, проведённое исследование демонстрирует важность эмотивной составляющей политического дискурса: основным видом аргументации, направленным на убеждение целевой аудитории и принятие точки зрения политического лидера, является прагматическая аргументация; однако характерные для последней предпосылки пользы и выгоды обязательно сопровождаются включением в дискурс эмотивных средств; кроме того, замечено чередование прагматической аргументации с эмоциональной.

Наблюдение за эмпирическим материалом позволяет сделать вывод о регулярности использования определённых коммуникативных средств в рамках дискурса не только одного политического лидера, но также и представителей одной политической партии. Более того, существуют дискурсивные средства, характерные для определённых жанров политической коммуникации.

Библиографический список

1. Иванова Ю. Е. Вербальные и невербальные средства воздействия на коммуникантов в процессе бизнес презентаций. Когнитивные исследования языка. № 11. 2012. С. 511-513.
2. Иванова Ю. Е., Мазничка М. Р. Аргументативный дискурс: особенности убеждения в русскоязычной и англоязычной речи. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. Вып. 12. 2022. С. 4054-4059.
3. Курдюмов В. А. Предикация и природа коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. – 263 с.
4. Минаева Л. В. Сторителлинг в политическом дискурсе. Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. № 3. 2017. С. 118-121.
5. Пронина Е. Н. Специфика риторической аргументации. Методическое руководство по изучению дисциплины «Логика и риторика». М.: МГУП, 2013. 79 с.
6. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.
7. Стихи.ру. Мужики Англии... Перси Биш Шелли. 2017. Доступ: <https://stihi.ru/2017/05/09/2610> (дата обращения: 20.01.24).

8. Cambridge Dictionary Online (2024) *Titan*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/titan> (Accessed: 18 January 2024).

9. GOV.UK (2024) *Statement from the new Prime Minister Theresa May*. URL: Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/statement-from-the-new-prime-minister-theresa-may> (Accessed: 16 January 2024).

10. UKPOL.CO.UK. Political Speech Archive (2024) *Penny Mordaunt – 2023 Speech to Conservative Party Conference*. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/penny-mordaunt-2023-speech-to-conservative-party-conference/> (Accessed: 14 January 2024).

11. UKPOL.CO.UK. Political Speech Archive (2024) *Suella Braverman – 2023 Speech to Conservative Party Conference*. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/suella-braverman-2023-speech-to-conservative-party-conference/> (Accessed: 14 January 2024).

References

1. Ivanova, Yu. E. (2012). *Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vozdeistviya na kommunikantov v protsesse biznes prezentatsii* [Verbal and non-verbal means of influencing communicants in the process of business presentation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 11. Pp. 511-513. (In Russ.).

2. Ivanova, Yu. E., Maznichka, M. R. (2022). *Argumentativnyi diskurs: osobennosti ubezhdeniya v russkoyazychnoi i angloyazychnoi rechi* [Argumentative discourse: peculiarities of persuasion in Russian and English speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 15. # 12. Pp. 4054-4059. (In Russ.).

3. Kurdyumov, V. A. (1999). *Predikatsiya i priroda kommunikatsii* [Predication and the nature of communication]: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1999. (In Russ.).

4. Minaeva, L. V. (2017). *Storitelling v politicheskom diskurse* [Storytelling in political discourse]. *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike*. 3. Pp. 118-121. (In Russ.).

5. Pronina, E. N. (2013). *Spetsifika ritoricheskoi argumentatsii* [Specific features of rhetoric argumentation]. *Metodicheskoe rukovodstvo po izucheniyu distsipliny «Logika i ritorika»*. M.: MGUP. (In Russ.).

6. Rozhdestvenskii, Yu. V. (1997). *Teoriya ritoriki* [Theory of rhetoric]. M.: Dobrosvet. (In Russ.).

7. Stikhi.ru. *Muzhi Anglii... Persi Bish Shelli* [Englishmen... Percy Bysshe Shelley]. (2017). Available: <https://stihi.ru/2017/05/09/2610> (accessed: 20.01.24) (In Russ.).

8. Cambridge Dictionary Online (2024) *Titan*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/titan> (Accessed: 18 January 2024).

9. GOV.UK (2024) *Statement from the new Prime Minister Theresa May*. URL: Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/statement-from-the-new-prime-minister-theresa-may> (Accessed: 16 January 2024).

10. UKPOL.CO.UK. Political Speech Archive (2024) *Penny Mordaunt – 2023 Speech to Conservative Party Conference*. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/penny-mordaunt-2023-speech-to-conservative-party-conference/> (Accessed: 14 January 2024).

11. UKPOL.CO.UK. Political Speech Archive (2024) *Suella Braverman – 2023 Speech to Conservative Party Conference*. Available at: <https://www.ukpol.co.uk/suella-braverman-2023-speech-to-conservative-party-conference/> (Accessed: 14 January 2024).

Сведения об авторе

Саттарова Раксана Винеровна, доцент кафедры германских языков, к. филол. н., Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Стерлитамак, РФ. E-mail: r.v.sattarova@struust.ru.

About the author

Sattarova Raksana Vinerovna, Associate Professor of the Department of Germanic Languages, PhD in Philology, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: r.v.sattarova@struust.ru.

УДК 81

Семендяева Ю. Ю., Никитина О. В.
ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Semendyaeva Yu. Yu., Nikitina O. V.
PHRASAL VERBS IN ENGLISH LITERARY TEXT AND THEIR
INTERPRETATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

***Аннотация.** В статье рассматриваются фразовые глаголы, их роль в англоязычной художественной литературе и их толкование в русском языке. Анализируются примеры использования данных глаголов в литературных произведениях Льюиса Керолла “Alice’s Adventures in Wonderland”, Оскара Уайлда “The Picture of Dorian Gray” и Пелама Вудхауса “Right Ho, Jeeves”.*

***Ключевые слова:** фразовый глагол, художественный текст, литература, английский язык.*

***Abstract.** The article discusses phrasal verbs, their role in English-language fiction and their interpretation in Russian. Examples of the use of these verbs in the literary works of Lewis Carroll “Alice’s Adventures in Wonderland”, Oscar Wilde “The Picture of Dorian Gray” and Pelham Woodhouse “Right Ho, Jeeves” are analyzed.*

***Keywords:** phrasal verb, literary text, literature, English language.*

В английском языке, как и в любом другом существуют различного рода особенности, образующие основу его уникальности и неизбежно, являющиеся его главной сложностью.

К таким особенностям русского языка мы отнести окончания, имеющие множество вариаций, немецкого – обилие лексических форм и др. В английском языке, несомненно, одним из самых непривычных нам и сложных для понимания явлений выступают фразовые глаголы (ФГ).

Под фразовым глаголом (phrasal verb) подразумевается сочетание глагола и предлога, глагола и наречия или глагола и предлога с наре-

чем, которое является одним членом предложения и таким образом образует целостную смысловую единицу [3]. Поэтому один и тот же глагол обычно принимает совершенно разные значения в зависимости от следующего за ним предлога или наречия.

На данный момент фразовые глаголы широко используются как в разговорной речи, так и в литературе, юриспруденции, полиграфии, различной документации и во многих других сферах. Это связано с тем, что многие фразовые глаголы перешли из одного стилистического слоя в другой, изменив тем самым сферу употребления, а также приобретя новые значения и/или потеряв старые [4].

Фразовые глаголы создают множество проблем для тех, для кого английский язык не является родным.

Так, ФГ бывает трудно распознать, поскольку они состоят из двух или более компонентов (*sit down = sit + down*); они имеют несколько значений; многие ФГ имеют схожие конструкции (*come in, come up, come out, come on*); фразовые глаголы часто являются идиоматическими, о значении которых сложно догадаться; существует два типа фразовых глаголов: отделяемые и неотделяемые, которые могут и, соответственно, не могут быть разделены другими словами, что зависит от того, имеет ли глагол прямое дополнение и является ли прямое дополнение местоимением.

Например: *The car **broke down** on the side of the road* (глагол не имеет прямого дополнения).

*I **broke the problem down** step-by-step* (глагол имеет прямое дополнение).

*I **broke it down** step-by-step* (глагол имеет прямое дополнение, которым является местоимение *it*).

Первые фразовые глаголы встречаются в источниках, датированных IX веком. С того времени, разумеется, их семантическое значение достаточно сильно изменилось, равно как и расширилась сфера их употребления. Претерпевало изменения, в основном, значение предлога, в паре с которым употреблялся глагол, которое постепенно становилось все более общим.

Рассмотрим ситуацию с метаморфозой предлога “out”.

Если в IX веке его употребляли только для характеристики действия, буквально направленного на выход изнутри (“*ride out*” – выезжать, “*go*

out“ – выходить), то в XIV веке его значение становится уже более переносным (“*cry out*“ – выкрикивать, “*call out*“ – вызывать). В XVI в. ФЕ с данным предлогом обозначают движение по распределению (“*pass out*“ – раздавать), а для XIX века характерен необычайно широкий спектр его значений (“*rise out*“ – промывать, “*find out*“ – выяснять находить).

В настоящее время фразовые глаголы в английском языке встречаются повсеместно и, в том числе, в художественном тексте, Тенденция масштабного использования данного вида лексики в таком тексте появилась во второй половине XIX в. – первой половине XX в. и выполняет разного рода функции, что и делает ее сложной для перевода и восприятия.

Обилие фразовых глаголов, например, мы можем заметить у Льюиса Кэрролла в сказке “*Alice’s Adventures in Wonderland*“ (Алиса в Стране Чудес). Фразовые глаголы в тексте произведения используется во всем своем многообразии.

Рассмотрим некоторые примеры:

Пример 1. “*The Rabbit actually took a watch out of its waistcoat-pocket, and looked at it.*“ [2] (*Кролик действительно достал часы из кармана жилета и посмотрел на них*). Здесь представлены привычные нам фразовые глаголы “*take out*“ и “*look at*“, имеющие буквальный перевод, а именно «достать» и «посмотреть».

Пример 2: “*Alice started to her feet*“ [2]. (*Алиса вскачила на ноги*). В этом высказывании мы сталкиваемся с изменением прямого значения глагола “*start*“ (начинать) под влиянием частицы “*to*“, совместно с которой он приобретает значение «вскакивать».

Также в романе Оскара Уэльда “*The picture of Dorian Gray*“ (Портрет Дориана Грея) мы встретили уже более сложные формы фразовых глаголов таких как “*keep from*“, “*walk over*“ и др.

Обратимся к примерам:

Пример 3: “*He had always the look of one who had kept himself unspotted from the world*“ [3]. В русском переводе романа этот глагол интерпретируется как «касаться» («*Ведь он казался человеком, которого не коснулась грязь этого мира*»), хотя его изначальным значением является глагол «положить».

Пример 4: “*Dorian lit a cigarette, and walked over to the glass and glanced into it.*“ [5] (*Дориан закурил, подошел к стакану и взглянул в него*).

Предлог “over“ в данном предложении выступает в непривычном значении и придает данной фразе значение «подошел».

Весьма интересно мотивирует употребление фразовых глаголов Пелам Вудхаус в своих комических романах, при помощи которых писателем создается юмористический эффект в литературных произведениях. Им намеренно употребляются лексемы со словарной пометкой “informal“.

Например, для того чтобы подчеркнуть невежественность, в которую все более и более погружалось привилегированное сословие, Вудхаус наделяет Бертрама Вустера, персонажа романа “Right ho, Jeeves!“ (Ваша взяла, Дживс!) крайне простой, передаваемой через обилие разговорных фразовых глаголов [1].

Пример 5: “*You lay off and devote yourself to you duties about the home*“ [6] (*Ты увольняешься и посвящаешь себя домашним обязанностям*).

Фразовый глагол “lay off“ в русском переводе понимается как «отдохните», «получить увольнение».

Аналогичную ситуацию мы можем увидеть и в следующем обращении Бертрама к своему дворецкому Дживсу.

Пример 6: “*Pop down, you tean?*“ [6] (*Ты имеешь ввиду сгонять?*).

В нем Вустер употребляет ФГ “pop down“, относящийся к неформальной лексике и имеет значение «сгонять, заскочить».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русский язык сейчас достаточно адаптирован для правильного перевода фразовых глаголов, однако процесс их интерпретации зачастую связан с тщательным рассмотрением правил английской лексикологии, а разработка правил толкования этих лексем, облегчает их перевод в художественных текстах, журналах, газетах, статьях и др. На сегодняшний день с уверенностью можно сказать, что фразовые глаголы играют важную роль, эволюционируют и, следовательно, обогащают лексический запас языковой системы английского языка. Кроме того, этот вид лексических единиц исправно служит также и литературе. На протяжении веков английские писатели обращались к фразовым глаголам, способствующим раскрытию тем и идей своих произведений

Библиографический список

1. Серкова Н.И., Козина Е.В. Английские фразовые глаголы и их функционирование в комических романах П.Г. Вудхауса. Тамбов: Грамота, 2016. С. 148.
2. Carrol L. Alice's Adventures in Wonderland. London: Macmillan and Co, 1968. 223 p.
3. Khodzhaeva S.S. Some aspects of studying phrasal verbs at English lessons. Наука и образование сегодня. №6 (65). 2021. С. 37-40.
4. Razuvaeva T.N. The semantic characteristics of some English phrasal verbs with the component "out" in modern English. Russian Linguistic Bulletin. №4 (24). 2020. С. 82-84.
5. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London: Wordsworth, 2022. 224 p.
6. Wodehouse P.G. Right ho, Jeeves! London: Penguin, 2019. 300 p.

References

1. Serkova N.I., Kozina E.V. Anglijskie frazovye glagoly i ih funkcionirovanie v komicheskikh romanah P.G. Vudhausa. Tambov: Gramota, 2016. S. 148.
2. Carrol L. Alice's Adventures in Wonderland. London: Macmillan and Co, 1968. 223 p.
3. Khodzhaeva S.S. Some aspects of studying phrasal verbs at English lessons. Nauka i obrazovanie segodnya. №6 (65). 2021. С. 37-40.
4. Razuvaeva T.N. The semantic characteristics of some English phrasal verbs with the component "out" in modern English. Russian Linguistic Bulletin. №4 (24). 2020. С. 82-84.
5. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London: Wordsworth, 2022. 224 p.
6. Wodehouse P.G. Right ho, Jeeves! London: Penguin, 2019. 300 p.

Сведения об авторах

Семендяева Юлия Юрьевна, старший преподаватель кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: y.y.semendyaeva@struust.ru.

Никитина Ольга Владимировна, студентка 2 курса факультета башкирской и тюркской филологии Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: olga.nik2004@mail.ru.

About the authors

Semendyaeva Yulia Yurievna, senior lecturer of the department of Germanic languages, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russian Federation. E-mail: y.y.semendyaeva@struust.ru.

Nikitina Olga Vladimirovna, 2nd year student of the Faculty of Bashkir and Turkic Philology, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russian Federation. E-mail: olga.nik2004@mail.ru.

УДК 81`38

Семендяева Ю.Ю.
ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СРАВНЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ

Semendyaeva Yu. Yu.
EMOTIONAL COMPONENT OF SIMILE
IN MODERN ENGLISH PROSE

***Аннотация.** В данной статье рассматривается определение такого стилистического приема как эмотивное сравнение. Анализируются эмотивные сравнения в современной художественной литературе на материале романа Сесилии Ахерн «P.S. I Love You», с помощью которых репрезентируются те или иные эмоциональные состояния действующих лиц романа.*

***Ключевые слова:** сравнение, художественный дискурс, эмотивность, стилистический прием, английская проза.*

***Abstract.** This article discusses the definition of such a stylistic device as emotive simile. Emotive simile in modern fiction is analyzed on the basis of the novel by Cecilia Aherн «P.S. I Love You», with the help of which certain emotional states of the characters in the novel are represented.*

***Keywords:** simile, literary discourse, emotiveness, stylistic device, English prose.*

Художественному тексту присущи «все основные признаки текста как высшей коммуникативной единицы» [4]. Авторы таких текстов, преимущественно, концентрируют внимание читателя на эмоциональном состоянии персонажей, в результате чего отображение эмоций и чувств играет значительную роль в смысловой структуре художественного произведения [Там же]. В тексте эмоции в тексте выступают как так называемое динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжетной линии произведения, отражая внутренний мир действующих лиц в ситуациях разного рода, во взаимоотношениях с другими героями и др. [1, с. 123].

Такой стилистический прием как сравнение играет немаловажную роль в репрезентации эмоций и чувств персонажей художественных текстов. Это средство художественной выразительности помогает писателю сравнить два объекта, для того, чтобы показать некоторое сходство между ними.

Как фигура речи сравнение использует яркие образы и описания, чтобы установить связь между двумя сравниваемыми вещами. Значение сравнения в языке и литературе призвано помочь читателям понять что-то сложное, соотнеся его со знакомым объектом. Предполагаемый смысл мира литературы более эффективно понимается через сравнения, соединяющие две, казалось бы, несвязанные вещи.

Кроме того, сравнения включают в себя передачу чувственных и эмоциональных переживаний читателям посредством творческих и красочных описаний [3]. И, наконец, сравнивая сложную вещь с чем-то знакомым, сравнения значительно облегчают процесс понимания, создавая мысленные образы в сознании читателей.

Сравнение может быть образовано несколькими способами: 1) посредством союзов (like, as, as though, as like, as if, such as); 2) посредством глаголов (seem, resemble, look like); 3) посредством целого предложения, семантически связанного с предыдущим; 4) при помощи суффиксов -ish, -some, -like, -y; 5) посредством авторских неологизмов, образованных путем словосложения.

Сравнения широко используются в прозе и драматургии для создания яркого образа и придания глубины тексту, чтобы произведение более эффективно и результативно нашло отклик у читателей. Писатели используют их, чтобы нарисовать яркие образы, вызвать эмоции или воспоминания, а также прояснить или объяснить идеи посредством сравнения. При этом сравнения дают читателям более полное понимание предмета и помогают им проникнуться текстом. В прозе сравнение часто используется для сравнения чего-то абстрактного с чем-то конкретным, как и в поэзии.

Сравнения не позволяют общению и повествованию быть обыденными в любой момент и привлекают читателей к истории, используя убедительные образы, которые делают ее более интересной и увлекательной.

В разных сценариях можно использовать разные типы сравнений. Такими примерами сравнения являются: сравнения, основанные на

природе и окружающей среде (*The lion roared like thunder*); сравнения, выражающие эмоции и чувства (*Chloe was happy like a child on her birthday*); сравнения, связанные с человеческими особенностями и поведением (*Charlotte sang as melodiously as a nightingale*). В данной статье мы рассмотрим второй из вышеперечисленных типов сравнения, а точнее, выражающий чувства и эмоции.

Объектом исследования является категория эмотивности, представленная в форме сравнения, и средства ее реализации в современной прозе.

Предметом исследования является эмотивное сравнение.

Целью данной статьи является изучение эмотивных сравнений и средств их репрезентации в современном англоязычном художественном тексте, на материале романа Сесилии Ахерн «P.S. I Love You».

В основу определения эмотивного сравнения (ЭС) положена эмоциональная ситуация, которая является абстрактным инвариантом реальных жизненных ситуаций, в которых субъект испытывает какие-либо чувства [5, с. 73]. Это делается путем сопоставления эмоции с каким-либо другим объектом или ситуацией. Под ЭС понимается сравнение, реализовываемое при помощи сопоставления эмоции с какой-либо иной сущностью или ситуацией [2].

Эмотивное сравнение может быть подразделено на несколько типов:

Во-первых, простое эмотивное сравнение представляет собой прототипическую модель ЭС.

Пример 1: «The girls helped Holly put on the sparkling tiara that luckily went perfectly with her black glittery corset, and at that moment, surrounded by her friends, she **felt like a princess**» [6]. (‘Девочки помогли Холли надеть сверкающую тиару, которая, к счастью, идеально сочеталась с ее черным блестящим корсетом, и в этот момент в окружении подруг она **почувствовала себя принцессой**’.) (Здесь и далее перевод наш – Семендяева Ю.Ю.). Простое сравнение в этом примере употребляется для того, чтобы читатель представил себе эмоции главной героини романа Сесилии Ахерн «P.S. I Love You», когда подруги нарядили ее в прекрасную одежду, в связи с тем она смогла почувствовать себя красивой.

Пример 2: «How did he always manage to make her **feel like an incompetent little girl?**» [6, с. 60]. (‘Как ему всегда удавалось заставить ее **чувствовать себя некомпетентной маленькой девочкой?**’). Писа-

тельница сравнивает чувства неловкости и стыда, испытываемые Холли при общении со старшим братом Ричардом, который часто отчитывает и командует ей, с чувствами маленького ребенка, будто она еще не повзрослела и не имеет собственного жизненного опыта.

Во-вторых, простое эмотивное сравнение с усложнением, т.е. в составе такого сравнения имеется какое-либо информативное звено, предоставляющее возможность установить эмоцию, испытываемую субъектов в конкретной ситуации.

Пример 4: «*It felt like punishment to be out in the icy cold weather*» [6, с. 310]. («Выйти на улицу в ледяную погоду было *похоже на наказание*»). Здесь автор использует сравнение с усложнением, в котором Холли описывает свои отрицательные чувства неудобства и неприязни при выходе из дома в холодную погоду.

В-третьих, сложное эмотивное сравнение, которое может быть представлено употреблением двойной предикативной связи с участием либо героя сравнения, либо третьих лиц [2, с. 206-207].

Пример 5: «*It made far more sense that way because when they weren't, well, together, Holly just felt like she was missing a vital organ from her body*» [6]. («В этом было гораздо больше смысла, потому что, когда они не были вместе, Холли просто *чувствовала, что ей не хватает жизненно важного органа*»). В данном примере используется сравнение, выраженное при помощи двойной предикативной связи, с целью отразить отрицательное эмоциональное состояние главной героини романа Холли после смерти любимого человека, ее мужа Джерри, а точнее чувства горечи и мучения. Здесь писательница сравнивает ее чувства с потерей необходимого для жизни органа, без которого жизнь невозможна.

Пример 6: «*Suddenly the walls of the cubicle felt like they were closing in on her; beads of sweat formed on her forehead*» [6]. («Внезапно она *почувствовала, будто стены кабинки надвигаются на нее*; на лбу у нее выступили капельки пота»). Эмоции страха и волнения перед предстоящим выступлением на сцене перед большой аудиторией сравниваются в данном примере с нахождением в замкнутом пространстве. Это идея пребывания Холли в комнате, которая сжимается и становится меньше вокруг нее, поэтому ей кажется, что стены «closing in» («сжимаются»), прижимаются все сильнее, приближаются слишком близко и т.д., что в конечном итоге это может полностью ее раздавить.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. В эмоциональном отражении действительности такой стилистический прием как эмотивное сравнение играет не менее важную роль, чем другие стилистические средства, а также лексические и грамматические. В романе Сесилии Ахерн «P.S. I Love You» мы обнаружили три группы эмотивных сравнений – простое, простое с усложнением и сложное. Первый и второй тип встречался чаще второго в следующем процентном соотношении: в 37,2% рассмотренных нами случаев преобладает использование простого эмотивного сравнения, в 16,4% примерах употреблялось простое эмотивное сравнение с усложнением и в 46,4% – сложное эмотивное сравнение. Сравнение, как средство художественной выразительности, помогает писателям более полно и точно представить читателю эмоции и чувства, испытываемые действующими лицами своих произведений, описать свои представления о предметах и явлениях, показать свое отношение к ним, те ощущения, которые они вызывают.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта, 2008. 496 с.
2. Мамлеева Н.Ш. Структурно-семантические свойства эмотивного сравнения. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. С. 205-210.
3. Паршукова М.М. Типы и функции сравнения в русском и английском языках. // Вестник ЧелГУ 2018 №6 (416). Филологические науки. вып. 113. С 149–153.
4. Таюпова О. И. Категории текста и дискурса: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 142 с.
5. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
6. Ahern C. P.S. I love you. London: Harpercollins. 2007. 338 p.

References

1. Babenko L. G., Kazarin YU. V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika. M.: Flinta, 2008. 496 s.

2. Mamleeva N.Sh. Strukturno-semanticheskie svojstva emotivnogo sravneniya. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2010. S. 205-210.

3. Parshukova M.M. Tipy i funkcii sravneniya v russkom i anglijskomazykah. // Vestnik ChelGU 2018 №6 (416). Filologicheskie nauki. vyp. 113. S 149–153.

4. Tayupova O. I. Kategorii teksta i diskursa: monografiya. Ufa: RIC BashGU, 2022. 142 s.

5. Filimonova O.E. Kategoriya emotivnosti v anglijskom tekste (kognitivnyj i kommunikativnyj aspekt): Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2001.

6. Ahern C. P.S. I love you. London: Harpercollins. 2007. 338 p.

Сведения об авторе

Семендяева Юлия Юрьевна, старший преподаватель кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: y.y.semendyaeva@struust.ru.

About the author

Semendyaeva Yulia Yurievna, senior lecturer of the department of Germanic languages, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russian Federation. E-mail: y.y.semendyaeva@struust.ru.

УДК 81.11

Слепнева С. А., Матвеева Н. В.
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА ДЕТСКИХ ТОВАРОВ

Slepneva S. A., Matveeva N.V.
SYNTACTIC FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE
ADVERTISING TEXT OF CHILDREN'S GOODS

***Аннотация.** Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей англоязычных рекламных текстов детских товаров. Особое внимание уделяется синтаксическим особенностям рекламного текста. Были выявлены и проанализированы наиболее употребляемые синтаксические приёмы.*

***Ключевые слова:** рекламный текст, синтаксис, синтаксические особенности, реклама детских товаров, средства выразительности.*

***Abstract.** The goal of the article is to consider the features of English-language advertising texts of children's goods. Special attention is paid to the syntactic features of the advertising text. The most used syntax techniques were identified and analyzed.*

***Key words:** advertising text, syntax, syntax features, advertising of children's products, means of expression.*

Исследовательские работы последних лет о рекламных текстах и его уровнях, о языке рекламы и функционально-стилевых высказываний свидетельствуют об актуальности проблемы рекламного текста. Существует множество определений, характеризующих данный термин с разных точек зрения. Например, советский энциклопедический словарь определяет рекламу как «информацию о потребительских свойствах товаров и видах услуг с целью их реализации и создания спроса на них; популяризацию произведений литературы, искусства и т.д.». В Словаре иностранных слов: «реклама – 1) информация о товарах, различных видах услуг и т.п. с целью оповещения потребителей и

создания спроса на эти товары, услуги и т.п.; 2) распространение сведений о ком-, чем-либо с целью создания популярности».

Особый интерес для нас представляет синтаксический уровень рекламного текста, т.к. он богат различными средствами выразительности.

Синтаксические средства выразительности – тип средств выразительности, которые посредством синтаксиса помогают расставить акценты, придать живописности предложению. С помощью синтаксических средств оформляются синтаксические категории, к которым относятся форма слова, использование служебных слов, порядок слов в предложении, интонация и т.д.

Согласно классификации все синтаксические средства являются не парадигматическими, а синтагматическими, т.е. структурными. Поэтому, И.Р. Гальперин выделяет следующие типы выразительных синтаксических средств:

1. Стилистические приемы композиции предложения;
2. Тип связи отдельных частей;
3. Характерное использование разговорных конструкций;
4. Передача структурного значения.

К стилистическим приемам композиции предложения относятся инверсия, обособленные конструкции, параллельные конструкции, повтор, перечисление, антитеза и др. Разберем подробнее некоторые из них:

1. Стилистическая инверсия – прием, основанный на инвертированном порядке слов в предложении, функция которого – выделение одного из членов высказывания в логическом плане, либо выделение всего высказывания в эмоциональном плане. Например: *Never had he admitted his mistakes*. ‘Никогда он не признавал своих ошибок’;

2. Под обособленными конструкциями понимают интонационно-смысловые отрезки речи, которые образуются выделением определенного второстепенного члена предложения (одного или с зависимыми словами). Например: *Who ignored him, a false blonde girl*. ‘Та кто игнорировала его, была крашенная блондинка’.

3. Повтор – прием, основанный на многократном использовании одних и тех же единиц предложения для достижения большего акцента, большей силы повествования. Второстепенной функцией приема является ритмическая: повторение одних и тех же единиц способствует

более четкой ритмической организации предложения. Данная функция является особенно важной в рекламных текстах. Например: *I don't want to hear; I don't want to hear what you've come for.* 'Я не хочу слышать, я не хочу слышать, зачем ты пришел.'

4. Антитеза – стилистическая фигура контраста, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, образов, идей. Например: *To be, or not to be.* 'Быть или не быть'.

Согласно И.Р. Гальперину к типам связи отдельных частей предложения относятся бессоюзие и многосоюзие. Рассмотрим эти приемы:

1. Бессоюзие – стилистический прием опущения положенных соединителей. Прием создает эффект сжатой деятельности предложения. Например, *Soames turned away, he had an utter disinclination for talk.* 'Сомс отвернулся, у него было полное нежелание разговаривать'.

2. Многосоюзие – выразительное средство сочленения слов, фраз соединителями перед каждой единицей. *By the time he had got all the bottles and dishes and knives and forks and glasses and plates and spoons and things piled up on big trays, he was getting very hot.* 'К тому времени, как он сложил все бутылки, тарелки, ножи, вилки, стаканы, тарелки, ложки и прочее на большие подносы, ему стало очень жарко.'

Среди характерного использования разговорных конструкций И.Р. Гальперин выделяет эллипсис, апозиопезис, авторские вопросы в повествовании, косвенную речь.

1. Эллипсис – умышленное опущение какого-либо члена предложения (чаще – сказуемого или подлежащего). Термин «эллипсис» не относится к неполным предложениям, которые характерны для устного типа речи, поскольку здесь ничего не опускается. Например: *See you tomorrow!* 'Увидимся завтра!' *Had a good time?* 'Хорошо провели время?'

2. Стилистический прием апозиопезис представляет собой внезапный обрыв мысли в середине высказывания или недоговаривание ее до конца из-за резкого изменения коммуникативной интенции говорящего, наплыва чувств, неосведомленности или, напротив, нежелания называть вещи своими именами и т. д. *How could you...?* 'Как ты мог...?'

В системе синтаксических стилистических средств языка имеются два приема, основанные на том, что их синтаксическая форма не соответствует их логическому содержанию. И.Р. Гальперин относит к данной системе риторические вопросы и литоту.

1. Риторический вопрос – особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы. Данный прием имеет целью усиление эмоциональной окраски высказывания. В риторическом вопросе синтаксическая форма вопросительного предложения использована для утверждения.

2. Литота – стилистический прием, который используется для ослабления положительного признака понятия или уменьшения силы эмоциональной окраски. Форма отрицания в данном приеме служит для утверждения.

Рассмотрим особенности синтаксических средств выразительности в рекламных текстах на основе рекламы товаров для детей. Проанализируем и выясним наиболее частотно употребляемые синтаксические средства выразительности в рекламных текстах детских товаров. Уровень языковой системы, на котором дается характеристика структурам предложений и словосочетаний, образующим в совокупности рекламный текст, содержит в себе большое количество выразительных средств и особенностей.

Рассмотрим варианты использования синтаксических конструкций.

Прием парцелляции – использование намеренного членения связанной мысли на ее составляющие. Данный прием широко используется в рекламных текстах детских товаров с целью усиления выражения эмоций и желаемых характеристик товара.

К примеру, в рекламном слогане бренда развивающих игрушек “Fisher-Price” был использован данный прием: «*Learn. Think. Enjoy*» ‘Учись. Думай. Наслаждайся’. В приведенном примере простое союзное предложение делится на три самостоятельных отрезка, интонационно выраженных разделительными паузами. Цель использования приема была достигнута, так как внимание читающего рекламный текст заостряется на выделенных качествах. Создателю слогана удалось показать основные преимущества компании “Fisher-Price”, которая производит качественные обучающие игрушки для детей и младенцев.

Другими примерами парцелляции могут быть слоганы: ‘*Kid’s world. Full of surprises!*» ‘Детский мир. Полон сюрпризов’; «*Mix it up. With style.*» Смешай все. По своему’; «*Clean. Happy. And oh so fresh.*» ‘Чистый. Счастливый. И такой свежий’; «*Your baby’s needs. Our priority!*» Потребности вашего ребенка. Наш приоритет’.

Номинативные предложения. Чаще всего, номинативные предложения используются в слоганах для того, чтобы подчеркнуть уникальность и качество рекламируемого детского товара в предельно краткой форме.

Примерами использования номинативных предложений в англоязычных рекламных текстах можно считать «*Heinz. First steps.*» 'Хайнз. Первые шаги'. Данный слоган является рекламой детского питания Heinz для новорожденных и призывает читателей приобретать данную марку товара.

Мы отметили, что чаще всего, в качестве номинативных предложений используется название бренда, таким образом, компания старается повысить значимость рекламируемых товаров. Использование данного приема особо часто встречается в рекламных текстах всемирно известных товаров и брендов. Исследуя материалы рекламы детских товаров, мы обнаружили следующие примеры:

«*Barbie. More than just a pretty face.*» 'Барби. Больше, чем просто красивое личико.'

«*Skittles...taste the rainbow*» 'Скитлз. Попробуй радугу.'

«*Huggies. Natural care.*» 'Хаггис. Натуральная забота.'

Риторическое обращение – обращение к читателю, чаще всего носит условный характер. В рекламных текстах имеет особое положение, так как основную роль в нем играет не текст, а интонация обращения. Слоганы с такой синтаксической фигурой чаще всего встречается в радио- и телерекламах.

Чаще всего, обращение в рекламе детских товаров нацелено на родителей. Примерами риторического обращения часто являются лозунги магазинов детских товаров и продуктов питания. Например, слоган магазина игрушек Kidoo'z – «*Make your kids happy!*» 'Сделайте своих детей счастливыми'; магазина детских товаров "Toy Mart" – «*We'll look after you*» 'Мы присмотрим за Вами!'; слоган детского питания «*Exclusively for you & baby*», «*Your nutrition, naturally*» 'Ваше натуральное питание'.

Риторические обращения необходимы для установления контакта с потребителем, поэтому являются важным приемом выразительности текста. Обращение в рекламе детских товаров оживляет текст на синтаксическом уровне текста и подчеркивает значимость покупателя.

Особую экспрессивность высказыванию придают восклицательные предложения, которые играют роль сигналов. Восклицательные предложения визуально воспринимаются иначе – они указывают на важность информации.

Исследуя материал, мы выяснили, что 45% рекламных текстов содержат в себе восклицательные предложения. Например: магазин товаров питания для детей PediaSure использует краткий слоган: «*Be Sure!*» ‘Будьте уверены!’; рекламный слоган мобильного приложения для подростков: «*Try it now and forever!*» ‘Попробуй сейчас и навсегда!’; магазин детских игрушек “Izilla Toys” – «*Big fun for everyone!*» ‘Большая радость для всех!’.

Использование восклицательных обращений способствует созданию определенного эмоционального настроения, подготавливающего читателя к совершению действия.

Использование вопросительных предложений для подчеркивания уникального качества товара. Мы выяснили, что рекламные тексты содержат в себе большое количество риторических вопросов. Это помогает привлечь внимание читателя и вызвать интерес к продукту.

Например, популярный производитель развивающего конструктора LEGO использует слоган «*What will you make?*» ‘Что ты создашь?’. Особенность данного рекламного текста в том, что форма высказывания не ставила под вопрос факт покупки данного конструктора. Вопрос был направлен на то, как будет использоваться игрушка.

Другим примером использования риторического вопроса может быть известная компания производства детского питания Gerber, которая использует слоган: «*Shouldn't your baby be a Gerber baby?*» ‘*Не должен ли Ваш ребенок питаться Гербер?*’. Кроме вопросительной формы предложения, в данном слогане присутствует игра слов.

В рекламных текстах часто используются повторения для усиления значимости сообщения. Мы выяснили, что чаще всего происходит повторение одного и того же слова, реже – фразы или идеи текста.

В ходе исследования нами были найдены следующие примеры: магазин игрушек Becky & Me toys использует слоган «*Great products. Great presentation. Great service.*» ‘Отличный товар. Отличное представление. Отличный сервис’. Повторения в рекламном тексте важны с точки зрения синтаксиса, так как они не только помогают заострить

внимание на визуальном образе написанного, но и позволяют автору обособить те черты, которые он считает более значимыми. В приведенном примере мы видим, что составитель рекламного текста делает акцент на качестве продуктов, качестве представления товара и качестве обслуживания клиентов.

Ярким примером данного приема является компания “Barbie”. Авторы лозунгов довольно часто используют повторения для достижения желаемого эффекта: создания выразительной и цепляющей рекламы.

Слоган «*Dream it. Be it. With Barbie*» ‘*Продумай. Стань. С Барби.*’ является одним из основных слоганов компании. Двукратный повтор помогает создать эмоциональную привлекательность и убедительность. Позже компания выпустила рекламный текст «*Let’s style! Let’s explore! Let’s create!*» ‘Стилизируй. Изучай. Создавай.’, в котором кроме повтора используются также побудительные предложения. Выпустив линейку кукол в виде представителей разных профессий, авторы игрушки создали текст «*You can be a fairy princess. You can be a skateboarder. You can be a doctor. You can be a pilot. You can be anything*» ‘Можешь быть принцессой. Можешь быть скейтбордистом. Можешь быть доктором. Можешь быть пилотом. Можешь быть кем угодно.’. Примечательно, что линейка расширялась каждый месяц: в течение 30 дней выходила новая кукла-представитель какой-либо профессии, которая сразу попадала на рекламные вывески.

Исследуя лозунги компании “Barbie”, мы пришли к выводу, что чаще всего авторы использовали сразу несколько приемов в каждом рекламном тексте. Это позволяет им создавать эмоционально цепляющие и запоминающиеся лозунги.

Итак, проанализировав синтаксические особенности англоязычных коммерческих рекламных текстов, можно сделать вывод, что разнообразные приемы оказывают огромное влияние на восприятие рекламы потенциальными покупателями. Это происходит из-за использования различных способов словесного выражения, которые усиливают выразительность рекламного текста. Используя множество различных синтаксических и стилистических средств усиления эмоционального воздействия, современный англоязычный коммерческий рекламный текст обращает внимание потенциального покупателя на саму рекламу.

Библиографический список

1. Агеев А. В., Мудров А. Н., Мейер В. С., Александров А. Н., Павлов С. М., Лебедева И. В., Алексеева М. А.: Функции рекламы. Доступ: <https://adindustry.ru/doc/1121> (дата обращения 20.02.2024)
2. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. English Lexicology. М.: Дрофа, 2000. 288 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
4. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Основы курса: учебное пособие. М.: УРСС, 2002. 205 с.
5. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 2-е изд. М.: Флинта, 2012. 296 с.

References

1. Ageev A. V., Mudrov A. N., Mejer V. S., Aleksandrov A. N., Pavlov S. M., Lebedeva I. V., Alekseeva M. A.: Funkcii reklamy. 2009–2024. Available: <https://adindustry.ru/doc/1121> (accessed: 20.02.2024) (In Russ.).
2. Antrushina G.B., Afanas'eva O.V., Morozova N.N. English Lexicology. M.: Drofa, 2000. 288 p.
3. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk. M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 s.
4. Znamenskaja T.A. Stilistika anglijskogo jazyka. Osnovy kursa: uchebnoe posobie. M.: URSS, 2002. 205 p.
5. Il'jasova S.V., Amiri L.P. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. 2-e izd. M.: Flinta, 2012. 296 p.

Сведения об авторах

Слепнева Софья Алексеевна, студентка 5 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: sofiaslepneva@gmail.com.

Матвеева Наталья Васильевна, заведующая кафедрой германских языков, кандидат филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,

Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: n.v.matveeva@struust.ru.

About the authors

Slepneva Sofia Alekseevna, 5th year student at the Faculty of Philology. Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology. Sterlitamak, Russia. E-mail: sofiaslepneva@gmail.com.

Matveeva Natalya Vasilievna, Head of the Department of Germanic Languages, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology. Sterlitamak, Russia. E-mail: n.v.matveeva@struust.ru.

УДК 81-26

Хамзин Т. Р., Зайцева Ю.С.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Khamzin T., R.Zaitseva Y. S.
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE LANGUAGE
OF COMMUNICATION IN ENGLISH IN COMPUTER GAMES

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются семантические и структурные особенности онлайн коммуникации англоязычных пользователей. Выявлены особенности четырех групп терминов, их классификации и определения.*

***Ключевые слова:** словообразовательная структура, игровой сленг, онлайн-игры, компьютерные игры, семантика.*

***Abstract.** This article examines the semantic and structural features of online communications of English-speaking users. The features of four groups of terms, their classification and definition are revealed.*

***Keywords:** word structure, gaming slang, online games, computer games, semantics.*

В современном мире компьютерные игры являются одним из способов коммуникации с людьми. Онлайн-игры, преимущественно командные, требующие быстрой реакции и максимального внимания в процессе игры, вынуждают игроков придумывать способы краткой передачи информации. Игровой сленг – это условный язык, при помощи которого в различных играх обмениваются информацией [1, с. 2-3]. Именно необходимость в краткой, но ёмкой коммуникацией с другими игроками, привела к возникновению игрового сленга.

Объектом исследования служит игровой сленг. Предмет исследования – структурно-семантические особенности языка игрового общения. Целью исследования является выявление семантических и

структурных характеристик игрового сленга пользователей английских онлайн-игр.

Для исследования мы отобрали 54 термина, принадлежащих к следующим словообразовательным структурам (табл. 1).

Таблица 1
Словообразовательная структура игровых терминов

Термины-аббревиатуры	Термины-словосложения	Термины-усечения	Термины-аффиксации
GG	Ragequit	Noob	farming
IRL	Tryhard	Rekt	grinding
IDK	Speedrun	grats	debuff
DPS	Self-report	ammo	glitching
NP	Oneshot	mats	camping
NPC	Instalock	Disco	trolling
OMG	Pubstomp	nuke	triggered
OP	Aimbot	brez	boosting
WP		fail	tilted
Xp		sus	enchanter
LVL			ghosting
PvP			camper
GLHF			griever
TTYL			streamer
THX			ganking
HP			flaming
FPS			modder
AFK			
LAN			
LOL			

Согласно результатам, приведенным в таблице, термины-аббревиатуры, в группу которых входит 20 номинаций, преобладают в нашем исследовании.

Термины-аббревиатуры состоят из одного или более слов, подвергшихся аббревиации. Исследуя коммуникацию геймеров между собой, данные игровые термины пользуются большей популярностью, так как они являются наиболее эффективным способом передачи информации.

Термины-аббревиатуры используются в процессе различных ситуаций, происходящих в игре или вне игры, например:

1. Реакция удивления на совершенные действия в игре (“OMG” – “oh my gosh”; “LOL” – “laughing out loud”.);

2. Обсуждение ситуаций в игре и действий игроков (“OP” – “overpowered” – какой-то предмет, навык, персонаж или босс, который, по мнению игроков, является чрезмерно сильным; “IDK” – “I don’t know”; “NP” – “No problem”; “GG” – “Good game”; “GLHF” – “Good luck, have fun”; “WP” – “well played”; “THX” – “thanks”; “TTYL” – “talk to you later”.);

3. Внутриигровые процессы (“DPS” – “damage per second” – урон, наносимый кому-то за секунду, “PvP” – “player versus player” – ситуация, когда два игрока соревнуются друг с другом; “NPC” – “non-player character” – персонаж, которым управляет искусственный интеллект; “XP” – “experience” – внутриигровой опыт, очки опыта; “LVL” – “level” – уровень, как обозначение определенного этапа игры, либо уровень игрока, как сила или опыт его персонажа; “LAN” – “Local Area Network” – локальная сеть, через которую могут играть в онлайн-игры те, кто подключён к ней; “HP” – “hit points” – очки жизни, описывающие количество здоровья, которым обладает тот или иной персонаж; “FPS” – “frames per second” – показатель частоты кадров в игре.);

4. Процессы, происходящие вне игры (“IRL” – “in real life” – обращение к вещам, которые происходят в реальной жизни, в отличие от виртуального мира; “AFK” – “away from keyboard” – обозначение того, что игрок временно находится вне своего компьютера).

Нередко можно встретить в чатах такую комбинацию терминов-аббревиатур, как “GGWP”, то есть “good game, well played”, что означает, что данные игровые сленги можно совмещать друг с другом, создавая новые термины.

Термины-словосложения образуются соединением двух основ. Термины-словосложения являются продуктивным способом словообразования для обозначения операции прохождения игры:

- ragequit (“rage” + “quit”) – ситуация, когда кто-то в гневе выходит из игры до её окончания;
- tryhard (“try” + “hard”) – игрок, который стремится к победе в ущерб удовольствию от прохождения игры);
- speedrun (“speed” + “run”) – попытка игрока пройти игру как можно быстрее;

- self-report (“self” + “report”) – метод игры, в котором игрок сообщает о своем убийстве товарищам по команде;
- oneshot (“one” + “shot”) – попытка игрока пройти игру с одной попытки;
- instalock (“instant” + “lock”) – термин, означающий быструю фиксацию выбора персонажа во время его выбора;
- pubstomp (“public” + “stomp”) – ситуация, когда слаженная команда уничтожает нескоординированную команду в игре;
- aimbot (“aim” + “bot”) – бот с автоматическим прицеливанием, используемый в играх.

Термины-усечения представляют собой игровой сленг, который образуется путем сокращения слова. Термины-усечения используются для описания:

1) персонажа или игрока (“Rekt” – “wrecked” – описание момента, когда игрок или команда игроков уничтожили и / или унизили другого игрока или команду игроков; “Noob” – “Newbie” – человек, который не знаком с чем-либо, новичок; “sus” – “suspect” – сомнительная личность, подозреваемая в чем-либо);

2) внутриигрового предмета, эффекта, силы (“ammo” – “ammunition” – боеприпасы, которые игроки используют для обозначения пуль, гранат и т.д.; “mats” – “materials” – слово, описывающее игровой предмет, необходимый для создания других предметов; “nuke” – “nuclear missile” – оружие, причиняющее огромный ущерб или представляющее собой ракетно-ядерный удар; “brez” – “battle resurrection” – сила персонажа, которая способна воскресить союзника во время боя);

3) ситуации в игре и действий игроков (“fail” – “failure” – слово, означающее неудачу и использующееся для обозначения ситуации или поступка игрока, чтобы высмеять или критиковать что-то или кого-то; “grats” – “congratulations” – слово, используемое для поздравления кого-то с достижением);

4) игры или программы, используемых во время игры (“disco” – “discord” – программа для текстового, голосового и видеочата, которую используют для общения).

Термины-аффиксации – термины игрового сленга, способ словообразования которых заключается в присоединении аффиксов к корню или основе существующего слова.

Доминирующий суффикс «-ing» является производным для обозначения операций, совершаемых в игре, например:

- farming – процесс многократного выполнения определённых квестов, убийств определённых врагов или поиск различных предметов;
- grinding – процесс выполнения повторяющихся задач, чтобы повысить уровень своего персонажа или выполнить какое-то достижение.
- glitching – ситуация, когда игра даёт сбой;
- camping – процесс нахождения игрока на одном месте в течение длительного периода времени, как стратегическое преимущество в бою;
- trolling – процесс оскорбительного или подстрекательского общения с целью вызвать какую-либо реакцию;
- boosting – процесс несправедливого повышения уровня игроков;
- ghosting – процесс наблюдения за игрой противника;
- ganking – процесс внезапного нападения на врага;
- flaming – разжигание ненависти игроков.

Приставка «de-» обозначает отсутствие или наличие противоположного свойства (слово “buff” означает некий положительный эффект, наложенный на персонажа, однако “debuff” означает отрицательный эффект, отравление, слепота, медлительность и т.д.).

Суффикс «-er» указывает на игрока, персонажа, который выполняет какую-то роль, функцию в игре, например:

- enchanter – персонаж, помогающий повысить эффективность союзников;
- camper – игрок, который остается на одном месте в течение длительного периода времени;
- griefer – игрок, главная цель которого не победить в игре, а провоцировать других игроков;
- streamer – человек, который ведет трансляции на Twitch, Youtube или на других платформах потокового вещания;
- modder – человек, создающий модификации игр.

Суффикс «-ed» указывает на состояние игрока в реальной жизни или персонажа в игре, например:

- triggered – состояние, при котором человек зол и полон ненависти;
- tilted – состояние игрока, когда он подавлен или зол и совершает игровые ошибки.

Таким образом, лексемы игрового сленга были поделены по четырем группам: термины-аббревиатуры, термины-словосложения, термины-усечения, термины-аффиксации, относительно которых были сделаны следующие выводы: наиболее распространенными у геймеров являются термины, образованные аббревиацией; все термины можно классифицировать по их главным признакам; термины-аббревиатуры можно объединять друг с другом, создавая новые лексемы.

Библиографический список

1. Аханова Марина Геннадьевна; Корольчук Анна Васильевна. Игровой сленг как новая форма коммуникации // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. Таганрог: Ростовский государственный экономический университет, 2016. Т. 2, № 2. С. 81.

2. Милеева Н. М., Угарова О. В. Особенности современного компьютерного сленга// Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Иваново, 2007. Вып. 2. С. 148. ISBN 5-9616-0240-0.

3. Усманова, П. С. Языковые особенности образования лексики игроков компьютерных игр в кибер-пространстве/ П. С. Усманова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 634-636.

4. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (Дата обращения: 27.02.2024).

5. Slang [Электронный ресурс]. URL: https://slang.net/terms/online_gaming (Дата обращения: 25.02.2024).

References

1. Ahanova Marina Gennad'evna; Korol'chuk Anna Vasil'evna. Igrovoj sleng kak novaja forma kommunikacii // Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike. Taganrog: Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet, 2016. T. 2, № 2. S. 81.

2. Mileeva N. M., Ugarova O. V. Osobennosti sovremennoego komp'juternogo slenga// Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU. Ivanovo, 2007. Vyp. 2. S. 148. ISBN 5-9616-0240-0.

3. Usmanova, P. S. Jazykovye osobennosti obrazovanija leksiki igrokov komp'juternyh igr v kiber-prostranstve/ P. S. Usmanova. Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. 2020. № 22 (312). S. 634-636.

4. Oxford Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (Data obrashhenija: 27.02.2024).

5. Slang [Jelektronnyj resurs]. URL: https://slang.net/terms/online_gaming (Data obrashhenija: 25.02.2024).

Сведения об авторах

Хамзин Тамерлан Ринатович, студент 2 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: tamerlan_marmelad@vk.com.

Зайцева Юлия Сергеевна, ассистент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: y.s.zaytseva@struust.ru.

About the authors

Khamzin Tamerlan Rinatovich, 2nd year student, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: tamerlan_marmelad@vk.com.

Zaitseva Yulia Sergeevna, teaching assistant of the department of Germanic languages, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technologies, Sterlitamak, Russia. E-mail: y.s.zaytseva@struust.ru.

УДК (811.111+811.221.18)42

Терашвили Т. А.
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В ЗАРУБЕЖНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Terashvili T.A.
LINGUISTIC MEANS OF MANIPULATING
IN FOREIGN MASS MEDIA

Аннотация. *СМИ позволяют современному человеку создавать картину мира, избавляя его от необходимости покинуть свой дом. СМИ ежедневно доставляют человеку большое количество информации, заставляя его становиться свидетелем мировых событий. Однако, СМИ решают вопрос просвещения человека лишь отчасти, сопровождая факты собственной интерпретацией. Большую роль в этом вопросе играет идеологичность СМИ, которые имеют в запасе огромное количество языковых средств, призванных задавать соответствующий тон медиатекстам. Кроме того, растущий ритм жизни привносит свои коррективы в функционирование языка СМИ, располагая к поиску более лаконичных форм преподнесения информации.*

Ключевые слова: *медиатекст, языковые средства, манипулятивные стратегии, идеологичность, оценочность, цитата, метонимия.*

Abstract. *The mass media allow modern person to construct a picture of the world, avoiding the necessity of going out. The media deliver a large amount of information to people every day, forcing them to become witnesses of world events. Nevertheless the media solve the issue of human enlightenment only partially, accompanying the facts with their own interpretation. A big role in this issue is played by the ideological nature of the media, which has a huge amount of linguistic means to set the appropriate tone for the media texts. In addition, the growing rythm of life brings its own adjustments to the functioning of the media speech, making it necessary to search for new, more concise forms of submitted information.*

Key words: *media text, linguistic means, ideological, manipulative strategics, evaluativeness, quotation, metonymy.*

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью исследования языка современных СМИ, которые, стремясь молниеносно реагировать на события в мире, в частности, на СВО, стараются максимально использовать все языковые возможности для манипулирования сознанием читателей.

Материалом исследования послужили медиатексты зарубежных СМИ, посвященные освещению СВО, проводимой Россией на Украине.

Предметом анализа данного исследования являются языковые средства, позволяющие манипулировать сознанием читателей.

Цель исследования. Выявить языковые средства, используемые в анализируемых медиатекстах, и проследить, насколько их использование позволяет СМИ следовать своим основополагающим принципам – объективности и беспристрастности.

Задача исследовательской работы – установить соответствие между используемыми лингвистическими приемами и идеологичностью текстов СМИ.

В качестве материала исследования были взяты медиатексты зарубежных СМИ, освещающих события на Украине.

Результаты исследования призваны дополнить картину специфики языка СМИ и подтвердить его существенное отличие от языка. В данной работе рассмотрены наиболее яркие фразы, заголовки, отрывки из материалов зарубежных СМИ.

Политические события, как правило, влияют на все отрасли человеческой деятельности [1, с.288]. Беспокойство, которое отражается на рядовых гражданах, зачастую провоцируется СМИ. В стремлении быть первыми, журналистам приходится искать соответствующую форму подачи информации. «Мы живем в информационной «матрице», которую холят и лелеют, поскольку она, в конечном счете, предопределяет наше поведение» [3, с. 242].

Языковые средства, используемые в СМИ, позволяют быстро и лаконично отреагировать на стремительно развивающиеся события. Часто лаконичность достигается с помощью емких, «бьющих в цель» фраз. Одним из таких языковых средств является цитата. Благодаря ее использованию журналист избегает длинных определений и описаний фактов, сразу «переходит к делу», избавляя себя от дополнительной интерпретации, подспудно присутствующей в цитате. Он «делегировать»

нюсмейкеру, автору цитаты, всю ответственность за сказанное, стремясь создать у читателя впечатление объективности. За счет использования цитаты может создаться впечатление беспристрастности автора статьи. Но надо понимать, что журналист сам выбирает, какую фразу из контекста, или ее часть, использовать в качестве цитаты [2, с. 174]. Рассмотрим это на следующем примере.

President Vladimir Putin said Russia would demand security guarantees to consider talks to end the war in Ukraine, telling a state news agency that “realities on the ground” should be the basis of any negotiations. – Президент Владимир Путин сказал, что Россия потребует для себя гарантий безопасности, чтобы рассмотреть вопрос о переговорах по прекращению военных действий на Украине, заявив государственному информационному агентству, что основой для любых переговоров должны быть «сложившиеся на земле реалии» [4].

Несомненно, что использованное журналистом выражение *realities on the ground* (буквально «реалии на земле»), искажает смысл утверждения, так как фактически Путин заявил, что открыт к переговорам с Украиной, но призвал учитывать «сложившиеся геополитические реалии». Вырванное из контекста выражение заключает в себе замаскированный смысл, которое содержит обвинение и сарказм, призванный подчеркнуть, что сегодняшние реалии на Украине – это боевые действия.

Позиция автора также прослеживается в статье *US Is Turning Its Back on the World With or Without Trump* – ‘Соединенные Штаты отворачиваются от внешнего мира – с Трампом или без него’ [5]. В данном заголовке эффект производит эмоционально-окрашенное выражение ‘отворачиваться от мира’. Метафора привлекает внимание читателя, привнося драматизма и обрисовывая печальные перспективы для США. Впоследствии в статье автор раскрывает тему, объясняя причину скорой утраты статуса мирового лидера США промедлением помощи Украине, что повлечет за собой, по мнению автора, глубокий кризис американской внешней политики.

The entire kerfuffle demonstrates just how hollow NATO’s perpetual open-door policy to Ukraine is, and why it’s far past time to bolt the door shut. – ‘Вся эта шумиха убедительно доказывает, насколько бессмысленна натовская политика открытых дверей, и почему эту дверь для

Украины пора закрыть на засов' [7]. В политическом дискурсе вокруг НАТО выражение «натовская политика открытых дверей» пользуется популярностью. Ее концепция позволяет США заявить себя в качестве миротворца, борца за равноправие. Метафора «открытых дверей» предназначена для ясного образа НАТО как системы, предлагающей людям лучший, безопасный мир, доступ в который, однако, надо заслужить. Прямой аллюзии данный образ лишен, однако он вызывает очевидные ассоциации с райским садом, образ которого вполне характерен для стратегической концепции НАТО.

Часто в современных СМИ используется метонимия, позволяющая, с одной стороны, сократить текст, с другой – дезинформировать читателей относительно реальной картины мира. Так, например, в заголовке *NATO should be honest with Kiev* – ‘НАТО следует быть откровенным с Киевом’, метонимия НАТО скрывает, какие именно участники североатлантического альянса ведут нечестную игру, кому именно надо быть откровенным [7].

Еще один пример метонимии: *Kremlin warns against NATO ground intervention in Ukraine* – ‘Кремль предостерегает НАТО от наземного вторжения на Украину’ [6]. ‘Кремль’ во многих СМИ является метонимией официальной власти РФ, позволяя сделать текст лаконичным.

В заключении можно сказать, что выбор языковых средств, используемых некоторыми зарубежными СМИ в статьях, посвященных СВО, направлен не только на достижение краткости текста, но в большей степени на создание определенной идеологической картины мира за счет дезинформации читателя. Язык современных СМИ тем самым и отличается от языка, что является выразителем и формирователем идеологии.

Библиографический список

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. С. 288.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2008. С. 174.
3. Почепцов Г.К. Дезинформация. Издатель: Паливода А. В., 2019. С. 242.

4. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-13/putin-says-ukraine-deal-hinges-on-security-guarantees-for-russi>.
5. <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-03-06/us-is-turning-its-back-on-the-world-with-or-without-trump?srnd=opinion>.
6. <https://www.nytimes.com/2024/02/27/world/europe/russia-nato-france-macron.html>.
7. <https://www.theamericanconservative.com/nato-should-be-honest-with-kiev/>

References

1. Dobrosklonskaja T.G. Voprosy izuchenija mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoj angliiskoy mediarechi. M.: URSS, 2005. S. 288.
2. Dobrosklonskaja T.G.. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI (Sovremennaja anglijskaja mediarech'). M.: Flinta, 2008. S. 174.
3. Pocheptsov G.K. Dezinformatsija. Izdatel: Palivoda A.V., 2019. C. 242.
4. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-13/putin-says-ukraine-deal-hinges-on-security-guarantees-for-russi>.
5. <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-03-06/us-is-turning-its-back-on-the-world-with-or-without-trump?srnd=opinion>.
6. <https://www.nytimes.com/2024/02/27/world/europe/russia-nato-france-macron.html>.
7. <https://www.theamericanconservative.com/nato-should-be-honest-with-kiev>.

Сведения об авторе

Терашвили Тамара Акакиевна, преподаватель, аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация. E-mail: tamariste@gmail.com.

Information about author

Tamara Terashvili, teacher, postgraduate of North Ossetia State University after K.L.Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation. E-mail: tamariste@gmail.com.

УДК 81

**Хабибуллина О. А., Бадретдинова В. Р.
НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЯ «МУЖЧИНА»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**Khabibullina O. A., Badretdinova V. R.
NOMINATIVE POTENTIAL OF THE CONCEPT “MAN” IN ENGLISH
(DIACHRONIC ASPECT)**

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены основные подходы к понятию лексического значения. Описаны классификации отобранных лексем по языку и времени заимствования.*

***Ключевые слова:** диахронический аспект, номинативный потенциал, тематические группировки лексики.*

***Annotation.** This article discusses the main approaches to the concept of lexical meaning. The classifications of selected lexemes by language and time of borrowing are described.*

***Key words:** diachronic aspect, nominative potential, thematic groupings of vocabulary.*

Целью нашей статьи является анализ номинативного потенциала понятия «мужчина» в английском языке в диахроническом аспекте.

Существует три основных подхода к рассмотрению лексического значения. Микрокомпонентный подход предполагает рассмотрение лексического значения как однородного и делит все значение на предельно малые, равные по степени сложности семантические компоненты микрокомпоненты. При макрокомпонентном подходе значение сначала членится на макрокомпоненты, и лишь затем в них выделяют микрокомпоненты – семы. Третье аспектное направление заключается в выделении разных аспектов в значении, отражающих разные стороны значения, различные проявления значения в системе языка или в речи. Сторонники аспектного направления (Н.Г. Комлев, В.В. Левицкий) находят в значении разные аспекты: сигнификативный, денотативный,

лексический, грамматический, коннотативный, эмоциональный, оценочный, прагматический, структурный, синтагматический, идеологический и другие. Некоторые из аспектов могут совпадать с реальными компонентами значения, например лексический, грамматический, денотативный, коннотативный [4, с. 41].

Денотативный компонент значения, или денотативное значение – это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь. Существование у слова денотата, или денотативного значения, обусловлено предметностью мышления, его обращенностью к миру. Предметный мир отражается в языковом значении лексемы [2, с. 104; 3, с. 12], широко мыслится и включает в себя не только реально воспринимаемые объекты внеязыковой действительности, но и другие виды означаемых чувства, эмоции, психические состояния, признаки, отношения и тому подобное [5, с. 82].

Основная функция денотата – соотносить языковое содержание с внеязыковой ситуацией так, чтобы это высказывание получило вполне определенный актуальный смысл, необходимый для выполнения какой-либо коммуникативной задачи.

Наряду с денотативным компонентом, исследуется сигнификативный компонент значения слова, который связан с отражением действительности в сознании человека. Сигнификативный слой значения, или сигнификативное значение, информация о том способе, каким объект или ситуация мира дискурса отражаются в сознании говорящего. Сигнификат слова – ядро его лексического значения. Иными словами, если денотат представляет собой некоторый класс предметов или ситуаций, то сигнификат это не сам класс, а те свойства, существенные признаки, на основании которых эти предметы/ситуации объединены в данный класс, и противопоставлены членам других классов [1, с. 58-59].

Для облегчения исследования словарного состава необходимо их классифицировать, исходя из семантики.

Слова в языке могут группироваться большими кучками вокруг основных центров значения, что приводит к образованию тематических групп. Тематическая группа – это объединение слов, основывающееся не на языковых лексико-семантических связях, а на внеязыковых, то есть на классификации самих предметов и явлений внешнего мира (на-

звания архитектурных сооружений, частей человеческого тела, названия транспортных средств, поселений и так далее).

По мнению исследователей, изучение лексики по тематическим группам дает возможность установить отношения между понятием и предметом, определить объем значения.

Гендерная лингвистика – это область исследования, которая изучает языковые отличия, связанные с полом, и их влияние на формирование и восприятие социальных ролей. Ее цель заключается в анализе того, как язык отражает и конструирует гендерные нормы, стереотипы и идеологии в обществе. Изучение речевых отличий, связанных с полом, имеет огромное значение для понимания того, как язык и социальные роли взаимодействуют и влияют друг на друга. Гендерная лингвистика выявляет так называемые гендерные асимметрии, которые свидетельствуют, например, о доминировании в языке мужской картины мира, т.е. ориентированность языка на человека мужского пола, а не на человека вообще.

Для анализа номинативного потенциала понятия «мужчина» в английском языке нами были отобраны 186 лексем, обозначающих мужчин. Было использовано два источника: англо-английский словарь “Mackmillan English Dictionary for advanced learners” и сериал “Друзья”.

«Друзья» – американский ситком, повествующий о жизни шестерых друзей. Слова, выписанные из сериала, обозначают мужчин или применяются для обращения к мужчине. Слова из словаря выписывались на основе их значения, которое должно было содержать слово “мужчина”, “личность мужского пола” (man, male person) и т.п. Для проведения данной выборки был использован интернет-ресурс “Online Etymology Dictionary”. Выявленные лексеммы были объединены в общую тематическую группу и проанализированы с этимологической точки зрения.

Отобранные нами слова были рассмотрены с точки зрения заимствования в английский язык и времени их происхождения.

Классификация лексем по языку заимствования представлена Таблице 1.

(1)		
Японский (1)	Samurai	
Норвежский + английский(1)	Skinhead	
Норвежский (3)	Swain, Viking, Kid	
Кельтский (1)	Bloke	
Немецкий(1)	Bub	
Испанский (1)	Hombre	
Русский (1)	Czar	
Санскрит(1)	Brahman	
Турецкий (1)	Mullah	
Маратхи (1)	Thug	
Греческий (1)	Orthodontist	
Голландский (1)	Boss	

Исконно английские слова составляют чуть больше трети от всего массива слов. Примерами таких слов являются: *knight* ‘рыцарь’, *lord* ‘лорд’, *master* ‘мастер’. Оставшиеся слова являются заимствованиями из разных языков. Большее количество не исконно английских лексем (около 20%) заимствовано из французского языка. Это обусловлено тем, что старофранцузский язык являлся в определенный период языком английского правительства и элиты. Примерами таких слов являются: *nephew* ‘племянник’, *baron* ‘барон’, *emperor* ‘император. Также было найдено значительное количество заимствований из латинского языка. Примерами таких слов являются: *pater familias* ‘отец’, *puer* ‘самонадеянный молодой человек’, *actor* ‘актер’.

Часто встречались единичные заимствования из различных языков, например, из японского языка (*samurai* ‘самурай’), немецкого языка (*bub* ‘чувак’), испанского языка (*hombre* ‘мужчина’), русского языка (*czar* ‘царь’), санскрита (*brahman* ‘брахман’), турецкого языка (*mullah* ‘мулла’), маратхи (*thug* ‘бандит’), греческого языка (*orthodontist* ‘ортодонтист’), голландского языка (*boss* ‘босс’).

Примечательно, что встречается большое количество сложных слов, в которых одна часть может быть заимствована из одного языка, а вторая часть из другого. Чаще всего одна из частей таких сложных слов – это слова *man* ‘мужчина’, *boy* ‘мальчик’. Эти лексемы располагаются в отдельных столбцах в Таблице 2 в приложении. Яркими примерами таких слов являются: *barman* ‘бармен’, *office boy* ‘офисный работник’, *policeman* ‘полицейский’.

Анализ слов по времени заимствования представлен в Таблице 2.

Таблица 2

Классификация лексем по времени заимствования

Old English(10)	Shepherd, Earl, Monk, Thane, Father, Brother, Son, Friend, Man, Husband
X век (1)	Warlock
XII век (11)	Craftsman, Godfather, Duke, Gentleman, Knight, Swain, Prince, Patriarch, Prophet, Fellow, Kid
XIII век(22)	Churchman, Footman, Ploverman, Policeman, Schoolmaster, Kinsman, Baron, Lord, Marquess, Nobleman, Squire, Lad, Mallam, Bachelor, Emperor, Usher, Mayor, Doctor, Tailor, Boy, Nephew, Uncle
XIV век (16)	Steward, Valet, Yeoman, Master, Stripling, Widower, Brahman, Caliph, Bastard, Swine, Popinjay, Actor, Waiter, Patient, Client, Idiot
XV век (8)	Waiter, Pater familias, Landlord, Wizard, Mister, Varlet, Dad, Grandfather
XVI век (13)	Lawman, Salesman, Scoutmaster, Tradesman, Blackguard, Brave, Spokesman, Laddie, Gaffer, Czar, Scoundrel, Coxcomb, Daddy
XVII век (11)	Roustabout, Statesman, Woodsman, Brute, Groomsman, Highwayman, Bro, Sir, Mullah, Oaf, Boss
XVIII век(18)	Sportsman, Stable boy, Stockman, Tribesman, Tosser, Codger, Beau, Divorcé, Pup, Dandy, Fop, Dentist, Obstetrician, Roommate, Alcoholic, Cowboy, Mister, Buddy
XIX век(27)	Barman, Bell-boy, Businessman, Cavalryman, Funny-man, Leading man, Service man, Clansman, Playboy, Samurai, Bloke, Bub, Guv, Hombre, Joe, Buffer, Geezer, Poof, Don Juan, Womanizer, Buster, Cad, Thug, Ponce, Lead, Double, Viking
XX век(19)	Busboy, G-man, Goon, Geeves, Spaceman, Skinhead, Fag, Fruit, Limp wrist, Pouf, Stoooge, Nancy, Orthodontist, Jerk, Bonehead, Doofus, Gay, Boyfriend, Date
XXI век (1)	Chico

Опираясь на таблицу, мы можем сказать, что наибольшей группой оказались слова, образованные в XIX веке. Это может быть обусловлено тем, что в этом веке в Великобритании происходили быстрый рост среднего класса, социальные изменения, что привело к появлению новых социальных ролей.

В результате анализа лексических единиц с точки зрения диахронии, мы определили 15 языков, из которых произошло заимствование слов, где самым популярным языком оказался французский. Большое количество заимствований в английском языке из французского объясняется Нормандским завоеванием Англии в 1066 году, последствием которого стало вытеснения древнеанглийского языка из сферы управления и распространение нормандского диалекта французского языка. Также были определены века заимствования слов, при этом в XIII и XIX веках было заимствовано больше слов, чем в остальные.

Библиографический список

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. Изд. 4-е. М.: Книжный дом “Либроком”, 2009. 352 с.
2. Левицкий В.В. Семасиология. Винница: Нова Кныга, 2006. 512 с.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. Школа, 1982. 272 с.
4. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 159 с.
5. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принципы семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986. 240 с.

References

1. Kobozeva I.M. Linguistic semantics: textbook. Ed. 4th. M.: Book house “Librokom”, 2009. 352 p.
2. Levitsky V.V. Semasiology. Vinnitsa: Nova Knyga, 2006. 512 p.
3. Novikov L.A. Semantics of the Russian language: Textbook. Benefit. M.: Higher. School, 1982. 272 p.
4. Sternin I.A. Lexical meaning of a word in speech. Voronezh, 1985. 159 p.
5. Ufimtseva A.A. Lexical meaning (Principles of semiological description of vocabulary). M.: Science, 1986. 240 p.

Сведения об авторах

Хабидуллина Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ (заочно). E-mail: o.a.khabibullina@struust.ru

Бадретдинова Влада Римовна, студентка 4 курса, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ (заочно). E-mail: vlada.badretdinova.02@mail.ru

УДК 378.147

Цховребова Л. З.
ЛЕКЦИЯ С ЗАРАНЕЕ ЗАПЛАНИРОВАННЫМИ
ОШИБКАМИ КАК ОДНА ИЗ АКТИВНЫХ ФОРМ
КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ

Tskhovrebova L.Z.
LECTURE WITH PRE-PLANNED ERRORS
AS ONE OF THE ACTIVE FORMS OF CONTEXTUAL LEARNING

***Аннотация.** В статье исследуется роль и значимость такой активной формы контекстного обучения как лекция с заранее запланированными ошибками. Контекстный подход с применением технологий раскрывающих творческие способности обучающихся является средством сближения учебной деятельности студентов с их будущей профессиональной деятельностью и используется в целях улучшения качества подготовки будущих филологов. Практическая реализация контекстного подхода при подготовке филологов осуществляется и в такой ее форме как лекция с заранее запланированными ошибками. Автор считает, что лекция с заранее запланированными ошибками как интерактивная форма обучения способствует развитию навыков критического анализа, переработки полученной информации и формирует профессиональные навыки и компетенции будущего филолога.*

***Ключевые слова:** будущий филолог, контекстный подход, лекция с заранее запланированными ошибками, профессиональная деятельность.*

***Abstract.** The article explores the role and significance of such an active form of contextual learning as a lecture with pre-planned errors. A contextual approach using technologies that reveal the creative abilities of students is a means of bringing students' educational activities closer to their future professional activities and is used to improve the quality of training of future philologists. The practical implementation of the contextual approach in the training of philologists is also carried out in such a form as a lecture with pre-planned errors. The author believes that a lecture with pre-planned*

errors as an interactive form of training contributes to the development of skills of critical analysis, processing of received information and forms the professional skills and competencies of the future philologists.

Key words: *future philologist, contextual approach, a lecture with pre-planned errors, professional activity.*

На современном этапе развития республики Южная Осетия особое внимание уделяется совершенствованию системы образования, которое должно быть нацелено на интенсификацию и повышение эффективности учебного процесса, разработку и внедрение активных методов обучения иностранным языкам, использование таких инновационных технологий, которые стимулируют студентов на получение знаний и приобретение навыков будущей профессии.

Цель данной статьи заключается в определении эффективности использования лекции с заранее запланированными ошибками как одной из активных форм контекстного обучения.

Неоспорим тот факт, что в настоящее время в сфере образования все более востребованным становится контекстное обучение, благодаря чему появляется возможность существенно повысить качество приобретаемых студентами знаний, умений и навыков, а также успешно внедрять их в практику, в соответствии с требованиями, предъявляемыми современным высококвалифицированным специалистам. Технология контекстного обучения, обеспечивающая практико-ориентированную подготовку будущих филологов к профессиональной деятельности, была разработана доктором педагогических наук профессором А.А. Вербицким и его научной школой. Контекстным считается такое обучение, в котором на языке науки и с помощью всей системы форм, методов и средств обучения как традиционных, так и инновационных, последовательно моделируется предметное, духовное, образовательное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студентов [1, с. 4].

Контекстное обучение основано на теории деятельностного подхода, согласно которому усвоение социального опыта студентом возможно лишь в случае полного погружения в активную профессиональную деятельность. В технологии контекстного обучения выделяются три базовые формы деятельности: учебная, квазипрофессиональная, учеб-

но-профессиональная. Овладение студентом будущей профессией происходит в процессе перехода от одной формы деятельности к другой.

Учебная форма деятельности, как правило, предполагает использование традиционных способов обучения, основанных на получении информации и выполнении задач по определенному готовому образцу. Главную роль здесь играют такие академические формы усвоения знаний как информационные лекции, семинары, практические занятия. Квазипрофессиональная форма деятельности совмещает учебную деятельность с профессиональной. В ней используются не только традиционные, но и инновационные методы обучения, моделирующие в аудиторных условиях контент и динамику будущей профессии. Так как условия профессиональной деятельности, как правило, проблемны, то и единицей обучения здесь выступает не задача, а проблемная ситуация, для решения которой необходимо задействовать теоретическое и продуктивное мышление студента, необходима его интеллектуальная активность. Учебно-профессиональная форма деятельности дает студентам возможность выполнять исследовательскую функцию, применять на практике полученные знания, навыки и умения, и возможность осуществлять реальную профессиональную деятельность.

При контекстном подходе к образовательному процессу переосмысливаются структура и содержание изучаемого предмета, совершенствуются способы и методы подачи материала. Особое внимание уделяется практической подготовке студентов, формированию и развитию практических навыков и решению проблемных и ситуационных задач, связанных с их будущей профессиональной деятельностью [2, с. 9].

Контекстное обучение призвано разрешить противоречия между традиционными и инновационными формами обучения, так как в его функции входит создание условий для формирования познавательной и профессиональной мотивации. Контекстное обучение стимулирует студентов к активному взаимодействию с преподавателем, с однокурсниками; к проявлению личной инициативы; способствует развитию целостной личности, владеющей не только информацией, но и знаниями. При контекстном обучении можно добиться гораздо более высоких результатов в образовательном процессе, так как каждый студент, в полной мере, осознает свою личную ответственность за достижение целей, поставленных коллективом [3].

В современном образовательном процессе такая форма обучения как лекционные занятия бесспорно занимают особое место в учебном процессе вуза, так как они являются основой для усвоения учебного материала. И об отказе от них в связи с информатизацией образования не может быть и речи. В прошлом, лекция считалась пассивной формой обучения, но в связи с внедрением новых информационных технологий, она претерпела значительные изменения и на данном этапе преобладающими функциями лекционных занятий становятся развивающая, образовательная, информационная, стимулирующая, воспитывающая, оценочная, мотивационная, требующие от студентов активизации их мыслительных способностей. В связи с этим в некоторых ситуациях лекционная форма изложения изучаемого материала становится просто необходимой. Для усовершенствования учебного процесса необходимо принять во внимание современные реалии и искать инновационные формы данного вида учебных занятий [5, с. 74]. Не может быть сомнений в том, что в лекции являющейся основной формой взаимодействия с аудиторией, должны присутствовать элементы дискуссии, диалога, творчества [4, с. 62].

При контекстном подходе к обучению лекции (научные, проблемные, лекции-визуализации, лекции-конференции, лекции с заранее запланированными ошибками, лекции вдвоем) характеризуется активным методом презентации материала, многосторонней коммуникацией при которой в образовательном процессе деятельное участие принимает каждая сторона информационного взаимодействия, а не только преподаватель. Контекстное обучение предполагает не только приобретение теоретических знаний, но и формирование готовности будущих филологов результативно решать проблемы и задачи, имеющие отношение к их профессии. Учебный процесс во время лекций данного типа базируется на диалоге между преподавателем и студентами, доверительных отношениях и игровых моментах. Именно благодаря активным методам обучения, студент становится субъектом, то есть полноправным участником данного вида деятельности, итогом которого в контекстном обучении является готовность студентов использовать теоретические знания, полученные во время лекционного курса в решении профессиональных проблем.

Одной из интерактивных форм практической реализации контекстной технологии в обучении является лекция с заранее запланированными

ми ошибками, целью которой является обеспечение активного включения в учебную деятельность каждого студента и формирование у обучающихся базовых профессиональных навыков. Данный вид лекций способствует выработке у студентов способностей и умений критически воспринимать информацию, выявляя в ней ошибки и неточности, оперативно анализировать профессиональные ситуации. Во время занятий снимается психологическая нагрузка и создается благоприятная обстановка для активизации познавательной, интеллектуальной и коммуникативной деятельности студентов, которым предоставляется возможность проявить свои знания, умение аргументировать свою точку зрения, самостоятельность в решении профессиональных задач.

Работа с лекцией с заранее запланированными ошибками состоит из трех основных этапов: подготовки к лекции, изложения материала лекции, анализа найденных в лекции ошибок. От компетентности преподавателя и правильного построения им лекции с запланированными ошибками зависит эффективность данного вида учебной деятельности. Задача преподавателя заключается в том, чтобы ввести в содержание лекции определенное количество тщательно отобранных ошибок, но презентовать материал необходимо максимально естественно. Количество запланированных ошибок непосредственно зависит от уровня подготовки студентов, специфики учебного материала, от дидактических задач лекции.

Принимая во внимание психологию человека, важно не перусердствовать с искажением материала лекции, иначе высока вероятность закрепления неправильной версии [4, с.108]. Иногда преподаватели выражают свою обеспокоенность тем, что у студентов фиксируется в памяти неверная информация, но оснований для таких опасений нет, так как именно противоречивая информация стимулирует мыслительную деятельность студентов. Задача студентов, как субъектов учебного процесса, заключается в том, чтобы выявить все допущенные в ходе лекции ошибки и, проанализировав их, дать им экспертную оценку. Лекции с заранее запланированными ошибками являются неотъемлемой формой интерактивного обучения, так как мотивируют студентов к практической и мыслительной деятельности, способствующей развитию навыков и умений будущей профессиональной деятельности.

С целью выявления влияния лекции с заранее запланированными ошибками на развитие познавательных мотивов и творческой активности студентов нами был проведен эксперимент. Мы проводили лекции с запланированными ошибками в рамках дисциплины «English Lexicology», которая входит в учебный план специальности «Английский и немецкий языки» Юго-Осетинского государственного университета. Например, после завершения темы «Semantic Structure of the Word» была проведена обзорная лекция, в ходе которой преподаватель преднамеренно допустил около 9 ошибок. Перед началом изложения лекционного материала преподаватель сообщил студентам количество ошибок и поставил перед ними задачу: выявить все ошибки, письменно их зафиксировать и дать правильные варианты ответов. Примерно за 15 минут до окончания занятия было организовано обсуждение лекции и проведен анализ всех ошибок.

Почти все ошибки были выявлены студентами самостоятельно. С самого начала обсуждения обучающиеся проявили энергичность и творческую инициативу, охотно предлагая свои версии правильных ответов. Во время нескольких лекционных занятий преподаватель делил студентов на две группы: задачей участников первой группы было нахождение и выявление неправильных вариантов в содержании лекции, а участники второй группы предлагали свою трактовку верных ответов. Коллегиально, иногда под руководством преподавателя, выбирались самые адекватные решения создавшихся проблем, при этом студенты демонстрировали живую заинтересованность данным процессом усвоения знаний. Как правило, обсуждение проходило в дружеской и доброжелательной обстановке, что способствовало не только личностному включению студентов в процесс обучения, но и развитию коммуникативных навыков и умений результативно работать в команде.

Проведенный нами эксперимент подтверждает преимущества организации образовательного процесса в вузе с использованием таких интерактивных форм обучения как лекция с заранее запланированными ошибками. Однако данная форма учебного процесса выполняет не только стимулирующую функцию, но и контрольную, так как при ее реализации преподавателю не составит труда определить уровень усвоения студентами пройденного или самостоятельно проработанного материала. У студентов же появится реальная возможность продемон-

стрировать свои знания, навыки и умения и анализировать создавшуюся профессиональную ситуацию. Лекцию с заранее запланированными ошибками целесообразнее проводить как завершающее занятие по изученной теме, после того как у студентов уже сформировались базовые знания и умения по определенному разделу дисциплины. Неспособность студентов выявить запланированные в тексте лекции ошибки или их несостоятельность дать правильные ответы на поставленные вопросы, будет свидетельствовать о том, что они не освоили пройденный материал, у них не сформировано критическое мышление или они не способны на глубокий анализ изучаемого явления, а преподаватель потерпел неудачу в выполнении поставленной задачи.

Данный вид учебной деятельности необходимо использовать в образовательном процессе вуза, так как лекция с заранее запланированными ошибками как интерактивная форма обучения обладает большими обучающими и развивающими возможностями. Она способствует развитию навыков критического анализа и переработки полученной информации, развитию у студентов высокой интеллектуальной активности и теоретического мышления, росту профессиональной компетенции и творческого потенциала будущего филолога.

Библиографический список

1. Вербицкий А.А. Контекстный подход к иноязычной подготовке студентов. Вестник Пермского нац. исследоват. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2014. № 10. С. 3–8.
2. Вербицкий А.А. Контекстное обучение и становление новой образовательной программы. Жуковский: МИМ ЛИНК, 2000. 41 с.
3. Жукова И.А. Контекстное обучение как средство формирования профессиональной компетентности будущих юристов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2011. 20 с.
4. Загвязинский В. И., Закирова А. Ф., Строкова Т. А. и др. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М.: Академия, 2008. 352 с.
5. Ибрагимов Г. И., Ибрагимова Е. М., Гайнутдинов Р. Г. Дидактические условия совершенствования лекции в рамках информатизации образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 3 (15). С. 73-77.

6. Харач О.Г. Об актуальности лекций с заранее запланированными ошибками. Экономические и социально-гуманитарные исследования. М., 2015. №2(6). С. 106–110.

References

1. Verbickij A.A. Kontekstnyj podhod k inozazychnoj podgotovke studentov. Vestnik Permskogo nac. issledovat. politeh. un-ta. Problemy jazykoznanija i pedagogiki. [Verbitsky A.A. Contextual approach to foreign language training of students. Problems of linguistics and pedagogy]. Perm, 2014. № 10. Pp. 3 – 8. (in Russ.)

2. Verbickij A.A. Kontekstnoe obuchenie i stanovlenie novoj obrazovatel'noj programmy. [Verbitsky A.A. Contextual learning and the formation of a new educational program]. Zhukovskij: MIM LINK, 2000. 41 p. (in Russ.)

3. Zhukova I.A. Kontekstnoe obuchenie kak sredstvo formirovanija professional'noj kompetentnosti budushhih juristov: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. [Zhukova I.A. Contextual training as a means of developing the professional competence of future lawyers]. Moscow, 2011. 20 p. (in Russ.)

4. Zagvjazinskij V. I., Zakirova A. F., Strokova T. A. i dr. Pedagogicheskij slovar': ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Teaching vocabulary: a textbook for university students / Edited by V. I. Zagvjazinsky, A. F. Zakirov]a. Moscow: Academia, 2008. 352 p. (in Russ.)

5. Ibragimov G. I., Ibragimova E. M., Gajnutdinov R. G. Didakticheskie uslovija sovershenstvovaniya lekcii v ramkah informatizacii obrazovaniya // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. [Didactic conditions for the improvement of lecturing under informatization of education // Professional Education in Russia and abroad]. 2014. № 3 (15). Pp. 73-77. (in Russ.)

6. Harach O.G. Ob aktual'nosti lekcij s zaranee zaplanirovannymi oshibkami. Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. [Harach O.G. About the relevance of lectures with pre-planned errors. Economic and social-humanitarian research]. Moscow, 2015. № 2 (6). Pp. 106–110. (in Russ.)

Сведения об авторе

Цховребова Лана Зауровна, заведующая кафедрой иностранных языков, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Республика Южная Осетия – Государство Алания, г. Цхинвал.
E-mail: lanatskh@yandex.ru.

About the author

Tskhovrebova Lana Z., Head of the Department of Foreign Languages A.A. Tibilov South-Ossetian State University. Tskhinval, The Republic of South Ossetia. E-mail: lanatskh@yandex.ru.

УДК 811.133.1

Чехоева Т. С.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ ФРАНЦУЗСКОЙ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Chekhoeva T. S.
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF MULTICOMPONENT
TERMS IN FRENCH COMPUTER TERMINOLOGY

***Аннотация.** В статье описывается распространенный синтаксический способ образования сложных терминов в области информатики и вычислительной техники во французском языке. Рассматриваются двухкомпонентные и многокомпонентные терминологические словосочетания. Дается подробный лексико-семантический анализ данных словосочетаний: составные термины классифицируются по их лексическому составу, раскрываются отношения между главным и зависимым словом в словосочетании, выявляются продуктивные модели двухкомпонентных и многокомпонентных терминологических словосочетаний, определяются семантические особенности перевода сложных терминов на французский язык. В статье раскрывается государственная языковая политика в области терминообразования, сформировавшаяся во Франции в настоящее время.*

***Ключевые слова:** терминообразование, синтаксический способ образования терминов, многокомпонентные термины, главное слово, зависимое слово, аналитизм, франсизация.*

***Abstract.** The article describes a common syntactic way of forming complex terms in the field of computer science and computer engineering in French. Two-component and multicomponent terminological phrases are considered. A detailed lexical and semantic analysis of these phrases is given: compound terms are classified according to their lexical composition, the relationship between the main and dependent word in the phrase is revealed, productive models of two-component and multicomponent terminological phrases are identified, semantic features of the translation of complex terms*

into French are determined. The article reveals the state language policy in the field of terminology education, which has been formed in France at the present time.

Key words: *terminology, syntactic method of formation of terms, multicomponent terms, the main word, the dependent word, analyticism, francization.*

Научно-техническая терминология является весьма подвижной и изменчивой частью словарного состава языка. Особое место в научно-техническом прогрессе занимает информатика и вычислительная техника (ИВТ). На сегодняшний день уровень любой страны определяется уровнем развития компьютерных технологий, внедрения вычислительной техники во все области деятельности человека. Терминология ИВТ является постоянно пополняющейся открытой системой. Новые области знаний требуют новых типов номинации, возникает потребность в формировании новых терминов [7, с. 93]. Таким образом, проблема терминообразования в области ИВТ является одной из наиболее актуальных в современном терминоведении.

В современном французском языке сложилась ситуация, характеризующаяся обилием английских заимствований. Следует отметить, что по сравнению с другими странами, во Франции образование терминов различных областей науки и техники контролируется и нормируется государственной программой языкового планирования. Терминологические комиссии, которые были образованы в соответствии с декретами о защите французского языка, уделяют особое внимание исключению англицизмов во французском языке. В итоге, при образовании ТВТ во французском языке, противостоят две тенденции: переход во французский язык из английского непрерывно формирующихся лексем терминов и сознательная франсизация терминов ВТ. Термин «франсизация» получил широкое распространение в странах, говорящих на французском языке.

Данная статья посвящена проблеме выявления и описания терминов в области информатики и вычислительной техники, образованных с помощью синтаксического способа во французском языке. Все шире входит в практику способ создания терминов в виде цепочки слов, как по причине ограниченного ресурса лексических единиц в любом языке,

так и вследствие стремительного развития экономики. Синтаксический способ создания терминов создает серьезную конкуренцию таким традиционным методам, как семантическому и морфологическому. Стремление к анализиру, к конструированию составных наименований является главной характерной чертой всех современных терминологических систем. Терминологическому словосочетанию (ТСС) часто отдается предпочтение при репрезентации родового понятия и на начальном этапе, когда связь между означающим и означаемым еще довольно слаба. ТСС выполняет роль развернутого определения понятий. В связи с тем, что составные наименования выступают в языке в функции названия, реализуя систему точных определений, ТСС рассматривается как «эквивалент слова». Синтаксический способ терминообразования заключается в преобразовании обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты слов», в устойчивое сочетание.

В качестве объекта исследования избрана терминологическая лексика ИВТ на базе англо-немецко-французско-русского словаря информативно-компьютерной терминологии Ю.Л. Муромцева. Проанализированы терминологические сочетания (103 ТСС), которые составляют 37% от общего количества терминов (276).

ТСС представляет собой двучленную синтаксическую структуру, в составе которой выделяются главный компонент (ГК) и зависимый компонент (ЗК), находящиеся в определенных отношениях (определятельных, дополнительных, обстоятельственных отношениях или отношениях приложения). ТСС представляют собой особую группу лексических составных наименований, функционирующих в языке как «целостное потенциальное слово», употребляемых в определенной области знаний, имеющих нейтральное значение и реализующих систему точных определений. Таким образом, они являются семантически целостными сочетаниями двух и более слов, связанных с помощью предлога или беспредложным способом.

ТСС рассматривались нами в соответствии с классификацией, которой придерживаются многие терминоведы (В.А. Татарин, С.В. Гринев и др.): двухкомпонентные и многокомпонентные терминосочетания. ТСС классифицировались по их лексическому составу.

Структура ТСС неразрывно связана с функциями его компонентов. В роли главного компонента (ГК) закономерно выступает, в связи с но-

минативной функцией составного наименования, имя существительное или составное наименование, эквивалентное простому слову (существительному).

Лексико-грамматический класс зависимого компонента (ЗК) может изменяться. В качестве ЗК могут выступать прилагательные, существительные, глаголы (инфинитивные причастия), служебные слова (союзы, частицы, предлоги). Классификация ТСС производится на основе принадлежности ЗК к одной из частей речи, что позволяет более четко описать их структуру, различия, раскрыть природу формальной и семантической структуры ТСС. Нами выделены следующие продуктивные модели ТСС, встречающиеся в словаре Ю.Л. Муромцева (103 ТСС):

1. **N + A** (существительное + прилагательное) – 47 ТСС;
2. **N + p + N** (существительное + предлог (de или à) + существительное) – 39 ТСС;
3. **N + N** (существительное + существительное_{ед. (мн)}) – 6 ТСС;
4. **N + à + infinitif** (существительное + à + инфинитив) – 1 ТСС;
5. **Многокомпонентные ТСС** – 10 ТСС.

Самую многочисленную группу ТСС (47) составляют ТСС, строящиеся по модели “N+A”, что подтверждает номинативный характер ТСС. Здесь синтаксические отношения между ГК и ЗК выражаются в согласовании ЗК и ГК. ЗК находится в постпозиции, при анализе словаря мы не встретили ни одного случая препозиции ЗК. Определяется частотность употребления одного и того же ЗК: *console virtuelle/canal virtuel, fonte chargeable/driver chargeable, liste circulaire/tampon circulaire, fichier externe/mémoire externe*. Частотность употребления одного и того же ЗК говорит о тенденции закрепления его в языке терминологии, причем значение ЗК остается неизменным при варьировании ГК.

Наблюдается также частотность употребления одного и того же ГК при варьировании ЗК. Таким образом, выделяются ключевые слова-термины широкой семантики, отличающиеся высокой словообразовательной способностью образовывать ТСС. Образование ТСС происходит на основе гнездовой транспозиции: *langage algorithmique (déclarative, fonctionnel), fichier interne (abstrait, comptable)*.

Отмечена тенденция к многозначности ГК. Например, ГК *fichier* имеет два значения: “файл” и “канал”. Способность ГК создавать новые сочетания является отличительной чертой синтаксического способа

образования терминов, в отличие от суффиксальных и префиксальных образований. То есть ТСС имеют открытую парадигму. Теоретически, можно бесконечно увеличивать понятийное поле того или иного ТСС, увеличивая состав своих компонентов.

В модели ТСС “N + p + N_{sg(pl)}” (39) синтаксические отношения выражаются между ГК и ЗК в постпозиции ЗК. Самый частотный предлог – это предлог *de* (37). Случаи употребления предлога *à* малочисленны (2).

В модели “N + de + N_{sg(pl)}”, так же как и в модели “N + A” выделяется частотность употребления ЗК, таких как *données, bande, entrée*. Например:

1) *base de données* (база данных), *milieu de données* (носитель данных), *traitement de données* (обработка данных), *saisie de données* (сбор данных), *tassement de données* (упаковка данных), *ensemble de données* (файл);

2) *maitrice de bande* (ленточная матрица), *marque de bande* (ленточный маркер);

3) *dispositif d'entrée* (вводное устройство), *données d'entrée* (вводимые данные).

Многочисленность ТСС, построенных по модели “N + A” и “N + p + N”, объясняется высокой словообразовательной способностью одних и тех же прилагательных и существительных, употребляемых в качестве ЗК, образовывать составные термины, а не их разнообразным составом. При этом значение ЗК при варьировании ГК остается неизменным. Встречается только один случай, когда ЗК *données* в составе ТСС *ensemble de données* переводится не как “данные”, а словом широкой семантики “файл”. Отмечается тенденция к франсизации французских терминов, вместо использования заимствованного английского варианта *file*. Французы, во избежание наводнения французского языка английскими терминами предпочитают создавать свои собственные, на национальной основе термины, даже если это звучит громоздко и менее удобно *ensemble de données* (файл) вместо английского *file*. Однако, такие термины не отвечают основному требованию оптимальной связи – максимум сигнала в минимум времени (И.В. Арнольд). Языковая система реагирует на обилие многокомпонентных терминов появлением аббревиатур.

В модели ТСС “N + de + N” (39) отмечено несколько вариантов перевода ЗК с предлогом *de*. ЗК с предлогом *de* чаще находится в опре-

делительных отношениях с ГК (17). Например: *format de zone* (зонный формат), *processus d'arrière plan* (фоновый процесс), *rontage de flux* (лавинная маршрутизация), *système de calcul* (вычислительная система), *zone de travail* (рабочая область). Так же ЗК с предлогом *de* может быть дополнением по отношению к ГК (8). Например: *programme de bibliothèque* (программа библиотеки), *topologie de réseau* (типология сети). Русским эквивалентом модели ТСС “N + de + N” является слово-термин (14). В этом опять же сказывается аналитичность французского языка в отличие от русского. Например: *mot de passe* (пароль), *entraînement de disque* (дискковод), *arrêt de refus* (зависание), *convertisseur de langage* (конвертор), *mélange de travaux* (загрузка).

Отмечается полисемичность французских ТСС с широким первым значением и узким, детализированным вторым значением: *bande de cassette* (цифровая кассета; накопитель на кассетной ленте). Вероятно, полисемия вызвана стремлением избежать перегрузки терминологии новыми терминами. Человек не в состоянии запомнить слишком большое количество слов. Удобнее дать уже существующему слову новое значение.

Что касается модели ТСС “N + à + N”, то мы нашли только два примера ее употребления: *tracteur à tambour* (барабанный графопостроитель), *processeur à frame* (растровый процессор). ЗК находится здесь в определительных отношениях с ГК.

В беспредложной модели ТСС “N + N” (6) наблюдается конверсия существительного, его адъективация: *terminal maître* (главный терминал), *adresse machine* (машинный адрес), *langage descripteur* (дескрипторный язык). Здесь наблюдается тенденция заимствования синтаксиса английского языка.

Модель ТСС “N + à + infinitif” малочисленна (1): *programme à dessiner* (кисть). В синтаксическом плане ЗК находится в постпозиции по отношению к ГК. Следует отметить перевод данного ТСС односоставным термином «кисть». Во французском языке ТСС имеет более широкое абстрактное значение, в то время как в русском языке термин имеет конкретное значение «кисть». В этом проявляется стремление к генерализации во французском языке.

Что касается многокомпонентных ТСС (10), то независимо от количества составляющих их компонентов, они всегда бинарны. В их осно-

ве лежит модель простого СС. Бинарность многокомпонентных ТСС вытекает из структурно-семантических отношений их компонентов: противопоставленность компонентов ТСС выступает как средство выделения обозначаемого. ГК и ЗК составных наименований могут быть выражены как отдельным словом, так и СС, выступающим как «целостное потенциальное слово». При увеличении компонентов ТСС, ЗК, выражающий в двухкомпонентном ТСС видовой признак, в многокомпонентном ТСС начинает выражать родовой признак, то есть, становится семантическим единством с ГК (*information digitale* – цифровая информация, *information digitale codée* – кодированные цифровые данные). Мы обнаружили следующие модели многокомпонентных ТСС:

1. N+de+N+A – напр.: *récuperation des positions inutilisées* (чистка памяти);

2. N+de+N+de+N – напр.: *langage de définition de données* (язык описания данных);

3. N+à+N+A – напр.: *interface à langage naturel* (естественно-языковой интерфейс);

4. N+à+Num (числ)+N_{pl} – напр.: *instructions à 4 adresses* (4-х адресная команда);

5. N+à+N+de+N – *mise à jour de fichier* (введение файла).

Таким образом, синтаксический способ образования является пространственным при образовании терминов информатики и вычислительной техники. В роли структурных элементов терминологических словосочетаний выступают не только знаменательные, но и служебные (предлоги) части речи. Терминологические словосочетания могут быть двухкомпонентными и многокомпонентными. В плане содержания, в отличие от термина-слова, терминологические словосочетания дают более дифференцированное узкое понятие термина. В образовании терминологических словосочетаний сказывается стремление французского языка к аналитизму. Отмечается тенденция замены английских терминов французскими терминами. Зависимый компонент терминологического словосочетания находится в определительных и дополнительных отношениях по отношению к главному компоненту. Отмечена полисемичность французских терминологических словосочетаний.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. Москва: Высшая школа, 2003. 302 с.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведения. М.: Академия. 2008. 302 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Сопоставительное терминоведение: современное состояние. // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. №1 (25). С. 68-75.
4. Гулинов Д.Ю. Компьютерная терминология сквозь призму языковой политики (на материале французского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. Том 1. Филология. №2. С. 86-93.
5. Коваленко В.С. Сложные имена существительные в англоязычной и франкоязычной интернет-лексике // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2019. №1 (423). С. 81-85.
6. Кондрашева Е.В. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления / Е.В. Кондрашева. Текст: непосредственный // Международный журнал прикладных наук и технологий. 2019. №18. С. 135-136.
7. Мельников Е.Ю. Проблемы уровнево-языковой классификации способов терминообразования во французском языке (на материале компьютерных терминов) // Молодые голоса: сб.тр. / под ред. И.В. Шалиной. Екатеринбург: Ажур, 2021. С. 92-96.
8. Муромцев Ю.Л. / Информативно-компьютерная терминология. Краткий англо-немецко-французско-русский толковый словарь. Тамбов: ТГТУ, 1997. 77 с.
9. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории. Москва: URSS, 2012. 248 с.
10. Татаринова В.А. Общее терминоведение. М.: Московский Лицей, 2006. 526 с.

References

1. Arnold I.V. (2003) Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka. Moskva: Vysshaya shkola, 2003. 302 s. [Arnold I.V. Lexicology of the modern English language. Moscow: Higher School, 2003. 302 p]. (In Russ.).

2. Grinev-Grinevich S.V. (2008) Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniya. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya». 2008. 302 s. [Grinev-Grinevich S.V. Terminology: studies. a student's manual. higher. studies. institutions. M.: Publishing center "Academy". 2008. 302 p.]. (In Russ.).

3. Grinev-Grinevich S.V. (2017) Sopostavitel'noe terminovedenie: sovremennoe sostoyanie. // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovoje obrazovanie. 2017. №1 (25). S. 68-75. [Grinev-Grinevich S.V. Comparative terminology: the current state. // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2017. №1 (25). Pp. 68-75.]. (In Russ.).

4. Gulinov D.YU. (2012) Komp'yuternaya terminologiya skvoz' prizmu yazykovej politiki (na materiale francuzskogo yazyka) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. 2012. Tom 1. Filologiya. №2. S. 86-93. [Gulinov D.Y. Computer terminology through the prism of language policy (based on the material of the French language) // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2012. Volume 1. Philology. No. 2. Pp. 86-93.]. (In Russ.).

5. Kovalenko V.S. (2019) Slozhnye imena sushchestvitel'nye v angloyazychnoj i frankoyazychnoj internet-leksike // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2019. №1 (423). S. 81-85. [Kovalenko V.S. Compound nouns in English and French-speaking Internet vocabulary // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences. 2019. No. 1 (423). Pp. 81-85.]. (In Russ.).

6. Kondrasheva E.V. (2019) Novaya leksika yazyka interneta: sposoby obrazovaniya, prichiny poyavleniya / E.V. Kondrasheva. Tekst: neposredstvennyj // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologij. 2019. №18. S. 135-136. [Kondrasheva E.V. New vocabulary of the Internet language: methods of education, reasons for the appearance / E.V. Kondrasheva. Text: direct // International Journal of Applied Sciences and Technologies. 2019. No.18. Pp. 135-136]. (In Russ.).

7. Melnikov E.YU. (2021) Problemy urovnevo-yazykovej klassifikacii sposobov terminoobrazovaniya vo francuzskom yazyke (na materiale komp'yuternyh terminov) // Molodye golosa: sb.tr. / pod red. I.V. SHalinoj. Ekaterinburg: Azhur, 2021. S. 92-96. [Melnikov E.Y. Problems of level-linguistic classification of methods of terminology formation in the French

language (based on the material of computer terms) // Young voices: collection of tr. / edited by I.V. Shalina. – Yekaterinburg: Azhur, 2021. Pp. 92-96]. (In Russ.).

8. Muromcev YU.L. (1997) / Informativno-komp'yuternaya terminologiya. Kratkij anglo-nemecko-francuzsko-russkij tolkovyj slovar'. Tambov: TGTU, 1997. 77 s. [Muromtsev Yu.L. / Informative computer terminology. A short English-German-French-Russian explanatory dictionary. Tambov: TSTU, 1997. 77 p.]. (In Russ.).

9. Superanskaya A.V. (2012) Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii. Moskva: URSS, 2012. 248 s. [Superanskaya A.V. General terminology: Questions of theory. Moscow: URSS, 2012. 248 p.]. (In Russ.).

10. Tatarinova V.A. (2006) Obshchee terminovedenie. M.: Moskovskij Licej, 2006. 526 s. [Tatarinova V.A. General terminology. Moscow: Moscow Lyceum, 2006. 526 p.]. (In Russ.).

Сведения об авторе

Чехова Таира Сафонкаевна, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, кандидат филологических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, РФ. E-mail: ira-tchekh@mail.ru.

About the author

Chekhoeva Taira Safonkaevna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties Scientific, Candidate of Philological Sciences, North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia. E-mail:ira-tchekh@mail.ru.

УДК 811.111

**Чиркунова С. А., Шайхутдинова Т. Н.
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19 В ОН-ЛАЙН ПУБЛИКАЦИЯХ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Chirkunova S.A., Shaykhutdinova T.N.
WORD FORMATION OF MEDICAL NEOLOGISMS DURING
THE COVID-19 PANDEMIC IN ONLINE PUBLICATIONS**

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию неологизмов в медицинской сфере и их словообразовательных особенностей периода пандемии коронавируса. Методом сплошной выборки из британских статей были отобраны и проанализированы 31 неологизм. В результате были выявлены основные группы: собственно неологизмы, лексические новообразования и семантические неологизмы, а их структурно-образовательный анализ показал, что наиболее используемым словообразовательным приемом является словосложение.*

***Ключевые слова:** словообразование, лингвистика, неологизмы, коронавирус, медицина.*

***Abstract.** This article is devoted to the study of neologisms in the medical field and their word-formation features during the coronavirus pandemic. Using a continuous sampling method, 31 neologisms were selected and analyzed from British articles. The main groups were identified as neologisms proper, lexical new formations and semantic neologisms. Their structural and educational analysis showed that the most used word-formation technique is compounding.*

***Key words:** word-formation, linguistics, neologisms, coronavirus, medicine.*

В свете глобальной пандемии *COVID-19* появилась необходимость создания новой лексики. Эти новые термины не только отражают изменяющийся характер медицинской практики, но также отражают вли-

яние пандемии на языковую практику и трансформацию лексического состава английского языка. Исследование словообразования медицинских неологизмов в период пандемии коронавируса представляет актуальную исследовательскую тему, которая позволит оценить влияние пандемии на эволюцию лексического состава языка. Изучение словообразовательных процессов поможет лучше понять суть этих терминов, их происхождение. Это позволит разобраться в том, как быстро эти термины вошли в научный и повседневный обиход, а также оценить их влияние на медицинскую лексику в целом. Такой анализ поможет улучшить коммуникацию в медицинской сфере и облегчить понимание новых терминов для широкой аудитории.

Анализ статей британских периодических изданий таких, как «*The Guardian*», «*The Daily Telegraph*», «*The Independent*», «*Positive News*», позволил отобрать методом сплошной выборки 31 неологизм, наиболее часто встречающихся в тексте.

Существует множество подходов для определения понятия «неологизм» и его классификации. Критерии отбора неологизмов отличаются в зависимости от их свойств. На сегодняшний день в лингвистике одними из наиболее распространённых и общепринятых критериев отбора неологизмов являются: способ появления, продолжительность существования, степень новизны, отношение к языку речи, способ словообразования.

Существует также классификации Л. В. Шевелевой, согласно которой неологизмы разделяются на три группы:

- 1) собственно неологизмы – слова, которые пришли в английский язык из других языков;
- 2) лексические новообразования – слова, которые образуются по уже существующим в языке моделям. Сюда же можно отнести слова, которые образовались путем конверсии (перехода из одной части речи в другую);
- 3) семантические неологизмы – слова, которые приобретают новое или дополнительное значение.

Исследование неологизмов, связанных с пандемией *COVID-19* в английском языке, представляет собой изучение новых слов и выражений, которые возникли в результате распространения вируса и его послед-

ствий. Эти неологизмы включают в себя термины для описания новых медицинских и эпидемиологических явлений, а также новые слова, которые отражают изменения в социокультурной сфере из-за пандемии.

Согласно ранее упомянутой классификации Л. В. Шевелевой, мы будем рассматривать 15 медицинских неологизмов, отобранных методом сплошной выборки, как собственно неологизмы, лексические новообразования и семантические неологизмы.

Среди статей британских онлайн изданий таких, как «*The Guardian*», «*The Daily Telegraph*», «*The Independent*», «*Positive News*» периода времени пандемии мы выявили наиболее часто используемые неологизмы.

В информационном сообщении «*So many men have already been vaccinated*» на сайте «*The Guardian*» мы встретили следующие неологизмы:

– *COVID-19* – неологизм, выполняющий номинативную функцию, так как обозначает название заболевания, относится к группе собственно неологизмов («*Vaccinations are the most powerful tools against the pandemic: They protect against a serious genetic disease with COVID-19 and prevent some of the infections*»);

– *Booster campaign* – словосочетание образовано путем соединения двух слов, бустер – так называемые «освежающие прививки» (*Open-air communication*). В статье это словосочетание, по нашему мнению, выполняет функцию привлечения внимания к ситуации. Его можно отнести к лексическим новообразованиям («*The Booster campaign started late, so that many of the vaccination coverage had already decreased significantly and the number of vaccinated people in the intensive care units was increasing*»);

– *Vaccination commission* – комиссия по вакцинации, выполняемая функция – номинативная, относится к группе лексических новообразований («*The Standing Vaccination Commission has only been recommending vaccination with an mRNA vaccine (Bio NTech or Moderna) against COVID-19 for people aged twelve and over since mid-August*»);

– *The vaccination rate* – коэффициенты вакцинации, номинативная функция, группа – лексические новообразования («*The vaccination rates shown here may be too low and could actually be higher*»);

– *The PCR test* – тест на определении нахождения вируса в организме, в данном контексте вируса – ковида, слово выполняет номи-

нативную функцию, относится к группе семантических неологизмов («*This is shown by data on symptomatic infections from the weekly report of the Robert Koch Institute, which GUARDIAN ONLINE evaluated – so all the cases were taken into account in which not only the PCR test for the coronavirus was positive, but the infected person also felt symptoms*»);

– *Corona Mutant* – мутирование вируса ковид; выполняет экспрессивную функцию, относится к группе – собственно неологизмы («*In countries without a sufficient vaccine, this also increases the risk that new corona mutants will emerge*»);

– *Corona vaccine* – вакцина от коронавируса; номинативная функция; группа – лексические новообразования («*Of the four corona vaccines now approved in the EU, the EU Commission has ordered a total of at least 1.4 billion doses for the approximately 450 million Europeans*»);

– *Vaccination centers* – центры вакцинации; выполняет номинативную функцию, относится к группе лексических новообразований («*The vaccines of the various manufacturers are delivered to vaccination centers, mobile vaccination teams, medical practices and company doctors in the federal states*»).

Рассмотрим информационное сообщение «*Coronavirus in Britain and in your country – all figures at a glance*» на сайте «*The Daily Telegraph*». Помимо вышеперечисленных неологизмов, нами были найдены еще несколько:

– *Corona patient* – больной коронавирусом; номинативная функция; группа – лексические новообразования («*The number of intensive care beds occupied by corona patients continues to increase*»);

– *Virus variant* – вариант вируса; номинативная функция; относится к группе лексических новообразований («*Currently, only the Delta virus variant, which is significantly more contagious compared to previous mutations, is spreading in Britain*»);

– *Quick test* – экспресс тест на выявление COVID-19; номинативная функция; группа – лексические новообразования («*In addition, private individuals can test themselves at home or at work with quick tests*»);

Следующая проанализированная статья «*Latest fugales*» на сайте «*The Independent*» представила следующую группу неологизмов:

– *The beginning of the pandemic* – начало пандемии; функция привлечения внимания; группа – лексические новообразования («*At the beginning of the pandemic, the lists were short and the advice vague*»);

– *Antibody* – антитела; номинативная функция; группа – лексические новообразования («*On the one hand, she is very afraid for me. On the other hand, I am worried that she is missing something, a 42-year-old mother who can hardly build antibodies against the corona virus told us*»).

В статье «*The new university president will not have it easy*» на сайте «*Positive News*» находим немало следующих неологизмов:

– *Corona Cases* – случаи ковида; номинативная функция; группа – лексические новообразования («*702 New Corona Cases...*»);

– *Corona Rules* – правила в период пандемии; номинативная функция; группа – лексические новообразования («*The interior ministry is now thinking about tightening the corona rules during demonstrations*»);

Анализ *COVID*-лексики современного английского языка выявил, что большая часть этой лексики заносится в современные словари, например, онлайн-словарь *Urban Dictionary*. Этимологический состав *COVID*-лексики представляет из себя следующее: большинство лексических единиц построены по принципу таких словообразовательных способов как слияние, словосложение, аббревиация.

Вторая часть выбранных неологизмов была проанализирована по способу словообразования:

– *Covexit (covid+exit) – the strategy for exiting lockdown* (пример способа слияния);

– *Zoom fatigue – the exhaustion that sets in while living life over Zoom* (пример словосложения);

– *COVID (COronaVirus Disease)* – как пример аббревиации;

– *Endemic (end+pandemic) – an expected level of the disease in the community* (пример слияния);

– *Boreout: (bore-dom + burn-out) – severe fatigue and depression caused by boredom at work for a long period of time* (пример слияния);

– *Coronavision (corona + vision) – vision problems that started during the COVID-19 period* (пример словосложения);

– *nCoV (Novel Coronavirus) – a new type of coronavirus* (пример аббревиации);

– *Covidient (covid + obe-dient) – a person who complies with public health recommendations to limit the spread of COVID-19* (пример усечения);

– *Vaccinate (from the noun «vaccination»)* – пример обратного словообразования;

- *Vaccination commission* – пример словосложения;
- *The PCR test (polymerase chain reaction + test)* – пример сочетания двух способов словообразования, аббревиации (акронима) и словосложения;
- *Corona Mutant, corona vaccine, virus variant, quick test, antibody* – также являются примерами словосложения.

Анализируя их структурные особенности, мы выделили четыре основных, наиболее частотных, типов словообразования: словослияние (*blending*), усечение (*clipping*), словосложение (*compounding*), аббревиатуры (*abbreviation*).

Таким образом, можно сказать о том, что медицинская лексика английского языка постоянно обогащается новыми терминами и выражениями, которые отражают последние научные открытия, технологии и методики лечения. Это обеспечивает постоянное обновление словарного запаса и разнообразие лексики в данной области, а также оказывает значительное влияние на формирование новых терминов в медицинской лексике английского языка, что отражает динамичность и постоянное развитие данной области.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., перераб. / И. В. Арнольд. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 376 с.
2. Практический курс английской лексикологии = A Practical Course in English Lexicology: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. ин. языков / И. В. Зыкова. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 288 с.
3. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. М.: Айрис-Пресс, 2002. 446 с.
4. Шевелева Л.В. Лексикология современного английского языка: курс лекций. М.: Высш. шк., 2004. 240 с.
5. Positive News. URL: <https://www.positive.news/> (дата обращения: 25.11.2023).
6. The Daily Telegraph. URL: <https://www.dailytelegraph.com.au/> (дата обращения: 25.11.2023).
7. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 25.11.2023).

8. The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 25.11.2023).

References

1. Arnol'd I.V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka. 2-e izd., pererab. / I. V. Arnol'd. M.: FLINTA; Nauka, 2012. 376 s.

2. Prakticheskij kurs anglijskoj leksikologii = A Practical Course in English Lexicology: ucheb. posobie dlja stud. lingv. vuzov i fak. in. jazykov / I. V. Zykova. 3-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 288 s.

3. Rozental' D. Je. Sovremennyj russkij jazyk / D. Je. Rozental', I.B. Golub, M. A. Telenkova. M.: Ajris-Press, 2002. 446 s.

4. Sheveleva L.V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka: kurs lekcij. M.: Vyssh. shk., 2004. 240 s.

5. Positive News. URL: <https://www.positive.news/> (дата обращения: 25.11.2023).

6. The Daily Telegraph. URL: <https://www.dailytelegraph.com.au/> (дата обращения: 25.11.2023).

7. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 25.11.2023).

8. The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 25.11.2023)

Информация об авторах

Чиркунова Софья Андреевна, студент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: sonyach17@gmail.com.

Шайхутдинова Татьяна Николаевна, доцент кафедры германских языков, к.пед.н., доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Стерлитамак, Республика Башкортостан, РФ. E-mail: shaykhutdinova@struust.ru.

About the author

Sophia Chirkunova, a student, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia, ph.n. 89191436156. E-mail: sonyach17@gmail.com.

Tatiana Shaykhutdinova, Associate Professor of the Department of Germanic languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia. ph.n. 89870930602/ E-mail: t.n. shaykhutdinova@struust.ru.